

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ.

1908.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

Типографія Императорскаго Московскаго Университета.

1908.

Христіанская заповѣдь о любви—„новая“ заповѣдь¹⁾.

(Противъ Геккеля, Саладина и пр.).

§ III.

Ни Геккель, ни Саладинъ—«безподобный» учитель перваго—никого болѣе не называютъ въ качествѣ учившихъ до Христа тому будто-бы самому принципу любви, какой возвѣстилъ міру Спаситель послѣ нихъ. Не доставало бы имъ въ данномъ случаѣ привлечь еще пресловутый «Вавилонъ»—этотъ «Babel», съ которымъ такъ нашумѣлъ Ф. Деличъ. Геккель, правда, и привлекаетъ его²⁾, но, впрочемъ, по другимъ поводамъ. По интересующему же насъ пункту онъ оставляетъ его въ сторонѣ какъ потому, быть можетъ, что не находитъ указаній у своего чичероне—Саладина, такъ и потому (*несомнѣнно* уже), что тутъ самъ Деличъ не рѣшается предъявлять къ христіанству и Ветхому Завѣту обвиненій³⁾. Онъ лишь скромно говоритъ, что «слѣдуетъ признать слишкомъ поспѣшнымъ утвержденіе, что въ Вавилонѣ нельзя найти ни малѣйшаго слѣда чего либо подобнаго основному принципу... нравственности: любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ»⁴⁾... Рѣчь идетъ, такимъ образомъ, лишь о «малѣй-

1) Окончаніе. См. іюньскую кн. *Душепол. Читенія* 1908 г.

2) См., напр., въ его цитов. „Міров. Заг.“ стр. 148, 195, 225...

3) Изъ нѣсколькихъ русскихъ переводовъ „Bibel und Babel“ Делича см. изданный А. С. Суворинимъ: „Библия и Вавилонъ. Перев. Нольде. Изд. 4-е. Спб. 1907 г. стр. 96, 97 и др. Ср. „Библия и Вавилонъ“—Делича... (въ переводѣ А. Б. Нурока). Спб. 1904 г.

4) Ibid., стр. 96. См. и друг. стран.

шемъ смѣть и, при томъ, *«чего либо подобнаго»* только... Претензіи очень ограниченны, даже слишкомъ. Поэтому нечего о нихъ и говорить болѣе...

Что касается, въ частности, *«кодекса»* вавилонскаго царя Хаммураби—*«современника»* Авраамова, то этотъ, представляющій новинку (открытъ уже въ текущемъ столѣтіи), памятникъ ¹⁾ для нашихъ цѣлей нисколько не интересенъ. *«Религія и нравственность для него какъ будто дѣло постороннее. Нравственныя состоянія, предполагаемые кодексомъ, покоются на жестокости человѣка, эгоизмъ, эксплуатаціи экономически слабыхъ сильными»* ²⁾... Отсюда въ кодексѣ видимъ нѣчто совсѣмъ несравнимое съ христіанскимъ ученіемъ о любви къ ближнему. Почитайте параграфы кодекса (ихъ всѣхъ должно быть 282, но нѣтъ среднихъ: 66 — 99) и что вы увидите? Крайне жестокія постановленія: постоянное присужденіе къ смерти (§§ 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 14, 15, 16, 19, 21, 22, 25, 26, 33, 34 и т. д.). Повелѣвается преступниковъ: бросать въ *«огонь»* (§ 25, § 110, § 157...), въ *«воду»* (§ 108, § 133, § 143, § 156...), *«сажать на колъ»* (§ 153), *«отрѣзывать»* у нихъ *«языкъ»* (§ 192), *«грудь»* (§ 194), *«ухо»* (§ 205, § 282), *«отсѣчь руки»* (§ 195, § 218, § 226, § 253...), *«вырвать глазъ»* (§ 193), *«выколоть глазъ»* (§ 196), *«выбить зубъ»* (§ 200, § 245, § 246...), *«переломить кость»* (§ 197), *«ударять плетью»* (§ 202) и проч. За *«воровство»* смертная казнь (§ 22), за *«прелюбодѣяніе»*—тоже (§ 129), за *«непрочную»* постройку дома (который потомъ *«рушится и убиваетъ владѣльца»*) — тоже (§ 229) и т. п. Всюду *«око за око»* (§ 200, § 245, § 246 и проч.) и даже болѣе того (§ 5, § 8, § 12, § 107, § 112...).

¹⁾ См. проф. А. П. Лопухина: „Вавилонскій царь правды Аммураби и его новооткрытое законодательство въ сопоставленіи съ законодательствомъ Моисеевымъ“ (Спб. 1904 г.), стр. 4 и др. См. З. А. Рагозиной: „Исторія Халдеи“; 2 изд., Спб. 1903 г., стр. 269...

²⁾ Проф. А. П. Лопухина *op. cit.*, стр. 51...

Иногда повелѣвается месть, поражающая своею жестокостью». «Если кто ударяетъ свободнорожденную, такъ что она теряетъ своего еще нерожденного ребенка, то онъ долженъ заплатить за ея ребенка 10 сиклей серебра» (§ 209). «Если эта женщина умираетъ, то должно умертвить его дочь» (§ 210). Послѣдній параграфъ—нѣчто до невѣроятности ужасное! Или: «если» плохо построенный «домъ» (см. выше—о § 229) «убиваетъ сына владѣльца, то должно умертвить сына того строителя» (§ 230). Удивительныя понятія! Что въ кодексѣ проповѣдуется, напр., самоубійство (§ 132) и пр.,—это—уже совсѣмъ ничтожныя мелочи по сравненію съ вышеотмѣченными параграфами. Удивительно-ли послѣ этого, что въ кодексѣ нѣтъ, конечно, и рѣчи о чемъ либо вродѣ истинной христіанской любви? Это, напротивъ, вполне естественно. Немногія симпатичныя мѣста кодекса слишкомъ ничтожны ¹⁾ и не мѣняють вышеотмѣченнаго впечатлѣнія отъ кодекса нисколько ²⁾.

§ IV.

Но христіанская заповѣдь о любви, являясь «новою» сравнительно съ ученіями до—христіанскихъ языческихъ моралистовъ, іудейскихъ сектантовъ, талмудистовъ, — такова жэ сравнительно даже и съ ученіемъ ветхозавѣтнаго записаннаго Слова Божія.

Классическимъ мѣстомъ изъ **Ветхаго Завѣта** является Левитъ XIX, 9 — 18. Отношенія человѣка къ другимъ

¹⁾ Напр., § 32 (о выкупѣ плѣнныхъ); § 195 (о почтеніи къ родителямъ, — хотя наказаніе за непочтеніе слишкомъ жестоко: см. объ этомъ §-ѣ выше у насъ)...

²⁾ См., между прочимъ, Dav. Heinr. Müller'a: „Die Gesetze Hammurabis und ihr Verhältniss zur mosaischen Gesetzgebung, sowie zu den XII Tafeln“ (Wien, 1903). На S. 5 указана нѣкоторая литература (на первый разъ необходимая).

людямъ здѣсь намѣчаются ясно и опредѣленно, причѣмъ въ раскрытіи дѣла наблюдается замѣчательная постепенность: формы, въ какихъ должно проявляться нормальное отношеніе одного человѣка къ другому и другимъ, постепенно становятся все болѣе и болѣе рѣзкими, краски въ этомъ случаѣ сгущаются все сильнѣе и сильнѣе, пока, наконецъ, бытописатель не достигаетъ здѣсь самаго крайняго пункта, блистательно завершающаго всю его рѣчь о данномъ предметѣ. Въ первыхъ двухъ стихахъ (9—10) настоящаго отрывка рекомендуется «благотворительность» по отношенію къ «бѣдному пришельцу»: совѣтуется именно «не обирать дочиста виноградника, не подбирать попадавшихъ въ виноградникъ ягодъ, не доживать поля до края и не подбирать оставшагося отъ жатвы» (ср. Второзак. XXIV, 14...), но предоставлять все это указанной категоріи лицамъ. Далѣе, воспрещается «красть, лгать, обманывать другъ друга, клясться именемъ Божиимъ во лжи и безчестить имя Бога» (11—12 ст.) (ср. заповѣди 10-словія: Исх. XX, 2 и слѣдующіе стх.). Еще далѣе запрещается «обижать ближняго и грабительствовать», а также «оставлять у себя до утра плату наемнику» (ст. 13) (ср. Второз. XXIV, 14—15). Еврей «не» долженъ «здословить глухого», насмѣхаться надъ «слѣпымъ» (ст. 14), «не» долженъ допускать «на судѣ неправду, быть лицепріятнымъ къ нищему, угождать лицу великаго», обязанъ «судить ближняго своего по правдѣ» (ст. 15) (сравн. Лев. XIX, 35—36. Второз. VI, 18...). Онъ «не» долженъ, затѣмъ, «ходить переносчикомъ» (т. е. «клеветать» и дѣлать «ложные доносы») «въ народѣ своемъ и возставать на жизнь своего ближняго» (ст. 16). Требованія, предъявляемая закономъ къ еврею, далѣе усиливаются все болѣе и болѣе. Еврею запрещается «враждовать на брата» даже и «въ сердцѣ...», мстить и имѣть злобу на сыновъ» его «народа», вмѣсто чего, наоборотъ, повелѣвается ему «любить ближняго своего, какъ самого себя» (ст. 17—18). Послѣднимъ повелѣніемъ исчерпывается

вся сумма всѣхъ отношеній человѣка къ своему ближнему: если человѣкъ будетъ любить послѣдняго такъ, какъ онъ любить себя самого, то, само собою понятно, онъ будетъ исполнять и все то, что непосредственно выше заповѣдывалось ему законодателемъ. Такимъ образомъ, всѣ отношенія человѣка къ ближнему намѣчены какъ «отрицательнымъ» путемъ, такъ и «положительнымъ».

Къ сказанному въ данномъ отрывкѣ изъ кн. Левить прибавить что-либо изъ «В. Завѣта» трудно. Могли, конечно, являться лица съ «софистическими толкованіями» на устахъ по поводу того, напр., вопроса: кого надлежитъ разумѣть подъ «ближнимъ», т.-е. не должно ли подъ послѣднимъ разумѣть только единоплеменника, только еврея же? Чтобъ заранѣе заградить уста такого рода «софистамъ», Моисей въ той же главѣ говоритъ: «когда поселится пришлецъ въ землѣ вашей, не притѣсняйте его. Да будетъ» онъ «для васъ тоже, что туземецъ вашъ; люби его, какъ себя; ибо и вы были пришельцами въ землѣ Египетской»... (ст. 33—34) (чит. также Второзак. X, 19. XXIV, 14. Исх. XXIII, 9 и т. п.). Ясно, что «пришлецъ» считается въ числѣ ближнихъ, на которыхъ должна простираться любовь еврея, равная любви послѣдняго къ себѣ. Но что это за «пришлецъ»? «Что подъ нимъ (גֵרִי = «ger» = «пришлецъ») должно понимать не только того, кто принялъ іудейскую вѣру, но вообще того, кто, будучи не-іудеемъ, жилъ въ іудейской странѣ, это строго-филологически вытекаетъ изъ того уже, что ger въ 34 ст. употребляется въ приложеніи ко всѣмъ евреямъ, когда они жили въ Египтѣ». Но, живя въ Египтѣ, эти «пришлецы» (גֵרִים = «gerim»), конечно, не исповѣдывали египетской вѣры. Такимъ образомъ, еврей долженъ любить, какъ самого себя, даже и совершенно чуждаго ему человѣка, — чуждаго въ такой, напр., степени, въ какой чужды въ отношеніи къ египтянамъ были его — еврея — предки. Вообще къ мысли о приравненіи «иноземца-пришельца» туземцу-еврею ветхозавѣтное Слово Божіе возвращается не

разъ, въ одномъ мѣстѣ, напр., повелѣвая, чтобъ былъ «одинъ судъ какъ для пришельца, тагъ и для туземца» (Лев. XXIV, 22), въ другомъ предписывая, чтобъ при раздѣленіи земли, имѣвшей быть «наслѣдіемъ двѣнадцати коленъ Израилевыхъ, иноземцамъ, жившимъ среди» послѣднихъ, были отведены участки «наравнѣ съ природными жителями», т.-е. самими израильтянами (Иезек. XLVII, 13. 22. 23) и проч. Словомъ, понятіе: «ближній» (עֲרֵב = «геа»), въ виду сказаннаго, да и «согласно съ еврейскимъ словоупотребленіемъ», вполне равносильно съ понятіемъ: «другой» (кто бы это ни былъ или даже чтобы это ни было: сравн. Быт. XV, 10 и друг.). Изъ объема этого понятія нельзя безусловно исключать даже и врага, о которомъ, повидимому, здѣсь уже не могло бы быть и рѣчи. Еврей обязывается «оказывать нѣкоторыя услуги даже и врагамъ своимъ». «Если», напр., онъ «найдетъ вола врага своего или осла его, заблудившагося», то долженъ «привести его» къ хозяину. «Если увидить осла врага своего упавшимъ подъ ношею своею, то не» долженъ «оставлять его», но обязанъ «развѣючить» его... (Исх. XXIII, 4. 5). Чит. также вышеприведенное мѣсто изъ Лев. XIX, 17. 18 и т. д. Чит. многочисленныя мѣста у Моисея, особенно въ кн. Исходъ (втор. полов.: съ XX-й гл.). Во всѣхъ этихъ мѣстахъ уже довольно ясно намѣчена эта самая мысль ¹⁾... Итакъ, еврей обязывался любить ближняго, какъ самого себя, т.-е. желать ему того же, чего самъ еврей желалъ бы себѣ, помогать ближнему, содѣйствовать и пр., какъ если бы дѣло шло о личномъ благополучіи самого содѣйствующаго

¹⁾ Чит. мою цитов. статью: „Сущн. христ. уч. объ отнош. челов. къ ближнимъ“ (*Христ. Чит.* 1897 г., ноябрь, стр. 242—244). Чит. относительно библ. (ветхоз.) ученія о „любви къ ближнимъ“ „Allgemeine Ethik“—Steinthal'я (Berlin, 1885); S. 122—124. Проф. А. Θ. Гусева: „Отношеніе Евангельскаго правоученія къ закову Моисееву и къ ученію книжниковъ и фарисеевъ по Нагорной Проповѣди І. Христа“. Харьковъ, 1895 г., стр. 159...

щаго ¹⁾). Еврею, — мы видѣли, — заповѣдуется извѣстное благожелательство и по отношенію къ врагу. Но, <что касается *любви* ко врагамъ, то Моисей не только нигдѣ не провозглашаетъ ея, но ослабляетъ нѣкоторыми своими постановленіями значеніе> и только что отмѣченной его <заповѣди>, т.-е. <объ оказываніи врагу услугъ> ²⁾: сравн. Второз. XXV, 5—10; XXIII, 19. 20 и друг. ³⁾).

Съ теченіемъ времени талмудисты пошли гораздо дальше: выступили съ проповѣдью ненависти ко врагу. <Вы слышали>, говоритъ Господь, <что сказано: люби ближняго твоего и *ненавидь врага твоего*> (Матѳ. V, 43). Послѣдняя половина словъ Господнихъ, отсутствующая у Моисея, должна быть отнесена къ позднѣйшимъ талмудическимъ жетолкованіямъ Моисеева закона. По смыслу этихъ послѣднихъ, къ <врагамъ, кто бы они ни были, законна ненависть>, а не любовь. При этомъ, что касается понятія <ближній>, то подъ него не подходятъ, по талмудическимъ соображеніямъ, *не-іудеи*. Слѣдовательно, любовь къ нимъ <не обязательна>. <Если іудей увидитъ, что язычникъ падаетъ въ море, то, по словамъ Маймонида, отнюдь не нужно вытаскивать его, ибо написано: не возставай на кровь ближняго твоего, а это вовсе не ближній твой. По отношенію къ иноплеменнику талмудъ разрѣшаетъ ложь, обманъ, коварство, эксплуатацію всякаго рода и вообще какія угодно низости, трактуя его повсюду, въ сущности, какъ врага, для причиненія вреда коему всѣ средства позволительны>. Замѣчательно, далѣе, что <даже наиболѣе восторженные поклонники талмуда принуждены признать, что въ немъ нѣтъ рѣчи собственно о *любви* ко врагамъ, хотя бы послѣдніе были изъ среды евреевъ же> ⁴⁾...

Возвращаясь къ Моисею, должны, наконецъ, отмѣтить

¹⁾ Цитов. *моя* статья, стр. 244—245.

²⁾ Проф. А. О. Гусевъ, стр. 159.

³⁾ См. объ этихъ мѣстахъ и др. *ibid.*, стр. 156. 157. 158...

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 159. 164. 165.

то обстоятельство, что о любви къ ближнему, которая доходила бы до самоотверженія, ветхозавѣтный еврей не слышалъ отъ своего законодателя и другихъ руководителей своихъ и не зналъ ея, хотя закономъ намѣчался рѣшительно каждый шагъ его поступанія, его жизни. Заповѣдь о любви человѣка къ ближнему, равной его любви къ самому себѣ, вышеотмѣченная у насъ, не занимаетъ въ Моисеевомъ законодательствѣ, такъ сказать, центрального положенія, подобнаго положенію ея въ законѣ Христовомъ. Для ветхозавѣтнаго еврея чаще и больше выступала на видъ сухая, черствая, безсердечная правда, требовавшая «души за душу, глаза за глаза, зуба за зубъ, руки за руку, ноги за ногу» и т. д. (Исх. XXI, 23. 24. 25 и проч.). Такое взаимоотношеніе для евреевъ было понятнѣе... Законныя установленія, строго обособлявшія еврейскую націю отъ всѣхъ другихъ народностей, замыкавшія ее въ свой особый кругъ, уже сами по себѣ дѣлали проявленіе любви ко всѣмъ людямъ (помимо «пришельцевъ» и «иноземцевъ», жившихъ вмѣстѣ съ евреями, о чемъ уже было выше говорено) болѣе, чѣмъ затруднительнымъ для ветхозавѣтнаго еврея.

Для послѣдняго не было и столь сильныхъ основаній и побужденій къ любвеобильнымъ отношеніямъ къ ближнему, каковы предъявляются новозавѣтною христіанскою религіею... Сынъ Божій, учить она, воплотился отъ Пресвятой Дѣвы, открылъ людямъ божественную истину, знаніе которой было необходимо для ихъ спасенія, и, принеся Себя въ искупительную жертву, даровалъ жизнь всему человѣчеству. Господь «отдалъ Себя Самого за грѣхи наши, чтобы избавить насъ отъ настоящаго лукаваго вѣка, по волѣ Бога и Отца нашего» (Галат. I, 4). «Всѣ» люди отнынѣ уже не «чада гнѣва Божія» (Ефес. II, 3), чѣмъ они были дотогѣ, а «сыны Божіи по вѣрѣ во Христа Іисуса» (Гал. III, 26). Слѣдовательно, отнынѣ люди являются братьями между собою не только въ томъ смыслѣ, что всѣ произошли «отъ одной крови» (Дѣян. XVII, 26),

что было извѣстно ветхозавѣтному еврею, — но и въ новомъ: въ духовномъ—какъ «чада Божіи» (Филипп. II, 15), дѣти любви Божіей, о чемъ до Христа нельзя было и говорить. Отсюда связь людей, какъ одинаково искупленныхъ Господомъ отъ грѣха и его слѣдствій: проклятія и смерти, становится еще тѣснѣе. И если единство крови, между прочимъ, служило для нихъ въ ветхозавѣтныя времена основаніемъ, побуждавшимъ ихъ къ братскому именно взаимоотношенію, то ихъ «сыновство Божіе по вѣрѣ во Христа Іисуса» (Галат. III, 26) служить такимъ основаніемъ въ безконечно ббольшей еще степени. Всѣ эти «сыны Божіи—члены другъ другу» (Ефес. IV, 25), члены одного и того же тѣла; они, какъ искупленные Господомъ, составляютъ единый духовно-тѣлесный организмъ. Какъ члены обыкновеннаго тѣлеснаго организма человѣка относятся другъ къ другу съ любовью (хотя иногда и ложно понимаемую), помогаютъ и содѣйствуютъ другъ другу, входятъ въ положеніе одинъ другого, точно такъ же должны относиться другъ къ другу и мы всѣ, какъ «члены другъ другу». Извѣстно, далѣе, что мы должны взирать на Спасителя нашего, какъ на высочайшій и идеальнѣйшій для насъ Образецъ (ср. Филип. II, 5 и др.). Поэтому, если Онъ обнаружилъ къ намъ Свою безконечную любовь, то и мы, говоритъ Господь, въ свою очередь, должны проявлять любовь же другъ къ другу (Іоан. XIII, 34). И подобно тому, какъ Онъ изъ любви къ намъ принесъ Себя въ умиловительную жертву, и мы должны жить между собою въ любви и жертвовать своими интересами въ пользу ближнихъ (Ефес. V, 2). И только тотъ, кто поступаетъ такъ, есть истинный Христовъ ученикъ (Іоан. XIII, 35). Далѣе, изъ любви къ намъ Богъ не пощадилъ Своего Единороднаго Сына, пославъ Его на страданія и смерть. Здѣсь опять—новое основаніе требовать отъ насъ любви къ ближнимъ: «если такъ возлюбилъ насъ Богъ», говоритъ св. ап. Іоаннъ, «то и мы должны любить другъ друга» (1 Іоан. IV, 11; ср. стих. 7—10). «Любовь — отъ

Бога» (— 7); «всякій», питающій въ себѣ чувство любви, «рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога» (ibid), и наоборотъ (— 8). «Если мы любимъ другъ друга, то въ насъ пребываетъ Богъ» (— 12) и мы—«въ Богѣ» (— 16). Кто любитъ своего ближняго,—кто, слѣдовательно, поступаетъ, какъ поступалъ Самъ Господь, тотъ «имѣетъ дерзновеніе въ день суда» (— 17). Любовь человѣка къ ближнему служить однимъ изъ показателей и любви его къ Богу: «не любящій брата, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, Котораго не видитъ» (— 20)? и т. п. (чит., между прочимъ, 1 Иоан. III, 11; II, 10. 1 Петр. I, 22; III, 8. 9; 2 Петр. I, 7. Галат. VI, 2. Евр. XIII, 1 и друг.)...

Указанныя основанія и побужденія, имѣющія смыслъ въ христіанствѣ, были неизвѣстны ветхозавѣтному еврею. Для него имѣли значеніе: единство природы всѣхъ людей, единство Творца (имѣя одну кровь, — слѣдовательно, братья между собою по плоти, люди естественно должны были руководиться въ своихъ взаимоотношеніяхъ чисто братскою же любовью: каждый, любя ближняго, въ сущности любилъ себя же, поскольку кровь у того и другого—одна и та же),—затѣмъ: истина, что человѣкъ—носитель образа Божія (Быт. I, 27. IX, 6...), что въ своемъ ближнемъ онъ, слѣдовательно, любитъ этотъ божественный образъ... Эти побужденія къ любви были восприняты, конечно, и христіанствомъ (1 Тиме. II, 5. Римл. III, 29. Дѣян. XVII, 26. 29...), по смыслу ученія котораго разъ мы носимъ въ себѣ черты богоподобія, разъ мы — Божій родъ, мы обязаны любить и въ себѣ самихъ, и въ своихъ ближнихъ все то, что говоритъ о Богѣ,—все то, что такъ или иначе напоминаетъ Его...; но христіанство,—повторяемъ,—ушло (какъ мы видѣли выше) весьма далеко впередъ и отъ Ветхаго Завѣта съ его міровоззрѣніемъ... Стоя очень и очень позади христіанскаго міросозерцанія, евреи въ теченіе своей ветхозавѣтной исторіи заявили себя такими отношеніями къ ближнимъ, т.-е. къ другимъ народамъ, какія совершенно недопустимы и немислимы съ христіан-

ской точки зрѣнія и какія, однако, допускались и одобрялись ихъ ветхозавѣтною. Для примѣра стоитъ припомнить хотя бы то поголовное истребленіе «и мужей, и женъ, и молодыхъ, и старыхъ» (и даже «воловъ и овецъ, и ословъ») ¹⁾ (I. Нав. VI, 20; чит. VIII, 26 и др.), какому были преданы побѣжденные евреями народы и проч. Развѣ могли бы быть понятны подобныя отношенія съ чистоевангельской, христіанской точки зрѣнія?!.. Только христіанство вполнѣ правильно освѣтило тотъ путь, по какому должна направляться наша жизнь, поскольку мы входимъ въ такое или иное соприкосновеніе съ другими людьми ²⁾.

И христіанская заповѣдь о любви является, такимъ образомъ, «новою» и по сравненію даже съ ветхозавѣтнымъ библейскимъ міровоззрѣніемъ ³⁾...

Всѣ, сколько-нибудь прикосновенныя къ вопросу нашего очерка, лица и міровоззрѣнія были нами привлечены и рассмотрѣны. Конечный результатъ во всѣхъ случаяхъ оказался одинъ и тотъ же: совершенно отрицательный по отношенію къ неосновательнымъ утвержденіямъ Геккеля-Саладина и К^о.

¹⁾ О христіанской точкѣ зрѣнія см. въ *моей* статьѣ: „Вопросъ о безубойномъ питаніи, рѣшаемый съ христіанской точки зрѣнія“ (*Хр. Чит.* 1904 г., апр.—май); въ *моей* статьѣ: „Животныя“ (въ цит. „Правосл. Бог. Энциклоп.“; т. V, col. 558—563; 1904 г.). Ср. *мою* статью: „Отношенія между человѣкомъ и животными“ (*Хр. Чит.* 1895 г., июль—август)...

²⁾ Цитов. *моя* статья: „Сущн. христіан. уч.“..., стр. 263. 249—251. 248. 239. 240. Цитов. *моя* статья: „Христіанское самолюбіе“ (*Хр. Чит.*, 1897 г., авг., стр. 240 и друг.). См. *мою* статью: „Иисусъ Христосъ, какъ совершенный образецъ идеальной нравственности“ (въ „Православной Богословской Энциклопедіи“; т. VI, Сиб. 1905 г., col. 648—665).

³⁾ По вопросу о ветхозавѣтной вообще этикѣ ср., между прочимъ, брошюру: „Отношенія Израиля къ остальнымъ народамъ по Моисееву закону“—неизвѣстнаго автора (съ примѣчан. цензора—Архим. Тихона)

Эта «новая» заповѣдь и «практически»-осуществима, и «разумна», «истинна»¹⁾.

«Практическую» осуществимость ея представилъ намъ въ Своемъ Лицѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, возлюбившій весь міръ, всѣхъ людей, какъ дѣтей одного небеснаго Отца, ради насъ пострадавшій..., а еще ранѣе воплотившійся и проч.²⁾... Его святые Апостолы дали намъ первый примѣръ подражанія Учителю, исполненія Его воли. Изъ любви къ людямъ, проповѣдуя имъ Христово ученіе, чтобъ сдѣлать всѣхъ участниками спасенія, они терпѣли голодъ, холодъ, преслѣдованія, мученія... до смерти включительно. Члены Христовой церкви уже съ самыхъ первыхъ поръ ея существованія и до настоящаго времени по мѣрѣ силъ и возможности старались воплощать въ своей жизни и дѣятельности требованія христіанской любви³⁾.

«Разумность», «истинность» «новой» Христовой заповѣди явствуютъ изъ того, что она а) согласна съ понятіемъ о человѣкѣ и его положеніи въ ряду прочихъ су-

(Спб. 1892 г.); Мориса Джозефа: „Древне-еврейская этика“ (изъ книги: „Религозныя вѣрованія съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней“... Спб. 1900 г.); Зильберштейна: „Сводъ этики іудаизма (по Библии)“ (Варшава, 1899 г.) (объ обѣихъ послѣднихъ книгахъ ср. мои отзывы: въ *Церк. Вѣстн.*, 1901 г., № 2; *Хр. Чит.*, 1899 г., окт.); М. Лапаруса: „Этика юдаизма“ (съ нѣм. яз.) (Олесса, 1903 г.) (ср. мой отзывъ въ *Русск Паломникъ*, 1903 г., № 28); А. С. Шмакова: „Свобода и Евреи“ (Москва, 1906 г.) (особ. чит. 2-ю часть: о „Шулханъ-Арухъ—еврейскомъ сводѣ законовъ“)...

¹⁾ Ср. у Геккеля: *op. cit.*, стр. 184. У Saladin'a: *op. cit.*, S. 175...

²⁾ См., напр., въ цитов. *моей* статьѣ изъ VI т. „Энциклоп. Прав. Богосл.“, col. 661. 662...

³⁾ Обо всемъ этомъ см., напр., Ульгорна: „Христіанская благотворительность въ древней церкви“ (изд. проф. А. П. Лопухина; Спб. 1900 г.); Ratzinger'a „Die Geschichte der kirchlichen Armenpflege“ (2 Aufl. Freib. im Breisgau, 1884); мою статью: „Благотворительность“— въ „Правосл. Богосл. Энциклоп.“, т. II, Спб. 1901 г., col. 659 — 673 (*указана и литература*); мою статью въ *Страничникъ* (1907 г., дек.) (цитов. выше): „Безплодно ли христіанство?“... Чит. также „публичную

щество (тождество природы у всѣхъ людей, единство Творца ихъ, одинаковое участіе въ прародительскомъ грѣхѣ, одинаковая нужда въ искупленіи и т. п.); б) эгоизмъ—противоположное любви начало — есть явленіе ненормальное, привзошедшее въ міръ съ человѣческимъ грѣхопадениемъ, не первичное,—по контрасту съ любовью; для оправданія его невозможно подыскать никакихъ состоятельныхъ основаній; в) любовь христіанская переродила міръ, принесла человѣчеству неизмѣримую пользу ¹⁾...

Насколько ложно ученіе Геккеля-Саладина и К^о по данному пункту, настолько же фальшива и оцѣнка христіанскаго ученія, дѣлаемая тѣмъ же Геккелемъ, по вопросамъ: «объ отношеніи христіанской морали къ личности, къ требованіямъ плоти, къ природѣ, культурѣ, семьѣ и женщинѣ» и проч. ²⁾, о чемъ надѣемся поговорить въ другихъ своихъ статьяхъ. Настоящій же свой очеркъ закончимъ совершенно соответствующимъ дѣйствительности заявленіемъ, какое сдѣлалъ о Геккелѣ Loofs: Геккель, говоритъ послѣдній, «показалъ» разсматриваемымъ нами его сочи-

лекцію“ проф. Н. С. Суворова: „Христіанская благотворительность въ языческой римской имперіи“ (Ярославль, 1889 г.); брошюру проф. А. С. Лебедева: „Христіанская помощь нуждающимся въ древнія времена христіанства“ (Харьк., 1905 г.). Ср., между прочимъ, академическую рѣчь проф. А. А. Глаголева: „Древне-еврейская благотворительность“ (Кіевъ, 1903 г.); о. І. К. Лабутина: „Характеръ христіанской благотворительности“ (Спб., 1899 г.)... Въ *моей* книгѣ: „Нравственное Богословіе въ Россіи“... (Спб., 1901 г.) *указана литература по данному и по другимъ, затронутымъ въ настоящемъ очеркѣ, вопросамъ.*

¹⁾ Обо всемъ этомъ см., напр., въ цитов. *моей* актвой рѣчи: „Христіанская любовь, какъ единственно-истинный принципъ человѣческихъ взаимоотношеній“ (Хр. Чит. 1899 г., мартъ)... См. у Ульгорна: ор. с. Чит. также у проф. И. В. Попова: „Естественный нравственный законъ“ (Сергіевъ Посадъ, 1897 г., стр. 19—24, 59 и слѣд. 92 и слѣд. и мног. друг.).

²⁾ Геккеля „Міровыя загадки“—цитов. изд., стр. 184—187...

неніемъ, «что у него нѣтъ нормальной научной совѣсти»¹⁾... Тысяча разъ вѣрно!.. Сказанное о Геккелѣ всецѣло приложимо и къ его руководителю—Саладину. Вотъ какими «мыслителями» увлекаются въ настоящее время! Крайне прискорбно!..

Профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи—*Александръ Бронзовъ.*

¹⁾ Loofs: „Anti-Haeckel“: op. cit., S. 74.

Американскій ученый — о литургіяхъ греческой и латинской церкви.

Американскій профессоръ, д-ръ Элленъ (Allen), написавшій превосходную книгу о «Христіанскихъ учрежденіяхъ» (Christian Institutions), рассуждаетъ, между прочимъ, и по вопросу о происхожденіи существующихъ на востокъ и западъ литургій и сравниваетъ между собою литургии и нѣкоторыя другія священнодѣйствія греческой и латинской церкви. Византійская литургія, по словамъ Эллена, есть національная литургія Антіохіи, Александріи, Іерусалима и Константинополя. Она совершается также въ Греціи и Россіи, Сербіи, Болгаріи и Румыніи. Даже и въ еретическихъ восточныхъ обществахъ имѣются литургии, составленныя примѣнительно къ образцу византійской литургіи. Происхожденіе, исторія и развитіе этой послѣдней еще не изучены вполнѣ. Но нѣтъ никакихъ основаній не довѣрять преданію, что въ составленіи греческой литургіи принимали участіе св. Василій Великій и Златоустъ, хотя и неизвѣстно съ опредѣленною, въ чемъ это участіе заключалось. Въ своей настоящей формѣ греческая литургія не есть произведеніе этихъ отцовъ церкви, но образовалась въ теченіе длиннаго періода времени. Существуетъ много восточныхъ литургій, изъ коихъ одѣвъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ походятъ, а въ другихъ — отличаются отъ греческой литургіи, но большинство ихъ теперь вышло изъ употребленія, и происхожденіе ихъ и исторія темны. Такое сходство между разными литургіями

можетъ быть объяснено тѣмъ, что онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ какому-нибудь одному общему источнику. Византійская литургія получила господствующее употребленіе на востоѣ, а римской мессъ въ концѣ концовъ удалось замѣнить собою другія литургіи западной Европы, и тамъ или были запрещены, или начали только по временамъ совершаться галликанская, мозарабическая и составленная Амвросіемъ литургія.

Различія между двумя литургіями, греческой и латинской, весьма замѣчательны и по своему происхожденію, относятся къ самому тому времени, когда эти литургіи были составлены. Обѣ составляютъ памятники глубочайшей человѣческой мысли, проявившей себя въ великій критическій періодъ исторіи человѣчества. Греческая литургія есть евхаристическая въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова, она есть выраженіе радости и благодаренія, выдержанный хвалебный и благодарственный гимнъ, между тѣмъ какъ латинская литургія отличается покаяннымъ характеромъ, въ ней проходитъ скорбный тонъ, это—почти непрерывный вопль объ освобожденіи отъ существующаго или наступающаго зла. Въ греческой литургіи лицо какъ бы движется во свѣтѣ откровенія, разливающимъ счастье и миръ; въ латинской—оно страдаетъ вслѣдствіе сознанія грѣха и нарушенія божественнаго закона. Въ первой—молящіеся стоятъ, такъ какъ это наиболѣе удобное положеніе для получающихъ откровенія; во второй—они коленнопреклоняются, какъ это дѣлаютъ просители во время скорби и униженія. Латинская литургія, правда, удерживаетъ «трисвятое» и «слава въ вышнихъ Богу»; но если музыка немного и сглаживаетъ общій преобладающій тонъ подавленности, то она совсѣмъ не можетъ изгладить покаяннаго впечатлѣнія отъ пѣсни «Агнецъ Божій» (*Agnus Dei*), составляющей почти самую сущность этой службы, и такого же впечатлѣнія отъ псалма (42), которымъ начинается латинская месса, гдѣ содержатся слова: «что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься?» Въ

греческой литургіи міръ есть благо, а «Богъ — благо и человѣколюбецъ»; сотвореніе міра само по себѣ служить предметомъ благодарнаго воспоминанія и хвалы; но латинская литургія молчитъ о благодати естественнаго порядка природы и сдержанна въ своихъ хвалебныхъ и благодарственныхъ выраженіяхъ; надежда ея—на незаслуженную милость Всемогущаго и Вѣчнаго Бога. Въ греческой литургіи нѣтъ недостатка въ выраженіяхъ покаянія и молитвахъ объ избавленіи отъ грѣха; но грѣхъ понимается, какъ слѣдствіе человѣческой немощи или недостатка истиннаго знанія (невѣднія), — какъ слѣдствіе слабости, которую всегда можетъ подкрѣпить божественное милосердіе, или невѣднія, которое можетъ быть уничтожено божественнымъ свѣтомъ. Человѣческая природа въ самой ея слабости постоянно дѣлаетъ безмолвное, но успѣшное обращеніе къ божественной любви. Въ латинской литургіи выражается подозрѣніе о нѣкоторомъ болѣе глубокомъ источникѣ зла и бѣдствій, сознаніе добровольнаго нарушенія божественной заповѣди, смущающее душу, затрудняющее исполненіе этой заповѣди, постоянно навлекающее наказаніе съ его неизбѣжнымъ слѣдствіемъ. Одна литургія служитъ выраженіемъ глубокой человѣческой радости въ этомъ мірѣ, другая—погружается глубоко въ волны и бури человѣческой агоніи.

Если причины такихъ различій и можно отчасти прослѣдить въ различіи темпераментовъ восточныхъ и западныхъ народовъ, то существуетъ однако и другая причина, которую слѣдуетъ отыскивать во вліяніяхъ времени, когда появились обѣ литургіи. Хотя у насъ и нѣтъ литургическихъ рукописей, которыя можно было бы отнести ко времени, когда обѣ литургіи приняли опредѣленную форму, однако нѣтъ никакихъ основаній отвергать преданія, что на составленіе константинопольской литургіи имѣли вліяніе Василій Великій и Златоустъ въ четвертомъ столѣтіи, и что римская литургія составлена была подъ нѣкоторымъ вліяніемъ, согласно преда-

нію, Льва Великаго и папы Геласія въ пятомъ вѣкѣ, и еще болѣе папы Григорія Великаго. Замѣчательно, что греческое преданіе столѣтіемъ древнѣе латинскаго и указываетъ на позднѣйшее литургическое развитіе римской церкви. Римская практика не усвоила себѣ того духа торжественной радости и благодарности, который вызванъ былъ событіями четвертаго вѣка въ восточной церкви. Дѣйствительно, побѣды Константина указывали скорѣе на запустѣніе и униженіе древняго Рима. Построеніе Константинополя и перенесеніе столицы изъ западной имперіи въ восточную свидѣтельствовали о побѣдѣ и торжествѣ востока, объ его большой силѣ и прочности его политическаго устройства; между тѣмъ какъ относительно запада это же свидѣтельствовало объ его слабости и оставленіи его на произволъ многочисленныхъ надвигающихся варваровъ. Константинополь свидѣтельствовалъ о торжествѣ Греціи надъ городомъ, который держалъ эту страну въ рабствѣ въ теченіе вѣковъ. Религіозное значеніе этихъ событій было также важно. Побѣда Константина, какъ она была истолкована на востокѣ, подразумѣвала, что долговременный какъ бы споръ между языческими боже-ствами и христіанскимъ Богомъ теперь прекратился; что Богъ проявилъ Свое могущество и видимо—Свою любовь и покровительство Своему народу. Но язычество на западѣ все еще крѣпко держалось въ униженномъ, покинутомъ городѣ. Далѣе, торжество Аѳанасія было преимущественно восточнымъ торжествомъ, такъ какъ было слѣдствіемъ споровъ относительно таинства воплощенія. Преимущественно восточные писатели, самъ Аѳанасій, Василій Великій и два Григорія, съ ихъ упорной энергіей и могущественнымъ краснорѣчіемъ, возникшимъ изъ глубины ихъ внутренняго убѣжденія, наконецъ одержали побѣду въ дѣлѣ, имѣющемъ такое важное значеніе въ интересахъ не только церкви, но и всего человѣчества. Никакое событіе въ исторіи церкви не имѣло такихъ глубокихъ мотивовъ или результатовъ, какъ никейское тор-

тво. Но во всемъ этомъ западная церковь, сравнительно съ восточной, принимала по большей части только непрямое участіе. Чувства радости и благодарности, которыя бываютъ одними изъ самыхъ могущественныхъ религіозныхъ движеній, увѣренность въ любвеобильномъ попеченіи Божіемъ, убѣжденіе, что въ концѣ концовъ міръ—добръ, эти чувства, которыя проникають восточное богослуженіе и господствуютъ въ немъ, не могли не имѣть отношенія къ внѣшнимъ событіямъ въ процессахъ времени.

Пала Левъ Великій, согласно преданію, первый упоминается изъ лицъ, оставившихъ свой отпечатокъ на латинской литургіи, когда она начала формироваться. Но время Льва (440 — 461) совпадаетъ съ тѣмъ несчастнымъ временемъ, когда варварскій полководецъ шелъ на Римъ и этому городу предстояло испытать всѣ ужасы варварскаго нашествія. Левъ выступилъ на защиту города, укрѣпленный вѣрой въ невидимое присутствіе апостоловъ Петра и Павла. Это было великое избавленіе, совершенное Богомъ, и однако ясно — чрезъ дѣятельность священства, представителемъ котораго былъ римскій епископъ. Въ вѣкъ Льва было положено начало независимаго положенія римской церкви и перваго возвышенія римскаго папства. Латинская литургія носитъ слѣды избавленія отъ зла, но также и слѣды признанія, что источникъ этого зла все еще существуетъ и не вполне устраненъ. Во время папы Геласія, къ концу пятаго вѣка, произошло еще другое униженіе для запада, когда молодой императоръ отрекся отъ своей короны, и Италия подпала подъ власть варварскаго побѣдителя. Въ слѣдующее столѣтіе, когда величіе и могущество восточной имперіи усилились при Юстиніанѣ (527—565), западъ былъ добычей ордъ варварскихъ народовъ, которыя волна за волной совершали свои нашествия. Такія событія не могли вліять на развитіе творческаго духа ни относительно литургіи, ни относительно ученія. Между тѣмъ какъ востокъ прилежно изучалъ фи-

лософію Діонисія Ареопагита, которая примиряла чело-
вѣка, какъ духовное существо, съ окружающей его физи-
ческой природой, и послѣдніе остатки мистическаго уче-
нія, по которому міръ есть зло, исчезли, Римъ принималъ,
годъ за годомъ, новые уроки объ измѣнчивости и тщетѣ
всего земного. Только одна церковь Божія и оставалась
для него прибѣжищемъ. Здѣсь мы можемъ припомнить
рѣчи папы Григорія Великаго, сказанныя имъ въ то время,
когда онъ смотрѣлъ изъ своего уединенія на воды, кото-
рыя начали наконецъ спадать, который могъ также оста-
вить свой отпечатокъ и на римской литургіи въ соотвѣт-
ствіи съ своимъ опытомъ: «Есть ли что-нибудь утѣши-
тельное для насъ въ этомъ мірѣ? Повсюду видимъ мы
смуты; повсюду слышимъ вопли. Что же можетъ удовле-
творить насъ въ этомъ мірѣ? Отнесемъ съ презрѣніемъ
къ настоящему міру и будемъ подражать дѣламъ благоче-
стивыхъ, насколько можемъ».

Далѣе, къ характеристикѣ восточныхъ литургій отно-
сится то, что въ нихъ божественная дѣятельность преоб-
ладаетъ надъ человѣческою. Сила божественнаго присут-
ствія дѣйствуетъ при совершеніи богослуженія, и для этой
силы священство является только проводникомъ и ору-
діемъ. Богъ совершаетъ священныя таинства, а священ-
никъ только объявляетъ, что дѣйствіе Его совершилось,
или молится объ его совершеніи. Въ крещальной службѣ
русской церкви, послѣ произнесенія словъ, «сочетался ли
еси Христу» есть молитва о крещаемомъ; или въ увѣща-
ніи предъ исповѣдью содержатся такія слова: «се, чада,
Христось невидимо стоитъ, приѣмля исповѣданіе ваше»;
или въ молитвѣ предъ причащеніемъ священнослужителей:
«вонми, Господи Іисусе Христе Боже нашъ, отъ святаго
жилища Твоего, и отъ престола славы царствія Твоего,
и приди во еже освятити насъ, иже горѣ со Отцемъ сѣдай,
и здѣ намъ невидимо пребывай»... Въ александрійской
литургіи (св. ев. Марка) священникъ объявляетъ своимъ
сослужающимъ: «Господь благословитъ васъ и будетъ свя-
щеннодѣйствовать съ вами».

Такихъ точныхъ выраженій въ латинскомъ обрядовомъ богослуженіи не встрѣчается; вмѣсто этого тамъ прилагается особенное попеченіе о дѣйствіяхъ священника, какъ лица, которому поручено занять мѣсто Христа или Бога. Въ мессѣ признаніе божественнаго присутствія въ службѣ отлагается до времени, когда священникъ, чрезъ прочтеніе формулы установленія таинства, не низведетъ Христа на престолъ. Отсюда прошенія, содержащіяся въ мессѣ, въ которыхъ священникъ молится исключительно о себѣ, чтобы сдѣлаться способнымъ къ совершенію божественнаго таинства, многочисленнѣе, чѣмъ въ восточныхъ литургіяхъ, а въ первоначальной климентовой литургіи такія молитвы и совсѣмъ отсутствуютъ. Въ греческихъ литургіяхъ выражается больше попеченіе о народѣ, чтобы онъ понималъ смыслъ и важность божественнаго дѣйствія и получилъ внутреннее впечатлѣніе. Отсюда въ молитвахъ греческой литургіи наблюдается тенденція къ риторической полнотѣ, къ распространенію формулъ чрезъ пополненія, пока богатство ихъ смысла не сдѣлается яснымъ для всѣхъ. Латитяне сократили и сжали разрѣшительныя формулы на исповѣди и благословенія, изложивъ ихъ въ возможно кратчайшихъ выраженіяхъ; греки распространяли ихъ до тѣхъ поръ, пока все, что подразумевается подъ божественнымъ прощеніемъ или благословеніемъ не сдѣлалось понятнымъ для народа; какъ будто Самъ Богъ не можетъ проявлять Своей силы въ великомъ священнодѣйствіи безъ разумнаго участія и сочувствія собравшагося народа. Но слова латинской литургіи не просвѣщаютъ ума молящихся и въ нихъ не выражается и намѣренія просвѣтить ихъ или возвысить ихъ духовно и нравственно; это скорѣе механическія средства, направленные къ извѣстной цѣли, гдѣ риторика была бы соблазномъ, а распространеніе формулы послужило бы только для отсрочки совершенія великаго таинства. Если латинская литургія, какъ и греческая, отличается драматическимъ характеромъ по своему складу, то главная цѣль

первой, однако, заключается въ прагматизмъ,— въ совершеніи самаго высшаго акта. А для этой цѣли слова, произносимыя священникомъ, не нуждаются ни въ какой внятности, или въ томъ, чтобы произвести впечатлѣніе. Они просто и быстро только читаются съ цѣдію низведенія сверхъестественной силы. Въ латинской мессѣ священникъ какъ будто выступаетъ одинъ, снабженный величественнымъ порученіемъ, ему даннымъ, по божественной волѣ и снисхожденію; онъ особенно заботится о томъ, чтобы не ошибиться въ правильномъ совершеніи таинства, вслѣдствіе какой-либо тайной слабости, свойственной только ему одному; въ греческой службѣ присутствуетъ, хотя и невидимо, не только Богъ и Самъ пресуществляетъ человѣческую пищу въ божественную, но присутствуютъ и ангелы, сходящіе и восходящіе, которые суть свидѣтели таинства Самого Иисуса Христа, главы и вдохновителя небесной и земной іерархіи, и сообщаютъ увѣренность и поддержку для вѣрующихъ. Ангелы также не отсутствуютъ въ латинскомъ обрядѣ, но ихъ дѣятельность заключается въ томъ, что когда актъ пресуществленія совершенъ священникомъ, они несутъ новую жертву и представляютъ ее предъ престоломъ Божиимъ.

Примѣръ этой принципиальной разницы между латинскими и греческими обрядами можно яснѣе всего видѣть изъ коронаціонныхъ службъ. Въ латинской службѣ правитель получаетъ корону отъ епископа, посланнаго совершить этотъ актъ вмѣсто Бога и являющагося поэтому въ дѣйствіи съ достоинствомъ, которое служить отраженіемъ достоинства Царя царей. «Cum hodie per manus nostras, optime Princeps, qui Christi Salvatoris nostri vice in hac re fungimur—quam vis indigni—sacram unctionem et Regni insignia sis suscepturus» (теперь, благочестивѣйшій государь, отъ насъ, которые вмѣсто Христа, Спасителя нашего, это дѣло совершаемъ,—хотя мы и недостойные,— ты получишь святое помазаніе и знаки царскаго достоинства). Или, далѣе, при передачѣ меча: «accipe gladium de

altari sumptum per nostras manus, licet indignas» (прими мечъ, взятый изъ алтаря руками нашими, хотя и недостойными); при передачѣ короны: «accipe coronam regni tuae quae, licet ab indignis, Episcoporum tamen, manibus capiti tuo imponitur» (прими корону царства твоего, которая возлагается на главу твою, хотя и недостойными руками, однако епископскими). Въ греческомъ обрядѣ, принято въ русской церкви, положеніе—обратное; Богъ дѣйствуетъ непосредственно, а епископъ—лицо подчиненное; царь всходитъ на тронъ, поставленный посреди собора въ началѣ службы, а не дѣлаетъ этого въ концѣ, какъ въ латинскомъ ритуалѣ, что служить доказательствомъ, что послѣдующая служба есть только признаніе того, что уже раньше совершилось по божественной волѣ. Въ то время, какъ всѣ другіе стоятъ колѣнопреклоненными, даже митрополитъ, царь одинъ стоитъ. Онъ самъ возлагаетъ корону на свою голову, беретъ скипетръ, и самъ произноситъ коронаціонную молитву о томъ, чтобы Богъ даровалъ ему мудрость для совершенія его великаго дѣла. Слова, произносимыя при коронованіи митрополитомъ, указываютъ на то, что священническая власть собственно отрицаетъ свое значеніе при совершеніи этого акта: «видимое сіе и вещественное главы твоея украшеніе явный образъ есть, яко тебе, главу всероссійскаго престола, вѣнчаетъ невидимо Царь славы, Христось». И это выражается еще болѣе, когда царь возьметъ скипетръ: «о, Богомъ вѣнчанный и Богомъ дарованный, и Богомъ преукрашенный, благочестивѣйшій, самодержавнѣйшій, великій Государь Императоръ Всероссійскій! прими скипетръ и державу, еже есть видимый образъ даннаго тебѣ отъ Вышняго надъ людьми самодержавія къ управленію ихъ, и ко устроенію всякаго желаемаго имъ благополучія». Только когда бывають совершены всѣ эти акты, начинается мѣропомазаніе, которое въ латинской службѣ предшествуетъ всѣмъ другимъ службамъ. Съ обрядовой точки зрѣнія восточная служба смотритъ на коронованіе, какъ

на непосредственное дѣйствіе Божіе, а латинская возлагаетъ здѣсь отвѣтственность на священника, который дѣйствуетъ, какъ замѣститель Бога.

Различіе между латинскимъ и греческимъ пониманіемъ священныхъ церковныхъ обрядовъ и особенно обрядовъ при совершеніи евхаристіи, открывается и изъ названій, подъ которыми они обычно извѣстны. Въ латинской вульгатѣ слово *sacramentum* есть переводъ греческаго *μυστήριον*. Первое слово собственно означаетъ «священнодѣйствіе», а второе — «таинство». Оба эти слова глубоко и несомнѣнно связаны съ первоначальнымъ смысломъ, заимствованнымъ изъ самаго внутренняго существа этихъ различныхъ цивилизацій и культуръ. Клятва въ вѣрности священному устройству, приносимая римскимъ солдатомъ, выражаетъ то, что имѣетъ особенно глубокое значеніе въ сознаніи латинскаго народа, — выражаетъ мысль объ обязательной святости дѣйствій, въ которыхъ замѣшаны жизненные интересы духовной и свѣтской власти. Съ другой стороны, слово «мистиріонъ» имѣетъ связь съ языческими религіями въ ихъ низшей и высшей формѣ, также съ философскими умозрѣніями, основанными на наиболѣе торжественныхъ убѣжденіяхъ восточнаго ума. Лучше этихъ двухъ характеристическихъ словъ нельзя было выбрать для выраженія различныхъ пониманій христіанской вѣры. Хотя смыслъ ихъ и не могъ не преобразоваться подъ вліяніемъ христіанства, однако было невозможно, чтобы въ нихъ совсѣмъ не осталось частичекъ и того смысла и значенія, которые привели къ ихъ принятію или сдѣлали необходимымъ ихъ употребленіе съ тою цѣлію, чтобы языческій умъ могъ освоиться съ идеей новой религіи. Первоначально эти слова употреблялись въ общемъ смыслѣ, такъ что подъ ними подразумѣвались ученія и исповѣданія вѣры, равно какъ и внѣшніе дѣйствія и обряды. Но ихъ приложеніе мало по-малу было сведено къ внѣшнему представленію вѣры въ символическомъ ритуалѣ. Слова: «сакраментумъ» и «мистиріонъ», правда, поясняли одно

другое, пока «сакраментумъ» не сдѣлалось до нѣкоторой степени синонимомъ *mysterion*; но различіе между настоящей латинской мессой и греческой литургіей, по своему первоначальному происхожденію, и теперь еще указываетъ на различныя концепціи, воплощенныя въ этихъ почтенныхъ словахъ. На востокѣ и западѣ термины «мистиріонъ» и «сакраментумъ» начали въ концѣ концовъ обозначать различные обряды; но они удержали нѣчто и изъ своего первоначальнаго значенія. Въ семи «тайнствахъ» греческой церкви подразумѣвается связь физическаго съ духовнымъ, производимая Святымъ Духомъ; въ латинской церкви слово все еще указываетъ на священныя дѣйствія, совершаемыя какъ бы по торжественному и непрерываемому обѣту.

Въ своемъ пониманіи тайнствъ, какъ и въ своемъ богословіи и организаціи, латинская церковь придаетъ большое значеніе волѣ, какъ наиболѣе ясному свойству Бога или человѣка. Со времени, когда религіозный опытъ Августина началъ служить образцомъ для латинскаго христіанства, вопросъ о человѣческой волѣ сдѣлался исходнымъ и руководственнымъ пунктомъ во всѣхъ областяхъ церковной жизни. Не на природу вещей, не на условія начали дѣлаться постоянныя ссылки, но на безконечную волю, опредѣленія которой были окончательны, и на человѣческую волю, которой дарована со стороны божественной воли нѣкоторая сверхчеловѣческая сила.

На этомъ вопросѣ о волѣ и ея прерогативахъ и сосредоточивались преимущественно затрудненія и споры о тайнствѣ св. причащенія въ латинской церкви. Греческая церковь не заботилась о принципиальномъ разрѣшеніи вопроса, отъ котораго никогда не была вполне свободна латинская церковь, — отъ чего именно зависитъ дѣйствительность тайнства. Эта проблема была выдвинута донатистами, которые настаивали на томъ, что нравственный характеръ священнодѣйствующаго долженъ находиться въ связи съ дѣйствительностью священныхъ службъ. Тотъ же

самый вопрос былъ выдвинуть и Гильдебрандомъ, который практически занялъ позицію донатистовъ съ цѣлю навязать клиру свой декретъ о безбрачїи, и съ этого времени указанный вопросъ началъ сильно выдвигаться въ римской церкви. Въ протестантскихъ церквахъ опредѣленіе таинства такъ было измѣнено, что затрудненія относительно того, отъ чего зависитъ совершеніе таинства, было совсѣмъ устранено и самый вопросъ сдѣлался почти непонятенъ для протестантскаго ума.

Извѣстное пониманіе дѣятельности человѣческой воли имѣеть связь съ римскимъ темпераментомъ,—для котораго повиновеніе — главная добродѣтель; и отсюда появилось желаніе установить высшій, идеальный порядокъ, придать римскому священству съ самаго начала особенный характеръ, фундаментально отличный отъ священническаго принципа, воплощеннаго въ греческомъ ритуалѣ. Поэтому римскій священникъ отказался быть только орудіемъ при совершеніи священнодѣйствій, но присвоилъ себѣ силу, дарованную ему Богомъ для дѣйственаго совершенія священныхъ актовъ. Въ греческой литургїи Богъ непосредственно совершаетъ таинство. Дѣйствіе божественное завершается, когда, по прочтеніи словъ установленія таинства св. причащенія, Святой Духъ призывается исполнить этотъ мистическій процессъ. Отсутствие этого призванія въ латинскомъ обрядѣ заставляеть важный моментъ совпадать съ произнесеніемъ словъ *Hoc est corpus meum* (сіе есть тѣло Мое). Но если священникъ, произнося эту формулу, не обладаетъ личной силой, которая придаетъ дѣйственность его рѣчи, то онъ дѣлается только одушевленной машиной для произнесенія магическихъ словъ. Въ греческой литургїи таинство совершаетъ Богъ, Святой Духъ; но въ латинской мессѣ отвѣтственность за совершеніе таинства ложится, согласно господствующему толкованію, тяжкимъ бременемъ на плеча священства, которое жадаеть дѣйствовать, по божественной волѣ, вмѣсто Бога. Вопросъ о дѣйствительности полномочій священника,

поэтому, приобретаетъ въ латинской церкви высокое значеніе. Увѣрено ли священство, что оно обладаетъ такой силой,—этотъ вопросъ подразумѣвается въ разсужденіяхъ о дѣйствительности таинства. Такіе вопросы и скрупулезности сосредоточиваются въ принципиальномъ фокусѣ, преслѣдуютъ римскую церковь страшной неувѣренностію, которая въ обычное время не бываетъ замѣтна, но выступаетъ подобно чудовищному привидѣнію, какъ только разсужденіе перестать быть поверхностнымъ, или рѣчь касается какого-либо важнаго исходнаго пункта. На церковномъ языкѣ это затрудненіе извѣстно подъ названіемъ *ученія о намѣреніи*.

Вопросъ этотъ впервые началъ обсуждаться въ вѣкъ схоластическаго богословія,—именно вопросъ о томъ, при какихъ условіяхъ таинство можетъ дѣйствительно совершиться. Въ тринадцатомъ столѣтіи, когда папство было на высотѣ своего могущества, а священство также было преисполнено сознаніемъ своего достоинства и своихъ могущественныхъ преимуществъ, разрѣшительная формула на исповѣди была измѣнена изъ молитвы въ положительное заявленіе: «я разрѣшаю тебя»; догматъ о пресуществленіи былъ выставленъ въ первый разъ важнымъ соборомъ; а священство хотѣло присвоить себѣ силу «дѣлать тѣло Христово». Это и былъ моментъ, когда схоластической философій былъ выдвинутъ вопросъ, долженъ ли священникъ, если онъ обладаетъ высшею силою, имѣть также и сознательное расположеніе или намѣреніе приводить въ дѣйствіе свою силу. Въ вѣкъ схоластики вопросъ этотъ все еще оставался вопросомъ объ умозрительномъ принципѣ, и въ его обсужденіи можно было наблюдать нѣкоторую неопредѣленность и нерѣшительность; но мнѣнія склонялись къ утверженію необходимости священническаго намѣренія, такъ какъ оно ставило священника выше бездушнаго орудія, только механически совершающаго церемоніальный актъ. На такое заключеніе оказалъ свое вліяніе Тома Аквинатъ, который вмѣстѣ съ своимъ

учителемъ, Альбертомъ Магнусомъ, есть основатель позднѣйшей римской доктрины о мессѣ. По Аквинату освященіе элементовъ священникомъ, а не вѣра принимающаго таинство, составляетъ сущность ритуала. «Если», говоритъ одинъ изъ послѣдователей Томы Аквината, «священнику нужно освятить одиннадцать облатокъ, лежащихъ предъ нимъ, и въ это время онъ подумаетъ, что ихъ только десять, но будетъ намѣренъ освятить всѣ облатки, то онѣ всѣ и будутъ освящены; если онъ намѣренъ освятить только десять облатокъ и въ это время подумаетъ, что одной не нужно освящать при произнесеніи формулы, тогда только одна и останется неосвященною; но если онъ не исключитъ одной, тогда и всѣ остальные не освятятся, потому что намѣреніе его относительно каждой одной было несовершенно».

То, что было предметомъ умозрѣній въ школахъ, перешло въ практику въ вѣкъ соборовъ времени реформаціи, когда число еретиковъ увеличилось; а эти еретики считали аксіомой, что только одному Богу принадлежитъ власть, на которую заявляло претензіи священство. Чтобы опровергать развивающійся скептицизмъ, съ особенною ревностію отрицавшій силу священника при совершеніи таинства евхаристіи, или утверждавшій, что дурной характеръ священника оказывалъ вредное вліяніе и на священные обряды, ученіе о намѣреніи было принято на Констанцскомъ соборѣ (1418) и одобрено папой Мартиномъ V, въ осужденіе лицъ, думавшихъ, что порочный священникъ, если и употребляетъ надлежащія матерію и формы и имѣетъ намѣреніе сдѣлать то, что нужно для церкви, не можетъ однако совершить настоящаго таинства. Далѣе, на Флорентійскомъ соборѣ (1439) папа Евгений IV снова утвердилъ съ большею положительностію принципъ, что отсутствіе намѣренія дѣлаетъ таинство несовершеннымъ. Но были еще большія затрудненія на пути, чѣмъ вражда еретиковъ, смѣло отвергавшихъ церковное ученіе. Въ вѣкъ реформаціи духъ сомнѣнія такъ сильно прошелъ въ

самую церковь, что латинскіе богословы очутились въ затрудненіи, надежиѣ ли призывать или отвергать ученіе о намѣреніи. Съ другой стороны, и сама церковь не довѣряла своему священству, потому что сочувствіе къ протестантизму проникло въ ея лоно. Если намѣреніе было необходимо и если священникъ имѣлъ власть удерживать свое намѣреніе или относиться скептически къ таинству причащенія, то, значить, въ его власти было совершать и дѣйствительныя таинства, отъ которыхъ зависѣло существованіе самой церкви. Кто могъ говорить, если самъ священникъ объ этомъ молчалъ, имѣлось или нѣтъ у него намѣреніе? Носилось въ воздухѣ убѣжденіе, что вѣра вѣрующаго дастъ цѣну священнодѣйствіямъ. По крайней мѣрѣ временно сочтено было неудобнымъ снова утверждать ученіе о намѣреніи, когда огромная часть западныхъ христіанъ прервала свои связи съ папствомъ. На Тридентскомъ соборѣ епископъ Минори убѣждалъ собравшихся епископовъ оставить это ученіе. Онъ нарисовалъ картину слѣдствій, которыя могутъ получиться, если это ученіе будетъ утверждено. Могъ вѣдь найтись такой порочный священникъ, который не имѣлъ бы никакого намѣренія совершить истинное крещеніе дитяти; а этому послѣднему однако предстояло съ теченіемъ времени сдѣлаться на примѣръ епископомъ въ какомъ-нибудь большомъ городѣ и тамъ рукополагать большое число духовныхъ лицъ. Такъ какъ это лицо не было бы крещено, то, стало быть, не были бы рукоположены и тѣ, которые получили отъ него санъ священства. Въ такомъ большомъ городѣ, повѣтому, не могло бы совершаться ни евхаристіи, ни исповѣди, и получился бы миллионъ ничтожныхъ таинствъ вслѣдствіе подлости только одного священника, совершившаго только одинъ актъ. Съ другой стороны, въ католической реакціи, руководимой іезуитами, которые доводили всякую латинскую тенденцію до ея логическихъ слѣдствій, ученіе, что священникъ долженъ упражнять свое намѣреніе, было жизненнымъ и его уменьшающееся

достоинство было возстановлено. Такова дилемма, до которой доведена была латинская церковь въ эпоху своего крайне затруднительнаго положенія. При такихъ обстоятельствахъ Тридентскій соборъ принялъ наиболѣе благо-разумный путь, какой требовался обстоятельствами. Онъ не утвердилъ доктрины, но предалъ анаѳемѣ тѣхъ, которые отрицали ее: «если кто-нибудь скажетъ, что отъ пасторовъ, когда они совершаютъ и преподаютъ таинства, не требуется намѣренія по крайней мѣрѣ совершать то, что совершаетъ церковь, тому да будетъ анаѳема» (Трид-соборъ, Sess. VII, гл. II).

С. М. Ѳ.

ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ¹⁾.

XIII.

Проповѣдь съ креста.

(О значеніи скорбей въ жизни).

Какъ часто жалуемся мы на то, что слишкомъ тяжелый крестъ возложилъ на насъ Создатель, — слишкомъ много скорбей и несчастій выпало на нашу долю въ жизни.

Но вотъ предъ нами поучительный примѣръ великаго страдальца св. Андрея Первозваннаго. Ему Господь послалъ не только обыкновенный жизненный крестъ (т. е. неизбѣжныя скорби и испытанія жизни), но и крестъ настоящій деревянный: апостоль Андрей на самомъ дѣлѣ былъ распятъ на крестѣ.

И вотъ болѣе двухъ сутокъ висѣлъ апостоль на крестѣ, и все это время кротко и любовно училъ толпу, которая собралась къ мѣсту казни. Между прочимъ, онъ говорилъ съ креста: «Благодарю Создателя моего за то, что черезъ этотъ крестъ Онъ вознесъ меня *на высоту*, чтобы отсюда гдось мой былъ слышнѣе и сильнѣе»...

И наши земные кресты, наши труды и болѣзни возносятъ насъ на истинную *высоту*, возвышаютъ нашу душу и направляютъ ее къ небу. Болѣзни, труды и тягости жизни—истинные наши наставники. По однѣмъ книгамъ и чужимъ наставленіямъ—жизни не научишься. Книги и школьное образованіе даютъ только подготовку, служить

¹⁾ Продолженіе. См. августовскую кн. *Душепол.* Чт. 1908 г.

нѣкоторымъ пособіемъ къ жизни. При этомъ школьно-книжная подготовка сплошь и рядомъ оказывается мало-пригодною для жизни, малоцѣнною и обманчивою. Очень нерѣдко бываетъ, что въ школѣ человѣкъ учится прекрасно, школьные экзамены сдаетъ блестяще, но за порогомъ школы, при встрѣчѣ съ жизненными задачами и затрудненіями, становится втупикъ и на экзаменѣ жизни постыдно срѣзывается. Истинный человѣкъ познается только на дѣлѣ, а не на словахъ,—въ самой жизни, а не въ сужденіяхъ. «За битаго» — говорятъ — «двухъ небитыхъ даютъ». Эту поговорку съ полнымъ правомъ можно примѣнить и къ наукѣ жизни, къ дѣйствительной жизненной школѣ. Въ молодости своей, не зная жизни, мы часто бываемъ очень притки на словахъ, склонны къ бахвальству, судимъ и рядимъ обо всемъ свысока, — строго и смѣло разбираемъ чужую жизнь и беспощадно казимъ плохіе порядки жизни. Но вотъ какъ сами-то въ дѣйствительной жизни надѣлаемъ кучу глупостей, когда жизнь не разъ весьма чувствительно угоститъ насъ своими щелчками, — прежніе форсъ и задоръ съ насъ быстро слетаютъ. Мы становимся куда смириѣе, осторожниѣе и вдумчивѣе. Вотъ тутъ-то только, въ трудахъ и испытаніяхъ жизни, и узнаемъ мы настоящую себѣ цѣну. Умудренные опытомъ жизни, мы познаемъ ту простую истину, что судить и смѣяться надъ ошибками другихъ легко, но не такъ легко самому прожить безъ ошибокъ и глупостей.

Горе и трудности жизни несомнѣнно умудряютъ человѣка. Говорятъ, — «сытый голоднаго не разумѣетъ». Чтобы понять горечь бѣдности, нужды, болѣзни, нужно самому испытать то и другое. И вотъ человѣкъ, побывавшій въ разныхъ передѣлкахъ и передрагахъ жизни, — человѣкъ, вдосталь хлебнувшій соленыхъ слезъ горя житейскаго, сумѣетъ и самъ подойти къ слезамъ и горю другого съ сердечною лаской, съ теплымъ словомъ участія и утѣшенія. «Что ты, дѣдушка, такой добрый, такой *мягкій* по душѣ своей?» — спрашиваютъ одного на рѣдкость жалост-

ливаго, ласковаго старичка. — А очень просто, милые: меня самого жизнь-то *помяла* порядочно. Вотъ я и *обмякъ*.—Недаромъ-же ап. Христовъ научаеъ насъ радоваться въ скорбяхъ и тяготахъ жизни. «Всякую радость имѣйте, братіе мои, когда впадаете въ различныя искушенія, зная, что испытаніе вашей вѣры содѣлываетъ терпѣніе; терпѣніе-же ведетъ къ совершенству, чтобы вы были чисты и совершенны, безъ всякаго недостатка» (Гак. I. 2—5). И все Евангеліе твердитъ намъ настойчиво, что «многими скорбями надлежитъ войти намъ въ Царствіе Божіе», — что въ это Царствіе ведутъ только «узкія врата» и «тѣсный путь» (Мѳ. VII. 14),—путь самоограниченія, добровольнаго *суженія* своихъ низшихъ позововъ и наклонностей. Это болѣзненное сокращеніе, «совлеченіе» и умерщвленіе въ себѣ «внѣшняго» или «ветхаго» человѣка, эти труды и скорби, эта—такъ сказать—вѣялка жизни какъ бы отвѣваетъ съ души нашей шелуху и мякину и оставляетъ въ ней чистыя зерна, ту добрую *пшеницу*, которую въ свое время *Господинъ* жатвы соберетъ въ житницу Свою.

Свящ. І. Утѣхинъ.

ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ.

Будь въ маломъ вѣренъ (Мѡ. 25, 14—30)

Предъ великимъ всѣ преклоняются. Передъ гробницею святой стоишь съ поникшей головой и переживаешь или благоговѣніе предъ подвигомъ праведности, или сознаніе, что здѣсь нашель покой «маститый стражъ страны державной» или одинъ «изъ стаи славныхъ» труженниковъ добра, истины и чести.

Славныхъ! Ихъ прославляли современники, ихъ память увѣковѣчивается потомствомъ, ихъ славить исторія. Такимъ образомъ—великое дѣло, большой трудъ и подвижъ получаютъ и большую награду.

Но не все великое удостоивается таковой награды. Въ число славныхъ выписываются изъ милліона не сотни, а единицы. Между тѣмъ въ средѣ этихъ невыписанныхъ сколько лицъ, дѣлъ и подвиговъ, которые, поистинѣ, велики. Эти «невыписанные» проживаютъ свой вѣкъ незамѣтными, молчатъ объ нихъ похвальная труба, — а умрутъ, память объ нихъ никому не нужна.

«Въ холерный годъ, рассказываетъ старикъ своему внуку, много померло народу въ нашей мѣстности; и священникъ нашъ померъ отъ этой-же болѣзни, и—замѣчательно—померъ послѣднимъ. Всѣхъ онъ напутствовалъ, всѣмъ помогаль, а вотъ съ нашимъ сосѣдомъ бился цѣлую ночь. Пріѣхаль вечеромъ. Причащать нельзя: ломаетъ больного. Самъ его оттираль, даваль лѣкарства, бутылки горячія клалъ.... отходилъ, къ утру больной нѣсколько

оправился и спокойно причастился. Черезъ нѣсколько дней всталъ и живъ доннѣ. Смертность кончилась, а вотъ священникъ-то слегъ, какъ домой пріѣхалъ, а къ вечеру и кончился. Семья осталась.., пятеро маленькихъ. — Мало словъ, но «горя рѣченька» — мало словъ, но ими ясно начерченъ великій крестъ, на которомъ кончилъ жизнь свою служитель завѣта Христова.—Или взгляните на картину «на Шипкѣ спокойно»: солдаты замерзають «на часахъ», ихъ заноситъ снѣгомъ... Или вотъ эти, едва ли кѣмъ читаемыя, замѣтки въ газетахъ: «П—ой земской управой положена пенсія учителю С—ой школы за 35-лѣтнюю службу на одномъ мѣстѣ. Два года онъ хлопоталъ о томъ, и наконецъ земцы смилостивились. Но бумага о назначеніи не была вручена: она застала пенсионера въ гробу...—Отъ службы при N—ской лѣчебницѣ устранена фельдшерица N. по усмотрѣнію администраціи. Рядовой В—го полка прострѣленъ двумя пулями явлетъ во время преслѣдованія экспроприаторовъ».. и т. д.— Опять мало словъ, но на какое великое крестоношеніе указываютъ они! Трудъ, нужда, скорби—вотъ и все описаніе ихъ жизни.. Гдѣ-же награда? А вѣдь стоило только немного покривить душой, и все-бы обстояло, какъ нельзя быть лучше. Стоило, напр., больничной служащей сквозь пальцы посмотреть на «несовсѣмъ точныя» распоряженія новаго администратора, и осталась-бы она спокойно на мѣстѣ. Довольно было рядовому сдѣлать видъ преслѣдованія, споткнуться и упасть «во время», а потомъ въ растерянности развести руками, и—разумѣется—пули его миновали-бы, а предъ начальствомъ можно-бы разыграть роль или героя, или потерпѣвшаго... Такъ многіе и дѣлають, и выходятъ на широкую и торную дорогу, живутъ въ довольствѣ и добрѣ, а иные «ѣдятъ и пьютъ на се-ребрѣ».

Сравнишь всѣ эти положенія, и такъ тяжело становится на душѣ. Великое, громкое, славное—недосягаемо; итти лгать, лицемерить и пресмыкаться—ужь очень мерзко

и отвратительно,—и остается одно: тяжелый, невидный и безпросвѣтный трудъ, остается—жизнь маленькаго чело-вѣка... Невеселая картина!

И эта жизнь «маленькихъ» людей тѣмъ тяжелѣй, чѣмъ больше они сравниваютъ себя съ большими, великими и славными...

Даже въ религіозной жизни эти сравненія — при недостаточной внимательности — могутъ навѣвать тревожныя думы.

Когда читали вы о послѣдователяхъ Христа, вѣрно, не разъ останавливались въ изумленіи предъ дивными примѣрами твердой вѣры, совершеннѣйшей любви и несокрушимой воли... Прочелъ... Хорошо, если душа загорѣлась желаніемъ этой высоты, чистоты и твердости. Но нерѣдко бываетъ и такъ. Съ послѣдней точкой остановился и задумался. Начинаешь сравнивать съ «ними» себя, свою жизнь, свою волю, свою вѣру... О, какъ жалки, мелки и ничтожны мы. Даже то добро, что бываетъ въ жизни нашей, представляется совершенно ничтожнымъ, каплею среди моря. И скорбитъ душа. Опускается со вздохомъ голова, и щемитъ сердце сознаніе: нѣтъ, туда лежитъ путь тѣсный, далеко намъ до небесъ... Такъ разбредаются мысли, и ослабляется энергія духа. Пр. Іоаннъ Лѣствичникъ, бывшій въ одно время свидѣтелемъ трудовъ и терпѣнія восточныхъ подвижниковъ, говорить: я едва не пришелъ въ отчаяніе, когда посмотрѣлъ на свою холодность и сравнилъ ее съ ихъ злостраданіемъ (сл. 5, п. 23). Въ отчаяніе! Такія ужасныя минуты смущенія духа пережила душа преподобнаго! Что-же сказать объ обыкновенныхъ смертныхъ. Многіе такъ ощупью и бредутъ по землѣ, влачатъ день за днемъ какъ трость, вѣтромъ колеблемая, хромая и падая то на то, то на это колѣно.

Въ дѣлахъ и вопросахъ мірскихъ — положеніе ни мало не лучше, если не хуже: тамъ смущеніе сильнѣе.—Сила смущенія увеличивается въ наши дни и тѣмъ, что въ народную массу проникло ученіе, что «христіанство уби-

ваетъ радость жизни земной», что пора водворить «небо на землѣ чрезъ братство и равенство»...

Чтобы не поддаться этому смущенію, необходимо внять евангельской заповѣди: «будь въ маломъ вѣренъ, надъ многимъ тебя поставлю». Вѣрность въ маломъ дѣлаетъ человѣка великимъ. Здѣсь и строгая заповѣдь, и великое утѣшеніе для человѣка.

Въ самомъ дѣлѣ! Изъ капель состоитъ океанъ, изъ песчинокъ состоятъ горы, и наша жизнь развѣ не изъ моментовъ составляется? Высоко-ли, низко-ли поставленъ человѣкъ, его окружаетъ тѣсное кольцо людей и дѣлъ, которымъ онъ отдаетъ свое время и трудъ. Его жизнь—цѣпь мелочей, мелкихъ явленій. Иной очень великъ и знатенъ,—но это только въ извѣстномъ сравненіи съ другими, совсѣмъ малыми и ничтожными. Сравнить его съ величиной иной, и величіе его исчезаетъ. Жизнь всѣхъ совершается среди мелкихъ дѣлъ и мелкими шагами. Громкое, диковинное дается совершить немногимъ. Но и тѣ, что занимаютъ скромное положеніе въ обществѣ; они могутъ быть велики духомъ, велики въ глазахъ окружающихъ людей, велики предъ Всевидащей Правдой. Кто, напр., былъ Маркъ, печерскій чудотворецъ? — Простой чернорабочій, гробокопатель. А печерскій «Лебедникъ»? Онъ всю жизнь несъ послушаніе въ трапезной. Не блистали они ни саномъ, ни звѣздами награды, ни учеными дипломами. Свято исполненный обѣтъ монаха, честно выполненные обязанности, на нихъ возложенныя, увѣнчали ихъ «дивною силою и славою преподобія». Добрые рабы Христовы!

И всякій, честно исполнившій при свѣтѣ Евангелія свой жизненный долгъ, добрый рабъ. «Вниди въ радость»—ждетъ его по ту сторону гроба, и здѣсь сквозь тучи скорбей дается ему предвкусить силу этой радости. Въ обыденной жизни подвижники добра и правды не остаются безъ нѣкотораго удовлетворенія духовнаго и видятъ радость. «Радѣтельница ты наша, ангелъ ты праведный!»,

плаксиво причитають, прощаясь съ отставленной фельдшерницей, больныя и сидѣлки. Вотъ въ этихъ безхитростныхъ словахъ, въ ихъ искреннемъ чувствѣ и заключается высшая награда и утѣшеніе для обиженной. Въ этихъ словахъ, изливающихся отъ чистаго сердца простецовъ, уже сплетается тотъ вѣнецъ правды, которымъ увѣнчается въ свой день голову честнаго труженника Правда Божія. Будь вѣренъ въ маломъ!

Вѣрность въ маломъ — непремѣнная заповѣдь и для тѣхъ, кто достигъ званія и положенія великаго.

Прежде всего, изъ чего и какъ создается великое? Насъ, напр., поражаетъ, какъ уже было сказано, высота духа и самоотверженность христіанскихъ подвижниковъ. Но что дало имъ, что воспитало въ нихъ эту силу? Пустыня, затворъ, санъ, положеніе? «Нѣтъ, отвѣчаетъ пр. Исаакъ Сиринъ, пустыня усыпляетъ страсти. Но отъ человѣка требуется не это одно—усыпить, а то, чтобы искоренить ихъ, преодолѣть, когда онѣ воюють противъ насъ».

Страсти усыпленные легко пробуждаются и особенно въ то время, когда встрѣчается возбуждающій поводъ. Безмолвіе и уединеніе удаляютъ эти поводы и соблазны. Но взгляните на примѣръ. Василій Великій и блаженный Григорій, которые были любителями пустыни и безмолвія, пришли сюда не тогда, когда хотѣли начинать подвигъ,—но жили сперва въ мірѣ и хранили заповѣди, какія нужно было соблюдать живущимъ въ обществѣ. Здѣсь они достигли значительной высоты духовной и чистоты сердца путемъ скорбей и воздержанія. И послѣ этого поспѣшили они въ пустынное безмолвіе, всецѣло отдались устроенію въ себѣ внутренняго человѣка и пребыли въ духовномъ созерцаніи, пока не призваны были сдѣлаться пастырями церкви Христовой (Доброт. стр. 690). — Итакъ подвижники начали съ малаго; во всемъ маломъ пребыли вѣрными завѣтамъ Христа и постепенно восходили къ большому.

И по достиженіи высокой степени силы духовной, под-

вижники евангельской истины ни на минуту не оставляли правила «будь въренъ въ маломъ». Кто стоитъ на высотѣ, его многимъ видно не вблизи только, но и издали. По этому каждое слово, каждое движеніе, не достаточно осторожныя, легко даютъ поводъ къ соблазну. Отсюда понятно, какая осторожность и точность должны быть во всемъ до самаго малѣйшихъ мелочей включительно. Даже то, что можетъ быть незамѣчено людьми, напр. мимолетныя вспышки страсти и пожеланій, и это, наносное и случайное, вычищается изъ души безотлагательно и тщательно. «Каждый вечеръ, говоритъ авва Дороѣей, ты (хотя-бы помѣщался ты на самой вершинѣ) обязанъ испытывать себя, какъ провелъ ты день,—и каждое утро, какъ провелъ ты ночь. И зло, если оно имѣло въ тебѣ мѣсто, начнетъ уменьшаться. Если допускалъ въ извѣстный промежутокъ девять проступковъ, будешь дѣлать восемь. И такъ преуспѣвая постепенно, съ помощью Божіей, не допустишь укрѣпиться дурной склонности (Добротол. 627 стр.)».

Такъ уравниваетъ всѣхъ заповѣдь «будь въ маломъ въренъ». И сильные, и немощные одинаково призваны «представить себя рабами праведности на дѣла святыхъ» (Рим. 6, 19): большой и сильный—по-большому,—немощный и хилый — по мѣрѣ дарованій. Пусть имена этихъ послѣднихъ не будутъ «выписаны» на мраморныхъ доскахъ, пусть ихъ изображенія не будутъ украшать общественныхъ мѣстъ и учрежденій, печали въ томъ мало: не «выписываетъ» ихъ близорукость людская, но они выписаны тамъ, гдѣ ничто не скрыто. Пусть кричатъ враги Христа, что христіанство обманываетъ людей, утѣшая общаніемъ награды вѣчной, небесной. Върующій и честный труженикъ обличеніе этой клеветы найдетъ въ спокойствіи своей совѣсти и въ той тихой радости, которую наперекоръ всѣмъ невздамъ переживаетъ въ трудахъ свято исполняемаго долга.

«Отцы мои и братія, увѣщаетъ своихъ слушателей

св. Феодоръ Студитъ, будьте въ маломъ вѣрны, вѣдь всѣ призваны одинаково трудиться въ подвигахъ, кто въ духовныхъ, кто въ тѣлесныхъ; и тѣ, и другіе одинаково благопріятны. Кто призванъ проводить время въ чтеніи, другой—мѣлитса, третій занять руководѣіемъ, иной проводить борозды на землѣ. Всѣ несутъ трудъ по силѣ, какою обладаютъ. Не слѣдуетъ презирать и того, кто смотритъ за входящими (привратникъ), или кто отгоняетъ птицъ отъ обработанныхъ грядъ. Всѣ (трудомъ) освящайте руки свои: вашъ трудъ возносится какъ жертва и приношеніе Богу» (т. I, огл. 51).

Свящ. Н. Орловъ.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника инока).

Жизнь — время сѣянiя. Поступишь ли, какъ нерадивый хозяинъ, сѣющій вмѣсто чистыхъ зеренъ пшеницы всякую дрянъ? Дашь ли тернiямъ и плевеламъ заглушить чистую пшеницу? Сложишь ли безпомощно и лѣнотно руки и допустишь, чтобы вмѣсто жатвы mnogой собрать съ твоего поля кучи сору и навоза? Увы! Дѣло какъ будто къ этому только и клонится.

* * *

Со дня благословеннаго рожденiя Пречистой Матери Божiей стали благословенными и наши дни рожденiя. Прежде люди рождались для смерти, теперь — для жизни вѣчной.

* * *

Пресвятая Дѣва Владычица есть та юная *льторасль*, въ прозорливомъ предчувствiи Которой праотець Іаковъ прорекъ о своемъ великомъ Потомкѣ: *«отъ льторасли, Сыне мой, возшелъ еси...»* Лѣторасль—это растенiе, только что посаженное и обыкновенно въ первый годъ не дающее плода, дѣвственное. Къ Пречистой Дѣвѣ—Матери Божiей такой образъ *«льторасли»*, вопреки законамъ природы давшей плодъ, подходитъ какъ нельзя прекраснѣе.

* * *

Въ минуту тяжелой душевной болѣзни или скорби приведи себя на мысль, какой консилиумъ надежныхъ и заботливыхъ врачей стоитъ около тебя: вотъ—Господь Спаситель милосердый, вотъ — Матерь Божія сердобольная тутъ же всѣ твои любимые святые Божіи, тобою призываемые, вскрываютъ нарывы твои, омывають елеемъ драгоценнымъ слезъ твоихъ, стараются обвязать платомъ покаянія и употребляютъ всякія другія врачевства, усилія и средства, чтобы поднять тебя, возбудить въ тебѣ умирающую духовную жизнь, поддержать и усилить ее, если только ты самъ упорно не мѣшаешь имъ въ этомъ.

* * *

Немощны мы, грѣшны, безсильны въ борьбѣ со грѣхомъ и своею окаянною больною природою, привычками и пристрастіями. Не унывай, а борись, хотя бы и не видѣлъ ты успѣха въ борьбѣ — все таки борись. Цѣль наша — послѣдній день жизни, и тогда должны сказаться результаты борьбы и побѣды. Раньше получить этотъ результатъ, одержать побѣду и заслужить вѣнецъ Господь даетъ только особо избраннымъ людямъ, когда хочетъ сдѣлать чрезъ нихъ сильными и другихъ, прославить и поставить ихъ добрыми для насъ примѣрами. А мы—обыкновенные смертные—не въ высокоуміи и обольщеніи должны до конца жизни—параллельно нашимъ немощамъ—вести линію молитвеннаго умиленія, подвига, покаянія и сокрушенія сердечнаго.

* * *

О, какъ связываетъ монаха всякая собственность, всякое даже самое невинное монашеское имѣніе. И обиліе книгъ, и обиліе иконъ и другихъ подобныхъ, повидимому, самыхъ безобидныхъ предметовъ — все это мѣшаетъ ему во всякое время быть готовымъ итти, куда глаза глядятъ, въ поискахъ небснаго отечества и спасенія души своей, или куда поведетъ его долгъ и монашеское послушаніе.

* * *

Скорбящій человекъ есть любимецъ Божій, надъ которымъ духовное око ясно видѣть можетъ вѣнецъ небесный, простирающійся свыше на его страдальческую главу, если онъ терпѣливо несетъ свой крестъ, не унываетъ, не малодушествуетъ и не ропщетъ на долю свою.

* * *

Скорбь обостряетъ молитву, обращаетъ душу къ Богу, заставляетъ серьезнѣе смотрѣть на жизнь и серьезнѣе относиться ко всему въ ней. А благодушіе и безскорбіе часто доводятъ ее до гибельнаго равнодушія и охлажденія въ такихъ вещахъ, гдѣ надо быть особенно насторожъ, и гдѣ невниманіе и неосторожность равносильны гибели и потерѣ тѣхъ или другихъ сокровищъ и прибрѣтеній души.

* * *

Стыдъ за содѣянное что-либо нехорошо обращаетъ душу снова къ Богу, возвращаетъ ей прежнее умиленіе и молитвенность. А мы часто гонимъ его отъ себя, стараемся заглушить его, не пользуемся столь благодѣтельными его свойствами. Намъ, такъ сказать, стыдно этого самаго стыда не только предъ другими, но и предъ самими собою,—такъ стыдно, какъ бываетъ стыдно предъ духовникомъ. И стыдъ — истинно твой внутренній духовникъ. Не утаивайся отъ него, а безпощадно обличи себя предъ нимъ, и онъ наставитъ тебя на путь спасенія и покаянія.

* * *

Ежедневное чтеніе слова Божія (хотя повемногу), особенно же св. Евангелія, имѣетъ значеніе гораздо болѣе важное, чѣмъ пища для тѣла. Если ты утромъ, вставая, не попьешь чаю, не закусишь, у тебя и утро не въ утро, день не въ день, то какъ же не чувствуешь, что не считаешь утромъ слова Божія, не попытаешь душу св. Евангелиемъ, не подкрѣпившись и не усладившись сею неглѣн-

ною пищею, мы теряемъ для души цѣлый день, ослабляемъ ея жизненные силы, надрываемъ способность терпѣть жизненные невзгоды, притупляемъ ея чувствительность къ духовнымъ ощущеніямъ, безъ чего не можетъ быть надлежащаго полного, глубокаго и плодотворнаго чувства духовной жизни, роста и силы.

* * *

О, Господи! Какъ мы мало понимаемъ, цѣнимъ и любимъ Тебя! Какъ мы плохо проводимъ въ жизнь Твои спасительные завѣты! Какъ непохожи на Тебя Твои слушатели! Какъ мы, ученики Твои, плохо представляемъ своего Учителя! Больше мы зла причиняемъ дѣлу Твоему, чѣмъ даже враги и гонители Твои и Церкви Твоей. Ихъ злоба только способствовала умноженію послѣдователей и друзей Твоихъ. А наша «медвѣжья» дружба и Іудина любовь только расхищаетъ и расхищаетъ стадо Твое, растлѣвая и умаляя его ненавистною всѣмъ — слабою и безалаберною нашею жизнію.

* * *

«Аще имаша на кого вражду или зависть, дары твоя и молитвы не суть пріятны Богу, ниже аще что творили Бога ради, пріятно есть...» (чинъ исповѣди). Все пропало, человекъ, если ты враждуешь или завидуешь. Не молись, не постись, не монашествуй, не подвижайся. Все равно никакого толку отъ этого не будетъ. Господь все отвергнетъ; давай Ему одну любовь, ибо при ней только возможна и любовь къ Нему, а безъ нея все — одно лицемеріе.

* * *

Если не хочешь примириться съ обидчикомъ или враждующимъ на тебя, напрасно будешь и самъ стучать въ двери милосердія Божія. Ихъ отворить только миръ и покой сердца. Если бы ты увидѣлъ кого, опьяеннаго зло-

бою, гнѣвно кричащаго и изступленно ломающагося въ двери дома твоего, не затворилъ ли бы ты ихъ со всею крѣпостію? Такъ и Господь не хочетъ и не можетъ имѣть дѣла съ враждующимъ на ближняго своего.

* * *

Постоянно имѣя предъ собою образъ Распятаго Страдальца, постоянно имѣя дѣло съ ошибками, паденіями, скорбями и страданіями человѣчества, пастырское сердце болѣе и скорѣе всякаго другого можетъ понять человѣческое страданіе, можетъ искреннѣе радоваться съ радующимися, плакать съ плачущими. Вотъ почему такъ естественно всякому страдальцу приходитъ за утѣшеніемъ въ своихъ скорбяхъ и находить убѣжище отъ нихъ въ уголкахъ сердца пастырскаго.

* * *

Одна зазорная женщина ни за что не соглашалась принять на судъ присягу, говоря, что она — *не христіанка*, если ведетъ себя не по христіански. А мы всегда допускаемъ подобные разлады слова съ дѣломъ, жизни съ вѣрою, и совѣсть наша не удерживаетъ насъ отъ наименованія себя христіанами... Подлинно, мытари и грѣшницы и теперь предваряютъ насъ въ зрѣлости для Царствія Божія.

* * *

Сколь многое дѣлаемъ мы на радость исконному нашему врагу и человѣкоубійцѣ. Всякая вражда, злоба, недоразумѣніе между людьми и раздоры посѣваются имъ, и мы, злобствуя и раздражаясь на ближняго, думаемъ, что стоимъ за правое дѣло, а въ дѣйствительности лишь содѣйствуемъ дѣлу дьявольскому. Истина—истиной, и правда правдой, но все это могло бы быть сдѣлано безъ взаимнаго раздраженія, которое несомнѣнно отъ дьявола. И истину, и правду онъ умѣетъ опоганить въ насъ дохновеніемъ злобы и своихъ сатанинскихъ чувствъ.

* * *

Отъ многихъ нашихъ скорбей и несчастій мы не избавляемся лишь потому, что не хотимъ или не догадаемся попросить Господа объ избавленіи отъ нихъ. Такъ часто самолюбіе мѣшаетъ намъ обратиться за помощію къ другому въ нуждѣ, и мы на глазахъ его ходимъ, понура голову, но не говоря ему ничего, хотя и знаемъ, что онъ помогъ бы намъ. Такъ поступаемъ мы и съ Господомъ.

* * *

Спаситель, Самъ несущій крестъ на мѣсто Своего распятія, изнемогающій и падающій подъ его тяжестью — какое трогательное зрѣлице! Грѣшникъ! взгляни только на эту безмолвно-краснорѣчивѣйшую картину! Вообрази это дивное шествіе на закланіе Агнца Божія за твое спасеніе, и... възрыдай горько о твоей неблагодарности и твоёмъ нечувствіи!..

А. І.

П И С Ь М А

ПРЕОСВЯЩЕННАГО ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА

къ Н. П. К.

Милость Божія буди съ вами!

Получивъ ваше первое письмо (5 окт.), я и собирався отвѣчать, но остановился затѣмъ, что адреса вы не написали. Во второмъ письмѣ тоже нѣтъ надлежащаго адреса. Близъ Мадатовыхъ... и церковь святого Ильи поминается,— и только. Требуется хозяинъ дома, или номеръ его... а ваше имя новое. Ставлю въ адресъ: въ домъ Мадатовыхъ. Они къ вамъ перешлютъ.

✓ Добрались вы до Арзамаса благополучно и квартиру нашли свѣтлую, сухую, просторную.—Благослови Господи ваше тамъ пребываніе. Тамъ, кажется, не одинъ монастырь. Есть мужской, есть знаменитая женская община и, кажется, женскій монастырь особо отъ общины, если не ошибаюсь. Вотъ вамъ разлитая!—Но, можетъ быть, церковь Ильинская приглянется лучше и покойнѣй. Въ ней и можете удовлетворять свои духовныя потребности. Благослови Господи!

О. Андрей, о коемъ вы поминаете, можетъ быть, замѣняетъ знаменитаго о. Авраамія, іерея старца, имѣвшаго дух. чадъ чуть ли не по всей Россіи.—Всяко тамъ найдете, у кого душу отвести.

Вы вѣдь въ гости поѣхали. — Зачѣмъ же квартира?— Не думаете ли тамъ и осѣсться?!—Вѣдь это городъ знача

менитый.—Когда-то тамъ былъ центръ ученаго общества, въ коемъ были Карамзинъ и другія знаменитости, кажется—Сперанскій... и проч...

Вамъ, конечно, не до нихъ; но все пріятно припомнить, что живете въ городѣ, гдѣ находили занятіе люди знаменитые.

Матушкѣ черничкѣ—благословеніе. Да хранить ее Господь и укрѣпляетъ въ добрыхъ началахъ, принятыхъ ею.

Илья съ вами?—Вотъ ему и мѣсто духовнаго покоя—церковь пророка Іліи.

Благослови васъ Господи всѣхъ и Лизу... и родныхъ ея.

Спасайтесь!

Вашъ доброхотъ

Е. Теофанъ.

P. S. Уже дня два—какъ это письмо было написано,—какъ приходитъ вашъ почтарь и приноситъ письмо и еще съ приложеніями.—Тутъ и адресъ настоящій.—Нынѣ воскресенье—25 окт.

Вотъ теперь ясно, какъ адресовать... На Муратова, а онъ вамъ передастъ... И нѣтъ нужды знать хозяина или хозяйку вашей квартиры.

Благослови васъ Господи! Желаю вамъ всего хорошаго.—Наша почта, полагаю, пойдетъ завтра.

Милость Божія буди съ вами!

Поздравляю и я васъ съ праздникомъ и съ новымъ подходящимъ годомъ—и желаю вамъ отъ щедротъ Божіихъ всякаго утѣшенія, особенно здоровья и довольства своимъ положеніемъ и состояніемъ, почерпаемыми изъ преданности въ волю Божію.

Что не пришлось быть въ обѣднѣ на Р. X., сожальтельно; но если смогли вы дома помолиться съ теплотою сердечною, то это почти то же, что и побыть въ церкви.

О бѣличкѣ очень жалѣю.—Если бъ оказалось, что она сильнѣе своего благовѣрнаго, то я благословилъ бы ее

бить его всякой разъ, какъ онъ оказывается неисправнымъ... и такъ бить, чтобъ память объ этомъ не скоро испарялась... А коли не сильна, нечего дѣлать, какъ терпѣть.

Что мать о Леонидѣ печалится—натуральное дѣло. Но да послужить ей утѣшеніемъ то, что мать Леонида теперь въ лучшемъ положеніи, чѣмъ была здѣсь... и утѣшать можетъ оттуда сильнѣе, чѣмъ дѣлала это здѣсь на землѣ. Но чувствовать это матери мѣшаетъ ея мука и скорбь...

Благослови васъ Господи!

Спасайтесь!

Вашъ доброхотъ

Еп. Теофанъ.

Милость Божія буди съ вами!

Какъ пріятно читать, что вы въ припадкѣ болѣзни своей увидѣли посѣщеніе Божіе. Ибо воистину такъ есть, и это видитъ одно настоящее христіанское око ума.—Потому не приглашаю васъ благодушествовать, потому что это уже есть. — Благослови Господи вамъ терпѣть и упованьемъ радоваться.

И причаститься хорошо, и особороваться неизлишне. Соборованіе, по намѣреньямъ церкви, есть врачевательное таинство, возвращающее здравіе,—а не приготовленіе къ смерти.

Инфлюенца—непріятная, но не грозная болѣзнь. Помоги вамъ Господи оздоровѣть. Подыметесь, укрѣпитесь и опять заживете обычною жизнію, которая есть смѣсь утѣшеній и горестей.

Пошли вамъ Господи и утѣшеніе, и крѣпость!

Спасайтесь!

Вашъ доброхотъ

Е. Теофанъ.

25-го ноября 92 г.

Милость Божія буди съ вами!

Поздравляю съ обрѣтеніемъ покойной квартиры и съ жизнію, тихо текущею. Церкви далеко... не всегда удобно добираться до нихъ. Но за то пріятнѣе бывать въ нихъ, потому что промежутки раздражаютъ желаніе къ нимъ.

Загадываете пробыть тамъ до конца зимы,—Богъ благословитъ. Можетъ быть, привыкнете къ тамошнему воздуху и пожелаете совсѣмъ тамъ устроить свою осѣдлость. И это можно. Городъ знаменитъ благочестіемъ жителей. Спасать душу тамъ не покажется особенностію какою.

Постъ увидѣли вы подходящимъ. Поздравляю. Нынѣ и у насъ ему начало. Тамъ вамъ можно сколько угодно говѣть, исповѣдаться и причащаться.

Помоги вамъ Господи пристроить къ воспитанію Машу, а ее да благословитъ Господь обучиться всему добрѣ.

Лиза отбываетъ повинность юности... Пусть вѣдаетъ, что на все мѣра должна быть... и что суета суетствій—не есть нормальная жизнь.

Благослови васъ Господи!

Вашъ доброхотъ

Еп. Теофанъ.

18 дек. 92 г.

Милость Божія буди съ вами!

Вы совсѣмъ привыкаете къ Арзамасу, — и васъ тамъ приглубливаютъ. Вотъ и матушка начальница Арзамасской общины — конфектиковъ вамъ надавала. Если Богу угодно, и тамъ осѣдлость для васъ хороша будетъ.

И церковей сколько хотите, и причащаться св. таинъ, сколько душѣ угодно; и старцевъ найдете и старицъ на всякую потребу... Если къ сему присоединится и покой душевный, то вотъ и рай.

Черничка и Илья собирались говѣть. Если исполнили, — доброе дѣло. Буди имъ во спасеніе!

Лиза рвется душу спасти, но постоянства не умѣетъ себѣ добыть. — Пусть проситъ о семъ Господа и матеръ Божию; а между тѣмъ и сама себя понукаетъ. — Чтобъ понуканіе силу имѣло, пусть держитъ въ мысли, что вотъ-вотъ смерть, съ полною увѣренностію, что такъ и будетъ. Тогда нѣкогда будетъ отлагать, ибо на душѣ будетъ, что только эта минутка и осталась. — Въ часъ же смерти будетъ кричать: дай Господи минутку, дай минутку, да не будетъ дана... Потому что теперь имѣетъ ихъ много и презираетъ.

Благослови Господи всѣхъ васъ всякимъ благословеніемъ!

Спасайтесь!

Вашъ доброхотъ

Еп. Теофанъ.

Ученіе апостоловъ Павла и Іакова объ оправданіи ¹⁾).

Ученіе апостола Іакова объ оправданіи, изложенное во второй главѣ его посланія, замѣтно отличается отъ ученія апостола Павла. Причиной нашего оправданія, согласно Павлу, является вѣра безъ содѣйствія дѣлъ, тогда какъ по Іакову такой причиной является вѣра въ соединеніи съ дѣлами. Апостоль Павелъ въ своемъ посланіи къ Римлянамъ говоритъ, что «человѣкъ оправдывается вѣрою безъ дѣлъ закона» (Рим. III, 28). О томъ же самомъ онъ говоритъ и въ своемъ посланіи къ Галатамъ: «узнавши, что человѣкъ оправдывается не дѣлами закона, а только вѣрою въ Іисуса Христа, и мы увѣровали во Христа Іисуса, чтобы оправдаться вѣрою во Христа, а не дѣлами закона, ибо дѣлами закона не оправдается никакая плоть» (Галатамъ II, 16); и къ Ефесянамъ апостоль пишетъ: «ибо благодатію вы спасены черезъ вѣру, и сіе не отъ васъ, Божій даръ: не отъ дѣлъ, чтобы никто не хвалился» (Ефес. II, 8—9). — Ап. Іаковъ, напротивъ, утверждаетъ, что вѣра должна соединяться съ дѣлами, чтобы быть оправдывающей: «Что пользы, братія мои, если кто говоритъ, что онъ имѣетъ вѣру, а дѣлъ не имѣетъ? можетъ ли эта вѣра спасти его? Вѣра, если не имѣетъ дѣлъ, мертва сама по себѣ. Хочешь ли знать, неосновательный человѣкъ, что вѣра безъ дѣлъ мертва? Видите ли, что человѣкъ оправдывается дѣлами, а не вѣрою только? Ибо какъ

¹⁾ Изъ книги Introduction to the Catholic Epistles. By Paton J. Gloag, D. D.

тѣло безъ духа мертво, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва» (Іакова II. 14, 17, 20, 24, 26). И это явное противорѣчіе рѣзко обнаруживается на примѣрѣ оправданія Авраама, который оба апостола приводятъ въ подтвержденіе своихъ соотвѣтственныхъ ученій. Павелъ приписываетъ оправданіе Авраама его вѣрѣ: «Если Авраамъ оправдался дѣлами, онъ имѣетъ похвалу, но не передъ Богомъ. Ибо что говорить Писаніе? повѣрилъ Авраамъ Богу, и это вмѣнилось ему въ праведность» (Рим. IV, 2, 3). Между тѣмъ Іаковъ приписываетъ оправданіе Авраама дѣламъ: «Не дѣлами ли оправдался Авраамъ, отецъ вашъ, возложивъ на алтарь Исаака, сына своего?» (Іакова II, 21). Одинъ, повидимому, совершенно исключаетъ дѣла, какъ ненужныя для оправданія; другой, повидимому, утверждаетъ, что дѣла столь же существенно - необходимы для нашего оправданія, какъ и вѣра. Словомъ, оба апостола какъ бы высказываютъ два противоположныя ученія: одинъ—протестантскую доктрину объ оправданіи вѣрою, другой — католическую доктрину о заслугахъ добрыхъ дѣлъ.

Соотвѣтственно этому нѣкоторые предполагаютъ, что здѣсь не только кажущееся, но и дѣйствительное противорѣчіе въ ученіи этихъ апостоловъ, такъ что одинъ утверждаетъ то, что другой отрицаетъ: Павелъ придерживается ученія объ оправданіи вѣрою, а Іаковъ — объ оправданіи дѣлами. Іаковъ будто-бы писалъ съ нарочной цѣлью противорѣчить Павлу или, по крайней мѣрѣ, выставить свое несогласіе со взглядами, которыхъ придерживался этотъ апостолъ. Лютеръ, какъ это хорошо извѣстно, предполагалъ, что взгляды Іакова были противоположны взглядамъ Павла; въ новѣйшее время это мнѣніе было усвоено Бауромъ, Швиглеромъ, Гольцманномъ, Гильгенфельдомъ, Раухомъ, Дэвидсономъ (*Introduction to the Study of the N. T.*) и до нѣкоторой степени Хюгомъ (Hug). Бауръ сравнительно умѣренъ въ своихъ взглядахъ. Онъ предполагаетъ, что посланіе Іакова было написано какимъ-

то неизвѣстнымъ авторомъ около начала второго столѣтія съ цѣлью примирить взгляды Павла со взглядами іудействующихъ христіанъ. «На доктрину, выраженную въ этомъ посланіи» замѣчаетъ онъ, «должно смотрѣть, какъ на такую, которая направлена къ тому, чтобы поправить Павла. Но здѣсь уже нѣтъ той первоначальной рѣзкой и твердой оппозиціи іудаизма христіанству, какую мы находимъ въ посланіяхъ Павла; оппозиція смягчилась, болѣе рѣзкія требованія закона теперь оставлены. Здѣсь ничто не напоминаетъ намъ объ іудео-христіанствѣ Іакова, который, какъ мы знаемъ изъ второй главы посланія къ Галатамъ, былъ пропитанъ всѣмъ упрямствомъ традиціоннаго іудаизма и былъ непреклоннымъ защитникомъ всякаго іудейскаго института, даже обрѣзанія... Теперь главная цѣль въ томъ, чтобы защищать іудаизмъ съ его духовной стороны, какъ религію практическаго поведенія или моральнаго дѣйствія» ¹⁾ Другіе, однако, и особенно ученики Баура, идутъ гораздо дальше его и утверждаютъ, что въ посланіи Іакова іудейское христіанство, въ ученіи апостоловъ обрѣзанія, находитъ свое полное выраженіе въ оппозиціи языческому христіанству по ученію Павла; словомъ, что доктринальныя системы этихъ двухъ апостоловъ (Іакова и Павла) находятся въ остромъ антагонизмѣ, и что двѣ различныя фазы христіанства были предметомъ ученія въ апостольской церкви. Dr. Дэвидсонъ, котораго можно считать англійскимъ представителемъ Тюбингенской школы, замѣчаетъ: «Павлова доктрина объ оправданіи оспаривается въ этомъ посланіи. Безъ сомнѣнія, ею злоупотребляли многіе. Іаковъ возражаетъ противъ самой доктрины, но не противъ злоупотребленія ею. Вмѣсто того, чтобы нападать на ошибочныя толкованія, которыя іудейскіе прозелиты выводили изъ Павловыхъ писаній, онъ нападаетъ на самую доктрину. Павлова доктрина объ оправданіи была непріемлема для іудейскихъ

¹⁾ Бауръ. *Apostel Paulus*, vol. II, p. 338.

христіанъ, которыхъ формы мышленія не легко могли бы быть примирены съ ней».

Если бы было такъ, если бы здѣсь было не только кажущееся, но и дѣйствительное противорѣчіе, если здѣсь два евангелія — одно «евангеліе обрѣзанія» по ученію Іакова, а другое «евангеліе необрѣзанія» по ученію Павла, то это открытіе серьезно ослабило бы авторитетъ Писанія и потрясло бы самыя основанія христіанства.

Другіе утверждаютъ, что во взглядахъ Павла и Іакова нѣтъ никакого противорѣчія; что различіе въ выраженіи только; что одинъ священный писатель дополняетъ другого, и такимъ образомъ въ результатъ является болѣе полное развитіе христіанскаго ученія. Таковъ былъ взглядъ, усвоенный Кальвиномъ и реформатской церковью; и то же самое мнѣніе въ новѣйшія времена было защищено Неандеромъ, Гофманомъ, Визингеромъ, Ланге, Хенгстенбергомъ, Филиппи, Блекомъ (Bleek), Хутеромъ, Тейле, Бейшлагомъ, Зиффертомъ, Рейссомъ, Эрдманомъ, Гѣрике, Шаффомъ, Брикнеромъ, а среди англійскихъ теологовъ Альфордомъ, Плюмптромъ, епископомъ Ляйтфутомъ, деканомъ Скоттомъ, Салмономъ (Salmon) и Фарраромъ. По нѣкоторымъ изъ этихъ богослововъ, Іаковъ писалъ съ цѣлію исправить появившіяся тогда извращенія Павловой доктрины; но большинство указанныхъ ученыхъ держится того мнѣнія, что посланіе было написано безъ всякаго отношенія къ взглядамъ Павла. Большинство предполагаетъ, что посланіе представляло болѣе раннюю фазу христіанства, нежели та, которая вполнѣдствіи была развита великимъ апостоломъ языковъ, и считаетъ термины: оправданіе, вѣра и дѣла не взятыми изъ Павловыхъ посланій, но техническими терминами, употреблявшимися іудейскими писателями.

Есть еще третій классъ богослововъ, которые принимаютъ средній взглядъ. Они предполагаютъ, что есть нѣкоторое различіе въ доктринахъ, изложенной въ писаніяхъ Павла и Іакова, но что оно не исключаетъ высшаго единства.

Священные писатели рассматривают доктрину объ оправданіи вѣрою въ различныхъ освѣщеніяхъ и съ различныхъ точекъ зрѣнія, и отсюда происходитъ различіе въ выраженіи; но подъ этимъ различіемъ въ выраженіи лежитъ гармонизирующій принципъ, или, по крайней мѣрѣ, точки отклоненія въ выраженіяхъ незначительны. Таковы взгляды, принятыя Керномъ, Вольдемаромъ Шмидтомъ, К. Ф. Шмидтомъ, Вайцекеромъ (Weizsäcker), Лехлеромъ и Деличемъ. Такъ Кернъ замѣчаетъ: «Связь между Павломъ и Іаковомъ касательно этого доктринальнаго пункта ясна. У Павла вѣра, потому что она оправдываетъ, есть источникъ добрыхъ дѣлъ; у Іакова вѣра, потому что она есть источникъ добрыхъ дѣлъ и показываетъ въ нихъ свою собственную жизненность, есть та вѣра, которая оправдываетъ». «У Павла оправданіе обуславливается вѣрою, или и оправданіе и вѣра присутствуютъ въ человѣкѣ, который оправдывается вѣрою, и дѣла происходятъ отъ оправданія вѣрою. У Іакова оправданіе обуславливается моральнымъ поведеніемъ, производимымъ вѣрою; оправданіе происходитъ отъ дѣлъ, въ которыхъ вѣра показываетъ себя живой вѣрой»¹⁾. И еще яснѣе излагаетъ пункты различія Вольдемаръ Шмидтъ: «1. По Іакову, вѣра только дѣлается болѣе совершенной черезъ дѣла; но по Павлу, вѣра, даже безъ дѣлъ, какъ самопреданность человѣка благодати Божіей во Христа, какъ постиженіе искупленія, осуществленнаго въ смерти Христа, есть совершенная вѣра. 2. По Іакову, слѣдовательно, оправданіе обуславливается вѣрою и дѣлами; но по Павлу человѣкъ оправдывается вѣрою безъ дѣлъ закона». Одинаково также К. Ф. Шмидтъ замѣчаетъ: «Самое глубокое основаніе различія между ними—это то, что Іаковъ смотритъ на вѣру безъ дѣлъ какъ на мертвую, а Павелъ вполне признаетъ жизненность вѣры самой по себѣ, даже прежде, чѣмъ она произвела дѣла, признаетъ, что она

¹⁾ Кернъ. Jakobus—Brief, p.—47.

можетъ быть и есть принципъ жизни, поскольку она обнимаетъ Христа, и есть именно условіе оправданія, независимо отъ факта — была ли она обнаружена въ дѣлахъ»¹⁾.

Употреблялись различные методы интерпретаціи, чтобы примирить видимое противорѣчіе во взглядахъ Павла и Іакова. Эти методы различаются согласно различнымъ смысламъ, придаваемымъ тремъ главнымъ терминамъ — оправданіе, дѣла и вѣра.

Нѣкоторые, какъ Кальвинъ, Каловій (Calovius) и въ новѣйшее время Михэлисъ, Гофманъ, Тиршъ, Визингеръ, Ланге и Филиппи предполагаютъ, что слово *оправданіе* употребляется въ различныхъ смыслахъ обоими писателями. Такъ Кальвинъ замѣчаетъ: «Мы должны обратить вниманіе на двоякій смыслъ слова *оправданный*: Павелъ понимаетъ подъ нимъ добровольное вмѣненіе праведности предъ судомъ Божиимъ, Іаковъ — объявленіе праведности черезъ поступки и передъ людьми». Согласно этому взгляду, Павелъ говоритъ объ оправданіи вѣрою въ очахъ Божіихъ, а Іаковъ говоритъ объ оправданіи дѣлами въ глазахъ человѣческихъ; одинъ указываетъ на оправданіе нашихъ личностей, другой — болѣе на оправданіе нашей вѣры. Павелъ говоритъ объ оправданіи въ собственномъ смыслѣ — объявленіи праведности Богомъ; Іаковъ говоритъ объ обнаруженіи или доказательствѣ такого объявленія.» Но при внимательномъ разсмотрѣніи этого мѣста ясно, что Іаковъ говоритъ объ оправданіи въ глазахъ Божіихъ: онъ рассуждаетъ о положеніи явнаго вѣрующаго не передъ людьми или передъ церковью, но передъ Богомъ; и потому онъ употребляетъ терминъ оправданіе въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ и Павелъ. Говорить объ людскомъ оправданіи, значило бы придавать термину такой смыслъ, какого онъ не имѣетъ ни въ посланіяхъ Павла, ни Іакова.

¹⁾ Шмидтъ. *Biblical Theology of the New Testament*, p. 346. Англ. пер.

Хенстенбергъ правильно признаетъ, что терминъ *δικαιοσύνη* имѣеть у обоихъ апостоловъ одинъ и тотъ же смыслъ, но онъ предполагаетъ, что оправданіе есть постепенный процессъ, и что ап. Павелъ говоритъ о началѣ оправданія, которое совершается только вѣрою, а ап. Іаковъ о продолженіи или развитіи оправданія, которое подтверждается вѣрою или совершенствуется дѣлами. Какъ вѣра должна доказываться и совершенствоваться дѣлами, такъ и оправданіе не сразу сообщается человѣку, но постепенно; оно обусловливается возрастаніемъ вѣры, и ступени оправданія соотвѣтствуютъ ступенямъ нашей вѣры. Но это значить усвоить католическое понятіе объ оправданіи и смѣшивать его съ освященіемъ. По этому взгляду, наше оправданіе было бы въ концѣ концовъ приписано нашимъ дѣламъ, что находится въ явномъ противорѣчьи съ ученіемъ ап. Павла. Кромѣ того, нужно замѣтить, что по ап. Іакову дѣла не совершаютъ нашего оправданія или не подвигаютъ его съ несовершенной на болѣе совершенную ступень, но дѣлаютъ совершенной нашу вѣру, которая, какъ субъективное чувство, способна возрастать. Даже оправданіе на послѣднемъ судѣ не болѣе совершенно, чѣмъ оправданіе, которымъ Богъ въ этой жизни разрѣшаетъ грѣшника отъ его грѣховъ; его прощеніе уже завершено, и онъ находится уже въ спасенномъ состояніи.

Гутеръ, съ другой стороны, различаетъ между оправданіемъ и спасеніемъ. Онъ предполагаетъ, что ап. Павелъ имѣеть въ виду возстановленіе любви Божіей, полное прощеніе, которое даруется въ этой жизни, когда человѣкъ увѣруетъ въ Христа, между тѣмъ какъ ап. Іаковъ имѣеть въ виду совершенное осуществленіе этого прощенія, и во всей его полнотѣ, черезъ дарованіе спасенія въ день суда. «Іаковъ», замѣчаетъ Гутеръ, «имѣеть въ виду оправданіе, которое доставляетъ вѣрующимъ на послѣднемъ судѣ полное спасеніе, а Павелъ обозначаетъ словомъ *δικαιοσύνη* оправданіе, которое даже въ этомъ мірѣ

ставить върующихся въ благодатное отношеніе къ Богу¹⁾. Это мнѣніе было принято также деканомъ Скоттомъ²⁾. Согласно этому взгляду, ап. Павелъ словомъ оправданіе обозначаетъ Божественный актъ, которымъ присуждается грѣшнику прощеніе ради Христа, а ап. Іаковъ—тотъ актъ, которымъ върующій оправдывается или освобождается въ день суда. Ап. Іаковъ употребляетъ слово оправдывать (*δικαίωσιν*) въ смыслѣ «спасать» (*σώζειν*), когда говоритъ: «Что пользы, братія мои, если кто говоритъ, что онъ имѣеть въру, а дѣлъ не имѣеть? можетъ ли въра спасти его?» (Іак. II, 14). И въ этомъ же смыслѣ этотъ терминъ употребляется Господомъ, когда Онъ говоритъ, указывая, очевидно, на день суда: «Отъ словъ своихъ оправдаешься и отъ словъ своихъ осудишься» (Мѣ. XII, 37). Если таковъ будетъ истинный смыслъ рѣчи ап. Іакова, то, конечно, нѣтъ ни малѣйшаго различія между его взглядомъ и взглядомъ ап. Павла, ибо, хотя послѣдній всегда утверждаетъ, что мы оправдаемся върою, онъ тѣмъ не менѣе выразительно провозглашаетъ, что мы осудимся по нашимъ дѣламъ (2 Кор. V, 10). Но эту теорію нельзя принять. Весь аргументъ ап. Іакова и его употребленіе настоящаго *δικαίωσται* (Іак. II, 24) доказываютъ, что онъ говоритъ не объ освобожденіи въ будущемъ мірѣ, но объ оправданіи въ этой жизни. Кромѣ того, примѣръ оправданія Авраама, которое было, конечно, въ этой жизни, служить опроверженіемъ вышеприведеннаго мнѣнія.

Второй классъ богослововъ, какъ Теофилактъ, Экуменій, а въ новѣйшее время Кнаппъ и Гебзеръ утверждаютъ, что тогда какъ оправданіе, о которомъ рассуждаютъ священныя писатели, одно и то же, именно, провозглашеніе праведности въ глазахъ Божіихъ, *дѣла*, которыя ап. Па-

¹⁾ Гутера. *Der Brief des Jakobus*, p.—145.

²⁾ Dean Scott in the *Speaker's Commentary*. „Предметомъ рѣчи Іакова“, замѣчаетъ онъ, „служить не столько *оправданіе*, сколько *судъ* по дѣламъ“.

вель исключаетъ изъ оправданія, и которыя въ соединеніи съ вѣрою, по ап. Іакову, нужны для оправданія, различны. Среди ученыхъ этого класса существуетъ разнообразіе мнѣній. Нѣкоторые думаютъ, что ап. Павелъ говоритъ о дѣлахъ, совершенныхъ изъ повиновенія обрядовому закону, а ап. Іаковъ—о дѣлахъ, совершенныхъ изъ повиновенія моральному закону. Другіе думаютъ, что ап. Павелъ говоритъ о дѣлахъ закона (ἔργα τοῦ νόμου), которыя не были необходимы для оправданія, а ап. Іаковъ о дѣлахъ вѣры (ἔργα τῆς πίστεως), которыя были необходимы. Иные утверждаютъ, что Павелъ говоритъ о дѣлахъ невозрожденнаго до обращенія, а Іаковъ о дѣлахъ вѣрующихъ, въ состояніи благодати. И, безъ сомнѣнія, въ ихъ употребленіи термина *дѣла* есть различіе. Дѣла, о которыхъ говоритъ ап. Павелъ, суть законныя дѣла, совершенныя безъ вѣры, между тѣмъ какъ дѣла, о которыхъ говоритъ ап. Іаковъ, суть евангельскія дѣла, которыя происходятъ отъ вѣры. Но это не можетъ быть истиннымъ разрѣшеніемъ затрудненія. Ап. Павелъ исключаетъ изъ своей идеи оправданія не только законныя, но и евангельскія дѣла; согласно ему никакими дѣлами не можетъ человѣкъ оправдаться. Кромѣ того, евангельскія дѣла предполагаютъ предварительное существованіе оправдывающей вѣры, и могутъ быть совершены только человѣкомъ, который уже находится въ состояніи оправданія; они не предшествуютъ оправданію, но послѣдуютъ за нимъ.

Третій классъ богослововъ думаетъ, что вѣра, о которой разсуждаютъ эти священные писатели, выражаетъ двѣ различныя концепціи. Ап. Павелъ говоритъ объ истинной вѣрѣ, активномъ принципѣ, который обнаруживаетъ свою реальность дѣлами, о согласіи воли съ истинами евангелія,—между тѣмъ какъ ап. Іаковъ говоритъ о простой спекулятивной (неоперативной) вѣрѣ, которая не сопровождается дѣлами. Это мнѣніе принято большинствомъ тѣхъ богослововъ, которые думаютъ, что между разсужденіями апостоловъ Павла и Іакова относительно

оправданія существуетъ дѣйствительная гармонія; и мы думаемъ, что на началахъ этого мнѣнія можетъ быть достигнуто разрѣшеніе вопроса.

При всякомъ разрѣшеніи его мы не должны забывать личныхъ свойствъ апостоловъ Павла и Іакова. Они стоятъ въ различныхъ отношеніяхъ къ закону Моисееву. Ап. Павелъ считаетъ законъ Моисеевъ отмѣненнымъ, и хотя онъ самъ соблюдаетъ его и иногда принимаетъ участіе въ его церемоніяхъ, тѣмъ не менѣе онъ, кажется, не былъ строгимъ блюстителемъ закона; онъ чувствовалъ себя свободнымъ отъ его ограниченій и жилъ, какъ язычникъ среди язычниковъ. Ап. Іаковъ, напротивъ, до конца оставался строгимъ блюстителемъ закона Моисеева; онъ регулярно посѣщалъ богослуженія въ храмѣ, и хотя училъ, что язычники свободны отъ исполненія Моисеева закона, но, повидимому, думалъ, что іудеи вовсе не обязаны отрѣшаться отъ религіи своихъ отцовъ. Поэтому ап. Павелъ могъ считать христіанство освобожденіемъ отъ закона, — ап. Іаковъ смотрѣтъ на него, какъ на преобразование закона. Обстоятельства ихъ обращенія также необходимо вліяли на ихъ взгляды и характеры. Павелъ былъ внезапно остановленъ и обращенъ къ вѣрѣ; сильный кризисъ потрясъ его душу; въ три дня онъ былъ преобразованъ изъ жестокаго гонителя въ пылкаго защитника христіанства. Іаковъ, напротивъ, былъ постепенно обращенъ къ вѣрѣ; для него Духъ Господень былъ не въ землетрясеніи, но въ тихомъ голосѣ; въ его личной исторіи, кажется, не случилось никакого внезапнаго переворота. Когда онъ сдѣлался христіаниномъ, въ его наружномъ поведеніи не было никакой замѣтной перемѣны; нравственный законъ сдѣлался для него «совершеннымъ закономъ свободы» (Іак. I, 25). Помимо того, ихъ характеры были различны. Павелъ былъ горячъ и ревностенъ; онъ требовалъ вѣры во Христа, какъ самаго существеннаго для спасенія; Іаковъ былъ спокоенъ и сосредоточенъ, онъ требовалъ святости отъ всѣхъ, кто исповѣдывалъ себя христіанами.

Павель былъ въ высшей степени доктриналенъ, и поэтому вѣра занимала выдающееся мѣсто въ его богословіи; Іаковъ былъ въ высшей степени практиченъ, и поэтому дѣла занимали выдающееся мѣсто въ его ученіи. Оба сходились, приписывая оправданіе вѣрѣ, и оба утверждали, что вѣра, которая оправдываетъ, должна быть дѣятельна; но они рассматривали предметъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, и потому есть различіе въ ихъ выраженіяхъ, хотя нѣтъ различія въ ихъ мнѣніяхъ. вмѣстѣ съ Павломъ Іаковъ едва ли сталъ бы утверждать, что человекъ оправдывается вѣрою безъ дѣлъ закона, потому что апостоль считаетъ вѣру дѣйственной только, когда она производитъ дѣла; и вмѣстѣ съ Іаковомъ Павель едва ли бы сталъ утверждать, что дѣлами оправдывается человекъ, а не вѣрою только, потому что не допускалъ никакой другой вѣры, кромѣ вѣры живой и дѣятельной ¹⁾).

Мы должны также обратить вниманіе на различіе цѣли въ ихъ разсужденіяхъ. Они разсуждаютъ съ разными лицами и борются съ разными заблужденіями. Ап. Павель разсуждаетъ противъ тѣхъ, которые предполагали, что они могутъ оправдаться своими дѣлами. Его противниками были самоправедные фарисеи, которые уповали на свою собственную праведность и смотрѣли на соблюденіе закона, какъ на причину своей угодности Богу. Онъ говоритъ имъ, что единственная причина оправданія закономъ—это полное повиновеніе ему, и, такъ какъ это было недостижимо, то законъ, вмѣсто оправданія, осуждаетъ ихъ. На этомъ основаніи онъ утверждаетъ, что «дѣлами закона, не оправдается передъ Богомъ никакая плоть» (Рим. III, 20). Отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что единственный способъ оправданія — это вѣрою въ праведность Христа. «Ибо мы признаемъ, что человекъ оправдывается вѣрою безъ дѣлъ закона» (Рим. III, 28). Но подъ вѣрою онъ,

¹⁾ Шаффа Popular Commentary on the N. T. vol. IV. 124. The Epistle of James.

очевидно, разумѣть истинную вѣру—не простое исповѣданіе вѣры, не простое согласіе ума, но активный принципъ, такую вѣру, которая заключаетъ въ себѣ упованіе на Христа и заставляетъ человѣка дѣйствовать такъ, какъ онъ вѣруетъ,—вѣру, которая, какъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, «дѣйствуетъ любовію» (Гал. V, 6). Іаковъ, напротивъ, рассуждаетъ противъ тѣхъ исповѣдающихъ себя христіанами, которые предполагали, что они оправданы единственно ортодоксальнымъ исповѣданіемъ. Его противниками были тѣ іудейскіе христіане, которые гордились своими внѣшними привилегіями и думали, что простое исповѣданіе христіанства обезпечить ихъ оправданіе. Онъ говоритъ имъ, что простое согласіе съ истинами христіанства не спасетъ никого; что вѣра, не имущая дѣлъ, фальшива и бесполезна; и что если она не будетъ продуктивной и живой, то будетъ бесплодна. Вопросъ, о которомъ рассуждаетъ ап. Іаковъ, заключается не въ томъ—оправдывается ли человѣкъ отчасти дѣлами и отчасти вѣрою, но находится ли дѣйствительно въ оправданномъ состояніи человѣкъ, который исповѣдуетъ, что оправданъ вѣрою. Вѣра одна оправдываетъ грѣшника, но она должна быть истинной вѣрой, вѣрой, которая доказана, или скорѣе доказываетъ себя, что она истинная вѣра—добрыми дѣлами. И на этомъ основаніи ап. Іаковъ утверждаетъ: «Видите ли, что человѣкъ оправдывается дѣлами, а не вѣрою только» (Іак. II, 24). Такимъ образомъ цѣли этихъ двухъ писателей различны. Павелъ опровергаетъ фарисейскій легализмъ, заблужденіе тѣхъ, кто надѣялся на свои дѣла, чтобы получить спасеніе; Іаковъ опровергаетъ фарисейскій антиномизмъ, заблужденіе тѣхъ, которые надѣялись на свое религіозное знаніе и спекулятивную вѣру.

Апостолы Павелъ и Іаковъ рассматриваютъ оправданіе съ различныхъ точекъ зрѣнія. Павелъ рассуждаетъ о вопросѣ, какимъ образомъ виновный грѣшникъ можетъ быть оправданъ передъ Богомъ; Іаковъ научаетъ насъ, что

никакой человекъ, живущій во грѣхѣхъ, не можетъ быть оправданъ, каково бы ни было его исповѣданіе. Павелъ отвѣчаетъ на вопросъ пробудившагося грѣшника, «что долженъ я сдѣлать, чтобы спастись?»; Іаковъ увѣщаетъ исповѣдующихъ себя христіанами ходить достойными ихъ призванія. Павелъ, разсуждая съ фарисейскими законниками, показываетъ бесплодность ихъ дѣлъ; Іаковъ, разсуждая съ фарисейскими формалистами, показываетъ бесплодность ихъ вѣры. Павелъ смотритъ на оправданіе съ божественной точки зрѣнія и учитъ, что Богъ хочетъ оправдать насъ только вѣрою въ заслуги Его Сына; Іаковъ смотритъ на оправданіе съ человѣческой точки зрѣнія и учитъ, что вѣра, которая оправдываетъ, должна быть активная и воплощаться въ добрыхъ дѣлахъ.

Отсюда истинное разрѣшеніе затрудненія заключается въ томъ, что апостолы Іаковъ и Павелъ употребляютъ терминъ *вѣра* въ различныхъ смыслахъ; первый даетъ ему болѣе широкое значеніе, нежели послѣдній. Вѣра, которой Павелъ приписываетъ оправданіе, представляется апостоломъ, какъ активный принципъ,—вѣра, которая не только предполагаетъ согласіе ума съ откровеніемъ евангелія, но и дѣйствование на этомъ согласіи; словомъ, принятіе евангелія, упражненіе воли такъ же, какъ и ума. Вѣра должна доказать, что она реальна, жива и неподдѣльна, осуществляя на практикѣ истины, въ которыя она вѣруетъ. И посему апостоль въ томъ же самомъ мѣстѣ, въ которомъ онъ исключаетъ дѣла изъ всякаго участія въ нашемъ оправданіи, утверждаетъ ихъ важность и необходимую обязательность. «Благодатію вы спасены черезъ вѣру, и сіе не отъ васъ, Божій даръ: не отъ дѣлъ, чтобы никто не хвалился. Ибо мы Его твореніе, созданы во Христѣ Іисусѣ на добрыя дѣла, которыя Богъ предназначилъ намъ исполнять» (Ефес. II, 8—10). Въ дѣлѣ оправданія Павелъ не знаетъ никакой иной вѣры, кромѣ истинной и активной; недѣятельная вѣра для него не вѣра, но безвѣріе. Его писанія изобилуютъ наставленіями,

обращенными къ тѣмъ, которые вѣруютъ, связывая, такимъ образомъ, вѣру, которая оправдываетъ, съ повиновеніемъ закону Божию (п. къ Титу III, 8). Этой вѣрой, говорить ап. Павелъ, производящей дѣла, мы оправдываемся; и въ этомъ онъ совершенно согласенъ съ ап. Іаковомъ, который придаетъ важное значеніе добрымъ дѣламъ, какъ необходимому дополненію спасающей вѣры.

Ап. Іаковъ употребляетъ терминъ *вѣра* въ нѣсколько иномъ смыслѣ. Въ то время, какъ у Павла этотъ терминъ ограниченъ искренней и активной вѣрой, Іаковъ употребляетъ его въ болѣе общемъ смыслѣ, такъ что включаетъ сюда и теоретическую, и активную вѣру. Онъ говоритъ не только объ истинной вѣрѣ—твердомъ упованіи на Бога, который слышитъ молитву (Іак. 1. 6),—но также о вѣрѣ, которая мертва и непродуктивна и, слѣдовательно, неспособна оправдать. Онъ сравниваетъ подобную вѣру съ бездѣятельной любовью, которая расходуетъ себя на добрыя слова и благія желанія, но не приступаетъ къ дѣламъ милосердія (Іак. II, 14—17). Какъ эта любовь не имѣетъ цѣны, такъ и вѣра чловѣка, который исповѣдуется, что вѣруетъ въ евангеліе, но не переходитъ къ выраженію этого въ своихъ дѣлахъ. Іаковъ сравниваетъ такую вѣру съ вѣрой, которой владѣютъ бѣсы: «Ты вѣруешь, что Богъ единъ; хорошо дѣлаешь; и бѣсы вѣруютъ и трепещутъ. Но хочешь-ли ты знать, пустой чловѣкъ, что вѣра безъ дѣлъ мертва?» (Іак. II, 19, 20). Для этой мертвой, недѣятельной вѣры Іаковъ отрицаетъ оправданіе; она совершенно непродуктивна, она не можетъ приносить пользы. И дѣйствительно, при случаѣ, Павелъ употребляетъ терминъ «вѣра» въ томъ же самомъ смыслѣ и въ такихъ же сильныхъ выраженіяхъ, какъ Іаковъ, отрицаетъ для нея всякую спасительную или оправдательную силу: «Если я имѣю всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, — то я ничто» (1 Кор. XIII. 2). Вѣра оправдывающая есть вѣра, которая дѣйствуетъ любовью—такова доктрина ап. Павла; не оправды-

васть вѣра, которая лишена любви—такова доктрина ап. Іакова ¹⁾.

Перейдемъ теперь къ повѣрѣ нашего рѣшенія примѣромъ оправданія Авраама, которое и Павелъ, и Іаковъ приводятъ въ защиту своихъ взглядовъ, въ особенности когда здѣсь различіе въ выраженіяхъ очевидно. Ап. Павелъ приписываетъ оправданіе Авраама той вѣрѣ, которую онъ обнаружилъ, когда ему было открыто, что у него родится сынъ. «Что говоритъ Писаніе? Авраамъ повѣрилъ Богу, и это вмѣнилось ему въ праведность. Воздаяніе дѣлающему вмѣняется не по милости, но по долгу. А недѣлающему, но вѣрующему въ Того, кто оправдываетъ нечестиваго, вѣра его вмѣняется въ праведность» (Рим. IV. 3, 5). Вѣра, слѣдовательно, а не дѣла, была дѣйствующей причиной его оправданія; Авраамъ просто повѣрилъ свидѣтельству Бога, и это вмѣнилось ему въ праведность. Ап. Іаковъ держится иного взгляда на предметъ; онъ, кажется, приписываетъ оправданіе Авраама тому великому доказательству его послушанія, которое онъ далъ, когда приносилъ Исаака въ жертву. «Не дѣлами ли оправдался Авраамъ, отецъ вашъ, возложивъ на жертвенникъ Исаака, сына своего? Видишь-ли, что вѣра содѣйствовала дѣламъ его, и дѣлами вѣра достигла совершенства? И исполнилось слово Писанія: вѣровалъ Авраамъ Богу, и это вмѣнилось ему въ праведность» (Іак. II, 21—23). Реальное оправданіе Авраама передъ Богомъ произошло за 20 лѣтъ до принесенія имъ Исаака въ жертву; Богъ, который видитъ сердца людей, видѣлъ, что его вѣра была истинная; но принесеніе имъ въ жертву Исаака было внѣшнимъ проявленіемъ истинности и реальности его вѣры; поэтому заявленіе, которое было сдѣлано ему за много лѣтъ раньше, получило свое исполненіе и подтвержденіе. Его оправданіе было полно и несомнѣнно, когда его вѣра вмѣнилась

¹⁾ См. экскурсъ „James and Paul“ въ комментаріи на посланіе Іакова въ Шаффовомъ *Popular Commentary*, vol. IV. pp. 123—125.

ему въ праведность; но ея истинность была подтверждена его дѣлами. Нужно замѣтить, что Іаковъ не говоритъ, что дѣлами оправданіе Авраама было сдѣлано совершеннымъ, но что его вѣра достигла совершенства. Вѣра, содѣйствующая его дѣлами, его дѣла, вытекавшія изъ вѣры,—безъ вѣры они никогда не были бы совершенны и, слѣдовательно, черезъ дѣла его вѣра была сдѣлана совершенной,—оказались той истинной вѣрой, съ которой связаны евангельскія обѣтованія. Если бы его вѣра не была активной, она не была бы оправдывающей.

Есть двѣ различныя части въ доктринѣ объ оправданіи: одна, — что человекъ оправдывается вѣрою въ заслуги Христа, а другая, что вѣра, которая оправдываетъ, должна быть активной. Ап. Павелъ останавливается главнымъ образомъ на первой части, а ап. Іаковъ—на второй; такъ что вмѣсто противорѣчія въ ихъ взглядахъ—развитіе истины. «Отношеніе между этими двумя апостолами, также какъ ихъ различіе и сходство, замѣчаетъ Шафъ, можно выразить такъ: Іаковъ отправляется извнѣ внутрь, отъ феномена къ принципу, отъ периферіи къ центру, отъ плода къ дереву. Павелъ, напротивъ, идетъ извнутри наружу, отъ принципа къ феномену, отъ центра къ окружности, отъ корня къ цвѣтку и плоду» ¹⁾.

С. Зетринскій.

¹⁾ Шаффа History of the Apostolic Age, vol. II, p. 328.

ВЪ ПЕРЕЯСЛАВЛѢ (ПЕРЕСЛАВЛѢ) ЗАЛѢССКОМЪ.

1.

Побывать въ древнемъ Переяславлѣ—Переславлѣ Залѣсскомъ стоитъ каждому, кто любитъ отечественную старину и природу. Отъ Москвы ѣдутъ по Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дорогѣ шесть часовъ до станціи Берендѣево, откуда до города 19 верстъ. Ямщики возятъ хорошо и недорого.

Переславль Залѣсскій, то-есть *за лѣсомъ*, красивый городъ. Извѣстно, какъ церкви украшаютъ города, а въ Переславлѣ 25 приходскихъ церквей, да четыре монастыря. Подумайте, какая привлекательная для глазъ панорама образуется! Вдобавокъ, знаменитое переяславское озеро и обиліе зелени. «Вода и лѣсъ—краса природы», сказалъ С. Т. Аксаковъ.

Въ теченіе одного дня, отбросивши лѣнь, можно многое увидѣть въ уздномъ городѣ и увести домой много и впечатлѣній, и воспоминаній. Что касается до меня, то прежде, чѣмъ ознакомиться съ этимъ привлекательнымъ городомъ Владимірской губерніи, я прочиталъ кое-что, имѣвшееся у меня подъ рукою. Послѣ этого обзорѣніе вышло любопытнѣе и полнѣе.

Уже не доѣзжая семи верстъ до Переславля, отдаешься историческимъ воспоминаніямъ. Наплывъ ихъ властенъ и неодолимъ. Вотъ среди поля на холмѣ видится пострадавшая отъ времени часовня, мимо которой прошли три вѣка слишкомъ. Собственно это уже не часовня, а священная

сѣнь въ видѣ квадратнаго, сводчатаго, изъ старинныхъ кирпичей, шатра; онъ опирается на четыре кувшино-видныя колонны; крыша шестисторонняя, пирамидою. Шатеръ вѣнчается крестомъ, тогда какъ другой, деревянный, крестъ находится подъ сѣнью. Часовня - сѣнь повита преданіемъ, которое имѣетъ два отвѣтвленія. По одному изъ нихъ, на мѣстѣ часовни первая супруга Іоанна Грознаго, царица Анастасія Романовна, родила царевича Θεодора. Въ память событія де и воздвигнута часовня въ полѣ, а Θεодоровскій дѣвичій монастырь въ самомъ Переяславлѣ; по другому, болѣе достовѣрному, преданію,—Іоаннъ Грозный возвращался въ Москву послѣ покоренія Казани; на этомъ самомъ мѣстѣ его встрѣтилъ бояринъ Юрій Траханиотъ и возвѣстилъ царю побѣдителю о рожденіи царевича Дмитрія.

Іоаннъ такъ обрадовался, что сошелъ съ коня, снялъ съ себя пышное царское одѣяніе и отдалъ доброму вѣстнику и коня, и одѣяніе.

Въ память рожденія царевича Дмитрія (скоро умершаго) явилась часовня.

Переяславль раскинулся на берегу обширнаго озера. «Клецино» по лѣтописи, а «Плещее» — по другимъ актамъ, озеро это въ народѣ называется Переславскимъ—*Плещеевымъ*. «Свойства самаго озера, — читаемъ у Мартынова въ книжкѣ «Переславскій ботикъ Петра Великаго»,—даютъ ему полное право называться Плещеевымъ, потому что, какъ замѣчено изстари, оно выбрасываетъ на берега металлическія и другія, случайно попадавшія въ него, вещи; явленіе это объясняется тѣмъ, что при волненіяхъ, часто случающихся на озерѣ, вещи очень легко могутъ скользить по отлогости твердаго песчанаго дна и постепенно подвигаться и подниматься водою къ берегу. Безпокойное состояніе воды озера у береговъ его иногда замѣтно бываетъ и во время тихой погоды; потому-то, конечно, произошло и самое наименованіе Плещеева отъ глаголовъ: *плещу, плескаю*; неоднократно также было замѣчаемо, что озеро имѣетъ небольшіе приливы и отливы.

Плещеево, или Переславское озеро представляет поверхность въ 44 квадратныхъ версты. Озеро это, къ восточной сторонѣ котораго примыкають переславльскія слободы, занимаетъ самую средину обширной и глубокой долины. Долина со всѣхъ сторонъ окружена возвышенностями, которыя поднимаются надъ уровнемъ озера сажень на 20—30. Возвышенности прорѣзываются только съ западной стороны рѣкою Нерлюю, вытекающею изъ озера на сѣверо-западъ; съ противоположной стороны, то-есть съ восточной, втекаетъ рѣка Трубежъ. Озеро имѣетъ песчаное дно, на которомъ много ключей; вода прозрачна, и все озеро совершенно чисто до самыхъ береговъ; оно славится своими жирными и вкусными сельдями и вообще изобильно разною рыбою, въ особенности налимами и лещами.

Переславльская сельдь иначе называется ряпушкою и рипусою; свѣжею она употребляется въ пищу только мѣстными жителями, для которыхъ въ большинствѣ случаевъ она служить существеннымъ источникомъ пропитанія; но въ продажу поступаетъ копченая, потому что, будучи вынута изъ воды, скоро снетъ и портится. Однако, не рыбныя богатства прославили Переславльское озеро, а историческое событіе огромной важности: на этомъ озерѣ зародился русскій флотъ.

Брикнеръ рассказываетъ, что на Переяславскомъ озерѣ уже въ 1689 году была сооружена верфь. Подъ руководствомъ голландцевъ Карстена Бранта и Корта было построено три судна. Лѣто 1689 года Петръ I работалъ здѣсь, какъ простой корабельный плотникъ, съ топоромъ въ рукахъ. Сюда онъ переѣхалъ зимою 1691—92 годовъ и занялся постройкою большого военного корабля. Работалъ Петръ съ такимъ усердіемъ, что было трудно убѣдить его сдѣлать перерывъ, когда прибытіе въ Москву персидскаго посольства, хотя бы на короткое время, требовало присутствія царя въ столицѣ. 1-го мая 1692 года новое судно могло быть спущено, и это событіе послу-

жило повсюду ко многимъ празднествамъ. Изъ частнаго письма Петра къ матери съ Переяславскаго озера, можно видѣть, какъ былъ онъ поглощенъ именно предметами, относящимися къ кораблестроенію. Для участія въ морскихъ торжествахъ въ Переяславль прибыли супруга (Евдокія Лопухина) и мать Петра.

Въ 1689 году Петру было 17 лѣтъ; 30 лѣтъ спустя, вспоминалъ онъ, Преобразователь, свои юные годы и о томъ, какъ въ немъ вспыхнула страсть къ судостроительству. Плещеево озеро оказалось необходимымъ. «Въ маѣ мѣсяцѣ 1688 г. случилось намъ быть въ Измайловѣ на лѣняномъ дворѣ и, гуляя по амбарамъ, гдѣ лежали остатки вещей дому дѣда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидѣлъ судно иностранное, спросилъ Франца (Тиммермана): что то за судно? Онъ сказалъ, что то боть Англійскій. Я спросилъ: гдѣ его употребляютъ? онъ сказалъ, что при корабляхъ, для вѣзды и возки. Я паки спросилъ: какое преимущество имѣеть предъ нашими судами (понеже видѣлъ его образомъ и крѣпостію лучше нашихъ)? Онъ мнѣ сказалъ, что онъ ходитъ на парусахъ не только что по вѣтру, но и противъ вѣтру; которое слово меня въ великое удивленіе привело и яко-бы неимоверно. Потомъ я его паки спросилъ: есть-ли такой человекъ, который-бы его починилъ и сей ходъ мнѣ показалъ? Онъ сказалъ, что есть. То я, съ великою радостію услыша, велѣлъ его сыскать. И вышереченный Францъ сыскалъ голландца Каштрень Бранта, который призванъ при отцѣ моемъ въ компаніи морскихъ людей, для дѣланія морскихъ судовъ на Каспійскомъ морѣ; который оный боть починилъ и сдѣлалъ маштъ и парусы и на Яузѣ при мнѣ лавировалъ, что мнѣ паче удивительно и зело любо стало. Потомъ, когда я часто то употреблялъ съ нимъ, и боть не всегда хорошо ворочался, но болѣе упирался въ берега, я спросилъ: для чего такъ? Онъ сказалъ, что узка вода. Тогда я перевезъ его на Просяной прудъ, но и тамъ немного авантажу сыскалъ, а охота стала отъ часу быть болѣе.

Того дня я сталъ провѣдывать, гдѣ болѣе воды; то мнѣ объявили Переяславское озеро, яко наибольшее, куды я, подъ образомъ общанія въ Троицкій монастырь у матери выпросился; а потомъ уже сталъ ее просить и явно, чтобы тамъ дворъ и суды сдѣлать. И такъ вышереченный Каштрень Брантъ сдѣлалъ два малые фрегата и три яхты. И тамъ нѣсколько лѣтъ охоту свою исполнялъ».

До нашихъ дней въ Переяславлѣ празднуется день рожденія русскаго флота: въ шестое воскресенье послѣ Пасхи ежегодно совершается торжественный крестный ходъ изъ города въ Вельково, село на восточномъ озерномъ берегу, гдѣ въ бывшемъ дворцѣ Петра Великаго хранятся остатки судовъ его флотиліи. Крестный ходъ установленъ былъ самимъ царемъ. Этотъ день—день веселья, когда широко проявляется радушіе мѣстнаго населенія.

2.

Среди городскихъ святынь Троицкій Даниловъ монастырь недавно отсчиталъ 400 лѣтъ своему бытію. Онъ находится на южной оконечности Переяславля и основанъ въ 1508 году великимъ подвижникомъ Данииломъ, переяславльскимъ же уроженцемъ.

Отъ него онъ называется Даниловымъ, а по соборной церкви—Троицкимъ.

Преподобный Даниилъ, переяславскій чудотворецъ, вышелъ изъ зажиточной семьи; онъ родился около 1460 года и въ мѣрѣ носилъ имя Димитрія. Въ дѣтствѣ онъ уже уклонялся отъ забавъ, но любилъ слушать священное писаніе, и это направленіе духа его съ годами только вѣрло и росло. Суровое подвижничество и умерщвленіе плоти рано стали отрадны ему; отрокомъ онъ извѣдалъ иноческую жизнь въ Никитскомъ монастырѣ, гдѣ игуменствовалъ родственникъ его Іона, и жизнь эта такъ полюбилась ему, что Димитрій тайкомъ отъ родителей ушелъ въ Боровскъ, въ Пафнутіевъ монастырь, гдѣ принялъ по-

стриженіе и пребылъ 10 лѣтъ (по другимъ свѣдѣніямъ— 12 лѣтъ). Затѣмъ Даниилъ жилъ еще въ различныхъ мѣстахъ, неся великіе подвижническіе труды: въ Никитскомъ и Горицкомъ переяславскихъ монастыряхъ онъ прославился, какъ человѣколюбецъ. Особенно сердце его,—читаемъ въ историческомъ описаніи Троицкаго монастыря,—было устремлено на благо и спасеніе несчастныхъ. Странники и бѣдные люди находили у него пріютъ и спасительное слово назиданія; умершіе нечаянно, погибшіе отъ стихій, заѣденные звѣрями, убитые разбойниками и брошенные на распутіяхъ на произволь судьбы—всѣ были предметомъ попеченій преподобнаго, отыскиваемы были имъ и погребаемы.

Въ темныя ночи онъ выходилъ изъ кельи и собиралъ несчастныхъ, относилъ тѣла ихъ на кладбище и съ надгробными пѣснями погребалъ. Скудельница, или мѣсто погребенія усопшихъ, было, можно сказать, самое родное его сердцу мѣсто, которымъ занята была его душа, къ которому устремлены были всѣ его чувства.

На мѣстѣ Скудельницы и возникъ Троицкій монастырь.

Бояре Челядины Иванъ и Василій, въ благодарность за спасеніе отъ гнѣва великаго князя Василя Іоанновича молитвою Даниила, выпросили ему Божедомье въ полное распоряженіе. Но съ полученіемъ земли Даниилъ еще не могъ осуществить мечты, именно построить монастырь: не было средствъ. Но нашлись добрые люди: женщина, рыбакъ и поселянинъ. Въ память своихъ родителей и сродниковъ они пожертвовали 300 серебряныхъ монетъ и на эти «серебряники» Даниилъ сталъ воздвигать (въ 1508 г.) монастырь. Онъ построилъ храмъ въ честь Всѣхъ Святыхъ, возлѣ котораго вскорѣ появились и монашескія кельи.

Въ 1508 году Даниилъ настоятельствовавъ въ Горицкомъ монастырѣ, но возникновеніе монастыря на Божедомьѣ заставило его покинуть Горицкую обитель и позаботиться о процвѣтаніи новаго монастыря. Въ 1511 году

Даніилъ становится во главѣ божедомскаго иночества, для котораго онъ служитъ правиломъ вѣры и образомъ кротости. И великій князь Василій Іоанновичъ, и митрополитъ Симеонъ высоко почитали его. Дѣйствительно, это былъ выдающійся свѣтильникъ православія. Онъ слѣдовалъ примѣрамъ истиннаго подвижничества, которые въ то время уже были не единичны. Уже на сѣверѣ Руси стояли многіе монастыри, причемъ около Пскова только ихъ насчитывалось свыше дюжины. Изъ нихъ такіе монастыри, какъ Евфросиновъ, заставляли говорить о себѣ своею строгостью, трудами и продолжительными бдѣніями; одинъ новгородскій священникъ нарочно пришелъ въ Евфросиновъ псковскій монастырь лично убѣдиться, насколько вѣрны слухи о святости мѣстной братіи, и въ послѣдствіи отзывался объ игуменѣ и монахахъ: «это желѣзный съ желѣзными».

Даніилъ хотѣлъ поставить на подобной высотѣ переяславльскіе монастыри, но высокой примѣръ его самого не всегда былъ достаточнымъ для иночества, и житіе преподобнаго переяславльскаго сохранило любопытное свидѣтельство борьбы настоятеля съ пороками братіи. «Если вы желаете, чтобы я былъ у васъ настоятелемъ,—говорилъ Даніилъ горицкимъ монахамъ,—то вы должны слушаться меня. Вотъ у васъ есть обычай ходить изъ монастыря на базаръ безъ благословенія настоятеля; ходите также въ мірскіе дома и тамъ пируете и ночуете по нѣсколько сутокъ. Прошу васъ этого не дѣлать впередъ. Въ баню вы ходите вмѣстѣ съ мірянами. Этого не должно быть. Въ праздники, въ именины, въ поминовеніе родныхъ созываете къ себѣ родныхъ, друзей, знакомыхъ съ женами и дѣтьми, и они гостятъ у васъ по нѣскольку дней и ночей. Впередъ не только не должно быть пировъ, не только никто изъ женскаго пола не долженъ ночевать въ кельяхъ вашихъ, но никогда и принимать въ кельи женъ вы не должны. Кельи у васъ, какъ у вельможъ; это неприлично монашескому званію». Эта страница изъ житія свя-

того любопытна, какъ отраженіе быта и какъ показатель игуменскихъ достоинствъ самого Данила.

Въ своей обители онъ былъ первый и послѣдній; первый—по трудамъ, по скромности и по смиренію, послѣдній—по заботамъ о себѣ. Расположеніе великаго князя къ нему выразилось между прочимъ тѣмъ, что Данилъ былъ воспріемникомъ Іоанна, будущаго царя Грознаго. 7-го апрѣля 1540 г. Данилъ скончался, былъ погребенъ съ сѣверной стороны у соборнаго Троицкаго храма, а въ 1653 году были открыты нетлѣнныя мощи преподобнаго, которыя почиваютъ открыто, и много-много православныхъ людей приходитъ на поклоненіе имъ со всѣхъ концовъ обширной Русской земли.

Данилова обитель не поражаетъ паломниковъ своимъ вышнимъ великолѣпіемъ; до нашествія поляковъ въ 1612 году она процвѣтала пышно, но въ названномъ году подверглась раззоренію и съ тѣхъ поръ по сіе время, въ теченіе, слѣдовательно, почти трехъ вѣковъ, она не въ силахъ подняться на высоту, гдѣ стоятъ иныя первоклассныя монастыри. Во всякомъ случаѣ, не можетъ быть рѣчи тутъ и о монастырской бѣдности и тѣмъ болѣе запустѣніи.

Общій видъ Троицкаго Данилова монастыря живописенъ; изъ-за бѣлѣющихъ стѣнъ видны церкви, типичныя для сѣверной полосы Россіи. Древнѣйшая церковь, сооруженная свят. Даниломъ въ честь Всѣхъ Святыхъ, напомнила намъ своимъ видомъ соборъ на такъ называемомъ Городкѣ, въ Звенигородѣ Московскомъ, и Покровскую Церковь близъ Боголюбова монастыря, въ 10 верстахъ отъ Владиміра-на-Клязьмѣ. Вмѣстѣ-же онѣ, эти три церкви, напоминаютъ въ томъ-же Владимірѣ Дмитріевскій соборъ. Мы имѣемъ въ виду не тонкости отдѣлки, а самый ломбардскій стиль.

Соборъ Св. Троицы, сооруженный великимъ княземъ Василиемъ Іоанновичемъ въ 1530 г., занимаетъ середину монастыря. Здѣсь много иконъ древняго письма; древняя и храмовая икона Живоначальной Троицы. Но особенно при-

тягательной святынею являются для благочестивыхъ людей мощи святого основателя обители, нетлѣнно почивающія въ серебряной ракъ, подъ аркою, соединяющей основную часть собора съ придѣломъ.

На ракъ любопытны надписи:

Угодниче Христовъ, Блаженный Даниилъ!
 Ты честности примѣръ намъ жизнью явилъ:
 Отрекшись благъ земныхъ, къ небеснымъ прилѣпился,
 Средь бурь, средь подвиговъ непоколебимъ явился;
 Въ молитвѣ и трудахъ всю жизнь свою проведъ,
 Нетлѣнный тѣмъ вѣнецъ на небесахъ обрѣлъ;
 Споспѣшествуй и намъ расторгнуть сѣти міра,
 Чтобъ духомъ воспарить, какъ ты, въ края эфира.

Великимъ за труды плетутъ вѣнки лавровы;
 Но что воздать тому, кто подвиги суровы
 Рѣшился перенести, окончилъ ихъ и вдругъ
 По горькихъ опытахъ вручаетъ Богу духъ?
 Чѣмъ должно ублажить тебя, душа святая,
 Сердечный еміамъ тебѣ здѣсь воскуряя,
 Сожителю небесъ? Се отъ лица любви
 Приносимъ перстный даръ; отъ насъ его прими
 И буди вождь ты намъ, у Бога заступленье,
 Будь радость для сердецъ, будь царства огражденье!

Балдахинъ осѣняетъ раку. Множество лампадъ горятъ надъ гробницею. Не свѣтится-ли народная душа въ этихъ чистыхъ лампадахъ?

3.

Къ собору Святой Троицы, на сѣверо-западномъ углу, приблизилась колокольня. Она шатровая и тѣмъ близка русскому сердцу: вѣдь, подъ шатровыми верхами Русь жила цѣлые вѣка, зрѣла ея могучая мысль, питались богатырскіе помыслы. Колокольню воздвигъ князь Барятин-

скій (1689 г.), который заказалъ и главный благовѣстникъ и соорудилъ теплую церковь въ честь Похвалы Богородицы. Впрочемъ, на послѣднюю церковь жертвовали и родственники князя.

Князь Иванъ Петровичъ Барятинскій родился въ концѣ 1614 года отъ князя Петра и княгини Анастаси. До 46 го года его жизни не сохранилось объ немъ извѣстій. На 46 году онъ былъ стольникомъ. Въ это время онъ заключилъ миръ со шведами въ Кардисѣ и былъ потомъ посломъ въ Стокгольмѣ. Съ 1663 года по 1688-ой годъ онъ былъ окольнымъ, и были живы у него жена и дѣти. Въ 1688 году онъ былъ бояриномъ и началъ присылать изъ Москвы влады въ Даниловъ монастырь. Послуживъ до 73 лѣтъ государю и отечеству, князь Иванъ Петровичъ захотѣлъ посвятить остатокъ своей жизни на служеніе Богу и не то въ 1689-мъ, не то въ 1697 году постригся въ переяславльскомъ Даниловомъ монастырѣ въ монашество съ именемъ Ефрема.

Онъ скончался 1-го іюля 1701 года схимонахомъ Евѣиміемъ и погребенъ былъ на сѣверной сторонѣ настоятельскихъ покоевъ, у параднаго крыльца, близъ каменной часовни, устроенной имъ самимъ. Въ 1715 году сродникъ князя Барятинскаго старецъ Антоній построилъ при гробѣ его церковь во имя Евфимія Великаго, ради поминовенія души его и его сродниковъ. Каменная часовня обратилась въ церковь, которая при пожарѣ въ 1720 году обрушилась. Но сохранилась могила князя. На простомъ камнѣ нѣтъ печати бывшего князьего величія, только надпись въ стѣнѣ настоятельскихъ покоевъ говорила: «стани здѣ, человекъ, ко гробу сему присмотрися, яко человекъ въ мѣстѣ семъ положися, рабъ Божій, вкладчикъ сея обители, схимонахъ Ефремъ, что въ мѣрѣ былъ Бояринъ Князь Иванъ Петровичъ Барятинскій; житія его бысть всего 86 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, преставися въ лѣто 1701-е, мѣсяца іюля въ 1-й день».

Дорогъ и памятенъ долженъ быть для Данилова мона-

стыря князь Барятинскій; всѣ почти зданія, которыя видны въ немъ,—дѣло рукъ его, его чистая и усердная жертва въ монастырь. Вклады его и въ тогдашнее время оцѣнены въ 20,399 рублей. Всѣ вклады его имѣли одну добрую цѣль—вѣчное спасеніе и поминовеніе своей души и душъ сродниковъ; когда давалъ онъ какой вкладъ, то писалъ, что онъ это дѣлаетъ въ вѣчный поминокъ по душѣ своей и по своихъ сродникахъ. Устроивши, на примѣръ, кельи для живущей въ монастырѣ братіи, повелѣлъ высѣчь надпись на кельяхъ: «да помолятся о мнѣ, грѣшномъ, чтобы Богъ избавилъ меня муки вѣчной».

Кромѣ князя Барятинскаго, въ Даниловомъ монастырѣ погребенъ архіепископъ черниговскій Лаврентій Бакшевскій († 1837).

Въ Даниловомъ монастырѣ онъ жилъ на покоѣ, какъ и другой черниговскій архіепископъ Павелъ Подлипскій, погертвовавшій сюда свою бібліотеку.

Въ монастырской ризницѣ, бібліотекѣ и въ архивѣ есть старинные предметы, но особенно выдающихся среди нихъ, по описанію, не замѣчается. Не сохранились царскіе вклады, недостаетъ и многихъ грамотъ, погибшихъ отъ пожаровъ и вслѣдствіе вражескихъ нашествій.

Монастырь благолѣпенъ и въ народѣ чтимъ.

4.

Переславль основанъ суздальскимъ княземъ Георгіемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ въ 1152 году. «Георгій, вѣроятно, завелъ здѣсь сначала большое селеніе, собравъ жителей изъ кочевавшихъ при озерѣ рыбаковъ; это можно предположить потому, что князья, при основаніи городовъ, избранное мѣсто тутъ же осыпали валомъ; селеніе, окруженное валомъ, уже вполнѣ называлось городомъ». Сынъ Георгія—князь Всеволодъ III заново отстроилъ въ 1192 году Переславль и укрѣпилъ его.

Итакъ, первыми насельниками были рыбаки. Рыбная

ловля и въ настоящее время составляетъ занятіе не одной тысячи изъ городского населенія. Рыбацкая Слобода привлекала къ себѣ вниманіе юнаго Петра, и царь-строитель проводилъ въ ней цѣлые часы среди трудолюбивыхъ «пѣвнителей Плещеева озера». Расплылись воспоминанія о великомъ государѣ въ продолженіе почти двухъ вѣковъ, тѣмъ не менѣе и теперь еще онъ служитъ предметомъ кое какихъ разказовъ для стариковъ въ поученіе молодежи.

Петръ спасалъ рыбаковъ и катавшихся по озеру, когда начинались внезапныя бури; Петръ являлся во весь ростъ въ случаяхъ, когда страсть въ себѣ боролъ уваженіемъ къ правдѣ - маткѣ. Одинъ соколиный помытчикъ сидѣлъ въ заповѣдномъ мѣстѣ, гдѣ Ивановское болото, и готовился накрыть сѣткою налетѣвшаго сокола. Въ эту минуту царь Петръ проѣзжаетъ мимо съ охоты, приближается къ ловчему и спугиваетъ сокола. Разгоряченный помытчикъ, не узнавъ Петра, вскричалъ: убью! Петръ на это отвѣчалъ:

— Какъ ты смѣешь? Я твой царь!

— Государь, — сказалъ ловчій, — я исполняю тобою же повелѣнное.

Передъ тѣмъ вышелъ указъ, дозволявшій силою убивать того, кто на охотѣ подойдетъ къ ловчему и будетъ спугивать птицу.

Петръ подарилъ помытчику за такой отвѣтъ изъ своихъ рукъ шубу и пожаловалъ его въ соколиныя старосты ¹⁾.

Въ Феодоровскомъ монастырѣ до сихъ поръ сохраняется келья, въ которой, говорятъ, жила мамка Петра и наблюдала за всѣми его дѣйствіями, въ силу порученія матери — царицы Натальи Кирилловны. Петръ часто навѣщалъ мамку и подолгу съ нею бесѣдовалъ. Въ послѣдній разъ навѣстилъ ее, когда она уже лежала на смертномъ одрѣ. Онъ оставилъ ей мѣшокъ съ голландскими гульденами. Эти деньги она завѣщала монастырю на возобновленіе и

¹⁾ По изданію А. Мартынова.

украшеніе иконостаса. Памятникомъ ея пребыванія въ этомъ монастырѣ остался образъ съ святыми мощами, которымъ благословила ее царица Наталья Кирилловна.

Въ Никитскомъ мужскомъ монастырѣ, близъ Переславлѣ, иконостасъ въ храмѣ устроенъ по плану, составленному самимъ Петромъ и на сумму имъ пожертвованную ¹⁾. Какъ извѣстно, Петръ I былъ искусенъ въ мастерствахъ: въ галлерей его при петербургскомъ Эрмитажѣ, вѣроятно, многимъ доводилось видѣть царскую работу: точеныя изъ дерева тарелки, кружки, стопки, статуетки; люстру изъ слоновой кости, длинную полосу желѣза, вытянутаго на Олонецкихъ заводахъ.

Что касается рѣдкостныхъ иконостасовъ, то ихъ въ Переяславлѣ не одинъ. Точно также достойны всякаго вниманія рѣзныя ворота изъ дерева въ церкви Введенія во храмъ Пресв. Богородицы и царскія врата въ Спасъ-Преображенскомъ соборѣ.

Въ Переяславскомъ кремлѣ, — слышится голосъ историка, — существуетъ, въ продолженіе семи съ половиною вѣковъ, драгоценный памятникъ церковнаго зодчества XII вѣка, — соборъ, построенный Георгіемъ въ 1152 году, въ честь Преображенія Господня, какъ знаменіе преданности князя волѣ Божіей, во время лишенія надежды на полученіе Кіевскаго престола, стоившаго ему столько заботъ и кровавыхъ трудовъ. Соборъ этотъ сложенъ былъ весь изъ бѣлаго камня, безъ желѣзныхъ связей, — ихъ замѣняютъ деревянныя.

Храмъ этотъ, старѣйшій въ здѣшнемъ краѣ, служилъ первообразомъ для другихъ храмовъ XII вѣка, Владимірскихъ и Суздальскихъ.

Перейдемъ къ памятникамъ древности, сохранившимся въ этомъ храмѣ. Въ иконостасѣ замѣчательны: образъ Преображенія Господня, Деисусъ, Богоматерь; прочія иконы, — произведенія извѣстныхъ иконописцевъ стараго вре-

¹⁾ „Переславскій ботикъ Петра Великаго“, М. 1872, стр. 23.

мени Ухтомскаго и Казаринова. Особенное вниманіе обращаетъ икона этого послѣдняго художника — Распятіе и семь таинствъ, изъ которыхъ бракъ представляетъ священника въ многокрестной фелони, съ вѣнцомъ вокругъ головы, сочетавающаго брачующихся въ древнемъ русскомъ одѣяніи.

Въ соборной ризницѣ особенно останавливаютъ вниманіе древніе серебряные вызолоченные сосуды. По преданію, сосуды эти признаются вкладомъ самого основателя Спасопреображенскаго храма, князя Георгія Владиміровича Долгорукаго, и въ подтвержденіе истинны преданія служить рѣзное изображеніе на потирѣ св. Георгія, которому тезоименитъ былъ князь.

Наружной простотѣ стиля, которая въ архитектурѣ служитъ неотъемлемымъ доказательствомъ древности, соотвѣтствуетъ и простота внутренняя.

До шестидесятихъ годовъ XIX столѣтія полагали, что храмъ внутри не былъ расписанъ, но извѣстному владимірскому архитектору Н. А. Артлебену посчастливилось открыть на стѣнахъ его древнія фрески, подобныя открытымъ прежде во Владимірскомъ Дмитріевскомъ соборѣ.

Спасопреображенскій соборъ въ отечественной исторіи является свидѣтелемъ достопамятныхъ событій. Въ 1201 году изъ вѣдръ его переславцы приняли себѣ на княженіе князя своего Ярослава Всеволодовича. Здѣсь, съ полуденной стороны, въ ризницѣ находится указаніе на могилу князя Дмитрія Александровича, сына Невскаго героя; здѣсь же похороненъ и князь Иванъ Дмитріевичъ, внукъ Александру Невскому, который завѣщаль, по бездѣтству, княженіе свое московскому князю Даніилу Александровичу; въ этомъ же храмѣ созданъ былъ соборъ на св. Петра митрополита, постыдившаго клеветниковъ своею правотою и смиреніемъ ¹⁾).

¹⁾ По кончинѣ митрополита Максима (въ 1305 году) какой-то игумень Геронтій вздумалъ было своевольно занять его мѣсто, присвоивъ

Въ 1352 году здѣсь епископомъ Аѳанасіемъ благословленъ былъ на игуменство преподобный Сергій Радонежскій.

Великіе князья и цари, проѣзжая чрезъ Переяславль, молебствовали въ этомъ соборѣ и поклонялись праху князей переяславскихъ.

Юный Петръ, снарядивъ въ основу русскаго флота корабль, спущенный имъ на озеро Плещеево, здѣсь нерѣдко слушалъ божественную литургію и, по обычаю своему, пѣлъ на клиросѣ.

5.

Въ Переяславлѣ очень удобно ознакомиться со всѣми достопримѣчательностями, начиная съ утра и до вечера. Вспомнишь, какихъ-нибудь 60 лѣтъ назадъ поѣздка въ Переяславль заняла бы цѣлую недѣлю. На лошадахъ скоро ли доберешься сюда отъ Москвы? Профессоръ С. П. Шевыревъ, если бы и не останавливался въ попутныхъ мѣстахъ, развѣ бы доѣхалъ все-таки въ 8 часовъ? (См. «поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь»). А въ настоящее время 8 часовъ отсчиталъ — и въ Переяславлѣ, за 155 верстъ отъ Москвы.

Новыя мѣста—новыя, совсѣмъ не московскія, вообще

себѣ утварь святительскую и жезлъ пастыря; но патріархъ Аѳанасій въ угодность князю Галицкому, отвергнувъ Геронтія (въ 1308 году), посвятилъ въ митрополиты для всей Россіи Петра, волынскаго игумена, мужа столь ревностнаго въ исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей, что духовенство сѣверной Россіи единогласно благословило его высокою добродѣтель. Одинъ тверской епископъ, сынъ князя Литовскаго, Герлена, легкомысленный и гордый, дерзнулъ злословить сего митрополита, но былъ торжественно обличенъ въ клеветѣ на соборѣ въ Переяславлѣ - Залѣскомъ, гдѣ присутствовали: епископъ ростовскій, игумены, священники, князья, вельможи и посоль цареградскаго патріарха. Истиною и любовью заградивъ уста клеветнику, Петръ, вмѣсто укоризнъ, сказалъ ему: „миръ ти о Христѣ, чадо! Отнынѣ блюдися лжи; мимошедшая же да отпуститъ ти Господь!“ (Карамзинъ, т. IV).

не столичныя, настроенія. Взаимнѣ величественнаго — скромный городокъ; вмѣсто палатъ и многоэтажныхъ домовъ, которые американцы называютъ «небоскребами», большею частью домики незатѣйливые, но, видно, уютные. И воздухъ другой, и виды ближе къ сельскимъ. А сколько зелени! И какъ хорошо это Плещеево озеро, надъ которымъ носятся пернатые рыболовы, особенныя птицы, которыхъ въ Москвѣ не увидать.

Эти красноклювые и красно-лапчатые летуны представляютъ такую же особенность уѣзднаго городка, какъ, на примѣръ, голуби - Венециі или, точнѣе, венеціанской площади св. Марка.

Мы замѣтили расположеніе переславскихъ жителей къ бѣлымъ пернатымъ рыболовамъ. И птицы чувствуютъ себя въ городѣ прекрасно; онѣ свободно летаютъ, не боясь обидѣ со стороны даже дѣтей, которыя, вѣдь, — по выраженію извѣстной писательницы Л. Рамэ - Уйда, всегда жестоки. Почему? Потому что не думаютъ.

Хорошо посмотрѣть на городъ съ колоколенъ, весело наблюдать за полетами и работою рыболововъ съ красными клювами, любопытно отдаться воспоминаніямъ о Петрѣ Великомъ, чья тѣнь словно бы витаетъ надъ Переславлемъ Залѣскимъ.

«Указъ воеводамъ переславскимъ.

«Надлежитъ вамъ беречь остатки кораблей, яхтъ и галеры; а буде опустите, то взыскано будетъ на васъ и на потомкахъ вашихъ, яко пренебрегшихъ сей указъ.

Петръ.

«Въ Переславлѣ, въ 7 день Февраля 1722 года».

Это онъ указалъ, пріѣхавши въ послѣдній разъ къ колыбели отечественнаго флота. И городъ изъ вѣка въ вѣкъ свято соблюдаетъ «отеческое завѣщаніе». На Гремячѣ, въ Вельковѣ, хранятся эти, въ своемъ родѣ, святыни, питающія и любопытство и благоговѣніе потомства къ великому царю и его сотрудникамъ. Собственно, то, что на-

зывается дворцомъ — не дворець. Петровскій дворець не существуетъ; на мѣстѣ его, въ 1803 году, построенъ домъ на средства Владимірскаго дворянства; но это мало вліяетъ на значеніе петровскихъ реликвій вообще, которое остается высокимъ и назидательнымъ.

Гремячъ — гора, несмотря на свое безмолвіе, говоритъ объ угасшей эпохѣ и о племени языческомъ, которое нѣкогда населяло эти глухія лѣсныя мѣста и было погребается здѣсь. Курганы на Гремячѣ—мерянскія могилы.

Побродивши по Веськову, возвратиться въ Переславль, поклониться старинѣ былого Горичаго монастыря, святому Никитѣ Столпнику, другу мытарей, чьи мощи подъ спудомъ въ одноименномъ монастырѣ; отдать земной поклонъ святому князю Андрею Смоленскому въ его церкви, взглянуть на древнее уже по самому названію село Городище, полюбоваться ширью Переяславльскаго озера, а тамъ хоть—и во-свосяи! Памяти было, что удержать, уму есть надъ чѣмъ поработать, и сердце не останется глухимъ. Запечатлѣтся въ васъ дѣдушка Переславль и согрѣетъ все ваше существо совокупностью своихъ святынь и историческихъ памятниковъ, какъ самого его согрѣваютъ лучи солнца изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ,—во всѣ маеусайловы годы.

Страникъ.

КАКЪ ДОЛЖНО МОЛИТЬСЯ.

Молитва, по ученію св. отцевъ церкви, есть бесѣда нашей души съ Богомъ; она есть дыханіе нашей души, обнаруженіе жизни ея: какъ тѣло, когда умереть, не дышитъ, такъ и душа наша мертва, если потеряла желаніе молиться, не ищетъ молитвеннаго общенія съ Богомъ, не нуждается въ немъ. Не молящійся—духовно мертвѣетъ, живетъ, какъ животное, однѣми тѣлесными потребностями, самъ добровольно лишая себя общенія съ Богомъ, удаляясь отъ Бога, Который лишь одинъ подаетъ намъ *вся, яже къ животу и спасенію*. Какъ же намъ не стремиться къ тому, чтобы возносить свои умъ и сердце къ Богу,—какъ намъ не возносить своихъ моленій, прошеній и благодареній къ Господу Богу?—Посмотрите на дѣтей, которые любятъ своихъ родителей; какъ они охотно бесѣдуютъ съ ними. Посмотрите на то, какъ охотно спѣшаютъ съ своими мыслями и чувствами люди къ тѣмъ, къ кому они особенно расположены. Какъ же намъ не бесѣдовать съ Богомъ, не изливать предъ Нимъ своихъ нуждъ, мыслей и чувствъ, когда мы должны любить Его всѣмъ сердцемъ своимъ и всею мыслию своею?—Посему-то и слово Божіе научаетъ насъ совершать молитву, какъ необходимую и главную обязанность нашу. Самъ Господь нашъ І. Христосъ, во время Своей земной жизни, часто молился Богу-Отцу и въ молитвѣ искалъ подтвержденія для Своей чело-вѣческой природы; заповѣдалъ Онъ молиться и ученикамъ Своимъ; Апостолы также пребывали въ молитвѣ, заповѣ-

дали и вѣрующимъ *непрестанно молиться* (1 Сол. 5, 18). Св. отцы и подвижники Христовы также считали молитву главною и непремѣнною обязанностью христіанина, и сами пребывали въ непрестанной молитвѣ.

Но сколь существенно важна и необходима для насъ молитва, столь же поэтому необходимо нужно намъ знать, какъ должна быть совершаема истинная и Богоугодная молитва. Самъ Господь нашъ І. Христосъ и указалъ намъ примѣръ такой молитвы. Апостолы, видя Его часто молящимся, однажды обратились къ Нему съ просьбой: *Господи, научи насъ молиться?* (Лк. 11, 1). Господь и научилъ ихъ, а чрезъ нихъ и всѣхъ насъ молиться. *Когда молиться*, сказалъ Онъ, говорите: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! Да святится имя..... Яко Твое есть царство и сила, и слава во вѣки, аминь.* Такъ какъ Самъ Господь далъ эту молитву, то она и называется молитвой Господней; обращаемся же мы въ ней съ прошеніями своими къ Богу-Отцу, первому лицу св. Троицы.

Эта молитва служитъ общею христіанскою молитвою: нѣтъ ни одного христіанина, нѣтъ ни одного христіанскаго исповѣданія, нѣтъ ни одного христіанскаго богослуженія, гдѣ бы не употреблялась эта молитва. По образцу ея составлены и всѣ молитвы наши, какъ церковныя, такъ и домашнія. Такимъ образомъ, составляя сущность всѣхъ нашихъ молитвъ, молитва Господня научаетъ насъ тому, какъ мы должны просить Отца небснаго и о чемъ просить; она научаетъ насъ молиться съ такими чувствами и расположеніемъ сердечнымъ, какія необходимо имѣть молящемуся, чтобы молитва его была услышана. Она учитъ также, о чемъ мы должны молиться прежде и о чемъ послѣ. Мало того: она служитъ руководствомъ и вѣдѣль правственнаго совершенства нашего, и вѣдѣль спасенія нашего, ибо каждымъ словомъ напоминаетъ намъ ученіе Христово. «Сколько она (молитва Господня) сжата (кратка) въ словахъ», говоритъ одинъ учитель перваго Тертуліанъ, пресвитеръ Карфагенскій, жившій въ 3 вѣкѣ.

по Р. Христовѣ, «столько же она пространна въ смыслѣ, ибо обнимаетъ все ученіе Господа, на память приводитъ всѣ Его уроки и наставленія, такъ что она есть воистину сокращеніе всего евангелія» (Святоот. наст. 376 стр.). Наконецъ, и какая же молитва можетъ быть болѣе дѣйствительна у Отца небеснаго, какъ не та, которая изречена устами Его едиnorodнаго Сына?!

Если молитва Господня имѣетъ такое важное значеніе для насъ, то мы должны знать ее всѣ, отъ мала до велика, на память, должны молиться ею и произносить ее съ должнымъ благоговѣніемъ и съ понятіемъ, ибо молитва, произносимая только одними устами, безъ разумѣнія и участія сердца, не только не можетъ быть услышана, но еще прогнѣвляеть Бога. Онъ такъ говоритъ чрезъ пророка о такой молитвѣ: *приближаются Мнѣ людѣ сіи уста своими, и устами чтутъ Мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене: всуе же (напрасно же) чтутъ Мя* (Мѡ. 15, 8—9). Необходимо посему, чтобы молитва, произносимая устами и сопровождаемая тѣлесными знаками,—крестнымъ знаменіемъ и поклонами, непременно исходила отъ всей души, начинаясь въ умѣ и мысляхъ, исторгалась бы изъ сердца,—чтобы *отъ избытка сердца уста говорили*.

И вотъ для того, чтобы вы знали и понимали смыслъ и значеніе словъ молитвы Господней, чтобы молились, какъ должно молиться, и могли испрашивать себѣ необходимыя блага у Отца небеснаго, мы и намѣрены, какъ и сколько можно, объяснить ее вамъ; только съ вашей стороны необходимо глубокое и строгое вниманіе къ объясненіямъ молитвы Господней. «Издѣдуемъ», какъ убождаетъ насъ и св. Іоаннъ Златоустъ, «со всѣмъ тщаніемъ (со всѣмъ вниманіемъ и стараніемъ) смыслъ словъ (молитвы Господней) и будемъ хранить ихъ твердо, какъ законы Божіи».

Чтобы удобнѣе рассмотреть молитву Господню и глубже и отчетливѣе запомнить предлагаемыя вамъ объясненія, ее обыкновенно, какъ требуетъ и самое содержаніе;

дѣлать на *призываніе, семь прошеній и славословіе*. Начну съ объясненія *призыванія*.

Призываніемъ или воззваніемъ въ каждой молитвѣ называются обыкновенно тѣ слова, въ которыхъ мы обращаемся къ Богу или святымъ угодникамъ и называемъ ихъ тѣмъ или другимъ именемъ. Въ молитвѣ Господней призываніе читается такъ: *Отче нашъ, иже еси на небесахъ!* — Такъ научаетъ насъ Спаситель взывать къ Богу, когда мы начинаемъ молиться, называть Его своимъ Отцемъ. Господь нашъ І. Христосъ во время Своей жизни неоднократно говорилъ, что Богъ есть Отецъ нашъ; такъ, напр., вотъ Его слова, сказанныя въ разное время вѣрующимъ: *Такъ да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесахъ!* Или другое: *вѣсть бо Отецъ вашъ небесный, яко требуете сихъ всѣхъ...* Или еще: *Да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесахъ* и друг. многія. И дѣйствительно мы знаемъ, что Богъ даруетъ намъ жизнь, сохраняетъ нашу жизнь и силы наши, управляетъ нами; знаемъ, что Онъ послалъ на землю для нашего спасенія Сына Своего единороднаго, Господа І. Христа, и что Онъ печется о нашемъ спасеніи и даруетъ намъ общающее блаженство. Посему Онъ и есть Отецъ нашъ, а мы—Его дѣти.

Однако, какъ смѣемъ мы взывать къ Богу: *«Отче нашъ!»*, когда мы всѣ грѣшники, когда, въ лицѣ своихъ прародителей, мы оскорбили Бога и потеряли право называть Его Отцемъ; когда чрезъ Адама и Еву мы подверглись праведному проблѣтію, наказанію Божію; когда мы въ беззаконіяхъ зачинаемся и во грѣхахъ рождаемся на свѣтъ, и въ жизни своей на землѣ ежечасно, ежеминутно оскорбляемъ Бога своими беззаконіями и заслуживаемъ лишь Его праведный гнѣвъ? Какъ дерзаемъ взывать къ Богу: *«Отче нашъ!»*, когда Его боятся и трепещутъ всѣ небесныя Силы: ангелы, архангелы, херувимы и серафимы?— Кто же далъ намъ право называть Бога *Отцемъ* своимъ?

Это право даровалъ намъ Господь І. Христосъ, Который сходилъ съ неба на землю, спрдалъ и умеръ на крестѣ за грѣшный родъ человѣческій, и Своими страданіями, Своею добровольною крестною смертію удовлетворилъ за всѣхъ грѣшниковъ оскорбленному правосудію Божію, освободилъ насъ отъ проклятія и гнѣва Божія, приблизилъ насъ къ Богу, ввелъ насъ въ тѣснѣйшее общеніе съ Нимъ, содѣлалъ всѣхъ насъ изъ отверженныхъ чадами Божіими, дорогими Ему. Все это содѣлалъ Онъ за насъ и для насъ, по Своей безконечной милости и любви, и предложилъ намъ крестныя заслуги Свой, какъ милость, какъ даръ, которымъ можемъ пользоваться всегда, когда захочемъ, лишь бы имѣли твердую вѣру въ Сына Божія, въ Его крестныя заслуги.

Итакъ, если мы вѣруемъ въ Сына Божія, насъ ради спешаго съ небесъ, страдавшаго, погребеннаго и воскресшаго изъ мертвыхъ, то можемъ со дерзновеніемъ называть и Бога Отцемъ своимъ, потому что, въ силу крестныхъ заслугъ нашего Спасителя и по вѣрѣ нашей въ Него, подаются намъ въ таинствѣ св. крещенія всѣ благодатныя дары, возрождающіе насъ въ новую жизнь, святую, и содѣлывающіе насъ сынами Божіими. Потому-то вѣра въ І. Христа требуется отъ насъ прежде всего и, вмѣстѣ съ таинствомъ крещенія, составляетъ первое и главное условіе нашего спасенія, такъ какъ безъ нихъ нельзя называть Бога Отцемъ своимъ, нельзя угодить Ему, слѣдовательно, нельзя и спастись; только, кто будетъ вѣровать — *уже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ*; а кто не будетъ вѣровать, — *уже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ* (Мрк. 16, 16), сказалъ Самъ Спаситель. И еще: *елицы пріяша Его* (т.-е. увѣровали и крестились во Христа), *даде имъ власть чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ во имя Его* (Іоан. 1, 12), учить слово Божіе!

Итакъ, вотъ почему Онъ заповѣдалъ намъ, и мы имѣемъ право называть Бога Отцемъ своимъ. Мы взываемъ къ Нему: «*Отче нашъ!*» по вѣрѣ въ І. Христа, по благодати возрожденія въ таинствѣ св. крещенія.

Получивши такое великое право, такую великую милость, мы можем смѣло и всегда обращаться къ Отцу небесному съ своими прошеніями, съ своею молитвою, въ полной увѣренности, что Онъ ни въ чемъ не откажетъ и все подастъ намъ, только бы мы обращались къ Нему съ твердою вѣрою, только бы молитвы наши были чисты и пріятны Ему. Самъ Спаситель сказалъ: *его же аще просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ* (Іоан. 15, 16). Мы должны быть твердо увѣрены въ томъ, что Отецъ небесный любить насъ несравненно больше, чѣмъ земные родители своихъ дѣтей, и имѣть всѣ средства и всю возможность исполнить наши просьбы и нужды: *просите, и дастся вамъ; ищите, и обряцете; томите, и отверзется вамъ*, говоритъ Христось. *Аще убо вы, лукави суще, умнете даянія блага даяти чадомъ вашимъ, коими паче Отецъ вашъ небесный дастъ блага просящимъ у Него?* (Мѣ. 7, 4; 11).

Мало того, предоставленное намъ Господомъ І. Христомъ право называть Бога Отцемъ научаетъ насъ еще и тому, чтобы мы обращались къ Богу съ молитвой такъ же, какъ обращаются съ своими нуждами и просьбами послушныя дѣти къ своимъ родителямъ, а именно: съ сыновней любовію, съ несомнѣнной надеждою на то, что Онъ охотно приметъ насъ, хотя мы и недостойны милостей Его,—обращались съ дѣтской искренностью и простотой, со смиреніемъ, съ сознаниемъ своей беспомощности и полной сыновней зависимости во всемъ отъ Своего небеснаго Отца. — То же право, — называть Бога Отцемъ, — пусть вмѣстѣ напоминаетъ и о томъ, чтобы мы жили и поступали во всемъ по волѣ Отца небеснаго, какъ добрыя дѣти стараются исполнять всегда болѣе волю своего родителя, нежели свою; чтобы устроили жизнь свою согласно съ заповѣдями Божиими и чрезъ это были достойными званія дѣтей Божіихъ. Будемъ всегда памятовать объ этомъ званіи, чтобы не сдѣлаться намъ сынами діавола и тѣмъ не лишиться себя милостей Божіихъ. «Называя Бога Отцемъ», говоритъ св. Кипріанъ, «мы должны помнить и

знать, что намъ надлежитъ и поступать, какъ сынамъ Божиимъ, чтобы, какъ мы сами радуемся о Богѣ Отцѣ, такъ и Онъ радовался о насъ» (Святоотеч. наст. 390 стр.).

Если Богъ есть отецъ нашъ и мы — дѣти Его, то, слѣдовательно, всѣ мы, вѣрующіе христіане, — суть члены одного великаго семейства, суть братья между собою о Христѣ. Посему и должны мы относиться другъ къ другу такъ же, какъ относятся другъ къ другу братья и сестры въ доброй семьѣ, а именно: и любить другъ друга, и желать, и дѣлать каждый другому одно добро. Посему-то и Господь научилъ насъ молиться *Отче нашъ*, а не *Отче мой*. Да такъ каждый и молись *«Отче нашъ»*, а не *Отче мой*, хотя бы ты молился и одинъ, а не вмѣстѣ съ другими.

По христіанскому братолюбію, должно призывать Бога и просить отъ Него благъ сколько для себя, столько же и для всѣхъ. Ап. Павелъ научаетъ насъ: *молю (васъ) прежде всѣхъ творите молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся чловѣки... сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, иже всѣмъ чловѣкомъ хочетъ спастися и въ разумъ истины пріити* (1 Тим. 2, 1. 3—4).

«Господь научаетъ насъ», говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, «общую творить молитву о братіяхъ. Ибо не говорить: Отче мой, но — *Отче нашъ*, и симъ самымъ повелѣваетъ возносить молитвы за весь родъ чловѣческой, и никогда не имѣть въ виду собственныхъ выгодъ, но всегда стараться о пользѣ ближняго». — «Симъ воззваніемъ: «Отче нашъ» научаемся», говоритъ святитель Тихонъ, «что всѣмъ христіанамъ *единъ есть отецъ* — Богъ; слѣдовательно, они суть братья между собою, яко единого отца имущіи; почему и должны христіане, яко братіе духовные, любовь между собою имѣти, другъ за друга молиться Богу и аки единъ гласъ отъ сердца испущати къ небесному своему Отцу — *Отче нашъ!*» (Святоотеч. наст., стр. 393).

Молясь же Богу о всѣхъ людяхъ и прося у Него милостей для нихъ и себя, мы этимъ самымъ и свидѣтельству-

емъ предъ Нимъ о томъ, что мы братья между собою, что всѣ мы — одна семья Божія, и что имѣемъ любовь другъ къ другу. Этою взаимною молитвою мы можемъ надѣяться вѣрнѣе испросить у Отца небеснаго необходимыхъ для насъ благъ, ибо Самъ Спаситель молилъ Отца небеснаго о томъ, *да вси едино будутъ* (Іоан. 17, 21); и святая церковь научаетъ насъ «единными усты и единымъ сердцемъ славить и воспѣвать пречестное и великолѣпное имя Отца и Сына, и Св. Духа». И сами вникните: какая молитва можетъ быть благоуспѣшнѣе: та ли, которая возносится однимъ мною грѣшнымъ и за себя лишь одного, или та, которая возносится за всѣхъ, за весь христіанскій міръ; въ которомъ, вѣруемъ, всегда найдется, если не сорокъ или тридцать, то хоть десять праведниковъ? — Несомнѣнно, Господь пощадитъ міръ и даруетъ ему необходимыя блага, о коихъ молю, если не за мои недостойныя молитвы, то ради тѣхъ десяти праведниковъ, о которыхъ я молюсь, молясь за всѣхъ и себя, какъ вѣкогда Онъ Самъ свидѣтельствовалъ о томъ праведному Аврааму, что готовъ пощадить беззаконные города Содомъ и Гоморру и ради десяти праведниковъ, если они тамъ найдутся! Итакъ, молись, христіанинъ, о спасеніи всѣхъ и себя со всѣми, и несомнѣнно будешь спасенъ! Посему и св. Іоаннъ Лѣствичникъ, научая всѣхъ молиться за ближнихъ, говоритъ: «не отказывайся помолиться о душѣ другого, хотя бы не приобрѣлъ еще ты дара молитвы, потому что вѣра просящаго (*молитвы*) часто спасала молящагося о немъ съ сокрушеніемъ» (Лѣств. сл. 28, 36). И ап. Іаковъ свидѣтельствуемъ, что молитвы наши могутъ помогать ближнимъ, когда говорятъ: *молитесь другъ за друга, яко да исцѣлите: много бо можетъ молитва праведнаго постышаема* (Іак. 5, 16). — А сколько, наконецъ, такихъ людей, которымъ мы ничѣмъ не можемъ помочь или воздать за добро, намъ оказанное, какъ только молитвой? — Прося у Бога въ молитвѣ милостей для ближнихъ, мы тѣмъ самымъ оказываемъ имъ любовь свою, которой требуютъ

отъ насъ слова молитвы Господней: «Отче наш!» «Вну-
шается этими словами, чтобы богатые и знатные», гово-
рить блаж. Августинъ, «ставъ христианами, не гордились
предъ бѣдными и незнатными, такъ какъ и они тѣмъ же
словомъ, какъ и тѣ, зываютъ къ Богу: *Отче нашъ!* что
произносить искренно, отъ сердца они не могутъ, если не
сознаютъ себя братьями ихъ». Равнымъ образомъ св. Зла-
тоустъ разъясняетъ: «не можетъ называть человѣколю-
биваго Бога Отцемъ своимъ тотъ, кто имѣетъ настрое-
нiе души звѣрское и безчеловѣчное, потому что онъ не
имѣетъ свойствъ благодати, какія есть у небснаго Отца,
но измѣнился въ звѣрскій видъ и лишился божественнаго
достоинства. Тотъ же, кто кротокъ и человѣколюбивъ къ
ближнимъ и не мститъ согрѣшающимъ противъ него, но
воздаетъ за обиды благодѣянiями, безукоризненно можетъ
называть Бога Отцемъ (Святоот. наст., стр. 386, 392—393).»

Наконецъ, въ молитвѣ Господней, обращаясь къ Богу
Отцу, мы говоримъ еще: *иже еси на небесахъ*, т.-е. назы-
ваемъ Бога Отцемъ небеснымъ. Что же означаютъ эти
слова? и чему они насъ научаютъ? — Безъ сомнѣнiя они
прежде всего показываютъ; къ какому Отцу мы обра-
щаемся съ молитвой, именно къ Отцу-Богу, а не какому-
либо земному отцу. Но развѣ Богъ только на небѣ? Онъ
вездѣсущъ!.. Да, мы вѣруемъ, что Богъ вездѣсущъ, вездѣ
находится: не только на небесахъ, но и на землѣ, и на
всякомъ мѣстѣ; Онъ и въ храмѣ, и въ домахъ нашихъ;
но на небесахъ, гдѣ обитаютъ ангелы и святые угодники,
есть особенное присутствiе Божiе, въ вѣчной славѣ явля-
емое блаженнымъ духамъ. А гдѣ Богъ, туда должны стре-
миться и мы, дѣти Его. Отечество наше не здѣсь, на зе-
млѣ, гдѣ мы только странники и пришельцы временно
побудемъ, а на небѣ, гдѣ должны жить вѣчно. Тамъ, на
небѣ Господь уготовалъ славныя обители для любящихъ
Его. Къ небесному отечеству мы и должны всегда стре-
миться, къ нему устремлять свой умъ и свои мысли, къ
нему возносить свое сердце. Особенно же, приступая на

молитвѣ къ бесѣдѣ съ Богомъ, мы должны оставить все земное и тлѣнное и вознести умъ и сердце къ небесному, вѣчному и божественному. Объ этомъ то и напоминають, этому-то и научають насъ слова: *иже еси на небесѣхъ*. «Желая научить», говорить св. Іоаннъ Златоустъ, «чтобы мы оставили землю и земное и не преклонялись внизъ, а взяли крылья вѣры и, взлетѣвъ выше воздуха, стремились къ Отцу Богу, Онъ заповѣдалъ намъ говорить: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ,—не потому, чтобы Богъ находился только на небесахъ, но чтобы насъ, пресмыкающихся по землѣ, расположить къ стремленію на небеса и, озаривъ красотой небесныхъ благъ, обратить туда всѣ наши желанія».—«Словомъ—*на небесѣхъ*», поучаетъ другой св. отецъ, блаж. Теофилактъ, «указываетъ тебѣ Господь на твое отечество и отеческій домъ; посему, если желаешь имѣть Бога Отцемъ, смотри на небо, а не на землю, какъ безсловесныя» (Святоот. наст., 386 стр.). Значить, когда говоримъ мы: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ!* то должны всѣмъ существомъ своимъ возноситься горѣ, къ престолу Всевышняго, мысленно предстать предъ Его величіемъ, съ глубочайшимъ смиреніемъ, съ вѣрою и любовію молить Его о ниспосланіи необходимыхъ намъ даровъ духовныхъ и вещественныхъ.

Итакъ, приступая къ молитвѣ, будемъ приступать къ Богу, какъ дѣти къ отцу, съ вѣрою и надеждою на Него, съ любовію къ Нему сыновнею; будемъ стараться быть достойными званія дѣтей Божіихъ; будемъ молить Бога не за себя только, но и за всѣхъ людей, любя ихъ, какъ братьевъ своихъ; будемъ памятовать, что отечество наше на небесахъ, куда мы должны стремиться всегда, а особенно во время молитвы своей. И тогда-то, и только при этихъ условіяхъ, мы будемъ достойно взывать къ Богу: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ!*

Свящ. Георгій Раевскій.

Очеркъ жизни св. равноапостольной мученицы МАРІИ МАГДАЛИНЫ *).

III.

Со времени описанных св. евангелистами явленій воскресшаго Христа Спасителя и вызванной этими явлениями пламенной проповѣди св. Маріи Магдалины о воскресеніи, сохранившіеся новозавѣтныя книги не сообщаютъ болѣе подробностей о дѣятельности равноапостольной святой Маріи Магдалины, и свѣдѣнія о дальнѣйшей жизни ея составляютъ теперь предметъ преданія ⁹⁶). Преданія же о послѣдующей ея жизни нѣсколь-

*) Окончаніе. Смолр. августовскую кн. *Душпол. Чтенія* 1908 г.

⁹⁶) Слово—преданіе означаетъ разсказъ, повѣствованіе, память о событіи, перешедшія устно отъ предковъ къ потомкамъ; также поученія, наставленія, правила житейскія, переданныя однимъ поколѣніемъ другому. Голось древности, преданья старины.—„Книжники и фарисеи говорятъ Иисусу: зачѣмъ ученики Твои преступаютъ преданіе старцевъ“?.. (Ев. Матѳея гл. 15, ст. 2).—„Хвалю васъ, братія, что вы все мое помните и держите преданія такъ, какъ я передалъ вамъ“,—пишетъ св. Апостолъ Павелъ (I Коринѳ. гл. II, ст. 2). „Итакъ, братія, стойте и держите преданія, которымъ вы научены или словомъ, или посланіемъ нашимъ“,—поучаетъ онъ же (2 Тессал. гл. 2, ст. 15). „И преданіемъ,—поучаетъ Святитель Филаретъ Московскій, — можно бы было пользоваться наравнѣ съ Священ. Писаніемъ только въ томъ случаѣ, если бы, подобно непосредственнымъ ученикамъ апостоловъ, мы имѣли бы предъ глазами непосредственное апостольское истинное преданіе... Но и христіанскія преданія уже прошли чрезъ многія страны, народы,

нихъ мѣстныхъ христіанскихъ церквей много разнятся по мѣстности, откуда исходятъ; по существу однако вездѣ преданія эти сообщаютъ о ревностной равноапостольной дѣятельности св. Маріи Магдалины, и разность этихъ преданій зависитъ отъ того, кого или какихъ именно изъ святыхъ евангельскихъ женъ разумѣютъ эти церкви подъ именемъ святой равноапостольной Маріи Магдалины. Нѣкоторыя христіанскія церкви запада и также отцы церкви съ учеными богословами объединяютъ въ одну или въ двѣ личности трехъ евангельскихъ женъ: грѣшницу, которая въ домѣ Симона фарисея покаялась, обливала ноги Христа Спасителя своими слезами, отирала своими волосами и помазала драгоценнымъ миромъ;—⁹⁷⁾ потомъ еще Марію изъ Виваніи, сестру Лазаря, — ⁹⁸⁾ и еще Марію Магдалину, которая была освобождена Христомъ Спасителемъ отъ семи бѣсовъ ⁹⁹⁾. Но Восточная

языки и чрезъ многіе вѣка. Къ первоначальнымъ преданіямъ апостольскимъ присоединились преданія отеческія разныхъ степеней древности, и оказалось разнообразіе до противорѣчія. Поэтому, чтобы пользоваться преданіемъ, какъ источникомъ, нужно изслѣдованіе подлинности и достоинства преданій, чтобы устранивъ изъ нихъ неправыя измѣненія и чуждыя примѣшенія... И церковь православная признаетъ преданіе не самостоятельнымъ, а вспомогательнымъ источникомъ ученія христіанскаго“... Догматическое Богословіе по Филарету митроп. Московск. изд. Городкова 1887 г. стр. 19 и проч.

⁹⁷⁾ Ев. Луки гл. 7, ст. 37, 38 и проч. Марк. гл. 14 и Матѳ. гл. 26.

⁹⁸⁾ Ев. Луки гл. 10, ст. 39.—Иоан. гл. II, ст. 28 и проч.

⁹⁹⁾ Еванг. Иоанна главы 11, 12, 19 и 20.—Марка гл. 16, ст. 3.—Матѳ. гл. 27, ст. 7.—Нѣкоторыя церкви, отцы и ученые полагаютъ и учатъ, что св. Евангелисты во всѣхъ повѣствованіяхъ о вышеупомянутыхъ трехъ женахъ разумѣютъ все только одну личность, которая въ молодости, вѣроятно, была предана разврату и за ея порочный образъ жизни была одержима семью бѣсами. Услыхавъ о чудесахъ Христовыхъ, она идетъ къ Нему въ домъ Симона фарисея; за живость ея сокрушенія о своихъ грѣхахъ, она заслужила и получила отъ Спасителя прощеніе, и вслѣдствіе этого освободилась отъ семи, мучившихъ ее, злыхъ духовъ; тогда она могла оставить, съ родными своими, Лазаремъ и Марѳою, Галилею и избрать своимъ жилищемъ Виванію, гдѣ

Греко-Россійская православная Церковь нынѣ, какъ и прежде, признаетъ всѣ эти, упоминаемыя Евангеліями съ разными признаками, три личности за различныя, особыя,

Иисусъ часто удостоивалъ посѣщеніями ихъ домъ. Такого мнѣнія были, напримѣръ, Климентъ Александрійскій, св. Августинъ, и св. Григорій Великій и другіе. Таково было до настоящаго времени мнѣніе и западной римско-католической церкви. Но большая часть новѣйшихъ и западныхъ ученыхъ писателей различаютъ уже Марію Магдалину отъ Маріи—сестры Лазаря. Они говорятъ, что Магдалина не оставляла Спасителя въ послѣдніе годы Его жизни и слѣдовала за Нимъ изъ Галилеи въ Іерусалимъ, когда Онъ пришелъ туда къ послѣдному празднику пасхи іудейской, тогда какъ сестра Лазаря, Марія оставалась въ это время съ братомъ и Марѳою въ Вифаніи, потому что ни одинъ изъ Евангелистовъ не упоминаетъ ея имени, перечисляя женъ, послѣдовавшихъ тогда за Иисусомъ и прибывшихъ съ Нимъ въ Іерусалимъ. И въ самомъ дѣлѣ, эти двѣ благочестивыя жены являются въ Св. Писаніи носящими совершенно различныя признаки: одна всегда именуется Магдалиною и исчисляется между женами, которыя слѣдовали за Христомъ изъ Галилеи;—другая, напротивъ, означается именемъ сестры Лазаря изъ Вифаніи. Такое постоянное различіе ихъ въ отличительномъ прозваніи не могло быть безъ значенія у св. Евангелистовъ и необходимо ведетъ къ мысли, что ихъ не должно смѣшивать. Святый Иринеи, знаменитый Оригенъ, св. Іоаннъ Златоустъ и многіе другіе отцы церкви и ученые различаютъ св. Марію Магдалину отъ св. Маріи, сестры Лазаря, но признаютъ кающуюся грѣшницу, упоминаемую св. Лукою въ концѣ 7-ой главы, за одно лицо съ св. Магдалиной. Но и это мнѣніе положительно ничѣмъ не доказывается... Св. же Григорій Великій и нѣкоторые другіе толкователи Св. Писанія, которые признаютъ св. Марію Магдалину за одно лицо съ кающеюся грѣшницей въ домѣ фарисея Симона (въ Назарѣ), понимаютъ подъ семью бѣсами, изгнанными Христомъ изъ Магдалины, разные грѣхи, которые она привила себѣ худою жизнію, и которые послѣ ея покаянія предъ Спасителемъ будто оставили ее. Но такое толкованіе словъ св. Евангелія совершенно произвольно и противорѣчитъ общему значенію, въ которомъ употребляются эти выраженія въ Евангелии, гдѣ подъ ними вездѣ прямо и опредѣленно разумѣтся вселеніе въ чловѣка нечистыхъ духовъ, которые, по допущенію Божію, вторгались въ тѣло несчастныхъ не только въ числѣ одного, но даже и цѣлаго легіона. Многіе и позднѣйшіе западные толкователи Св. Писанія принимаютъ, согласно съ Восточной православной церковью, слова Евангелистовъ Луки и Марка о изгнаніи семи бѣсовъ буквально.

не желая основывать историческія свѣдѣнія на произвольныхъ, только вѣроятныхъ толкованіяхъ. Вслѣдствіе этого преданіе Восточной Греко-Русской православной Церкви сообщаетъ, что послѣ евангельскихъ явленій воскресшаго Христа до вознесенія Его и послѣ святая равноапостольная Марія Магдалина пребывала съ Пресвятою Богородицею и апостолами и была дѣятельною споспѣшницею первыхъ успѣховъ распространенія христіанской вѣры сначала въ Іерусалимѣ. Но полная усердія, пылкой вѣры и ревностной любви къ благовѣстію Божию она затѣмъ проповѣдывала и по другимъ странамъ, всюду возвѣщая небесную благодать, радость и спасеніе всѣмъ, увѣровавшимъ въ Спасителя міра Христа воскресшаго.

Посѣтивъ между прочимъ Италію ¹⁰⁰⁾, святая равноапостольная Марія Магдалина изыскала случай явиться къ царствовавшему въ то время императору Тиверію І-му ¹⁰¹⁾ и поднесла ему, по общепринятому восточному

¹⁰⁰⁾ Италія (Дѣян. Апост. главы 18 и 27, 28. Посл. Евр. Гл. 13)—общезвѣстная европейская страна съ городомъ Римомъ столицею государства. Въ Новомъ Завѣтѣ Италіею означается полуостровъ Италійскій отъ Альпійскихъ горъ съ сѣвера до острова Сициліи на югѣ. Уже съ глубокой древности Италія славилась своею просвѣщенностью, художествами, искусствами. Италія была одною изъ первыхъ европейскихкихъ странъ, въ которыхъ благовѣствовалась евангельская проповѣдь. Во времена Спасителя и апостоловъ въ Италіи находилось множество іудеевъ, хотя незадолго предъ тѣмъ изданъ былъ императорскій указъ Клавдія объ изгнаніи ихъ изъ Рима. И еще до посѣщенія Италіи апостоломъ Павломъ ученіе Христа Спасителя уже было тамъ проповѣдано учениками Христовыми.

¹⁰¹⁾ Тиверіи кесарь (Ев. Луки гл. 3, ст. 1) былъ Римскимъ императоромъ, преемникомъ Октавія Августа, который усыновилъ его, жениась на матери его Ливіи Друзиллѣ; царствовалъ съ 14 до 37 года по Рожд. Христовомъ. Былъ хитеръ, дѣйствія свои маскировалъ рѣшеніями сената, былъ притворенъ, жестокъ и деспотиченъ; задушенъ былъ въ постели по повелѣнію начальника его тѣлохранителей. Въ царствованіе Тиверія съ 14 лѣтъ протекала вся послѣдующая земная жизнь Христа Спасителя. Съ 15 года царствованія Тиверія, по крещеніи отъ Іоанна, Христосъ началъ открытое служеніе Свое спасенію.

обычаю, яйцо, окрашенное въ красный цвѣтъ, сказавъ при этомъ: «Христось воскресь»!

Не удивила императора бѣдность подношенія св. Маріи Магдалины, впервые явившейся къ нему, потому что онъ зналъ древнее обыкновеніе вообще на Востокъ и также у іудеевъ, являясь въ первый разъ къ высшимъ, или, въ торжественномъ случаѣ, къ знакомымъ, или покровителямъ, подносить въ знакъ почтенія даръ, съ какимъ либо извѣстнымъ, или съ особымъ, специальнымъ, символическимъ значеніемъ. Примѣры этого находятся въ іудейской ветхозавѣтной исторіи ¹⁰²⁾ и представляются также въ дарахъ, поднесенныхъ богатыми волхвами ¹⁰³⁾ родившемуся

человѣчества, умеръ и воскресъ изъ мертвыхъ. Римскимъ правителемъ Іудей при Тиверіи былъ (съ 26 до 36 г. по Рож. Хр.) Понцій Пилатъ. Замѣчательны такъ называемые „Акты Пилата или донесеніе этого Пилата императору Тиверію о жизни, осужденіи на смерть и воскресеніи Христа Спасителя и о чудесахъ Его“. Іустинъ, Тертуліанъ, Евсевій и другіе древніе историки пишутъ, что Тиверій, прочитавъ допесеніе Пилата о чудесахъ Христовыхъ, предложилъ Римскому сенату включить Иисуса Христа въ число боговъ римскихъ, но сенатъ не согласился на это только потому, что самъ не изслѣдовалъ это дѣло и не самъ одобрилъ Христа. Акты Пилата составляютъ первую часть такъ называемаго евангелія Никодима. На русскомъ яз. напечатаны въ Памятникахъ Старин. русск. литературы изд. гр. Купчелевымъ-Безбородко, въ вып. трет. 1862 г. стр. 96—106, и тамъ-же еще „Посланіе Пилата къ Тиверію кесарю“, стр. 106—109. Еще въ апокриф. Новозавѣтн. проф. Порфирьева, изд. 1890 г. стр. 21—30 и 164—197.

¹⁰²⁾ Кн. Бытіе гл. 43, ст. 11.—3 Царствъ гл. 10, ст. 2.—Въ древнемъ и даже на современномъ Востокѣ явленіе подчиненныхъ къ властителю и вообще низшихъ къ высшему безъ подарка признается выраженіемъ невѣжливости и даже непочтительности. Такъ на примѣръ сказано, что при избраніи Саула только „негодные люди презрѣли его и не поднесли ему даровъ“... 1 Царствъ гл. 10, ст. 27.

¹⁰³⁾ Волхвъ слово персидскаго происхожденія, и волхвами назывались люди мудрые, обладавшіе высокими, обширными и даже тайными знаніями, въ особенности астрономическими и медицинскими. Они пользовались великимъ уваженіемъ и были большею частію служителями религіи, жрецами.

Иисусу Христу въ Виѳеємѣ іудейскомъ ¹⁰⁴⁾. А люди бѣдныя въ подобныхъ обстоятельствахъ приносили въ даръ разные плоды своей мѣстности или яйца птицъ. Такъ, слѣдуя отчасти этому древнему обычаю и съ цѣлію краснымъ цвѣтомъ поднесеннаго яйца и неслыханными до толѣ словами «Христось Воскресъ» возбудить любопытство подозрительнаго императора Тиверія, святая равноапостольная Марія Магдалина съ разъясненія значенія такого ея поднесенія начала свою горячую проповѣдь о воскресеніи и ученіи Христа Спасителя. Она съ большимъ вдохновеніемъ и убѣжденіемъ рассказала императору о жизни, чудесахъ, распятіи и воскресеніи Иисуса Христа и прямымъ, простодушнымъ изложеніемъ чрезвычайно несправедливаго, пристрастнаго суда надъ Иисусомъ Христомъ озлобленныхъ членовъ Іерусалимскаго синедріона ¹⁰⁵⁾ и попустительства при этомъ малодушнаго

¹⁰⁴⁾ Виѳеємъ іудейскій былъ небольшимъ городкомъ къ югу около 10 верстъ отъ Іерусалима. Слово Виѳеємъ значитъ „домъ хлѣба“, названіе, данное этому мѣсту по необыкновенному плодородію окружающей почвы. Онъ назывался въ древности Виѳеємомъ Ефрафа, а въ отличіе отъ Виѳеєма въ Галилеѣ, его называли іудейскимъ; по рожденію же въ немъ царя-пророка Давида именовали и градомъ Давидовымъ (Ев. Луки гл. 2, ст. 4). Виѳеємъ расположенъ былъ на возвышенной горѣ, въ видѣ амфитеатра и окруженъ плодородными полями и холмами, представляя очень живописную мѣстность. Шагахъ въ двухстахъ отъ города на одномъ изъ холмовъ указываютъ, по преданію, пещеру, въ которой родился Христось Спаситель. Въ 4-мъ вѣкѣ императрица греческая Елена надъ пещерою Рождества Христова воздвигла храмъ, средній алтарь котораго находится надъ этою пещерою Рождества. Изъ него, по 15 мраморнымъ ступенямъ, входъ въ подземную церковь, которая и есть самая пещера-вертепъ Рождества Христова... Въ настоящее время Виѳеємъ, извѣстный и подъ именемъ Бетламъ, походитъ болѣе на деревню съ домами въ развалинахъ, съ тремя тысячами жителей арабовъ, занимающихся земледѣіемъ, садоводствомъ, пчеловодствомъ или изготовленіемъ мелкихъ священныхъ вещей, четокъ, распятій, образковъ и проч. Во всѣ времена Виѳеємъ посѣщался и до нынѣ посѣщается множествомъ богомольцевъ.

¹⁰⁵⁾ Синедріонъ Іерусалимскій былъ верховнымъ судилищемъ іуде-

римскаго правителя Іудеи Пилата Понтійскаго ¹⁰⁶) къ осужденію на распятіе Іисуса Христа навлекла на нихъ гнѣвъ императора: Тиверій предалъ ихъ суду, которымъ Пилать лишенъ былъ власти и сосланъ въ Галлію ¹⁰⁷), въ городъ Віенну, гдѣ, по одному преданію, удрученный угрызениями совѣсти и отчаяніемъ, самъ лишилъ себя жизни. По другому же преданію, приговоренный судомъ къ смертной казни, Пилать раскаялся, обратился съ молитвою ко Христу, и былъ Спасителемъ прощенъ, въ

евъ, состоялъ изъ 72 членовъ, преимущественно фарисеевъ и саддукеевъ, избираемыхъ падачею голосовъ и отчасти жребіемъ. Собирался синедрионъ при іерусалимскомъ храмѣ, но въ особенныхъ случаяхъ и въ домѣ первосвященника, его предсѣдателя (Ев. Матеея гл. 26, ст. 3. Иоан. гл. 18, ст. 24). Рѣшенію синедриона обязаны были повиноваться безусловно всѣ. По покореніи Іудеи римлянами власть синедриона была ограничена, и на исполненіе произнесенныхъ имъ смертныхъ приговоровъ требовалось согласіе римскаго правителя. По разрушеніи Іерусалима синедрионъ былъ уже не судилищемъ, а только училищемъ Закона іудейскаго.

¹⁰⁶) Пилать названъ Понтійскимъ отъ болотистой итальянской понтійской провинціи, въ которой онъ былъ ранѣе правителемъ. Съ 27 года по Рожд. Христовомъ Пилать былъ правителемъ Іудеи, но ненавидѣлъ свободу, обычаи и религію іудеевъ; онъ не колебался продавать правосудіе и предавалъ мученіямъ и смерти невинныхъ безъ судебного разбирательства, почему десятилѣтнее его правленіе было крайне непріязненно іудеямъ и вызывало народныя возмущенія; разъ онъ не стѣснился предать смерти цѣлую толпу галилеянъ въ самомъ храмѣ іерусалимскомъ даже во время жертвоприношенія такъ, что кровь ихъ смѣшалась съ жертвами ихъ (Еванг. Луки гл. 13, ст. 1).

¹⁰⁷) Галлія была странною галловъ или франковъ, покоренною римлянами; это современная Франція. Городъ Віенна на рѣкѣ Ронѣ, при дорогѣ въ городъ Марсель, окружный городъ Изерскаго департамента нынѣшней Франціи. На соборѣ въ Віеннѣ въ 1312 году папа Климентъ V объявилъ духовный орденъ тамплиеровъ еретическимъ. По преданію, Лазарь и сестры его Марѳа и Марія посажены были іудеями въ лодку и пущены въ море на волю волнъ и вѣтра. Эту лодку выбросило на берегъ въ южной Галліи, и прибывшіе на ней обратили въ христіанскую вѣру жителей городовъ Марселя, Экса и другихъ.—Преданіе о смерти Пилата въ городѣ Віеннѣ признають вѣрнымъ спеці-

знакъ чего, по отсѣченіи головы его, она была принята ангеломъ ¹⁰⁸).

Вмѣстѣ съ св. равноапостольною Марією Магдалиною отправились, по преданію, въ Италію сестры Лазаря Марѳа и Марія ¹⁰⁹); а Пилатъ, узнавъ объ этомъ и боясь разоблаченій христіанами его противозаконныхъ дѣйствій, самъ отправилъ императору Тиверію донесеніе объ Иисусѣ Христвѣ ¹¹⁰), въ которомъ онъ свидѣтельствовалъ о благодѣ-

альные изслѣдователи жизни Пилата. (Смотр. „Душеполезное Чтеніе“ 1908 г. № 4, стран. 458).

¹⁰⁸) Такъ значитъ по одной изъ редакцій „посланія Пилата къ Тиверію Кесарю“, составляющаго часть апокрифическаго, такъ называемаго, Евангелія Никодима, съ добавленіемъ, что, по отсѣченіи головы Пилату, осудившихъ Иисуса Христа первосвященниковъ Анну зашили въ воловью кожу и повѣсили, а Каіафу убили стрѣлою въ сердце... (Подробн. текстъ въ Апокриф. Новозавѣт. Порфирьева, изд. 1890 г., стр. 30, и проч.—Пасха Господня „Лаврентьева, изд. 1869 г. стр. 102 и проч.).

¹⁰⁹) Марѳа и Марія двѣ сестры, жившія съ братомъ своимъ безбрачнымъ Лазаремъ при подошвѣ горы Елеонской въ Вифаніи. Это было благочестивое семейство, съ которымъ былъ въ дружбѣ Христосъ Спаситель; Онъ заходилъ отдыхать въ ихъ домъ при посѣщеніи Іерусалима (Еванг. Луки гл. 10. Іоан. гл. 11 и 12. Матѳея гл. 26. Марк. гл. 14). Когда Лазарь умеръ, Христосъ Спаситель воскресилъ его на четвертый день, проявивъ полное могущество Свое надъ смертію, послѣ чего члены синадріона положили убить и Лазаря. Но, по преданію, онъ прожилъ еще 30 лѣтъ и былъ епископомъ на островѣ Киурѣ, гдѣ и скончался. Память его совершается Церковью 17 октября.

¹¹⁰) Подъ заглавіемъ „Возношеніе или Посланіе Пилата къ Тиверію кесарю“—это донесеніе помѣщено въ славянскихъ редакціяхъ такъ называемаго Евангелія Никодима непосредственно послѣ первой части этого Евангелія и составляетъ заключеніе ея; но кромѣ того оно въ видѣ отдѣльной и болѣе подробной статьи встрѣчается еще чаще въ рукописяхъ, чѣмъ Евангеліе Никодима; также донесеніе это вставляется вполнѣ въ книгу, называемою „Страсти Христовы“ или „Страсти Господни“, распространенную во множествѣ списковъ и съ раскрашенными изображеніями. Нѣсколько разъ книга эта была напечатана въ Супраслѣ, во Львовѣ и въ Почаевѣ; она описываетъ страданія, смерть, погребеніе и воскресеніе Спасителя съ большими

тельной жизни Христа, объ исцѣленіи Имъ всякихъ болѣзней, увѣчій, даже воскрешеніи умершихъ и о прочихъ великихъ чудесахъ Его. Пилать утверждалъ, что, провѣря обвиненія іудеевъ, онъ не нашелъ въ Иисусѣ Христѣ никакой вины, много подвизался избавить Его отъ рукъ крамольныхъ іудеевъ, но не могъ достигнуть Его избавленія и отдалъ Иисуса на ихъ волю, ради народнаго крика и крамольнаго обвиненія іудеями самого Пилата... А по распятіи іудеями Иисуса совершились страшныя знаменія въ природѣ, и много людей умершихъ воскресло, когда на третій день воскресъ Иисусъ, и Пилать, какъ свидѣтель, одержимый великимъ страхомъ, доносилъ державному кесарю о всемъ содѣянномъ съ Иисусомъ Христомъ, который сталъ предметомъ вѣры, какъ Богъ... ¹¹¹⁾.

заимствованіями изъ Евангелія Никодима. Первая часть Евангелія Никодима въ древнихъ спискахъ называлась „Актами Пилата или записками о Господѣ Иисусѣ Христѣ“, въ коихъ описано осужденіе Пилатомъ Спасителя, Его смерть и воскресеніе. Въ главныхъ чертахъ эта часть согласна съ каноническими 4 Евангеліями, только съ украшеніемъ Евангельскаго разсказа разными подробностями, коихъ нѣтъ въ 4 каноническихъ Евангеліяхъ. Вторая часть Евангелія Никодима содержитъ разсказъ двухъ воскресшихъ при воскресеніи Христовомъ снновей Симеона Богопріимца о сошествіи Спасителя въ адъ, основываясь на словахъ I посланія апост. Петра (гл. 3, ст. 18—19). Въ извѣстномъ словѣ, приписываемомъ епископу Евсеію Александрійскому, это сошествіе изображено уже ораторскимъ слогомъ и въ широкой драматической формѣ. Евангеліе Никодима самаго древняго происхожденія; на него указываютъ писатели 2 вѣка; оно пользовалось большимъ уваженіемъ и сохранилось въ греческихъ и латинскихъ спискахъ. Вліяніе его отразилось во многихъ произведеніяхъ византійской и западной литературъ и въ церковныхъ проповѣдяхъ и пѣснопѣніяхъ. На русскомъ языкѣ напечатана вполнѣ только вторая часть въ приложеніи къ Мартовск. кн. Православнаго Обзоренія 1860 года. Въ старомъ же славянскомъ переводѣ находится только первая часть и напечатана въ „Памятникахъ старинной Русской литературы“, изд. Купчелевымъ-Безбородко, выпуск. 3, стран. 91—109, и въ Апокриф. Новозавѣтн. Порфирьева, изд. 1890 г. стр. 164 и проч.

¹¹¹⁾ Писаніе Пилата императору Тиверію о чудесахъ, смерти и во-

Послѣ такихъ свидѣтельствъ со стороны римскаго правителя Иудей и со стороны почитателей Христа Спасителя, императоръ Тиверій, по преданію, самъ увѣровавъ во Христа Спасителя, предложилъ причислить Иисуса Христа къ лику боговъ римскихъ, и даже тогда, когда римскій сенатъ ¹¹²⁾ отвергъ таксе его предложеніе, Тиверій

скресеви Христа Спасителя неоспоримо и свидѣтельствуется древнѣйшими писателями, напр., долго бывшимъ язычникомъ, Іустиномъ Философомъ начала 2 вѣка, Тертуліаномъ, юрисконсультomъ римскимъ во 2 вѣкѣ, и историкомъ Евсевіемъ Памфиломъ, коимъ доступны были архивы дѣлъ государственныхъ.—Іустинъ, св. отецъ и учитель церкви начала 2-го вѣка, называемый Философомъ, не занималъ въ церкви іерархическаго положенія, а былъ простымъ міряниномъ и ревностнымъ проповѣдникомъ истины Христовой гдъ Азіи и Европѣ; въ Римѣ онъ основалъ школу христіанскаго вѣроученія. Двумя особыми аналогіями защищалъ христіанство предъ судомъ римскаго правительства, съ изяществомъ рѣчи и глубиною философскаго анализа. Былъ казненъ за распространеніе христіанства въ 166 году. Память его 1 іюня...—Тертуліанъ Флоренсъ, знаменитый богословъ и отличныи юристъ, былъ пресвитеромъ; сочиненія его очень важны для исторіи церкви,—имѣютъ практическое бытовое значеніе, дѣлясь на историческія, апологетическія и догматическія.—Епископъ Евсевій Памфилъ былъ ученѣйшимъ епископомъ 3-го и 4-го в. Вліяніе Оригена очень отразилось въ его догматическихъ воззрѣніяхъ, такъ что его проектъ символа вѣры первымъ Вселенскимъ Соборомъ въ 325 году былъ отвергнутъ. Пристрастіе его къ аріанамъ несомнѣнно, а вліяніе на императора Константина было очень большое. За то, какъ историкъ, онъ имѣлъ огромную эрудицію, имѣлъ въ распоряженіи массу матеріаловъ и пользовался такими писателями, которыхъ сочиненія сохранились только въ Евсевіевыхъ сочиненіяхъ, такъ какъ онъ ихъ выписывалъ почти буквально цѣлыми отдѣлами. По близости къ императору, Евсевій пользовался и государственными архивами. Его называютъ отцомъ церковной христіанской исторіи.

¹¹²⁾ Сенатъ римскій признавался учрежденнымъ самимъ основателемъ римскаго государства Ромуломъ. Сенатъ считался носителемъ народного разума и хранителемъ государственныхъ традицій, былъ зависимъ отъ царя, назначеніемъ сенаторовъ царемъ. Всякое рѣшеніе народа въ республиканскій и царскій періоды римской исторіи нуждалось въ авторитетномъ подтвержденіи его сенатомъ (*auctoritas patrum*), свидѣтельствующемъ о соотвѣтствіи рѣшенія основнымъ религіознымъ

царскимъ указомъ грозилъ наказывать всякого, кто осмѣлился бы оскорблять вѣрующихъ въ Иисуса Христа.

Такимъ образомъ ревностною, безстрашною проповѣдью о Христѣ Спасителѣ святая равноапостольная Марія Магдалина, съ прочими благочестивыми христіанами, побудила и языческаго правителя Іудеи письменно засвидѣтельствовать всемірное событіе воскресенія Христова предъ міромъ языческимъ, и самого языческаго императора, всемірной тогда имперіи Римской, побудила признать величіе и Божественное могущество Христа Спасителя, облегчивъ всѣмъ этимъ распространеніе христіанства.

Христіане же того времени, узнавъ о значеніи и силѣ впечатлѣнія, произведеннаго подношеніемъ св. Марією Магдалиною императору Тиверію краснаго яйца съ словами «Христось Воскресь», — начали подражать ей въ этомъ и, при воспоминаніи воскресенія Христова, стали дарить красныя яйца и говорить: Христось Воскресь!... Воистину Воскресь!... — Такъ мало-по-малу обычай этотъ распространился повсюду, сдѣлался всеобщимъ между христіанами всего міра ¹¹³). И яйцо при этомъ служить сим-

и политическимъ устоямъ государства. Особенно при императорѣ Тиверіи вліяніе народа на сенатъ прекратилось, и сенату предоставлена была даже судебная и законодательная власть на ряду съ императорскою; теоретически оказалась „діархія“, но фактически вся власть находилась въ рукахъ императора, издававшего эдикты, указы, конституціи, такъ что за сенатомъ вскорѣ осталась роль только узаконенія совершившихся фактовъ, и онъ оказался только мѣстомъ публикаціи императорскихъ узаконеній...

¹¹³) Что обычай этотъ принятъ отъ подношенія Тиверію св. равноапостольной Маріи Магдалины, подтвержденіемъ того служитъ, кромѣ одинаковости преданія во всѣхъ христіанскихъ церквахъ, еще и то, напримѣръ, что въ древнемъ рукописномъ на пергаментѣ греческомъ уставѣ, хранящемся въ библіотекѣ монастыря святой Анастасіи близъ Θεσσαλονικіи (Солуня), послѣ молитвъ на день св. Пасхи, написано слѣдующее: „читается также молитва на благословеніе яицъ и сыра, и игумень, цѣлуя братію, раздаетъ имъ яйца и говоритъ: „Христось Воскресе!...“ Такъ мы приняли отъ святыхъ отцевъ, которые сохра-

воломъ, или видимымъ знакомъ, воскресенія Христова и воскресенія мертвыхъ и нашего возрожденія въ жизнь будущую, котораго залогъ имѣемъ мы въ Христовомъ воскресеніи. Какъ изъ яйца рождается птенецъ и начинаетъ жить полною жизнью по освобожденіи отъ скорлупы, и ему открывается обширнѣйшій кругъ жизни,—такъ и мы, при второмъ пришествіи Христа на землю, сбросивъ съ себя съ тѣломъ земнымъ все тлѣнное на землѣ, силою Христова воскресенія, воскреснемъ и возродимся для другой, высшей, вѣчной и безсмертной, жизни. Красный же цвѣтъ пасхальнаго яйца напоминаетъ намъ то, что искупленіе человечества и наша будущая новая жизнь приобрѣтены изліяніемъ на крестѣ пречистой крови Христа Спасителя. Такъ что красное пасхальное яйцо служитъ напоминаніемъ намъ собою одного изъ важнѣйшихъ догматовъ нашей Божественной вѣры.

Святая равноапостольная Марія Магдалина долго продолжала проповѣдывать благовѣстіе Христа воскресшаго въ Италіи и въ городѣ Римѣ ¹¹⁴⁾ и при первомъ посѣщеніи

нили сіе обыкновеніе отъ самыхъ временъ апостольскихъ, ибо святая равноапостольная Марія Магдалина первая показала вѣрующимъ примѣръ сего радостнаго дароприношенія“...

¹¹⁴⁾ Римъ (Дѣян. Апост. гл. 28, ст. 16—31) столица бывшей тогда великой римской имперіи; городъ, расположенный на берегахъ рѣки Тибра. По преданію былъ основанъ Ромуломъ въ 750 году до Рожд. Христова. Занималъ сначала только одинъ холмъ, потомъ семь и затѣмъ 15 холмовъ. Народонаселенія имѣлъ до полтора милліона, половину котораго составляли невольники. Языческихъ храмовъ было 420, жители были очень суевѣрны и самыми грубыми идолопоклонниками, а въ искусствахъ и войнахъ они рѣшительно владычествовали надъ всѣмъ міромъ. Имперія Римская заключала въ себѣ весь тогдашній извѣстный міръ, насчитывая до ста милліоновъ жителей. Иудея уже составляла тогда часть Римской имперіи, почему въ Римѣ жили многіе іудеи, и христіанство возникло между ними вскорѣ послѣ вознесенія Христова. Жестокіе императоры Неронъ (отъ 54 до 68 г.), Домиціанъ (съ 81 до 96 г.), Траянъ (отъ 97 до 117 г.) и другіе воздвигали яростныя гоненія на римскихъ христіанъ... Новѣйшій Римъ знаменитъ

Рима апостоломъ Павломъ и послѣ отбытія его чрезъ два года оттуда. Кромѣ преданія, свидѣтельство объ этомъ можно видѣть въ характерномъ привѣтѣ св. Маріи апостоломъ Павломъ въ посланіи его изъ торговаго греческаго города Коринѳа къ христіанамъ, находившимся тогда въ Римѣ ¹¹⁵). Св. Іоаннъ Златоустый поучаетъ объ этомъ, что, «воздавая каждому вѣрующему соответствующую ему похвалу, апостолъ Павелъ привѣтствуетъ св. равноапостольную Марію, какъ уже много потрудившуюся и посвятившую себя апостольскимъ подвигамъ. Труды ея, упоминаемые здѣсь апостоломъ, были подвигами Апостоловъ и Евангелистовъ, слѣдовательно, равноапостольными; она служила,—добавляетъ св. Златоустъ,— и деньгами и неустрашимо подвергалась опасностямъ, и совершала тяжкія путешествія, раздѣляя съ апостолами всякіе труды проповѣдничества» ¹¹⁶).

Изъ Рима, по преданію Церкви, св. равноапостольная Марія Магдалина прибыла въ городъ Ефесъ ¹¹⁷), тогда

не только своимъ настоящимъ великолѣпіемъ, но и многочисленными остатками своего древняго величія. Римъ служитъ школою всѣхъ живописцевъ, ваятелей, архитекторовъ и любителей всѣхъ изящныхъ искусствъ. Величественныя развалины и безчисленныя сокровища древности, пышность его храмовъ и дворцовъ, религиозные обряды и обычаи, представляя славныя судьбы Рима, несомнѣнно производятъ глубокое и обаятельное впечатлѣніе на любознательныхъ людей... Въ 67 году 29 іюня умерщвлены были въ Римѣ св. апостолы Петръ и Павелъ.

¹¹⁵) Послан. ап. Павла къ Римлянамъ гл. 16, ст. 6.

¹¹⁶) Творенія св. Іоанна Златоуста въ русск. переводѣ изд. Акад. 1897 г. томъ 3, кн. 1, стр. 186, 181 и проч. Еще Толков. на посл. къ Римлян. изд. 1855 г. стран. 690—691, 689 и проч.

¹¹⁷) Ефесъ (Дѣян. Апостол. гл. 19) былъ извѣстнѣйшимъ городомъ въ Малой Азии на рѣкѣ Канстрѣ (нынѣ Кучукъ Мендерець), служилъ средоточіемъ торговли и особенно славился знаменитымъ храмомъ Артемиды-Діаны, языческой богини, служеніе которой евнухами отправлялось съ особеннымъ блескомъ и великолѣпіемъ. Храмъ этотъ былъ столь красивъ и обширенъ (около ста саженей длин. и 50 ширины), что признавался въ числѣ семи чудесъ древняго міра. Надъ построеніемъ его трудились долѣе 200 лѣтъ лучшіе художники, и, хотя въ

особенно знаменитый въ Малой Азіи. Въ Ефесѣ, по преданію и свидѣтельству многихъ святыхъ отцовъ и церковныхъ писателей, святая равноапостольная Марія Магдалина помогала св. апостолу и евангелисту Іоанну Богослову въ благовѣстническихъ трудахъ, оставаясь тамъ до мирной своей кончины, и въ Ефесѣ же она была похоронена.

Нетлѣнные прославленные мощи святой равноапостольной Маріи Магдалины въ девятомъ вѣкѣ, при императорѣ Львѣ VI Философѣ ¹¹⁸⁾, торжественно перенесены были

356 году до Рожд. Христова злой безумецъ Геростратъ, чтобы сдѣлаться извѣстнымъ, сжогъ этотъ храмъ, его вновь построили греки еще съ большимъ великолѣпіемъ. Маленькія серебряныя модели этого храма продавались въ такомъ громадномъ количествѣ, что составляли очень выгодное ремесло многихъ ефесянъ; проповѣдь апостола Павла въ Ефесѣ противъ языческихъ боговъ вызвала упадокъ этой торговли и возмущеніе черни, усмиренное блюстителемъ порядка (Дѣян. Апост. гл. 19). Апостоль Павелъ проповѣдывалъ съ большимъ успѣхомъ въ Ефесѣ нѣсколько лѣтъ съ проявленіемъ многихъ чудесъ. Апостоль и евангелистъ Іоаннъ Богословъ также подвизался много лѣтъ въ Ефесѣ до и послѣ ссылки его на островъ Патмосъ и въ Ефесѣ же онъ скончался. Близъ города была пещера, въ коей, по преданію, спокойно проспали семь святыхъ отроковъ Ефесскихъ 187 лѣтъ, отъ жестокаго гоненія христіанъ при Декіѣ до благочестиваго императора Θεодосія. Въ 431 году въ Ефесѣ былъ собранъ третій Вселенскій Соборъ противъ ученія патріарха Константинопольскаго Несторія. Въ Ефесѣ были и помѣстные Соборы. Въ откровеніи апостола Іоанна Богослова находится грозное предсказаніе церкви Ефеской за ея холодность; и нынѣ отъ прежняго величія Ефеса не осталось никакихъ слѣдовъ: бѣдная турецкая деревушка Айя-Солукъ (Святой Богословъ) занимаетъ теперь мѣсто древняго славнаго Ефеса...

¹¹⁸⁾ Левъ VI греческій императоръ (съ 886 до 912 г.), прозванный философомъ или мудрымъ за любовь его къ наукамъ и познанію въ астрологіи; былъ ученикомъ патріарха Фотія; но вопреки церковнымъ правиламъ четыре раза вступалъ въ бракъ. Велъ неудачную политику и войны. Особенно извѣстенъ изданіемъ „Базиліекъ“, то есть всѣхъ греко-римскихъ законовъ въ 60 книгахъ, изъ коихъ къ церкви относятся I, III, IV и V книги.

изъ Ефеса въ Константинополь ¹¹⁹⁾ и помѣщены были въ храмъ монастыря святого Лазаря. Таково преданіе православной Восточной христіанской Церкви.

Но нельзя рѣшительно утверждать, что мощи святой равноапостольной Маріи Магдалины навсегда и всецѣло остались въ Константинополь. Они могли быть перенесены самими вѣрующими въ другое мѣсто изъ опасенія отъ побѣдоносныхъ нападеній турокъ; они легко могли быть взяты и на западъ въ Римъ изъ Константинополя, когда имъ овладѣли въ началѣ XIII вѣка итальянцы съ кресто-

¹¹⁹⁾ Константинополь, древняя Византія, по народнорусск. и славянс.—Цареградъ,—былъ подъ именемъ Византіи основанъ въ 658 году до Рожд. Христова на европейскомъ берегу пролива греками торговаго города Магары въ средней Греціи. Византія имѣла великое торгово-промышленное значеніе въ силу своего положенія на узкомъ проливѣ между Чернымъ и Мраморнымъ морями, близъ всемірно извѣстной бухты Золотого-Рога. Въ первые вѣка христіанства хотя и считалась второстепеннымъ городомъ, но по-прежнему имѣла большія выгоды и преимущества своего положенія. Это мудро оцѣнилъ императоръ Константинъ Великій, который въ 330 году по Рожд. Христ. перенесъ въ Византію столицу Римской имперіи, переименовавъ Византію въ Константинополь и Новый Римъ, украсивъ ее храмами, дворцами, произведениями искусства; онъ привлекъ въ новую столицу многочисленное населеніе и вообще сдѣлалъ ее сильнымъ центромъ гражданской и церковной жизни греко-римскаго міра... Въ тѣсной связи съ состояніемъ государства находилась тогда и судьба христіанской церкви: процвѣтаніе или упадокъ имперіи вызывали аналогичныя явленія и въ жизни церкви, отражаясь въ ней. Нѣсколько вѣковъ вся жизнь обновленной христіанствомъ имперіи носила церковно-религіозный характеръ, и тогда процвѣтало богословіе, церковное искусство, пышно расцвѣло и богослуженіе, обогатившись дивными дополненіями прежнихъ формъ, какъ и церковная проповѣдь, а церковная поэзія достигла совершенства въ силѣ, живости и высотѣ творчества. Проявились великіе богословы какъ Аванасій Александрійскій, Евстацій Антіохійскій, Григорій Богословъ, Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ и множество прочихъ; также составители нѣснопѣній, какъ Іоаннъ Дамаскинъ, Андрей Критскій, Романъ Сладкопѣвецъ, Косьма Маюмскій и прочіе съ массою высокоталантливыхъ дѣятелей по всеѣмъ отраслямъ жизни церкви христіанской...

носцами четвертаго похода ¹²⁰⁾, такъ какъ тогда мощи многихъ святыхъ юго-восточныхъ областей были уносимы и раздѣляемы по разнымъ городамъ западныхъ странъ Европы.

Римско-католическая церковь утверждаетъ, что мощи св. равноапостольной Маріи Магдалины, за исключеніемъ ея головы ¹²¹⁾, покоятся въ Римѣ, около Латеранскаго двор-

¹²⁰⁾ Крестовые походы были военныя экспедиціи, предпринимавшіяся христіанскими народами западной Европы съ конца XI до конца XIII вѣка для отвоеванія у магометанъ гроба Христова и Палестины; участники въ крестовыхъ походахъ носили на правой сторонѣ одежды красный крестъ и принимались церковью подъ особое покровительство; кредиторы не могли требовать съ нихъ долговъ во все время крестоваго похода, и церковью имъ прощались грѣхи. Во главѣ этого движенія стояли Римскіе папы со всею церковью. Крестовые походы были не случайностью, а проявились неизбежно, какъ столкновение двухъ крайнихъ міровъ: христіанскаго и мусульманскаго, изъ коихъ каждый одинаково считалъ себя призваннымъ господствовать надъ всѣмъ міромъ. Бѣдственное положеніе Греческой имперіи, у которой турки уже завоевали всю Малую Азію и грозили Константинополю, а также внутреннее религиозное и гражданское состояніе западной Европы способствовали возникновенію борьбы, а толчекъ былъ данъ просьбою о помощи греческимъ императоромъ Алексѣемъ Комненомъ и проповѣдью папы Урбана II на Клермонскомъ Соборѣ 1095 г. объ освобожденіи отъ невѣрныхъ Святой Земли и Гроба Христова. Всѣхъ настоящихъ крестовыхъ походовъ было 7. Первый походъ окончился завоеваніемъ Іерусалима въ 1099 г. и учрежденіемъ Іерусалимскаго Королевства, но почти чрезъ столѣтіе турки снова завоевали Іерусалимъ, и всѣ крестовые походы не достигли цѣли освобожденія Святой Земли...—Четвертый же крестовый походъ, вмѣсто Палестины, ограничился отнятіемъ Константинополя у грековъ въ 1204 г. и образованіемъ смѣшанной Латинской имперіи, просуществовавшей лишь 56 лѣтъ. Въ это время разрушено было много прекрасныхъ зданій, погибло множество памятниковъ искусства, древне-греческія знаменитыя изваянія бронзовыхъ коней вмѣстѣ съ другими драгоценностями были увезены въ Италію, въ Венеціи ими былъ украшенъ соборъ св. Марка. Добыча, расхищенная этими крестоносцами въ Константинополѣ, была во всѣхъ видахъ громадная; тогда и могли быть унесены въ Римъ мощи св. равноапостольной Маріи Магдалины.

¹²¹⁾ Подъ именемъ мощей въ св. Церкви въ обширномъ смыслѣ

ца римскихъ папъ въ главномъ храмѣ св. Іоанна Латеранскаго ¹²²⁾, подъ алтаремъ, который папа ¹²³⁾ Гого-

разумѣтся тѣло каждаго умершаго христіанина. Такъ въ чивѣ погребенія усопшихъ говорится: „Взявше мощи усопшаго, отходить (съ ними) во храмъ“...—Но собственно подъ св. мощами разумѣются „честныя останки св. угодниковъ Божіихъ“. Однако и здѣсь слово „мощи“ имѣетъ разное значеніе. Мощами называются прежде всего „кости“ св. угодниковъ. Такъ древніе христіане почитали „кости“ св. мучениковъ Игнатія Богоносца и Поликарпа Смирнскаго. Церковный историкъ Евсевій, говоря о перенесеніи въ 4 вѣкѣ мощей св. ап. Луки и Тимофея, добавляетъ, что патріархъ держалъ ихъ у себя на колѣняхъ въ небольшихъ ковчежцахъ или ящикахъ...—Очевидно въ этихъ ковчежцахъ могли умѣститься только кости св. апостоловъ. Слово „мощи“ и у нашихъ предковъ означало главнымъ образомъ „кости“... Нѣкоторыя же мощи Святыхъ представляютъ цѣлыя тѣла усопшихъ и сохраняютъ настолько натуральный видъ, что отличаются даже мягкостью и гибкостью членовъ, напримѣръ на о. Корфу мощи св. Спиридона Тримифунтскаго свыше полторы тысячи лѣтъ лежатъ въ сыромъ и жаркомъ климатѣ, сохраняя гибкость членовъ... (Миссіон. щигъ вѣры. Сост. І. С молинымъ. СПб. изд. 1904 г. стр. 64 и проч.).

¹²²⁾ Древній храмъ имени Св. Іоанна въ Латеранѣ „San Giovanni in Laterano“ близъ Латеранскаго дворца папъ въ Римѣ существуетъ со временъ императора Константина Великаго и называютъ его „матерью и главою всѣхъ церквей“,—разумѣтся римскихъ. Внутри его много драгоценныхъ древностей изъ мрамора и мозаики работы извѣстнѣйшихъ художниковъ... Латеранъ—дворецъ папъ въ Римѣ закономъ 1871 года объявленъ экстерриториальнымъ, какъ и Ватиканъ. Онъ принадлежалъ римскому роду Латерани, а съ 3-го вѣка, сдѣлавшись императорскою собственностію, былъ подаренъ женою императора Константина Великаго Римскому епископу и служилъ резиденціею папъ до переселенія ихъ въ принадлежавшій папамъ во Франціи городъ Авиньонъ. Въ Латеранскомъ дворцѣ до 18 вѣка происходило одиннадцать Соборовъ западной церкви, изъ коихъ нѣсколько считаются вселенскими въ римско-католической церкви. Въ 1843 году въ Латеранѣ устроенъ богатый музей языческихъ и христіанскихъ древностей.

¹²³⁾ Папа (отъ греческ. слова „папась“ отецъ) титулъ, который до конца V вѣка употреблялся, какъ почетное наименованіе епископовъ; затѣмъ относился преимущественно къ римскому архіепископу, а съ

рій III ¹²⁴), самъ тамъ похоронившій ея мощи, освятилъ въ честь св. равноапостольной Маріи Магдалины. И кромѣ того открытыми мощами этой Святой римско-католическая церковь почитаетъ съ 1280 года мощи, раздѣленные на части, во Франціи, въ Провансѣ, близъ города Марсея ¹²⁵), гдѣ надъ тѣми мощами въ уединенной долинѣ, у подошвы

1075 года—исключительно къ Римскому, какъ верховному главѣ всей западной церкви; хотя церковь вселенская не давала папѣ особыхъ преимуществъ, всѣ духовныя лица католическаго міра обязывались безусловно подчиняться волѣ Римскаго папы. Верховенство папѣ опиралось на политическое обаяніе „вѣчнаго“ Рима, столицы міра, и на преемство отъ апостола Петра. Особенно съ распаденія Западной Римской имперіи, весь авторитетъ, который имѣлъ Римъ въ теченіи вѣковъ, сосредоточился на Римскомъ папѣ, оставшемся первымъ лицомъ въ Римѣ, а съ другой стороны, какъ преемники апостола Петра, проповѣдуемаго на западѣ, какъ глава всего христіанскаго міра,—Римскіе папы приписали себѣ и руководство всѣмъ міромъ и безусловное подчиненіе всѣхъ христіанъ, всѣхъ церквей.. Но это противно и Священному Писанію, и Свящ. Преданію, и ученію, и исторіи Церкви Христовой.

¹²⁴) Гонорій III, папа Римскій съ 1216 года, проповѣдывалъ, но безъ успѣха, крестовый походъ послѣ неудачнаго четвертаго; короновалъ Фридриха II въ императора Рима, а въ императора Латинской Константинопольской имперіи Петра Куртенеъ, внука Людовика Толстаго Французскаго. Гонорій III былъ миролюбиваго характера, очень покровительствовалъ нищенскимъ монашескимъ общинамъ и утвердилъ Доминиканскую и потомъ Францисканскую монашескія общины.

¹²⁵) Марсель приморскій городъ въ древней обширной Прованской области юго-западной Франціи. Нынѣ первый морской торговый городъ во Франціи въ департаментѣ Устьевъ-Роны. Во всей Европѣ важнѣе его только три: Лондонъ, Гамбургъ и Ливерпуль. Расположенъ при восточной бухтѣ Лионскаго залива у полножія скалистыхъ горъ. Около полмилліона жителей, преимущественно рабочихъ. Морскія купанья и много достопримѣчательностей. Гавань изъ пяти бассейновъ. Укрѣпленные форты и цитадель. Въ древности Марсель назывался Массилиею и былъ греческою республиканскою колоніею, покоренною римлянами. Отсюда христіанство распространилось по всей южной Галліи, нынѣ Франціи.

крутыхъ горъ, воздвигнуть величественный храмъ во имя св. Маріи Магдалины ¹²⁶).

Православная греко-россійская восточная христіанская церковь и западная римско-католическая, равно какъ и англиканская, церкви празднують память св. равноапостольной Маріи Магдалины 22 іюля; въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ церквахъ это самый заповѣдный праздникъ.

Вотъ все, что извѣстно до сихъ поръ о св. равноапостольной Муроносицѣ Маріи Магдалинѣ несомнѣнно истиннаго, преданнаго намъ св. Евангеліемъ, и вѣроятнаго по преданіямъ мѣстныхъ церквей христіанскихъ, для которыхъ, равно для всѣхъ, святая равноапостольная Марія Магдалина была по непосредственному отъ Христа Спасителя повелѣнію первою изъ людей проповѣдницею спасительнаго Христова Воскресенія.

«Воскресеніе же Христово для всѣхъ насъ, — поучаетъ великій Святитель Церкви ¹²⁷),—есть источникъ размышленія, созерцанія, удивленія, радости, благодарности, надежды, всегда полный, всегда новый, сколь ни давно, сколь ни часто изъ него почерпаемъ; оно есть вѣчная новость... И надобно-ли основать вѣру, возбудить на-

¹²⁶) Утверждали еще западные христіане, что св. мощи Маріи Магдалины покоятся въ Бургундіи, въ аббатствѣ Вѣзле, и совершали имъ тамъ поклоненіе; потомъ перенесли они это мнѣніе на открытыя въ южной Франціи, въ Провансѣ, мощи нѣкоторой святой, выдаваемыя прованскимъ преданіемъ и нѣкоторыми церковными писателями, сливающимися Марію изъ Виеаніи, сестру Лазаря, и наинскую грѣшницу въ домѣ фарисея съ св. Марією Магдалиной, за св. мощи Маріи Магдалины. Но эти и подобныя свѣдѣнія западной римско-католической церкви о жизни и почиваніи мощей св. Маріи Магдалины и все истинное и подлинное въ этихъ преданіяхъ западныхъ церквей вѣроятнѣе всего относится собственно къ одной изъ прочихъ святыхъ Марій, упоминаемыхъ во св. Евангеліи, о послѣдующей за Вознесеніемъ Христовымъ дѣятельности которыхъ Восточная церковь не имѣетъ никакихъ несомнѣнныхъ свѣдѣній.

¹²⁷) Слова и Рѣчи Филарета, митрополита Московскаго изд. 1848 г. часть I, стран. 35, 36 и 44.

дежду, воспламенить любовь, просвѣтитъ мудрость, воскреситъ молитву, низвести благодать, уничтожить бѣдствіе, смерть, зло, дать жизненность жизни, сдѣлать, чтобы блаженство было не мечта, но существенность, слава—не призракъ, но вѣчная молнія вѣчнаго свѣта, все озаряющая и никого не поражающая,—на все сіе найдется довольно силы въ одномъ чудодѣйственномъ словѣ: «Христось Воскресе»!

Откликнемся же и всѣ мы, христіане, на такое чудодѣйственное благовѣстіе великой посланницы Самого Спасителя нашего св. равноапостольной Маріи Магдалины восторженнымъ: Воистину, воистину Христось воскресъ!

Евстаѳій Воронежъ.

Ф И Л О С О Ф І Я Г О Л О Д А

(Леонидъ Андреевъ. «Царь Голодь»).

Не такъ давно см. на страницахъ *Душеполезнаго Чтенія* ¹⁾ разбиралось мистически-анархическое произведеніе Леонида Андреева «Жизнь Человѣка». По этому же шаблону названнымъ писателемъ написано теперь и другое «представленіе» — «Царь Голодь» ²⁾. Вообще Леонидъ Андреевъ окончательно не хочетъ оставить избранной имъ манеры дѣйствовать главнымъ образомъ на нервы читателя, бить его по нервамъ — и крайне-необычными, болѣзненно-фантастическими сюжетами, и вычурными заглавіями своихъ произведеній (напр. — «Проклятіе звѣря» — одно изъ самыхъ послѣднихъ его произведеній) и, наконецъ, въ послѣднее время, даже формою ихъ. Эта форма, заимствованная имъ у Метерлинка, — форма изображенія анархическихъ идей въ сверхъестественныхъ образахъ и формахъ, ему однако плохо удается, и если мало удалась ему «Жизнь Человѣка», встаетъ сказать, подѣ влияніемъ отзывовъ критики имъ потомъ даже передѣланная ³⁾, то еще болѣе неудачнымъ, по

¹⁾ „Философія безрелигіознаго“ отчаянія (*Душепол. Чтен.* 1907 г., т. 2-й).

²⁾ „Царь Голодь, представленіе въ пяти картинахъ съ прологомъ“. Изданіе „Шиповникъ“, Спб. 1908 г.

³⁾ Именно, измѣненъ послѣдній, пятый актъ. Человѣкъ умираетъ уже не въ кабацѣ, а въ своемъ домѣ, причемъ изображается пошлость наслѣдниковъ („Альмамахъ Шиповника“, томъ III).

общему отзыву критики, является его «Царь Голодъ».

«Царь Голодъ» собственно не касается прямо какихъ-либо религіозныхъ мотивовъ; но такъ какъ вообще онъ затрагиваетъ самые важные жизненные вопросы, да притомъ и форму имѣетъ мистическую, то познакомиться съ нимъ будетъ далеко не лишнимъ и для читателя духовнаго журнала.

Какъ мы уже упомянули, «Царь Голодъ» построенъ точно по такой же схемѣ, написанъ въ такой же точно формѣ, какъ и «Жизнь Человѣка», съ тою только разницею, что онъ еще фантастичнѣе: здѣсь уже не одно только, а всѣ главныя дѣйствующія лица являются фигурами сверхъестественными, фантастическими. Та же смѣсь мистическаго и банальнаго, сверхъестественнаго и низкожитейскаго; та же и даже въ еще бѣльшей степени и болѣе широкая сатира на человѣческую пошлость, тѣ же шаржъ и карриатура въ изображеніи. Разница — и не въ пользу автора — лишь въ еще бѣльшей запутанности и непонятности въ дѣйствіяхъ главной дѣйствующей фигуры представленія — Царя Голода. Передадимъ вкратцѣ содержаніе пьесы. Вѣроятно, для большаго удобства дѣйствіе происходитъ не у насъ.

Въ прологъ Царь Голодъ клянется въ своей вѣрности голоднымъ. Сцена изображаетъ вершину старинной соборной колокольни въ большомъ западно-европейскомъ городѣ, съ большимъ стариннымъ колоколомъ, который глухо стонетъ стонами земли. Здѣсь находятся и разговариваютъ трое: Царь Голодъ, Смерть и старое Время-Звонарь. Царь Голодъ движется безпокойно и страстно, такъ что трудно составить представленіе о его фигурѣ; замѣтно только, что онъ высокъ и гибокъ. Лицо его, съ огромными черными, страстными глазами, костляво и блѣдно, и волосы на точеномъ черепѣ острижены низко; голосъ его благороденъ и звученъ. Смерть стоитъ совершенно неподвижно; у нея маленькая круглая головка на длинной шеѣ, довольно широкія четырехугольныя плечи; всѣ линіи прямы

и сухи. Лицо маленькое, сухое и темное, съ большими темными провалами глазъ и постоянно обнаженными крупными зубами, похожими на бѣлые клавиши рояля. Очень спокойное. Окутана Смерть сплошнымъ чернымъ, узкимъ полупрозрачнымъ покровомъ; съвозъ тканьъ чувствуется и даже какъ будто видится скелеть. Голосъ ея скрипучій, сухой и очень спокойный, какъ будто заскрипѣли среди ночи старыя, заржавленные, давно не открывавшіяся ворота. Приближеніе Смерти знаменуется хриплымъ протяжнымъ звукомъ рога, въ которомъ чувствуется тоскливый и страшный призывъ. Почти такъ же неподвижно и только изрѣдка качаетъ головой старое Время. И голова у него большая, съ огромною косматою старческой бородой и волосами; въ профиль виденъ большой строгій носъ и нависшія мохнатая брови.—Дѣйствіе происходитъ ночью.

Царь Голодъ умоляетъ Время ударить въ колоколъ и дать сигналъ къ бунту.—«Время настало, старикъ—убѣждаетъ онъ. — Земля голодна. Она полна стенами. Она грезить бунтомъ. Ударъ же въ твой колоколъ, старикъ, раздери до ушей его мѣдную глотку! Пусть не будетъ спящихъ». Время колеблется и напоминаетъ Царю Голоду его прежніе обманы и предательства. Оно очень устало, очень желаетъ умереть и сожалѣть, что Смерть безсильна надъ нимъ. Наконецъ, оно соглашается. Смерть смѣется. Слышны вздохи стараго колокола. Царь Голодъ торжественно клянется, что дастъ побѣду голоднымъ и покой Времени, и затѣмъ тоскливо жалуется и на свою усталость, называя себя великимъ и несчастнымъ царемъ.— «Я былъ вездѣ, и страшнѣе всего у человѣка»—говоритъ онъ. Смерть зовутъ, и она исчезаетъ. Въ городѣ начинается большой ночной пожаръ.

Въ первой картинѣ Царь Голодъ призываетъ къ бунту работающихъ. Сцена представляетъ собою внутренность большого металлическаго завода. «Первое, что съ силою овладѣваетъ стороннимъ зрителемъ, это многоголосный, сложный, но ритмичный шумъ отъ работы машинъ и ты-

сячь приставленных къ нимъ людей. Равномѣрные тяжелые вздохи паровиковъ, жужжаніе и свистъ вертящихся колесъ, шелестъ безконечно бѣгущихъ ремней, глухіе, рѣдкіе, сотрясающіе землю удары большихъ механическихъ молотовъ. На фонѣ этихъ мертвыхъ, тяжелыхъ, жестоко неизмѣнныхъ звуковъ, какъ будто уже независящихъ отъ воли человѣка,—живой, мѣняющійся, но ритмичный стукъ многочисленныхъ маленькихъ молотковъ. Различные по тону и силѣ звука, они то сливаются въ общій, живой, говорливый потокъ, то разбѣгаются въ одиночку, слабѣютъ, становятся жалобны и тихи, — какъ стая пѣвчихъ птицъ въ лѣсу, разогнанныхъ коршуномъ.

Въ красномъ и черномъ представляется внутренность завода. Красное, огненное—это багровые свѣты изъ горна, раскаленные полосы желѣза, по которымъ, извлекая искры, бьютъ молотами черныя тѣви людей. Черное, безформенное, похожее на сгустившійся мракъ,—это силуэты чудовищныхъ машинъ, странныхъ сооружений, имѣющихъ грозную видимость ночного кошмара. Угрюмо безстрастные они налегли грудью на людей и даютъ ихъ своею колоссальною тяжестью. И столбы, подпирающіе ихъ, похожи на лапы чудовищныхъ звѣрей, и ихъ черныя, грозныя массы—на тѣла животныхъ, на исполинскихъ птицъ съ распростертыми крыльями, на амфібій, на химеръ. Тяжесть и покой, и мракъ, и будто смотреть отовсюду широко открытые, неподвижные, слѣпые глаза. И, какъ маленькія черныя тѣви, копошатся внизу люди. Суетливости нѣтъ въ ихъ движеніяхъ, нѣтъ живой и порывистой свободы жеста. И говорятъ, и движутся они размѣренно и механично, въ ритмѣ молотовъ и работающихъ машинъ; и когда кто нибудь выступаетъ отдѣльно, то кажется, что это откололась частица черной машины, страннаго сооруженія, похожаго на невѣдомое чудовище. Звуки работающихъ молотовъ и машинъ то усиливаются, то затихаютъ. И голоса людей вливаются въ этотъ хоръ незамѣтно, звучать въ унисонъ: то живые и звонкіе, то глухіе, отрывистые, тупые—почти мертвые...

Всѣ разговоры Рабочихъ состоятъ изъ однѣхъ только жалобъ. И эти жалобы носятъ какой-то сплошь бредовой, кошмарный характеръ, сильно напоминающій кошмарный бредъ Пьяницъ въ послѣдней картинѣ «Жизни Человѣка». Одни жалуются на голодъ, другіе — на то, что машины ихъ давятъ и душатъ. Одному кажется, что вся земля налегла на него своею тяжестью, другому, что молотъ дробить его въ куски или вытягиваетъ какъ проволоку, для третьяго все превратилось въ визгъ пилы, разрѣзающей сталь, четвертый кажется самому себѣ маленькимъ винтикомъ съ разрѣзанной надвое головой, пятый --- молотомъ, шестой — ремнемъ, седьмой — рычагомъ, восьмой—вѣчно горящимъ кусочкомъ угля и такъ далѣе, и такъ далѣе. И, какъ бы соглашаясь со всѣми этими жалобами, глухо, и мрачно ударяетъ большой молотъ. Въ отчаяніи работающіе молятся машинѣ, потомъ проклинаютъ ее, наконецъ, призываютъ Царя Голода, и онъ является на ихъ зовъ и въ страстной рѣчи призываетъ ихъ къ бунту. Работающіе въ отвѣтъ на это упрекаютъ его въ предательствѣ и измѣнѣ, но онъ общается имъ на этотъ разъ рѣшительную побѣду надъ сытыми и богатыми, упрекая вмѣстѣ съ тѣмъ Рабочихъ въ трусости.

— «Вы боитесь, дѣти?—говоритъ онъ свирѣпо.—Пусть такъ. Но послушайте же меня, трусы. Не съ пальмовою вѣтвью мира пришелъ я къ вамъ — я къ вамъ присланъ для убійства. Вы не хотите остановить машинъ — тогда остановлю ихъ я. Вы не хотите бросить работу — тогда заставлю бросить я. И я пойду отсюда за вами, — я ворвусь въ ваши жилища, я передую вашихъ младенцевъ, я выжму послѣднее молоко изъ груди вашихъ женъ и матерей и убью ихъ. И надъ ихъ трупами вы заплачете горькими слезами».—Рабочіе, наконецъ, соглашаются. Появляется Смерть.

Во второй картинѣ Царь Голодъ призываетъ къ бунту голодную чернь. Сцена изображаетъ домъ, гдѣ наверху происходитъ роскошный и богатый балъ, а внизу—визкій

и темный подвалъ, гдѣ собрались хулиганы, убійцы, воры, проститутки, сутенеры и «другіе отбросы большого города, все самое ужасное, что можетъ дать нищета, порокъ, преступленіе и вѣчный, неутолимый душевный голодъ. Только у двухъ-трехъ, въ томъ числѣ у одной дѣвочки-проститутки, ихъ лица и костюмъ походятъ на обыкновенныя человѣческія лица и платья; остальные — сплошное и дикое уродство, только смутно напоминающее человѣка. Почти полное отсутствіе лба, уродливое развитіе черепа, широкія челюсти, что-то скотское или звѣриноое въ походкѣ и движеніяхъ—дѣлаютъ ихъ существами какъ бы совсѣмъ особой расы». Одѣты фантастически и грязно, хотя нѣкоторые и съ претензіями на франтовство. «Мы безстыдны, безбожны, безсовѣстны, и на всей землѣ у насъ нѣтъ ничего—говоритъ одинъ изъ нихъ. Мы хуже скотовъ, потому что когда-то были людьми... Мы голодны и, какъ собаки, выброшены въ ночь. Насъ ограбили, у насъ отняли все: силу, здоровье, умъ, красоту»... Одинъ изъ нихъ очень торопится, такъ какъ ему и «его уважаемому товарищу» предстоитъ вырѣзать цѣлую семью... Они шутовски копируютъ настоящее дѣловое засѣданіе, предлагаютъ столько же свирѣпыя, сколько и нелѣпыя планы всеобщаго истребленія и тутъ же рѣжутъ другъ друга. Внезапно и быстро входитъ Царь Голодъ; всѣ окружаютъ его, называя его Отцомъ (еще раньше появляется Смерть), жалуются и плачутъ; онъ плачетъ съ ними и призываетъ къ бунту и истребленію сытыхъ и богатыхъ.—«Даже теперь — говоритъ онъ имъ—спокойно сидя здѣсь, въ подвалѣ, вы развѣ не являетесь тѣмъ мракомъ, который гаситъ ихъ огни? Развѣ, издыхая, не источаете вы ядъ, который отравляетъ ихъ? Вы почва города, вы первооснова ихъ жизни, вы щиплющійся коверъ, къ которому прилипаютъ ихъ ноги. Великій мракъ идетъ отъ васъ, дѣти мои, и безнадежно трепещутъ во мракѣ ихъ жалкіе огни»... Всѣ восторженно соглашаются и съ дикимъ ревомъ обѣщаютъ сжечь, передушить и перерѣзать весь городъ.—

«Ждите, дѣти мои — поощряетъ ихъ Царь Голодъ.—Пробѣгутъ короткіе дни, и Время снова ударитъ въ колоколь сполоха. И тогда—на улицы, въ дома!.. А пока—выползайте понемногу изъ вашихъ норъ. Черными тѣнями легонько крадѣтесь средь народа — и... убивайте, крадѣте и смѣйтесь, смѣйтесь! Уже легче стало дышать, уже пахнетъ гарью, и свободнѣе выходитъ наружу звѣрь... близится ночь>... Отъ восторга всѣ стонуть, скрежещутъ зубами, визжать, дико свистать, кружатся и падаютъ на полъ; затѣмъ, подъ звуки доносящейся сверху красивой, вѣзной музыки начинаютъ танцовать. Царь Голодъ дирижируетъ и самъ танцуетъ въ одной парѣ со Смертью, причѣмъ послѣдняя жеманится, кокетничаетъ и даже канканируетъ и выражаетъ недовольство, когда вслѣдствіе вспыхнувшей между танцующими ссоры, сопровождающейся убійствомъ, танцы прекращаются.

Третья картина изображаетъ судъ надъ голодными. Сцена представляетъ явную каррикатуру судейскаго за сѣданія. Предсѣдательствуетъ все тотъ же Царь Голодъ; съ нимъ—четверо судей, изъ которыхъ двое до безобразія толсты, а остальные двое до безобразія худы. Тутъ же, за отдѣльнымъ пюпитромъ—за прокурора—и Смерть, съ портфелемъ и бумагами. Присутствіе Смерти и ея поспѣшный и неизмѣнный жестокій приговоръ уже достаточно показываютъ, что это за судъ. Зрители — почти исключительно аристократы, породистые, красивые, изящные и элегантные, богато и роскошно одѣтые, въ особенности дамы. Среди нихъ—нѣсколько дѣтей, а также—Профессоръ и Аббатъ, которые смотрятъ другъ на друга съ самымъ крайнимъ отвращеніемъ и презрѣніемъ; профессоръ все время резонируетъ. Одинъ изъ Зрителей, Графъ, толстъ до того, что едва умѣщается на стулѣ; онъ почти все время спитъ и просыпается только во время ѣды. Физиономіи, жесты и рѣчи зрителей явно каррикатурны. Во все время суда они смѣются, судачатъ, шутятъ, пикируются, издѣваются надъ судимыми голодными и выражаютъ не-

скрываемый восторгъ при явно несправедливыхъ приговорахъ надъ ними; только одна изъ нихъ — Дѣвушка въ черномъ — выражаетъ слабое сочувствіе нѣкоторымъ изъ судимыхъ. Царь Голодъ ведетъ себя въ высшей степени двусмысленно. Онъ издѣвается и надъ судомъ, и надъ голодными и даже, осторожно, сквозъ грубую лестъ, надъ зрителями. Предъ каждымъ приговоромъ онъ и судьи встаютъ и низко кланяются Смерти, а она, стуча кулакомъ о пюпитръ, на каждое обращеніе къ ней неизмѣнно и со злобой отвѣчаетъ: «осужденъ во имя дьявола». Всѣ судимые безъ исключенія, осуждаются и приговариваются къ смерти. Всѣ они — въ проволочныхъ намордникахъ. Передъ Зрителями проходятъ: оборванный старикъ, укравшій съ голоду хлѣбъ; парень, покушавшійся на честь барышни; женщина, утопившая съ голода своего ребенка. Надъ этой послѣдней Царь Голодъ издѣвается почему-то въ особенности. — «Ты осуждена, женщина, слышишь? Ты пойдешь на смерть. Ты пойдешь въ адъ и тамъ будешь горѣть на вѣчномъ, на неугасимомъ огнѣ! Твое сердце будутъ рвать дьяволы желѣзными когтями! Въ твой мозгъ вопьются ядовитѣйшія змѣи подземныя и будутъ жалить его, и никто не услышитъ твоего крика, потому что ты будешь молчать. Да будетъ вѣчная ночь надъ тобою. Ты слышишь, голодная?..»

Послѣ этого, очевидно, для усиленія эффекта, авторъ заставляетъ Царя Голода пригласить Зрителей отдохнуть и закусить. Рослые лакеи въ расшитыхъ ливреяхъ вносятъ, сгибаясь подъ тяжестью, цѣлые свиные и бараньи туши и окорока и горы ростбифовъ. Начинается усиленная ѣда; судьи съ притворнымъ равнодушіемъ косятся на обѣдающихъ; приглашаютъ и ихъ; съ радостью отзывается на приглашеніе Профессоръ, и самъ присосѣживается Аббатъ; всѣ съ жадностью ѣдятъ. Даже Смерть достаетъ изъ кармана сухой бутербродъ съ сыромъ; не ѣстъ ничего только Царь Голодъ. Къ этому послѣднему подходятъ одинъ изъ Рабочихъ изъ первой картины и Хулиганъ изъ

второй картины и выражают свои крайніе изумленіе и гнѣвъ по поводу его поведенія. Царь Голодъ успокоиваетъ ихъ.

— «Развѣ вы не понимаете, что я дѣлаю? — говоритъ онъ имъ. — Вѣдь, каждый побывшій здѣсь навѣки становится ихъ врагомъ. Я развращаю ихъ и учу дѣлать мерзости. Я вѣдаюсь въ самую сердцевину ихъ жизни, наполняю ее гнилью и разрушаю ее. Они уже перестали понимать, что таксе правда,—а вѣдь это начало смерти... Завтра ударить колоколь»... Тѣ радостно отходятъ. Зрители нѣсколько тревожатся.

— «Когда подумаешь, что у какого-то верблюда три желудка, а я, царь природы, принужденъ обходиться однимъ»...—вздыхаетъ одинъ изъ Зрителей...

Судъ продолжается. Вводятъ худенькаго мальчика, укравшаго яблоко для своей больной матери; съ нимъ его мать, которая на колѣнахъ умоляетъ судей пощадить ея сына. Мальчикъ — въ намордникъ, но женщина — безъ намордника, за что судьи дѣлаютъ замѣчаніе тюремщику. Слѣдующимъ, съ большими предосторожностями, трое тюремщиковъ вводятъ богатырски сложеннаго человѣка, съ яснымъ и открытымъ взоромъ. Онъ выражаетъ недоумѣніе, почему его судятъ: онъ не сдѣлалъ ничего дурного и всегда былъ покоренъ властямъ. Тогда Царь Голодъ, пошептавшись съ судьями, поясняетъ Зрителямъ, въ чемъ заключается вина — и большая вина — этого человѣка. «Онъ рабъ—и для раба онъ слишкомъ честенъ. Уже однимъ этимъ онъ оскорбляетъ насъ, какъ людей утонченной культуры и, слѣдовательно, — не сильныхъ. Затѣмъ: сегодня онъ послушенъ, но кто поручится за завтрашній день? И тогда въ его силѣ и честности мы найдемъ жестокаго и опаснаго врага. Несомнѣнно, онъ достоинъ смерти — во имя справедливости».

Зрители приходятъ въ восторгъ отъ предусмотрительности Царя Голода и возмущаются тѣмъ, что у раба—и такія красивыя формы. Съ тѣми же предосторожностями его уводятъ.

Слѣдующій Голодный приводитъ всѣхъ въ недоумѣніе. Это—до такой степени грязное, заросшее волосами и почти лишенное человѣческаго облика существо, что Зрителямъ кажется, что это горилла, и они негодуютъ на то, что ихъ заставляютъ судить цѣлый зоологическій садъ и справляться съ каталогомъ, тогда какъ имъ нужно торопиться въ театръ. Но существо, къ веселью и изумленію присутствующихъ, кланяется и начинаетъ говорить человѣческимъ голосомъ. Оказывается, это крестьянинъ, который вмѣстѣ съ другими крестьянами сжегъ человѣка, о которомъ кюре (приходскій священникъ во Франціи) сказалъ имъ, что это дьяволъ. Профессоръ, воспользовавшись этимъ, начинаетъ резонировать о вредномъ вліяніи церкви на развитіе народныхъ массъ; набожная Милліонерша проситъ его перестать. Аббатъ, одною стороною лица съ ненавистью глядя на Профессора, другою пріятно улыбаясь Зрителямъ, разъясняетъ имъ, что крестьяне не поняли кюре, который просто только хотѣлъ имъ дать понятіе о добрыхъ и злыхъ духахъ. Зрители негодуютъ на крестьянина. Смерть почему-то выходитъ изъ себя, яростно стучитъ кулакомъ и нѣсколько разъ повторяетъ свое обычное: «осужденъ во имя дьявола!» Зрители—въ страхѣ. Царь Голодъ, пошептавшись съ Судьями, объявляетъ заведеніе суда закрытымъ и веселымъ голосомъ поздравляетъ Зрителей съ окончаніемъ на сегодня «нелегкаго и неблагодарнаго труда». Затѣмъ онъ говоритъ рѣчь, цѣль которой показать—насколько мы лучше, справедливѣе и выше всѣхъ другихъ людей. Господа! Сегодня вы присутствовали при высоко-поучительномъ зрѣлищѣ. Вѣчное небесное правосудіе въ лицѣ насъ, судей, ставленниковъ вашихъ, нашло себѣ блестящее отраженіе на землѣ. Подчиняясь только законамъ вѣчной справедливости, чуждые преступной жалости, равнодушные къ мольбамъ и проклятіямъ, слушаея только голоса совѣсти нашей—мы озарили землю свѣтомъ человѣческаго разума и великой святой правды. Ни на одну минуту не забывая, что основа

жизни—справедливость, мы въ свое время распяли Иисуса и съ тѣхъ поръ и до сего дня не перестаемъ украшать Голгоу новыми крестами. Но, конечно, только разбойниковъ, только разбойниковъ. Мы Бога не пощадили — во имя законовъ вѣчной справедливости — станемъ ли мы смущаться воемъ этой голодной и безсильной сволочи, ея проклятіями и гнѣвомъ! Пусть проклинають—насъ благословить сама жизнь, своимъ покровомъ одѣнетъ насъ великая святая правда, и самый судъ исторіи не будетъ справедливѣе нашего суда».

Бурные аплодисменты. Царь Голодъ, съ веселыми, жадными глазами, тихо улыбаясь, съ шипѣніемъ змѣи, продолжаетъ:

— «Что сдѣлали они проклятіями своими? Что? Они—тамъ, а мы здѣсь. Они въ тюрьмахъ, на галерахъ, на крестахъ,—а мы пойдемъ въ театръ. Онидохнуть,—а мы будемъ ихъ кушать, кушать, кушать!...»

Внезапно начинаетъ хихикать тощій Судья. Къ нему присоединяется Толстый, и мало-по-малу смѣхъ овладѣваетъ всѣми. Онъ растеть, ширится, перебрасывается, какъ огонь подъ вѣтромъ, въ разные концы, и вскорѣ хохочутъ всѣ. Хохочутъ до изступленія, до бѣшенства, до хрипоты. Все слилось въ одинъ черный, раскрытый, дико грохочущій ротъ. Но Смерть стучитъ кулакомъ и грозитъ темнымъ, тонкимъ пальцемъ. Всѣ испуганно замолкаютъ.

Картина четвертая. Бунтъ голодныхъ и предательство Царя Голода. Ночь великаго бунта. Сцена изображаетъ великолѣпный и роскошный залъ во дворцѣ, наполненный рѣдкими произведеніями искусства. Дворецъ охраняется внутри стражей, поэтому сюда собралось много Гостей, спасающихся отъ народной мести—это тѣ же Зрители изъ предыдущей картины, такъ же изысканно одѣтые; кромѣ того, среди нихъ нѣсколько писателей, художниковъ и ученыхъ, одѣтыхъ попроще; здѣсь же — нѣсколько священнослужителей съ скромными, заискивающими лицами; къ нимъ относятся невнимательно и порою даже грубо. Хотя для ободренія Гостей играетъ музыка, и нѣкоторые

даже танцуютъ, тѣмъ не менѣе всѣ въ смертельномъ ужасѣ ждутъ вторженія, несмотря на стражу, разъяренной толпы и смерти. Въ громадныя окна видно огненно-красное зарево пожаровъ; слышны «голодные, призывные» звуки набатнаго колокола, но все заглушаетъ собою страшный хриплый рогъ смерти. Вѣсти, приносимыя вновь приходящими, одна другой ужаснѣе. Окровавленный Молодой Человѣкъ рассказываетъ, что мятежники жгутъ цѣлыя дома, наполненные женщинами и дѣтьми; Профессоръ— что они жгутъ библіотеки и музеи; Художники въ изступленіи и крайней степени отчаянія кричатъ, что горитъ національная галерея, и молятся картинѣ. Остальные яростно издѣваются надъ ними.— «Мы можемъ погибнуть— вотъ что важно— кричатъ они,— а не картины». Входитъ лакей и говоритъ, что толпа приближается къ дому. Ужасъ Гостей доходитъ до крайней степени; слышенъ истерическій плачь; гасятъ всѣ огни, умолкаетъ музыка. Одни хотятъ молиться Богу, другіе предлагаютъ молиться дьяволу. Дѣвушка въ черномъ въ бѣшенствѣ упрекаетъ всѣхъ въ трусости. Вдругъ входитъ Инженеръ и объявляетъ, что изобрѣтенными имъ особенно разрушительной силы снарядами бунтующая толпа скоро будетъ истреблена; кромѣ того, ему удалось, при небольшихъ денежныхъ затратахъ, посвятить между «этими идиотами» кровавый раздоръ. Дѣйствительно, рогъ Смерти нѣкоторое время трубить почти непрерывно, хриплый, торжествующій, бѣшенный, и покрываетъ собою все; потомъ, все смолкаетъ, и наступаетъ мертвая тишина. Отчаяніе гостей смѣняется шумнымъ ликованіемъ; вновь гремитъ музыка— торжественный, побѣдный маршъ. Дамы падаютъ предъ Инженеромъ на колѣна и цѣлуютъ у него руку. Снова начинаются танцы. Тяжелыми, медленными шагами входитъ Царь Голодь. Онъ окровавленъ, и измученное лицо его смертельно блѣдно. На головѣ острая красная корона; на остріяхъ ея что-то красное, кровавое, будто куски человѣческаго мяса. Ни на кого не глядя, онъ проходитъ на средину зала и стоитъ нѣкоторое время въ позѣ безысходнаго отчаянія и тоски...

Картина пятая. Пораженіе Голодныхъ и ужась Побѣдителей. Вечерняя кровавая заря. Все небо снизу до верху въ молчаливомъ, безшумномъ красномъ огнѣ, точно залито оно густою темнѣющею кровью. Пустынная мѣстность, покрытая трупами убитыхъ Голодныхъ, надъ которыми возвышаются жерла пушекъ, а надъ ними рисуется острый силуэтъ Смерти. Побѣдители, они же Гости и Зрители, проходятъ между трупами, стараясь не выпачкаться въ крови, и издѣваются надъ убитыми; Дѣвушка въ черномъ гнѣвно протестуетъ противъ этого издѣвательства. Побѣдители молятся пушкѣ и рассказываютъ другъ другу, что для оставшихся въ живыхъ Голодныхъ куется столько цѣпей, что въ городѣ невозможно оставаться и можно оглохнуть отъ грохота и лязга желѣза. Слышатся торжествующіе возгласы: «горе побѣжденнымъ!» Царь Голодъ, доселѣ стоявшій неподвижно, вдругъ протягиваетъ руку къ мертвымъ и начинаетъ говорить тихо и сдержанно:

— «Чего добились, безумцы? Куда шли? На что надѣялись? Чѣмъ думали бороться? У насъ пушки, у насъ умъ, у насъ сила — а что у васъ, несчастная падаль? Вотъ лежите вы на землѣ и смотрите въ небо мертвыми глазами—ничего не отвѣтитъ вамъ небо. И сегодня же ночью васъ поглотитъ черная земля, и на томъ мѣстѣ, гдѣ вы будете зарыты, выростетъ жирная трава, и ею мы будемъ кормить нашу скотину. Вы этого хотѣли, безумцы?.. Зачѣмъ вы умерли—зачѣмъ? Вотъ несутъ заступы—подходятъ къ вамъ—скорѣе!—Опомнитесь, проснитесь—да пошевелитесь же, говорю я вамъ. Не можете? Притихли? Смерть сковала рты? Да, Смерть великій кузнецъ, и не вамъ разрушить ея узы! И васъ я называлъ дѣтьми, несчастная, жалкая падаль... Сынъ мой, сынъ мой, ты кричалъ такъ громко — что же молчишь ты! Дочь моя, дочь моя, ты ненавидѣла такъ глубоко и сильно, ты самую несчастною была на землѣ—поднимись же! Возстаньте изъ праха! Разрушьте призрачныя узы смерти. Возстаньте! закливаю васъ именемъ Жизни!—Молчите? Такъ будьте же»...

Вдругъ на мертвомъ полѣ начинается какое-то смутное движеніе, шорохъ, густой хрусть переломленныхъ костей, настойчивое царапанье земли острыми мертвыми ногтями— и съ ужасомъ, вытянувъ шею, прислушиваются Побѣдители. И глухой, далекій, словно уже выходящій изъ-подъ земли, отвѣчаетъ тысячеголосый ропоть:

— «Мы еще придемъ. Мы еще придемъ. Горе побѣдителямъ!»

Въ паническомъ ужасѣ, съ дикимъ воемъ и рыданьемъ женшивъ, падая и давя другъ друга, убѣгаютъ Побѣдители. Царь Голодъ грозно, съ хохотомъ и съ дикою, изступленною, безумною радостью, кричитъ имъ вслѣдъ:

— «Вы слышали! Они еще придутъ. Они еще придутъ. Горе побѣдителямъ!.. Скорѣе! Скорѣе! Мертвые встаютъ!»

Вотъ вкратцѣ содержаніе пьесы. Какая же мысль вложена въ нее авторомъ? Что хотѣлъ онъ сказать этимъ вычурно-мистическимъ «представленіемъ»? Мы уже упоминали, что «Царь Голодъ» написанъ по типу и схемѣ «Жизни Человѣка»; разница лишь въ томъ, что тамъ была изображена борьба одного противъ общества; здѣсь же изображается классовая борьба, борьба между собою цѣлыхъ общественныхъ классовъ, борьба сытыхъ и голодныхъ, борьба аристократіи и того общественнаго класса, который называется буржуазіей, съ рабочими и народомъ. И вотъ авторъ, повидимому, хочетъ сказать, что борьба эта бесполезна, потому что сытые всегда побѣдятъ, что голодъ, который толкаетъ голодныхъ на бунтъ противъ богатыхъ — ненадежный союзникъ, ибо онъ есть и первый предатель ¹⁾. Голодъ толкаетъ голодныхъ на

¹⁾ Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ осуждаетъ какъ будто и революцію (недаромъ такъ ополчилась на него за эту пьесу радикальная критика, которая указывала ему между прочимъ на то, что революціонеры не жгутъ библіотекъ и музеевъ (такъ ли?), и что сами гости въ четвертой картинѣ говорятъ: „не оскорбляйте революцію—это бунтъ... орда вар-

бунтъ—это правда,—но онъ же и истощаетъ скоро силы бунтующихъ и заставляетъ ихъ покоряться и смиряться. Къ тому же на сторонѣ сытыхъ — всѣ преимущества въ борьбѣ и всѣ средства къ ея успѣху. — «У насъ пушки, у насъ умъ, у насъ сила, а что у васъ, несчастная падаль?» — говорить Царь Голодъ, обращаясь къ убитымъ голоднымъ. И побѣжденные, они должны вновь и еще съ большей покорностью гнуть шею и работать на побѣдителей, ковать цѣпи на самихъ себя. — «И я снова вашъ лакей» — съ отчаяніемъ говорить гостямъ въ концѣ четвертой картины Царь Голодъ. Правда, тотъ же Царь Голодъ въ концѣ пьесы заставляетъ уже мертвыхъ голодныхъ изъ-подъ земли грозить побѣдителямъ и наводитъ на этихъ послѣднихъ смертельный ужасъ; но за этой грядущей побѣдой голодныхъ не чудится ли ихъ новое поражение? Не даромъ устало старое Время повторять безъ конца эту дурную шутку и не даромъ оно такъ желаетъ покоя и смерти. Да и самъ Царь Голодъ говорить то же. Такимъ образомъ, голодъ—предатель; невозможно понять, съ кѣмъ онъ и кому служить; объ этомъ спрашиваютъ и гости въ четвертой картинѣ. Съ наглымъ хохотомъ перекидывается Царь Голодъ отъ однихъ къ другимъ; издѣвается надъ тѣми, кому только льстилъ, и кто считалъ его своимъ; недаромъ никто ему не вѣритъ, и всѣ называютъ его измѣнникомъ, лжецомъ и предателемъ. Въдѣ, сколько разъ онъ повторялъ эту трагикомедію и прежде; сколько разъ поднималъ голодныхъ противъ сытыхъ, обѣщая имъ побѣду. — Но обманывая и вновь поработая сытымъ голодныхъ, голодъ тѣмъ самымъ развращаетъ и самихъ сытыхъ и убиваетъ въ нихъ всѣ человѣческія чувства, что авторъ въ особенности хотѣлъ показать въ третьей картинѣ—въ сценѣ суда надъ голод-

варовъ идетъ на насъ... звѣри вышли изъ лѣсовъ), — но осуждаетъ революцію не во имя какихъ-либо нравственныхъ или вообще идейныхъ побужденій, а единственно по ея бесплодности и бесполезности.

ными. Это подтверждаетъ тамъ и самъ Царь Голодъ. «Я — говоритъ онъ Рабочему и Хулигану — развращаю ихъ (сытыхъ) и учу дѣлать мерзости. Я вѣдаюсь въ самую сердцевину ихъ жизни, наполняю ее гнилью и разрушаю ее. Они уже перестали понимать, что такое правда»...

Вмѣстѣ съ тѣмъ «Царь Голодъ» представляетъ собою яркую сатиру на пошлость и тупость обезпеченныхъ классовъ общества. Полное равнодушіе къ голодающимъ ближнимъ при собственномъ обжорствѣ и роскоши, крайняя распущенность, послѣдняя степень трусости передъ врагомъ, быстро смѣняющаяся ликующею жестокостью надъ побѣжденнымъ врагомъ, лицемеріе, самый утилитарный взглядъ на религію и ея служителей и цинически враждебное и жестокое отношеніе къ нимъ, когда помощи отъ нихъ не видно, и готовность молиться хоть дьяволу, лишь бы только не погибнуть; пристрастный и несправедливый судъ; тупость и ограниченность ученыхъ — вотъ, по пьесѣ, отличительныя свойства всѣхъ «господъ жизни». Въ смертномъ страхѣ предъ надвигающимся врагомъ, гости въ четвертой картинѣ готовы на колѣнахъ вымаливать себѣ жизнь — пусть погибнетъ все, лишь бы они остались живы; но, при первомъ же намекѣ на побѣду, они злобно торжествуютъ, слыша, что враги ихъ могутъ быть разорваны «на кусочки», и жалѣютъ, что трупы убитыхъ скоро уберутъ. «Это мѣсто было бы такъ удобно для вечернихъ прогулокъ». Холодѣя отъ ужаса, они въ то же время цинически острятъ надъ аббатомъ. Элегантность въ обращеніи замѣняется самою откровенною грубостью и цинизмомъ. Ученые историки острятъ надъ исторической наукой; нѣсколько лучше ихъ лишь художники, которымъ противно жить, если погибнуть «безсмертныя картины, запечатлѣнныя божественною красотою, дивныя созданія человѣческаго генія, оправданіе всей нашей жизни». О томъ, какими выставляются здѣсь женщины, мы не будемъ и говорить. — Нельзя не замѣтить однако, что авторъ хватаетъ черезъ край, и его сатира перехо-

дять уже въ карриатуру и шаржъ ¹⁾ въ прямой ущербъ художественности, хотя нельзя все-таки не сказать, что третья и отчасти четвертая картины, при всей своей карриатурности, весьма художественны. Впрочемъ, въ лицѣ «Дѣвушки въ черномъ», которой всѣ остальные боятся и отъ которой даже прячутся, которую считают сумасшедшей и не прочь даже упрятать въ сумасшедшій домъ, — дѣвушки, которая гнѣвно протестуетъ и противъ классовыхъ предразсудковъ, и противъ явно несправедливаго и пристрастно-жестокаго суда надъ голодными, и противъ подлой трусости гостей, и противъ столь же подлаго издѣвательства ихъ надъ мертвыми врагами — въ «Царѣ Голодѣ» выведенъ протестъ, уже возникшій въ средѣ самихъ сытыхъ, протестъ, правда еще вполне не опредѣлившійся и самъ себя вполне еще не сознающій, — но все таки протестъ.

Немало вредятъ автору и нѣкоторая сухость и безжизненность его пьесы, искусственность и механичность, такъ сказать декоративность дѣйствія и фигуръ, а также неестественное смѣшеніе мистическаго съ банальнымъ (фантастическій Царь Голодъ и вульгарный инженеръ-истребитель, Смерть, танцующая, жующая сыръ, раскланивающаяся на аплодисменты и говорящая Царю Голоду на его приставаыя: «убирайся», и такъ далѣе, и т. д.) и въ особенности страсть къ эффектамъ и нагроможденіе ихъ, очевидно, для усиленія впечатлѣнія, выше всякой мѣры.

¹⁾ Въ особенности карриатурна вся третья картина — судъ надъ голодными. Здѣсь, напр., Царь Голодъ передъ каждымъ приговоромъ надъ голоднымъ обращается къ зрителямъ съ такою фразой: „теперь, милостивые государи, мы сдѣлаемъ видъ размышляющихъ“; и затѣмъ — къ судьямъ: „господа судьи, примите видъ размышляющихъ“. И тѣ на нѣкоторое время принимаютъ видъ размышляющихъ: морщатъ лбы, смотрятъ въ потолокъ, подпираютъ носъ пальцемъ, вздыхаютъ и вообще видимо стараются; дѣлаютъ глубоко торжественныя и серьезныя лица. Почтительное молчаніе. — Крайне карриатурна и фигура секретаря суда.

Главная фигура пьесы—Царя Голода—слишкомъ неопредѣленна и малопонятна; трагическая, полная мрачнаго величія фигура Смерти слишкомъ опошлена и вульгарна; а между тѣмъ и въ поэзіи, и въ живописи, и въ музыкѣ нѣтъ недостатка въ талантливыхъ и художественныхъ изображеніяхъ смерти. — Рабочіе въ первой картинѣ черзчуръ уже нервны и подавлены машинами: машина, при сколько-нибудь нормальномъ положеніи фабрично-заводскаго труда, не врагъ, а скорѣе помощникъ и другъ рабочаго. Во второй картинѣ хулиганы, при голосованіи, поднимаютъ даже трупъ только что умершаго пьяницы. Въ четвертой картинѣ Царь Голодъ является въ залъ сытыхъ въ коронѣ, въ которой торчатъ куски человѣческаго мяса. Но особенно много эффектовъ нагромождено въ третьей картинѣ — въ сценѣ суда надъ голодными. Стоитъ только припомнить рѣчь, съ которою Царь Голодъ обращается къ голодной, утопившей своего ребенка, или нервный припадокъ всегда спокойной и самоувѣренной Смерти, которая, при появленіи крестьянина, убившаго «дьявола», почему-то вдругъ свирѣпѣетъ и безъ конца выкрикиваетъ свое: «дьявола! дьявола! дьявола!» Или авторъ, можетъ быть, хочетъ подчеркнуть этимъ особенную несправедливость приговора человѣку, который самъ является жертвою своей темноты и суевѣрій, а также и дурнаго вліянія со стороны тѣхъ, кто долженъ былъ бы нести ему свѣтъ и особую возмутительность совершеннаго имъ по невѣдѣнію страшнаго дѣла. — Для того же усиленія эффекта въ залѣ во время суда присутствуютъ представители отъ рабочихъ и хулигановъ и даже подають свои реплики во время самаго засѣданія. Эффекты, наконецъ, усиливаются особыми нюансами и отѣнками въ выраженіяхъ. Напр., на вопросъ Царя Голода женщины, утопившей своего ребенка, какъ его звали, та отвѣчаетъ только, что ее звали: дочечка.

Любопытная подробность. Въ пьесѣ нѣсколько разъ молятся. Рабочіе молятся машинѣ, художники молятся кар-

тинѣ, гости молятся дьяволу, судьи почти молятся Смерти, побѣдители молятся пушкѣ. Видно, молитву никакъ нельзя вычеркнуть изъ жизни и, если изгоняется истинная молитва, появляется молитва кощунственная, пародія на молитву.

Авторъ осуждаетъ бунтъ, но его давно уже, какъ и всякое насиліе, осудило христіанство. Но только христіанство осуждаетъ бунтъ, какъ и всякое вообще насиліе, во имя высочайшихъ религіозно-нравственныхъ завѣтовъ; нашъ же авторъ осуждаетъ его лишь вслѣдствіе его практической непригодности. Ну, а того, какими же мѣрами достигнуть справедливости и хотя бы только относительнаго благополучія на землѣ, — объ этомъ ни нашъ авторъ, ни подобные ему не говорятъ ничего и не могутъ сказать, ибо не знаютъ этого. На это отвѣтъ данъ только въ Евангеліи и больше нигдѣ. И пока не вспомнятъ Евангелія и не обратятся къ его завѣтамъ, — не только счастья, но и относительнаго благополучія на землѣ не будетъ и быть не можетъ.

Свящ. Н. Колосовъ.

ПАМЯТИ А. П. ЛЕБЕДЕВА ¹⁾.

Глухая лѣтняя пора, назначенная для временнаго отдохновенія тружениковъ культуры, принесла для тебя, незабвенный ученый, день вѣчнаго упокоенія.

День твоего рожденія, выражусь наиболѣе привычнымъ для тебя языкомъ, палъ на такое время, когда онъ не можетъ быть отпразднованъ такъ, какъ того требовало твое достоинство христіанина и твое званіе ученаго.

Неисповѣдимы пути Промысла, и не намъ уразумѣть умъ Господень. Но если позволительно проникать въ тайну этой смерти, то она моему ограниченному умственному взору представляется исполненной глубокаго, хотя и своеобразнаго, смысла.

Почившій былъ мужемъ науки, историкомъ христіанской церкви, выросшей изъ кроваваго сѣмени мучениковъ.

Вотъ съ этимъ то послѣднимъ и находится въ полномъ соотвѣтствіи время кончины незабвеннаго Алексѣя Петровича.

Почившій былъ прежде всего профессоромъ. А, вѣдь, профессура, не ходя далеко, и сама-то въ себѣ не должность, а подвигъ, своего рода библейское «бремя», которое неудержимо, часто вопреки личному настроенію, влекло пророковъ на путь ихъ общественнаго служенія.

Но этого мало. Алексѣй Петровичъ былъ мученикомъ

¹⁾ Рѣчь предъ незасыпанной могилой. Опоздала въ Августовскую книжку и печатается въ Сентябрѣ (см. Августъ №№ 11, 12, 13, 14.

еще и въ другомъ отношеніи. Онъ вписалъ свое имя въ мартирологъ, какъ всякій культурный вождь.

Его неукладывавшаяся въ рамки принятаго мысль, его пролагавшая новые, по крайней мѣрѣ въ нашемъ отечествѣ, пути ученость сплела терновый вѣнецъ его славы.

И однако въ такомъ трофеѣ побѣды для него нѣтъ ничего ни неестественнаго, ни противоестественнаго.

Вѣдь, точно такой же вѣнокъ сплеталъ языческой міръ и на главу тѣхъ, выясненію заслугъ которыхъ предъ христіанскою церковью посвятилъ почившій одинъ изъ своихъ многочисленныхъ трудовъ.

Вѣдь, точно такъ же—скромно, во всякомъ случаѣ несоотвѣтственно высокому достоинству мучениковъ, совершалось и ихъ погребеніе, какъ погребаемъ мы, немногіе, ихъ бытописателя.

Но слава ихъ не умираетъ и, вѣримъ, не умретъ, поскольку на нашихъ глазахъ трудами ученыхъ, подобныхъ почившему, она возрастаетъ.

Таково мученичество въ своемъ существѣ. Въ этомъ его глубокой смыслъ и его жизненное значеніе. Таковъ удѣлъ и всѣхъ мучениковъ, поскольку мучениковъ первыхъ вѣковъ нашей эры позволительно считать и первыми борцами за христіанскую культуру.

Не избѣжать, слѣдовательно, своей славы и почившему, такъ какъ дѣла подобныхъ ему, ей глаголетъ Духъ, ходятъ вслѣдъ за ними (Апокал. XIV, 13).

Вотъ тому одно доказательство, хотя и слабое.

Замерла жизнь нашей тихой ученой обители; лишь въ единицахъ выражается количество ея обитателей въ эти юльскіе дни.

Но, какъ въ муравейникѣ, закопошилась жизнь, когда смерть вырвала одного изъ нашихъ старѣйшихъ руководителей и давнихъ наставниковъ.

Мы не учились у Алексѣя Петровича въ томъ смыслѣ, что не слушали его лекцій. Но имя Алексѣя Петровича свято чтилось каждымъ изъ насъ, такъ какъ мы всѣ воспитались на его церковно-историческихъ трудахъ.

И какъ только до Академіи долетѣла, правда поздня; вѣсть о смерти Алексѣя Петровича, она болью отразилась въ нашихъ сердцахъ.

Мои немногочисленные товарищи, когда я отправлялся сюда, спѣшили въ храмъ, такъ какъ только тамъ рассчитываютъ найти себѣ нѣкоторое успокоеніе отъ тяжкой, нанесенной имъ смертью Алексѣя Петровича, раны.

А меня, твоего неизвѣстнаго тебѣ воспитанника не по Академіи только, но и по семинаріи, духовнаго ученика и почитателя, они уполномочили явиться сюда для того, чтобы передать тебѣ свое послѣднее «прости», неумѣлое, скромное, но....сердечное.

Ты никогда не забывалъ насъ, по крайней мѣрѣ, до самыхъ послѣднихъ дней не переставалъ дарить свои труды въ нашу студенческую бібліотеку.

Но если бы и не было этого, вѣрь, что память о тебѣ никогда, никогда до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать русская церковно-историческая наука, не умретъ въ сердцѣ каждаго питомца Московской Академіи...

Н. Кудрявцевъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

(Дѣтскія впечатлѣнія).

Село Ильинское Звенигородскаго уѣзда, предъ тѣмъ какъ было куплено Государыней Императрицей Маріей Александровной, а, можетъ быть, и вскорѣ послѣ того, выгорѣло до тла. Я былъ въ то время маленькимъ мальчикомъ лѣтъ семи—восьми и на пожаръ не ходилъ. Но мой отецъ, бывшій священникомъ въ ближайшемъ въ Ильинскому—селѣ Никольскомъ, былъ на этомъ пожарѣ и рассказывалъ потомъ, что онъ никогда такихъ пожаровъ не видывалъ. Огонь, рассказывалъ отецъ, бѣжалъ по травѣ около домовъ, которая дѣлалась отъ этого черною. Вмѣстѣ съ крестьянскими погорѣли дома и мѣстнаго причта.

Разнесся слухъ, что Ильинское куплено Государыней и въ скоромъ времени туда пріѣдетъ Царь. Когда день пріѣзда наступилъ, отецъ мой утромъ отправился въ Ильинское «смотреть царя» и взялъ съ собою и меня. Меня нарядили въ черный сюртукъ и надѣли сапоги, которые въ обычное время лѣтомъ не употреблялись. Ничего не могу сказать о впечатлѣніяхъ этого путешествія съ отцомъ сначала по лѣсу, потомъ чрезъ плотину на «мельницѣ», потомъ небольшимъ лѣскомъ до самаго Ильинскаго. По всей вѣроятности было такъ, что словоохотливый отецъ что-нибудь рассказывалъ мнѣ дорогой и училъ меня при этомъ, какъ вести себя. Настроеніе было приподнятое и серьезное.

Наконецъ мы пришли въ Ильинское и здѣсь узнали,

что Государь дѣйствительно прїѣдетъ въ этотъ день. Но вотъ вопросъ: откуда лучше его посмотришь?

— Пойдемъ въ церковь, сказалъ мнѣ отецъ, — и мы пошли.

Церковь во имя св. пр. Иліи находится въ самомъ царскомъ (теперь великокняжескомъ) саду. Это была знакомая мнѣ церковь, потому что каждый годъ мы ѣздили туда исповѣдываться къ нашему духовнику, священнику села Ильинскаго, Андрею Алексѣевичу Воскресенскому, тогда уже почтенному и убѣвленному сѣдинами старцу. Когда мы подошли къ церкви, то увидѣли, что туда никого, по случаю ожидаемаго прїѣзда Царя, не пускаютъ. Однако отца моего, какъ священника, пропустили, а вмѣстѣ съ отцомъ прошелъ, конечно, и я. Въ церкви, близко отъ входа, поставленъ былъ столикъ, покрытый какою-то сѣровой пеленой, и на немъ—сосудъ съ св. водою, и, можетъ быть, евангеліе и крестъ. Причтъ былъ въ алтарѣ и я не помню, чтобы еще кто-нибудь находился въ самой церкви, кромѣ отца и меня. Сохранялось торжественное молчаніе. Отецъ мой и я стали сзади праваго клироса, но на иконостасъ я глядѣлъ мало, а больше на входъ. Царскія двери были, кажется, затворены.

Живо помню тотъ моментъ, когда на колокольнѣ зазвонили въ колокола, и отецъ тихонько сказалъ мнѣ: «ѣдетъ!» Я весь превратился во вниманіе. Ждать пришлось недолго. Царскія двери растворились, и изъ нихъ вышли священникъ и діаконъ и стали около поставленнаго близъ входа столика. Вошелъ Государь со свитой. Мнѣ особенно запомнилось его крестное знаменіе, которое было истовое, по русскому обычаю. Священникъ далъ ему поцѣловать крестъ, окропилъ его святою водою и послѣ того вынулъ изъ пазухи какую-то бѣлую бумагу и подалъ ему. Государь обратился къ какому-то черному, съ большими бакенбардами, генералу, бывшему въ его свитѣ, и громко сказалъ ему: «возьмите!»

Все это посѣщеніе заняло, можетъ быть, минутъ десять—

пятнадцать. Увидѣвъ отца, Государь смѣрлялъ его глазами съ ногъ до головы, а послѣ него и меня, чѣмъ я былъ чрезвычайно доволенъ. Не помню, дѣлали ли мы ему какіе поклоны. Да и вообще все, что было дальше, исчезло изъ моей памяти. Смутно припоминаю только, что послѣ того мы долго стояли, вмѣстѣ съ другимъ народомъ, который пустили въ садъ, у царскаго дворца и мнѣ сильно хотѣлось разглядѣть въ окна, что дѣлается тамъ.

Бѣлая бумага, поданная священникомъ А. А. Воскресенскимъ Государю во время его прибытія въ церковь, возбудила много толковъ въ средѣ мѣстнаго духовенства. Говорили, что существовало распоряженіе, воспрещавшее духовнымъ лицамъ обращаться съ просьбами непосредственно къ Особамъ Императорской фамиліи. Въ то время въ Москвѣ былъ митрополитомъ Филаретъ, какъ извѣстно, строго относившійся къ духовенству, и потому предполагали, что Ильинскому священнику непременно «нагорить» отъ митрополита за смѣлость. Бѣлая бумага, какъ оказалось, содержала въ себѣ прошеніе отъ причта Государю о вспомошествованіи по случаю пожара. Самъ Андрей Алексѣевичъ, подавъ прошеніе, пришелъ, по отбытіи Государя изъ церкви, въ алтарь, преклонился предъ престоломъ и, какъ говорили, долго не могъ потомъ встать. Однако ничего подобнаго, о чемъ предполагало окрестное духовенство, не произошло. Причту въ Ильинскомъ были выстроены прекрасные дома. Въ одномъ изъ нихъ, въ домѣ священника, я много разъ пилъ чай, и въ это время словоохотливая матушка, пѣвучимъ и пріятнымъ голосомъ, много рассказывала моей матери и роднымъ о царскихъ милостяхъ. Государь и Государыня, повидимому, уважали свящ. А. А. Воскресенскаго, каждый праздникъ посѣщали перковъ во время богослуженія, подходили къ нему подъ благословеніе, при чемъ Государь,—такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывали,—цѣловаль руку у священника, а священникъ—у него.

Царская фамилія жила въ Ильинскомъ не особенно долго. Во время пребыванія тамъ члены ея посѣщали, съ цѣлью прогулокъ, окрестныя мѣста, ничемъ особенно не замѣчательныя, но покрытыя почти сплошнымъ березовымъ, еловымъ и сосновымъ лѣсомъ и вообще довольно красивыя. Между прочимъ они прїѣзжали и на мою родину, въ село Никольское, находящееся отъ Ильинскаго всего въ четырехъ верстахъ. Въ Никольскомъ — красивая церковь, построенная болѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ бояриномъ Аникитою Ивановичемъ Одоевскимъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, который, отправляясь на богомолье въ Звенигородъ, проѣзжалъ, можетъ быть, и не одинъ разъ, чрезъ Никольское и пожертвовалъ въ храмъ одну старопечатную книгу, которая и теперь тамъ хранится. Прїѣзжая въ Никольское, Государь, Государыня и члены царской семьи посѣщали домъ княгини Анны Николаевны Голицыной и ея сыновей, князя Николая Михайловича и Дмитрія Михайловича Голицыныхъ, которые, насколько мнѣ извѣстно, были учениками покойнаго М. Н. Каткова. Однажды по Никольскому разнесся слухъ, что къ Голицынымъ прїѣхалъ Государь. Народъ, конечно, выбѣжалъ изъ домовъ, мужики и бабы принарядились, и цѣлой толпой стали у трактира (теперь земская школа), у поворота дороги изъ барскаго сада въ Глухово и потомъ въ Ильинское. Члены мѣстнаго причта также услышали о прїѣздѣ Государя. Не знаю, по внушенію ли, по предписанію, или же по собственнымъ соображеніямъ, отецъ не велѣлъ никому всходить на колокольню и звонить, и не встрѣчалъ Государя въ облаченіи. Помню только, какъ говорилъ отецъ, что «неудобно беспокоить Государя Императора, во время его частныхъ прогулокъ, встрѣчами». Всѣ члены причта, священникъ, діаконъ и (по тогдашнему) дьячекъ стали около лѣваго входа въ церковь, а рядомъ съ ними выстроились и нѣсколько принаряженныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, — дѣтей мѣстнаго причта, въ числѣ которыхъ былъ и я, — отдѣльно отъ толпы крестьянъ, собравшейся

у трактира. Такъ мы довольно долго ожидали Государя. Наконецъ, на «плотинѣ», по дорогѣ изъ барскаго сада показался Государь, ѣхавшій верхомъ; а за нимъ, при-мѣрно, саженьхъ въ пятидесяти, ѣхаль, тоже верхомъ, какой-то военный, котораго мы называли «тѣлохранителемъ». Когда Государь подъѣхаль къ повороту дороги, гдѣ стояли крестьяне, то послѣдніе прокричали ему «ура». Государь отдалъ честь. Въ это время одна деревенская женщина, если не ошибаюсь, Татьяна Елкина, разбѣжавшись изъ деревни, одна, что было мочи, закричала «ура», и я видѣлъ, какъ Государь улыбнулся и отдѣльно отдалъ этой женщинѣ честь. Много лѣтъ спустя мнѣ пришлось отъ нѣкоторыхъ лицъ слышать въ видѣ анекдота, какъ «одна деревенская баба» кричала царю «ура» въ то время, когда всѣ другіе его уже прокричали, и я думаю, что этотъ анекдотъ есть точное воспроизведеніе обстоятельствъ, которыхъ очевидцемъ въ дѣтствѣ былъ я самъ.

Мимо церкви, какъ и теперь, идетъ проселочная дорога за кустами, растущими на небольшомъ пригоркѣ, а ближе, почти у самой церкви, небольшая тропинка. Подъѣзжая къ церкви и увидѣвъ, что около нея стояли члены причта съ дѣтьми, Государь свернулъ съ проселочной дороги и поѣхаль по тропинкѣ мимо самой церкви. Поровнявшись съ нами, онъ поѣхаль шагомъ и въ это время спросилъ моего отца:

— Во имя кого этотъ храмъ?

— Во имя Николая Чудотворца, Ваше Императорское Величество, отвѣчалъ отецъ.

— Когда бываетъ праздникъ?

— Девятаго декабря и шестого мая... то-есть... то-есть...

— То-есть два раза въ году? спросилъ Государь.

— Точно такъ, Ваше Императорское Величество! отвѣчалъ отецъ.

Государь отдалъ честь и шагомъ же поѣхаль дальше. Отецъ мой послѣ часто рассказывалъ объ этомъ обстоятельствѣ и удивлялся, какъ это онъ смутился и не могъ,

какъ слѣдуетъ, отвѣтить Государю, перемѣшавъ шестое декабря и девятое мая.

Однажды въ Никольское пріѣхалъ Государь съ своею семьей, съ Императрицей Маріей Александровной, Наслѣдникомъ Александромъ Александровичемъ, Великими Князьями Сергѣемъ и Павломъ Александровичами, которые были тогда мальчиками, и Великой Княжной Маріей Александровной. Пріѣхали въ барскій домъ, пили тамъ чай, гуляли по саду и сидѣли на садовомъ стулѣ, который и теперь хранится въ барскомъ домѣ съ вырѣзанною на немъ золотыми буквами надписью о времени посѣщенія. Народъ пускали въ садъ безпрепятственно, но, помнится, ура никто не кричалъ, потому что это было, кажется, воспрещено. Я убѣжалъ въ садъ съ народомъ безъ всякихъ приготовленій, т.-е. босикомъ, безъ фуражки и безъ пояса, вмѣстѣ съ другими деревенскими мальчиками и дѣвочками. Государь съ Государыней подъ руку гуляли по дорожкамъ въ барскомъ саду, а народъ расположился по окраинѣ съ одной стороны дорожки, идущей влѣво отъ выхода изъ княжескаго «старого» дома. Мы, маленькіе, стали у самаго края дорожки, а большіе крестьяне сзади насъ, такъ что мы могли хорошо «смотреть Царя». Рядомъ со мной стояла какая-то маленькая крестьянская дѣвочка, которая, когда Царь поровнялся съ нами, высоко закинула голову и вытаращила глаза, стараясь снизу разсмотреть высокаго ростомъ Государя, куриваго въ это время папиросу. Онъ замѣтилъ это, ласково улыбнулся, можетъ быть, хотѣлъ погладить по головѣ дѣвочку и сказалъ ей:

— Ты что, милая, такъ на меня смотришь? Ужь покурить не хочешь ли?..

Услышавъ это, дѣвченка тотчасъ же шмыгнула въ стоявшую за нею толпу народа и скрылась. Но я устоялъ на мѣстѣ, и когда Государь бросилъ на дорожку докурившую имъ папиросу, чуть было не осмѣлился ее подо-

братъ,—по моимъ дѣтскимъ соображеніямъ не потому главнымъ образомъ, что ее куриль Государь, а потому, что она была съ какимъ-то штемпелемъ,—можетъ быть даже съ орломъ, — который очень меня занималъ и сосредоточилъ на себѣ мое вниманіе. Но, будучи босикомъ и безъ пояса, я не осмѣлился одинъ выступить на средину дорожки и, какъ ни старался улучшить моментъ, когда Царь отойдетъ, этотъ моментъ пропустилъ, потому что народъ оттѣснилъ меня отъ дорожки. Мы перебѣжали въ другое мѣсто, гдѣ стоялъ длинный садовый стулъ, на которомъ царскія Особы, на время прогулки, положили свою верхнюю одежду. Предъ отъѣздомъ они стали сами въ этой одеждѣ разбираться и я явственно слышалъ, какъ мальчики, великіе князья, говорили Государю: «вотъ, должно быть, *твое*», т.-е. пальто. Меня это очень удивляло, я никакъ не могъ раньше предполагать, чтобы съ Царемъ и вообще съ взрослыми можно было обращаться на «ты».

Свящ. М. Швейскій.

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Фридрихъ Деличъ и христiанство.

«Сказавши *A*, ты скажешь и *B*», — утверждаетъ старинная поговорка. Проф. Фридрихъ Деличъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ заставившій говорить о себѣ весь ученый мiръ своими изслѣдованiями о еврейской религи и Вавилонѣ, теперь, по естественному закону послѣдовательности, наложилъ свою дерзкую руку и на христiанство. Въ своемъ новомъ сочиненiи: «*Zur Weiterbildung der Religion*» (Къ развитiю религи) онъ хочетъ «сдѣлать поправки къ христiанской религи, которая будто бы первоначально была совершенно другая, чѣмъ какою она является въ ортодоксальномъ пониманiи».

Прежде всего, Деличъ считаетъ нужнымъ исправить обычное понятiе о Христѣ, какъ о Единородномъ Сынѣ Божiемъ, воплотившемся для спасенiя людей. Христось, по мнѣнiю Делича, только постепенно укрѣпился въ той мысли, что Онъ есть помазанный посланникъ Божiй и что Ему суждено основать на землѣ царство Божiе. Сыномъ Божiимъ въ особомъ, исключительномъ смыслѣ — Онъ не считалъ себя; если же и говорилъ о Себѣ какъ о Сынѣ Божiемъ, то ставилъ Себя въ этомъ случаѣ на одномъ уровнѣ съ людьми-миротворцами, которые должны наречься сынами Божiими (Матѣ. 5, 9). И самые термины: сынъ Божiй, сынъ Давидовъ, сынъ человѣческой были во дни Христа ходячими терминами для обозначенiя Мессiа-человѣка.

Христось—говорить далѣе Деличъ — не приравнивалъ Себя къ Богу (Лук. 18, 19), не считалъ Себя единымъ съ Богомъ *по существу* и училъ любить *единого* Бога. Апостолы также смотрѣли на Христа, какъ на дѣйствительнаго человѣка, сына Юсифа и Марiи (Матѣ. 1, 20), по-

томка Давидова по плоти (Дѣян. 2, 30; Рим. 1, 3). Пророчество объ Еммануилѣ, которое приводится въ Евангеліи отъ Маттея (Ис. 7, 14), говоритъ только, что каждая молодая женщина, которая во дни нападенія сирійцевъ на царство іудейское была беременна, можетъ въ скоромъ времени назвать своего сына, который у нея родится, Еммануиломъ—въ знакъ радости, какою будутъ чувствовать іудеи, освободившіеся отъ враговъ. Зачѣмъ бы притомъ ев. Матеей сталъ приводить родословную таблицу Іосифа, если бы не считалъ его дѣйствительнымъ отцомъ Христа? Кромѣ того, первоначальный сирійскій переводъ евангелія отъ Маттея даетъ такое чтеніе 16 ст. 1 гл. Мѣ.: «отъ котораго (т.-е. Іосифа) родился Іисусъ, называемый Христомъ». Впрочемъ, позже и сирійскій текстъ,—прибавляетъ Деличь—былъ измѣненъ въ обычное чтеніе...

Деличь очень недоволенъ тѣмъ, что евангелисты произвольно толкуютъ разныя мѣста Ветхаго Завѣта, приравнивая ихъ ко Христу. Впрочемъ, многое въ евангеліяхъ Деличь считаетъ вставками позднѣйшихъ богослововъ. Такъ, напр., повелѣніе Христа крестить всѣхъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа (Матѣ. 28, 19) вложено въ уста Христа уже позднѣйшими догматистами, которые не хотѣли совершенно принять во вниманіе того обстоятельства, что Духъ Святой у ап. Павла вовсе не есть отдѣльное лицо Божества, а только сила Божія... Точно также не находитъ Деличь ни малѣйшаго основанія въ Новомъ Завѣтѣ для признанія во Христѣ искупителя людей отъ грѣховъ. Самъ Христосъ — говоритъ Деличь—признавалъ существованіе грѣховъ въ человѣкѣ, но училъ, что отъ нихъ можно освободиться раскаяніемъ. Жертвы за грѣхи людей Онъ и не думалъ приносить. Если же въ евангеліи говорится объ евхаристіи, то это священнодѣйствіе является только воспоминаніемъ о великомъ свидѣтельствѣ, какое далъ для утвержденія истинности Своего ученія Христосъ, пошедшій для этого на смерть. Выраженіе «сія есть кровь Моя Новаго Завѣта» значило въ устахъ Христа: «вотъ и Моя кровь будетъ пролита!» Слова же: «*во оставленіе грѣховъ*» (Матѣ. 26, 28) — это прибавка, появившаяся тогда, когда въ христіанской церкви утвердилось заимствованное у вавилонянъ евреями ученіе о грѣхѣ и жертвѣ за грѣхъ, и Христосъ сталъ посредникомъ между Богомъ и людьми...

Итакъ, Христосъ—не Сыиъ Божій, не искупитель грѣш-

наго человѣчества: Онъ просто высочайшій Учитель нравственности, Который «увлекаетъ» насъ къ дѣланію добра... Вотъ основная мысль Делича. Но какъ же быть съ чудесами, о которыхъ передаютъ евангелія? Какъ изъяснить различныя свидѣтельства Бога Отца о Сынѣ Своемъ? О, Делича нисколько не затрудняютъ эти обстоятельства! Все это—говоритъ онъ—не иное что какъ покровъ, какимъ восточная фантазія одѣваетъ самыя обычныя явленія и состоянія человѣческой жизни. Въ Вавилонѣ и Іудеѣ человѣкъ, преслѣдуя высокія дидактическія цѣли, говорилъ, что ту или другую мысль отерылъ ему Богъ. Этимъ онъ хотѣлъ сказать только, что считаетъ свою мысль вѣрною и практичною. Слово Божіе, откровеніе отъ Бога — это гиперболическія выраженія, стилистическій оборотъ, а мы придаемъ имъ совершенно несоотвѣтствующее буквальное значеніе. А чудеса надъ больными, какія совершалъ Христосъ, были просто дѣломъ особаго внушенія Его чрезвычайно сильной личности... Вообще—говоритъ Деличъ—нужно отворить окна нашихъ храмовъ и стряхнуть съ священныхъ сосудовъ насѣвшую на нихъ въ теченіи вѣковъ пыль, происхожденіе которой—въ Вавилонѣ. Адъ и рай, ангелы и многое другое въ евангеліяхъ — чисто вавилонскія понятія, которыя здравомыслящими христіанами должны быть забыты. Христіанинъ долженъ только помнить, что существуетъ грѣхъ, который можетъ онъ въ себѣ побороть раскаяніемъ, а о происхожденіи грѣха мы ничего не знаемъ, кромѣ вавилонскихъ представленій объ этомъ предметѣ...

Впрочемъ, Деличъ совѣтуетъ брать христіанамъ изъ другихъ религій то, что тамъ есть наиболѣе благороднаго и полезнаго для нравственнаго развитія человѣка. По его представленію, всѣ религіи — и вавилонская, и іудейская, и христіанская, и мусульманская—одинаково могутъ приводить въ общеніе съ Богомъ... И вотъ въ этомъ-то единеніи религій онъ видитъ источникъ спасенія для человѣчества. Пусть отпадутъ отъ христіанства всѣ прибавленія и наросты, накопившіеся на его организмъ въ теченіи вѣковъ—и тогда люди будутъ имѣть *единую* вѣру въ *единого* Бога. Отъ *тринитарности* они перейдутъ къ *здравому унитаризму, монотеизму*. Въ этомъ и заключается основа для развитія религіи...

Намъ кажется, нѣтъ никакой надобности подробно разбирать всѣ доказательства, какія приводитъ Деличъ для

подтвержденія своей мысли о томъ, что Христосъ не былъ Сыномъ Божиимъ въ особомъ, исключительномъ смыслѣ этого слова. Даже въ учебники по Св. Писанію Новаго Завѣта вошли тѣ опроверженія, какія ортодоксальная богословская наука сдѣлала по отношенію къ доводамъ вулгарнаго раціонализма, которые, собственно говоря, только и повторяетъ Деличъ. Скажемъ только, что для безпристрастнаго читателя Библии всѣ мѣста, которыя Деличъ съ легкою душою объясняетъ такъ просто, вовсе не представляются такими простыми и безсодержательными. Напр., псаломъ 2-й обѣщаетъ Мессіи во владѣніе «народы и концы земли». Ужели такое обѣщаніе могло быть дано «усыновленному» человѣку; напр., Давиду? Или пророчество о рожденіи Еммануила—развѣ можно его объяснять такъ, какъ дѣлаетъ это Деличъ? У насъ г. *Никольскій* въ своемъ изслѣдованіи «Пророчество объ Еммануилѣ» давно уже доказалъ нелѣпость такого толкованія (см. «Чтенія въ Общ. Л. Д. Просвѣщенія» за 1890 г.).. И всѣ ссылки Делича на то, что то или другое ниспровергающее его разсужденія мѣсто евангелія вставлено позже, конечно, нисколько не убѣдительно для читателя. Онѣ показываютъ только, какъ произвольно поступаетъ съ евангельскимъ текстомъ прославленный профессоръ.

Видимо, запасы возраженій со стороны отрицательной критики евангелія совершенно истощились. Она повторяетъ зады, расцвѣчая ихъ только такими прибавленіями, какъ успѣвшее уже пріѣсть сопоставленіе христіанскаго ученія съ вавилонскимъ. Точно также и всѣ ожиданія, какія эта критика въ лицѣ Делича возлагаетъ на будущее, которое ожидаетъ христіанъ, отрѣшившихся отъ тринитарности, рѣшительно ни на чемъ не основаны. Вѣдь, давно уже существуютъ унитаристическія религіи—іудейство, мусульманство, но что дали они для нравственнаго развитія своихъ исповѣдниковъ? По крайней мѣрѣ, то, что представляютъ собою іудейскія и мусульманскія общины, далеко не заманчиво...

Н. Розановъ.

Свящ. І. Виноградовъ. Основы христіанской религіи и православное вѣроученіе. Учебное руководство по Закону Божію. Изд. 2-е. Москва 1908. Ц. 1 р.

Русская богословская литература не богата книгами по предмету, рассматриваемому авторомъ. У насъ есть, между прочимъ, учебники по догматическому Богословію высокопр. митрополита Макарія и епископа Іустина. Оба отличаются полнотой и достоинствами, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыми недостатками. Учебникъ высокопр. Макарія изложенъ довольно сухо, а учебникъ преосв. Іустина, хотя довольно интересенъ, но не самостоятеленъ и, можетъ быть, слишкомъ обширенъ для употребленія даже въ духовныхъ семинаріяхъ. Въ книгѣ свящ. І. Виноградова рассматриваются тѣ же предметы, какіе и въ обыкновенныхъ учебникахъ по догматикѣ, но изложеніе—проще, интереснѣе и вообще доступнѣе для широкой публики. Если, по словамъ автора, его трудъ «былъ встрѣченъ весьма сочувственно въ средѣ оо. законоучителей», то это вполне понятно. Такъ какъ авторъ не ставитъ цитатъ, то судить о томъ, насколько его книга самостоятельна, вообще довольно затруднительно. Но, не касаясь научныхъ достоинствъ книги и вопроса объ ея самостоятельности, скажемъ, что она представляетъ изъ себя довольно пріятное явленіе въ нашей богословской литературѣ. Считаемъ нужнымъ указать лишь на нѣкоторые неважные недостатки, допущенные авторомъ. Въ предисловіи къ книгѣ онъ говоритъ, что въ основу ея «вошли *всѣ* извѣстные въ богословскомъ мірѣ догматическіе труды». Можно сомнѣваться, чтобы авторъ успѣлъ ознакомиться со всею огромною западною литературой по рассматриваемому предмету и самая книга его о томъ не свидѣтельствуетъ. Вѣроятно авторъ хотѣлъ сказать, что онъ ознакомился со всѣми только *русскими* произведеніями. На стр. 8 встрѣчаемъ выраженіе: «Самъ Господь Богъ *шелъ* на встрѣчу этимъ стремленіямъ». На стр. 14: «цѣлый міръ является ему (человѣку) не простымъ собраніемъ *равнодушныхъ* другъ къ другу частей». На стр. 19: «къ тѣламъ умершимъ» (умершихъ?). Стр. 21: «постоянно встрѣчаются люди, *которые* не имѣютъ ни малѣйшаго понятія объ идеяхъ, *которыя*» и проч. Во второмъ изданіи слѣдовало бы по возможности избѣ-

гать употребленія *два раза который и два раза что*,— стилистическій недостатокъ, весьма живо и картинно указанный Гончаровымъ. Стр. 41: «если и существуетъ на землѣ человѣческое правосудіе, то оно или наказываетъ, или оправдываетъ, другой разъ, (?) виновныхъ, но не награждаетъ». Стр. 56: «всѣми изслѣдователями... признано, что чѣмъ далѣе уходимъ мы въ древность, тѣмъ болѣе находимъ высшее и чистѣйшее богопознаніе». По поводу этого можно сказать, что многіе серьезные изслѣдователи этого не признаютъ. Далѣе, читая на той же страницѣ, что «у Сократа, напр., нѣкто Алкивіадъ желаетъ, чтобы Самъ Богъ научилъ людей истинѣ», и тутъ же—что «Платонъ съ настойчивостью утверждаетъ» и проч., ученики гимназій могутъ подумать, что Сократъ писалъ объ Алкивіадѣ, а Платонъ—о другихъ предметахъ. На стр. 77—82, говоря о пророчествахъ, авторъ, повидимому, не использовалъ всего матеріала, какой доставляется пророчествами въ апологетическихъ цѣляхъ. Отдѣлъ книги о священномъ преданіи, по нашему мнѣнію, изложенъ недостаточно убѣдительно (стр. 101—111). Есть и еще нѣкоторые недостатки въ книгѣ, которые, повторяемъ, нельзя считать особенно важными. Книга вообще написана хорошо для чтенія, но для класснаго употребленія слѣдовало бы нѣсколько ее сократить и придать излагаемымъ мыслямъ больше сжатости, пластичности и опредѣленности. Это, конечно, довольно трудно, но для этого стоило бы поработать. Книгѣ о. Виноградова желаемъ широкаго распространенія, котораго она вполне заслуживаетъ.

В О З З В А Н І Е.

Въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, вблизи Саввино-Сторожевскаго монастыря,—мѣстожителства преподобн. Саввы, воздвигается храмъ во имя препод. Саввы, первый престольный—главный храмъ въ честь этого угодника. Означенный храмъ предполагается, главнымъ образомъ, для посѣщенія его узниками Звенигородской уѣздной тюрьмы. Въ настоящее время сооружены стѣны и иконостасъ, на отдѣлку же храма, священную утварь, наружные кресты, облаченіе и пр. требуются средства. Мѣстные жители жертвуютъ по мѣрѣ своихъ силъ, но все же на полное окончаніе храма еще недостаточно.

Намъ бы хотѣлось открыть храмъ въ этомъ году, такъ какъ въ немъ исполняется 500 лѣтъ со дня кончины преподобнаго, въ честь котораго воздвигнуть храмъ. Если, съ Божіей помощью и по молитвѣ преп. Саввы, средства найдутся, то, думаемъ мы освятить храмъ 25 сентября, день тезоименитства преп. Сергія, учителя преп. Саввы.

Съ разрѣшенія Московской Духовной Консисторіи открыть сборъ пожертвованій.

Пожертвованія, даже самыя малыя, будутъ приняты съ великой благодарностью и за жертвователей будетъ возноситься непрестанная молитва въ храмъ св. угодника Божія Саввы Звенигородскаго.

Адресовать можно: г. Звенигородъ, Московской губ., начальнику Звенигородской уѣздной тюрьмы, для передачи на храмъ.

Ученіе св. Писанія о кончинѣ міра и предположенія новѣйшихъ ученыхъ о запустѣннїи или же разрушенїи земли и окружающихъ ее небесныхъ тѣлъ.

И вдругъ, послѣ скорби дней тѣхъ, солнце померкнетъ, и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ неба, и силы небесныя поколеблются. (Мате. 24, 29).

I.

Вопросъ учениковъ Господнихъ—«скажи намъ, когда это будетъ, и какой признакъ Твоего пришествія и кончины вѣка»? (Мѣ. 24, 3)—этотъ вопросъ издавна волновалъ и будетъ долго волновать человѣческіе умы. Стоитъ только окинуть взоромъ исторію человѣчества, какъ уже ясно становится, что этотъ вопросъ о кончинѣ міра есть довольно старый и въ то-же время вѣчно новый въ подлунномъ мірѣ. Онъ древень, но не старѣется. Возбуждая живой интересъ человѣчества, мысль о кончинѣ міра заставляла болѣе или менѣе серьезныхъ людей тратить силы своей жизни на ея разрѣшеніе ¹⁾. Различныя предположенія, гаданія и предсказанія объ этомъ всегда вызывали у извѣстной части людей страхъ и опасенія, а у всѣхъ вообще громадное любопытство и неисчерпаемые толки. Въ Америкѣ, напр., говоритъ Neumann, въ каждое сто-

¹⁾ Schweinitz. Das Ende der Welt. Breslau 1899. S. 16.

лѣтіе такихъ пророчествъ давалось по меньшей мѣрѣ дюжина ¹⁾, а по выраженію проф. Мейера «слухи о предстоящемъ вскорѣ «свѣтопреставленіи» возникаютъ до того часто, что на нихъ перестали уже обращать вниманіе» ²⁾. Все это ясно показываетъ, какъ захватывающе дѣйствуетъ на умы людей вопросъ о концѣ міра, и какъ важно и интересно его разрѣшеніе.

II.

Углубляясь мыслию въ сѣдую старину вѣковъ, мы видимъ, что ученіе о кончинѣ міра развилось не вдругъ, а постепенно. «Юное человечество, говоритъ проф. Глаголевъ, какъ будто еще не помышляло о томъ, что оно нѣкогда должно погибнуть. Оно не было счастливымъ, но оно думало, что на землѣ его еще ждетъ счастье. Однако по мѣрѣ того, какъ шли вѣка, оптимистическія представленія человечества стали измѣняться. Счастье не приходило на землю» ³⁾. И вотъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и міросозерцаніи человечества начинается развитіе ученіе о концѣ видимаго міра.

Въ болѣе позднемъ браманизмѣ уже явилось ученіе о кончинѣ міра, о судѣ и мздовоздаяніи. По этому ученію, вся исторія міра дѣлится на четыре періода, и теперь уже начался послѣдній изъ нихъ. Это—время скорбей и всякой неправды. Въ концѣ его явится Вишну въ своемъ божественномъ видѣ, на бѣломъ конѣ, съ мечомъ, сверкающимъ какъ комета. Онъ низринетъ нечестивыхъ въ преисподнюю. Всеразрушающій Шива, какъ огненный змѣй (или вихрь), пронесется по вселенной, и огонь истребитъ міры. «Но изъ начатковъ обновленія, скрытыхъ въ

¹⁾ Der Weltuntergang nach Bibel und Astronomie. Würzburg. 1898. S. 5.

²⁾ Мейеръ. Космическія и земныя катастрофы. 1904 г. Спб. стр. 5.

³⁾ Проф. С. С. Глаголевъ. Конечъ земли. *Бог. Вѣстн.* 1894 г. Ноябрь стр. 259.

чашечкахъ лотоса, явятся новыя міры, а вмѣстѣ съ ними начнутся новыя вѣка блаженства, чистоты и непорочности¹⁾.

То же эсхатологическое ученіе находимъ и у персовъ. Въ жизни міра разыгрывается страшная драма, борьба Ормузда (божествен. доброе начало) и Аримана (злое начало міра). Чѣмъ дальше, тѣмъ ужаснѣе эта борьба. Ариманъ будетъ посылать на землю голодъ, моръ и другія бѣдствія, но все-таки онъ будетъ побѣжденъ со своими злыми духами (дэвы). Души умершихъ нечестивыхъ будутъ ввергнуты въ огненную рѣку, которая очиститъ ихъ, пожравъ все нечистое. Начнется время совершенной чистоты и блаженства. Воскреснутъ мертвецы, облеченные въ свѣтлыя тѣла, не нуждающіяся въ пищѣ и не отбрасывающія тѣни. Вообще, вся земля будетъ свободна отъ всего нечистаго и вреднаго; на ней оснуется одно царство счастливыхъ людей, говорящихъ на одномъ языкѣ²⁾.

Особенно интересны вѣрованія германцевъ о кончинѣ міра. По ихъ мнѣнію, не только погибнетъ настоящій міръ, но и самые боги, которые имъ теперь управляютъ. Предъ этой катастрофой наступятъ страшныя событія. Будетъ холодная зима; люди начнутъ нещадно избивать другъ-друга, брать возстанетъ на брата. Враждебныя силы природы, какъ бы скованныя теперь цѣпями, тогда выйдутъ на сцену. Появятся великаны, чудовищныя силы земли, явится и Сутръ, владыка огненнаго міра со своими войсками. Это кончится тѣмъ, что будетъ все сожжено огнемъ. Тогда будетъ новое солнце, новая земля и новый родъ людей, и будетъ господствовать Бальдеръ (богъ міра) съ потомками нынѣшнихъ боговъ³⁾.

Все это ясно показываетъ, что въ языческомъ мірѣ

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid. стр. 259—260.

³⁾ Ibid. стр. 260.

были издревле попытки приподнять ту таинственную завѣсу, которая скрываетъ за собою будущее. «Свѣтъ сіялъ во тьмѣ, по выраженію Еванг. Іоанна, и тьма не объяла его». Въ языческомъ міросозерданіи, среди тьмы многобожія и суевѣрныхъ заблужденій, проявлялись свѣтлые лучи Божественной истины. Здѣсь мы видимъ проблески истиннаго познанія о Богѣ и Его отношеніи къ міру, и это отразилось и въ представленіяхъ о кончинѣ міра; только все это перепутывалось со множествомъ ложныхъ языческихъ представленій и понятій.

III.

Обращаясь къ исторіи избраннаго народа Божія, видимъ, что тамъ всегда сіяла Божественная истина. Тамъ всегда были люди, просвѣщаемые и водимые Духомъ Божиимъ, какъ-то: пророки, первосвященники и благочестивые цари. Гласъ этихъ пророковъ, этихъ служителей Божія слова всегда звучалъ въ ветхомъ завѣтѣ, и ихъ пламенные вдохновенныя слова открывали истину еврейскому народу. Евреи съ одной стороны имѣли правильное понятіе о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ вселенной, а съ другой—истинное религіозное воззрѣніе на міръ и его кончину.

Ветхозавѣтный человѣкъ сознавалъ, что зло и неправда не вѣчно будутъ царить на землѣ, но придетъ время, когда Іегова произведетъ судъ надъ землею и воздастъ каждому по дѣламъ его. «Праведнаго и нечестиваго будетъ судить Богъ, говоритъ Екклесіастъ, потому что время для всякой вещи и судъ надъ всякимъ дѣломъ тамъ». (3, 17. Срв. Пс. 9, 7—8; 95, 13; 97, 9).

Вдохновенному взору пророковъ открывалось будущее. Они знали о томъ, что долженъ притти Господь на спасеніе міру, а также и для суда надъ вселенной, послѣ чего откроется Его славное царство. Но оба эти пришествія Іеговы пророки (можетъ быть, намѣренно, и мо-

жеть быть, и непроизвольно) часто отождествляли. Точно также, зная по откровенію свыше о судьбѣ языческихъ народовъ, которые окружали израильтянъ, (напр., вавилонянъ, ассиріянъ, египтянъ, финикіянъ и друг.), предвидя гибель и истребленіе этихъ народовъ, пророки нерѣдко свои предсказанія о судьбѣ ихъ расширяли и охватывали своимъ проникновеннымъ взоромъ гибель всего міра. Это понятно и психологически: «представленіе однихъ событій направляетъ нашу мысль на аналогичныя происшествія» ¹⁾. Поэтому пришествіе Господа и день явленія Его въ міръ у пророковъ часто изображается, какъ день откровенія Его славы, день гнѣва и мздовоздаянія (Пс. 109, 5—6).

Пришествіе Іеговы будетъ славно и ужасно. Онъ идетъ «не въ безмолвіи: предъ Нимъ огонь поѣдающій, и вокругъ Него сильная буря» (Пс. 49, 1—6).

Этому явленію Господа, какъ Праведнаго Судіи, возрадуется вся природа. «Тогда возвеселятся древа дубравная предъ лицемъ Господнимъ, яко прииде судити земли» (1 Парал. 16, 33).

Это будетъ день Господень великій и страшный (Іоил. 2, 31), день, пылающій, какъ печь (Малах. 4, 1). Это— день бѣдствій (Притч. 16, 4), день гибели нечестивыхъ (Іов. 21, 30); они будутъ, какъ солома, и погальтъ ихъ грядущій день, такъ что истребитъ самый корень ихъ (Малах. 4, 1).

При появленіи своего Владыки и Творца, пришедшаго произвести Свой судъ надъ вселенной, вся природа придетъ въ страхъ и трепеть. Она содрогнется отъ ужаса, и въ ней произойдетъ великій переворотъ. «Вотъ приходитъ день Господа, говоритъ прор. Исаія,—лютый и пылающій яростію, чтобы сдѣлать землю пустынею и истребить съ нея грѣшниковъ ея. Звѣзды небесныя и свѣтила не дають отъ себя свѣта; солнце меркнетъ при восходѣ своемъ, и луна не сіяетъ своимъ свѣтомъ... Потрашу небо,

¹⁾ С. С. Глаголевъ. „Конецъ земли“. *Бог. Вѣстн.* 1894 Ноябрь.

и земля сдвинется съ мѣста своего отъ ярости Господа Саваога, въ день пылающаго гнѣва Его» (Исаи 13; 9, 10, 13). «Солнце и луна померкнутъ, и звѣзды потеряютъ блескъ свой (Иои. 3, 15; см. 2, 10). Это будетъ день тьмы и мрака, день облачный и туманный» (2, 2). «Покажу, говоритъ Господь чрезъ пророка Іоиля, знаменія на небѣ и на землѣ: кровь и огонь, и куреніе дыма. Солнце превратится во тьму и луна въ кровь, прежде нежели наступитъ день Господень великій и страшный». «Закрою небеса, читаемъ у прор. Іезекіиля, и звѣзды ихъ помрачу, солнце закрою облакомъ, и луна не будетъ свѣтить свѣтомъ своимъ; свѣтятся на небѣ помрачу надъ тобою и на землю твою наведу тьму» (Іез. 32, 7—8). «Земля будетъ потрясена, она начнетъ сокрушаться и распадаться. Люди побѣгутъ въ скалы и будутъ скрываться въ раселинахъ и пропастьхъ земныхъ» (Исаи 2, 10—21 и 24, 19).

Пророкъ Данилъ уже созерцалъ въ видѣніи самый судъ. «Тогда поставленъ былъ престоль, какъ пламя огня для Вѣчнаго днями (Іеговы), огненная рѣка протекала предъ Нимъ; тысячи тысячъ служили Ему, и тьмы темъ предстояли предъ Нимъ» (Данил. 7, 9—10).

Св. Ефремъ Сиринъ прямо видитъ здѣсь указаніе на второе пришествіе Господа и приводитъ это мѣсто съ точностью въ своемъ «словѣ на второе пришествіе Господне» ¹⁾. Блажен. Феодоритъ, хотя и говоритъ, что престолы поставлены для суда надъ греками, но «и предвѣщаютъ тайну Сына, который будетъ судить живыхъ и мертвыхъ» ²⁾.

¹⁾ Творен. из. 3-е ч. 2-я. Москва. 1881. стр. 400.

²⁾ Творенія т. VI стр. 75. *Блаженный Августинъ* говоритъ, что, хотя это мѣсто и толковали въ примѣненіи къ нѣкоторымъ царствамъ: ассиріянь, персовъ, македонянь и римлянъ, но здѣсь идетъ рѣчь о царствѣ антихриста и о послѣднемъ судѣ и воздаяніи. (О градѣ Божіемъ, кн. 20, 23). Точно такъ же толкуетъ онъ и 49 пс. (3—5). „Мы разумѣемъ это о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, котораго мы ожи-

Но вслѣдъ за этимъ судомъ произойдетъ обновленіе всего міра. «Исгладеть все воинство небесное, говоритъ прор. Исаія, и небеса свернутся, какъ свитокъ книжный; и все воинство ихъ падеть, какъ спадаетъ листъ съ виноградной лозы и какъ увядшій листъ съ смоковницы» (34, 4). Златоустъ говоритъ, что звѣзды тогда будутъ болѣе славными. «Какъ виноградная лоза, послѣ паденія листьевъ, является нагою и потомъ, съ новой весной, вновь украшается листьями и вѣтвями, такъ измѣнится къ лучшему и небеса»¹⁾. То же находимъ и у бл. Иеронима²⁾.

«Въ началѣ Ты (Господи), пишеть псалмопѣвецъ, основалъ землю, и небеса—дѣло Твоихъ рукъ. Они погибнуть, а Ты пребудешь; и всѣ они, какъ риза, обветшаютъ, и, какъ одежду, Ты перемѣнишь ихъ, и измѣнятся» (Псал. 101, 26—27). «Небеса исчезнутъ, какъ дымъ, говоритъ Господь устами прор. Исаи, и земля обветшаетъ, какъ одежда, и жители ея также вымрутъ, а Мое спасеніе пребудетъ вѣчнымъ, и правда Моя не престанетъ» (Исаи 51, 6). «Ибо вотъ Я творю новое небо и новую землю, и прежнія уже не будутъ воспоминаемы и не придутъ на сердце» (Исаи 65, 17; см. 66, 22).

IV.

Въ ветхомъ завѣтѣ были только прообразы, тѣни и гаданія о томъ, что должно было въ новомъ завѣтѣ открыться во всей полнотѣ. Тамъ еще только ожидали воплощенія Истины, явленія Мессіи, Который долженъ былъ «возвѣстити міру все» (Іоан. 4, 25). Поэтому всѣ пророчества о «днѣ Господнемъ», о «явленіи Іеговы» относи-

даемъ, что Онъ придетъ съ неба для суда надъ живыми и мертвыми⁴ (Ibid. 20, 24).

¹⁾ Творенія. Спб. 1900 г., т. VI, кн. 1, стр. 190.

²⁾ Творенія. Кіевъ. 1882 г., ч. 8, стр. 90. *Св. Ефремъ Сиринъ* также относитъ эти слова ко второму пришествію Господа.

лись и къ первому пришествію Спасителя ¹⁾. Но когда эта Истина, — Божественное Слово и Премудрость Отчая, — воплотилась, то служителямъ Слова оставалось возвѣщать, что «добро восторжествуетъ нѣкогда окончательно, и что зло, которое теперь уже можно побѣждать, будетъ побѣждено совсѣмъ» ²⁾. «Святое новозавѣтное время, говоритъ Лютардъ, есть начало конца, потому что оно есть исполненіе обѣщаній и приготовленій, но оно же и заключеніе конца. Иисусъ Христосъ есть «Ей и Аминь»; въ Немъ исполнилась надежда отцовъ, — и при томъ такъ, что это исполненіе само снова приводитъ къ будущему и дѣлаетъ насъ сынами надежды. Поэтому Господь не только возвѣстивъ о царствіи Божіемъ, которое уже пришло, но предсказавъ и о будущемъ, которое должно притти. Его пророчество покоится на ветхозавѣтномъ откровеніи и проливаетъ на послѣднее яркій свѣтъ откровенія новозавѣтнаго» ³⁾.

Въ ученіи Иисуса Христа и Его святыхъ учениковъ начертана намъ уже полная и ясная картина будущей участи міра.

Пророческая рѣчь Господа (Мѡ. 24 и 25 гл.; Мрк. 13; Лук. 21 гл.) была произнесена по поводу вопроса учениковъ: «когда будетъ разрушеніе Іерусалима, откровеніе царства Мессіи и кончина міра?» (Мѡ. 24, 3). Апостолы все еще не могли отрѣшиться отъ своихъ іудейскихъ взглядовъ на Мессію, какъ на земного царя. Они все еще ожидали, что ихъ дивный Учитель оснуетъ «царство израилено» (Дѣян. 1, 6). И, по образу ветхозавѣтныхъ пророковъ, не различали указанные три событія. «Въ томъ же гонѣ отвѣчаетъ и Господь. Онъ не раздѣляетъ по виду различныя части, такъ чтобы сперва говорить объ одномъ, а потомъ о другомъ; но Онъ всѣ ихъ беретъ всегда вмѣ-

¹⁾ Малах. гл. 4, 5—6; срвн. Ев. Лук. гл. 1, 13—17.

²⁾ Глаголевъ. „Конецъ земли“. 1894 г. ноябрь.

³⁾ Lüthard, Die Lehre von den letzten Dingen. Leipzig. 1861. S. 85.

ствѣ и говорить обо всемъ заразѣ, не группируя отдѣльные акты, какъ это сдѣлалъ бы историкъ. Таковъ способъ библейскаго пророчества¹⁾. Поэтому въ пророческой рѣчи о разрушеніи Іерусалима божественный взоръ Господа проникъ до момента гибели всей вселенной. Отсюда двѣ части въ Его словахъ: одна касается ближайшихъ мѣстныхъ событій (паденіе Іерусалима), другая же—общеміровыхъ.

Вотъ почему св. отцы и учителя церкви съ 23-го стиха 24 гл. Еванг. Матѳея пророчества Спасителя относятъ уже къ концу міра²⁾. Но какъ паденіе Вавилона, Египта, Ассиріи и друг. царствъ было прообразомъ гибели міра, такъ и разрушеніе Іерусалима можетъ служить предвѣстіемъ будущихъ міровыхъ бѣдъ за беззаконія. Поэтому и въ предыдущихъ (т.-е. предъ 23-мъ) стихахъ можно видѣть отчасти указанія на будущія несчастія во вселенной.

Такъ какъ апостолы въ своихъ посланіяхъ разъясняли и излагали то, что слышали отъ Господа (1 Іоан. 1, 1—5), то въ связи со словами Христа Спасителя необходимо разсматривать и ихъ ученіе, чтобы получить болѣе или менѣе полную картину новозавѣтнаго откровенія о кончинѣ міра.

Всѣ мѣста новаго завѣта относительно кончины міра можно подраздѣлить на три отдѣла: первыя говорятъ о состояніи міра нравственнаго, которое будетъ господствующимъ предъ разрушеніемъ вселенной; вторыя—о послѣд-

¹⁾ Lüthard. s. 87—88.

²⁾ Блаж. Теофилактъ. Благовѣстникъ. Казань. 1855 г. 416. Св. Іоаннъ Златоустъ. Толк. на Еванг. Мѳ. гл. 24, стр. 253. М. 1899 г. Нѣкоторые на основаніи словъ Евангелія: „не преидеть родъ сей, дондеже вся сія будутъ“ (Мѳ. 24, 34; Мрк. 13, 30) всю рѣчь Господа относятъ къ паденію Іерусалима и понимаютъ ее метафорически. Но св. Златоустъ говоритъ, что здѣсь разумѣется не родъ тогда жившихъ, но родъ вѣрныхъ; ибо родъ означаетъ не только время, но и образъ религіи и жзвни (Пс. 23, 6). (Толк. на Мѳ., стр. 264). То же думаетъ и блаж. Теофилактъ. Благовѣстн., стр. 421.

ней катастрофѣ въ мірѣ физическомъ; третьи — о томъ, что будетъ съ міромъ и его обитателями послѣ всеобщаго суда.

Въ мірѣ нравственномъ будетъ полный упадокъ, одряхлѣніе и расслабленіе. Какъ во дни Ноя, передъ потопомъ, люди ѣли, пили, женились и выходили замужъ до того дня, когда вошелъ Ной въ ковчегъ, и не думали, пока не пришелъ потопъ и не истребилъ всѣхъ, — такъ будетъ и предъ пришествіемъ Сына человѣческаго (Мѡ. 24, 37—38). Люди будутъ отягощать себя объяденіемъ, пьянствомъ и заботами житейскими (Лук. 21, 34); и по причинѣ умноженія беззаконія во многихъ охладѣютъ (слав. пер. изсякнетъ) любовь (Мѡ. 24, 12) и вѣра (Лук. 18, 8).

Замѣчательны термины, употребляемые евангелистами. Не думали *οὐκ ἔγινωσαν* — означаетъ прекращеніе разумной дѣятельности, предосторожности; *τροφῶντες* — обыкновенно употребляется о кормленіи животныхъ; *κραπάλη* — означаетъ отягченіе головы послѣ продолжительнаго пьянства; а *μέθη* — чрезмѣрное пьянство ¹⁾. (Св. 2 Тимѡ. 3, 1—5).

Въ довершеніе этого нравственнаго разложенія явятся лжехристы и лжепророки, которые будутъ прельщать людей ложными знаменіями и чудесами (Мѡ. 24, 24; Мрк. 13, 22). Черезъ этихъ служителей зла послѣднее все болѣе и болѣе будетъ проникать въ міръ, разольется, какъ широкая рѣка; оно будетъ все глубже проникать въ людей, пока не реализуется въ совершенствѣ въ лицѣ антихриста (2 Θес. 2, 3. 4). Ап. Павелъ называетъ его человѣкомъ грѣха (*ἄνθρωπος τῆς αμαρτίας*), сыномъ погибели (*υἱὸς τῆς ἀπωλείας*). Св. Кириллъ Іерусалимскій ²⁾, Златоустъ ³⁾, св. Іоаннъ Дамаскинъ ⁴⁾ полагали, что анти-

¹⁾ Виноградовъ. О конечныхъ судьбахъ міра и человѣка. Москва 1887 г., стр. 154.

²⁾ Творенія. Изд. 2. 1893 г. 15-е катехизич. поученіе.

³⁾ Творенія. Толк. на посл. къ Θессал. Спб. 1859 г., 40 (2-е посл.).

⁴⁾ Точное изложен. прав. вѣры. IV, 26. Москва. 1785 г.

христъ будетъ только послушное орудіе сатаны; Лактанцій ¹⁾, блаж. Іеронимъ ²⁾ и друг. считали его какъ бы исчадіемъ сатаны, или его сыномъ, а бл. Феодоритъ ³⁾ и друг. предполагали, что это будетъ самъ сатана ⁴⁾.

Таково будетъ нравственное состояніе міра предъ вторымъ пришествіемъ Христовымъ.

Разбираясь въ успѣхахъ нашей культуры и человѣческаго прогресса, легко можно замѣтить, что человѣчество все болѣе и болѣе разслабляется даже физически. «Человѣчество, говоритъ Швейницъ, видимо ослабѣваетъ подъ вліяніемъ культуры. Его твердость, его энергія, его самообладаніе размягчаются (ослабѣваютъ) исканіемъ удовольствій и изнѣженностью, и остается тотъ фактъ: мы работаемъ безпрестанно на нашу культуру, а культура работаетъ на наше уничтоженіе. Мы предчувствуемъ поэтому дальнѣйшее постепенное уничтоженіе новѣйшаго человѣчества (т.-е. болѣе поздняго, чѣмъ мы) и вмѣстѣ съ тѣмъ приближеніе къ суду» ⁵⁾.

По тѣсной связи міра нравственнаго съ міромъ физическимъ въ послѣднемъ также произойдутъ необыкновенныя явленія, которыя въ новомъ завѣтѣ изображаются почти тѣми же чертами, что и въ завѣтѣ ветхомъ. «Солнце померкнетъ ⁶⁾, и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды

¹⁾ Institution. Divin. VII, 17.

²⁾ Толк. на прор. Исаію. Тв. ч. 7-я. Кіевъ. 1882 г. (на 16 гл. и 23).

³⁾ Толк. на Фессл. Твор. ч. 7-я. М. 1861 г. 546 и 547.

⁴⁾ Сильвестръ. Догматич. богословіе. Кіевъ. 1891 г., стр. 335.

⁵⁾ Schweinitz. Das Ende der Welt. S. 6. Breslau 1899.

⁶⁾ Солнце не уничтожится, оно только потемнѣетъ. „Солнце, говоритъ *Златоустъ*, не уничтожится, но померкнетъ, будучи побѣждаемо свѣтомъ пришествія Его (Христа), и звѣзды спадутъ: ибо какая въ нихъ уже будетъ нужда, когда не будетъ ночи?“ (Бесѣды на Ев. Мѡ. ч. 3-я. Бесѣд. LXXV и LXXVI. Москва. 1899 г., стр. 255). „Солнце померкнетъ, т.-е. не уничтожится, говоритъ бл. *Феофилактъ*, но будетъ тускло въ сравненіи съ превосходнымъ свѣтомъ пришествія Христова, подобно тому, какъ луна и звѣзды не свѣтятъ, когда восходитъ солнце“. *Благовѣстн.*, 419 стр.

спадуть съ неба, и силы небесныя поколеблются» (Мѣ. 24, 29; Мрк. 13, 24—25).

Слово εὐθέως (вдругъ, абіе) — указываетъ на внезапность всего совершающагося, такъ что всѣ эти ужасныя событія постигнутъ людей совершенно для нихъ неожиданно. Солнце потемнѣетъ, лишится своего блеска, въслѣдствіе чего луна не будетъ уже отражать его свѣта. Звѣзды по евангелистамъ просто спадутъ съ неба, по Апокалипсису (6, 13, 14 ср. Ис. 34, 4) спадутъ съ неба на землю, а по пророкамъ—угаснутъ, потеряютъ блескъ свой (Ис. 13, 9—13; Іез. 32, 7—8; Іоил. 3, 15). Поэтому нѣкоторые думаютъ, что здѣсь (въ Евангеліи) глаголь πίπτω—надо понимать въ смыслѣ—ἐκπίπτω—исчезать ¹⁾. Но всѣ эти мѣста можно согласить между собою. Нѣкоторыя звѣзды, напр., метеоры, дѣйствительно упадутъ на землю, другія—просто погаснутъ, т.-е. свѣтъ ихъ собственный, или заимствованный отъ другихъ свѣтилъ, не будетъ уже болѣе видимъ на землѣ, а иныя падутъ съ небесъ, т.-е. пролетятъ въ воздушномъ пространствѣ, такъ какъ силы небесныя поколеблются. Подъ послѣднимъ можно понимать силы міровой гармоніи, напр., силу притяженія, тяготѣнія, центробѣжную и центростремительную, которыя въ настоящемъ порядкѣ міровой жизни находятся въ равновѣсіи. Но можно подъ ними понимать и умныя духовныя силы, ангеловъ, какъ это думаютъ св. Іоаннъ Златоустъ и блаж. Θεοφιλάктъ. Если ангелы восхваляли Творца гласомъ велимъ, когда Онъ сотворилъ эти лучезарныя звѣзды (Іов. 38, 7, LXX), то очень естественно, если они содрогнутся отъ ужаса, увидѣвъ такой переворотъ въ мірозданіи.

По Евангелію Луки на землѣ будетъ «уныніе народовъ и недоумѣніе; море воспумитъ и возмутится; люди будутъ издыхать отъ страха и ожиданія бѣдствій, грядущихъ на вселенную» (Лук. 21, 25—26) ²⁾.

¹⁾ Миловидовъ. „Конецъ міра“. *Вѣра и Церковь*. 1899 г., т. I, стр. 344.

²⁾ „Земля или міръ вообще, при современномъ его состояніи нахо-

Взирая на всѣ ужасы этихъ величественно-грозныхъ явленій въ небесныхъ и земныхъ сферахъ, люди вдругъ почувствуютъ приближеніе чего-то ужаснаго и неизбежнаго. Слово «туга», какъ думаютъ иные, означаетъ боязнь сердца, сказывающуюся въ общей сдавленности, стѣсненности всего организма. Терминъ ἀποφυγεῖν издыхать, приходитъ въ изнеможеніе, переставать дышать — указываетъ на потерю присутствія духа, внутреннее томленіе сердцемъ при тревожномъ ощущеніи страшныхъ событій природы, предварающихъ послѣдній день. «Глубокія волненія сердець человѣческихъ соединятся съ неотразимыми и бурными волненіями на морѣ, потрясеніями земной коры и колебаніями въ высшихъ сферахъ неба»¹⁾. Посему сюда вполне приложимы слова Евангелія: «тогда будетъ великая скорбь, какой не было отъ начала міра до нынѣ, и не будетъ. И если бы не сократились тѣ дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранныхъ сократятся тѣ дни» (Мѡ. 24. 21, 22, 29; Мрк. 13, 19—20).

Когда потемнѣютъ свѣтила небесныя, и наступитъ всеобщій мракъ, тогда засіяетъ въ небесахъ необыкновенный свѣтъ: «явится знаменіе Сына человѣческаго». По мнѣнію св. Іоанна Златоуста это будетъ крестъ Господень, который свѣтлѣе солнца²⁾. За крестъ считаютъ это знаменіе и св. Ефремъ Сиринъ³⁾, и блаж. Теофилактъ⁴⁾.

Послѣ этого послѣдуютъ воскресеніе мертвыхъ, — причѣмъ тѣла всѣхъ людей измѣнятся, — всеобщій судъ и мздовоздаяніе (Мѡ. 25, 31—46; Іоан. 5, 19—30; 6, 29—58; 1 Кор. 15, 12—57; 1 Тессл. 4, 13—18).

длѣтся въ мукахъ рожденія, естественно должны имѣть конецъ этимъ мукамъ, и этотъ конецъ мукъ ознаменуется необычными явленіями, какъ на небѣ, такъ и на землѣ» (Виноградовъ. „О конечныхъ судьбахъ міра и человѣка“, стр. 158).

¹⁾ Виноградовъ. „О конечныхъ судьбахъ міра и человѣка“, 161—162.

²⁾ Бесѣды на Ев. Мѡ. ч. 3, бес. LXXV, М. 1899 г., стр. 256.

³⁾ Творенія, ч. 2. 1881 г., стр. 395. „Слово на животворящій крестъ Господень и на второе пришествіе“.

⁴⁾ *Благовѣстникъ*, стр. 419.

звершеніемъ всей міровой драмы будетъ то, что все-
лая сгоритъ. Еще въ ветхомъ завѣтѣ огонь служилъ
орудіемъ Божественнаго суда (Быт. 19, 24; Исаи 5, 24;
Пс. 49, 3; Дан. 7, 9). Точно также и въ новомъ завѣтѣ
на него указывается, какъ на стихію, истребляющую грѣ-
ховный міръ (Мѡ. 3, 12; 25, 4; Мѡ. 13, 36—42; 2 Сол.
1, 8; Апк. 19, 20; 20, 10). Но особенно ясно объ этомъ
свидѣтельствуемъ ап. Петръ (2 Петр. 3, 10—12). «При-
детъ, говоритъ ученикъ Христовъ, день Господень, какъ
татъ ночью, и тогда небеса съ шумомъ прейдуть, стихіи
же разгорѣвшись разрушатся (слав. разорятся), земля и
всѣ дѣла на ней сгорятъ. Если такъ все это разрушится,
то какими должно быть въ святой жизни и благочестіи
вамъ, ожидающимъ и желающимъ пришествія дня Божія,
въ который воспламененныя (слав. жегома) небеса ру-
шатся и разгорѣвшіяся (слав. опаляемы) стихіи растаютъ?»

Въ началѣ міръ погибъ, бывъ потопленъ водою. А ны-
нѣшнія небеса и земля, содержимыя тѣмъ же Словомъ,
сберегаются огню на день суда и гибели нечестивыхъ
человѣковъ» (2 Петр. 3, 5—7).

Всю эту картину гибели міра по ап. Петру можно
представить такъ. Прежній міръ погибъ въ водахъ потопа
за грѣхи. Теперешній міръ (ибо небо и земля на языкъ
писанія часто означаютъ вселенную, напр., Быт. 2, 1),
какъ бы нѣкоторое сокровище, сберегается до дня суда
Божія. Тогда произойдетъ великій переворотъ въ мірѣ.
Небеса (*οὐρανοί* — употребляется въ значеніи воздуха и
звѣзднаго неба. Пс. 72, 9; 102, 11; Ис. 34, 4; 51, 6; 65, 17),
т.-е. весь звѣздный міръ, придутъ въ движеніе, отчего про-
изойдетъ великій шумъ въ воздушномъ пространствѣ. Подъ
именемъ же стихій древніе считали слѣдующіе четыре основ-
ные элемента физической природы: огонь, воздухъ, землю
и воду ¹⁾. И вотъ огонь, какъ стихія наказанія и очище-

¹⁾ Напр., Эмпедокль, Платонъ, Аристотель. Такое же воззрѣніе на
стихіи находимъ и у св. Василія Великаго. Шестодневъ, стр. 15. 1900,

ніа міра, возьметъ верхъ и охватитъ огненнымъ потокомъ вселенную, разрушая всѣ бывшія въ соединеніи космическія тѣла (стихіи же жегомы разорятся) и попаляя землю со всѣмъ, что сдѣлано было на ней.

Огонь здѣсь разумѣется физическій, вещественный, а не какой-либо особенный—духовный. Ему приписываются всѣ свойства дѣйствительнаго огня: жаръ, горѣніе, плавленіе, сожиганіе. Къ тому же апостолъ этотъ огонь сравниваетъ съ водами потопа, а послѣдній несомнѣнно надо понимать въ буквальномъ, а не метафорическомъ смыслѣ ¹⁾).

изд. 4-е, ч. 1-я. Новѣйшая химія такихъ основныхъ элементовъ насчитываетъ до семидесяти.

¹⁾ Впрочемъ, надо сказать, что этотъ огонь пріобрѣтетъ и особыя свойства, неизвѣстныя намъ теперь. „Грѣшники, говоритъ св. *Іоаннъ Дамаскинъ*, преданы будутъ огню вѣчному, не такому вещественному, какой у насъ, но такому, который извѣстенъ одному Богу“ (Точи. изд. Вѣр. IV, 27). „Этотъ огонь, пишетъ св. *Димитрій Ростовскій*, сожигаетъ только тѣлесное вещество, а тотъ жжетъ и мучитъ безплотныхъ духовъ. Тотъ геенскій огонь жжетъ, но не умерщвляетъ: грѣшники, вверженные въ геенскій огонь, не умрутъ, будучи жегомы и мучимы вѣчно“ (Дьяченко. „Уроки и примѣры христіан. вѣры“). „Вѣчный огонь жжетъ, а не свѣтитъ; палитъ, а не снѣдаетъ; мучитъ, а не умерщвляетъ“—говоритъ св. *Тихонъ Задонскій* (ibid., стр. 715). Все это будетъ понятно, если признать съ одной стороны то, что огонь, наравнѣ со всѣми стихіями, тогда преобразится, очистится, сдѣлается, такъ сказать, до нѣкоторой степени духовенъ (какъ теперь онъ матеріаленъ), а съ другой — сами тѣла людей получаютъ новыя свойства, которыхъ мы теперь не имѣемъ. Затѣмъ, грѣшниковъ не столько будутъ терзать силы физической природы, сколько душевныя муки. „Нестерпима геенна и мученія въ ней; впрочемъ, если представить и тысячи гееннъ, то все это ничто въ сравненіи съ несчастіемъ лишиться оной блаженной славы, возненавидѣннымъ быть отъ Христа и слышать отъ Него: не вѣмъ васъ, и обвиненіе, что мы, видя Его алчущаго, не напитали! Ибо лучше подвергнуться безчисленнымъ ударамъ молніи, нежели видѣть кроткое лице Господа, отъ насъ отвращающагося, и ясное око Его, не могущее взирать на насъ“ (Св. *Іоан. Злат.* Бес. на Ев. Мѣ. Бесѣд. LXXV и LXXVI. См. также „Слово къ Θεодору надшему“. Спб. 1895 г., т. I, кн. 1, стр. 13). „Можетъ быть, читаемъ у св. *Василія Великаго*, страшнѣе тьмы и вѣчнаго огня тотъ стыць,

Такимъ образомъ, по ученію апостола, этотъ «міровой пожаръ долженъ обнять всю вселенную, начиная съ воздуха, облаковъ, до начальныхъ веществъ земли»¹⁾.

Что міръ погибнетъ именно отъ огня, такъ думали и св. отцы, и учителя церкви, напр., св. Іустинъ философъ, Тагіанъ, Аеинагоръ, св. Теофілъ Антиохійскій, Минуцій Феликсъ²⁾, св. Ефремъ Сиринъ³⁾ и друг.⁴⁾

Но этотъ огонь не уничтожитъ міра, а только разрушитъ его, небеса прейдуть (слав. мимоидуть), а стихіи расплавятся. Значить, въ мірозданіи произойдетъ какой-то переворотъ. Міръ растаетъ, расплавится, какъ золото въ горниль, и черезъ это сдѣлается чище, лучше, цѣннѣе.

Дѣйствительно, продолжая свою рѣчь, апостоль гово-

которымъ увѣковѣчены будутъ грѣшники, непрестанно имѣя передъ глазами сѣды грѣха, сдѣланнаго во плоти, подобно какой-то невыводимой краскѣ, навсегда остающейся въ памяти души ихъ“ (Бес. на Пс. XXXIII).

¹⁾ *Миловидовъ*. „Конецъ міра“. *Вѣра и Церковь*. 1899 г., т. I, стр. 345
Виноградовъ. „О конечн. судьбахъ міра и человѣка“, стр. 288.

²⁾ *Силвестръ*. „Догмат. Богосл.“ Кіевъ. 1891 г., стр. 399—401.

³⁾ Творенія. Слово на второе пришествіе Господне, ч. 2. М. 1881 г., стр. 323.

⁴⁾ Быть можетъ, остатокъ отъ этого огромнаго огня и есть то „озеро огненное“, о которомъ говорится въ Апокалипсисѣ (20, 14; 21, 1—8) и въ которое будутъ ввержены грѣшники, и „се есть вторая смерть“ (Апк. 20, 14; 1 Тесс. 1, 8—9). *На вопросъ: откуда можетъ взяться столько огня?*—можно отвѣтить: „Огонь находится всюду на землѣ и въ воздухѣ, и грубыхъ тѣлахъ, обнаруживаясь чрезъ треніе; огонь непосредственно горитъ внутри земли. При такомъ горѣніи нужно только малѣйшее прикосновеніе возбудителя—хоть какой-либо кометы, имѣющей зажигательное свѣйство, чтобы произвести всеобщій пожаръ. Самые малые возбудители, напр., молнія, сѣверное сіяніе и т. п., заставляютъ землю колыхаться и сверкать“. *Сборникъ изъ лекцій бывшихъ проф. Кіевской Д. Акад.* Кіевъ. 1869 г., стр. 205. *Тома Аквинскій* думаетъ, что, какъ при потопѣ источники воды открылись частію изъ небесныхъ сферъ, частію изъ безднъ земли, такъ произойдетъ и огонь при концѣ міра (*Миловидовъ*. „Конецъ міра“. *Вѣра и Церковь*. 1899 г.; т. I, стр. 347).

рить: «Нова же небесе и новы земли по обѣтованію Его чаемъ, въ нихже правда живеть» (2 Петр. 3, 13).

То же ученіе о преобразованіи вселенной находимъ и въ другихъ книгахъ св. Писанія новаго завѣта. «Небо и земля, сказалъ Христось Спаситель, мимоидуть (по Мрк. прейдуть, а не прекратятся) (Мѣ. 24, 35; Мрк. 13, 31). «Преходитъ образъ міра сего» (1 Кор. 7, 31), пишетъ ап. Павелъ. Онъ же говоритъ о будущей вселенной (Евр. 2, 5), а тайнозритель, св. Іоаннъ Богословъ, въ чудномъ видѣніи удостоился созерцать это «новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля уже миновали» (Апок. 21, 1).

По ученію ап. Павла, въ моментъ пришествія Христова «смертвіи востануть нетлѣнни, и мы измѣнимся» (1 Кор. 15, 51—55). «Ибо тлѣнному сему надлежитъ облечься въ нетлѣніе и смертному сему—облечься въ безсмертіе» (ср. ст. 35—49).

Сообразно этимъ свойствамъ человѣка, царя природы и вѣнца твореній Божіихъ,—преобразится и обновится и вся тварь. «Тварь съ надеждою ожидаетъ откровенія сыновъ Божіихъ, пишетъ апостоль, —потому что тварь покорилась суетѣ не добровольно, но по волѣ покорившаго ее, — въ надеждѣ, что и сама тварь освобождена будетъ отъ рабства тлѣнію въ свободу славы дѣтей Божіихъ, ибо знаемъ, что вся тварь совокупно стонаетъ и мучится донынѣ» (Римл. 8, 19—22).

Какъ произойдетъ все это?—Отвѣтъ тотъ, что мы, слабые умомъ, ограниченные временемъ и пространствомъ, почти неспособные переступить границу чувственного бытія, не можемъ достигнуть ни всей тайны мірозданія, ни тѣхъ премудрыхъ плановъ и цѣлей Божественнаго Разума, Который управляетъ вселенной. Это для насъ тайна (1 Кор. 15, 50; Римл. 11, 25). Намъ остается только въ благоговѣйномъ трепетѣ воскликнуть съ апостоломъ: «О, бездна богатства и премудрости, и вѣдѣнія Божія! какъ непостижимы судьбы Его и неизслѣдимы пути Его!» (Римл. 11, 33).

Обращаясь къ отцамъ и учителямъ Церкви, мы видимъ, что они единогласно говорятъ о томъ, что міръ не погибнетъ, а только измѣнится въ лучшее, идеальное состояніе. Такъ думали, напр., ап. Варнава, мучен. Іустинъ, христіанскіе апологеты — Татіанъ, Аѳинагоръ, св. Θεοφιλης аѳіохійскій, Меѳодій патарскій ¹⁾. Св. Иринея ліонскій пишетъ: «Когда пройдетъ этотъ образъ (т.-е. образъ міра), и человѣкъ возобновится и обрѣтнетъ для нетлѣнія такъ, чтобы онъ не могъ уже обветшать, то будетъ небо новое и земля новая, въ которыхъ будетъ пребывать новый человѣкъ, всегда о новомъ собесѣдующій съ Богомъ... ибо ни субстанція, ни сущность творенія не уничтожается, ибо истиненъ и вѣренъ Устроившій его» ²⁾. «Необходимо міру измѣниться, читаемъ у св. Василія Великаго, если и состояніе душъ перейдетъ въ другой родъ жизни» ³⁾. Св. Кириллъ Іерусалимскій учитъ: «Господь нашъ Іисусъ Христосъ грядетъ съ неба; придетъ же со славою при концѣ міра сего въ послѣдній день; потому что міру сему будетъ конецъ, и сотворенный міръ паки обновится». — Поэтому мы ожидаемъ «какъ бы воскресенія небесъ» ⁴⁾. Св. Іоаннъ Златоустъ ⁵⁾ говоритъ: «Не ты одинъ, но и что гораздо ниже, что не имѣетъ ни смысла, ни чувства, и то будетъ съ тобою участвовать въ благахъ». У св. Епифанія Кипрскаго находится такое мѣсто: «Надобно ожидать, что тварь будетъ страдать, какъ бы обреченная на смерть во время горѣнія, но для того, чтобы быть возсозданной, а не по-

1) Сильвестръ. „Догматич. Богосл.“, т. V, стр. 399—401.

2) Памятники древне-христіанск. письмен. въ русск. пер. св. *Иринея Ліонскаго*. Пять книгъ противъ ересей. Москва. 1868 г., в. 5, гл. 36, п. I.

3) Бесѣды на шестодневъ. Твор. св. Василія Великаго, изд. 4, ч. 1. Серг. Посадъ. 1900 г., стр. 10.

4) Творен. св. Кирилла Іерус. изд. 2. Серг. Посадъ. 1893 г., ст. 202. 15-е катехизич. поученіе.

5) Толк. на посл. къ Римл. Москва. 1844 г., стр. 344. Слово къ Θεодору падшему. Твор. Слб. 1895 г., т. I, стр. 16. Толкован. на прор. Ісаію. Слб. 1900 г., т. 6, гл. 34, стр. 190.

гибнуть, дабы мы обновленные жили въ обновленномъ мірѣ. Писаніямъ, говоритъ онъ, обычно перемѣну міра изъ сего состоянія въ лучшее и славнѣйшее называть уничтоженіемъ, такъ какъ прежняя форма съ измѣненіемъ всего въ лучшей видъ пропадаетъ»¹⁾. «Всѣ твари, пишетъ св. Ефремъ Сиринь, съ надеждою ожидали тѣхъ сыновъ, которые должны были рождены въ жизнь воскресенія, чтобы ради нихъ жить и имъ (тварямъ)»²⁾.

Блаж. Августинъ говоритъ: «Прейдетъ образъ міра сего чрезъ сожженіе его міровыми огнями, подобно тому какъ потопъ совершился чрезъ наводненіе міровыми водами. Въ этомъ-то міровомъ пожарѣ уничтожатся совершенно отъ огня свойства стихій тлѣнныхъ, которыя соотвѣтствовали тѣламъ нашимъ, а самая субстанція получить такія свойства, которыя чрезъ удивительное измѣненіе окажутся соотвѣтствующими тѣламъ безсмертнымъ, такъ что міръ, обновившись къ лучшему, получить полное приспособленіе къ людямъ, обновившись къ лучшему и по плоти»³⁾. Такъ же думали и другіе отцы и учителя Церкви, напр., блаж. Иеронимъ⁴⁾, св. Андрей Кесарійскій⁵⁾, блаж. Θεодоритъ⁶⁾, Макарій Египетскій⁷⁾, блаж. Θεофилактъ⁸⁾ болгарскій и друг.

Вотъ тотъ ваглядъ св. отцовъ и учителей Церкви на

1) Твор. св. Елифанія Кипрскаго, ч. 3. Москва. 1872 г. Ересь 44 или 64, гл. 39.

2) Твор. св. Ефрема Сирина. Серг. Посад. 1895 г., ч. 7. Толк. на посл. къ Римл., гл. VIII, стр. 35 и 1 Коринѣ. гл. 15, стр. 108.

3) Творен. блаж. Августина Иппонскаго. „О градѣ Божіемъ“, кн. 20, 16, стр. 219. Кіевъ. 1887 г.

4) Толк. на прор. Исаяю, гл. 65, 16—18. Твор., ч. 9. Кіевъ. 1882 г.,

5) Толк. на Апок. Москва. 1882 г., стр. 54 и 201.

6) Толк. на посл. къ Римл. гл. 8, стр. 90. Творен. Москва. 1861 г. и на 1-е посл. къ Коринѣ. гл. 15, стр. 293.

7) Слово 7-е о свободѣ ума, гл. 32, стр. 465. Творен. изд. 4. Серг. Лавра. 1904 г.

8) Толк. на посл. къ Римл. Казань. 1866 г., стр. 113 и на 1-е посл. къ Коринѣ. Казань. 1867 г., стр. 222.

состояніе міра послѣ того, какъ онъ будетъ охваченъ всежигающимъ и всеочищающимъ послѣднимъ огнемъ, или «огненнымъ потопомъ», по выраженію блаж. Теофилакта. Опредѣленіе 5-го вселенскаго собора противъ оригенистовъ, учившихъ о совершенномъ уничтоженіи міра: «Кто говоритъ, опредѣляетъ соборъ, что послѣдній судъ и конецъ міра состоятъ въ совершенномъ уничтоженіи тѣлъ и всего вещества, что конецъ міра сего будетъ началомъ новой вещественной природы, и что въ этомъ новомъ мірѣ ничего не будетъ матеріальнаго, а только одна универсальная душа,—да будетъ анаэема» (Сильв. «Опытъ Догматич. Богосл.», т. V, стр. 407; Макарій. «Прав. Догмат. Бог.», т. V. Спб. 1853 г., стр. 234).

Разсматривая теперь въ совокупности откровенное ученіе ветх. и нов. завѣтовъ, можно все его содержаніе кратко выразить такъ. Второе пришествіе Господа для суда надъ міромъ будетъ необыкновенно, славно, грозно и величественно. Въ нравственномъ мірѣ челоѣчества будетъ страшный упадокъ и развращеніе, и въ то же время въ мірѣ физическомъ произойдутъ необыкновенныя явленія, какъ-то: потемнѣніе солнца и луны, погашеніе и паденіе звѣздъ, а также колебаніе въ гармоніи силъ и законовъ природы, управляющихъ міромъ. Въ концѣ-концовъ, весь міръ будетъ охваченъ потокомъ огня, силою котораго онъ очистится и сдѣлается вновь оживотвореннымъ, дивнымъ, чистымъ и прекраснымъ.

С. Г—овъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника инока).

Одно государство, часто бываетъ, держитъ другое въ постоянномъ страхѣ и немало злоупотребляетъ этимъ. Такъ сатана «насильствомъ плоти» нашей и «насильствомъ смертнаго сего тѣлесе» держитъ насъ въ своемъ подчиненіи, нападая на насъ съ этой, самой слабой и малозащитенной, стороны нашего существа. И если бы не Господь, не было бы намъ вѣоткуда помощи и надежды спасенія.

* * *

Отовсюду кресты, отовсюду скорби, отовсюду искушенія, оклеветанія, посмѣянія, уничтоженія, порицанія. Тяжко мнѣ, Господи,—не оттого, что все это идетъ на меня, но оттого, что всего этого я *заслуживаю* по грѣхамъ моимъ, всему этому я самъ виноватъ, все это—естественный результатъ моего ничтожества, окаянства, убожества, ошибокъ и неосторожностей моихъ.

* * *

Нѣкоторые никакъ не могутъ совмѣстить Библию съ наукой (напримѣръ, въ ученіи о твореніи міра). Но — съ какою наукой? Вѣдь науки бываютъ разныя, методы и степень ихъ точности и авторитетности — тоже. Есть науки *точные*, основные выводы и положенія которыхъ—сами *законы природы*, и ни единой іоты въ нихъ нельзя ни измѣнить, ни прибавить (астрономія, математика, фи-

зика, нѣкоторыя данныя медицины, химіи и пр.). Къ такимъ точнымъ наукамъ далеко не принадлежитъ та, съ которою хотятъ сопоставлять и примирять Библию. Вѣдь что такое *геологія*, всѣ эти картины образованія міра въ нѣсколько тысячъ вѣковъ? Вѣдь все это—*ипотезы*, которыя зиждутся исключительно на человѣческихъ *предположеніяхъ*, никоимъ образомъ не могущихъ быть повѣренными и удостовѣренными опытомъ. Это въ сущности, значить, та же *вѣра*, только не въ Божественныя истины и откровенія, а въ *человѣческія предположенія*. Предъ такую вѣрою ставить Библию въ положеніе подсудимой—по меньшей мѣрѣ — неразумно. Нужно науку и ея гипотезы совмѣстить съ Библіей, а не наоборотъ.

Гипотеза геологіи объ образованіи земли въ теченіе тысячъ вѣковъ изъ огненной массы, путемъ постепеннаго ея охлажденія, недавно признана совершенно нелѣпою. Вотъ и вѣрѣ такимъ наукамъ, опирающимся на нелѣпости. И въ самомъ дѣлѣ: ученые говорятъ, что внутри земля и теперь представляетъ огненную влокающую массу, удерживаемую сравнительно очень тонкой корой, гораздо тоньше коры апельсина въ отношеніи къ внутренней ея части. Ну, развѣ это не нелѣпость? Жить на такой скородѣ, подъ такимъ страшнымъ пламенемъ, съ такимъ страшнымъ давленіемъ, и не изжариться, не взлетѣть на воздухъ отъ взрыва начиненной такими ужасами бомбы-земли? Говорятъ, огнедышущіе вулканы — играютъ здѣсь роль отдушникъ. Но—какъ они ничтожны для такой силы! И не должна ли эта страшная сила, почувствовавъ выходъ и устремившись въ него вся, разворотить всю землю? Конечно, да. И вотъ, вулканы и землетрясенія и др. вулканическія явленія объясняются теперь совершенно иначе: просачиваніемъ почвенныхъ водъ на значительную глубину, размывомъ подпочвенныхъ пластовъ земли, слѣдствіемъ чего являются: образованіе подземныхъ пещеръ, скопленіе въ нихъ особыхъ горючихъ газовъ, химически образующихся отъ соединенія подземной влаги съ мине-

ральными подземными веществами, воспламенение этихъ газовъ отъ страшной силы давленія верхнихъ слоевъ земли, подземные взрывы (землетрясенія), разрушающіе пещерныя вмѣстилища газовъ и увеличивающіе такимъ образомъ площадь дальнѣйшаго дѣйствія газовъ и накопленія ихъ. Вотъ наиболѣе естественное и совершенно простое объясненіе и вулкановъ, и землетрясеній, и проваловъ земли и всякихъ другихъ вулканическихъ явленій. И никакого тутъ внутренняго огня, охлажденія земной коры и т. п. нѣтъ. А люди до сихъ поръ доказываютъ, что земля — подернутая тонкимъ ледкомъ земной коры огненная масса, и насчитываютъ этому ледку даже и число лѣтъ, въ тысячахъ вѣковъ. Ну, а Библия? Нѣтъ, въ ней все ужъ очень просто: *«рече, и — бысть!»* А это не по нутру ученымъ...

* * *

Смирите вашъ разумъ въ послушаніе вѣрѣ Христовой! О, повѣрьте, мы ее гораздо менѣе знаемъ и гораздо менѣе изслѣдовали, чѣмъ всякую науку! Эта вѣра далеко еще не сказала своего послѣдняго слова, и отвергать ее какъ нѣчто устарѣвшее и изжитое ради новостей наукъ, незрѣлыхъ и скороспѣлыхъ, непрочныхъ, далеко не значитъ—найти истину.

* * *

Когда оглянешься на прошлое и представишь, что можно было бы сдѣлать за это время и не сдѣлано, больно дѣлается душѣ... Столько потеряно духовныхъ сокровищъ, столько упущено и загублено добра! Все это могло бы быть твое, но прошлое не возвращается. Да если бы и была возможность, воспользовался ли бы ею? Вѣдь, вотъ въ будущемъ имѣешь полную возможность исправить свое нерадѣніе, вознаградить свои потери. Но—увы! И это все пропадетъ для тебя даромъ.

* * *

Усталъ ты жить? Усталъ идти впередъ? Остановись, отдохни душою, соберись съ силами, и иди дальше. Только не падай духомъ, и не оставляй рѣшимости итти и итти. Когда-нибудь незамѣтно приблизится и конецъ пути. И тогда будешь жалѣть, что его мало осталось.

* * *

«*Изыди отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь, Господи*»... Страхъ Божій естественно испытывать намъ грѣшнымъ и нечистымъ предъ лицомъ славы Божіей и въ ощущеніи присутствія Господня, если даже херувимы и серафимы «лица закрывающе» зрѣти не могутъ въ лице своего Создателя. Но—я думаю, напрасно говорить Петръ: «*Изыди, Господи, ибо я грѣшенъ*»... Надо, напротивъ, сказать: *приди къ намъ, Господи, ибо мы грѣшны!*.. Господь и пришелъ именно взыскать и спасти погибшихъ. Блудницы, блудные и другіе тяжкіе грѣшники не бѣжали отъ Него, а ловили Его, чтобы исцѣлиться у ногъ Его отъ своихъ грѣховныхъ язвъ и вымолить прощеніе, спасеніе, помощь и исцѣленіе.

* * *

«*Изыди отъ мене*»... Петръ сказалъ это по величайшему смиренію и сознанію своего недостойнства. А мы какъ часто говоримъ то же—*нежеланіемъ исправиться*, сознательнымъ продолженіемъ нечестивой жизни и жалѣя разстаться со своими грѣховными привычками, привязанностями и пристрастіями!

* * *

Господь одинъ знаетъ, какъ одолѣвають, какъ борются насъ немощи и слабости наши. Куда ни взгляни въ своемъ государствѣ, вездѣ — бреши, вездѣ прорѣхи и самая необузданная анархія нашихъ инстинктовъ, пристрастій, потребностей. И нѣтъ удерживающаго и защищающаго. Главнокомандующій — умъ нашъ — бездѣйствуетъ, часо-

вые—совѣсть и разсудокъ—спать, другіе подчиненные и подавно ничего не могутъ и не хотятъ подѣлать, безъ руководства, безъ примѣра, безъ предосторожности, безъ опредѣленнаго и рѣшительнаго плана дѣйствій. И благодаря всему этому—вѣчный плѣнъ нашъ врагу нашему—плоти, міру и діаволу...

* * *

Изъ «ничего» Господь сотворилъ міръ, изъ полнаго *ничтожества* создалъ *все*. Такъ же творить Онъ донинѣ и Свое новое твореніе—человѣка обновленнаго. Сознай себя полнымъ ничтожествомъ, и только это дастъ Ему возможность сотворить Свое славное дѣло—явить въ тебѣ силу, мудрость и красоту Свою.

* * *

Дивно, что Господь воскресилъ сына вдовицы Наинской, умилосердившись надъ нею и ея скорбію. Но не менѣе дивно, что находились женщины (христіанки), которыя и эту сильнѣйшую на землѣ скорбь, это—самое священное на землѣ чувство—приносили въ жертву Господу, и *радуясь* вели своихъ, часто единственныхъ, дѣтей на мученія за имя Христово и на ужасную смерть за имя Его.

* * *

Скрипка, чѣмъ больше на ней играютъ, тѣмъ она становится лучше, звучнѣе, разыгрывается въ высшее свое достоинство и пріятность. Отъ продолжительной непрерывной чистки или тренія загорается блескомъ и желѣзо, не говоря уже о болѣе благородныхъ металлахъ (золото, серебро и пр.). Наоборотъ, отъ бездѣйствія «умираетъ» и жемчугъ, принимая синій, мертвый видъ. Разумѣй отсюда важность и необходимость, какую имѣетъ трудъ душевнаго дѣланія. Безъ него и самая благородная душа умираетъ, какъ жемчугъ, обезцѣниваясь въ ничто.

* * *

Не надо отчаиваться въ самыхъ сильныхъ скорбяхъ и страданіяхъ: все пройдетъ современемъ. Жизнь слишкомъ сложна и велика, чтобы исчерпываться одною скорбію или радостію. Она есть непрерывная цѣпь ихъ, влекущая колесо нашей жизни и сама влекомая имъ до предѣла, какою каждому судить Богъ.

* * *

Жизнь никогда не дойдетъ до такого положенія, которое бы было совершенно безвыходнымъ. Такой или иной выходъ непременно укажетъ Господь, только воззови къ Нему болѣзненнымъ гласомъ въ твоёмъ отчаянномъ положеніи!..

A. I.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П И С Ь М А

ПРЕОСВЯЩЕННАГО ТЕОФАНА ЗАТВОРНИКА

къ Н. И. К.

20 генв. 93 г.

Милость Божія буди съ вами!

Еще не собрался я отвѣтить на ваше письмо изъ Арзамаса, какъ Илья Ивановичъ изъ Берестянокъ прислалъ старика, который и доставилъ мнѣ и письмо ваше новое, и просфору. Благодарствую за то и другое, и за добрую память вашу. Утѣшаюсь, что вы здоровы и находите уголокъ свой очень для васъ пріятнымъ. И еще болѣе утѣшаюсь тѣмъ, что имѣете полную свободу и возможность бывать въ церкви Божіей и причащаться св. Христовыхъ таинъ, какъ душѣ вашей угодно. Да будетъ все сіе вамъ во спасеніе!—Илія стремится куда то. Къ чему экзамень, не понимаю. Но даруй ему, Господи, сдать его наилучшимъ образомъ.

Благослови васъ Господи!

Спасайтесь!

Вашъ искренній доброхоть

Еп. Теофанъ.

6 мая 93 г. Вознесеніе.

Милость Божія буди съ вами!

Съ свѣтлымъ Вознесеніемъ Господнимъ поздравляю!

И понять не умѣю, какъ сдѣлалось, что я такъ долго

промѣшкалъ отвѣтомъ вамъ. Прошу извинить. Но я не забывалъ васъ ни одинъ день и желанія вамъ всего хорошаго не пресѣкалъ. Спаси васъ Господи! На дняхъ Александра Ивановна напомнила мнѣ о васъ и вашемъ недоумѣніи о моемъ молчаніи; я отвѣтилъ ей, что тотчасъ отвѣчу съ первою нашею почтою. Но у насъ все еще продолжается пѣшеходное сообщеніе съ городомъ. Есть однакожь надежда, что скоро кончится.—Слышу, рабочіе вричатъ на устроеніи моста.

Васъ восхитилъ Нигольскій монастырь.. Слава Богу, что есть еще обители восхищающія. Берестянка дорога по другимъ побужденіямъ... Вся жизнь тамъ прошла.. и тянетъ.—Да устроить васъ Господь, какъ Его святой волъ благоугодно.

Бѣличку назвали вы одинокою — чего ради? — Да утѣшить ее Господь!

Рабъ Божій Илья Ивановичъ все хлопочеть, и все у него не клеится. Это отъ того, что все не попадетъ на свою колею.—Терпѣніе! Богъ дастъ, все устроится наилучшимъ образомъ какъ разъ по его росту и силамъ. Благослови его Господи!

И васъ да благословить Господь.

Спасайтесь!

Еп. Теофанъ.

18 іюня 93 г. Ночь.

Милость Божія буди съ вами!

Поздравляю съ возвращеніемъ отъ долгаго странствованія. Даруй вамъ, Господи, продолжать дни свои въ Берестянкахъ въ здравіи и спасеніи. — И съ покровомъ Божіимъ поздравляю, что тарантасъ вашъ остановленъ въ своемъ наклоненіи настолько лишь, чтобъ вы остались, не получивъ вреда. Это воистину милость Божія.

Благодарю васъ за карточку, которая поперѣчитъ рѣчамъ о скоромъ отходѣ вашемъ отъ насъ. Да здравствуете

впрочемъ. — И за карточку Маши благодарю... Она, по лицу судя, характера самостоятельнаго... Спаси ее, Господи!

Благодарю за вѣсти о красавицахъ моихъ — Енгальчевой, Кудрявцевой и о Траковскихъ. Я имъ отпишу съ почтою. Провинился предъ ними, что не отвѣчалъ... Исправлюсь...

Посылаю вамъ книжки: Напомицаніе инокннямъ, — Рѣшеніе недоумѣній и Слова... по три экземпляра каждой.

Отцу протоіерею — книжка: Мысли на каждый день... Прошу молитвъ его.

Благодарю за чюдочки, водицу и просфору.

Теперь отдыхайте и собирайтесь съ силами, растроченными дорогою.

Благослови васъ Господи!

Вашъ доброхотъ

Еп. Теофанъ.

Милость Божія буди съ вами!

3 іюля 93 г.

Вы находите, что у васъ лучше теперь, чѣмъ въ Арзамасѣ... Деревня предъ городомъ всегда беретъ верхъ въ этомъ отношеніи. Даруй вамъ, Господи, освѣжиться и вкусить отъ чаши здравія къ утѣшенію вашему. Я не знаю, что это за трава Кузьмичева, но если она пригодна для противодѣйствія вашимъ немочамъ, почему ее не выписать? Противъ худокровія, я слыхаль, идутъ какія-то желѣзныя пидюли или порошки и мясо недоваренное. Объ этомъ всякій лѣкаръ скажетъ. — Да подастъ вамъ Господь такое лѣкарство, которое бы прогоняло скоро сію боль всякій разъ безъ большихъ хлопотъ.

Что значить Лизино: «совсѣмъ поработилась отцу»? — Пусть слушается отца, въ предѣлахъ заповѣдей Божіихъ. Коль же скоро его желанія будутъ заходить за сіи предѣлы, пусть стоитъ геройски, — ни на что не смотря. Да будетъ Богъ ей помощникомъ.

Машѣ и Ольгѣ—на что многая ученость? Пусть бы болѣе руководѣлемъ занялись. Тутъ и здоровью легче,—и на случай — всегда будетъ подъ руками способъ добывать хлѣбъ насущный.

Илію благослови Господи доучиться порядкомъ. А то онъ ни то, ни се.—Да хранить и руководить его Господь.

Выша кланяется вамъ,—и на ваше желаніе—побывать на ней отвѣчаетъ: добро пожаловать.

Хорошо, говорите, въ деревнѣ, но богослуженія ежедневнаго нѣтъ...

Ухитряйтесь какъ-нибудь замѣнить сіе лишеніе своею домашнею молитвою. Св. пустынники десятки лѣтъ не видали церкви, а въ молитвѣ непрестанно пребывали. Господь да умудритъ васъ!

Да хранить и благословляетъ Господь Черничку во всѣхъ дѣлахъ и занятіяхъ, особенно же въ молитвѣ и власти надъ собою.

Благослови Господи всѣхъ васъ.

Еп. Теофанъ.

Милость Божія буди съ вами!

Благодарствую, что не забываете меня.

Вѣрно, вамъ покойно живется, и—пошли загадки... туда съѣздить, тамъ побывать. — Прекрасныя загадки. Помогите Господи и дѣломъ совершить ихъ.

Москва къ вамъ приблизилась, — и всѣ святыни ея... будто предъ глазами. Это чудо отъ чугулки... Если, Богъ дастъ, проѣдете до Москвы, много получите утѣшеній,—а въ числѣ ихъ отъ Софіи и Павла. Богъ хранитъ ихъ... Великая въ семъ милость къ нимъ Божія. Да продлитъ Господь имъ милость сію!

А о святыняхъ и говорить нечего; сколько получите утѣшеній отъ нихъ!

Вы въ немногихъ словахъ добрѣ очертили быть свой... Будто монастырь! — Если свободно, то вамъ можно свой молитвенный трудъ распределить такъ, какъ въ монасты-

ряхъ идутъ службы... вечерня... молитвы на сонъ,—выспавшись... полуночица, утренняя, часы... чинъ изобразительныхъ вмѣсто литургій... Черничка чтнца и уставщица, выигуменія... и колокольчигъ завели бы... Любо!

Благослови васъ Господи!

Вашъ доброхотъ

Еп. Теофанъ.

Милость Божія буди съ вами!

Поздравляю съ причащеніемъ св. Христовыхъ таинъ.

Буди васъ сіе въ покой и крѣпость духа.

Утомились: вотъ нынѣ отдохнете. Уединившись и погрузившись въ богомысліе, получите въ награду обрадованіе духовное.

Про Слѣпцову я, кажется, поминалъ вамъ когда-то. Она давно уже стала на ноги, — и стоитъ. Да поможетъ ей Богъ устоять.

Отвѣтъ ей за мною. Но я долженъ ей отвѣтить самъ. Передайте ей мои благожеланія.

Про Хотьковскую монахиню мнѣ никто ничего не говорилъ. Одна какая-то писала, гдѣ ей устроиться... въ Посадѣ или въ Хотьковѣ... Но та крѣпкаго духа... и, кажется, не здѣшняя, а Кіевская, какъ мнѣ показалось.

Господа имѣемъ Спасителя и помощника всемогнутаго... Уповающіе на Него всегда получаютъ милость, если обращаются къ Нему съ разумными просьбами и разумно.

Лиза благоразумно, пишешь ты, себя держитъ. Даруй ей, Господи, побольше ума и силы характера...

Мать Черничка отдыхаетъ здѣсь... Даруй ей Господи. упокоеніе въ Господѣ сильное.

Муромецъ пусть собираетъ здѣсь орудія—потребные въ брани... Благослови его Господи!

Благослови васъ Господи!

Спасайтесь!

Еп. Теофанъ.

Милость Божія буди съ вами!

Благодарствую за благожеланія. И вамъ желаю узрѣть въ Преображеніи до какой мѣры слѣдуетъ доводить самообразование по духу христіанства, возжелать достигнуть того и силу на то пріять отъ преобразившагося Господа.— О Бѣличкѣ очень жалю. Да подастъ ей Господь терпѣніе, если неблагоугодно Ему исправить ея благовѣрнаго или лучше зловѣрнаго. — Андрею даруй Господи еще по-двинуться впередъ въ его къ вамъ отношеніяхъ.—Саранча!.. Боже милосердый, помидуй насъ!

Илья въ Муромѣ... Муромцу и слѣдуетъ тамъ быть. Даруй ему, Господи, получить то, зачѣмъ туда направился...—Елисавета—сестра. Да какая же это?!.. Я поминую Елисавету—Бородинскую... Не она ли? — Тоска ея отъ недостатка дѣлъ самоотверженія. Пусть поста прибавить... Поклоны умножить, молитвы продлить—все съ терпѣніемъ и вѣрою, что сими жертвами благоугождается Богъ... Пусть приголубливаетъ сестеръ, особенно немощныхъ и нуждающихся... Вотъ и воротится утѣшеніе... А то—игуменія сибаритничаютъ... все сладко и всего вдоволь... Утѣшеніе подать свыше и не за что... Потому что все, за что можно бы утѣшеніе подать,—онѣ проѣдаютъ и пропиваютъ.

Причаститься въ концѣ сего поста — очень хорошо Благослови Господи!

Спасайтесь!

Вашъ доброхотъ

Еп. Теофанъ.

За просфору благодарствую...

ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ ¹⁾.

XIV.

Своею позорною жизнію мы—христіане—позоримъ свою христіанскую вѣру.

(По поводу дарованія русскимъ подданнымъ свободы вѣроисповѣданія).

Въ міръ Божиёмъ идетъ неустанная могучая работа. Подъ дѣйствіемъ этой работы на протяженіи многихъ вѣковъ лицо земли измѣняется до неузнаваемости. Было время, когда многіе изъ нашихъ горъ были покрыты водою. Наоборотъ, гдѣ когда-то жизнь человѣческая была ключемъ, теперь озера и моря. Маленькія перемѣны совершаются даже на нашихъ глазахъ, на глазахъ одного поколѣнія. На памяти старожилонъ непроходимыя прежде трясины и болота понемногу осушились и теперь представляютъ богатая пастбища и цвѣтуція поля. На ихъ же памяти благословенныя раньше, густо населенныя мѣстечки понемногу обѣднѣли, опустѣли и—наконецъ—превратились въ безлюдныя пустыни. На нашихъ глазахъ измѣняются берега рѣкъ и морей, совершаются по мѣстамъ землетрясенія и провалы земли.

То же самое и въ жизни человѣческой. И человѣческая жизнь не стоитъ на мѣстѣ. Въ ней тоже неустанно совершаются разныя перемѣны и перевороты. Постепенно,

¹⁾ Продолженіе. См. сентябрьскую кн. *Душепол.* Чт. 1908 г.

но неудержимо идетъ измѣненіе въ законахъ, обычаяхъ, понятіяхъ, порядкахъ, во всемъ устройствѣ и укладѣ жизни. Если бы нашу теперешнюю жизнь сравнить съ жизнью нашихъ предковъ лѣтъ за 1000 назадъ, мы поразились бы, — какъ далеко ушла жизнь за это время во многихъ отношеніяхъ. Взять хотя бы перемѣну въ нравахъ и обычаяхъ. Что прежде считалось дозволеннымъ и законнымъ, теперь почитается дикостью. Еще болѣе поразительныя, почти чудесныя завоеванія сдѣлалъ человѣческій разумъ, человѣческая наука. Вѣдь, даже и теперь, если показать темному человѣку ученые опыты съ разными машинами и приборами, онъ прямо сочтетъ ученаго за колдуна. Тутъ, скажетъ, «нечистая» сила. Что же сказалъ бы нашъ отдаленный предокъ, если бы увидѣлъ наши говорящія и поющія машины (фонографы и граммофоны), наши телеграфы, телефоны, желѣзныя дороги, воздушные шары и пр.?

Впрочемъ, говорить объ этомъ долго и для насъ излишне. Я хотѣлъ только показать, что жизнь наша не стоитъ на мѣстѣ, — что разные перевороты и перемѣны (реформы) въ нашей жизни — дѣло самое обыкновенное, законное и необходимое. Перемѣны и преобразованія совершаются и на нашихъ глазахъ. Объ одной изъ этихъ перемѣнъ (вѣрнѣе—по поводу ея) я и хочу побесѣдовать съ вами. Перемѣна эта совершилась въ русской жизни за послѣдніе годы. Касается она церкви нашей, касается религіозной вѣры людей, положенія въ русскомъ государствѣ православныхъ и иновѣрцевъ. До послѣдняго времени главною, господствующей вѣрой въ русскомъ государствѣ считалась вѣра православная. Правительство само защищало и оберегало православную вѣру. Теперь дѣло какъ будто круто поворачивается. Объявлена свобода вѣроисповѣданія, свобода совѣсти.

Чувствуемъ ли мы, православные, —какой великой важности это дѣло? Вѣдь, дарованіе людямъ свободы вѣроисповѣданія налагаетъ на насъ весьма отвѣтственные обязанности. Теперь мы обязаны особенно зорко стоять на

стражѣ нашей вѣры, защищать ея достоинство и правоту не при помощи власти, а добрымъ словомъ и—главное—своею доброю жизнію. По жизни человѣка, по дѣламъ его и поступкамъ судять о его вѣрѣ. Вотъ тутъ-то и встаетъ предъ нами грозный вопросъ: сумѣемъ ли мы защитить и отстоять правоту своей вѣры своею дѣйствительною жизнію? Что скажутъ иновѣрцы о нашей вѣрѣ, смотря на дѣла наши, приглядываясь къ нашей жизни? Вѣдь, они имѣютъ полное право сказать намъ: «вы хвалитесь своею вѣрою; вы считаете себя *православными*, т.-е. правыми, истинными христіанами. Хорошо. Такъ покажите же намъ на дѣлѣ спасительность вашей вѣры; покажите намъ въ жизни вашей вашего Христа. Если въ вашей жизни миръ, согласіе, порядокъ, законность, любовь, благожелательность, поддержка другъ друга, трудолюбіе, трезвость, честность, вѣрность, справедливость,—если ваша жизнь добра, свѣтла и радостна,—тогда мы согласны, что вѣра ваша свята и спасительна. Если же у васъ раздоръ, вражда, безчестность, обманы, ложь, злоба, ненависть, — если вы сами задыхаетесь въ своей жизни, — то зачѣмъ же еще насъ тянете въ этотъ омутъ? Зачѣмъ говорите о спасительности вашей вѣры? Зачѣмъ намъ славите вашего Христа? У насъ жизнь лучше вашей, легче, спокойнѣй и разумнѣе. Не надо намъ вашей вѣры; не надо вашего Христа»...

Что мы, горделиво именующіе себя «православными» христіанами, отвѣтимъ на это? Увы! если говорить правду, нельзя намъ не сознаться, что живемъ мы подчасъ хуже язычниковъ, хуже дикарей, хуже безбожниковъ. Мы только зовемъ христіанами, а дѣйствительно христіанскаго на самомъ дѣлѣ у насъ почти ничего. Мало того, если вспомнить тѣ грабежи, убійства, поджоги, всякіе ужасы, какіе творятся нами въ послѣдніе годы,—то надо будетъ прямо сказать, что живемъ мы не только не по христіански, а прямо по звѣриному. Но оставимъ грабежи и убійства. Какъ ни какъ, это дѣло особенное, чрезвычайное. Возьмемъ жизнь обыкновенную, будничную, мирную. Что мы

туть увидимъ? Увидимъ прежде всего пьянство, озорство, распущенность, бездѣтельность, лѣность, а затѣмъ безчестность, мошенничество и воровство.

У насъ говорятъ: «не пойманный—не воръ». Вотъ славная поговорка! Мнѣ кажется, что только люди съ испорченною совѣстью и могли сложить такую милую поговорку. Во всякомъ случаѣ, для воровъ опытныхъ, для тѣхъ, кто умѣетъ нечистое дѣло «обдѣлать чисто», кто умѣетъ «хоронить концы въ воду», эта поговорка очень удобна. Она значить: «воруй, да не попадайся». Только бы не попасться, а о грѣхѣ, о совѣсти, о Божьемъ взысканіи и думушки нѣту.

Вотъ какъ мы славимъ Христа, какъ доказываемъ истинность нашей вѣры. Вотъ такъ истинные «православные» христіане! А еще жалуемся и дивимся, — отчего у насъ такъ тяжело и трудно живется. Еще бы не тяжело, когда ни на кого нельзя положиться, — когда что ни шагъ, то обманъ, безчестность, воровство и мошенничество. Развѣ можно тутъ жить и честно работать, когда все, что ты наработалъ, что приобрѣлъ потомъ и кровью, портятъ и крадутъ другіе?

До сихъ поръ я говорилъ про грѣхи и недостатки въ жизни нашего простонародья. И если бы евангельскіе заветы полирались только въ жизни простого народа, можно бы еще до нѣкоторой степени помириться съ этимъ, во всякомъ случаѣ, грустнымъ явленіемъ. Можно бы понять и извинить его. Народъ нашъ вѣками держался въ рабствѣ и невѣжествѣ. Что мудренаго, что жизнь его темна и уродлива. Надо—напротивъ—удивляться, какъ еще сохранилось въ народѣ то доброе, что несомнѣнно живетъ въ душѣ его. Во многихъ своихъ невольныхъ прегрѣшеніяхъ и даже въ тяжкихъ преступленіяхъ противъ своихъ же «печальниковъ» и благодѣтелей темный народъ найдетъ себѣ великаго Ходатая, Который молился за темноту человѣческую словами: «Отче! отпусти имъ: они не знаютъ, что дѣлають» (Лк. XXIII, 34).

Къ сожалѣнью, и въ жизни такъ называемыхъ образованныхъ христіанъ мы найдемъ мало отрадныхъ явленій, мало истинно христіанскихъ дѣяній. Не вдаваясь въ подробную характеристику, ограничусь коротенькой и самой общей иллюстраціей. По данному поводу мнѣ вспоминается сейчасъ гдѣ-то слышанная или вычитанная исторія съ однимъ христіанскимъ миссіонеромъ-проповѣдникомъ. Исторія весьма характерная и выразительная. Миссіонеръ, обратившійся съ евангельскою проповѣдью къ какимъ-то дикарямъ - язычникамъ, былъ остановленъ слушателями, которые въ сильномъ возбужденіи кричали: «уйди отъ насъ; не хотимъ слушать; не надо намъ васъ и вашей вѣры»... — Что такое? Почему? — возразилъ озадаченный проповѣдникъ. «Оставь насъ въ покоѣ. Вы—христіане—только испортили, изломали и изуродовали нашу жизнь. До васъ мы жили просто, мирно, честно, счастливо. Какъ только появились среди насъ христіане, пошло у насъ воровство, обманы, безчестность, всяческое растлѣніе и болѣзни, которыхъ мы раньше не знали. Оставьте же насъ въ покоѣ. Не трогайте нашихъ порядковъ. Безъ васъ и безъ вашего Христа наша жизнь легче и лучше»... Кажется, комментаріи здѣсь излишни. Исторія говоритъ сама за себя. Въ ней лучшее доказательство того, что мы не христіане, а самозванцы. Это про насъ, ученыхъ христіанъ, гордящихся своимъ яко бы христіанскимъ просвѣщеніемъ, ослѣпленныхъ наружнымъ блескомъ своей внѣшней культуры, вооруженныхъ всеми чудесами науки и искусства, — это про насъ, громозвучно проповѣдующихъ во имя Христа, сказалъ Спаситель: «мнози рекутъ Мнѣ во онъ день: Господи! Господи! не въ Твое ли имя пророчествовахомъ и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ. И тогда исповѣмъ имъ, яко николиже знахъ васъ. Отыдите отъ Мене вси дѣлающіи беззаконіе» (Мѣ. VII, 22—23). Позоря своею дѣйствительною жизнію евангельское ученіе, какъ бы вторично распиная Христа въ своей практической дѣятель-

ности и чрезъ то мѣшая приходять ко Христу другимъ безхитростнымъ людямъ, мы привлекаемъ на свою голову въ полной силѣ ту страшную угрозу Господа, которая была обращена Имъ къ современнымъ Ему лицемѣрамъ и книжникамъ. И какъ несказанно-потрясающе звучить это громовое обличеніе Господа въ приложеніи ко многимъ лицемѣрнымъ проповѣдникамъ Христа, учителямъ и моралистамъ. «Горе вамъ, книжницы и фарисеи лицемѣры, яко затворяете царствіе небесное предъ человѣки: вы бо не входите, ни входящихъ оставляете внити... Горе вамъ... яко переходите море и сушу сотворити единого пришельца и, егда будетъ, творите его сына геенны, сугубѣйша васъ» (Мѣ. XXIII, 13. 15). Проповѣдуя Христа на словахъ и отрицая Его въ жизни, мы — какъ проповѣдники и учителя—по меньшей мѣрѣ одною рукою разрушаемъ то, что творить другая...

Но грустно и долго говорить обо всемъ этомъ,—о томъ, какъ мы опозорили свою св. вѣру, выгнали Христа изъ своей жизни... Я началъ съ того, что въ жизни міра и въ жизни человѣческой происходятъ постоянное движеніе, постоянные перемѣны и перевороты. Дай Богъ, чтобы и въ нашихъ душахъ произошелъ хоть маленькій переворотъ къ лучшему. Дай Богъ, чтобы хоть кто-нибудь принялъ мои слова къ сердцу и задумался надъ ними. А то, вѣдь, у насъ обычно такъ ведется: священникъ поговорить, прихожане послушаютъ, и затѣмъ расходятся по домамъ. И опять прежняя жизнь, тѣ же безобразія, что и прежде. Зачѣмъ же тогда одному говорить, а другимъ слушать?..

Свящ. Іоаннъ Утѣхинъ.

ВЪ НИКОЛАЕВСКОМЪ ПЕРЕРВИНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

(Путевыя впечатлѣнія).

Съ тѣхъ поръ, какъ стали ходить по Москвѣ-рѣкѣ легкіе пароходы, отъ сердца Бѣлокаменной — Кремля до Николаевского Угрѣшскаго монастыря, паломничество въ Перервинскую обитель стало дѣломъ вдвойнѣ легкимъ и вдвойнѣ пріятнымъ. Николаевскій Перервинскій монастырь расположенъ на этомъ рѣчномъ пути, между Москвою и Угрѣшею.

Путешествіе по водѣ лучше всякаго другого: въ вагонѣ душно, въ кибиткѣ — пыльно, а на пароходѣ благодать. Воздухъ, новыя мѣста и, стало-быть, новыя впечатлѣнія— все это освѣжаетъ душу, укрѣпляетъ нервы, мало того: непрерывно ласкаетъ ваши взоры, такъ какъ, даже и подплывая къ Перервинскому монастырю, вы все еще видите Москву въ ея живописной разбросанности, съ многовѣковыми раскатами, съ монастырями, съ горящей, какъ величественная свѣча, золотою главой храма Христа Спасителя.

Москва-рѣка, не хуже Волги, Дняпра, Дона, Сѣверной Двины, Оки и тому подобныхъ главныхъ россійскихъ рѣкъ, важна въ воспитательно-образовательномъ отношеніи; берега ея — это цѣлый великій міръ, обширная наглядная школа, изъ которой пытливая молодежь могла бы извлекать очень многое для пополненія знаній, для обогащенія ума, для погруженія сердца въ ароматъ исконныхъ отечественныхъ святыхъ. Но, къ сожалѣнію, и въ молодости, и въ зрѣлыхъ годахъ большинство изъ насъ неохотно пу-

скается даже и въ недалекія, вовсе безопасныя путешествія, навстрѣчу такимъ вотъ великимъ мірамъ, такимъ вотъ обширнымъ нагляднымъ школамъ.

Говорятъ: «ахъ, какъ интересенъ Рейнъ отъ Майнца до Кельна! что за чудные берега!» Не станемъ отнимать у Рейна его, въ сущности, немногихъ цѣнностей. Въ Майнцѣ Торвальдсенова статуя Гуттенберга, соборъ и дворецъ; скала Лорелей у С-тъ Гоаръ; Боннъ съ его знаменитымъ университетомъ и Кельнъ. Это не можетъ не волновать. Правда. Но развѣ менѣе переживаній при взглядѣ на Москву, на Перерву, на Коломенское? Я, признаюсь, остаюсь спокойнымъ, слыша, какъ кто-то повторяетъ слова Наполеона, произнесенныя въ Египтѣ у пирамидъ: «солдаты! съ высоты этихъ пирамидъ на васъ смотреть»... и т. д. Но не могу оставаться глухимъ при словахъ Карамзина, что русскіе, каковы были въ 1612 году, таковыми будутъ и въ 1812 году. Въ моемъ воображеніи рисуется знаменитый исторіографъ; съ нимъ В. Л. Пушкинъ, Бантышъ-Каменскій и С. Н. Глинка. И вдохновенный Карамзинъ показываетъ рукою на нижегородскій кремль. Я чувствую ихъ патріотизмъ. Мнѣ близки ихъ чувства, и я пріятно волнуюсь.

Стоя на палубѣ парохода, учитель, окруженный школьниками, могъ бы повѣдать имъ много занимательнаго и любопытнаго обо всемъ, ва что ни упалъ бы ихъ взглядъ. И храмъ Христа Спасителя, и Симоновъ монастырь, рѣзко выделяющійся на фонѣ древней столицы, все равно какъ и она сама, и эта тихо катящая свои воды Москва — развѣ не предметы высокихъ бесѣдъ? Да вотъ бѣда: тяжелы мы на подъемъ. Точно Илья Муромецъ, охотѣе сиднями сидимъ, чѣмъ удовлетворяемъ естественную любознательность, для чего необходимо шагъ сдѣлать; но Муромецъ, хоть и черезъ «цѣло тридцать лѣтъ» всталъ, пошелъ и сотворилъ богатырскихъ подвиговъ...

Николаевскій Перервинскій монастырь издалека открывается глазамъ. Бѣлыя стѣны его, изъ-за которыхъ гля-

дать два храма: старинный приземистый и новый величественный, царять надъ извивомъ рѣки Москвы, заслоненные буйными побѣгами зелени, густой и живописной. Зелени вообще тутъ много. Напротивъ монастыря—цѣлый зеленый островъ, вмещающій ропоту рѣки у шлюза. Виды на окрестности очаровательны, любуетесь ли вы ими отъ монастырскихъ стѣнъ, съ острова, или съ поля, ведущаго къ полузабытому Коломенскому.

Исторія Перервинской обители теряется въ мрачной глубинѣ вѣковъ.

— Есть ли описаніе вашего монастыря? — спросилъ я здѣшняго монаха.

Онъ отвѣтилъ отрицательно.

— Развѣ не спрашиваютъ богомольцы?

— Богомольцы рѣдко къ намъ заходятъ.

— Не оттого ли, что въ вашемъ монастырѣ нѣтъ для насъ пріюта?

Дѣйствительно, въ этой древней обители нѣтъ уголка для паломника. Странно, а такъ. Словно бы, Перервинскій монастырь не хочетъ видѣть у себя мірянъ. Я испыталъ это неудобство безпріютности, которое увеличилось и показалось слишкомъ острымъ еще оттого, что въ слободѣ, возлѣ монастыря, и въ селѣ Коломенскомъ, версты за двѣ, также отсутствуютъ гостиницы. Да и повсюду нечего и негдѣ. Можетъ быть, монастырь бѣденъ? Не имѣетъ возможности построить страннопріимницы? Нѣтъ, онъ не въ числѣ бѣдныхъ. Но и убожество обители не должно бы было избавлять ее отъ гостепрѣимства.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что 13 октября исполняется 260 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ чудотворный списокъ съ аеонской Вратарницы привезенъ въ Россію. Есть преданіе: когда св. апостолы въ Іерусалимѣ съ Матерью Господа бросили жребій, кому какая достанется страна для евангельской проповѣди, то Божіей Матери досталась Иверская земля (Грузія). Но ангелъ Господень возвѣстилъ Ей, что Грузія будетъ просвѣщена свѣтомъ истины впо-

слѣдствіи ¹⁾, а Ея покровительству предоставляется другая страна, въ которую Ее приведетъ Самъ Господь. Въ то время епископомъ Кипра былъ Лазарь (воскрешенный Іисусомъ Христомъ). Ему очень хотѣлось видѣть Пресвятую Дѣву, но, въ виду сильнаго гоненія на послѣдователей истинной церкви, онъ очень боялся пріѣхать въ Іерусалимъ.

Съ согласія Богоматери Лазарь послалъ за Нею корабль, на которомъ Она и отправилась на островъ Кипръ. Съ Нею поѣхалъ Іоаннъ Богословъ и еще одинъ изъ мужей апостольскихъ. Разразилась буря,—и корабль, вмѣсто Кипра, прибило къ Аѳонской горѣ. Какъ только Пресвятая Дѣва приблизилась къ берегу, всѣ идолы воскликнули: «люди, обольщенные Аполлономъ! идите къ пристани Климентовой (теперь здѣсь устроенъ греческій монастырь Иверъ) и поклонитесь Маріи, Матери Великаго Бога Іисуса». Таково было велѣніе Божіе. Изумленный народъ поспѣшилъ къ пристани. Увидѣвъ корабль и Божію Матерь, всѣ приняли Ее съ благоговѣніемъ и спрашивали о рожденіи отъ Нея Бога и объ Его имени. Пресвятая Дѣва возвѣстила народу объ Іисусѣ Христѣ. Всѣ пали на землю и поклонились рожденному отъ Нея Богу, а Ей оказывали большія почести. Потомъ, увѣровавъ, крестились. Божія Матерь, совершивъ многія чудеса, поставила новообращенному народу учителемъ сопровождавшаго Ее апостольскаго мужа. Оставляя Аѳонъ, по произнесеніи пророческихъ словъ, Богоматерь благословила народъ и отправилась на островъ Кипръ.

¹⁾ Изъ „Обращенія Грузин“, древняго памятника, знаемъ, что св. Нина, гречанка родомъ, избѣгая преслѣдовавшихъ ее высокопоставленныхъ поклонниковъ, прибыла по теченію р. Куры въ Мцхетъ и, сдѣлавъ крестъ изъ виноградныхъ лозъ, начала проповѣдывать христіанство. На 6-мъ году ея проповѣди и чудесъ увѣровала царица Нана, черезъ годъ еще — ц. Миріанъ и затѣмъ народъ. Св. равноап. Нина † 340.—Въ тифлискомъ Сіонскомъ Успенскомъ соборѣ хранится крестъ св. Нины, изъ лозъ, перевитый ея волосами.

На мѣстѣ появленія Божіей Матери, на аеонскомъ берегу, грузины основали (въ 782 году) общежительную келью, которая со временемъ разрослась въ монастырь, теперь окончательно перешедшій въ руки грековъ. Драгоценнѣйшую святыню иверскаго (т. е. грузинскаго) монастыря составляетъ икона Богоматери, которая, по преданію, приплыла къ Аеону во время иконоборчества. Благочестивая вдова отдала морю святыню. Съ этой-то иконы патріархъ Никонъ велѣлъ снять копию и привезти въ Москву. Впрочемъ, списковъ, очевидно, два: одинъ въ Валдайской обители, а другой въ Москвѣ у Воскресенскихъ воротъ.

25 іюля 1652 года Никонъ вступилъ въ управленіе все-россійскимъ патріархатомъ. «Слѣдую обычаю, издавна установившемуся среди высшихъ іерарховъ русской церкви, первымъ дѣломъ его было основать для себя новый монастырь и прославить его новою святынею. Для этой цѣли Никонъ выбралъ намѣченный имъ раньше островокъ на озерѣ Валдай и назвалъ новоучреждаемую обитель Иверскимъ Богородичнымъ монастыремъ, въ честь Иверской Божіей Матери». Для Валдайской обители былъ сдѣланъ второй списокъ Иверской иконы, первый же еще въ 1648 году доставленъ въ Москву. Передъ тѣмъ Никонъ «отправилъ знающаго человека на Аеонъ, съ согласія иверскаго архимандрита Пахомія, гостившаго въ Москвѣ, сдѣлать точный списокъ» аеонской Вратарницы ¹⁾.

Изъ дѣлъ патріаршаго приказа 1653 года видно, что въ то время, между прочими, находилось въ Москвѣ въ Китай-городѣ также Иверское подворье съ церковью преподобнаго Іакова, чудотворца боровичскаго († 22 мая 1544 г.). Въ то же время у Воскресенскихъ воротъ воздвиглась молитвенная хранилища для перваго списка. «Святая икона сія,—писалъ И. М. Снегиревъ,—подобіе Аеон-

¹⁾ Патріархъ Никонъ написалъ: „Сказаніе объ Иверской иконѣ“, напечатанное въ типографіи Валдайско-Иверскаго монастыря.

ской своей величиной, рисункомъ и письмомъ. На правой ея ланитѣ изображена язва, нанесенная святому лику однимъ варваромъ; она источила кровь». Иверская молитвенная храмина простояла, однако, не долго. На Троицынъ день, 29 мая 1737 года загорѣлась и выгорѣла Москва «отъ копѣчной свѣчки». Огонь не пощадилъ и святынь; пострадала и часовня — «Московское богомолье, Иверскія Божіей Матери». Ее возстановила императрица Елизавета Петровна. До 1812 года часовню не посѣщали уже тревоги, но нашествіе Наполеона возмутило покой. Икона Иверской Божіей Матери оставалась въ Москвѣ до самаго появленія непріятельскихъ отрядовъ близъ Дорогомилдовской заставы. «Самъ архіерей (преосвященный Августинъ) ничего не зналъ вѣрно о жребіи своей паствы и о своемъ назначеніи; наконецъ настала темная осенняя ночь; въ 11 часовъ является къ Августину чиновникъ отъ московскаго гражданскаго губернатора Обрѣзкова съ извѣстіемъ, что непріятель у самой Москвы, потомъ вслѣдъ за тѣмъ письмо отъ графа Ростопчина, что Москва сдается Наполеону и что московскому преосвященному назначень для выѣзда безопасный путь на Владиміръ съ тремя иконами Владимірскою, Иверскою и Смоленскою (но послѣдняя уже вывезена была). Съ этими святынями преосвященный въ два часа пополудни на 2-е сентября отправился въ путь».

Древень Перервинскій монастырь, къ которому приписана Иверская икона. Полагають, что онъ основанъ за долго до Куликовской битвы; стало быть, полтысячи лѣтъ стоитъ обитель, какъ стражъ Москвы и православія. Слишкомъ полтысячи лѣтъ!.. Митрополитъ Платонъ, удѣлявшій Перервѣ особенно много вниманія, утверждалъ, что здѣсь находился въ трехлѣтнемъ заключеніи ревностный пастырь новгородскій, архіепископъ Іоаннъ (третій), много вообще видѣвшій горя вслѣдствіе неспокойнаго духа новгородцевъ. На него обрушивалось все недовольство великаго князя Василія Димитріевича и непріязнь митрополита

Кипріана. Это было въ смутное время первой четверти пятнадцатаго вѣка. Очень можетъ быть, что митрополитъ Платонъ не ошибается, указывая на Перерву, какъ на темницу новгородскаго архипастыря, но онъ явно ошибается, когда говоритъ, будто бы въ стѣнахъ Перервинскаго Николаевскаго монастыря погибъ мученическою смертью митрополитъ Филиппъ. Знаменитый святитель задушенъ Малютою Скуратовымъ въ тверскомъ Отрочъ-Успенскомъ монастырѣ, въ которомъ церковь замѣнила келью святого мученика.

«Никола Старый» — называлась въ старину перервинская обитель. Дѣйствительно, старыи! Все напоминаетъ о минувшихъ вѣкахъ: приземистый, точно уходящій въ землю храмъ, стѣны съ бойницами, даже стая, какъ встарь называли всю совокупность монастырскихъ строеній. Въ наше время это прозваніе сохранилось только чуть ли не въ старообрядчествѣ; на сѣверѣ, у Бѣлаго моря, я слышалъ, такъ выражаются... Въ сердцѣ Россіи точное слово забыто. Монастырская стая тѣснилась, не разбрасывалась, вотъ какъ тѣснятся во время перелетовъ птичьи стаи одна къ другой, если не увѣрены въ пути или не свободны отъ страха. Но вдругъ среди стари выросъ и вознесся новый свѣточъ. Выросъ, вознесся до облаковъ и возсіялъ тамъ восьмиконечнымъ крестомъ. Имя новому свѣтучу — соборъ въ честь Иверской Божіей Матери съ придѣлами во имя св. равноапостольнаго князя Владиміра и препод. Серафима Саровскаго. Соборъ освященъ наканунѣ: 8-го сентября. Обширный, величественный и свѣтлый, отражаетъ ли храмъ современную Россію, обширную, величественную и свѣтлую? Вообще, отражается ли храмами современность? Мнѣ представляются деревянныя церкви, безъ печей, со слюдяными окнами, сумрачныя — въ новгородской области; я точно вижу предъ собою низенькую бревенчатую церковь, освѣщаемую горящею лучиною. Игумень въ холщевой ризѣ служить всенощную. Это — св. Сергій Радонежскій чудотворецъ. Священныя книги на

берестѣ писаны, вмѣсто свѣтъ—та же лучина, сосуды для св. даровъ—деревянные. Убожество... мракъ... Но странное дѣло: рядомъ съ этакимъ убожествомъ, въ этакомъ-то мракѣ какъ свѣтло горѣли русскія сердца! Димитрій Донской рѣшается сразиться съ Мамаемъ и черпаетъ свѣжія силы въ бревенчатой церкви троицкаго игумена; новгородцевъ не смущаетъ и густой мракъ: сквозь него разглядываютъ они заманчивыя дали. Еще въ XI вѣкѣ они «берутъ на щить» Заволочье, всю нынѣшнюю Архангельскую губернію, а позднѣе, въ погонѣ за драгоценнымъ соболемъ, добираются до земли, гдѣ живутъ «человѣки незнаемые», вродѣ «самоѣди со ртомъ на темени» или «людей ходящихъ, но подъ землею, около озера, на которомъ есть мертвый городъ, гдѣ происходитъ нѣмой торгъ». То—Сибирь.

Иверскій соборъ имѣетъ форму четырехъугольника, креста, всѣмъ знакомаго. Живопись въ немъ обличаетъ руку искуснаго мастера или мастеровъ не безъ вліянія могучаго васнецовскаго таланта. Чувствуется въ изображеніяхъ святыхъ строгость контуровъ и, такъ сказать, византійская сухощавость, а не округлость итальянскаго мазка. Если это, какъ говорили, мастерство г. Гурьянова, то вѣдь московскій изографъ знакомъ съ творчествомъ великаго Андрея Рублева, который дошелъ до насъ изъ глубины четырехъ столѣтій. Есть въ Троице-Сергіевой Лаврѣ и въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ иконы, писанныя инокомъ, Рафаэлю равнымъ.

Изъ прекрасной живописи выдѣляется запрестольный образъ Спасителя на стеклѣ. Онъ прозраченъ и обвѣянъ какою-то неземною поэзіей.

Отчего монастырь называется Перервинскимъ?

Отвѣтъ у митрополита Платона (Левшина). Именуется монастырь Перервинскимъ по общему древнему преданію и по самому слова знаменованію, что рѣка-Москва прежде текла близъ самаго монастыря; но послѣ прервалась и пошла другою дорогою, въ нѣкоторомъ отъ монастыря

разстояніи; какового ея *перерыва* и остались слѣды: находящеяся близъ самаго монастыря озерко, которое своею узкостью и довольномъ протяженіемъ показываетъ бывшее тутъ рѣки теченіе.

... Наименованіе Николы Старого Перервинскимъ монастыремъ когда послѣдовало, хотя точно невидно, но въ грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича уже онъ именованъ Перервинскимъ. А какъ по сему полагается несомнительно, что онъ уже прежде симъ наименованіемъ означаемъ былъ, то по вѣроятности основательно можно утвердить, что переимъну прежняго наименованія Николы Старого на названіе Перервинскимъ, должно относить ко времени послѣ царя Ивана Васильевича по причинѣ прервавшагося прежняго возлѣ монастыря теченія Москвы рѣки, какъ выше показано.

Тишина царить въ обители, которая утратила значеніе яркаго расадника просвѣщенія. Въ 1775 году была учреждена семинарія въ зданіяхъ Перервинскаго монастыря, впоследствии перенесенная въ Москву. Семинарія эта была любимымъ дѣтищемъ «московскаго апостола» и «второго Златоуста», какъ называли Платона его почитатели. Онъ построилъ школьное зданіе, помѣщенія для учителей и архіерея, развелъ садъ, обнесъ обитель каменною оградю. И этотъ молодой садъ, и ближайшія рощи, и луга превращались имъ въ академіи, гдѣ «юноши учились разсуждать съ своимъ Платономъ о разныхъ предметахъ учености, что напоминало имъ древній Платоновъ учительный садъ-академію въ Элладѣ. Богослову задавалъ онъ вопросъ изъ богословія для разрѣшенія, философу—какое-либо положеніе изъ области любомудрія, поэту—тему для стиховъ. Въ аудиторіяхъ юноши занимались инструментальной и вокальною музыкою; пѣніемъ духовныхъ кантовъ оглашались не только учебные покои въ часы отдыха отъ ученія, но и рощи и садъ Перервы. Платону пріятно было видѣть питомцевъ своихъ бодрыми и веселыми духомъ; онъ повторялъ слова апостольскія: «Благодухествуетъ ли кто, да поетъ!»

На экзаменѣ въ Перервинскомъ училищѣ Платоць замѣтилъ одного ученика изъ латинскаго класса, бойко отвѣчавшаго ему на вопросы. Ученикъ этотъ былъ бѣдный сирота Алексѣй Васильевичъ Виноградскій. При другомъ случаѣ, Виноградскій поднесъ ему латинскіе стихи, выразившіе благодарность; они такъ понравились архипастырю, что онъ велѣлъ ихъ напечатать золотыми буквами и одинъ такой экземпляръ послалъ юному стихотворцу съ такою собственноручною надписью: *Domino Winogradsky versus aureos auro imprimendos censuit Plato Metropolita Mosquensis. 1787 г. April. 3* (т.-е. господину Виноградскому. Платонъ Митрополитъ Московскій призналъ золотые стихи достойными быть напечатанными золотомъ) 1).

Алексѣй Васильевичъ Виноградскій — въ послѣдствіи московскій викарій Августинъ — былъ однимъ изъ многихъ, ставшихъ знаменитыми, воспитанниковъ перервинской семинаріи. Онъ умеръ въ 1819 году. Амвросій (Протасовъ) и Филаретъ (Дроздовъ) духовно росли и крѣпли подъ покровительствомъ Платона.

Соорудивъ архіерейскіе покои въ Перервинскомъ монастырѣ, митрополитъ Платонъ нерѣдко сталъ пріѣзжать сюда отдыхать. Въ это время (1805-й годъ) здоровье его было сломлено, и въ частыхъ переѣздахъ изъ Москвы въ Виѣанію, изъ Виѣаніи въ Москву и Перерву онъ видѣлъ пользу; ему казалось, что здоровье подкрѣпляется движеніемъ. Когда Платонъ жилъ въ Перервинскомъ монастырѣ въ 1785—86 годахъ, тогда сюда ходилъ лѣтомъ изъ Коломенскаго великій князь Александръ Павловичъ слушать обѣдню и бесѣдовать съ архипастыремъ; въ пору же болѣзни митрополита его навѣстили, точнѣе: захотѣли увидѣть, какъ европейскую знаменитость, профессора кембриджскаго университета. Посѣщеніе ими Перервы и бесѣда съ митрополитомъ Платономъ описаны въ *Вѣстникѣ Европы* 1823 г., № 10. Англичанъ поразила простота, съ которою

1) Снегиревъ.

архипастырь проводилъ дни, занимаясь въ Перервѣ садоводствомъ.

Со смертью Платона и съ перемѣщеніемъ семинаріи въ Москву, Перервинскій монастырь не привлекаетъ къ себѣ многочисленныхъ взоровъ. Духовное училище, оставшееся при немъ какъ бы взаимнѣ семинаріи, кажется, не воспитало ни одного лица, значеніе и блескъ котораго равнялись бы значенію и блеску «латониковъ»,—латоновскихъ воспитанниковъ.

Съ монастырской горки красивъ видъ на историческое село Коломенское. Но что тамъ? Авторъ «Юрія Милославскаго», умершій въ 1852 году, видѣлъ, кромѣ древней церкви Вознесенія, «разбросанные кое-гдѣ остатки знаменитыхъ коломенскихъ чертоговъ, которымъ нѣкогда дивились послы и гости иноземные», но въ настоящее время и остатковъ уже нѣтъ. Двѣ старинныхъ пушки, брошенные въ травѣ, немногимъ развѣ посѣтителямъ села говорятъ о томъ, что онѣ стерегли шестиярусные терема и вышки любимаго и потѣшнаго дворца Алексѣя Михайловича. Исчезъ дворецъ. Исчезли и временныя палаты Екатерины Второй, на мѣстѣ потѣшнаго дворца. Одна церковь хранитъ въ своихъ стѣнахъ память о прошломъ, страницы котораго весьма содержательны. Вѣдь Коломенское было не только мѣстомъ потѣхъ «Тишайшаго», а и маковкой того страшнаго бунта (1662 г.), который вспыхнулъ вслѣдствіе дороговизны припасовъ: сюда-то ворвалась толпа, голодная, разъяренная, сломленная лишь желѣзною силою стрѣльцовъ. Здѣсь будущій Преобразователь Россіи Петръ рѣзвился мальчикомъ, обнаруживая, однако, необыкновенное любопытство и любознательность; въ коломенскихъ временныхъ палатахъ выливался изъ-подъ пера Екатерины Великой «Наказъ», столь смѣлый по высказаннымъ въ немъ мыслямъ, что даже во Франціи переводъ его былъ причисленъ къ разряду запрещенныхъ книгъ. Выше было сказано, что въ Коломенскомъ жила въ Александръ Благословенный, въ бытность свою великимъ

княземъ. По волѣ судьбы, возлѣ церкви стоитъ подъ открытымъ небомъ катафалкъ. Старомодный и громоздкій, онъ обратилъ наше вниманіе.

— Что это за катафалкъ?—обратились мы къ почтенной женщинѣ, мѣстной обывательницѣ.

— А-а... Это катафалкъ, на которомъ везли изъ Таганрога тѣло Александра Благословеннаго, — отвѣчала она съ увѣренностью. — Въ прошломъ году привели его въ порядокъ—и вотъ выставили на видъ.

Реликвія, но отдаленно родство ея съ селомъ Коломенскимъ.

Павелъ Россіевъ.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ПОДЪЕМЪ.

Отовсюду слышатся жалобы на оскудѣніе вѣры и нравственности, и развращеніе народа. Картины, которыя начертываются при этомъ, невеселаго характера. Наблюдается сильное распространеніе антирелигіозной литературы. Богословіе, повидимому, совсѣмъ почти изгоняется у насъ изъ высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Семинаристы бастуютъ и бунтуютъ. Духовенство большею частію молчитъ. Народъ сталъ меньше посѣщать церкви,—фактъ, наблюдаемый и въ городскихъ и въ сельскихъ приходдахъ. Даже маленькіе школьники увлекаются общимъ теченіемъ и, если вѣрять жалобамъ законоучителей, иногда съ полнымъ равнодушіемъ, неглижерствомъ и распущенностію относятся къ урокамъ по Закону Божію. Многіе свѣтскіе преподаватели только помогаютъ такому настроенію своихъ питомцевъ. Субботы превратились въ журъ-фиксы во многихъ домахъ и предназначаются обыкновенно для карточной игры. О посѣщеніи церкви по праздникамъ иногда нѣтъ и мысли. Мужикъ рабочій не даетъ пройти священнику или діакону по улицѣ, чтобы не отпустить по ихъ адресу нѣсколькихъ бранныхъ словъ. Понятно, что всѣ эти и подобныя явленія служатъ источникомъ безчисленныхъ lamentaцій, которыя можно встрѣтить на страницахъ нашихъ духовныхъ изданій. Повсюду замѣтно пессимистическое настроеніе, и оно, въ свою очередь, заставляетъ принимать разныя мѣры, которыя клонились бы къ водворенію въ нашемъ народѣ «доброй вѣры и нравственности». Однѣ изъ этихъ мѣръ блещутъ своею непрактич-

ностью, приводя совершенно къ противоположнымъ результатамъ, а не къ тѣмъ, какіе желательны; другія, къ сожалѣнію, не лишены характера черствости, если только не жестокости. Въ пессимистической картинѣ, которая почти постоянно рисуется въ разныхъ духовныхъ и даже свѣтскихъ журналахъ и газетахъ, есть, конечно, доля правды. Но многое и преувеличено.

Кто хорошо знаетъ, откуда и изъ какихъ источниковъ преимущественно происходитъ этотъ пессимизмъ, тотъ не можетъ относиться къ нему съ полнымъ довѣріемъ. Въ нашей жизни теперь рекомендуется намъ почти одинъ только трауръ. Носить трауръ, конечно, прилично и законно, но только временно. Если же мы не будемъ снимать траурныхъ одеждъ въ теченіе всей своей жизни, то, думаемъ, это будетъ не совсѣмъ удобно. Давно извѣстно, что отличительное свойство жизни разныхъ сектантовъ, и по научнымъ, и по практическимъ наблюденіямъ, угрюмость и трауръ. Такъ, напр., мормоны шутокъ не любятъ и ихъ не понимаютъ. Отсутствие жизнерадостности во многихъ случаяхъ наблюдается и у нашихъ раскольниковъ. Чтобы не походить на сектантовъ, нужно поэтому, при нашемъ пессимизмѣ и обличеніи разныхъ современныхъ пороковъ и заблужденій, имѣть въ виду кое-что и свѣтлое въ современномъ обществѣ и смотрѣть на это свѣтлое свѣтлыми же глазами. Трауръ и пессимизмъ вредны тѣмъ, что мало способствуютъ дѣятельности; напротивъ, жизнерадостность и оптимизмъ къ ней побуждаютъ. Если мы относимся ко всѣмъ и ко всему съ недовѣріемъ, видимъ враговъ тамъ, гдѣ ихъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ, то всегда сильно вредимъ этимъ и себѣ, и другимъ.

На дѣлѣ же бываетъ иногда далеко не такъ неблагополучно, какъ многіе воображаютъ. А самое благополучіе иногда заключается вовсе не въ томъ, въ чемъ многіе это благополучіе видятъ. Во всякомъ народѣ, не погибшемъ, но живущемъ историческою жизнью, есть всегда нравственные устои, укрѣпленію которыхъ всегда можно со-

дѣйствовать. Не подлежитъ сомнѣнію, что недостатки, и довольно крупныя, въ нашемъ обществѣ дѣйствительно есть, и что въ религіозномъ подъемѣ мы нуждаемся. Но спрашивается, что именно слѣдуетъ поднимать. При помощи какихъ средствъ можно вызвать этотъ подъемъ? Что дѣлать, чтобы заставить народъ жить религіозной жизнью? Предлагается для этого множество мѣръ. Но чтобы дѣйствительно способствовать религіозному подъему и религіозному развитію общества, необходимы не предупредительныя или репрессивныя мѣры, а ясное сознаніе присутствія въ обществѣ нѣкоторыхъ нравственныхъ началъ, которыми оно руководится, и надлежащая дѣятельность въ этомъ именно направленіи. Руководство должно поэтому отличаться больше положительнымъ, чѣмъ отрицательнымъ характеромъ. Въ обществѣ, какъ и въ дитяти, задавить всякія стремленія легко, легко его нравственно искалѣчить и сдѣлать ни на что негоднымъ. Но настоящій педагогъ никогда этого не сдѣлаетъ. Онъ не заглушитъ духовной жизни дитяти, не будетъ производить нивеллировки его мысли, а постарается воспользоваться тѣми данными, какія заложены въ душѣ его воспитанника, чтобы содѣйствовать нормальному ихъ развитію и росту. Въ этомъ случаѣ знаменитое изреченіе, что искусство управлять заключается въ томъ, чтобы поменьше управлять, имѣетъ полную силу.

Спрашивается, какіе же задатки существуютъ въ обществѣ, на которые мы должны обратить свое вниманіе, если хотимъ вызвать въ немъ религіозный подъемъ?

Для отвѣта на этотъ вопросъ, прежде всего посмотримъ, что такое религія сама по себѣ и насколько полезной или бесполезной признается она для человѣческаго общества. Нижеслѣдующія размышленія носятъ на себѣ нѣсколько отвлеченный характеръ. И мы нарочно не касаемся нѣкоторыхъ фактовъ, которые можно было бы назвать конкретными. Такъ мы дѣлаемъ по разнымъ причинамъ и просимъ имѣть это въ виду. Нужно же вѣдь бываетъ иногда немножко и философіи...

По словопроизводству съ греческаго, вѣра есть не что иное, какъ *убѣжденіе* въ извѣстныхъ религиозныхъ истинахъ. Я вѣрую въ Бога, значить — я убѣжденъ въ Его существованіи. То же самое слѣдуетъ сказать и о вѣрѣ во Христа, въ церковь, таинства. По самымъ свойствамъ своимъ вѣра преимущественно относится не къ тому, что мы видимъ, а къ невидимому, желаемому и ожидаемому. Что таинства, въ смыслѣ обрядовыхъ дѣйствій, совершаются въ церквахъ, объ этомъ мы хорошо *знаемъ*. Но что извѣстное обрядовое дѣйствіе сопровождается невидимымъ и вообще недоступнымъ нашимъ внѣшнимъ чувствамъ дѣйствіемъ Божества, въ это мы вѣримъ, вѣрующіе въ таинства въ этомъ убѣждены. Если бы предметы, въ которые мы вѣримъ, были доступны нашимъ чувствамъ, то наше отношеніе къ нимъ выражалось бы словомъ *знаніе*. Отсюда ясно различіе между вѣрой и знаніемъ: знаніе преимущественно относится къ видимому, осязаемому, обоняемому, ощущаемому, но вѣра—къ тому, что недоступно нашимъ внѣшнимъ чувствамъ и понимается умомъ и сердцемъ. Отсюда же слѣдуетъ, что вѣра присутствуетъ въ человѣкѣ только тогда, когда предметы, недоступные нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, считаются нами столь же дѣйствительными, какъ и тѣ, которые дѣйствуютъ на наши внѣшнія чувства.

Не будемъ подробно разсуждать о томъ, необходимо ли для человѣка убѣжденіе въ существованіи сверхчувственныхъ предметовъ, кромѣ чувственныхъ. Скажемъ только, что безъ такого убѣжденія человѣкъ никогда не жилъ. При ближайшемъ анализѣ даже видимые или чувственные предметы, какъ извѣстно, почти исчезаютъ предъ нашими чувствами, и если не превращаются совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, готовы превратиться въ чистую идею, лишенную всякихъ матеріальныхъ оболочекъ. Но это предметъ—уже нѣсколько специально-философскій и не подлежитъ нашему разсмотрѣнію.

Разсуждая съ практической точки зрѣнія,—и устанавливая

только факты, мы должны сказать, что человѣчество никогда не жило безъ религіи; другими словами,—постоянно было убѣждено въ существованіи, рядомъ съ чувственнымъ, и сверхчувственного. Правда, въ различные періоды исторіи человѣчества убѣжденіе въ сверхчувственномъ то усиливалось, то ослабѣвало, или же самое это убѣжденіе сводилось до *minimum*'а, и люди доходили до фетишизма, т.-е. почитанія чувственныхъ предметовъ, съ слабыми признаками представленій о сверхчувственномъ. Но это обстоятельство имѣетъ для насъ теперь небольшое значеніе. Для насъ важенъ только фактъ, что убѣжденіе въ сверхчувственномъ, а, слѣдовательно, и въ религиозныхъ предметахъ, никогда не покидало вполне человѣчества.

Если такъ, то отсюда получается и дальнѣйшій выводъ. Для того, чтобы въ средѣ какого-либо общества существовала религія, нѣтъ надобности прибѣгать ни къ какимъ особеннымъ мѣрамъ, которыя побуждали бы это общество быть религиознымъ. Оно бываетъ религиозно въ силу, такъ сказать, естественнаго своего расположенія и наклонностей и безъ принужденій. Отдѣльныя, и даже многія, лица могутъ быть нерелигиозны. Но это нисколько не противорѣчитъ общему факту, по которому люди вообще *бываютъ* религиозны. Среди нихъ можетъ найтись множество слѣпыхъ; но это нисколько не значитъ, что всѣ люди всегда и непремѣнно бываютъ слѣпы. Если бы мы пожелали, чтобы всѣ люди безъ исключенія были зрячими и чтобы среди нихъ не было ни одного слѣпца, то такое желаніе, какъ всякій понимаетъ, было бы совершенно неисполнимо. Точно также невозможно желать и стремиться и къ тому, чтобы всѣ люди были безрелигиозны, или, наоборотъ, религиозны,—невозможно въ томъ смыслѣ, что всѣ такія желанія и стремленія не имѣли бы ровно никакого практическаго значенія.

Естественный фактъ, свойственный всему человѣчеству, отличается,—скажемъ хоть такъ,—и практическою полезностью. Это можно выразить и иначе. Религія, рассматри-

ваемая сама по себѣ и внѣ зависимости отъ постороннихъ вліяній, есть не только *важное* условіе для жизни людей, но и пользуется полнымъ ихъ сочувствіемъ и расположеніемъ. Тутъ опять имѣетъ значеніе аналогія между религіозными и зрячими, между нерелигіозными и слѣпыми. И слѣпые люди, конечно, могутъ жить. Но жизнь ихъ не настолько совершенна, насколько совершенна жизнь зрячихъ. И какъ зрѣніе мы любимъ и потерю его считаемъ для себя несчастіемъ, такъ и религію, хотя это и не такъ замѣтно, мы любимъ и потерю ея считаемъ для себя также несчастіемъ. Можетъ быть не съ такою ясностію, какъ относительно зрѣнія, но все-таки съ ясностію достаточною, люди любятъ религію и находятъ, что она благодѣтельна для ихъ жизни. Она предохраняетъ ихъ отъ различныхъ нравственныхъ опасностей. Она помогаетъ имъ идти по различнымъ непротореннымъ и шероховатымъ путямъ. Она даетъ имъ возможность видѣть не только настоящее, но и будущее. Она служитъ имъ утѣхой въ трудныхъ или несчастныхъ обстоятельствахъ жизни. Поэтому, въ силу этихъ соображеній, мы должны совершенно отрѣшиться отъ мысли, что религія въ широкомъ смыслѣ бываетъ когда-либо обременительна для людей и что они желаютъ отъ нея освободиться.

Тутъ мы можемъ провести еще аналогію религіи съ *властью*. Это послѣднее слово у насъ сдѣлалось чуть не браннымъ. То и дѣло приходится слышать, что люди возстаютъ противъ власти, или, еще чаще, противъ установленной Богомъ власти и т. д. Но на самомъ дѣлѣ всѣ эти и подобныя выраженія и ламентации часто бываютъ напрасны и неосновательны. Изъ многочисленныхъ наблюденій можно убѣдиться, что люди *власть* любятъ и совершенно ей бываютъ преданы. Безъ *власти* они жить и обойтись не могутъ. Они всегда и всякую власть считаютъ для себя благодѣтельной. Отдѣльное лицо, взятое само по себѣ, отдѣлившееся отъ общенія съ другими людьми, всегда бываетъ беспомощно. Дитя нуждается во власти надъ нимъ

отца и матери. Проходящій на улицѣ нуждается во власти для защиты его отъ злодѣевъ. Фактъ общеизвѣстный, что ни одно даже анархическое общество не обходится безъ власти. Если бы было иначе, то всякая власть среди людей исчезла бы давно. Я никогда не могу относиться враждебно ни къ одному человѣку, который обладает властію и способенъ, въ случаѣ надобности, меня защитить. Если же говорить, что то и дѣло встрѣчаются выступления противъ власти, то выражаются обыкновенно не точно, потому что смѣшиваютъ *власть* съ другими явлениями и проявленіями, которыя не имѣютъ съ нею ничего общаго. Эти послѣднія обыкновенно бываютъ выраженіемъ не власти, а—безвластія. Истинная, любимая, уважаемая людьми власть, которой они совершенно бываютъ преданы, никогда не бываетъ равна никакому произволу, насилию и беззаконію. То же и относительно религіи. Люди бываютъ преданы ей такъ же, какъ и дѣйствительной власти,—просто потому, что какъ власть, такъ и религія составляютъ необходимое условіе ихъ жизни, самаго существованія ихъ здѣсь на землѣ.

Вотъ основы, которыя должны сосредоточить на себѣ все вниманіе всѣхъ ревнителей духовнаго просвѣщенія народа. Вотъ основы, которыя должны сильно сглаживать разившійся у насъ пессимизмъ. Не репрессіи, не предупрежденія, не пресѣченія должны быть главными мотивами нашихъ религіозныхъ движеній, а воспитаніе,—воспитаніе того, что уже есть въ человѣческомъ обществѣ, и притомъ соединенное съ полнымъ любвеобиліемъ. И такое воспитаніе должно относиться ко всѣмъ членамъ общества безъ различія. Мы должны тщательно остерегаться отдѣлять овецъ отъ козлищъ, потому что власть на это намъ никѣмъ не предоставлена.

Любовью и преданностію народа къ религіи можно, объяснить одинъ интересный фактъ, повсюду наблюдаемый. Какъ мы сказали выше, по самому свойству своей природы, мы всегда желаемъ быть религіозными.

А это желаніе, въ свою очередь, постоянно побуждаетъ насъ *искать для себя образцовъ для своей религіозности*. Другими словами, желая культивировать или воспитывать въ себѣ религію, мы стремимся къ религіознымъ образцамъ. Религія, разсматриваемая въ философскомъ смыслѣ и отвлеченно, необходима для существованія человѣка. Можно сказать, что въ этомъ *всѣ* люди согласны. Но выходя, такъ сказать, изъ замкнутой философіи наружу, мы тотчасъ же встрѣчаемся съ вопросомъ о *средствахъ*, при помощи которыхъ для насъ возможно было бы воспитаніе въ себѣ религіозныхъ понятій и чувствъ, которыя служили бы исходомъ для присущей намъ религіозной потребности, составляющей основу всей нашей религіи и религіозной жизни. Когда рѣчь заходитъ объ этихъ средствахъ, то тутъ встрѣчается огромное различіе въ мнѣніяхъ, а это различіе въ свою очередь также и само по себѣ указываетъ на существованіе въ насъ основной религіозной потребности. Было бы долго разбирать всѣ различныя мнѣнія, относящіяся къ данному предмету. Но на одномъ и, думаемъ, самомъ интересномъ фактѣ, именно указанномъ выше и заключающемся въ томъ, что мы ищемъ для себя образцовъ въ религіи, мы остановимся.

Человѣкъ религіозный въ силу основного свойства человѣческой природы, бываетъ религіозенъ, но не совершенно. Онъ походитъ на школьника, который началъ бы заниматься гимнастикой безъ всякаго руководства и учителя. Школьникъ, конечно, можетъ имѣть успѣхъ въ своихъ занятіяхъ; но встрѣчаясь съ своими товарищами, которые учатся гимнастикѣ у учителя, онъ видитъ, что его товарищи знаютъ гимнастику лучше, чѣмъ онъ. Поэтому, желая выучиться получше этому искусству, онъ проситъ учителя его поучить. Такъ и мы, желая, чтобы наша религія была выше, совершеннѣе, обращаемся къ разнымъ учителямъ, прося у нихъ совѣтовъ и наставленій.

Такимъ образомъ главный вопросъ о развитіи въ насъ

религіозныхъ понятій и чувствъ становится естественно вопросомъ объ религіозныхъ учителяхъ. Если учитель гимнастики хорошъ, то можно навѣрное сказать, что и ученикъ будетъ знать ее хорошо; если плохъ—то плохо. То же можно сказать и объ религіозныхъ учителяхъ.

Первыми и самыми главными, можетъ быть не столько по достоинству, сколько въ порядкѣ времени, нашими религіозными учителями бывають тѣ лица, среди которыхъ мы живемъ. Дитя учится религіи у своихъ родителей; ученикъ, посѣщающій школу, у своихъ учителей и законоучителей; взрослый у духовныхъ руководителей — духовныхъ лицъ. Всѣ эти лица иногда, конечно, и дѣлаются образцами религіозности. Однако нужно сказать, что такіе случаи бывають рѣдки. Ни одинъ живущій съ нами человекъ не бываетъ чуждъ разныхъ недостатковъ, иногда довольно крупныхъ, которые рѣдко бывають для насъ незамѣтны. Люди, которые сильно возвышались бы надъ уровнемъ своего времени своею высокою нравственностью, бывають обыкновенно исключеніемъ, а если и бывають, то мы ихъ обыкновенно или вовсе не видимъ или видимъ мало. Конечно, религіозный подъемъ всего общества былъ бы возможенъ только въ томъ случаѣ, если бы всѣ наши родители, воспитатели и духовныя лица сдѣлались людьми совершенно святыми, очистились бы отъ всѣхъ своихъ недостатковъ и стали бы такими людьми, что никакой упрекъ имъ былъ бы невозможенъ со стороны кого бы то ни было. Но все это, конечно, только утопія. «Кто Богу не грѣшенъ, кто Царю не виноватъ?» Собственный подъемъ родителей, учителей, воспитателей и духовныхъ лицъ возможенъ, но онъ всегда, повидимому, въ глазахъ воспитываемыхъ далекъ отъ совершенства,—далекъ тѣмъ болѣе, что наружное благочестіе во многихъ случаяхъ мало соотвѣтствуетъ внутреннему. Поэтому отъ надлежащаго воспитанія самихъ современныхъ намъ руководителей всегда можно ожидать относительной только пользы, хотя польза все-таки, конечно, и есть.

Гораздо лучше, дѣйствительнѣе и вліятельнѣе для насъ религіозные образцы, которые мы находимъ гдѣ-нибудь на сторонѣ. Окидывая своими взорами историческое прошлое, мы встрѣчаемся съ многими людьми, жившими несомнѣнно сильною религіозною жизнію. Какъ люди, и они также отличались многими недостатками. Сами древніе святые признавали себя за грѣшныхъ людей. Но ихъ недостатки для насъ отъ времени сгладились и они начали выступать предъ нами изъ сѣдой старины въ полномъ величіи своей святости. Такіе люди могутъ и должны служить для насъ и служить учителями и образцами религіи. Уважемъ здѣсь и еще на одинъ интересный фактъ, какъ кажется, особенно свойственный нашему народу. Въ нашей средѣ найдется всегда не мало и такихъ скромныхъ людей, которые считаютъ для себя невозможнымъ и непосильнымъ смотрѣть глазами орла прямо на солнце. Такіе люди, повѣтому, довольствуются созерцаніемъ меньшихъ свѣтилъ, которыя свѣтять, правда, не своимъ свѣтомъ, но все-таки свѣтять. Тутъ происходитъ тотъ же нравственно-религіозный процессъ, на который указывалъ коринѣянамъ апостоль Павелъ, когда говорилъ: «подражайте мнѣ, какъ я Христу» (1 Кор. 4, 16). Почему апостоль прямо не сказалъ: подражайте Самому Христу? Потому, конечно, что многіе сочли бы это для себя не по силамъ. Этимъ людямъ было легче подражать Христу, научившись предварительно такому подражанію отъ Апостола. Какъ онъ подражалъ Христу, такъ и они пусть подражаютъ Ему. Очевидно, что здѣсь самый, такъ сказать, второстепенный образецъ, бывшій самъ подражаніемъ, служилъ образцомъ для подражанія. И всѣ святые люди были такимъ второстепеннымъ образцомъ. Это были всегда только слабыя копіи съ вѣчнаго оригинала. Многіе, по скромности и смиренію, пользуются этими копіями, не будучи въ силахъ или не считая себя способными пользоваться самымъ оригиналомъ. И это, конечно, хорошо.

Такимъ образомъ философскій и богословскій анализъ

приводить насъ къ уразумѣнію факта, почему святые люди имѣють для насъ своимъ примѣромъ такое важное значеніе въ нашей религіозной жизни. Очень трудно на словахъ съ полною ясностію, паглядностію и полнотою выразить этотъ фактъ, дать ему логическое и философское опредѣленіе. Тѣмъ не менѣе самый фактъ существуетъ и религіозные руководители народа должны ему всячески содѣйствовать. При этомъ вовсе не требуется, чтобы въ цѣляхъ прославленія какого либо святого мы старались приукрашивать его жизнь какими-либо легендами и вымыслами. Легенды и вымыслы — это ложь, несовмѣстная съ истинной христіанской религіей, и мы, если хотимъ, чтобы жизнь святыхъ дѣйствительно сдѣлалась образцомъ для народной религіозной жизни, безъ церемоніи и снисхожденія должны отбрасывать все нелѣпое, или исторически невѣрное, или даже сомнительное. Наука о святыхъ людяхъ должна отличаться точностію, должна быть свободна отъ всевозможныхъ легендарныхъ примѣсей, и если бы такая наука у насъ появилась и развилась, то можно было бы скоро ожидать отъ нея и религіозно-правственнаго возвышенія народнаго духа. «Преданіемъ,—писалъ митрополитъ Московскій Филаретъ,—можно бы было пользоваться наравнѣ съ свящ. Писаніемъ только въ томъ случаѣ, если бы, подобно непосредственнымъ ученикамъ апостоловъ, мы имѣли бы предъ глазами непосредственное апостольское преданіе. Но и христіанскія преданія уже прошли чрезъ многія страны, народы, языки и чрезъ многіе вѣка. Къ первоначальнымъ преданіямъ апостольскимъ присоединились преданія отеческія разныхъ степеней древности, и оказалось разнообразіе до противорѣчія. Поэтому, чтобы пользоваться преданіемъ, какъ источникомъ, нужно изслѣдованіе подлинности и достоинства преданій, чтобы устранить изъ нихъ неправыя измѣненія и чуждыя примѣшенія... И церковь православная признаетъ преданіе не самостоятельнымъ, а вспомогательнымъ источникомъ ученія христіанскаго». Таковъ трезвый, здравый взглядъ на пре-

даніе со стороны общепризнаннаго авторитета. И когда мы, для распространенія въ народѣ, издаемъ, напр., житія святыхъ съ примѣсю суевѣрныхъ и ложныхъ свѣдѣній, то никогда не вправѣ ожидать отъ этого какого-либо религіознаго подъема и вообще какой-либо религіозной пользы.

Мы выше сказали, что отыскивая себѣ образцы религіозной жизни, мы встрѣчаемся только съ второстепенными образцами, которые, хотя и свѣтятъ, но не своимъ свѣтомъ. Выражаясь такъ, мы, конечно, нисколько не хотимъ унижить этихъ второстепенныхъ образцовъ. Эти образцы разсѣяны по всему обширному полю исторіи, и религіозный человѣкъ часто впадаетъ въ затрудненіе, какъ относительно ихъ выбора такъ и относительно точнаго ихъ содержанія. А при ихъ многочисленности подражаніе имъ вообще дѣлается затруднительнымъ. Это служитъ важнымъ препятствіемъ въ поискахъ религіи. Мысль какъ бы раскидывается, расбрасывается и не можетъ сосредоточиться на одномъ опредѣленномъ пунктѣ. Отъ этого происходитъ множество неясностей и недоразумѣній, которыя мѣшаютъ религіозному настроенію каждаго отдѣльнаго человѣка.

При отыскиваніи образцовъ для религіозной жизни имѣется въ виду прежде всего внутренняя жизнь святыхъ людей, ихъ нравственныя качества, которыя и дѣлаются предметомъ подражанія. Но это нисколько не устраняетъ возможности слѣдованія и внѣшнему образу ихъ жизни. Отсюда повсюду наблюдаемое сильное стремленіе къ подражанію не только внутреннимъ, нравственнымъ качествамъ людей, ихъ благочестію и богоугодности, но и внѣшнимъ приемамъ и дѣйствіямъ, которыми эта богоугодность сопровождалась. Всматриваясь въ религіозную жизнь людей, мы встрѣчаемся съ такими, напримѣръ, фактами. Многіе ставятъ свою религіозную жизнь въ зависимость не отъ того, насколько она является подражаніемъ благочестію святыхъ людей, а отъ того, что во время мо-

литвъ или богослуженія есть возможность читать какую-нибудь старопечатную книгу. На первый взгляд такой фактъ представляется нѣсколько страннымъ. Какое отношеніе къ истинной (или даже и неистинной) религіи имѣетъ старопечатная книга? Не все ли равно, по кадой книгѣ, старопечатной или новопечатной, ни читать свои молитвы? Почему въ нѣкоторыхъ случаяхъ нужна именно старопечатная книга? Однако это видимое несоотвѣтствіе между цѣлью (религія, благочестіе, богоугодность) и средствомъ (старопечатная книга) объяснить довольно легко. Человѣкъ цѣнитъ старопечатную книгу потому, что, по его мнѣнію, читая ее, *спасались* его предки. У этихъ послѣднихъ были какія-то внутреннія расположенія, какія-то душевныя качества, которыя препятствовали имъ увлекаться мірскою прелестію и возвышали ихъ въ глазахъ ихъ современниковъ и потомковъ, и эти послѣдніе начали считать своею обязанностію имъ подражать. Самый внутренній процессъ этого спасенія предковъ трудно прослѣдить. Это—тайна, которую человѣкъ обыкновенно уноситъ съ собою въ могилу. Но внѣшніе признаки этой тайны, которые въ разсматриваемомъ случаѣ представляются намъ въ видѣ старопечатной книги, остались. Отсюда старопечатная книга пріобрѣтаетъ такую цѣнность, которой сама по себѣ и независимо отъ спасавшихся по ней лицъ, она не имѣла бы. Ни одинъ самый ревностный расколучитель не сталъ бы цѣнить, хотя бы и старопечатной, книги, отъ которой не спасались, а нравственно гибли его предки. То, что бываетъ у раскольниковъ, наблюдается и у насъ. Почему мы цѣнимъ, напр., свой церковный уставъ? Развѣ нельзя было бы написать уставъ, который былъ бы гораздо лучше, понятнѣе и даже проще, чѣмъ прежній? Однако, если бы такой уставъ и былъ написанъ, то мы отнесли бы къ нему съ недоувѣріемъ, а къ давно составленному уставу, хотя бы онъ и былъ переполненъ ошибками, недосмотрами, мы относимся съ уваженіемъ и даже считаемъ его какою-то святыней. Ясно, что тутъ дѣло не въ уставѣ самомъ по себѣ, а въ чемъ-то другомъ.

Озираясь на прошлое, видимъ, что уставъ былъ принятъ подвижниками, которые проводили святую жизнь и тѣмъ спасались. Относясь съ уваженіемъ къ уставу, мы на самомъ дѣлѣ относимся съ уваженіемъ къ нимъ. Ихъ подвиги прекратились, ихъ богоугодной жизни мы не видимъ теперь лицомъ къ лицу, но отъ нихъ осталось наслѣдіе, которое мы цѣнимъ. Этого мало. Мы думаемъ, что пользуясь тою же книгой, какой пользовались они, употребляя тѣ же вещи, какія употребляли они, мы можемъ приблизиться къ нимъ по своему душевному складу и, слѣдовательно, достигнуть того спасенія, какого достигли они.

Такое стремленіе къ подражанію вѣшностямъ имѣеть, конечно, свое основаніе и есть дѣло хорошее. Уваженіе и любовь къ какому-нибудь лицу заставляеть меня подражать и его вѣшному образу жизни. Но, съ другой стороны, здѣсь есть и опасность, заключающаяся въ томъ, что вѣшному-то образцу мы охотно подражаемъ, составленный въ древности великими подвижниками уставъ исполняемъ въ точности, одежду, которую носили знаменитые подвижники, носимъ, а самаго духа ихъ благочестія и религіозной жизни бываемъ совершенно чужды. Бываетъ часто и такъ, что вѣшностью мы стараемся только прикрыть свою внутреннюю пустоту и отсутствіе духа жизни. Но кромѣ того, здѣсь имѣеть значеніе и еще одно обстоятельство, котораго не слѣдуетъ упускать изъ виду. Подражаніе вѣшнымъ формамъ не всегда бываетъ своевременно и удобно. Жизнь вѣдь не стоитъ на одномъ мѣстѣ, а постоянно движется. То, что было возможно и удобно, напр., въ первые вѣка христіанства, съ теченіемъ времени стало невозможнымъ и неудобноисполнимымъ. Уже одно то обстоятельство, что далеко не всѣ могутъ подражать, напримѣръ, образу жизни древнихъ подвижниковъ, служить доказательствомъ, что вѣшнія формы переменчивы и могутъ быть приводимы въ соотвѣтствіе съ образомъ жизни такого или иного времени. Онѣ, правда, имѣ-

ють задерживательное значеніе, препятствуютъ людямъ бросаться на неизвѣданные и непроторенные пути и подвергаться опасности при первомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ сломить себѣ голову. Однако одно только слѣдованіе внѣшнимъ формамъ неизмѣнно приводитъ къ лицемерію, къ подмѣнѣ настоящаго и подлиннаго религіознаго духа внѣшними приѣмами и дѣйствіями, которые сами по себѣ, при отсутствіи религіознаго духа, не имѣютъ никакого значенія и оскорбительны для Бога. Поэтому, стремясь къ религіозному подъему народа, мы могли бы развѣ только поддерживать существованіе и продолженіе старыхъ формъ, но ни въ какомъ случаѣ не *настаивать* на непремѣнномъ и обязательномъ ихъ соблюденіи. Не человекъ для субботы, а суббота для человека.

Но, кромѣ указанныхъ выше образцовъ, мы можемъ обратиться и къ другимъ источникамъ и образцамъ вѣры и благочестія, имѣющимъ вѣчный характеръ и предназначеннымъ для всѣхъ временъ и народовъ. Сюда относится прежде всего изображенная въ Библии жизнь еврейскаго народа. Сущность дѣла здѣсь заключается въ слѣдующемъ. Этотъ народъ занималъ небольшую страну, со всѣхъ сторонъ окруженную враждебными народами. Всѣ обстоятельства жизни евреевъ клонились къ тому, чтобы произвести въ нихъ и на нихъ историческій религіозный опытъ въ интересахъ всего человѣчества. Окружающіе евреевъ народы почти постоянно молотили ихъ желѣзными молотилами. А извѣстно, что никогда не развивается такъ религіозность, какъ во время несчастій. Съ этой стороны, народъ еврейскій былъ, если можно такъ выразиться, козломъ отпущенія вмѣсто всѣхъ другихъ народовъ. Ни одинъ народъ не испытывалъ такихъ долговременныхъ страданій, какъ этотъ народъ. Поэтому неудивительно, если въ немъ развилась особая религіозная энергія, задатки которой намѣчены были давно, изначала, еще со временъ патриарховъ, которая сдѣлалась образцомъ для всякой другой міровой религіозной энергіи. Эта энергія была какъ бы

выжата изъ еврейскаго народа, подобно тому, какъ масло выжимается въ точилѣ. А когда время исполнилось, пришелъ на землю Искупитель, который далъ людямъ образецъ неизмѣримо высшей религіи, чѣмъ сама ветхозавѣтная религія.

Мы часто употребляемъ это выраженіе: время исполнилось; но, какъ кажется, безъ достаточно яснаго его пониманія. Что такое въ самомъ дѣлѣ значить: время исполнилось? Почему оно исполнилось при римскомъ императорѣ Августѣ и іудейскомъ царѣ Иродѣ, а не раньше и не позже? Обыкновенно говорятъ, что въ это время чело-вѣчество дошло до крайняго развращенія, что дальше идти было некуда, и отсюда явилась нужда въ Искупителѣ, безъ котораго чело-вѣчество должно было бы погибнуть. Но такая мысль, повидимому, не вполнѣ ясна и правильна. Подобное же развращеніе, какое было около времени Спасителя, существовало и раньше и позже, и однако Онъ пришелъ въ то именно время, когда царствовалъ римскій императоръ Августъ. Намъ кажется, что нужно смотрѣть на дѣло глубже и выраженіе «время исполнилось» понимать такъ: періодъ религіозной жизни, которая могла бы сдѣлаться образцомъ для всего чело-вѣчества, закончился или исполнился съ пришествіемъ Христа, подобно картинѣ, которая вполнѣ изготовлена и окончена. Все, что могло бы служить образцомъ для поученія и назиданія людей, и въ положительномъ и отрицательномъ отношеніи, т.-е. образцомъ и нравственности и безнравственности, теперь уже было въ наличности. Дальше и больше ни прибавлять, ни убавлять было нечего.

Отсюда понятно, что отыскивая для себя образцы религіозной жизни, или стараясь о томъ, чтобы религія распространилась и сдѣлалась жизненною силою въ семьѣ, обществѣ и государствѣ, мы должны прежде всего заботиться объ усвоеніи и пониманіи жизни Спасителя, включая сюда и жизнь еврейскаго народа. Никакіе другіе образцы и копіи не идутъ въ сравненіе съ этимъ образцомъ. Рас-

пространеніе библейскихъ свѣдѣній вообще и свѣдѣній о жизни Спасителя въ частности равняется поэтому распространенію самой религіи. Нужды нѣтъ, если эти свѣдѣнія будутъ иногда неточны или невѣрны. Всякое сочиненіе, всякая книга не только сообщаютъ нѣкоторыя свѣдѣнія, но и побуждаютъ къ изслѣдованію.

Однако одного только теоретическаго распространенія религіи въ указанномъ смыслѣ, конечно, недостаточно. Нужно, чтобы религія служила еще оплотомъ и нравственности. Но вопросъ: откуда или гдѣ взять средства для распространенія среди народа доброй нравственности, рѣшается здѣсь самъ собою. Доказано опытомъ, что извѣстное количество христіанскихъ знаній имѣетъ вліяніе и на самую нравственность, преобразуетъ ее и улучшаетъ. Такой процессъ мы наблюдаемъ съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства. По вознесеніи Христа христіане перестали Его видѣть, личное общеніе Его съ ними прекратилось. Свѣдѣнія о Немъ были, конечно, прежде всего теоретическаго характера, т.-е. были простыми сообщеніями о фактахъ Его жизни, и это, подобно закваскѣ, производило въ массѣ человѣчества тотъ процессъ, который не прекратился до сихъ поръ. Христіанская нравственность есть слѣдствіе знанія о Христѣ и чѣмъ большею точностію, обширностію и ясностію отличается это знаніе, тѣмъ, при нормальномъ, конечно, порядкѣ вещей, выше бываетъ и нравственность.

Отсюда ясно слѣдуетъ, что для поднятія религіознаго уровня нашего народа можетъ служить прежде всего распространеніе въ народѣ библейскихъ свѣдѣній. Такая цѣль достигается и въ настоящее время распространеніемъ Евангелія и всей Библии. Однако все, что дѣлается у насъ, нельзя еще признать достаточнымъ. Слѣдовало бы не препятствовать издавать Библию и въ цѣломъ и по частямъ частнымъ лицамъ. Слѣдовало бы не стѣснять частныхъ лицъ запрещеніями библейскихъ переводовъ. А то вѣдь у насъ переводъ самого К. П. Побѣдоносцева нельзя было

первоначально издать въ Россіи, и онъ изданъ былъ за границей! На существующій у насъ русскій переводъ Библии положено было въ свое время много труда, таланта и энергіи, и онъ вообще исполненъ хорошо и удовлетворительно. Но теперь этотъ переводъ нѣсколько устарѣлъ, стиль его по мѣстамъ тяжелъ, выраженія во многихъ случаяхъ представляются мало обработанными, не вполне складными и иногда больше затемняющими, чѣмъ проясняющими смыслъ подлинника. Примѣры можно было бы указать почти на всякой страницѣ русскаго синодальнаго перевода. Переводъ К. П. Побѣдоносцева также во многихъ случаяхъ неточенъ и произволенъ.

Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ распространенію въ народѣ христіанскаго просвѣщенія и подъему религіознаго духа мы считаемъ еще религіозныя собранія. Это было понято у насъ въ шестидесятыхъ—семидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія, и благочинническія собранія, съѣзды духовенства и проч. тогда совсѣмъ были начали даже процвѣтать. Но благочинническихъ собраній и съѣздовъ духовенства—этого мало. Слѣдовало бы поощрять еще и всевозможныя религіозныя собранія. Ложное мнѣніе нигдѣ не встрѣчаетъ себѣ такого противоявія, какъ въ собраніи. Религіозныя собранія должны быть свободны и независимы. Это потому, что всякое несвободное и зависимое собраніе никогда не имѣетъ и не можетъ имѣть того авторитета, какой имѣютъ собранія независимыя. А отсутствіе авторитета въ средѣ религіозныхъ руководителей дѣйствуетъ прямо губительно для всякой религіи и для всякаго благочестія. Оно бываетъ чуждо практическихъ слѣдствій, какихъ достигнуть было бы желательно и какія предполагаются и имѣются въ виду.

С. М. Ѳ.

Т О Л П А.

На землѣ наступила ночь, которая все сгущала и сгущала тѣни, и мало-по-малу становилась безпросвѣтной. Казалось, что вездѣ брались облака: и на сѣверѣ, и на югѣ, и на востокѣ, и на западѣ. Въ ихъ угрюмости и вѣстойчивомъ движеніи было что-то угрожающее, какъ въ тѣхъ облакахъ дыма, которыя выбрасываются вулканическими кузницами. Облака притягивали одно другое, сливались въ единую мощь и словно торопились прикрыть свою угрюмостью краешки темно-сянго неба, гдѣ мерцали еще одинокія звѣзды и цѣлыя созвѣздія. За облачной пеленой притаилась луна и не свѣтила. Было тягостно и жутко. Надвигался кто-то удушливый и Непримирымый. Да, онъ надвигался, не касаясь земли и не паря въ вышинѣ. Онъ надвигался, рѣя во тьмѣ, какъ рѣютъ ужасные вампиры съ длинными оттопыренными ушами и съ пожирающими все, что бы они не увидѣли, горящими глазами. Его приближеніе оповѣщалось пока еще глухими раскатами грома. Все нарасталъ гулъ, и волны его катились по землѣ, и земля, казалось, начинала дѣлать толчки подобно пульсу. Да, было тягостно и жутко. Непримирымый рѣя приближался, неистово взмахивалъ крыльями и дыханіемъ своимъ отравлялъ воздухъ, вдыхая изъ него все необходимое для своей жизни. И вотъ онъ повисъ въ воздухъ и воззвалъ. Рѣзкій, какъ скрипъ сухого дерева, голосъ его прорѣзалъ тьму изъ края въ край, и эхо отозвалось, заглушая громовые раскаты: «Сюда, люди! Подъ мои трепещущія крылья: я поведу васъ впередъ,

впередъ, впередъ!» Издалека донеслись слова: «Куда впередъ хочешь ты вести людей?» Онъ отвѣчалъ: «Непримиримый — я поведу ихъ во тьмѣ сквозь тьму на встрѣчу новымъ наслажденіямъ!» И снова прозвучалъ голосъ издалека: «Непримиримый, примиришься! Повели лучше облакамъ разсѣяться, грому затихнуть. Покажи лучше людямъ ясное синее небо со свѣтлымъ мѣсяцемъ и звѣздами. И мѣсяцъ, и звѣзды, и все великое небо будутъ указывать человѣчеству путь къ высшей радости и къ высокимъ наслажденіямъ. Мѣсяцъ и звѣзды доведутъ людей до солнца, которое таитъ въ себѣ величіе жизни и размахъ энергіи!» — «Нѣтъ! — сказалъ Непримиримый: — Нѣтъ!» И воззвалъ во второй разъ: «Ко мнѣ, люди! Подъ эти трепетныя крылья: я поведу васъ!» И люди стали собираться отовсюду. Они тѣснились толпой, они тянулись къ Непримиримому, какъ растенія къ солнцу, а онъ, сверкая холодящими глазами, рѣялъ надъ толпой и опьянялъ воздухъ. Съ каждымъ мгновеніемъ росла толпа, впивая въ себя старыхъ и молодыхъ, здоровыхъ и убогихъ, сытыхъ и голодныхъ. Непримиримый ликовалъ. Толпа все растетъ — и онъ властвуетъ надъ нею! Толпа, будто море, начинаетъ кипать — крѣпнеть ея злоба; она уже шипитъ, какъ волны; отъ него зависитъ направить ее туда или сюда!.. Во тьмѣ ярче фосфорическій, зеленоватый блескъ многочисленныхъ глазъ. Тысячи надломленныхъ, изстрадавшихъ, озлобленныхъ грудей выдыхаютъ вздохи проклятія; отчаяніе и исканіе тысячами устъ умоляютъ Непримиримага вести ихъ. Его ротъ искривляется отъ самодовольной усмѣшки. Онъ бросаетъ толпѣ ядовитую надежду. «Я поведу васъ. Дайте еще накопиться негодованію и ненависти: это — двѣ силы, необходимыя для больныхъ и слабыхъ ногъ!» Толпа реветъ въ отвѣтъ: «Веди, скорѣе веди насъ: мы устали ждать!» — «Все равно, куда вести?» — «Все равно. Довольно топтаться на мѣстѣ, довольно пресмыкаться, довольно накопилось въ насъ негодованія и ненависти!» Въ третій разъ тутъ прозвучалъ голосъ издалека: «Куда вы? Опо-

мнитесь! Кругомъ зги не видать. Подождите разсвѣта, или просите Непримиимаго разогнать облака, и тогда идите одни, куда укажутъ вамъ мѣсяць и звѣзды!» — «Не для насъ мѣсяць и звѣзды! — загремѣла толпа въ ярости: — мѣсяць никогда не озарялъ нашихъ убогихъ коекъ, звѣзды не заглядываютъ въ холодные подвалы и подземелья, гдѣ по стѣнамъ струится сырость, гдѣ все отравлено беспросвѣтной нуждой и безчеловѣчіемъ. Мы порываемся впередъ, потому что мы еще чувствуемъ, что жизнь только въ такомъ движеніи. Тьма? Зги не видать? Пустое: нашъ путь будутъ освѣщать факелы!» — «Такъ, впередъ!» крикнулъ Непримиимый и, взмахнувъ крыльями, повелъ за собою толпу. Опыненная воздухомъ, она запѣла гимнъ бурному движенію, и звуки этого гимна были какъ бы огнивомъ для приготовленныхъ тамъ и сямъ во тьмѣ факеловъ, которые теперь возжигались, озаряли даль и приводили толпу въ радостное неистовство. Ихъ красновато-золотистые языки извивались въ воздухѣ, какъ змѣи, отталкивались другъ отъ друга, сталкивались и расплывались волнами по краямъ горизонта. Клубы пепельнаго дыма кружась охватывали лѣса, деревни, города и все, что въ нихъ: хоромы и лачуги, торговые дома и дома молитвы. На фонѣ темныхъ облаковъ, при разливѣ огня, показывались силуэты живыхъ существъ, застигнутыхъ врасплохъ шествіемъ мягущейся толпы съ Непримиимымъ во главѣ. Онъ торжествовалъ. Онъ вливалъ въ воздухъ отраву опьяненія и ненависти, которая, однако, придавала энергію толпѣ и силу ея гимну. Онъ вглядывался въ лица и въ каждомъ находилъ своеобразную красоту, все равно какъ и прелесть въ хриплыхъ и фальшивыхъ голосахъ. Тутъ были лица съ звѣринными чертами и съ выраженіемъ хищничества, другія запечатлѣли на себѣ тупость; инныя отражали ужасную болѣзнь, инныя смѣялись, хотя и не хотѣли смѣяться; поистинѣ красивыя лица, то блѣднѣя, то краснѣя, затѣняли этимъ свою красоту. Да, клубы пепельнаго дыма охватывали лѣса, деревни и города, и въ этихъ

клубахъ дыма вдругъ стали извиваться огненные языки. И гулъ пошелъ оттуда. Сперва онъ былъ неясенъ; нельзя было понять смысла его, но вскорѣ до ушей Непримиримаго и толпы стали явственно долетать проклятiя, угрозы и мольбы—мольбы, угрозы и проклятiя. Слышались слезы. Но Непримирымый торжествующе усмѣхался, и смѣялась вся толпа. Охваченныя дымомъ колокольни заговорили набатными колоколами. Мѣрный, отрывистый звонъ расплывался въ ночной тѣмѣ и словно бы уходилъ въ землю и устрашалъ ее своимъ однообразіемъ и тягучестью, и унылостью. Мѣрный, отрывистый звонъ наплывалъ на толпу, но сердце ея не сжималось ни отъ проклятiй, угрозъ и мольбы, ни отъ набатныхъ ударовъ. Въ немъ уже не теплилось милосердіе, въ немъ не было кротости. Толпу только занимали охваченные дымомъ и факелами города, деревни и лѣса, а на проклятiя, угрозы и мольбы она отвѣчала зубовнымъ скрежетомъ или злорадствомъ. Плавно взмахивая крыльями, Непримирымый рѣялъ надъ толпою и велъ ее. Куда? Опьяненное злобою и ненавистью стадо не спрашивало. Все равно,—куда, лишь бы не топтаться на мѣстѣ и не пресмыкаться. Въ движеніи—жизнь!.. Толпа шла и ревѣла, и дикій ревъ ея, какъ ревъ разъяреннаго или голоднаго звѣря, сливался съ звономъ набатныхъ колоколовъ и отдавался въ ночи, которая не таяла, не блѣднѣла, не сдавалась передъ разсвѣтомъ. Луна, звѣзды, цѣлыя созвѣздія терялись за мрачной пеленою облаковъ. Все тотъ же голось, кроткій и ласковый, въ четвертый разъ прозвучалъ издалека: «Люди, вы сбились съ пути. Вы уходите въ гущину мрака. Ищите солнца!» Но толпа, потрясая кулаками, отвѣчала: «Замолчи ты, кроткій и далекій, не нужно намъ солнца и звѣздъ. Есть факелы. Они вотъ пылаютъ. При свѣтѣ ихъ мы шествуемъ впередъ, но не въ гущину мрака, а на встрѣчу новымъ наслажденіямъ. Ни шагу назадъ! Пусть задохнутся въ дыму эти города, гдѣ мы день и ночь калѣчились и отравлялись ради буска хлѣба. Пусть въ чаду отъ факеловъ обрѣтутъ гибель всѣ сытые. Пусть

огни пожрутъ деревни, эти гнѣзда вѣчной скорби, пропитанныя насквозь человѣческимъ потомъ. Пусть все погибнетъ, обратится въ пепель!>—«Такъ, такъ!»—вторилъ Непримирымый: — «Пускай все превратится въ пепель!»— «Изъ пепла,—кричала толпа,—образуется новая, прекрасная жизнь, которая потечетъ среди довольства и нѣги, среди яркихъ цвѣтовъ, подъ сѣнью вѣчно-зеленыхъ деревьевъ, отягченныхъ плодами покоя, веселья и праздности. Довольно поклоненія тысячелѣтнимъ кумирамъ! Долой всякія цѣпи! Не нужно болѣе жертвенниковъ! Если бы намъ встрѣтились сейчасъ поросли ладана и горы мирровыхъ зеренъ, мы растоптали бы эти поросли и бросили бы эти зерна въ огонь. Мы вырвали бы съ корнями всѣ благовонныя деревья и стали бы питать, питать, питать ими факелы, чтобы они еще ярче освѣщали нашъ путь отъ проклятаго стараго къ блаженному новому, — тому, что намъ уже далъ вкусить Непримирымый. Да здравствуетъ ненависть!» — «Какъ хорошо! какъ хорошо!» — усмѣхаясь говорилъ Непримирымый: — «Не разставайтесь съ ненавистью, идущіе за мной: въ ней вы почерпаете силу. Это она толкаетъ васъ все впередъ, все впередъ. И только она заставляетъ васъ проклинать многовѣковые устои, обросшіе сорными травами. Какъ хорошо! какъ хорошо!.. Итакъ, смѣло впередъ, въ нѣдра тьмы! Безъ страха впередъ: вѣдъ, факелы ярко пылаютъ!»—«Они коптятъ,—послышалось издалека:—и потомъ, развѣ не факелы всегда употреблялись при похоронахъ? Вспомните». Толпа дрогнула и остановилась.—«Впередъ, за мной!» крикнулъ Непримирымый, и глаза его загорѣлись страшнымъ гнѣвомъ, такъ какъ толпа не двинулась съ мѣста. Она стояла растерянная, руки опустились, зубы уже не скрежетали ни у кого. Всѣ блуждали глазами, всѣ словно что-то искали промежъ себя, всѣ молча спрашивали другъ друга: «неужели мы—обреченные? неужели эта безпросвѣтная тьма для того лишь и озарилась многочисленными факелами, чтобы похоронить насъ? Такъ это ложь, что мы идемъ

къ блаженству и новымъ радостямъ? Но куда мы идемъ? Тьма густа, и мы не знаемъ, разсѣется ли она, а факелы, конечно, рано или поздно потухнуть. Тогда съ чѣмъ мы останемся? Съ тьмою! Во тьмѣ! О, ужасъ!.. Непримири-мый, знай: мы не можемъ долго оставаться среди тьмы, мы задохнемся!» Въ толпѣ проснулась жажда жизни и охватила всѣхъ: молодыхъ и старыхъ, больныхъ и здоро-выхъ, красивыхъ и некрасивыхъ. Да, всѣхъ, какъ магнитъ, притягивала къ себѣ жизнь въ смыслѣ существованія. Всѣ вдругъ пришли къ выводу, что лучше жить, чѣмъ задох-нуться, и что своя прелесть есть уже въ біеніи сердца и въ борьбѣ за обладаніе кускомъ хлѣба и койкою хотя бы въ сыромъ и полутемномъ подвалѣ. Уже и эта борьба есть движеніе, а то, что движется, трепещетъ и поры-вается, не обростаетъ мхомъ и не плѣсневѣетъ. Тьма— смерть или подобна ей». Непримиримый звалъ: впередъ.— «Я устала», отвѣчала толпа. Онъ старался придать ей бодрости. Онъ говорилъ: «если движеніе есть жизнь, то зачѣмъ вы остановились? Ваше шествіе — это борьба за новую жизнь и за иныя, еще не извѣданныя наслажденія. Факелы провожали покойниковъ, — правда! А развѣ не ихъ также возжигали на пиршествахъ? Умираетъ то, что обросло мохомъ и покрылось плѣсенью, но вы — текуція воды, которыхъ плѣсень не касается. Пойдемте: насъ ждетъ обѣтованная земля, гдѣ только радости и утѣхи и нѣтъ кумировъ». — «А ты развѣ не кумиръ?» сказала кроткій голосъ вдаль, но его заглушилъ громовой рас-катъ. Толпа содрогнулась. Жутко быть во тьмѣ и слы-шать раскаты грома. Кулаки опять сжались, опять по-слышался скрежетъ зубовъ, опять зазвучали проклятія вмѣстѣ съ мольбою къ Непримиримому скорѣе привести въ обѣтованную землю, въ край обилья и радостей.— «Гдѣ такая земля? Непримиримый! гдѣ?»— «Она близко»,— отвѣчалъ Непримириый: — «стоитъ только подняться на гору, у подошвы которой мы находимся, и земной рай тотчасъ откроется нашимъ взорамъ». — «Веди насъ, веди

нась!»—«За мною, люди! Трудень становится путь, тѣмъ слаще будетъ отдыхъ». И, слѣдуя за плывущимъ въ воздухъ Непримирымъ, толпа стала подниматься въ гору. Подъемъ оказался, дѣйствительно, труднымъ. Тамъ и сямъ громоздились камни, на которые приходилось карабкаться всѣмъ безъ исключенія: старымъ и молодымъ, здоровымъ и больнымъ. И люди напрягали, казалось, послѣднія усилія, чтобы преодолѣть препятствія, полагаясь только на себя, такъ какъ Непримирымый только велъ, но не устранялъ съ пути преградъ. Словно нарочно, чья-то суровая рука разбросала по всей горѣ острые камешки и насадила по склонамъ колючки; острія камешковъ и шипы колючекъ впивались или кололи ноги, босыя и прикрытыя лохмотьями, — и люди вскрикивали отъ боли. Толпа шла, шла въ гору, но съ теченіемъ времени путь все-таки не близился къ концу. И не предвидилось конца пути. Многими начинало овладѣвать сомнѣніе: да есть ли вообще подъ небесами блаженная страна, гдѣ люди не вѣдаютъ горя? Въ душу иныхъ закралось отчаяніе: блаженная страна такъ далеко, что слабосильнымъ и не достичь ея... Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ почувствовали голодъ и жажду и воззвали къ Непримиримому: «дай намъ хлѣба и пить!» Онъ поморщился и сказалъ: «какъ, на порогѣ новой жизни, въ виду блаженной земли вы все-таки думаете о брюхѣ? Развѣ не вы недавно прокляли все, что заставляло васъ ползать и кланяться, и не досыпать ночей? Не вы ли рѣшили подняться выше заботъ?» Въ отвѣтъ загремѣло: «что же дѣлать! увы, мы—люди, которые еще не вкусили отъ иныхъ плодовъ, обильныхъ тамъ, куда ты насъ ведешь. Слышишь, мы хотимъ и пить, и ѣсть». Непримирымый сверкнулъ глазами: «что я могу вамъ дать!»—сказалъ онъ съ раздраженіемъ: — «Я не сѣю злаковъ, потому что они дали бы всходы сорныхъ травъ. Моя нива даетъ зло и мщеніе. И колодцы мои высыхаютъ, и на днѣ ихъ копошатся ядовитыя змѣи. Мнѣ нечего вамъ дать, развѣ только освѣжиться въ рѣкѣ забвенія. Я приведу васъ къ ней,

она недалеко». — «Веди насъ къ рѣкѣ забвенія!» вскричала толпа, и новыя капли отравы, влитыя въ воздухъ, придали идущимъ энергіи и задора. Толпа шла къ рѣкѣ забвенія, заглушая свою усталость; потъ катился градомъ съ возбужденныхъ лицъ и, казалось, жогъ землю, и гдѣ градины пота падали, тамъ выростали еще колючки и сейчасъ же выставляли свои крѣпкіе шипы; или же онѣ долбили камни и образовывали новыя острія. Толпа множествомъ воспаленныхъ, лихорадочно-горящихъ глазъ впивалась въ пространство, захваченная всецѣло одною мыслью: скоро ли покажется рѣка? Всѣмъ хотѣлось забвенія прежде вступленія на лоно блаженствъ. Факелы освѣщали дали, но ни одинъ извивъ рѣки забвенія не открывался глазамъ толпы. И въ ней поднялся ропоть: «когда же доберемся до рѣки? Терпѣніе пропадаетъ». Непримирымъ чувствовалъ, что толпа становится съ каждою минутою нетерпѣливѣе и требовательнѣе, и что ему нелегко справляться съ нею. И въ мрачной головѣ вождя зарождалась тревога, что то будетъ, когда тѣ, кого онъ, духъ отрицанія, ненависти и злобы, увлекъ за собою, поймутъ всю ложь и всю призрачность его обѣщаній и блаженствъ? Онъ обращалъ на толпу взоръ, полный ненависти и презрѣнія къ ней, и говорилъ властнымъ голосомъ: «Безъ ропота впередъ! Цѣль близка... Если же вы вздумаете возмутиться противъ меня, то я погашу въ одно мгновенье всѣ факелы и покину васъ, а во тьмѣ вы разбивайте тогда себѣ головы объ эти камни». Холодомъ обдало толпу. Въ испугъ она съежилась, но испугъ длился недолго; вдругъ точно электрическій токъ пробѣжалъ по людямъ, и въ одинъ голосъ они воскликнули: «страшна твоя угроза, словъ нѣтъ! — но и ты не забывай, что вождей безъ воинства не бываетъ! Съ кѣмъ ты останешься, когда наши трупы покроютъ склоны горы?» — «Я снова кликну кличъ!» — «И новая толпа будетъ шагать по нашимъ трупамъ, пока не станетъ сама дорогою для новыхъ жертвъ? Проклятіе тебѣ, какъ и всему тому, что собрало насъ подъ твои крылья!» — «За мною,

толпа!» неистово крикнулъ Непримирымый:— «я—мщеніе, я—злоба, я—ненависть, именно то, чѣмъ полны ваши сердца и души».— «Отъ полноты сердца и души отвѣчаю: проклятіе тебѣ!» отозвалась толпа.— «Я погашу факелы!» неистово продолжалъ Непримирымый. — «Гаси подъ наши проклятія!» Страшный громовой ударъ разразился надъ толпою. Земля билась, какъ пульсъ. Непримирымый взмахнулъ крыльями и ярче раздулъ огни факеловъ, чтобы толпа видѣла, какимъ смрадомъ окутаны деревни и города. Задыхаясь отъ злобы, онъ проговорилъ: «видишь, толпа, а? ты видишь: въ дыму отъ моихъ факеловъ задыхаются города и деревни, ха, ха, ха!»— «Бѣдное человѣчество!..» донеслось издалека кроткое сожалѣніе и задѣло толпу, и снова, но съ большею силой, ея проклятіе обратилось къ Непримиримому. И сразу погасли всѣ факелы, и наступила кромѣшная тьма, въ которой пропалъ кто-то Удушливый и Непримирымый. Подымался гулъ и провожалъ крылатаго, проклятаго толпою, вождя. Толпа осталась на горныхъ склонахъ. Отъ прошлаго отрѣшилась, будущее же сокрыто тьмой. Горечь западала въ души. Сама собою вдругъ пришла съ нею и тоска по звѣздамъ и по мѣсяцу, освѣщающимъ пути земные. «Отчего на насъ не смотреть ясное небо?» сказалъ одинъ: «Да, отчего?» подхватилъ другой, третій, четвертый...— «Ахъ, если бы облака разсѣялись, и свѣтили мѣсяцъ и звѣзды, тогда бы мы нашли на вершинѣ этой горы блаженную страну. И отдохнули бы въ ней и вознаградили бы себя за всѣ тяжелыя испытанія прошлыхъ лѣтъ». Всѣ поднимали голову, съ трепетомъ думая, не распахнутся ли облака, не выглянуть ли созвѣздія и луна? И вотъ видятъ: невдалекѣ, на высшемъ склонѣ, загорѣлась золотая точка. Но это не была звѣзда и не гнилушка, и не свѣтящійся жучокъ или червячокъ. Эта блестящая точка то удлиннялась, то принимала форму цвѣтка, то круга, или же сжималась такъ, что становилась похожей на глазъ звѣрка. Она овладѣла вниманіемъ толпы, которая стала рѣшать, что означаетъ появленіе

огонька, — не маякъ ли это, указывающій, гдѣ находится обѣтованная страна? И толпа рѣшила итти на огонекъ. Какъ только она сдѣлала шагъ, онъ разгорѣлся. Толпа ободрилась и, затепливъ въ душѣ своей надежду на близость обѣтованной страны, стала поспѣшно карабкаться съ камня на камень, не обращая вниманія на острія и шипы... Они словно какъ бы уже не кололи и не ранили человѣческихъ ногъ... И вотъ множество людей очутилось около блестящаго предмета. Онъ лежалъ на землѣ въ началѣ тѣснаго прохода. Съ обѣихъ сторонъ возвышались отвѣсныя, гладкія скалы, недоступныя для человѣка. Черезъ каменистый проходъ, охраняемый неприступными скалами, лилось благоуханіе изъ прекраснаго сада. Радость охватила толпу, которая упивалась благоуханіемъ и, заглядывая въ садъ, говорила, что рай прародителей не могъ быть лучше этого сада. Проникнуть туда можно было только черезъ тѣсный проходъ и не иначе, какъ перешагнувъ чрезъ золотой, вообще — блестящій, маякъ. Но толпѣ захотѣлось узнать, что это такое, прежде чѣмъ перешагнуть и, можетъ быть, затоптать ногами вещь. Кто-то коснулся ея кончикомъ сапога, желая сдвинуть съ мѣста, и не сдвинулъ. — «Эге!» — сказалъ другой: — «не поддается?» Третій добавилъ: «ясно, что это какой-то металлъ, вросшій въ землю. Стоитъ ли надъ нимъ проводить время?» Многіе согласились, что, разумѣется, не стоитъ. Золото ли, мѣдь, или нѣчто другое, — не все ли намъ равно? Шагай черезъ, вотъ и все!.. Какъ, однако, садъ ни привлекалъ всѣхъ, а никто не могъ войти въ него, не узнавъ что именно указало на него. Въ этомъ предметѣ, вросшемъ въ землю, была нѣкая могучая притягательная сила, и толпа мало-по-малу подчинялась ей помимо своей воли. Сила маяка была могущественнѣе человѣческой воли и плѣняла ее. Оставалось одно: поднять блестящую вещь и рассмотреть ее, но оказалось, что не легко поднять. Люди стали произносить бранныя слова, которыя, впрочемъ, только вредили дѣлу, потому что послѣ каждаго такого слова

нѣдра земли какъ бы сильнѣе еще держали блестящій металлъ; человѣческія руки тщетно старались извлечь его изъ земныхъ нѣдръ... Между тѣмъ, желаніе достать изъ земли загадочный предметъ перешло въ непреодолимую потребность, которая овладѣла всѣми и преграждала входъ въ каменистый проходъ. И знакомый кроткій голосъ, уже не издалека, а откуда-то поблизости, тутъ сказалъ: «Непрѣменно возьмите этотъ маякъ. Если не возьмете, то не войдете въ садъ. Но чтобы взять его, надо отрѣшиться отъ ненависти и злобы и исполниться любовью. Согласны ли?» — «Согласны», отозвались многочисленныя уста, а руки ухватились за вросшій въ землю предметъ и начали тянуть его къ себѣ. И онъ выходилъ изъ земли. Это была металлическая доска. Свѣтъ разливался отъ нея окрестъ, совсѣмъ непохожій на свѣтъ факеловъ. Толпа дивилась, какъ могла доска такъ глубоко уйти въ землю. Она принялась разсматривать доску и ее поразили прежде всего четыре буквы: I. H. Ц. I. Подъ ними было почти стершееся изображеніе Распятаго. Всѣ имѣли о Немъ лишь смутное понятіе, но кто-то закричалъ: «это — кумирь! прочь отъ него!» И толпа отшатнулась. И тутъ опять послышался кроткій голосъ: «прочитайте, люди, написанное на противоположной сторонѣ доски». Тамъ было написано: «Не сотвори себѣ кумира». И еще: «Я пастырь добрый». И еще: «Прійдите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ. Возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ; и найдете покой душамъ вашимъ». Толпа встрепенулась, услышавъ то, чего доселѣ не слышала. Еще никто никогда не говорилъ такъ ей. Да, она трудилась и обременена. Она давно хочетъ успокоенія. Она всегда искала покоя душѣ своей и что же? только больше озлоблялась. И вотъ повѣяло теперь на нее чѣмъ-то новымъ, освѣжающимъ, бодрымъ. И умиленная толпа сказала: «Успокой насъ, Ты, Который говоришь: *«не сотвори себѣ кумира!»*» И все тотъ же кроткій голосъ отозвался, чудилось,

изъ сада: «Я успокою васъ. Я дамъ покой душамъ вашимъ. За какими только вождями не шли вы и всегда только обманывались. Пойдемте со Мною».—«Пойдемъ за Нимъ!» грянула толпа. А голосъ сказалъ: «идите со Мною, и, если не оставите Меня, войдете въ благоухающій садъ вѣчнаго блаженства». Толпа взяла на плечи доску съ изображеніемъ Распятаго І. Н. Ц. І. и бодро пошла въ каменистый корридоръ. И властно брызнулъ разсвѣтъ. И пропала тьма.

Павелъ Россіевъ.

ПИСЬМА О. АМВРОСІЯ

къ помѣщику И.

1875 г. 11 апрѣля.

Вы пишете, что стали унывать и малодушествовать отъ неуспѣха и неудачи въ хозяйственныхъ дѣлахъ. Какія бы неудачи ни были у насъ въ тѣхъ или другихъ дѣлахъ, унывать не должно, а слѣдуетъ дѣла свои продолжать тѣмъ порядкомъ, какимъ будете находить удобнѣе. Касательно неуспѣха и неудачи въ дѣлахъ нашихъ могутъ быть многія и разныя причины.

1. Хотя вы, какъ пишете, и съ благословенія начали перестройку скотнаго и коннаго двора, но, можетъ быть, въ этомъ случаѣ не слишкомъ экономно, а затѣйливо дѣло вели. Также и въ покупкѣ лошадей, можетъ быть, была какая-нибудь неосмотрительность и ошибка.

2. Положимъ, что вы въ первомъ случаѣ, можетъ быть, и поступили, какъ слѣдуетъ. Но, вѣдь, вы христіанинъ, ищущій спасенія вѣчнаго и желающій наследовать царствіе небесное. А въ словѣ Божіемъ сказано, что многими скорбями подобаешь намъ внити въ царствіе небесное. Поэтому нисколько не должно удивляться, не говорю уже унывать и малодушествовать, когда посѣщаютъ насъ различныя скорби и въ предположенныхъ намѣреніяхъ различныя препятствія и неудачи.

3. Вы пишете, что желали бы для воспитанія дѣтей приготовить средства, но вмѣсто этого нажили немало-важный долгъ, отъ котораго не предвидится скорого изба-

вленія, такъ какъ наемъ рабочихъ теперь сталъ очень дорогъ.

Повторяю вамъ: производите дѣла ваши съ упованіемъ на милость и помощь Божію, какіе бы перевороты ни были въ обработкѣ земли.—Силень Господь помочь вамъ и въ уплатѣ долга, и въ воспитаніи дѣтей. Только не совѣтую воспитывать дѣтей, особенно дѣвочекъ, по требованіямъ настоящаго времени. Полезнѣе для нихъ быть не образованными по свѣтски и жить въ скудости, нежели быть гувернантками въ чужихъ домахъ съ потерей всего христіанскаго. Поэтому болѣе заботьтесь о томъ, чтобы дать дѣтямъ религіозное воспитаніе, а не о томъ, чтобы оставить имъ большое или небольшое богатство.—Не вотще сказано въ писаніи: неразумному сыну не въ помощь отеческое богатство.

Также и N. N. не совѣтую унывать въ своихъ семейныхъ обстоятельствахъ. Силень Господь привести все къ полезному концу. Только не должно забывать евангельскаго совѣта Самого Господа: «нудится царствіе Божіе, и нуждницы восхищаютъ оное».

1876 г. 24 января.

Податель сего письма чиновникъ, чрезъ винопитіе потерявшій свою должность. Но вотъ уже 8-й мѣсяцъ совсѣмъ не пьетъ и общается и впредь не пьетъ. Человѣкъ онъ, какъ видно, способный; по письму видно, пишетъ правильно. Неудобно ли будетъ вамъ оказать ему милость, взять къ себѣ его хоть на пробу въ письмоводители, какимъ окажется; или въ другомъ мѣстѣ помѣстить его съ тою же оговоркою. Человѣку, въ крайности находящемуся, оказать помощь слѣдуетъ. А если самъ неисправенъ будетъ, тогда самъ виноватъ и будетъ.

(Приписка) «нечаянно закапалъ или залилъ. Толкуйте, какъ знаете» (чернильная капля).

2 февраля.

«М. вамъ полечить медицинскими средствами можно. Только это едва ли ему поможетъ, потому что здѣсь духовныя причины. Первая, что онъ принялъ неправую сторону матери, а потому неправильно смущался. И думаю, что онъ за это подвергся наказанію. А, можетъ быть, есть еще одна или и двѣ причины духовныя, о которыхъ думать можно, а писать неудобно. И потому для него всего лучше чистосердечная исповѣдь и вразумленіе духовное».

Скорбныя искушенія во всякомъ случаѣ полезны. — Сказано въ псалмахъ: «Егда убиваше я, тогда взыскаху Его и обращахуся, и утреневаху къ Богу».

1881 г. 19 декабря.

Поздравляю васъ съ должностію и сердечно желаю вамъ достоительно проходить эту должность. — А чтобы достоительно руководить другихъ, слѣдуетъ самимъ руководиться правилами закона духовнаго. Выписываю вамъ главное изъ этихъ правилъ, написанное преп. Маркомъ подвижникомъ, который говоритъ: «егда разрѣшити хочещи вещь неудобопостигаемую, ищи о ней, что Богови угодно, и обрящещи рѣшеніе тоя полезное» (гл. 195 о мянущихся отъ дѣлъ оправдаться). По этому правилу должно провѣрять всѣ опытыя свѣдѣнія человѣческія, которыя нисколько не опровергаются, если согласны будутъ съ волею Божию. — Правило это болѣе относится къ тому случаю, когда будетъ намъ нужно дѣйствовать въ отношеніи другихъ. Собственно же для насъ самихъ преп. Маркъ предписываетъ другое болѣе глубокое правило: «не покушайся вещь неудобну разрѣшити любопреніемъ, но ими же законъ духовный повелѣваетъ, сирѣчь терпѣніемъ и молитвою, и единомысленною надеждою, и паки: во всякомъ твоёмъ начинаніи да предначинаетъ тебѣ Богъ, предначинающій всякое благо, яко да по Бозѣ будетъ подлежащее дѣло» (прав. 5 и 12 о законѣ духовномъ).

1884 г. 27 іюля.

Я вызывалъ Л-ву и узналъ, что она говорить по-французски, но не въ такомъ совершенствѣ, какъ бы мнѣ хотѣлось и какъ требуется въ домѣ X. Я далъ ей 5 р. на дорогу, и она отправилась назадъ въ свое мѣсто, а остальные 20 послалъ въ Брянскъ бѣдному семейному сивельщику, который хотѣлъ лишиться себя жизни, потому что нечѣмъ пропитывать большое семейство, и, кромѣ того, описано послѣднее имущество за долгъ...

Благожелательно привѣтствую о Господѣ N. N. и ...алію, чтобы мы поменьше думали объ Италиі. Хотя и кажется, что на чужой сторонѣ хорошо, но дома лучше.

1886 г. 3 февраля.

Пишете, что вы намѣрены купить 1500 четв. ржи, чтобы весною продать дороже. Но обыкновенно въ концѣ января и въ началѣ февраля обозначается годовая цѣна на хлѣбъ, и потому не знаю, будетъ ли выгодно покупать теперь хлѣбъ для будущей продажи; впрочемъ, сообразите сами, какъ лучше. А касательно собственнаго хлѣба, если нужны деньги, можно продавать и теперь по потребности, а остальной послѣ. Мужикамъ можете по прежнему отдавать хлѣбъ, когда они оказывались вѣрными.

Касательно N. можете поступить такъ, какъ намѣрены, т.-е. объяснить женѣ завлекателя, и нельзя ли какъ сократить частое посѣщеніе.

Замѣтно, что должность вовлекаетъ васъ въ излишніе непомѣрные расходы; чтобы не впасть въ непосильные долги, по времени, по усмотрѣнію, можно и отказаться, а то долги хуже грѣховъ: въ грѣхахъ покается человѣкъ, и Богъ да простить, а за долги будутъ истязывать не только въ настоящей, но и въ будущей жизни, отъ чего да избавить Господь.

18 февраля.

Письмо ваше отъ 13 февраля получилъ, въ которомъ объясняете, что мое письмо васъ смутило.

Я писалъ вамъ условно, что ежели должность вводить васъ въ большіе расходы, за которыми слѣдуютъ неоплатные долги, какъ говорила мнѣ ваша супруга; но какъ вы въ послѣднемъ письмѣ дѣло это объяснили совсѣмъ иначе, то и не слѣдуетъ оставлять должности... Надѣясь на помощь Божію, можете продолжать ратовать по прежнему, такъ какъ сказано въ писаніи: правда избавляетъ и отъ смерти. Въ этомъ ратованіи не слѣдуетъ презирать и челоуѣческой помощи: можете двухъ знакомыхъ своихъ просить, чтобы писали за васъ въ Петербургъ и просили тамъ, кого могутъ. А при случаѣ можете иногда говорить и врагамъ своимъ, что я лично могу объяснить самому Императору правое дѣло и ваши несправедливыя придирки; впрочемъ, это оставляю на ваше благоусмотрѣніе.— Если бы за правое дѣло пришлось Бога ради и пострадать, то отъ этого отрекаться не слѣдуетъ.—Мы живемъ для будущей жизни и для будущей славы, а не для настоящей.

О N-ѣ вкратцѣ скажу, что для нея лучшаго исхода и придумать нельзя.

1886 г. 11 іюля.

Пишете, что N. по какой-то причинѣ ничего не говорилъ самому министру о губернаторѣ, а только товарищу его и дѣлопроизводителю. — Нѣкоторые совѣтуютъ вамъ ѣхать въ Петербургъ и лично все объяснить министру, а ваше сердце преклоняется болѣе на то, чтобы оставить это дѣло на волю Божію. И я съ вашимъ мнѣніемъ согласенъ; только не совѣтую самимъ вамъ отказываться отъ должности, хотя и заявляли вы нѣкогда, что или губернатору, или вамъ — не служить. — Мало ли что говорится по какому-либо случаю, а дѣйствовать нужно, со-

образивъ всѣ обстоятельства. Думаю, слѣдуетъ вамъ поступить такъ: если въ декабрѣ опять выберутъ васъ на настоящую должность, то не отказывайтесь, а лучше съѣздите къ губернатору и объяснитесь съ нимъ, что ежели онъ будетъ поступать съ вами по прежнему, какъ поступалъ, то вамъ необходимо будетъ поѣхать къ министру и лично все объяснить. Можетъ быть, будетъ успѣхъ къ лучшему обращенію съ вами губернатора. Если же, поущеніемъ Божиимъ, губернаторъ останется въ прежнемъ положеніи и расположеніи, не измѣнится къ вамъ, и товарищи ваши не поддержать васъ, а устроить увольненіе ваше, тогда исполнятся на васъ евангельскія слова: блаженіи изгнани правды ради... Но почему-то думается, что губернатора или уволятъ, или переведутъ въ другое мѣсто. — На дняхъ была въ Оптинѣ полковница изъ Варшавы. Мужъ ея былъ въ подобномъ положеніи вашему и по этой причинѣ перешелъ въ другое мѣсто, хотя въ Варшавѣ и служить ему было хорошо. — Какъ только полковникъ перемѣнилъ мѣсто, вскорѣ и начальника этого смѣнили. А жена полковника очень сожалѣетъ о своей перемѣнѣ. — Разумѣется, нужно только погрозить губернатору поѣздкою въ Петербургъ, а послѣ, какъ дѣло уважетъ — ѣхать или не ѣхать.

Касательно N-ы вы хорошо разсудили: если она не согласится жить при монастырѣ, а возымѣетъ желаніе оставаться съ мужемъ, то пусть живетъ на свои средства, какъ знаетъ. Когда поѣдете въъ, поговорите съ ней и разсмотрите ея положеніе и расположеніе и согласно тому поступите.

1886 г. 13 сентября.

Касательно N-ы слова наши переданы вѣрно, что съ о. А. совѣтовали вамъ пострадать ее монастыремъ, чтобы удержать отъ попытки возвратиться въ родительскій домъ по извѣстной причинѣ. Слава Богу, что N-а осталась въѣ жить съ мужемъ, хотя и въ нуждѣ; но до-

вольство и изобиліе портятъ людей. — Отъ жиру, по по-
словицѣ, и животныя бѣсятся.

Касательно покупки хлѣба можете распорядиться такъ,
какъ предполагаете, только не паче мѣры, а въ мѣру; мнѣ
объ этомъ и О. писала, но по словамъ ея я остерегся
давать вамъ совѣтъ, чтобы какъ прежде не вышло какого-
либо недоразумѣнія.

1887 г. 14 марта.

Пишете, что служебныя дѣла находятся въ такомъ же
положеніи: губернатора не смѣняютъ, а онъ продолжаетъ
смотрѣть сквозь пальцы на бунтующихъ крестьянъ, и въ
новомъ N. N. не замѣчаете для себя поддержки. Поэтому
можете и одни по прежнему дѣйствовать, какъ вырази-
лись вы Г. Ш.—Есть старинная мудрая поговорка: смѣ-
лымъ Богъ владѣетъ. Поэтому, когда нужно и что нужно,
пишите министрамъ, тому или другому. За это въ Сибирь
не сошлютъ, а если выйдетъ какая непріятность и скорбь,
съ Божіею помощію потерпимъ, а между тѣмъ рано или
поздно мѣра долготерпѣнія Божія исполнится; кого нужно,
проводятъ съ повышеніемъ или пониженіемъ.

1887 г. 12 апрѣля.

Пишете, во-первыхъ, о продолженіи борьбы съ противо-
дѣйствующими (вамъ). Хотя многіе дѣйствія ваши и
одобряютъ, но никто помогать вамъ не хочетъ, и потому
приходится вамъ одному вести эту борьбу.—Но не уны-
вайте.—Силевъ Господь подать вамъ Свою помощь. Еже-
дневно читаются на вечерни псаломскія слова пророка
Давида: падуть во мрежу свою грѣшницы; единъ есмь
азъ, дондеже преиду. — Поэтому ничто же сумняся, ничто
же бояся, пишите министру, что потребно, прилагая въ
доказательство документы, въ надеждѣ, что примется что-
нибудь и въ резонъ и сколько-нибудь подѣйствуетъ. — А
если-бы попущевіемъ Божіимъ и противной стороною при-

плось превозмочь, то ничего вамъ больше не будетъ, какъ велять только оставить службу; впрочемъ, и этого не надѣюсь.—Вы же во всякомъ случаѣ исполните свой долгъ предъ Богомъ.

Вы предполагаете для двухъ дѣтей взять какую-то швейцарку-француженку. — Не знаю, почему къ этой француженкѣ не располагается мое сердце.—Можетъ быть, потому, что пришлось мнѣ слышать, что француженки научали дѣтей неподобающимъ вещамъ.—Во всякомъ случаѣ сдѣлайте поискуснѣе дознаніе, при какихъ дѣтяхъ эта француженка жила и не оказала ли на этихъ дѣтей какого-либо нехорошаго признака. Вѣроятно, до іюля мѣсяца вы не рѣшитесь ее взять, т.-е. до личнаго свиданія. А въ это время не найдется ли другая гувернантка, хотя и не француженка, но болѣе несомнительная и приличная къ дѣлу. Ради одного французскаго языка нерасчетливо, по многимъ причинамъ, имѣть гувернантку.

Безъ числа.

Письмо ваше получилъ. Очень радъ, что послѣдовало нѣкое одолѣніе, хотя еще и несовершенное. Но довольно и того, что уже многіе оцѣнили вашу ретивую ревность касательно справедливаго отстаиванія своихъ правъ предъ властями. И сидящіе теперь въ острогѣ за самоуправство заставляютъ другихъ быть осторожнѣе—не дѣлать подобнаго.

Вы спрашиваете меня: не послать ли министру добавленіе о возмутительномъ запросѣ (по какому случаю былъ арестованъ на семь дней староста, допустившій или не удержавшій мужиковъ отъ самоуправства)?

Ежели доселѣ не уяснилось и не обозначилось, что главному виновнику, поддерживающему безпорядки, доселѣ нѣтъ никакого запрещенія или слуха о перемѣнѣ, то не мѣшаетъ послать добавленіе къ прежней докладной запискѣ о явномъ поддержаніи безпорядковъ извѣстнымъ лицомъ.

Если-бы кто нашелся, могущій довести до свѣдѣнія но-

ваго министра юстиціи о такихъ судахъ, то это много бы помогло правому дѣлу. Да и по Божьему суду неправда совершеннаго успѣха имѣть не можетъ.—Сказано въ псалмахъ: солга неправда себѣ.—Зло всегда забѣгаетъ впередъ, только не одолеваетъ. — Каинъ родился прежде Авеля и Исавъ прежде Иакова, но старшіе не только не имѣли успѣха, а и погибли. Сказано въ псалмахъ: правда Божія, яко горы Божіи, и правда человѣческая видна не какъ горы, но какъ холмики.

Помози вамъ Господи подвизаться, на сколько успѣете.—Желательно знать, какъ рѣшить судъ о самоуправщикахъ, и будетъ ли какая наклейка поддерживающимъ безпорядки?

1888 г. 27 апрѣля.

Въ письмѣ вашемъ объясняете, что вамъ предлагаютъ купить землю, находящуюся рядомъ съ вашимъ N имѣніемъ.—Цѣна въ настоящее время хотя и не дешевая, 120 р. за десятину, но пишете, что качество земли очень хорошее, и главное удобство, что все это имѣніе можетъ быть подъ однимъ управленіемъ, да и землю разбираютъ мужики за хорошую цѣну—12 р. за десятину подъ яровое.—Если находите для себя выгоднымъ и удобнымъ, то Богъ благословить не упускать этого имѣнія.

Пишете, что наконецъ N. губернатора уволили въ отставку.—Значить, что ваше, съ помощію Божіею, хоть не скоро, а взяло верхъ.—Спрашиваете, какъ вамъ обходиться съ новымъ губернаторомъ, который отдалъ вамъ визитъ и просидѣлъ у васъ дольше, чѣмъ вы у него?—Вы объясняйте ему бывшія обстоятельства при прежнемъ правленіи, не указывая прямо на губернатора бывшаго, а выражайтесь—«при бывшемъ правленіи», что становыхъ били мужики, и это оставалось безнаказаннымъ и подобныя бывшія вещи, какъ самоуправно косили чужія луга и прочее.—Ежели онъ, по вашимъ словамъ, дѣйствительно дѣльный человѣкъ, то думаю вашему взгляду на вещи

противодѣйствовать не будетъ. Впрочемъ, онъ прежде долженъ всматриваться во все и во всѣхъ и тогда уже дѣйствовать.—Какъ бы то ни было, а вы всегда держались правой стороны, съ помощію Божіею и продолжайте держаться оной, только поискуснѣй.—Сказано негдѣ: правда избавляетъ отъ смерти; хотя за правду Крестителю Господню и голову отрубили, но это не лишило его почитанія выше всѣхъ.

Сообщено изъ Оптиной пустыни.

ИЗЪ УРОКОВЪ ПО ГОМИЛЕТИКѢ.

I.

Возлюбленные юноши-питомцы, будущіе служители Божьяго алтаря!

Съ переходомъ въ настоящій—пятый—классъ семинаріи закончилось ваше такъ называемое гуманитарное или классическое образованіе; пройдены курсы общеобразовательныхъ наукъ; теперь вы приступаете къ изученію цѣлой группы богословскихъ дисциплинъ, имѣющихъ своею цѣлью сформировать каждаго изъ васъ не въ ратора, классика или философа, вообще въ любителя какой-либо изъ свѣтскихъ наукъ, но въ богослова-мыслителя, который могъ бы каждому вопрошающему дать отвѣтъ о его религіозномъ ученіи. Правда, религіозный элементъ довольно видную роль игралъ въ вашемъ образованіи и ранѣе, такъ — вы должны были доселѣ изучить священныя книги ветхаго завѣта и общую церковную исторію по довольно обширной программѣ, но тогда полагалось только начало вашего богословскаго образованія,—здѣсь же, т.-е. въ пятомъ, затѣмъ въ шестомъ классѣ семинаріи, лежитъ самое существо его. Въ этихъ двухъ классахъ семинаріи свѣтскій элементъ въ образованіи почти исчезаетъ, преобладающее же мѣсто отведено религіозно-церковному, иначе богословскому. Здѣсь вы встрѣтитесь съ длинною серіею всевозможныхъ богословій, помимо Священнаго Писанія новаго завѣта и исторіи отечественной церкви, и всѣ онѣ имѣють цѣлью шире, полнѣе и всестороннѣе по-

казать вашему умственному оку одну и ту же религиозную истину, глубже заложить ее въ ваше сердце, возродить и укрѣпить въ вашей волѣ то настроеніе, какое долженъ питать въ себѣ добрый пастырь церкви. Къ этимъ богословскимъ наукамъ принадлежитъ и гомилетика, нашими предками названная собесѣдовательнымъ богословіемъ.

Предупреждаемъ васъ, что первое знакомство съ каждою научною дисциплиною происходитъ медленно, исподволь и съ не малыми затрудненіями. Это говоритъ о томъ, что рѣшеніе обычныхъ вопросовъ начальныхъ страницъ науки, какъ-то: о предметѣ и характерѣ науки, отличіи ея отъ другихъ, ей родственныхъ, дисциплинъ, о ея методахъ и существѣ и т. п., имѣеть важное значеніе для начинающихъ изучать ее. Ясное и точное усвоеніе этихъ вопросовъ сообщаетъ изучающимъ ясное представленіе о содержимомъ науки, организациі ея понятій и предѣлахъ ея изслѣдованій. Поэтому мы съ вами начнемъ знакомиться съ гомилетикою по принятому плану вводныхъ частей науки. Правильное рѣшеніе гомилетическихъ вопросовъ для насъ съ вами, судя по духу нашего времени, имѣеть особенно важное значеніе.

Никакая богословская наука академическаго или семинарскаго курса не подверглась столь ожесточеннымъ, но далеко не всегда справедливымъ, нападкамъ нашихъ современниковъ, какъ гомилетика. Критика трепала и доселѣ треплетъ ее безъ милосердія. Печатная и устная рѣчь многихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ вооружена противъ нашей науки; мы, напр., лично слышали на нашемъ «могилевскомъ проспектѣ», какъ и съ какимъ презрѣніемъ громко отзывался о «какой-то семинарской гомилетикѣ» одинъ мѣстный интеллигентъ... Въ ней, между прочимъ, видятъ больное мѣсто семинарскаго образованія и въ справедливомъ, но безсильномъ, стремленіи улучшить это образованіе съ особенною силою свое негодованіе сосредоточиваютъ на гомилетикѣ. Но, по обыкновенію, страсти увлекли за предѣлы должнаго, и появилось на нашу

науку два взгляда: съ уступкою и безъ уступки, но оба по существу одинаковые. По одному — гомилетику надо слить съ литературою и, увеличивъ количество уроковъ по послѣдней, расширить отдѣлъ объ ораторскомъ искусствѣ подробнымъ изученіемъ образцовъ духовнаго краснорѣчія; по другому — отнять у гомилетики право на дальнѣйшее существованіе, считать ее анахронизмомъ, пережиткомъ, печальнымъ наслѣдствомъ отъ предковъ, существовавшимъ такъ долго, благодаря ихъ суевѣрію и невѣжеству. Говоримъ, что оба взгляда по существу сходны, такъ какъ лицають гомилетику, какъ школьную умственную дисциплину, самостоятельнаго значенія, и защитники этихъ взглядовъ творять въ отношеніи къ нашей наукѣ грѣхъ противъ восьмой заповѣди.

Но гдѣ же скрываются причины этихъ взглядовъ? По какимъ даннымъ наши современники пришли къ такому печальному заключенію относительно гомилетики? Причинъ этого, думается намъ, очень много; ихъ надо искать въ жизни свѣтскаго и духовнаго общества, въ организаціи нашей духовной школы, въ преподающихъ и изучающихъ науку, въ ея программахъ и т. д., и т. д. и, наконецъ, въ самой наукѣ, какъ она была понимаема доселѣ. Мы начнемъ свое разсужденіе съ этой послѣдней причины.

Правильное и точное понятіе о наукѣ находится въ зависимости отъ отчетливаго, яснаго представленія о ея предметѣ и методахъ ея изслѣдованія. Тѣсная связь перваго со вторымъ и генетическое родство между ними безспорны и сами по себѣ очевидны. Но, къ сожалѣнію, этого безспорнаго и очевиднаго не достаетъ нашей наукѣ. Въ курсахъ ея не находимъ опредѣленныхъ указаній на предметъ ея, не находимъ и точныхъ понятій о ней. Для примѣра сошлемся на имѣющіяся у васъ подъ руками «гомилетику» прот. Фаворова и хрестоматію священника Поторжинскаго ¹⁾. Въ той и другой отсутствуетъ указаніе на пред-

¹⁾ Образцы русской церковной проповѣди XIX вѣка. Въ концѣ книги находится приложеніе— „Краткая гомилетика“—1895 г.

метъ науки, а понятіе о гомилетикѣ сообщается слѣдующее—у Фаворова: «наука, излагающая правила церковнаго собесѣдованія и руководствующая къ успѣшному прохожденію служенія проповѣдническаго, называется гомилетикою (отъ греческаго слова *ὁμιλεῖν*, что значитъ вести домашній разговоръ и публично предлагать ученіе въ духѣ и тонѣ добраго собесѣдованія)» ²⁾,—у Поторжинскаго: «гомилетикою называется руководство къ успѣшнѣйшему прохожденію проповѣдническаго служенія пастыря церкви», стр. 692. Какъ видите, то и другое опредѣленіе—вербальное, не дающее никакого реальнаго представленія о наукѣ.

Но, относясь скептически къ подручнымъ руководствамъ, вы недовѣрчиво взглянете и на приведенныя два мѣста, думая про себя: «нѣтъ въ нашихъ учебникахъ, есть въ другихъ пособіяхъ». Хорошо, если бы дѣло обстоило такъ; къ сожалѣнію оно обстоитъ совершенно иначе. Возьмите на себя трудъ прослѣдить хотя бы краткую исторію гомилетики, и вы увидите, что до времени блаженнаго Августина, т. е. почти до 5-го вѣка, гомилетики, какъ науки, не существовало; съ 5-го же вѣка нѣкоторые отцы церкви (блаженный Августинъ, Григорій Двоесловъ), съ цѣлью облегчить тяжелый трудъ древняго проповѣдника, дали въ своихъ сочиненіяхъ нѣсколько гомилетическихъ совѣтовъ практическаго характера; но, разумѣтся, эти совѣты не составляютъ науки, а служатъ только начальнымъ историческимъ матеріаломъ для нея, и искать въ нихъ рѣшенія затронутыхъ нами вопросовъ мы не можемъ. Средніе вѣка для нашей науки прошли безслѣдно. Съ конца XVII вѣка исторія гомилетики раздѣлилась на западную и восточную; относимъ къ послѣдней и русскую. Западные умы придали научный характеръ гомилетикѣ путемъ примѣненія риторическихъ правилъ свѣтскаго ораторскаго искусства къ церковной проповѣди, т. е. давно

сдѣлали гораздо рѣшительнѣе и прямолинейнѣе то, что нерѣшительно предлагаютъ сдѣлать у насъ защитники мнѣнія: обратить гомилетику въ главу русской литературы. Но потому-то на западѣ церковная проповѣдь многое утратила изъ своего библейскаго и святоотческаго характера, сдѣлавшись полу-духовною — полу-свѣтскою рѣчью.

На востокѣ же, т.-е. въ Византіи, гомилетика попрежнему осталась достояніемъ практической стороны пастырскаго служенія и не приняла на себя никакого теоретическаго облика. — У насъ, въ Россіи, въ дѣлѣ научной разработки гомилетики сдѣлано самостоятельнаго, по обыкновенію, очень мало, такъ мало, что любознательный изъ васъ можетъ остановиться съ нѣкоторою пользою для себя только на одномъ гомилетическомъ трудѣ — проф. Амфи-театрова: «Чтенія о церковной словесности, или гомилетики» — неоконченномъ, неполномъ и отчасти уже устарѣвшемъ. — Такимъ образомъ, справка изъ исторіи гомилетики, какъ видите, не оправдываетъ вашего скептицизма и приводитъ къ слѣдующимъ неутѣшительнымъ выводамъ: 1) несмотря на то, что гомилетическая дѣятельность началась въ церкви одновременно съ самою церковью, однако ея научнаго освѣщенія нѣтъ до сего времени; отсюда 2) насколько стара эта дѣятельность, настолько юна и несовершенна гомилетика, какъ наука. — Но какъ во всякой молодой и особенно несовершенной теоріи существуютъ недочеты, вродѣ, напр., неполноты въ сужденіяхъ о главномъ предметѣ, отсутствія определенности во взглядахъ на него и точности въ методахъ изслѣдованія его, — это своего рода туманныя пятна въ наукѣ, — такъ и въ гомилетикѣ имѣется очень много неустойчиваго, спорнаго и не договореннаго. Этимъ и слѣдуетъ объяснить, почему мы не находимъ въ нашей наукѣ точнаго логическаго опредѣленія ея, а также ясно выраженнаго указанія на ея предметъ. Слѣдовательно, поставленные выше на очередь два вводныхъ въ науку вопроса остаются безъ отвѣта.

По нашему мнѣнію, несознанность предмета гомилетики и отсутствіе логическаго ея опредѣленія послужили ближайшими причинами прекращенія прогрессивнаго развитія этой науки, ея омертвенія. Омертвеніе гомилетики явилось слѣдствіемъ упадка умственнаго интереса къ ней со стороны школы и ученыхъ, слѣдствіемъ, въ свою очередь явившимся достойнымъ плодомъ крайняго пониженія духовно-просвѣтительной дѣятельности въ церкви, пониженія церковнаго учительства, пастырскаго проповѣдыванія слова Божія. Примѣтивъ равнодушіе духовенства и свѣтскихъ людей къ гомилетической дѣятельности церкви, школа и богословы съ своей стороны охладѣли къ ней, переставъ освѣщать ее научно. Такъ общественная жизнь отражается на школѣ, а умственные интересы среды на ея ученыхъ труженикахъ. Съ этими мыслями мы подходимъ къ другой важнѣйшей причинѣ холоднаго отношенія къ гомилетикѣ, лежащей въ жизни свѣтскаго и духовнаго общества.

Наилучшая пора гомилетической дѣятельности церкви закончилась вселенскими соборами; послѣ этого начался упадокъ ея, который продолжается и въ настоящее время. Подробно указывать причины этого упадка въ нашу программу не входитъ, но для насъ бѣльшій интересъ имѣеть знать отличительныя его особенности.

Постепенный распадъ государственной жизни Византійской имперіи, ясно обнаружившійся послѣ вселенскихъ соборовъ, сопровождался въ византійскомъ обществѣ глубокимъ пониженіемъ религіозности и христіанской нравственности. Въ это время жители всей имперіи, но особенно ея столицы Константинополя, безъ раздѣленія ихъ на свѣтскихъ и духовныхъ, приняли живое участіе въ дворцовыхъ интригахъ, политическихъ партіяхъ и социальныхъ клубахъ³⁾. Свѣтская и бѣльшая половина византійскаго общества въ свою очередь раздѣлилась на двѣ, такъ

³⁾ Императоръ Левъ VI Мудрый.—Попова, главы II, V, но особенно XII.

же неравныя, части: меньшую.— аристократическую по происхожденію и бюрократическую по дѣятельности, и ббльшую—плебеевъ, чернь, бѣдноту. По причинѣ отсутствія широкаго христіанскаго просвѣщенія и несформированности школъ чисто христіанскаго характера въ имперіи аристократическая часть византійскаго общества попрежнему получала римско-языческое образованіе и пользовалась римско-языческою культурою, а при возникшихъ нестройностяхъ въ государствѣ погрузившись въ омутъ жизни, оторвалась отъ церкви, утратила вѣру и благочестіе ⁴⁾. Ею духовно-просвѣтительная дѣятельность церкви считалась лишнею, неприятною и какъ бы не существующею... А простой народъ? Но что иное можно сказать о немъ, какъ не то, что онъ всегда и вездѣ холодный, голодный и темный, поэтому безъ разбора средствъ изъ всѣхъ силъ стремится къ теплу, сытости и свѣту. По той же самой причинѣ и въ Византіи на долю простого народа выпалъ жребій алкать и жаждать, изображать евангельскую овцу, искавшую для себя пастыря и не всегда его обрѣтавшую. Само собою должно быть понятнымъ, что невсегдашнее обрѣтеніе добраго пастыря византійцами происходило отъ того, что византійское духовенство въ продолженіе всего разсматриваемаго періода не стояло на подобающей высотѣ ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи. Его ряды заполнялись въ то время людьми, едва знакомыми съ грамотою и съ трудомъ могшими только отправлять богослуженіе, литургисать ⁵⁾. Конечно, среди этого духовенства время отъ времени появлялись люди глубоко образованные, талантливые и искренно преданные своему долгу, но мы говоримъ въ настоящій разъ не о пріятныхъ исключеніяхъ, а объ общей массѣ византійскаго духовенства за разсматриваемое время. А эта масса по своему образованію стояла немногимъ выше невѣжественной черни

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Тамъ же, 258.

и нравственно страдала всѣми пороками свѣтскаго общества. Эта масса византійскаго духовенства то по отсутствію таланта въ ней, то по недостатку образованія, то по матеріальной необезпеченности, то по низкому своему соціальному положенію и т. д., и т. д., вольно и невольно, вѣдомо и невѣдомо уронила гомилетическую дѣятельность церкви, низвела ее на степень второстепеннаго и, изъ существеннѣйшей обязанности превративъ въ дѣло личнаго усердія, сдѣлала ее случайнымъ элементомъ благолѣпія христіанскаго богослуженія. Такимъ образомъ, вѣчную и непреложную послѣднюю заповѣдь Христа «шедше научите вся языки» византійское духовенство пыталось измѣнить въ повременную и несущественную. Такъ произошелъ упадокъ церковнаго учительства въ Византіи, и съ того времени по отсутствію благопріятствовавшихъ условій въ государственной жизни это учительство не поднялось, но отвердѣло въ своемъ приниженномъ положеніи...

Но проходятъ столѣтіе за столѣтіемъ, и Промыслъ Божій, какъ бы въ восполненіе своей церкви, отъ которой впослѣдствіи отдѣлилась западная половина, призываетъ въ ея лоно славянскіе народы, а въ ихъ числѣ и русскихъ.

Съ 988 года Русь «изъ поганой» становится крещеною и, вступивъ въ духовное родство съ Византіею, подпадаетъ подъ полное ея вліяніе, а по дѣламъ церковнымъ и подъ контроль, такъ какъ составила часть византійскаго патріархата. Съ этого времени греческое духовенство явилось у насъ въ роли не только духовныхъ пастырей и руководителей къ вѣчному спасенію, но и въ роли свѣтскихъ администраторовъ и первыхъ пѣстуновъ русской государственной власти. Умственно и нравственно сложившись подъ впечатлѣніями своего отечества, на своей родинѣ, греческое духовенство на русской почвѣ продолжало жить и мыслить по-византійски, вводя въ нашей церкви порядки византійской. Вотъ почему миссіонерская дѣятельность, духовно-просвѣтительная, иначе гомилетическая въ рус-

ской церкви явилась предметомъ очень небольшихъ заботъ нашихъ пастырей изъ грековъ, несмотря на то, что къ ней обязывалъ ихъ варваризмъ нашихъ предковъ. Эта церковная дѣятельность тогда до нѣкоторой степени нашла себѣ пристанище въ нашихъ первоначальныхъ монастыряхъ, аввы которыхъ по долгу руководителей монашескую братію изрѣдка поучали послѣднюю высшимъ христіанскимъ добродѣтелямъ; приходское же духовенство жило византійскими взглядами, т.-е. ограничивалось только совершеніемъ богослуженія. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что не поставленное на зарѣ нашей церковной жизни на должную высоту, или хотя бы сколько-нибудь удовлетворительно, церковное учительство въ дѣйствительности оказалось у насъ въ болѣе печальномъ положеніи, чѣмъ въ Византіи. И такое положеніе его продолжалось во весь долгій до-петровскій періодъ, въ теченіе котораго, кажется, не было ни одной, ясно сознанной, попытки къ его поднятію. Только съ Петра Великаго, повидимому, обстоятельства измѣнились къ лучшему, но это—повидимому; въ дѣйствительности же дѣло продолжало оставаться попрежнему въ неудовлетворительномъ состояніи.

Какъ извѣстно, реформы царя-преобразователя за живое затронули русскую церковь, вскрыли въ ней множество недостатковъ, до сихъ поръ остававшихся не замѣчаемыми. Сюда должно отнести и отсутствіе гомилетической дѣятельности въ церкви. Быть можетъ, вполне справедливымъ будетъ сказать, что царь-работникъ глубже и яснѣе своихъ современниковъ сознавалъ необходимость въ церкви духовно-просвѣтительной пастырской дѣятельности и ея спасительности; но, какъ государственный человекъ и реформаторъ, онъ, вызвавши ее на свѣтъ, старался воспользоваться ею въ цѣляхъ своей новаторской политики или, какъ тогда выражались, «для должной и зѣло тронной потребности». Въ такомъ видѣ церковное учительство оставалось у насъ въ царствованіе дщери Петровой, Елизаветы Петровны и Екатерины II-й. Будучи по мѣсту при-

дворнымъ, по характеру публицистическимъ, церковное проповѣдываніе слова Божія съ большимъ трудомъ распространялось отъ центра къ окраинамъ государства. Этому мѣшали настроеніе духовенства и его образовательныя средства. Образовательный цензъ духовенства за XVIII вѣкъ по старому былъ очень и очень невысокъ. Русское приходское духовенство продолжало оставаться полуграмотнымъ, не могшимъ составлять поученій даже для сельской паствы и по необходимости ограничивавшимъ свою дѣятельность совершеніемъ богослуженія и исправленіемъ церковныхъ требъ. Къ этому замѣшалась закоренѣлая болѣзнь, унаслѣдованная отъ Византіи, т.-е. полное равнодушіе, холодность къ проповѣдыванію въ церкви, неохота серьезно приняться за духовное руководство своими пасомыми, руководство, главнѣйшимъ видомъ котораго служить церковное проповѣдничество. Съ такимъ настроеніемъ русское духовенство вступило въ XIX столѣтіе.

Во второй половинѣ истекшаго столѣтія произошло большое обновленіе духовной школы, съ которымъ образовательныя ресурсы духовенства увеличились. Богословское образованіе стали получать духовные юноши, прошедшіе предварительно опредѣленный курсъ свѣтскихъ наукъ и классическихъ языковъ, т.-е. духовная школа была такою, какою она остается въ настоящее время. Историческая заслуга этой школы состоитъ въ томъ, что она дѣйствительно высоко подняла умственный уровень нашего духовенства, сдѣлала его изъ полуграмотнаго и скуднообразованнаго вполнѣ образованнымъ, знакомымъ съ массою свѣтскихъ наукъ и хорошо изучившимъ богословскія. Ваши дѣды и отцы—это суть настоящіе интеллигенты. По примѣру трехъ Святителей вселенской церкви они, оставаясь серьезными богословами, были знатоками латыни и гречи, а нѣкоторые изъ нихъ и математики. Но сколько отъ этого выиграла гомилетическая дѣятельность церкви? На этотъ вопросъ снова приходится отвѣчать отрицатель-

но. То правда, что наше духовенство умственно возрасло, его интеллектуальныя силы умножились, теперь оно было въ состояніи не только проповѣдывать слово Божіе, но и составлять собственныя поученія, въ которыхъ приходскія нужды должны отражаться выпуклѣе и осязательнѣе, но.. собственныя поученія оно почти не составляетъ, а проповѣдуетъ по готовымъ, изрѣдка, въ часы досуга и съ полнымъ равнодушіемъ къ церковному учительству...

Въ настоящее время пастырское проповѣдываніе составляетъ жгучій вопросъ жизни и литературы. На головы духовныхъ сыплются обвиненія градомъ за то, что не проповѣдуютъ слова Божія, или же за то, что проповѣдуютъ «въ пространство», «безучастно», да еще «по тетрадкѣ». Конечно, вопросъ о тетрадкѣ примѣшался къ этому только въ пылу страсти, а прочее составляетъ, хотя и досадливое, но правдивое обвиненіе.

Прежде всего обвиняютъ наше духовенство въ томъ, что оно не проповѣдуетъ слова Божія. Дѣйствительно, современное проповѣдываніе сосредоточилось въ церковно-административныхъ центрахъ, напр., въ губернскихъ городахъ, гдѣ «страха ради іудейска» предъ архіереемъ чаще слышится пастырскій голосъ съ церковной кафедръ, но гдѣ духовенство съ удовольствіемъ возложило бы этотъ трудъ на семинаріи, якобы ради необходимости полезной практики для семинаристовъ. По уѣзднымъ городамъ проповѣдь въ храмахъ раздается гораздо рѣже, производится безъ системы и вяло; тамъ она составляетъ исключительно дѣло личнаго усердія настоятеля. Сельское же духовенство предпочитаетъ въ этомъ случаѣ полное молчаніе.—Въ картинѣ современнаго положенія церковнаго учительства можно наблюдать своего рода законъ обратной пропорціональности, именно: чѣмъ данная мѣстность ближе къ резиденціи епархіальнаго архіерея, тѣмъ болѣе духовенство его проявляетъ усердія въ проповѣдываніи слова Божія; и обратно: чѣмъ отстоитъ мѣстность дальше отъ нея, тѣмъ рѣже раздается съ церковной кафедръ пастырскій голосъ, — и такъ до полнаго его замиранія...

Проповѣдующее духовенство, какъ видѣли мы, въ свою очередь упрекается за безучастное отношеніе къ жизни пасомыхъ, за равнодушіе къ ихъ духовнымъ запросамъ, за холодность къ наличной дѣйствительности, за пренебреженіе умственными интересами своихъ прихожанъ, короче— за уклоненіе самымъ дѣломъ приняться за благоустройство приходской жизни сообразно современному положенію вещей. Произносимыя имъ проповѣди состояются по школьно-схоластическимъ приѣмамъ; въ нихъ нѣтъ ни живой мысли, ни живого чувства; онѣ не плодъ настроенія пастыря, а продуктъ теоретическаго богословствованія, которымъ занялся проповѣдникъ въ часы досуга...

Да, современные пастырскія «слова, рѣчи и поученія» не отражаютъ въ себѣ бытовыхъ чертъ народной жизни, не могутъ служить характеристикой общественныхъ настроеній, не питаютъ ни мысли, ни воли человѣческой, не оживляютъ и чувства, короче—безжизненны. Вычеркнувъ изъ приведеннаго упрека по адресу проповѣдующаго духовенства все излишне претенціозное, прочее по нашему личному мнѣнію объясняется слѣдующими двумя причинами: 1) тѣмъ, что церковное учительство почему-то у насъ отдѣлено отъ духовнаго руководствованія, для котораго оно служитъ самою сущю, существомъ. Какъ вѣтвь, оторванная отъ своего дерева, не можетъ проявлять жизнеспособности, такъ и церковное учительство безъ духовнаго руководствованія пасомыми становится теоретичнымъ, несоотвѣтствующимъ времени и живымъ людямъ, не имѣетъ практической цѣнности; 2) тѣмъ, что пастырское руководствованіе упало въ нашъ вѣкъ до того, что можно его считать исчезнувшимъ изъ церковной практики, почти несуществующимъ; оно какъ бы замерло въ церкви, а при его отсутствіи пошла кривою дорогою и его душа, церковное учительство.

Однако, въ предупрежденіе обвиненія насъ въ томъ, что будто мы дѣлаемъ упрекъ нашему духовенству — однимъ за молчаніе, другимъ за бесплодное глаголаніе съ церков-

ной кафедры, — спѣшимъ оговориться, что этой цѣли не имѣемъ. Наша задача съ вами другая и болѣе объективная; она состоитъ въ томъ, чтобы составить себѣ наиболѣе ясное и полное представленіе о недостаткахъ пастырскаго дѣланія, въ частности о недостаткахъ церковнаго учительства, — о недостаткахъ, которыхъ вы въ своей будущей пастырской дѣятельности обязуетесь избѣгать. Вѣдь, только такимъ путемъ, т. е. внося въ сознаніе кандидатовъ священства представленіе о недостаткахъ пастырской практики въ прошломъ, можно устранить эти недостатки въ будущемъ; только такимъ путемъ духовная школа можетъ оказать серьезную услугу церкви, а эта послѣдняя освободиться отъ своихъ недуговъ. Другихъ дорогъ, ведущихъ къ этой цѣли, мы не имѣемъ...

Сознаніе недостатковъ современнаго церковнаго проповѣдничества присуще нашему духовенству, какъ это можно заключать изъ того мотива, какимъ духовенство извиняетъ себѣ эти недостатки и который пришлось намъ впервые выслушать въ далекомъ Крыму въ бесѣдѣ съ однимъ священникомъ. Приблизительно онъ говорилъ такимъ образомъ. Духовно-учебный уставъ 1864 года, по сравненію съ предшествовавшимъ ему временемъ, дѣйствительно значительно увеличилъ образовательныя средства духовенства, и потому слѣдовало бы по его введенію ожидать значительнаго подъема духовно-просвѣтительной дѣятельности церкви; но этого не случилось по причинѣ, независимой отъ духовенства. Ближайшимъ слѣдствіемъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и наступившихъ затѣмъ социальныхъ перемѣнъ было быстрое повышеніе общественной жизни; съ этого времени пульсъ ея забился учащенно, и она, какъ цвѣтокъ, начала распускаться скоро и по всѣмъ направленіямъ. Новыя общественныя теченія, новыя формы людскихъ отношеній естественно потребовали отъ людей большихъ умственныхъ усилій и нервнаго напряженія, вслѣдствіе чего въ тѣлесномъ организмѣ ихъ произошли какія-то физиологическія перемѣны,

по которымъ они стали чувствительны иногда до болѣзненности, развился въ нихъ неврозъ, чрезвычайная впечатлительность, а съ тѣмъ вмѣстѣ мнительность и эгоизмъ. Замѣтите, продолжалъ мой собесѣдникъ, что этотъ неврозъ иногда охватывалъ въ приходѣ цѣлое сословіе, и такъ происходило не по городамъ только и густо заселеннымъ мѣстамъ, но и по селамъ и деревнямъ. Слѣдствіемъ всего этого было то, что батюшки, ретивые въ проповѣдничествѣ, за свои нравообличительныя поученія иногда выслушивали отъ болѣе богатыхъ и вліятельныхъ лицъ прихода своего рода выговоры. Чаше это производилось чрезъ посредство дамъ, какъ персонъ болѣе говорливыхъ и защищенныхъ своимъ дамскимъ положеніемъ. Онѣ приносили жалобу батюшкѣ на то, что послѣ такой-то его проповѣди на нихъ указываютъ пальцами вотъ такія-то лица въ приходѣ (упоминаются имена и фамиліи изъ бѣднѣйшаго класса, опустившіяся и испорченныя), говорившія, «что батюшка о нихъ проповѣдывалъ, ихъ грѣхи судилъ и угрожалъ имъ отъ Бога наказаніемъ». Такимъ образомъ, происходило то, что приходскій священникъ, обязанный вносить въ среду своихъ прихожанъ миръ и любовь, на дѣлѣ вносилъ своими проповѣдями раздѣленіе и ссору. Само собою понятнo, что батюшка долженъ былъ это принять къ свѣдѣнію, и пришлось ему чаше—молчать, рѣже—говорить, но «въ пространство», такъ сказать, не въ лице слушателямъ разъяснять правду, а въ пространство надъ ихъ головою. — Не беремса судить о томъ, какое имѣеть этотъ мотивъ практическое значеніе, но, во всякомъ случаѣ, онъ достаточенъ для того, чтобы утверждать, что наше духовенство сознаеть недостатки современнаго церковнаго учительства.

Мало этого. Русское духовенство пессимистически смотритъ на будущее своей духовно просвѣтительной церковной дѣятельности. Намъ неоднократно приходилось выслушивать, что лучшіе моменты этой дѣятельности находятся не въ будущемъ ея, а въ прошломъ, и это по слѣдующей

причинѣ. Въ настоящее время, говорили наши собесѣдники, ростъ народнаго образованія прибываетъ съ важнымъ десятилѣтіемъ, и народныя школы всевозможныхъ типовъ замѣтно прогрессируютъ количественно и качественно. Приходскіе пастыри по обязанностямъ законоучителей принимаютъ въ этихъ школахъ живое и дѣятельное участіе. Благодаря такому положенію вещей, все юное приходское поколѣніе обоюго пола изъ года въ годъ имѣетъ возможность научиться въ школѣ основнымъ истинамъ вѣро-и-нраво-ученія христіанскаго изъ устъ своего приходскаго пастыря. Такъ что чрезъ какіе-нибудь 15 лѣтъ въ приходѣ не будетъ ни одного лица неграмотнаго и незнакомаго съ существомъ христіанской религіи, и тогда пастырская гомилетическая дѣятельность сама собою отступитъ назадъ, устранился и низойдетъ на степень случайнаго благолѣпнаго украшенія православнаго богослуженія.

Нѣкоторые же изъ духовныхъ, но по преимуществу городскіе, указываютъ, какъ на помѣху въ ихъ проповѣднической дѣятельности, еще на сложность пастырскихъ обязанностей, изъ которыхъ многія чисто бюрократическаго характера. Такъ, говорятъ они, пастырь одновременно долженъ быть совершителемъ богослуженія и исправителемъ церковныхъ требъ, духовнымъ руководителемъ своихъ пасомыхъ, общественнымъ дѣятелемъ и государственнымъ агентомъ. На его силы и время, кромѣ духовнаго начальства, очень часто претендуетъ и свѣтское въ лицѣ его многоразличныхъ представителей: въ селѣ — начиная съ урядника, въ городѣ — съ полицейскаго надзирателя. Случается такъ, что священникъ бываетъ цѣлыми днями занятъ физически и умственно однѣми косвенными своими обязанностями и бываетъ не въ состояніи изготвить поученія къ слѣдующему воскресному или праздничному богослуженію. И это случается нерѣдко. Понятно, что при такомъ порядкѣ вещей едва ли можно ожидать улучшенія церковнаго проповѣдничества, заключаютъ они. — Еще

разъ повторяемъ, что не беремса цѣнить эти доводы; но достаточно сказать въ нашихъ цѣляхъ, что въ настоящемъ случаѣ они служатъ лучшимъ показателемъ правильности приведенной нами мысли, что наше духовенство сознаетъ ненормальное положеніе современной духовно-просвѣтительной церковной дѣятельности, сознаетъ слабость пастырскаго учительства въ церкви и не имѣетъ желанія и надежды относительно его улучшенія.

Это пессимистическое настроеніе, этотъ мрачный взглядъ на гомилетическую дѣятельность пастыря явными и тайными путями передаются отъ одного поколѣнія духовнаго сословія къ другому, отъ старшихъ къ младшимъ, отъ дѣдовъ и отцовъ къ внукамъ и дѣтямъ, и этими послѣдними жадно усвояются, приучая ихъ съ дѣтства смотрѣть на первѣйшую пастырскую обязанность какъ на нѣчто второстепенное и малозначущее. Упомянувъ о духовныхъ внукахъ и дѣтяхъ, мы, конечно, разумѣемъ васъ, юнцовъ, — учащееся ювошество. Теперь для васъ должно быть очень понятнымъ, чѣмъ мы, ваши наставники, должны объяснять ваше вялое и небрежное отношеніе къ изученію гомилетики. Проникнувшись указаннымъ настроеніемъ и всосавши въ себя тотъ мрачный взглядъ еще въ родныхъ семьяхъ, вы поступаете въ духовную школу уже съ нерасположеніемъ къ гомилетикѣ, съ нерасположеніемъ, которое затѣмъ усиливается въ васъ одновременно съ вашимъ физическимъ и умственнымъ ростомъ. Такъ одна ненормальность всегда вызываетъ другую.

Свѣтское же русское общество свой пренебрежительный взглядъ на «какую-то семинарскую гомилетику» составило, несомнѣнно, подъ впечатлѣніемъ и со словъ прозелитовъ изъ духовнаго сословія, выходцевъ изъ васъ, окончившихъ и не окончившихъ семинарскаго курса и не всегда справедливо отзывавшихся о той школѣ, которая, кромѣ начального образованія, давала имъ и матеріальныя средства къ существованію и, такимъ образомъ, соединяла просвѣщеніе со всѣми видами благотворительности.

Воспроизводя предъ собою сказанное доселѣ, мы можемъ все это заключить въ слѣдующія краткія положенія.

1) Гомилетика—наука юная и настолько несовершенная, что ея логическаго опредѣленія не существуетъ, а указанія на ея предметъ неопредѣленны и разнорѣчивы. 2) Основною причиною несформированности гомилетики въ науку служитъ многовѣковой упадокъ пастырскаго проповѣдыванія слова Божія въ церкви вмѣстѣ съ упадкомъ духовнаго пастырскаго руководительства. 3) Наше русское духовенство сознаетъ недостатки современнаго церковнаго учительства, и такое сознаніе неблагоприятно отзывается на учащемся духовномъ юношествѣ, которое нерадиво относится къ своей подготовкѣ для будущаго проповѣдыванія въ церкви. 4) Свѣтское общество въ своемъ взглядѣ на нашу науку находится въ зависимости отъ духовнаго.

Намъ приходится свою бесѣду съ вами заканчивать тѣмъ, чѣмъ мы ее начали, т.-е. обращеніемъ къ вамъ, питомцы. Въ силу глубокаго стремленія къ научной истинѣ, особенно обнаруживающагося въ ваши годы, въ сознаніи отвѣтственности предъ школою, а также прошедшими и будущими поколѣніями за уклоненіе отъ посильнаго рѣшенія назрѣвшихъ вопросовъ исторіи церкви и родины; по чувству сыновняго расположенія къ отечественной церкви и, наконецъ, по нравственному долгу—вы обязываетесь въ званіи кандидатовъ священства тщательно, съ усердіемъ и охотою готовиться къ проповѣдыванію слова Божія въ церкви, обязываетесь къ усерднымъ гомилетическимъ занятіямъ вопреки сложившимся традиціямъ. Одни изъ васъ, приготовившись достойнымъ образомъ и потомъ выступивши въ пастырскомъ званіи на церковное поприще, въ силахъ будутъ прямымъ и личнымъ трудомъ содѣйствовать повышенію духовнаго руководствованія и пастырскаго учительства; въ то же время другіе, которымъ Богъ судить продолжать свое образованіе въ высшей духовной школѣ, пусть умственные силы свои посвя-

тятъ на изученіе и разработку гомилетическихъ вопросовъ. Только такимъ путемъ будетъ возможность въ послѣдствіи организовать гомилетику въ богословскую науку, въ умственную дисциплину о нормахъ и принципахъ церковнаго пастырскаго учительства.—На сторонѣ нашего требованія къ вамъ относительно тщательной подготовки къ гомилетической дѣятельности въ церкви находятся и тѣ немногіе оптимисты изъ духовныхъ, которые доселѣ еще не потеряли надежды на улучшеніе пастырскаго проповѣдыванія и съ этою цѣлью предлагаютъ повторить попытку, имѣвшую мѣсто въ Антиохійской церкви въ концѣ IV вѣка. Тамъ при епископской каедрѣ стремились было образовать особый штатъ церковныхъ проповѣдниковъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ пресвитеровъ и чрезъ то отдѣлить церковное учительство отъ остальныхъ двухъ обязанностей пастыря: литургисанія и духовнаго руководства. Въ Антиохіи такимъ первымъ церковнымъ проповѣдникомъ былъ Іоаннъ Златоустъ. — Но эта попытка, какъ искусственная, не привилась къ церковной жизни и не имѣла въ ней долговѣчнаго существованія; поэтому необходимо думать, что она, будучи въ наше время преобразована въ цѣлый проектъ, также едва ли можетъ имѣть другія послѣдствія. Теорія дробленія пастырскихъ обязанностей съ цѣлью врученія каждой изъ нихъ особымъ лицамъ на практикѣ ухудшитъ церковно-приходское дѣло, ибо во главѣ приходской жизни ставить нѣсколько руководителей, не возлагая ни на одного изъ нихъ отвѣтственности за религіозно-нравственное благосостояніе прихода. Однако, для насъ это предложеніе дорого и вотъ почему. Образование въ церкви особаго штата проповѣдниковъ изъ просвѣщенныхъ іереевъ, несомнѣнно, потребуетъ отъ семинаристовъ, какъ кандидатовъ священства, спеціальной подготовки къ проповѣдыванію слова Божія, гораздо большей, чѣмъ какая рекомендуется имъ при современномъ порядкѣ вещей. Во всякомъ случаѣ, это предложеніе указываетъ на то, что лучшіе наши пастыри-проповѣдники ожидаютъ отъ

васъ усилій для подъема гомилетической дѣятельности въ церкви, возлагаютъ на васъ свои радужныя надежды и, такимъ образомъ, не оставляютъ насъ, вашихъ наставниковъ, одиночными въ своихъ требованіяхъ къ вамъ.

Н. Дмитріевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВѢРА ВЪ БОГА.

Нашъ символъ требуетъ отъ насъ *вѣры въ Бога*. Это потому, что мы не можемъ *знать* существа Божія. Сейчасъ я намѣренъ объяснить вамъ, *почему мы должны и какъ должны вѣровать*, и отчего *не можемъ знать* Бога.

Кто такое Богъ? Каковъ Онъ въ существѣ Своемъ? Какъ Его представить? — ничего этого, какъ ни старайтесь, вы никогда не сможете понять своимъ разумомъ; какъ ни усиливайтесь, никакъ не представите своимъ воображеніемъ. Богъ ничего тѣлеснаго и видимаго не имѣетъ: Онъ такое существо, которое дѣйствительно существуетъ, но невидимо,—и такъ невидимо, что Его никому невозможно видѣть. Словомъ, *Богъ существо непостижимое*. Не только мы, люди, не можемъ знать, каковъ Богъ въ существѣ Своемъ, этого и ангелы не знаютъ и знать не могутъ. *Богъ живетъ во свѣтѣ непреступномъ; Его никто изъ человѣковъ не видѣлъ и видѣть не можетъ* (1 Тим. 6, 16). *Божьяго (существа) никто не знаетъ, только Духъ Божій*. Да, Бога невозможно намъ ни глазами видѣть, ни разумомъ постигнуть; мы можемъ только вѣровать въ Него, можемъ только съ вѣрою принимать и знать о Богѣ то, что Онъ Самъ о Себѣ открылъ въ Своемъ Божественномъ Откровеніи или въ Свящ. Писаніи. *Бога никто не видалъ никогда; Единородный Сынъ, суцій въ нѣдрѣ Отчезъ, Онъ явилъ*, т.-е. открылъ Его, говорится въ Евангеліи Іоанна. Что же именно открылъ намъ І. Христосъ или слово Божіе о Богѣ? — Изъ слова Божія мы узнаемъ, что Богъ есть *Духъ, вѣчный, всеблагій, всевѣду-*

щій, всеправедный, всемогущій, вездѣсущій, неизмѣняемый, вседовольный, всеблаженный. Вотъ, такъ сказать, нѣкоторое понятіе о существѣ и существенныхъ свойствахъ Божіихъ, которое открыто намъ Самимъ Богомъ, и которое мы должны принять съ вѣрою. Больше этого намъ знать о Богѣ нельзя, да и не нужно въ настоящей жизни. Въ этомъ откровеніи о Богѣ есть все, чего наша душа желаетъ, и что ей нужно знать о Богѣ.

Итакъ, мы узнаемъ прежде всего изъ слова Божія, что *Богъ есть духъ.* Это сказалъ Самъ І. Христосъ въ бесѣдѣ съ самарянкою (Іоан. 4, 24). Что такое духъ? Этому опять хорошо понять мы не можемъ; но отчасти разумѣть дано намъ. Въ насъ есть душа; хотя ея мы и не видимъ, но всѣмъ своимъ существомъ чувствуемъ и убѣждены, что она дѣйствительно существуетъ. Такъ и Богъ-Духъ есть такое существо, которое хотя невидимо, но существуетъ дѣйствительно; и въ этомъ всѣ убѣждены; только *безумный можетъ говорить, что нѣтъ Бога!* — Наша душа заключена въ тѣлѣ, какъ въ темницѣ; но Богъ-Духъ не имѣетъ тѣлеснаго образа, не имѣетъ плоти и костей, и видѣть Его глазами или познавать Его какими-либо нашими тѣлесными чувствами нельзя; чуетъ Его лишь одна наша душа! Наша душа имѣетъ разумъ, способна приобрѣтать познанія; Богъ есть духъ всевѣдущій, премудрый, все знаетъ, все видитъ. Наша душа своими мыслями, воображеніемъ переносится отъ однихъ знакомыхъ предметовъ къ другимъ, ей извѣстнымъ, не стѣсняясь ни временемъ, ни пространствомъ,—Богъ-Духъ вездѣсущій, вездѣ присутствуетъ во всякое время! Нашей душѣ страшна смерть, въ смыслѣ уничтоженія, и она, по слову Божію, бессмертна, не можетъ уничтожиться; Богъ—Духъ—вѣченъ! Хотя наша душа, такимъ образомъ, есть низшее духовное существо, а Богъ есть духъ высочайшій, однако, какъ видите, она есть нѣкоторый образъ и подобіе Божіе, имѣетъ нѣкоторое, такъ сказать, сродство съ духомъ Божіимъ. Не напрасно поэтому душа наша жаждетъ, ищетъ Бога;

не напрасно въ минуты горькія мы взываемъ къ Нему; не напрасно намъ такъ отрадно къ Нему обращаться! Да, душа наша сама, какъ бы безъ нашего вѣдома, по природному влеченію своему ищетъ Бога, стремится къ Нему: безъ Бога ей невозможно быть, существовать! — Но І. Христось, сказавъ, что Богъ есть Духъ, далъ вмѣстѣ съ этимъ наставленіе, какъ намъ должно обращаться къ Богу, поклоняться, молиться Ему: *Богъ есть духъ, и поклоняющіеся Ему должны поклоняться духомъ и истиною.* Будемъ же кланяться Ему не тѣломъ только, но и духомъ; будемъ молить и славить Его не устами и словами только, но сердцемъ и мыслями. Одни поклоны, безъ участія нашей души, одни слова, безъ сердца и мысли, не доходятъ до Бога. Онъ Самъ съ гнѣвомъ говоритъ о такихъ неистинныхъ поклонникахъ: *приближаются ко Мнѣ люди сіи устами своими, и чтутъ Меня языкомъ, сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня; напрасно чтутъ Меня!* По слову св. прор. Давида истинная жертва Богу—духъ сокрушенъ: *сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ!*

Богъ есть духъ *вѣчный*, какъ говоритъ намъ слово Божіе. Но что такое *вѣчность*? Можемъ ли мы хорошо понять это свойство Божіе? Конечно, нѣтъ. Но отчасти, по нашему, по человѣчески, постараемся уяснить и его, равно какъ и другія свойства Божія, сколько возможно нашему разуму, и поскольку эти свойства раскрыты въ словѣ Божіемъ... Начну съ вѣчности. Все въ мірѣ имѣетъ свое начало; прежде и міра не было: Богъ его сотворилъ. Прежде человѣка не было. Богъ сотворилъ перваго человѣка. Но Богъ *вѣченъ*. Онъ не имѣетъ начала, не будетъ имѣть и конца. Не было времени, когда бы Его не было, и не будетъ времени, когда бы Онъ пересталъ существовать. Онъ всегда былъ, всегда есть и всегда будетъ: словомъ, *Онъ вѣченъ!* *Когда еще не родились горы, и не устроена была земля и вселенная, отъ вѣка и до вѣка Ты — Боже!* (Пс. 89, 2), говоритъ Давидъ. Ангелы воспѣваютъ Господа:

Святъ, святъ, святъ Господь Богъ Вседержитель, Который былъ, есть и грядетъ (будетъ) (Апок. 4, 8). — Богъ не только вѣченъ, но и неизмѣняемъ. Все въ мѣрѣ временно и скоропреходяще, все измѣнчиво и непостоянно. Появляются на землѣ растенія, вырастаютъ, старѣютъ и разрушаются. То же самое происходитъ съ животными и съ человѣкомъ: они рождаются, растутъ, старѣютъ и умираютъ, смѣняемые вновь народившимися и т. д. до окончательной перемѣны всего нашего мѣра. *Древле Ты поставилъ землю, говоритъ Давидъ, обращаясь къ Богу: и небеса—дѣло рукъ Твоихъ. Они погибнутъ, а Ты пребудешь; все они обветшаютъ, какъ риза; какъ одежду, Ты перемѣнишь ихъ, и измѣнятся* (Пс. 101, 26 — 27). Да, все въ мѣрѣ измѣнчиво, непостоянно, непрочно... Премудрый царь Соломонъ, размышляя о земной жизни, пришелъ въ такому убѣжденію: *суета суется,—все суета!* (Екклес. 1, 2). И въ церкви за погребеніемъ читается: *«Какая житейская сладость печали непричастна? Какая слава стоитъ на землѣ непреложно?»* и далѣе говорится: *все подобно тѣни, подобно сну? Гдѣ есть золото и серебро? Гдѣ есть рабовъ множество и молва? Все—прахъ, все пепелъ»*... Наконецъ, самъ человѣкъ непостояненъ въ своихъ дѣйствіяхъ, рѣшеніяхъ, склонностяхъ и дѣлахъ... Такъ все въ мѣрѣ измѣнчиво. Но Богъ, одинъ Богъ, неизмѣняемъ! Каковъ Онъ былъ прежде, таковъ есть теперь, такимъ же будетъ и всегда. Что Онъ имѣетъ теперь, то всегда имѣлъ, и всегда имѣть будетъ. Царь Давидъ, сказавъ о будущемъ измѣненіи неба и земли, добавилъ: *«но Ты, Боже, тотъ же, и мѣта Твоя не оскудѣютъ!»* (Пс. 101, 28). Богъ всегда постояненъ въ Своихъ дѣйствіяхъ и въ Своихъ обѣтованіяхъ. Св. ап. Іаковъ говоритъ: *у Отца святыхъ нѣтъ измѣненія и ни тѣни перемѣны* (Іак. 1, 17). *Богъ не человѣкъ, говоритъ пророкъ Вадаамъ, чтобы Ему мать, и не сынъ человѣческій, чтобы Ему измѣняться. Онъ ли скажетъ, и не сдѣлаетъ; будетъ говорить, и не исполнитъ?* (Числ. 23, 19). Если же все въ мѣрѣ временно и скоропреходяще, а только

одинъ Богъ вѣченъ и неизмѣняемъ, то и не будемъ прилѣпляться душою своею къ землѣ и земнымъ благамъ. Только тогда ничего не потеряемъ и нечего намъ будетъ лишаться, когда всего будемъ искать въ Богѣ и всего будемъ ждать отъ Него одного: Богъ неизмѣняемъ, и намъ никогда не измѣнитъ; напротивъ, земное, мірское, даже человѣкъ—все измѣнчиво и всякую минуту измѣнитъ намъ готово. Живя во времени, мы почти ничего не готовимъ, не приобретаемъ себѣ для вѣчности; нищи, бѣдны добрыми дѣлами, а между тѣмъ душа наша назначена для жизни вѣчной и должна итти къ Богу вѣчному. Будемъ же признавать предъ Богомъ нашу нищету и бѣдность, наши грѣхи и слабости, будемъ заботиться главнымъ образомъ о спасеніи души, о полученіи жизни вѣчной. *Не надѣйтесь ни на князя, ни на сына человеческого, но на Бога надѣйтесь! Блаженъ, говоритъ Давидъ, у кого надежда на Господа Бога, Который вѣчно хранитъ вѣрность, оказываетъ правосудіе обиженнымъ, даетъ хлѣбъ алчущимъ. Господь разрѣшаетъ связанныхъ, отверзаетъ очи слѣпымъ, возставляетъ согбенныхъ. Господь любитъ праведниковъ, хранитъ странниковъ, помогаетъ сиротѣ и вдовицѣ, а путь нечестивыхъ испровергаетъ* (См. Пс. 145, 3—9).

Какъ вѣчный и неизмѣняемый, Богъ иначе и не можетъ относиться къ намъ, если къ Нему единому мы будемъ стремиться и на Него уповать; ибо Онъ вмѣстѣ и Богъ *всевѣдущій*. Онъ знаетъ все: и мысли наши, и намѣренія, и желанія. Мало этого: Богъ не только знаетъ настоящее, Онъ знаетъ, что мы прежде думали и дѣлали, что будемъ думать и дѣлать и впредь; Онъ знаетъ, что думали и дѣлали люди, которые жили до насъ, знаетъ, что будутъ думать и дѣлать люди, которые будутъ послѣ насъ. Такъ дивно всевѣдѣніе Божіе! *Богъ больше сердца нашего и знаетъ все* (1 Іоан. 3, 20). «Онъ весь око, весь слухъ, весь умъ», говоритъ св. Кириллъ Іерусалимскій (Поуч. VI). Отъ Него ни одна мысль не укроется, ни одно слово не утаится. *Все обнажено и открыто предъ очами Его* (Евр.

4, 13). Какимъ же образомъ Богъ такъ можетъ все знать?— Онъ вѣченъ и вездѣсущъ,—оттого все и знаетъ. Мы ясно видимъ то, что у насъ предъ глазами; но у Бога всегда все предъ глазами, потому что Онъ духъ *вездѣсущій*. Нѣтъ мѣста, гдѣ бы Его не было, нѣтъ убѣжища, куда бы можно было отъ Него скрыться. *«Куда уйду отъ духа Твоего и отъ лица Твоего куда убѣгу?»* говоритъ о вездѣприсутствіи Божиёмъ пр. Давидъ. *Взойду ли на небо?—Ты тамъ. Упаду ли во адъ?—Ты тамъ. Понесусь на крыльяхъ зари, перенесусь ли на край моря? И тамъ рука Твоя найдетъ меня, и удержитъ меня десница Твоя. Скажу ли: по крайней мѣрѣ, тѣма скроетъ меня? Но и ночь, какъ свѣтъ, вокругъ меня, и тѣма не затмитъ отъ Тебя; и ночь свѣтла, какъ день; тѣма такъ же, какъ свѣтъ* (Пс. 138, 7—12).

Будемъ же всегда помнить, что Богъ нашъ всевѣдущъ; что всѣ наши мысли и слова, желанія и поступки такъ Ему извѣстны, какъ будто у Него записаны въ книгѣ Его. Ты сказалъ или подумалъ худое—Богу это извѣстно. Ты худое сдѣлалъ или пожелалъ—Богъ и это знаетъ, и вѣчно не забудетъ; забудетъ только тогда, когда ты раскаешься, когда ты слезами сокрушенія изгладишь это изъ памяти Божіей. Какъ же послѣ этого мы должны быть осторожны, чтобы не только не дѣлать ничего нехорошаго, но и въ душѣ не имѣть худыхъ мыслей и желаній, ибо, какъ говоритъ Премудрый Соломонъ, *мерзость Господеви помыслъ неправедный* (Притч. 15, 26). *Горе тѣмъ, которые думаютъ скрыться въ глубину, чтобы замыслъ свой утаить отъ Господа; которые дѣлаютъ дѣла свои во мракъ и говорятъ: кто увидитъ насъ? и кто узнаетъ насъ?* (29, 15). Съ другой стороны, какъ утѣшительно для добрыхъ людей всевѣдѣніе Божіе! Люди не воздають тебѣ должнаго, не цѣнятъ, не хотятъ понять твоихъ добрыхъ дѣлъ, намѣреній и желаній, стараются отнять у тебя доброе имя твое; не безпокойся, твое не пропадетъ, потому что оно все извѣстно Богу, все твое записано въ Его вѣчной памяти. Да, все записано: и вздохъ твой вне-

сень въ книгу Богомъ, и слеза твоя хранится у Бога въ сосудѣ (Пс. 55, 9). Если Богъ, кромѣ того, *вездѣсущъ*, то будемъ стараться и вести себя предъ Нимъ со всею осмотрительностью и благоговѣніемъ. Вѣра въ вездѣприсутствіе Божіе многихъ предохраняла отъ грѣховъ. Когда жена Пентефрія хотѣла склонить праведнаго Іосифа ко грѣху, онъ вспомнилъ о Богѣ и сказалъ ей: *«какъ же сдѣлаю я сіе великое зло и согрѣшу предъ Богомъ?»* (Быт. 39, 9). Вѣра въ вездѣсущаго Бога пусть и насъ удерживаетъ отъ грѣховъ. Эта же вѣра утѣшаетъ насъ и во всѣхъ нашихъ опасностяхъ. Если Богъ вездѣ, то, слѣдовательно, Онъ всегда находится съ нами, гдѣ бы мы ни были, и по своему человеколюбію охраняетъ насъ отъ всякаго зла. Посему и мы вмѣстѣ съ прор. Давидомъ можемъ воскликнуть: *«всегда вижу предъ собою Господа: Онъ одесную Меня; не поколеблюсь* (Пс. 15, 8)! *Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюся? Господь защититель живота моего, кого устрашуся?»* (26, 1).

Вѣрьте: никогда и нигдѣ не оставитъ насъ Господь нашъ, потому что Онъ есть Богъ *всеплакий*. Самъ І. Христосъ сказалъ: *никто не благу, какъ только единъ Богъ* (Мр. 10, 18). *Щедръ и милостивъ Господь, долготерпливъ и многомилостивъ: благу Господь всяческимъ, и щедроты Его на всѣхъ дѣлахъ Его!* (Пс. 145, 8—9). *Богъ, по словамъ Іоанна Богослова, есть весь—любовь* (1 Іоан. 4, 16). Для всѣхъ людей Онъ — Отецъ. *Такъ молитесь, говоритъ І. Христосъ, Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ* (Мѣ. 6, 9). Онъ всегда только готовъ дѣлать то, что можеть сдѣлать насъ счастливыми. Мы согрѣшаемъ; Онъ терпѣливо ждетъ, пока мы покаемся. Мы покаемся; Онъ все забываетъ, любить насъ, какъ будто никогда ничего худого и не дѣлали. И Богъ любить такъ всѣхъ насъ,—мы всѣ у Него равны; на всѣхъ щедроты Его изливаться готовы: *солнце свое сіяетъ на злыя и благія, дождитъ на праведныя и неправедныя!*

Будучи всеблагимъ, Онъ есть Богъ *всемогущій*. Для Него

нѣтъ ничего невозможнаго. *«У Бога не останется бессильнымъ никакое слово»* (Лк. 1, 37), говорилъ арханг. Гавріилъ Пресвят. Дѣвѣ Маріи въ отвѣтъ на вопросъ, какъ Она можетъ родить Сына (нашего Спасителя), когда мужа не знаетъ? (Лк. 1, 34). Богъ пожелаетъ—и исполняется; Онъ скажетъ—и дѣлается. Богъ сказалъ, чтобы былъ этотъ міръ—и міръ явился: *рече—и быша, повелѣ—и создашася* (Пс. 32, 9). Если бы Богъ захотѣлъ, чтобы этого міра не было, — въ минуту его не стало бы, все бы исчезло и обратилось въ прахъ. Такъ могущественна сила Божія, такъ сильна десница Его!

Впрочемъ, при всемъ Своемъ всемогуществѣ, Богъ не дѣлаетъ и не можетъ дѣлать того, что противно правдѣ, правосудію. Такимъ образомъ, Онъ есть существо *всеправедное, правосуднѣйшее*. Онъ всякому воздаетъ по дѣламъ; у Него никому нѣтъ лицепріятія (Рим. 2, 6. 11): за добрыя дѣла всякаго награждаетъ, за худыя никого не щадитъ. *Праведенъ Господь*, говоритъ Давидъ, *«любитъ правду, лице Его видитъ праведника»* (Пс. 10, 7). И доброе наше желаніе не остается у Него безъ награды, и худое слово не проходитъ безъ наказанія; добро и въ грѣшникѣ Онъ награждаетъ, а зло и въ праведникѣ наказываетъ. — Съ такимъ, однако, строгимъ правосудіемъ, какъ же примиряется въ Богѣ Его безграничная любовь, которая только всѣхъ желаетъ сдѣлать счастливыми?—Такъ, какъ можетъ примирять только одинъ Богъ... Мы всѣ грѣшимъ, и всѣ терпимъ за свои грѣхи; но, терпя за грѣхи, мы, по величайшей любви Божіей къ намъ, въ то же время заглаживаемъ ихъ. Да, мы теперь плачемъ, чтобы послѣ радоваться. Мы бѣдствуемъ, чтобы послѣ блаженствовать; мы теряемъ временное, чтобы послѣ пріобрѣсть вѣчное; мы теперь изнуряемся болѣзнями, чтобы послѣ спасеніемъ наслаждаться. *Не хочу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему*, говоритъ Господь. Вообще, всякое наказаніе по благости, милости Божіей къ намъ можетъ служить намъ случаемъ къ награжденію, всякое

несчастіе — приготовленіемъ къ счастью, все худое — къ лучшему. О, *глубина богатства и премудрости, и разума Божія!* (Рим. 11, 33). И мы еще дерзаемъ роптать на свою участь, и мы смѣемъ жаловаться на свои несчастія, и мы можемъ быть недовольны своимъ состояніемъ! О, нѣтъ! мы, значить, совсѣмъ не знаемъ своего Бога, мы, видно, забываемъ, какъ Онъ *благъ и премудръ!* Мы, видно, не хотимъ помнить, что всѣ случающіяся съ нами бѣды Онъ направляетъ къ нашему же добру, самые грѣхи дѣлаеть случаемъ къ освобожденію отъ большихъ грѣховъ, самое наше паденіе — случаемъ къ нашему лучшему возстанію! Будемъ же чаще, будемъ непрестанно помнить, размышлять о благомъ, всемогущемъ, премудромъ Богѣ,—и сердца наши будутъ полны мира и радости! Не будемъ, когда согрѣшаемъ, успокаивать себя мыслию, говоря: «Богъ милосердъ: простить!»; помните: Онъ не только милостивъ, но и правосуденъ; поэтому, по нерадѣнію, *страшно впасть въ руку Божію*; будемъ каяться и заботиться скорѣе объ исправленіи своего поведенія. Если правосудный Господь иногда сейчасъ же не наказываетъ за грѣхъ, то это еще не значить, что «грѣхъ не великъ, Богъ, видно, простилъ меня»; нѣтъ, этимъ долготерпѣніемъ Богъ, по милосердію Своему, побуждаетъ и ожидаетъ, чтобы мы сами каялись. Онъ, какъ учитъ ап. Петръ, *долготерпитъ насъ, не желая, чтобы кто погибъ, но чтобы всѣ пришли къ покаянію* (2 Петр. 3, 9). Наконецъ, страшно оскорблять Всемогущаго своими грѣхами: Онъ можетъ наказать насъ и въ настоящей, и въ будущей жизни, и ничто не спасетъ насъ отъ гнѣва Его, если мы не исправимся, а будемъ творить неудобное Ему.—Не будемъ падать духомъ и среди самыхъ великихъ опасностей, бѣдъ и несчастій, но будемъ обращаться съ молитвою къ всемогущему Богу. Самъ Онъ желаетъ, чтобы мы обращались къ Нему во всѣхъ нашихъ скорбяхъ и нуждахъ: *«Призови Меня въ день бѣдствія, Я избавлю тебя, и ты прославь Меня»*, говорилъ Богъ Давиду. *«Не бойся, ибо Я съ тобою; не смущайся, ибо Я—Богъ*

твой; Я укрѣплю тебя и помогу тебѣ, и поддержу тебя десницею правды Моей» (Исх. 41, 10), говорилъ Онъ еврейскому народу.

Наконецъ, слово Божіе открыло намъ, что Богъ *вседо-воленъ*, т. е., имѣя бытіе въ Самомъ Себѣ, ни отъ кого не зависитъ и ни въ комъ, и ни въ чемъ не имѣетъ нужды. *Богъ не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ, какъ бы имѣющій въ чемъ-либо нужду, Самъ дая всему жизнь и дыханіе, и все* (Дѣян. 17, 25). Если мы все получаемъ отъ Бога и жизнь, и все необходимое для нея, то мы всегда должны быть благодарны Ему, покорны Его святой волѣ; и, принося Ему какіе-либо дары или жертвы съ своей стороны, не должны думать, что они необходимы для Бога, и мы какъ бы одолажаемъ Его. Помните, что все, что мы имѣемъ, принадлежитъ Богу и Имъ дано намъ; принесеніе же Богу даровъ или жертвъ отъ насъ нужно не для Него, а для насъ самихъ: оно есть не болѣе, какъ видимое выраженіе нашего усердія, проявленіе нашей любви и благодарности къ Богу, нашему Благодателю; цѣнится Имъ и угодно постольку, поскольку служить выраженіемъ этихъ чувствъ нашей души.—Оно же, слово Божіе, называетъ Бога *блаженнымъ и единымъ сильнымъ, Царемъ царствующихъ и Господомъ господствующихъ* (1 Тим. 6, 15). Такимъ образомъ, Богъ есть источникъ всякаго блаженства, силы, царства и господства.

Итакъ, вотъ что такое Богъ; и все же Бога, что Онъ такое въ существѣ Своемъ, понять, постигнуть невозможно. За то тебѣ, христіанинъ, можно приближаться къ Нему душою, уподобляться жизнию своею, вѣчно о Немъ радоваться, вѣчно Имъ блаженствовать; и это возможно тебѣ, потому что Богъ Самъ тебѣ поможетъ быть того достойнымъ.

Но вы спросите: «если Богъ есть духъ, невидимый, непостижимый, то какъ же въ Свящ. Писаніи В. Завѣта говорится о явленіяхъ Его св. людямъ въ образѣ человѣческомъ, напр., Богъ являлся Аврааму въ видѣ трехъ

странниковъ, пророку Даниилу въ видѣ старца, ветхаго денми (убѣлен. сѣдинами); прор. Исаія (въ видѣнїи) видѣлъ Бога, сидящаго на престолѣ и проч.? — Это не значить того, будто Богъ таковъ по Своему существу, т.-е. что Онъ видимъ и подобенъ человѣку; Онъ являлся людямъ и въ иныхъ образахъ, напр., являлся прор. Моисею на горѣ Харивѣ въ видѣ купины, т.-е. куста терноваго, горѣвшаго и не сгоравшаго; явилъ Себя всему еврейскому народу въ громѣ, молнїяхъ и трубномъ звукѣ на горѣ Синаѣ, когда давалъ законъ евреямъ; являлся въ видѣ тихаго прохладнаго вѣтерка пр. Иліи и др., и, само собою понятно, всѣ эти явленїя никакъ не открывали существа Божїя. Нѣтъ, все разнообразїе ветхозавѣтныхъ Бого-явленїй людямъ доказываетъ лишь то, что невидимый Духъ-Богъ благоволилъ входить въ общенїе съ грубымъ тѣлеснымъ человѣкомъ посредствомъ видимыхъ, чувственныхъ образовъ, часто грозныхъ, ибо иначе и не былъ бы ему понятенъ; что всѣ описанныя явленїя и видѣнїя Бога не болѣе, какъ разныя образы, понятныя человѣку, доказательства той же мысли, что есть, существуетъ Богъ; но Богъ, по существу Своему, невидимый, непостижимый, Богъ всемогущїй, сильный въ чудесныхъ, видимыхъ образахъ являть ему Свою силу, открывать Свою волю.

Равнымъ образомъ и на нашихъ иконахъ Богъ изображается не въ существѣ Своемъ, какъ будто бы Онъ на самомъ дѣлѣ имѣетъ тѣло, а въ томъ видѣ, въ какомъ Ему угодно было являться людямъ въ извѣстное время: напр., Св. Троица изображается въ видѣ трехъ странниковъ, явившихся Аврааму; Богъ-Отецъ въ видѣ старца, убѣленнаго сѣдинами (явленїе Бога пр. Даниилу); Духъ Св. являлся въ видѣ голубя при крещенїи Спасителя и такъ изображается. Спаситель нашъ, Сынъ Божїй, принявъ на себя нашу плоть, жилъ между людьми, какъ человѣкъ, былъ младенцемъ, юношей, мужемъ, и въ этихъ видахъ изображается на иконахъ.

«Если Богъ есть Духъ, то какъ же, скажете вы, въ

томъ же Свящ. Писаніи Ему приписываются члены чело-
вѣческаго тѣла, напр., *очи, уши, руки, сердце*, или, напр.,
приписываются свойства души человѣческой, напр., *гнѣвъ*
и *ярость, клятва, сонъ и дреманіе* и под.?)

— Точно въ свящ. книгахъ Богу приписываются раз-
ные тѣлесные члены и нѣкоторыя свойства души человѣка;
но это такъ только говорится, а не потому, что Богъ
имѣеть какіе-либо члены человѣческаго тѣла или подобенъ
человѣку по душѣ, и говорится такъ о Богѣ для того,
чтобы мы какъ-нибудь и что-нибудь могли себѣ предста-
вить о Немъ по-своему, по-человѣческому. Мы все дѣлаемъ
руками, видимъ глазами, слышимъ ушами; вотъ потому и
о Богѣ, Который всемогущъ, все можетъ, — всевѣдущъ,
все видитъ, слышитъ и знаетъ, мы говоримъ, и слово Бо-
жіе, примѣняясь къ нашему языку, выражается, что Онъ,
какъ будто, имѣеть руки, глаза, уши... Или, напр., мы
гнѣваемся, когда намъ дѣлають неугодное, непріятное; мы
утверждаемъ свое слово, обѣщаніе—клятвою, и Свящ. Пи-
саніе, выражая челоѣкообразно тѣ же мысли о Богѣ,
приписываетъ Ему подобныя же свойства души человѣка.
Такимъ образомъ, *руки и ноги*, приписываемыя въ словѣ
Божіемъ Богу, означаютъ Его *всемогущество, очи и уши*—
всевѣдѣніе, *сердце* — благость, любовь Божію; *уста Бо-
жіи*—обнаруженіе воли Божіей; *гнѣвъ и ярость*—правосу-
діе; *дреманіе и сонъ*—долготерпѣніе Божіе, *клятва*—твер-
дость, неизмѣнность слова и обѣтованія Божія.

«Если Богъ вездѣ, то какъ же говорить, что Богъ на
небесахъ или во храмѣ?»

— Такъ, Богъ вездѣ присутствуетъ: Онъ вездѣсущъ;
но есть мѣста, въ которыхъ Онъ особенно присутствуетъ,
въ которыхъ Онъ преимущественно являетъ бытіе Свое.
Какія же это мѣста? Такое мѣсто есть, во-первыхъ, небо.
Небо — любимое Божіе жилище; тамъ сонмы святыхъ и
тѣмы ангеловъ непрестанно славословятъ Его; тамъ нѣ-
когда, быть можетъ, и мы будемъ славословить Его. От-
того мы всѣ такъ любимъ смотрѣть на небо, оттого намъ

такъ отрадно мысленно переноситься туда: такъ иногда и улетѣлъ бы, укрылся бы тамъ отъ здѣшнихъ суетъ и безпокойствъ!.. Да, тамъ среди славословія живетъ нашъ Богъ; къ жизни на небѣ и мы назначены Богомъ и должны готовиться къ ней, живя здѣсь на землѣ!.. Есть, впрочемъ, и на землѣ мѣсто особеннаго присутствія Божія: это храмъ Божій, святая церковь. Св. церковь—второе небо, второе жилище Божіе, второй домъ Божій. Тутъ есть и престолъ Его; тутъ и небесныя силы невидимо служатъ Ему; тутъ и мы Ему поемъ; тутъ и мы тѣснѣйшимъ образомъ соединяемся съ Нимъ, когда вкушаемъ тѣло Христово и пьемъ кровь Его. Да, когда мы во св. церкви, мы точно на небѣ, а не на землѣ: *въ храмъ стояще, на небеси стояти мнимъ!* Будемъ же чаще возводить очи свои на небо, и помощь Божія оттуда скоро къ намъ придетъ, ибо тамъ Богъ! Будемъ же чаще обращаться къ Нему въ Его св. храмъ, и Онъ никогда не оставитъ насъ, ибо Онъ и здѣсь близокъ къ намъ!

Свящ. Георгій Раевскій.

В своем издании и лично воз-
можности председателю В. и
своей кураторке. Выпущено в
свете концы 1907 года и по-
тому не удерживаю.

Душевно Вам

преданно

А Лебедев

13 мая 1908 Москва

(Из письма профессору Н. Н. Глубоковскому.)

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА А. П. ЛЕБЕДЕВА ¹⁾.

1) Рѣчь профессора А. А. Спасскаго, сказанная при гробѣ А. П. Лебедева послѣ чтенія Евангелія.

Дорогой и незабвенный учитель!

Я пришелъ къ гробу твоему, пораженный неожиданно твоей кончины, и эта неожиданность тѣмъ глубже взволновала меня, что я лишь сегодня утромъ возвратился изъ продолжительнаго путешествія по Волгѣ и, увидавъ въ газетахъ имя твое, обвитое траурной рамкой, поспѣшилъ сюда, чтобы сказать тебѣ послѣднее *«прости»*. И это *«прости»* не будетъ состоять въ какихъ-либо изысканныхъ выраженіяхъ, украшенныхъ красотами риторики; оно окажется недостаточнымъ и для того, чтобы въ полнотѣ обнять твои достоинства и заслуги... Оно будетъ лишь воплемъ сердца, потрясеннаго тяжелой потерей; оно начертитъ лишь блѣдный и неясный обликъ твой, какъ эти останки твои, лежащіе въ гробу.

Воспитанникъ 60-хъ годовъ, этого перваго пышнаго разцвѣта русской культуры, и къ несчастію быстро увядшаго, ты внесъ живыя идеи этой эпохи въ свою науку, и твоя докторская диссертация о первыхъ четырехъ вселенскихъ соборахъ явилась яркой молніей, озарившей впервые дотолѣ мрачный небосклонъ богословской литературы и мощнымъ протестомъ противъ всякаго рутинерства въ наукѣ. Знамя науки ты держалъ всегда высоко и не скло-

¹⁾ См. №№ 8 и 9 *Душеполезнаго Чтенія*.

нялся ни предъ какими идолами, и въ своей ученой дѣятельности ты захватилъ всю исторію восточной церкви, начиная отъ первыхъ трехъ вѣковъ и кончая современнымъ положеніемъ греко-восточной церкви подъ игомъ магометанства, не оставивъ ни одного уголка его необсѣдованнымъ. Внимательно слѣдя за западной ученой литературой, ты знакомилъ русское общество со всѣми новѣйшими результатами ея, и твои статьи принадлежали къ лучшимъ и наиболѣе привлекательнымъ отдѣламъ нашихъ духовныхъ журналовъ. Какъ профессоръ, ты умѣлъ привлекать къ себѣ слушателей, будить въ нихъ мысль и порождать охоту къ занятіямъ, и твое имя всегда служило свѣтлымъ маякомъ, отовсюду привлекавшимъ молодое юношество въ нашу Московскую Академію. И въ своихъ лекціяхъ ты не поднимался ни въ заоблачныя высоты философіи и не спускался въ глубины мистицизма: ты предлагалъ лишь реальные факты, историческую истину въ чистомъ ея видѣ, во вѣ всякихъ стороннихъ тенденцій и прикрасъ. И ты пожалъ успѣхъ: Московская Академія въ составѣ своихъ профессоровъ насчитываетъ большинство твоихъ учениковъ; С.-Петербургская Академія и Университетъ также имѣетъ среди своихъ представителей людей, воспитавшихся подъ твоимъ вліяніемъ, и въ плеядѣ доцентовъ Московскаго Университета не мало лицъ, имѣющихъ право гордиться именемъ быть твоими учениками.

Всецѣло отдавая свое время обученію своей науки, ты не былъ аскетомъ ни въ отношеніи къ обществу, ни по своему личному поведенію. Общество ты любилъ, и всегда являлся желаннымъ гостемъ, умѣющимъ поднять и поддержать умный и живой разговоръ; и въ своихъ частыхъ бесѣдахъ съ студентами ты всегда дѣлился своими научными и житейскими наблюденіями, дѣйствуя развивающимъ образомъ на нихъ. Мнѣ лично долго не забыть тѣхъ продолжительныхъ бесѣдъ, по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, которыя—бывало—ты самъ велъ со мной при прогулкахъ по линіи Сергіево-посадской дороги и которыя

иногда затягивались до полуночи. И въ своей личной жизни ты не отказывалъ себѣ въ удобствахъ, но не привязывался къ нимъ и держалъ себя выше ихъ. Ученое балагурство и житейскую пошлость ты повсюду преслѣдовалъ своимъ острымъ языкомъ и всегда оставался высоко нравственною личностью. Въ твою продолжительную жизнь не мало выпало на долю твою тяжелыхъ испытаній, но ты понесъ ихъ, какъ иго благое и легкое. Больше десяти талантовъ было дано тебѣ, и на нихъ ты приобрѣлъ сотни талантовъ и, какъ рабъ вѣрный, увидишь въ царствіе Господа твоего.

Пусть же пребудетъ съ тобой и твоимъ именемъ *вѣчная память*,—не та вѣчная память, которая еще не разъ заувывнымъ кладбищенскимъ мотивомъ пронесется надъ твоими бранными останками, но та, которая будетъ жить въ сердцахъ твоихъ учениковъ, въ твоихъ ученыхъ сочиненіяхъ, и будущій историкъ русской культуры, поскольку теологія (религія) неразрывно связана съ русскимъ національнымъ духомъ, добрымъ словомъ вспоминаетъ твое имя. Глубоко вѣря въ эту вѣчную память твоего имени, я земно кланяюсь предъ твоими бранными останками, изъ которыхъ такъ неожиданно исшелъ мощный и талантливый духъ. (*Богосл. Вѣстн.*)

2) Рѣчь профессора А. И. Покровскаго, сказанная на могилѣ А. П. Лебедева.

Дорогой учитель!

Передъ твоей свѣжей, еще незасыпанной могилой позволь и мнѣ, одному изъ твоихъ позднѣйшихъ учениковъ по Академіи и твоихъ младшихъ сотрудниковъ по Университету, сказать нѣсколько прощальныхъ словъ, какъ дань высокаго уваженія къ твоимъ заслугамъ и сердечной благодарности за твои теплыя личные отношенія ко мнѣ.

Смерть каждого человека составляет назидательный урок для насъ, какъ то грозное *memento mori*, которое заставляетъ насъ очнуться отъ обычной суетоки повседневной жизни, посерьезнѣе осмотрѣться кругомъ и поглубже заглянуть въ самихъ себя.

Но особенно поучительна смерть болѣе видныхъ и выдающихся людей. Въ этотъ послѣдній прощальный моментъ своего физическаго разставанія съ нами, они снова какъ бы во весь свой ростъ возстаютъ предъ нашимъ духовнымъ взоромъ и всей своей жизнью и дѣятельностью краснорѣчиво преподаютъ намъ свои прощальные завѣты.

Въ лицѣ почившаго А. П. мы несомнѣнно теряемъ одного изъ такихъ выдающихся людей — талантливаго профессора и знаменитаго церковнаго историка и публициста, котораго, по обилію его научныхъ работъ и по силѣ его идейнаго вліянія на русскую церковно-историческую науку, можно, до извѣстной степени, сравнивать съ Гарнакомъ.

Такъ что у гроба почившаго намъ есть чему поучиться.

Какіе же прощальные завѣты шлеть намъ почившій историкъ изъ своей еще незасыпанной могилы?

Содержательна и полна была жизнь почившаго ученаго, и многому она насъ учитъ. Она учитъ, прежде всего, неустанному, энергичному и бодрому труду. Почившій всю свою жизнь, до самой гробовой доски, былъ неутомимымъ и продуктивнымъ работникомъ на нивѣ церковно-исторической науки, оставивъ всѣмъ намъ примѣръ, достойный подражанія. Онъ учитъ насъ, далѣе, не быть только черствыми специалистами избранной области науки, но и по-сильно служить живой жизни съ ея насущными потребностями и запросами...

Но среди этихъ и подобныхъ имъ завѣтовъ, которые оставилъ почившій А. П. своимъ послѣдователямъ и ученикамъ, громче и яснѣе всѣхъ для меня въ этотъ моментъ звучитъ одинъ, важнѣйшій изъ всѣхъ его завѣтовъ: «будьте честны, искренни и правдивы въ наукѣ. Работайте всегда

въ интересахъ только чистой истины, не увлекаясь никакими посторонними видами и цѣлями и не страшась за это никакихъ преслѣдованій и гоненій. Знайте, что истина не боится свѣта, и въ концѣ концовъ она должна преоблѣднть. Потому выше всего ставьте идеаль чистой научной истины и одинаково бойтесь какъ угождать сильнымъ міра сего, такъ и льстить мимолетнымъ вкусамъ толпы».

И Алексѣй Петровичъ имѣлъ право такъ говорить. У него это были не пустыя слова и не благія только пожеланія, а суровая жизненная правда, выстраданная имъ на самыхъ фактахъ его жизни. Для примѣра достаточно указать хотя бы на ту опалу духовной цензуры, которая долгое время тяготѣла надъ болѣе важными сочиненіями А. П. за ихъ будто бы вредный, рационалистическій духъ. Но вотъ, въ послѣднее время, идеи, проводимыя А. П., пріобрѣтаютъ почти общее признаніе, и нѣкогда опальныя сочиненія А. П., значившіяся въ числѣ «вредныхъ» книгъ, теперь въ тѣхъ же семинаріяхъ, откуда онѣ изгонялись, считаются полезными и выдаются въ качествѣ «наградныхъ книгъ».

Не менѣе гражданскаго мужества проявлялъ А. П. и въ борьбѣ съ различными предразсудками общественнаго мнѣнія. Онъ слылъ за либеральнаго ученаго. Но это нисколько не мѣшало ему отмѣчать достоинства и искренно хвалить такихъ, далеко не либеральныхъ дѣятелей, какъ митроп. Филаретъ и К. П. Побѣдоносцевъ. И никто не думалъ ставить ему этого въ вину. Всѣ видѣли, что чистая, безкорыстная истина дороже Алексѣю Петровичу какъ начальственнаго благоволенія, такъ и партійныхъ интересовъ. Въ силу этой отличительной своей черты, А. П. одинаково не боялся какъ срывать маски со «слѣпыхъ вождей»¹⁾, такъ и итти наперекоръ общественному мнѣ-

¹⁾ Заглавіе одного изъ послѣднихъ церковно-публицистическихъ сочиненій А. П.: „Слѣпые вожди. Четыре момента въ исторической жизни церкви“. Москва 1907 г., 86 стр.

нію, если только этого требовали интересы безпристрастной и неподкупной истины.

Постараемся же получше внять всѣмъ этимъ завѣтамъ почившаго ученаго и сдѣлаемъ усилія возможно ярче и полнѣе осуществить ихъ и въ своей жизни.

Прими, дорогой наставникъ, низкій земной поклонъ и лично отъ меня за твои неизмѣнно дружественныя и благожелательныя отношенія ко мнѣ, котораго ты приблизилъ къ себѣ за послѣднее время, въ качествѣ одного изъ своихъ младшихъ сотрудниковъ.

Да будетъ же свѣтла и чиста память о тебѣ! И пусть горить она яркимъ свѣточемъ для всѣхъ послѣдующихъ русскихъ работниковъ на тернистой нивѣ церковно-исторической науки! (*Богосл. Вѣстн.*).

НОВАЯ РЕЛИГИЯ МАКСИМА ГОРЬКАГО.

(М. Горькій. «Исповѣдь».)

При всей враждебности къ религіи и въ особенности къ христіанству, современная литература все-таки не можетъ не говорить о нихъ и говорить часто и много. Въ-стѣ съ тѣмъ она не можетъ отрицать и не отмѣчать факта богоискательства ¹⁾ и не только въ народѣ, но и въ обществѣ, въ интеллигенціи. Пусть это богоискательство выражалось и выражается иногда въ формахъ необычныхъ и странныхъ, даже грубыхъ и дикихъ, но все же самымъ фактомъ своего существованія и не только существованія, но необыкновенной живучести оно не только свидѣтельствуетъ, но даже кричитъ о жизненности и неискоренимости и, слѣдовательно, истинности вѣры. И, отмѣчая этотъ фактъ богоискательства, вынужденная говорить о немъ, современная литература тѣмъ самымъ должна свидѣтельствовать противъ самой себя. Разумѣется, это не могло быть пріятно ея дѣятелямъ.

И вотъ сдѣлана новая попытка—посредствомъ подмѣны самаго понятія о Богѣ — объяснить это богоискательство совершенно естественнымъ путемъ и тѣмъ самымъ — по

¹⁾ Богоискательство, или, вѣрнѣе, вѣронскательство, есть собственно удѣлъ сектантовъ и сектантствующихъ, т.-е. людей и цѣлыхъ сектъ, оторвавшихся отъ православной церкви, но въ то же время безсознательно тоскующихъ по истинной вѣрѣ и старающихся найти ее помимо церкви.

крайней мѣрѣ, въ теоріи и въ мечтахъ — совѣмъ покончить съ религіей. вмѣстѣ съ тѣмъ эта попытка является и попыткой дать если не религіозное, то, по крайней мѣрѣ, мистическое оправданіе революціонному социализму, увѣнчаніе его, подведеніе его подъ мистическую кровлю. Эта попытка сдѣлана Максимомъ Горькимъ въ его новой повѣсти «Исповѣдь», напечатанной въ послѣднемъ 23-мъ *Сборникѣ Знанія* (Спб., 1908 г.). Дѣлая попытку эту повѣстью, какъ было только что замѣчено, достигнуть сразу двухъ цѣлей, Горькій, повидимому, преслѣдуетъ ея, хотя и не такъ открыто, и третью, именно — онъ хочетъ необычностью сюжета поднять свой очень низко упавшій въ послѣднее время, несмотря на массу написанныхъ имъ новыхъ произведеній, литературный престижъ и снова заставить заговорить о себѣ. И дѣйствительно, объ «Исповѣди» уже заговорили. — «Какъ въ дни своей литературной юности — говорить критикъ *Русской Мысли* (августъ 1908 г.) — Горькому опять удалось затронуть какія-то чувствительныя, отзывчивыя струны въ душѣ общества, и онъ опять громко и полно зазвучали ему въ отвѣтъ».

Намъ пришлось прочитать, что «Исповѣдь» все-таки не вполне оригинальная вещь, что она написана будто бы подъ сильнымъ вліяніемъ появившейся недавно «Жизни странника Антонія». Если это въ дѣйствительности такъ, то достоинство ея, конечно, сильно падаетъ¹⁾. Тѣмъ не менѣе содержаніе повѣсти и въ особенности ея выводы никоимъ образомъ не могутъ быть оставлены безъ вниманія и разбора.

«Исповѣдь» представляетъ собою автобіографическій разсказъ одного молодого человѣка, томимаго и угнетаемаго будто бы мыслью о причинахъ господства зла въ мірѣ. Въ тщетныхъ поискахъ найти человѣка, который могъ бы разрѣшить его недоумѣніе, ходитъ онъ по монастырямъ и

¹⁾ Можно видѣть въ „Исповѣди“ также вліяніе Достоевскаго и Леонида Андреева, въ особенности его „Саввы“.

духовнымъ лицамъ, ищетъ отвѣта и въ народѣ, пока, наконецъ, не приходитъ къ неожиданному для себя выводу и вмѣстѣ убѣжденію, что онъ совсѣмъ не такъ искалъ разрѣшенія вопроса, что спасеніе народа—только въ самомъ народѣ и больше ни въ комъ и ни въ чемъ, такъ какъ народъ есть богостроитель, боготворецъ и самъ богъ; что Богъ—не внѣ, а внутри человѣка, въ немъ самомъ.—Дѣйствія въ повѣсти немного, и она представляетъ собою въ сущности рядъ монологовъ и діалоговъ, которые постепенно и приводятъ автора къ указанному выводу. Но такъ какъ всякая мысль становится болѣе обоснованною и доказанною, когда она высказывается не прямо и не сразу, а предваряется разборомъ противныхъ ей положеній, то и нашъ авторъ сначала долго водить своего героя по дурнымъ и отсталымъ людямъ, людямъ отживающаго міросозерцанія, т. е. по духовнымъ лицамъ и монахамъ (всѣ они поэтому изображены въ повѣсти въ самомъ худшемъ видѣ), отъ которыхъ онъ тщетно старается добиться разрѣшенія своихъ сомнѣній и вопросовъ о смыслѣ жизни заставляя его постепенно разочаровываться и въ нихъ самихъ, и въ исповѣдуемомъ ими ученіи; а потомъ уже приводитъ его, наконецъ, къ настоящимъ людямъ, богостроителямъ и боготворцамъ, отъ которыхъ онъ и получаетъ истинное пониманіе жизни. Поэтому и повѣсть по своему содержанію довольно рѣзко распадается на двѣ части—отрицательную и положительную.

Главный герой повѣсти — простой русскій человѣкъ.— «Я—крапивникъ, подкидышъ, незаконный человѣкъ—рекомендуется онъ въ началѣ повѣсти—кѣмъ рожденъ—неизвестно, а подброшенъ въ экономію господина Лосева... Положила меня мать моя—или кто другой—въ паркъ господскій, на ступени часовенки... а найденъ я былъ Данилой садовникомъ. Пришелъ онъ рано утромъ въ паркъ и видитъ: у двери часовни дитя шевелится, въ тряпки завернуто, а вокругъ котъ дымчатый сторожко ходитъ. У Данилы прожилъ я до четырехъ лѣтъ, но какъ онъ самъ

многодѣтнѣй былъ, то кормился я гдѣ попадо, а коли пищи не найду,—попищу, попищу, да голодень и засну»...

Четырехъ лѣтъ отъ роду взялъ нашего героя на воспитаніе дьячекъ Ларіонъ, «человѣкъ одинокій и весьма чудесный», пьяница, балагуръ, пѣвецъ и большой любитель птицъ. У Ларіона былъ закадычный другъ Савелка Мигунъ, такой же «пьяница заливной» и вдобавокъ «ворише извѣстный», но поэтъ и «по всему прочему рѣдкостный человѣкъ. Пѣсни онъ пѣлъ и сказки говорилъ такъ, что невозможно вспомнить безъ удивленія». Замѣчательнъ былъ Ларіонъ еще и тѣмъ, что не признавалъ дьявола и считалъ его олицетвореніемъ духовной темноты и скотскаго начала въ человѣкѣ — оттого и пишется онъ рогать и козлоногъ.

Подъ вліяніемъ такихъ-то руководителей и росъ нашъ герой до двѣнадцати лѣтъ (окончилъ сельскую школу), когда Ларіонъ утонулъ, и онъ попалъ къ приказчику изъ экономіи Егору Титову. Титовъ былъ совершенною противоположностью Ларіону: былъ человѣкъ злой, угрюмый и жадный, грабившій безъ зазрѣнія совѣсти и помѣщика, и мужиковъ. Онъ посадилъ Матвѣя (такъ звали нашего героя) въ контору. Живя у Титова, Матвѣй пристрастился къ церкви, «со всѣмъ жаромъ сердца ребячяго полюбилъ церковное и окунулся въ него такъ, что все священно стало для него,—не только иконы и книги, а и подсвѣчники, и кадило, самые угли въ немъ—и тѣ дороги... Чувствую себя, рассказываетъ онъ, въ лучѣ Ока Всевидящаго, и направляетъ оно шаги мои, обнимая силою нездѣшнюю, грѣя свѣтомъ яркимъ... Стою на колѣнахъ и какъ бы молча радостную пѣсню пою, радуюсь же тому, что понимаю—не одинъ я на свѣтѣ, а подъ охраною Божіей и близко Ему»... Тѣмъ не менѣе, подростая, Матвѣй начинается заглядываться на дочь Титова Ольгу и, чтобы угодить Титову и добиться руки Ольги, начинаетъ вмѣстѣ съ нимъ жестоко грабить и притѣснять мужиковъ. На Ольгѣ онъ дѣйствительно и женится, но недолго ему при-

ходится прожить съ нею: вторыми же родами она умираетъ, разрѣшившись мертвымъ ребенкомъ, а вскорѣ послѣ ея смерти умираетъ, отравившись мышьякомъ, принятымъ имъ за сахаръ, и первый его ребенокъ. Хотѣлъ было Матвѣй съ горя удавиться, да раздумалъ; исчезла и прежняя его радостная дѣтская покорность передъ Богомъ и прежняя религіозность, и явилось сомнѣніе въ милосердіи и даже въ самомъ бытіи Божіемъ, и рѣшилъ онъ идти странствовать. Такъ освобождаетъ его авторъ отъ семейныхъ заботъ и снова дѣлаетъ одинокимъ—для своихъ цѣлей, которыя выяснятся дальше.

Съ какою цѣлью уходитъ странствовать Матвѣй — въ этомъ мѣстѣ повѣсти ясно не видно. Только въ душѣ у него смятеніе, и хотя онъ каяться идетъ (потому что со смертью жены началось для него «время безумное и бессмысленное»), а о Богѣ не думаетъ онъ: «не то боюсь, не то обидно мнѣ, — признается онъ — искривились всѣ мысли мои, расплзаются какъ гнилая дерюга, темны и неясны небеса для меня». Да и—нужно сказать—все это мѣсто повѣсти, вообще туманной и неясной, въ особенности туманно и неясно.

Прежде однако, чѣмъ идти странствовать, Матвѣй идетъ съ своими мыслями и сомнѣніями сначала къ своему сельскому священнику, а потомъ въ городъ, къ протопопу «благочестивой жизни и весьма ученому — съ раскольниками ревностно состязался о дѣлахъ вѣры и славу прозорливца имѣлъ». Но когда онъ начинаетъ излагать предъ ними свои сомнѣнія, — оба они будто бы только кричатъ на него, а послѣдній хочетъ даже полицію позвать, и онъ уходитъ отъ нихъ съ бранью. Обоихъ ихъ, въ особенности перваго, авторъ изображаетъ въ весьма неприглядномъ видѣ. Выбѣжавъ отъ протопопа, Матвѣй наталкивается на одну веселую дѣвицу, которая сердечно утѣшаетъ его и посылаетъ его въ женскій монастырь, къ отшельницѣ Февроніи:—«очень мудрая старушка, хорошо о Богѣ говоритъ»; но когда Февронія начинаетъ ему го-

ворить о милосердіи и о Богѣ, онъ, не дослушавъ ея, съ досадою уходитъ отъ нея. Тѣмъ не менѣе монастырь наводитъ его на мысль пожить въ немъ. «Пойду я—вдругъ рѣшаетъ онъ—жить въ монастырь, гдѣ уставъ построже, поживу-ка одинъ, въ кельѣ, подумаю, книгъ почитаю... Не соберу ли въ одиночествѣ разрушенную душу мою въ крѣпкую силу?» И Матвѣй поступаетъ послушникомъ въ монастырь, съ перваго взгляда ему очень понравившійся.— «Все—хорошо—резюмируетъ онъ свои первыя монастырскія впечатлѣнія. — Умиленіе тихо пало на душу. Вотъ гдѣ я побесѣдую съ Господомъ, разверну предъ Нимъ сокровенное души моей и съ смиренною настойчивостію попрошу указать мнѣ пути къ знанію законовъ Его».

Но мечтамъ Матвѣя и на этотъ разъ не суждено осуществиться. Прежде всего ему не удастся пожить одному въ кельѣ. На другой же день по поступленіи его въ монастырь рано утромъ его назначаютъ подручнымъ въ монастырскую пекарню, подъ начальъ къ брату Михѣ, на нелегкую работу—таскать воду да тяжелые мѣшки и мѣсить тѣсто въ чанахъ. Миха—интересная и одна изъ многихъ удавшихся автору фигура. Крѣпкій, нескладный и неуклюжій какъ медвѣдь, изувѣръ и грубый до скотства, онъ страстно ненавидитъ женщинъ, даже святыхъ, но только о нихъ постоянно и говоритъ и самъ весь—во власти плотскаго грѣха. Матвѣй не уживается съ Михой и за это, въ наказаніе, посылается въ лѣсъ корчевать пни, а затѣмъ, по собственному желанію, попадаетъ въ келейники къ нѣкоему отцу Автоію. Автоій тоже былъ бы оригинальною фигурой, если бы фигура эта удалась автору, но она вышла неудачною. Это необыкновенно красивый монахъ, богатый и распутный, выгнанный и изъ офицеровъ, и изъ духовной академіи, и изъ Чудова монастыря, циникъ и, вдобавокъ, атеистъ. Не уживается Матвѣй и у него, хотя ранѣе былъ имъ совсѣмъ очарованъ, и покидаетъ монастырь, проживъ въ немъ около двухъ лѣтъ. Монастырь, его обитатели и въ особенности началь-

ствующіе, изображаются у автора въ самомъ безобразномъ видѣ. Кромѣ Михи и Антонія, выведены здѣсь и другіе типы. Болѣе интересный и болѣе удачный—схимонахъ Мардарій, посаженный монастырскимъ начальствомъ въ темную и сырую яму, для привлеченія богомольцевъ, которымъ выдаютъ его за прорицателя и утѣшителя скорбящихъ. На самомъ дѣлѣ это—впавшій въ дѣтство полумертвый старикъ, который проситъ у посѣтителей хлѣба (и прячетъ его), потому что ѣсть ему даютъ рѣдко. Затѣмъ—послушникъ Гриша, тоскливый юноша изъ торговцевъ, бѣжавшій въ монастырь отъ торговли и здѣсь видящій ту же торговлю, и, какъ противоположность ему, веселый послушникъ Серафимъ, циникъ, распутникъ и пьяница и при этомъ поэтъ въ душѣ. Авторъ безъ мѣры восхищается имъ. Мелькомъ выведенъ еще и смиренный, и молчаливый монастырскій придверникъ Никодимъ, почти разучившійся говорить и не умѣющій даже отвѣчать на вопросы.

Покинувъ монастырь, Матвѣй отправляется странствовать и на пути видитъ немало всякаго рода богомольцевъ и странниковъ. Изъ нихъ нѣкоторыхъ авторъ устами Матвѣя описываетъ, ко всѣмъ относясь съ одинаковымъ презрѣніемъ и высокоуміемъ. Болѣе другихъ интересны здѣсь—старичекъ, до ужаса боящійся смерти и всегда ходящій за народомъ, баба, отъ нужды пустившаяся въ распутство и озлобленная до истерики, казакъ, задумавшійся надъ неправдою жизни, ученый монахъ и многіе другіе. Пространно, витіевато, вычурно и скучно читаетъ имъ устами Матвѣя авторъ правоученія и не находитъ словъ для осужденія многихъ изъ нихъ. Заходитъ Матвѣй и въ монастыри, мужскіе и женскіе, и въ одномъ изъ послѣднихъ происходитъ съ нимъ совсѣмъ неудобопередаваемый инцидентъ, описанный авторомъ съ большимъ цинизмомъ.—Наскучивъ бродить по Европейской Россіи, Матвѣй думаетъ направиться въ Сибирь, но тутъ, въ пермской сторонѣ, судьба неожиданно и вдругъ посылаетъ ему, нако-

нець, настоящаго человѣка. Это—странникъ Іона, называющій себя Іегудиломъ, бывшій священникъ, разстриженный за агитацію среди крестьянъ и сидѣвшій даже въ Суздаль, — «людямъ скоморохъ, а себѣ самому — милый другъ», какъ самъ себя рекомендуетъ онъ. Этого-то Іона и открываетъ, наконецъ, нашему герою смыслъ жизни и научаетъ его истинному понятію о Богѣ. Долго, пространно и весьма витіевато и обиняками разглагольствуетъ онъ и долго водить Матвѣя по кривымъ и темнымъ закоулкамъ своихъ мыслей («какъ передъ дверью держитъ онъ меня, а не отворяетъ ее, не называетъ, что за нею спрятано имъ»); наконецъ, измучивъ его своими аллегоріями, открываетъ ему, что Богъ и Христосъ есть никто иной, какъ самъ народъ. — «Богостроитель — съ важностью вѣщаетъ онъ—это суть народушко! Неисчислимый міровой народъ. Великомученикъ велій, чѣмъ всѣ церковью прославленные — сей бо еси Богъ, творяй чудеса! Народушко безсмертный, его же духу вѣрую, его силу исповѣдую; онъ есть начало жизни единое и несомнѣнное; онъ отецъ всѣхъ боговъ бывшихъ и будущихъ... весь рабочій народъ земли, вся ея сила, единственный и вѣчный источникъ боготворчества»... Т.-е. Богъ—выдумка, созданіе народной фантазіи—теорія далеко не новая. — «Богъ—сынъ духа народнаго... Вотъ просыпается воля народа, соединяется великое, насильно разобщенное; уже многіе ищутъ возможности, какъ слить всѣ силы земныя въ единую, изъ нея же образуется свѣтель и прекрасенъ всеобъемлющій духъ земли»... Для подтвержденія своей теоріи народнаго боготворчества, Іона поучаетъ Матвѣя, «что есть Греція, сирѣчь Эллада, а также Римъ», и рассказываетъ ему по своему всю исторію Россіи. «Все, что есть на землѣ и въ памяти твоей, все народомъ создано, а бѣлая кость только шлифовала работу его... День сознанія народомъ необходимости равенства людей и былъ днемъ рождества Христова»... И когда всѣ мечты людей о справедливости и равенствѣ были сплочены,—возникъ изъ нихъ живой Богъ,

любезное дитя народа — Иисусъ Христосъ. Съ особенной ненавистью говоритъ Иона о православной церкви, которая «извела живыхъ людей скомороховъ, веселыхъ людей, кои будили память народа и шутками своими съяли правду въ немъ». Долго, пространно разглагольствуетъ въ этомъ духѣ Иона. Но когда Матвѣй хочеть итти съ нимъ дальше, онъ прогоняетъ его отъ себя и посылаетъ его доучиваться новой вѣрѣ и пониманію жизни къ рабочимъ на Исетскій заводъ. Матвѣй нѣкоторое время колеблется, но потомъ все-таки идетъ туда и тамъ, по указанію Ионы, отыскиваетъ слесаря Петра Ягихъ и его племянника Михайлу, заводскаго школьнаго учителя. Слесарь—здоровенный старикъ, настоящій медвѣдь, веселый и громогласный. Онъ до того распропагандированъ, что чуть не отплеывается, когда помянетъ имя Божіе, и все-таки поминаетъ Бога почти на каждомъ словѣ. Михайла, напротивъ, постоянно говоритъ о Богѣ, хотя разумѣетъ подъ Нимъ не Личнаго Бога, а силу народную, и по убѣжденіямъ — завзятый матеріалистъ. Каждый разъ, какъ Михайла заговариваетъ о Богѣ, Петръ хмурится и говоритъ, что Михайла отъ матери этимъ заразился: «знаменитая была женщина по божественной части,—изъ православія въ расколъ ушла, а изъ раскола ее вышибли».

Больше мѣсяца живетъ нашъ герой на заводѣ, работаетъ тамъ, учится у Михайлы наукѣ богостроительства и подробно, и кудревато описываетъ свои разговоры съ нимъ и съ рабочими и свои бесѣды съ ними, а также и свои впечатлѣнія и думы. Рабочіе сначала относятся къ нему враждебно и насмѣшливо, но потомъ онъ сходитса и даже дружится съ ними. Однако Петръ и Михайлъ стараются его все-таки спровадить отъ себя—будто бы затѣмъ, чтобы онъ могъ «новыми глазами видѣть жизнь народа». На самомъ же дѣлѣ онъ имъ просто надоѣлъ, да разговоръ пошелъ о его рѣчахъ на заводѣ (хотя рѣшительно ничего особеннаго онъ не говорилъ); явились даже жапдармы съ обыскомъ (по доносу заводскаго священ-

ника), и Матвѣя, наконецъ, спроваживаютъ въ глухой лѣсной скитъ. Уходитъ онъ съ завода все же не вполне убѣжденный въ народномъ богостроительствѣ: страшно ему все-таки разстаться съ прежней, хотя и далеко не твердой вѣрой въ Бога. Тѣмъ не менѣе, продолжая бродить, онъ агитируетъ среди народа и едва не попадаетъ въ руки полиціи, сходится со многими политическими и, наконецъ, въ Казанской губерніи, въ Седьміозерной пустыни, переживаетъ «послѣдній ударъ въ сердце, тотъ ударъ, который завершаетъ строеніе храма». Тамъ происходитъ съ авторомъ то, чего совсѣмъ не должно было произойти, именно — Матвѣй становится свидѣтелемъ чудснаго исцѣленія, во время крестнаго хода, разслабленной дѣвицы и, вмѣсто того, чтобы вернуть прежнюю вѣру, окончательно теряетъ ее, убѣждаясь совершенно въ боготворчествѣ и чудотворчествѣ народа. Исцѣленіе онъ приписываетъ не благодати Божіей, не народной молитвѣ, наконецъ, а исключительно магнетизму народнаго взгляда и желанія. «Десятки очей обливали большую лучами, на разслабленномъ тѣлѣ ея скрестились сотни силъ, вызванныхъ къ жизни повелительнымъ желаніемъ видѣть большую возставшей съ одра»... и, «какъ дождь землю влагой живой, насыщавъ народъ изсохшее тѣло дѣвицы этою силою своей, шепталъ онъ и кричалъ мнѣ и ей:

— Ты встань, милая, вставай! Подними руки-то, не бойся! Ты вставай! Богъзнающая, вставай! Милая! Подними ручки-то!...»

И когда дѣвушка вдругъ протянула недвижимыя доселѣ руки и приподнялась, «тогда все вокругъ охнуло, словно земля — мѣдный колоколь, и нѣкій Святогоръ ударилъ въ него со всею силою своей;—вдрогнулъ, пошатнулся народъ... а сквозь влагу слезъ повелительно сверкаетъ чудотворная сила — *вѣра во власть свою творить чудеса*»... Далѣе описывается, какъ исцѣленная идетъ, протянувъ руки, «опираясь ими о воздухъ, насыщенный силою народа, и отовсюду поддерживаются ее сотни свѣтлыхъ лучей».

Само собою разумѣется, что герой нашъ понялъ такъ видѣнное имъ чудо только подѣ влияніемъ своей вѣры въ народное боготворчество, и самая сцена эта придумана авторомъ, какъ послѣдній штрихъ къ картинѣ, дабы убѣдить довѣрчиваго читателя, что народъ можетъ силою своею творить чудеса, и, кстати, показать ему, какъ это дѣлается. Но, увидавши чудо, герой нашъ окончательно уже увѣряется въ боготворческой силѣ и божественности народа, «всесильнаго и безсмертнаго народа, владыки и чудотворца земли», и обращается къ этому народу-богу съ кощунственнымъ молитвеннымъ исповѣданіемъ вѣры, пародіей на первую заповѣдь.

«...И по семъ—такъ кончается повѣсть — возвращаюсь туда, гдѣ люди освобождаютъ души ближнихъ своихъ изъ плѣна тьмы и суевѣрій, собираютъ народъ воедино, освѣщаютъ предъ нимъ тайное лицо его, помогаютъ ему сознать силу воли своей, указываютъ людямъ единый и вѣрный путь ко всеобщему слиянію ради великаго дѣла— всемірнаго богостроительства ради!»

Короче говоря, нашъ герой отправляется на пропаганду.

Прежде, чѣмъ приступить къ разбору повѣсти, спросимъ читателя, не кажется ли ему, что лица, выводимыя въ повѣсти, ему какъ будто знакомы, а ихъ рѣчи и протесты какъ будто гдѣ-то имъ читаны? Несомнѣнно. Вѣдь, Матвѣй, главный герой повѣсти — это Тома Гордѣевъ и въ особенности Илья Луневъ (главный герой повѣсти Горькаго «Трое»), а его протесты и реплики сильно напоминаютъ таковыя же у Тома Гордѣева и Ильи Лунева. Когда написанъ былъ Тома Гордѣевъ, многіе хотѣли видѣть въ немъ одного нижегородскаго купца, подѣ конецъ жизни ушедшаго въ монастырь. Нашъ герой, наоборотъ, монастыремъ начинается. Такъ же, какъ и тѣ, полонъ онъ гордости и обиды — и на Бога, и на всѣхъ. Уже самое начало повѣсти: «Позвольте рассказать жизнь мою; вре-

мени повѣсть эта отниметь у васъ немного, а знать ее надобно вамъ»—говорить о томъ, что герой повѣсти считаетъ себя человѣкомъ особымъ, выдающимся, біографію котораго всѣ должны знать. То же и дальше: разсказъ о томъ, какъ онъ, ребенкомъ, былъ неизвѣстно къмъ положенъ на ступени часовни, а «вокругъ котъ дымчатый сторожко ходить»—указываетъ на желаніе нашего героя и самое рожденіе свое обставить необычностью, таинственностью и даже чуть не чудесностью. Въ дѣтствѣ онъ гордится предъ товарищами тѣмъ, что онъ (по мнѣнію дьячка Ларіона) бариновъ сынъ, а они — мужичьи дѣти, «и очень утвердился на этомъ», т.-е. постоянно твердилъ эту похвалю. Нравится ему также, когда мужики говорятъ о немъ, что онъ «тайный баринокъ». Самая религіозность его въ дѣтствѣ питается горделивымъ сознаніемъ, что онъ «близокъ къ Богу». Самъ онъ потомъ сознается, что «считалъ себя человѣкомъ особеннымъ въ намѣреніяхъ своихъ и внутренно ставилъ образъ свой превыше всѣхъ». А учитель Михайла прямо говоритъ ему, что онъ гордится болью души своей и бережетъ ее какъ нѣкоторое отличіе свое отъ другихъ, и что поэтому она даже необходима ему; что онъ для себя—герой и нѣчто особенное, для самого себя существующее, начало и конецъ. — Въ гордости упрекаетъ его и приходскій священникъ, и другіе. Иногда онъ даже самому себѣ становится въ тягость и чувствуетъ себя одинокимъ, «словно мѣсяцъ въ небѣ», и самъ о себѣ говоритъ: «ишь какой уставщикъ живетъ». Смиренія и покорности предъ Богомъ въ нашемъ героѣ нѣтъ и тѣни; мудро ли, что онъ и не могъ найти въ себѣ искренней и теплой вѣры въ Него? Недаромъ веселая, но не глупая и не совсѣмъ потерянная дѣвица Татьяна вульгарно, но въ сущности совершенно вѣрно говоритъ ему: «вы съ Богомъ точно на кулачки драться собрались, развѣ это можно? дерзко вы о Богѣ думаете». Во время пожара своего дома видитъ онъ Бога «врагомъ себѣ;—будь камень въ рукѣ у меня—мет-

«нуль бы я его въ небо». Точь въ точь андреевскій Василий Оивейскій, котораго и вообще онъ напоминаетъ. И хотя самъ сознается, что горить его «воровской трудъ», — дерзко говоритъ Богу: «Ты виноватъ, а не я!» Подобныя выраженія въ повѣсти буквально на каждомъ шагу. Еще въ дѣтствѣ спрашиваетъ онъ Ларіона: «почему Богъ людямъ не помогаетъ?» — «Не имѣете ли обиды на Бога за жизнь свою? — спрашиваетъ онъ другихъ. — «Гдѣ правда Твоя, Господи?» — «бѣснуется» онъ, сидя въ монастырскомъ карцерѣ. Онъ «не можетъ принудить себя къ покаянію», «съ смиренною настойчивостью» требуетъ отъ Бога отвѣта, зачѣмъ допущена Богомъ несправедливость на землѣ. Въ Богѣ «видитъ онъ непонятное» и говоритъ, что на мѣстѣ Іова сказалъ бы Богу: «не пугай, но отвѣть ясно, гдѣ пути къ Тебѣ?» И самъ онъ въ концѣ концовъ сознается, что «усумнился въ Богѣ раньше, чѣмъ увидалъ людей», что потускнѣлъ въ душѣ его лигъ Божій, и, желая очистить его отъ копоти дней, онъ видитъ, что стираетъ до пустого мѣста, и уже «безмысленнымъ» кажется ему искать Бога, и что «чудотворныя иконы еще въ дѣтствѣ погибли» для него. И при всемъ этомъ не находитъ словъ для осужденія другихъ, когда они просятъ у Бога помощи, говоря, что они сдѣлали Бога лекаремъ и слугою. — Не лучше отношенія Матвѣя и къ людямъ. Ни къ кому и ни къ чему не можетъ онъ отнестись просто все критикуетъ, осуждаетъ и комментируетъ, придирается даже къ самому доброжелательному слову и къ самымъ лучшимъ съ его же точки зрѣнія людямъ и, какъ говорится, словечка въ простотѣ не скажетъ, а все съ укоромъ, съ язвительностью и съ желаніемъ, по большей части тщетнымъ, съоригинальничать и, во что бы то ни стало, показать свое превосходство надъ другими. И все копаются въ своихъ ощущеніяхъ, смакуетъ ихъ, точно на землѣ кромѣ него никого нѣтъ. Такой человекъ въ жизни долженъ быть не только тяжелъ, но прямо нетерпимъ, и не мудрено, что онъ чувствуетъ себя «одинокимъ, какъ мѣсяцъ въ небѣ». И рабочіе на заводѣ его не любятъ.

Что же касается другого виднаго героя повѣсти—странника Іегудіила или Іоны, то кто не узнаетъ въ немъ столь знаменитаго Луку (изъ піесы Горькаго «На днѣ»)? Въ третьемъ актѣ піесы собирающійся уходить изъ Костылевской ночлежки Лука, на вопросъ Пепла: «куда теперь?»—отвѣчаетъ: «Въ хохлы... Слыхалъ я—открыли тамъ новую вѣру... Поглядѣть надо... да!..» И вотъ теперь передъ нами — Лука, уже нашедшій, повидимому, новую вѣру, если только не найдетъ потомъ другой, еще лучше. И остался онъ все тѣмъ же «старцемъ лукавымъ», какимъ и былъ. Правды и прямоты отъ него не ждите. На вопросъ Матвѣя, изъ духовныхъ ли онъ? онъ отвѣчаетъ:— «Былъ попомъ (если только былъ—скажемъ отъ себя) недолго, да разстригли, и въ Суздаль-монастырѣ шесть лѣтъ сидѣлъ! За что, спрашиваешь? А говорилъ я въ церкви народушкѣ проповѣди, онъ же, по простотѣ души, круто повялъ меня. Его за это пороть, меня—судить, тѣмъ дѣло и кончилось. О чемъ проповѣди? Ужъ не помню. Было это давненько, восемнадцать лѣтъ тому назадъ,—можно и забыть. Разными мыслями я жилъ, и всѣ онѣ не ко двору приходились».

Можно представить, какія лукавыя были это проповѣди (пропаганда, конечно), и можно ли повѣрить, что Іона дѣйствительно забылъ ихъ содержаніе? Таковъ же онъ и дальше: говоритъ все прибаутками и намеками, какъ и Лука, все вокругъ да около, а прямо не говоритъ ничего, такъ что даже Матвѣю становится досадно. — «Какъ передъ дверью держать онъ меня, а не отворяетъ ее, не называетъ, чтò за нею спрятано имъ — жалуется онъ.— Растетъ во мнѣ нетерпѣніе и нѣкая досада. Рѣчи старика кажутся темными, и хотя порою сверкаютъ какія-то жуткія искры въ словахъ его, но онѣ только ослѣпляютъ меня, не освѣщая тьму въ душѣ... Чуденъ старикъ... Ставлю я разные вопросы ему; хочется мнѣ, чтобы онъ проще и короче говорилъ, но замѣчаю, что обходить онъ задачи мои, словно прыгая черезъ нихъ». Такъ же лукавъ

Иона и во всемъ остальномъ, и въ наружности своей. Совершенный атеистъ—онъ носить однако подрясникъ, косячку и скуфейку: совсѣмъ, по виду, монастырскій послушникъ или странникъ по святымъ мѣстамъ. Такъ удобнѣе вкратчѣ въ довѣріе къ простымъ людямъ; можно и чайку хорошаго выпросить у купчихи, разумѣется, скрывъ отъ нея, въ какого Бога онъ вѣруетъ. Невольно приходять на память слова Спасителя о волкахъ въ одеждѣ овчей.—Насколько—прибавимъ кстати—Лука—Иона ниже толстовскаго Акима (изъ «Власти тьмы»).

Дьячекъ Ларіонъ, Савелка Мигунъ — оба горькіе пьяницы и—одинъ—птицеводь, а другой—риемоплетъ, веселый цыникъ Серафимъ, веселый и озорной заводскій паренекъ Степа, собирающійся бродяжить по всей Россіи, полусумашедшій церковный сторожъ Власій, считающій себя Веллесомъ, скотскимъ богомъ, да отчасти и самъ Иона—всѣ эти, по выраженію Ионы, «милые люди, шуты Божіе и боголюбые, настоящіе люди, русской земли цѣвты» — имѣють своимъ прототипомъ веселаго пьяницу и риемоплета сапожника Перфишку («Трое»). Зачатки «богостроительства» Ионы зимѣтны въ словахъ трапичника Еремѣя, что народъ — богоносецъ (тамъ же). Наконецъ, такъ же неосновательно и произвольно, какъ Яковъ Маякинъ (въ «Θомѣ Гордѣвѣ») книгу Иова, толкуеть здѣсь Титовъ извѣстныя слова изъ 138-го псалма (ст. 7-й и слѣд.): «камо пойду отъ Духа Твоего, и отъ Лица Твоего камо бѣгу?» Священный восторгъ псалмопѣвца предъ величіемъ Божіимъ онъ, въ тактъ своей жадной и трусливой душонокъ, перетолковываетъ какъ страхъ передъ дьяволомъ. Теперь перейдемъ къ разбору повѣсти.

Итакъ, по выводу автора повѣсти, Бога не существуетъ. Тотъ, Кого называютъ Богомъ, есть народъ или, правильнѣе, народное самосознаніе, народная мысль, народная душа, народная сила, народная правда и вообще,

такъ сказать, квинтъ-эссенція народа, его мысль, его воля, его сила, его праведность. Народное богоискательство есть исканіе народомъ самого себя, постепенное познаніе и сознаніе себя, своей души, своей силы, своего значенія. Народъ есть богостроитель, вѣрнѣе боготворецъ («отецъ всѣхъ боговъ бывшихъ и будущихъ») и чудотворецъ—въ извѣстномъ смыслѣ (исцѣленіе разслабленной дѣвушки магнетизмомъ народнаго взгляда—въ концѣ повѣсти).

Къ немалому смущенію поклонниковъ Горькаго, какъ взятаго марксиста и пѣвца человѣческой личности, повѣсть проникнута самымъ яркимъ народничествомъ и коллективизмомъ, подчиненіемъ личности общему.—«Ничтожный и злой комокъ мелкихъ желаній, нареченный «я», и есть злѣйшій врагъ человѣка—резонируетъ учитель Михайла.— Все новое, истинно человѣческое.. этимъ «я» ненавистно и гонимо».—На это только и можно отвѣтить, что фантази эти—не новы, и что бумага все терпитъ. Только самъ авторъ устами выведеннымъ имъ же героемъ опровергаетъ себя на каждомъ шагу. Съ первой до послѣдней страницы «Исповѣди» народъ жаждетъ и ищетъ именно *Личнаго* Бога, а ужъ никакъ не народа-Бога, весьма неискусно придуманнаго и навязываемаго ему нашимъ авторомъ.— «Вижу—говорить самъ же онъ устами своего героя—по всѣмъ дорогамъ и тропамъ тянутся, качаясь, сѣрыя фигуры съ котомками за спиной, съ посохами въ рукахъ; идутъ не торопясь, но споро, низко наклоняя головы; идутъ кроткіе, задумчивые и довѣрчиво открытые сердцемъ. Стекаются въ одно мѣсто, посмотрятъ, молча помолвятся, поработаютъ; *есть какой-нибудь праведникъ,—поговорятъ съ нимъ тихонько о чемъ-то,* и снова растекутся по дорогамъ, печально шагая до другого мѣста. Идутъ, идутъ старые и молодые, женщины и дѣти, словно всѣхъ одинъ голосъ позвалъ... Гудитъ подъ ногами искателей вся земля и толкаетъ ихъ дальше — черезъ рѣки, горы, лѣса и моря—еще дальше, всюду, *гдѣ уединенно обитали стоятъ, обтѣвая чудеса;* всюду, гдѣ дышитъ надежда на

«что-то иное, чѣмъ эта горькая, трудная, тѣсная жизнь»... Какому же Богу поклониться идетъ вся эта масса? Отвѣтъ понятенъ и ясенъ самъ собою. Правда, ко многимъ изъ этихъ богомольцевъ, въ особенности къ монастырскимъ послушникамъ, авторъ относится крайне отрицательно и не находитъ достаточно словъ для ихъ осужденія, называя ихъ только пылью позади людей, охваченныхъ тревогою богоисканія,—пылью, сметаемою вѣтромъ къ церковнымъ папертямъ. Но къ числу такихъ не долженъ ли бы онъ былъ, по совѣсти, причислить и обоихъ главныхъ героевъ своей повѣсти—Матвѣя и Иону?

Куда же и зачѣмъ идутъ всѣ эти люди и чего они тамъ ищутъ? Спросите любого изъ нихъ, и онъ скажетъ вамъ, что ходятъ они по *святымъ* мѣстамъ и обителямъ, ходятъ за тѣмъ, чтобы *помолиться Богу* (разумѣется, только не тому, какого проповѣдуетъ Иона), поклониться мощамъ святыхъ угодниковъ, посмотреть и послушать благолѣпие церковное и благолѣпие церковнаго служенія, побесѣдовать со старцами и праведными людьми и отъ нихъ получить совѣтъ и утѣшеніе,—словомъ—обновить и очистить душу, затасканную и загрязненную мірскою грязью и грѣхомъ, дать отдохнуть ей усталой отъ мірской суеты. Вотъ зачѣмъ идутъ эти люди,—недаромъ и называются они *богомольцами* (но только ужъ никакъ не въ іониномъ смыслѣ. Есть, конечно, и исключенія, вроде Матвѣя, Ионы и другихъ, о которыхъ упоминаетъ самъ Матвѣй, но они въ счетъ не идутъ).

И опять-таки не можетъ никакъ удержаться нашъ авторъ, чтобы лишній разъ не обличить самого себя. Въ самомъ концѣ повѣсти выводится въ бесѣдѣ съ Матвѣемъ «поповъ батракъ», простой мужицкій парень, но уже тронутый пропагандой. На слова Матвѣя, что пропаганда—дѣло Божье, онъ вдругъ «всталъ, коломъ воткнулся въ землю, такъ что Матвѣй его въ спину толкнулъ,—повернулъ къ нему лицо и строго спрашиваетъ:

— То-то, Божье ли? Вотъ я и думаю. Потому что ука-

зано—чти отца! И власти—онѣ, тоже сказано, отъ Бога. Это подтверждено знаменіями. Значить, ежели старый законъ измѣняется, — тоже должны быть даны знаменія. А гдѣ они? Въ сторону новыхъ законовъ—нѣтъ чудесъ! Никакихъ! Все по старому!.. Были чудеса? Были? Они этого не признають. Считають обманомъ всѣ признаки. Или говорить—это вѣра творить чудеса. И бываетъ такъ, что хочется мнѣ перебить ихъ, чтобы не смущали».

Комментаріи къ этому, думается, излишни.

Но самое неудачное и нелѣпое мѣсто въ повѣсти—это, по нашему мнѣнію, попытка объясненія чуда исцѣленія разслабленной дѣвушки во время крестнаго хода, несмотря на то, что радикальная критика ¹⁾ приходитъ отъ этого мѣста въ дикій восторгъ. Т.-е. самое описаніе чуда, пожалуй, не лишено художественности, но за то попытка объясненія его силою магнетизма народнаго взгляда представляетъ собою верхъ нелѣпости. Какъ чудо,—исцѣленіе понятно, и весь народъ, участвовавшій въ крестномъ ходу, кромѣ одного лишь Матвѣя, смотритъ на него именно какъ на чудо, требуетъ молебна, и «изъ тѣла народа поднимается его могучій вздохъ, тысячеголосое пѣніе:

— Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго!.. Радуйся, Всеблагая, радуйся!» А послѣ чуда: «всюду праздничъ, праздничный гулъ и звонъ колокольный»...

И сама исцѣленная, идя, вскрикиваетъ:

— Милые! Господи! О, Владычица! Милые!»

Нужно ли спрашивать, Кому она приписываетъ свое исцѣленіе?

«Идетъ—разсказываетъ далѣе Матвѣй—мимо меня нѣкій человѣкъ, улыбается и спрашиваетъ:

— Видѣлъ?

Обнялъ я его и поцѣловалъ, какъ брата послѣ долгой разлуки, и больше ни слова не нашлось у насъ сказать другъ другу; улыбаясь, молча, разошлись».

¹⁾ В. Львовъ. „Новая вѣра“. *Образованіе*, июль 1908 г.

Не думаетъ ли Матвѣй, что и этотъ человѣкъ тоже увѣровалъ въ силу народнаго магнетизма?

Упомянутый выше критикъ г. Львовъ, стараясь доказать возможность такого исцѣленія, ссылается на романъ Э. Золя «Лурдъ», «гдѣ такихъ чудесъ читатель найдетъ сколько угодно». Вотъ такъ научное доказательство! Не знаешь, чему больше удивляться, наивности или невѣжеству нашего критика. Да и «Лурдъ»-то онъ, очевидно, помнить плохо: и тамъ описывается только одно такое «исцѣленіе» — разслабленной дѣвушки Маріи де Герсэнь.

Любопытно сравнить описаніе чуда въ «Исповѣди» съ описаніемъ чуда спасенія чудотворной иконы отъ взрыва въ пьесѣ Леонида Андреева «Савва». Тамъ, т.-е. у Андреева, сдѣлано все, чтобы дискредитировать чудо, быть можетъ, и дѣйствительное; здѣсь же сдѣлано, наоборотъ, все, чтобы усилить впечатлѣніе и возвеличить чудо, но только какъ чудо, совершенное народомъ.

Кстати, коснемся и нѣкоторыхъ другихъ авторскихъ фантазій. Учитель Михайла утверждаетъ, что Богъ въ его смыслѣ (т.-е. богъ-народъ) дѣйствительно былъ въ первобытныя времена, «когда люди единодушно творили его изъ вещества своей мысли, дабы освѣтить тьму бытія; но когда народъ разбился на рабовъ и владыкъ, на части и куски, когда онъ разорвалъ свою мысль и волю, — Богъ погибъ, Богъ — разрушился». — Такое утвержденіе даже радикальный критикъ Львовъ называетъ придуманной и наивной романтикой, рассказанной какимъ-то сантиментально-приторнымъ языкомъ. «Въ тѣ отдаленныя времена, когда существовалъ первобытный коммунизмъ — говоритъ онъ — не было бога разума и красоты, справедливости и любви, и самъ родъ мало походилъ на всемогущаго Бога, творящаго чудеса», т.-е. жизнь первобытныхъ людей, если понимать ихъ въ раціоналистическо-матеріалистическомъ смыслѣ, мало отличалось отъ скотской.

Михайлъ полонъ упованія на будущую «необоримую и чудесную творческую силу» народа, когда снова «воскрес-

нетъ Богъ». Еще болѣе восторженной увѣренности въ ослѣпительно свѣтломъ будущемъ народа и «великихъ красотъ, кои будутъ сотворены», полонъ невѣрующей «студентъ изъ духовнаго званія» Яша Владыкинъ.—Но только ничто пока въ настоящемъ что-то не указываетъ на эту будущую «велию красоту» и свѣтъ. Скорѣе можно предугадывать противоположное.

Но главное -- вотъ въ чемъ. Вѣдь всѣ эти господа — и Матвѣй, и Иона, и учитель Михайла и всѣ другіе положительные герои повѣсти — совершенные атеисты, люди совершенно невѣрующіе и, вдобавокъ, лютые враги Христовой вѣры, всѣ усилія свои употребляющіе на то, чтобы разрушить ее. Зачѣмъ же они все время говорятъ о Богѣ, зачѣмъ грязнятъ имя Божіе, оскорбляя тѣмъ и истинно вѣрующихъ; зачѣмъ морочатъ, съ позволенія сказать, читателей; зачѣмъ называютъ свои бредни религіей? Зачѣмъ эта церковная терминологія? Или они ужъ настолько скудны мыслью и фантазіей, что ничего своего и придумать не могутъ? Зачѣмъ, наконецъ, вся эта церковная внѣшность и обстановка: скуфы, подрясники, длинные волосы, «какъ у дьякона», даже у атеиста учителя Михайлы, славянскіе псалтири, церковно-славянскій языкъ и даже бродяжничество все-таки по *святымъ* мѣстамъ, монастырямъ и скитамъ? Вѣдь если вы въ Бога не вѣруете, такъ не грязните имя Его, не оскорбляйте вѣрующихъ въ Него; называйте вашего идола (потому что безъ него вы все-таки не можете обойтись) кѣмъ угодно, только не Богомъ, а ваше міропониманіе чѣмъ и какъ угодно, только не религіей. Вѣдь это же просто нечестно, вѣдь это подлогъ — да еще въ чемъ! — мороченье народа, для болѣе успешнаго обмана котораго вы подмѣняете самое драгоценное для него. За это упрекаетъ въ повѣсти Михайлу даже болѣе, по своему, честный слесарь Петръ Ягихъ. — «Ты, Мишка — говоритъ онъ ему — нахватался церковныхъ мыслей, какъ огурцовъ съ чужого огорода наворовалъ, и смущаешь людей». То же ваходить даже и радикальная критика.

Съ другой стороны, этихъ людей невольно все-таки тянетъ къ Богу. Самъ Петръ Ягихъ, несмотря на все свое богоборчество двухъ словъ не произносящій безъ того, чтобы на третьемъ не помянуть Бога, его племянникъ заводскій учитель Михайла, буквально помѣшанный на Богѣ и больше почти ни о чемъ не могущій говорить, Матвѣй, Иона и другіе, невѣрующій студентъ Яша Владыкинъ, который, «въ Бога не вѣруя, церковную музыку любить до слезъ, играетъ на фисгармоніи псалмы и плачетъ» — всѣ эти люди на самомъ дѣлѣ все-таки все время бродятъ около Бога—Истиннаго, Дѣйствительнаго Бога, а не того, какого тщетно старается придумать ихъ болѣзненная фантазія. Не есть ли это бессознательный протестъ, тоска души, ограбленной въ своемъ лучшемъ и драгоценнѣйшемъ достояніи!

Отъ своей гордости Матвѣй и не нашель Бога, въ Котораго, впрочемъ, у него никогда и не было настоящей вѣры, какъ и у Василія Фивейскаго, котораго онъ во многомъ напоминаетъ. Онъ прошелъ мимо Бога—потому что никогда не искалъ его какъ слѣдуетъ, въ смиреніи и любви.

Странно или, впрочемъ, наоборотъ, вполне понятно, что такъ поверхностно и блѣдно изображены въ повѣсти «богостроители» рабочіе. Очень мало говорится о самомъ заводе, а о «богостроителяхъ» — почти только то, что они — люди смѣлые, даже отчаянные и дерзкіе, въ противоположность выведеннымъ въ андреевскомъ «Царѣ-Голодѣ», пьяницы, крайне любящіе всякія неприличныя слова и драку. О богостроителяхъ, какъ о положительныхъ типахъ и будущихъ владыкахъ и устроителяхъ жизни, нужно было сказать гораздо больше, — послѣ того, какъ столько помой было вылито на духовныхъ и монаховъ. Конечно, осуждать и обливать помоями — несравненно легче. Къ блѣдности и поверхностности изображенія присоединяется и искусственность и неестественность, въ особенности въ объясненіи причинъ высылки Матвѣя съ завода.

Плохое знаніе монастырской жизни проглядываетъ въ названіи «братъ», которымъ монахи будто бы величаютъ другъ друга. Это — въ католическихъ монастыряхъ, а въ нашихъ—даже послушниковъ величаютъ: отецъ.—Сельскій дьячекъ и, вдобавокъ, горькій пьяница Ларіонъ знаетъ и объясняетъ миеологию.

Ненависть къ православію и ко всему церковному, къ духовенству и особенно монашеству—въ повѣсти страшная. Монастырская жизнь изображается въ самомъ неприглядномъ и безобразномъ видѣ. Всевозможныя насмѣшки и каррикатуры на духовенство и монашество переполняютъ повѣсть, дѣлая ее въ лучшемъ случаѣ крайне одной стороной. Ни одного даже сколько вибудь положительнаго типа авторъ здѣсь не хочетъ найти. Есть, правда, въ повѣсти удачныя мѣста и болѣе или менѣе удачныя типы, какъ, напр., послушникъ Миха и схимонахъ Мардарій, но въ общемъ немного. — Кошунственными выходками противъ Бога, вѣры и церкви повѣсть буквально переполнена.

Вообще повѣсть отличается крайнею деревянностью и искусственностью и плана, и языка.—«Вся она—говорить о ней критикъ *Русской Мысли* (августъ 1908 г.)—смахиваетъ порою на статью, въ которой сначала выстраиваются отрицательные тезисы, потомъ приводится ихъ опроверженіе и, наконецъ, высказывается собственное мнѣніе. Вся разница лишь въ томъ, что и отрицательные, и положительные тезисы одѣты здѣсь въ костюмы людей и выводятся въ извѣстной обстановкѣ. Нѣкоторыя фигуры какъ будто для того лишъ и созданы, чтобы сказать то-то и то-то». Отсюда — крайняя растянутость и безжизненность повѣсти. Еще хуже — слогъ повѣсти крайне вычурный, тяжелый, такъ сказать, витійственный, составляющій поддѣлку то подъ житійный и церковно-славянскій, то подъ народный языкъ. Все это, вмѣстѣ съ нестерпимымъ, до тошноты, постояннымъ резонерствомъ автора и его столь же нестерпимымъ самоупоеніемъ,—дѣлаетъ и самое чтеніе повѣсти дѣломъ довольно нелегкимъ.

Въ заключеніе приходится сказать, что Горькій своею «Исповѣдью» не достигъ ни одной изъ поставленныхъ имъ цѣлей: не реабилитировалъ своей литературной репутаціи, не объяснилъ естественнымъ путемъ народнаго богоискательства и не смогъ дать мистической подкладки революціонному социализму.

Свящ. Н. Колосовъ.

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Изъ исторіи семинарскаго быта.

Въ настоящее время, когда обсуждается вопросъ о томъ, въ какомъ духѣ и направленіи слѣдуетъ произвести реформу духовныхъ семинарій, взоры многихъ съ благоволеніемъ обращаются къ типу старинной духовной семинаріи, который будто бы можетъ служить образцомъ и для новѣйшихъ семинарій. Въ виду существованія такой тенденціи, не бесполезно будетъ начертить картину жизни семинаристовъ стариннаго времени одной изъ наиболее устроенныхъ семинарій—Виѣанской. Трудями митрополита Платона, казалось, эта семинарія была поставлена на правильный путь,—такъ много стараній объ этомъ своемъ дѣтищѣ употребилъ великій московскій святитель! Что же представляла собою жизнь виѣанскихъ семинаристовъ 20-хъ и 30-хъ годовъ 19-го столѣтія?

Мы выбрали именно эти годы потому, что у насъ подъ руками имѣется значительное собраніе писемъ виѣанскихъ семинаристовъ отъ означеннаго времени. Между тѣмъ, конечно, эти письма могутъ наиболее послужить для нашей цѣли. Это—неофициальные, безпристрастные свидѣтели о ходѣ семинарскаго быта, гораздо болѣе достовѣрные, чѣмъ документы семинарскаго архива, изображающіе только внѣшнюю, показную сторону семинарскаго быта.

Виѣанская семинарія находится въ трехъ верстахъ отъ Троицко-Сергіевой лавры. Она построена близъ монастыря, на берегу обширнаго пруда и прямо выходитъ въ Виѣанскую рощу. Около нея невдалекѣ расположена небольшая слободка. Понятно, что лѣтнее время для виѣанскихъ семинаристовъ представляло много прелестей. «Наша Виѣанія—пишетъ одинъ семинаристъ при наступленіи

лѣта — начала процвѣтать, яко кринь; рощи наполнены крылатыми пѣвцами, а долины усѣваются пріятными и обворожающими взоръ цвѣтами. Нашъ братъ — семинаристъ гуляетъ, какъ говорятъ, и въ хвостъ, и въ голову; прошла скука, въ которую всѣхъ повергла угрюмая зима. Сова и вороны не терзаютъ болѣе нашего слуха, но пріятная мелодія соловьевъ услаждаетъ оный своими пріятными звуками». Но за то въ теченіе глухой осени и снѣжной суровой зимы семинаристы чувствовали себя въ крайне угнетенномъ состояніи и всѣ свои помыслы направляли къ вакаціонному времени — къ Рождеству, масляницѣ и Пасхѣ, когда можно было покинуть надоевшую имъ семинарію.

Но не только суровая и угрюмая зимою и осенью мѣстность возбуждала въ семинаристахъ мрачныя мысли. Самое обученіе, для котораго собственно и существовала семинарія, не находило себѣ особаго одобренія со стороны воспитанниковъ семинаріи. Правда, нѣкоторые семинаристы хвалятъ того—другого профессора, высказываютъ свою любовь и уваженіе, напр., къ умершему своему наставнику С. А. Памфилову - Платонову, тѣмъ не менѣе, какъ это замѣтно изъ многихъ писемъ, семинарская схоластическая наука не приходилась по вкусу большинству семинаристовъ. «Правила о тропахъ, о фигурахъ, о періодахъ и т. д. такъ мнѣ наскучили—пишетъ одинъ риторъ,— что кажутся мнѣ гнуснѣйшими всякихъ правилъ». Изъ писемъ не видно, чтобы семинаристамъ рекомендовались какія-либо книги для чтенія, и чтобы они сами интересовались скольконибудь литературой. Изъ свѣтскихъ книгъ въ письмахъ упоминается только одинъ «Сонникъ» или, по выраженію семинаристовъ, бабья философія, которую оканчивающій курсъ семинаристъ собираетъ подарить своей невѣстѣ. — Семинаристы не обнаруживаютъ никакихъ поползновеній къ полученію высшаго свѣтскаго образованія,—о существованіи университета въ Москвѣ имъ какъ будто бы и неизвѣстно. Только одинъ изъ семинарскихъ неудачниковъ выражаетъ желаніе «пойти въ медицину». Даже объ академіи почти никто не думаетъ, хотя она находилась въ трехъ верстахъ отъ Виѣани... Единственно, что занимаетъ мысли виѣанскихъ семинаристовъ—это перспектива сдѣлаться священникомъ въ селѣ и зажить своимъ собственнымъ хозяйствомъ, въ полномъ довольствѣ и благополучіи. О служеніи же духовному про-

свѣщенію народа и вообще о чемъ-нибудь возвышенномъ семинаристы въ своихъ письмахъ не говорятъ, даже и тѣ, кто уже кончалъ курсъ...

Въ нравственномъ отношеніи жизнь виѳанскихъ семинаристовъ представляла также мало отраднаго. Мы напрасно искали въ письмахъ признаковъ какого-нибудь религіознаго одушевленія, чего-нибудь специально *«духовнаго»*: нѣтъ положительно ничего въ этихъ письмахъ, что показывало бы религіозную настроенность ихъ авторовъ и стремленіе потрудиться надъ своимъ духовнымъ усовершенствованіемъ. Единственно, что еще аттестуетъ ихъ съ доброй стороны — это ихъ тѣсная дружба между собою.. Семинаристы, естественно, впрочемъ, привужденные жить въ ближайшемъ общеніи другъ съ другомъ, устанавливали кружковую дружбу, составляли извѣстный кругъ близкихъ лицъ, которыя и жили одинаковыми интересами. Большею частію сходились между собою сосѣди по мѣсту рожденія или же родственники. *«Любезный другъ!»*—пишетъ одинъ семинаристъ своему товарищу, жившему дома по причинѣ тяжелой болѣзни.—*«Если бы было возможно пособить вашей болѣзни, то, кажется, отдалъ бы вамъ половину своего здравія за ваше дружеское ко мнѣ расположеніе»*. Другой пишетъ, что онъ не можетъ забыть своего больного друга, какъ не можетъ забыть самого себя, потому что *«другъ значитъ другой я»*...

Впрочемъ, нравственная атмосфера въ семинаріи была довольно тяжела. *«О, Виѳанія!»*—пишетъ одинъ семинаристъ, оставшійся въ семинаріи на Пасху. — *«Скоро ли ты скроешься отъ очей нашихъ? Будетъ ли время утѣхи скорбнымъ сердцамъ бѣдныхъ школьниковъ?»* Другой *«писатель»* изображаетъ разставаніе семинаристовъ съ Виѳаніей на лѣтнія вакаціи. *«Настало время, въ которое Виѳанія должна опустѣть. Всѣ прощаются и говорятъ, обращая слова къ стѣнамъ семинаріи: прости, прости, прости, мучительница каждаго изъ насъ!.. Въ нѣкоторыхъ письмахъ видно пристрастіе семинаристовъ къ Бахусу. Одинъ семинаристъ пишетъ письмо «трепещущею рукою и съ разсѣянными мыслями», потому что — прибавляетъ онъ— «пишу съ похмелья, винные недуги совершенно разслабили»*. Вотъ другое письмо въ томъ же духѣ. *«Братъ! Утрашали меня виѳанскою скукою; совершенно случилось противное: виѳанскія увеселенія тѣ же самыя, тожмо въ нѣкоторыхъ несовершенствахъ... Все находится: книги*

для занятія, вино и пиво для увеселенія семинаристовъ, а послѣдняго мы болѣе держимся—и такъ держимся, что не знаемъ ни дня, ни ночи. Для насъ все равно, поелику всегда мертвецки пьяны... У васъ, я думаю, ч... знаетъ, что творится—пляски, скачки, наряды, карты, лики и различнаго рода хоры пѣвцовъ! Мы со стороны пѣвцовъ и прочаго вамъ не завидуемъ, поелику мы—сами пѣвчіе, сами играемъ въ карты, какъ и вы, а можетъ быть превзошли васъ. Чѣмъ? Комедіями, которыя у насъ сами творятся,—и подлинно творятся, поелику дернувъ стаканъ, другой, третій, тотчасъ открывается занавѣсъ, и начинается дѣйствіе. Иной поетъ, иной сидитъ—козъ деретъ, иного кладутъ спать, иной не поетъ, а оретъ... Прощай—некогда! Зовутъ! Куда? въ глинковской трактиръ — пить... Вакаціонное время семинаристы также проводили въ служеніи Бахусу,—откуда только у нихъ брались на это средства! Съ этимъ вмѣстѣ связывались и другія, еще болѣе неприличныя воспитанникамъ увеселенія, о которыхъ авторы писемъ дѣлаютъ довольно недвуслысленныя признанія...

Есть въ письмахъ намеки и на другія неблагопріятныя условія семинарскаго воспитанія. Оказывается именно, что начальство поощряло доносы однихъ воспитанниковъ на другихъ и на основаніи этихъ доносовъ составляло аттестацію воспитанникамъ. Выясняется также существованіе другого зла тогдашнихъ семинарій—взяточничества, какое практиковалось нѣкоторыми профессорами по отношенію къ ученикамъ. «Госп...—читаемъ въ одномъ изъ писемъ—истинно мздопріимный человекъ! По пріѣздѣ моемъ послѣ вакаціи всѣ мои экспромты, можно сказать, очень хорошіе, стали слабы и не дѣйствительны, и не болѣе за нихъ заслуживаю, какъ «старательно»,—и былъ спрашиваемъ до Рож. Хр. одинъ разъ и то на репетиціи, т.-е. по необходимости»... «Пряники—пишетъ тотъ же ученикъ въ другомъ письмѣ къ своему отцу—священнику—были приняты съ особымъ благодареніемъ какъ отъ инспектора, такъ и отъ профессора». Такъ какъ этотъ ученикъ былъ серьезно боленъ и значительно отсталъ въ наукахъ отъ своихъ товарищей, то отецъ его освѣдомлялся у одного изъ старшихъ воспитанниковъ, что нужно сдѣлать для того, чтобы его сына перевели изъ риторики въ философію. Свѣдущій человекъ отвѣчалъ въ письмѣ: «ежели вашъ Сережа еще долженъ будетъ остаться на два года (сіе будетъ и гораздо лучше), то ваша благодарность профессору не совсѣмъ нужна.

Ежели же вы хотите его перевести (если только будетъ можно), то въ такомъ случаѣ благодарность будетъ уже необходима». Отецъ пишетъ къ сыну, что для него выгоднѣе «поблагодарить» профессора, чѣмъ платить за содержаніе сына въ семинаріи въ теченіе лишнихъ двухъ лѣтъ... Наконецъ, есть указанія на то, что среди воспитанниковъ семинаріи были люди «нечистые на руку». Одивъ ученикъ жалуется, что ничего «плохо положить нельзя, а все должно класть за замокъ»...

Вотъ нѣсколько чертъ изъ стариннаго семинарскаго быта одной изъ центральныхъ семинарій, которая находилась подъ вѣдѣніемъ великаго Филарета. Нерадостная картина рисуется намъ: печальна жизнь и нравственная физіономія будущихъ служителей алтаря, духовныхъ вождей православнаго народа... И нужно ли обращать свои взоры къ этой старинѣ, чтобы найти какіе-нибудь образцы, по которымъ можно бы начать реформировать жизнь нынѣшнихъ семинарій?!

Н. Розановъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

У автора (С.-Петербургъ, Невскій просп., № 180, кв. 5), въ конторѣ *Державнаго Вѣстника* (Спб. Шлиссельбургскій просп., д. 4, кв. 8) и въ книжныхъ магазинахъ И. Л. Тузова (Спб. Гостиный дворъ, по Садовой ул., № 45), „Новаго Времени“ и др. можно приобрести слѣдующія сочиненія и изданія ординарнаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи

Николая Никаноровича Глубоковскаго:

1) **Блаж. Θεодоритъ**, епископъ Кирскій, въ 2-хъ томахъ; I: его жизнь и II: литературная дѣятельность (съ обзорѣніемъ времени и событій 3-го, 4-го и 5-го вселенскихъ соборовъ, съ разсмотрѣніемъ раскольническаго „*Θеодоритова слова*“ и пр.). Москва 1890. *Магистерская* диссертация, удостоенная Св. Синодомъ *полной* Макаріевской преміи. Цѣна I т. 3 р., перес. 40 коп., II т. 4 р., перес. 45 коп., за оба тома 7 р. 50 коп. съ перес.

2) **Благовѣстіе христіанской свободы** въ посланіи св. Ап. Павла къ Галатамъ. Сжатое и общедоступное обзорѣніе. Спб. 1902. Книга удостоена Св. Синодомъ *полной* Макаріевской преміи. Цѣна 2 р., пер. 35 коп.

3) **Благовѣстіе св. Апостола Павла** по его происхожденію и существу; книга первая: Введеніе; Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла: „Евангеліе“ Павлово и іудейско-раввинское богословіе, апокрифы и апокалиптика. Спб. 1906. Цѣна 4 р. 50 коп., перес. 75 коп.

4) **По вопросамъ духовной школы** (средней и высшей) и объ Учебномъ Комитетѣ при Св. Синодѣ. Спб. 1907. Цѣна 1 р., пер. 20 коп.

5) **Своеобразная защита Учебнаго Комитета**. По поводу книги о семъ ревизора Д. И. Тихомирова и въ связи съ вопросомъ о преобразованіи Учебнаго Комитета и ревизорскаго института. Цѣна 55 к. съ перес.

6) **Знаменательный день въ жизни сельскаго пастыря** о. В. М. Попова (съ 5 гравюрами). Спб. Цѣна 70 коп., пер. 20 коп.

7) **Дорогой памяти** неутомимаго искателя правды — писателя и изобрѣтателя врача Матвѣя Никаноровича Глубоковскаго († 1903, XII, 11), съ портретомъ его. Спб. 1904. Цѣна 50 коп., съ перес. 60 коп.

8) **Моломская Михайло-Архангельская церковь** Вологодской губ., Никольскаго у. (1889 — 1904 гг.), съ 3 портретами и 7 снимками. Цѣна 50 коп., перес. 20 коп.

9) **Памяти покойнаго** († 1908, VII, 14) профессора Алексѣя Петровича Лебедева (съ портретомъ и автографомъ его). Спб. 1908. Цѣна 55 коп. съ пер.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

ДУХОВНЫЯ ДАРОВАНІЯ ВЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ.

Священника **Михаила Оивейскаго.**

цѣна **2** рубля.

Можно приобрѣтать у автора: Мал. Толмачевскій пер. за
Москвой рѣкой, д. церкви св. Николая въ Толмачахъ.

„ПНЕВМА“.

Приборъ для леченія легочныхъ болѣзней (инфлуэнца, гриппъ,
бронхитъ и чахотка, и т. д.) также для отвычки отъ табако-
куренія и исправленія голоса.

Изобрѣтеніе врача **М. Н. Глубоковскаго.**

Разрѣшено Медицинскимъ Совѣтомъ (№ 3581).

До сихъ поръ при леченіи болѣзней легкихъ всѣ лекарства вводились въ организмъ чрезъ желудокъ. „Пневма“ даетъ возможность вводить прямо въ больныя легкія, дѣйствуя непосредственно на бактерии. Подробныя объявленія и наставленіе прилагаются при „Пневмѣ“, отдѣльно же высылаются за двѣ 7-ми коп. марки.

Цѣна прибора **3** р., съ пересылкой **3** р. **50** к.

Адресъ для требованій: Москва, Пименовская улица, д. Лѣсина,
кв. 21. Евдокіи Вигсаріоновнѣ Глубоковской.

„ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІА“

МОЖНО ПРИОБРѢТАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ протоіерея Д. Ѳ. Насицына редактора журнала „Душеполезное Чтеніе“ съ приложеніемъ портрета, факсимиле и рисунка. Москва. 1902 г. Цѣна 1 руб. съ пересылкой.

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНІЕ ЯЗЫЧЕСТВА. Опытъ философской исторіи естественныхъ религій. Проф. М. Д. Акад. А. И. Введенскаго, т. (стр. XII+752). Цѣна 3 руб. съ пересылкой.

Полное собраніе РЕЗОЛЮЦІЙ ФИЛАРЕТА, Митрополита Московскаго. (Съ приложеніемъ портрета М. Филарета) съ предисловіемъ и примѣчавіями проф. И. Н. Корсунскаго и протопресвитера В. С. Маркова. Томъ I. (XX+2+619 стр.). Цѣна 2 руб. съ пересылкой. Томъ II (вып. 1, 2 и 3). Цѣна 2 р. съ пересылкой.

Д. Б. ЕПИСКОПА ВИССАРІОНА: 1) Поученія, говоренныя въ Костромѣ въ 1895 году Ц. 80 к., съ пер. 1 руб. 2) Костромскія поученія за 1897 годъ. Ц. 80 к., съ пер. 1 руб. 3) Костромскія поученія за 1898 годъ. Ц. 1 руб., съ пер. 1 руб. 20 к. 4) Костромскія поученія за 1899 годъ. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп. 5) Костромскія поученія за 1900 годъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. 6) Костромскія поученія за 1901 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 7) Костромскія поученія за 1902 годъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 8) Костромскія поученія за 1903 годъ. Цѣна 80 коп. съ перес. 1 руб. 9) Костромскія поученія за 1904 годъ. Ц. 50 к., съ пер. 70 коп. 10) Толкованіе на париміи изъ новозавѣтныхъ книгъ. 1895. Ц. 40 к., съ перес. 50 к. 11) Толкованіе на париміи изъ книгъ пророковъ: Іереміа, Іезекиіля, Даниіла, Іоіля, Іоны, Михея, Софоніи, Захаріи и Малахіи. 1892 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р. 12) Толкованіе на париміи изъ книги пророка Ісаіи. Ц. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 50 к. 13) Голосъ пастыря. 1893. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 14) Духовная пища. Сборникъ для религіознаго чтенія. 1891. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 15) Изъясненіе молитвы Господней. Ц. 15 к. 16) Христіанскіе уроки. Второе изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 17) Сборникъ для назидательнаго чтенія. Второе изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 18) Духовный свѣтъ. Второе изданіе. Ц. 1., съ пер. 1 р. 20 к. 18) О вечернѣ. Два публичныхъ чтенія. Изд. 1891 г. Ц. 30 к., съ пер. 35 к.

Расколы первыхъ вѣковъ христіанства. Монтианизмъ, новаціанство, донацизмъ и вліяніе ихъ на раскрытіе ученія о Церкви. Изслѣдованіе Д. Насицына. Выпускъ первый. 1889 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сказаніе о житіи оптинскаго старца Іеросхимонаха отца Амвросія. Архим. Григорія (Борисоглѣбскаго). Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Письма оптинскаго старца Іеросхимонаха о. Амвросія. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Святитель Теофанъ, затворникъ и подвижникъ Вышенской пустыни. И. А. Крутикова. 1899 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Высокопреосвящ. Иннокентій, Арх. Таврической. Ц. 1 р. съ пересылк. Преподобный Серафимъ Саровскій. Ц. 60 к. съ пересылкой.

Христіанство и социальная реформа. Ц. 15 к. съ пересылкой.

Указатели къ Душеполезному Чтенію: за 1860—1869 гг., 1880—1889 годовъ, по 15 к. за каждое десятилѣтіе

Кромѣ сихъ книгъ тамъ же можно приобрѣтать слѣдующія брошюры Епископа ВИССАРИОНА:

1. **Грѣхи чувствъ:** зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе, осязаніе и внутреннее чувство. Ц. 6 коп.
2. **Раздоръ между мужемъ и женой.** Ц. 5 к.
3. **Духовное завѣщаніе.** Ц. 4 к.
4. **Гордость.** Ц. 4 к.
5. **Старость.** Четвертое изданіе. Ц. 7 к.
6. **Братья и сестры.** Ц. 4 к.
7. **Свекрови и невестки.** Ц. 5 к.
8. **О христіанскихъ именахъ.** Ц. 3 к.
9. **Изреченія слова Божія, располагающія къ покаянію.** Третье изданіе. Ц. 2 к.
10. **О тѣлесныхъ дѣйствіяхъ при богослуженіи и молитвѣ** (стояніе, колѣнопреклоненіе, паденіе ницъ, воздѣваніе рукъ, поклоненіе лицомъ на востокъ, крестное знаменіе). Третье изданіе. Ц. 3 к.
11. **Радости и скорби родителей о дѣтяхъ.** Пятое изданіе. Ц. 2 к.
12. **Многочадіе и безчадіе.** Четвертое изданіе. Ц. 3 к.
13. **Святость брачнаго союза.** Изданіе второе. Ц. 4 к.
14. **Дружба.** Шестое изданіе. Ц. 4 к.
15. **О путешествіяхъ къ святымъ мѣстамъ.** Второе изданіе. Ц. 3 к.
16. **Лица безбрачныя.** Шестое изданіе. Ц. 4 к.
17. **Утѣшеніе и совѣты людямъ, живущимъ въ бѣдности.** Пятое изданіе. Ц. 2 к.
18. **Доброе имя.** Шестое изданіе. Ц. 2 к.
19. **Женихи и невесты.** Шестое изданіе. Ц. 4 к.
20. **Отчимы и мачехи, пасынки и падчерицы.** Шестое изданіе. Ц. 4 к.
21. **Изясненіе краткихъ изреченій, употребляемыхъ въ богослуженіи.** Четвертое изданіе. Ц. 5 к.
22. **Нѣчто о вечеринкахъ и балахъ.** Изд. 2-е. Ц. 4 к.
23. **Убогіе.** Изд. 5-е. Ц. 4 к.
24. **Сиротство.** Изд. 5-е. Ц. 4 к.
25. **Вдовство.** Изд. 5-е. Ц. 4 к.
26. **Инокъ ПАРФЕНІА. Число раскольниковъ.** Ц. 2 к.
27. **Преосвященнаго ІЕРЕМІИ—отшельника. Врачевство духовное отъ міра собираемое** (52 стр.). Ц. 10 к.
28. **Врачи и ихъ пациенты.** Второе изданіе исправленное и дополненное. Ц. 5 к.
29. **Лѣствица добродѣтелей.** Уроки христіанскаго усовершенствованія по руководству **ЛѢСТВИЦЫ** преподобнаго отца нашего Іоанна, игумена Синайской горы. **Лѣстичника** (52 стр.). Цѣна 10 к.
30. **Высокое значеніе храма Божія.** Изданіе второе. Цѣна 4 коп.

Всѣ 30 брошюры (въ нихъ около 825 стран.) съ пересылкой 1 р. 25 к.

При выпискѣ книгъ и брошюры сразу на 25 и болѣе рублей 20% уступки и пересылка на счетъ редакціи.

Нѣкоторые спрашиваютъ **Душеполезное Чтеніе за всѣ годы его изданія**, но, вмѣсто изданія за **сорокъ восемь лѣтъ**, полные экземпляры **Душеполезнаго Чтенія** имѣются только за четырнадцать лѣтъ, за 1887, 1888, 1893, 1894, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904,

1905 и 1906 годы, которые и продаются по **2** рубля, каждый годъ, съ пересылкой.

Ученіе св. Писанія о кончинѣ міра и предположенія новѣйшихъ ученыхъ о заустѣвнїи или же разрушенїи земли и окружающихъ ее небесныхъ тѣлъ ¹⁾.

Мы разсмотрѣли ученіе божественнаго откровенія о послѣднихъ событіяхъ въ мірозданїи. Но пытливый разумъ человѣческій часто не подчиняется авторитету вѣры. Случается, что люди вѣрятъ сомнительной, неprovѣренной и недоказанной гипотезѣ какого-нибудь ученаго и отворачиваются презрительно отъ яснаго слова священ. писанія. «Прежде, говоритъ проф. Глаголевъ, отрицали астрономическія теорїи во имя Библии, теперь во имя этихъ теорїй отрицаютъ Библию; прежде нападали на астрономовъ, теперь на богослововъ» ²⁾. «Какъ будутъ соглашены,—спрашиваетъ Фламарионъ у христіанъ,—вами старыя догматы съ новой наукой, апостоломъ которой я сталъ?» ³⁾ Такимъ образомъ, нѣкоторымъ послѣдователямъ науки кажется, что наука и Библия несогласимы между собой. Слѣдовательно, нельзя принять и того, что говоритъ св. писаніе о концѣ вселенной.

Но такъ ли уже несогласимы между собою Библия и наука? и можно ли дѣйствительно отвергнуть христіанскіе догматы тому, кто будетъ руководиться чистымъ знаніемъ?

На это прежде всего надо отвѣтить, что наука отно

¹⁾ Продолженіе. См. октябрьскую кн. *Душепол. Чтен.* 1908 г.

²⁾ С. С. Глаголевъ. Богословіе и Астрономія. *Бог. Вѣстн.* 1897 г., Сентябрь стр. 311.

³⁾ С. С. Глаголевъ. Изъ чтеній о религіи. 1903 г. стр. 364.

сительно вселенной еще не сказала своего послѣдняго слова. «Мы должны чистосердечно признаться, говорить Букландъ, что не настало еще время, чтобы утвердить на прочныхъ и неизмѣнныхъ основаніяхъ совершенную теорію земли, потому что передъ нами еще нѣтъ всѣхъ фактовъ, на которыхъ съ успѣхомъ могла бы утвердиться такая теорія» ¹⁾).

Во-вторыхъ, надо всегда имѣть въ виду, что съ одной стороны, «Библія выше того знанія, которое пріобрѣтаетъ естественная наука чрезъ наблюденіе и изученіе явленій природы» ²⁾), а съ другой—часто простыя гипотезы выдаются за послѣднее слово науки.

Не надо никогда забывать и того, что то, что «лежитъ вѣ и выше всякаго наблюденія, не можетъ входить въ область точнаго естествознанія, и въ рѣшеніи этихъ вопросовъ наука не компетентна» ³⁾). «Миѣ думается, говорить по этому поводу проф. Вирховъ въ своей рѣчи къ собранію естествоиспытателей, что въ области религіозно-нравственныхъ явленій естествознаніе должно вступить въ компромиссъ съ церковью... Эта область должна быть священной для людей, и естествознаніе не имѣетъ никакого права вторгаться въ нее, какъ область намъ недоступную» ⁴⁾).

Самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что наука не можетъ дать намъ несомнѣнно вѣрнаго рѣшенія многихъ вопросовъ относительно вселенной вообще и, въ частности—о концѣ міра, служатъ ошибки естествоиспытателей.

Такъ, напр., знаменитый астровомъ Гершель училъ о томъ, что млечный путь состоитъ изъ многихъ отдѣльныхъ звѣздныхъ скопленій. Всего онъ насчитывалъ 157

¹⁾ Геттингеръ. Апологія христіанства. Спб. 1872 г. ч. 2-я стр. 129.

²⁾ Евгеній Успенскій. Христіанское умозрѣніе и человѣческій разумъ. Пенза 1880 г. стр. 280.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid.

кучь и думаль, что со временемъ млечный путь распадется на отдѣльныя группы, и ему придетъ конецъ. Но передъ смертю великій астрономъ отказался отъ этого возрѣнія и призналъ, что млечный путь неизмѣримъ ¹⁾.

Долгое время никто изъ ученыхъ не сомнѣвался, что на Марсѣ есть атмосфера. Но къ общему удивленію астрономъ Ликовской обсерваторіи Чэмблемъ опровергъ это. При помощи спектроскопа онъ изслѣдовалъ спектръ марсовыхъ лучей, когда Марсѣ и луна находились на одинаковой высотѣ горизонта. Оказалось, что линіи поглощенія, производимыя атмосферой, ничуть не различились въ спектрѣ обоихъ свѣтилъ. Тогда стало ясно, что если и есть на Марсѣ атмосфера, то такая-же, какъ и на лунѣ ²⁾.

Интересенъ одинъ случай въ концѣ 18-го столѣтія.

Въ 1790 г. въ одной французской провинціи упалъ большой метеоритъ. Мэръ этого города отправилъ тогда донесеніе въ академію наукъ, скрѣпленное подписью 300 очевидцевъ. Но среди ученаго міра не выражали сочувствія этой общинѣ, которая имѣетъ такого глупаго мэра; а самый фактъ (паденіе метеорита) считали за физически-невозможный феноменъ. Ученый Делюкъ даже сказалъ: «если бы упалъ такой камень ему подъ ноги, то онъ долженъ бы былъ сказать, что онъ это видѣлъ, но не могъ бы повѣрить этому». Теперь же естествознание должно признать, что не просто камни, но и звѣзды могутъ падать съ неба ³⁾.

Еще болѣе замѣчательнъ фактъ, бывшій уже наканунѣ XX-го столѣтія.

Въ 1898 г., въ ноябрѣ, орбиту земли долженъ былъ

¹⁾ Клейнъ. Прошлое, настоящее и будущее вселенной. Спб. 1898 г. стр. 28.

²⁾ Хандриковъ. Описательная астрономія. Кіевъ. 1896 г. стр. 323.

³⁾ Neumann. Der Weltuntergang nach Bibel und Astronomie. S. 25—26.

пересѣчь рой падающихъ звѣздъ (андроменидъ) изъ кометы Біэлы. Ждали даже катастрофы и конца земли. Но въ этотъ годъ, однако, звѣздный дождь былъ самый обыкновенный и не представлялъ ничего особеннаго. Его стали ожидать въ слѣдующемъ 1899 г. на второй недѣлѣ ноября. Были снаряжены цѣлыя научныя экспедиціи, чтобы наблюдать это рѣдкостное явленіе. Публика всю ночь толпилась на улицахъ, желая присутствовать при «свѣтопреставленіи». Но никогда, насколько могли припомнить самые старые люди, не было такъ мало падающихъ звѣздъ, какъ въ эту ночь. Только спустя нѣсколько мѣсяцевъ, математики Доунингъ и Станлей могли высчитать, что этотъ рой падающихъ звѣздъ почти на 3,000,000 километровъ подвинулся къ солнцу ¹⁾.

Такъ еще можетъ ошибаться наука въ своихъ рѣшеніяхъ и изслѣдованіяхъ. «Ея гипотезы проблематичны и зависятъ отъ многихъ побочныхъ обстоятельствъ. Онѣ, конечно, могутъ быть и правильны, но также, въ одинъ прекрасный день, благодаря какому-нибудь совсѣмъ непредвидѣнному обстоятельству, могутъ быть принуждены и къ объявленію банкротства» ²⁾.

Не должно также никогда забывать, что область твердо узнаннаго ничтожна въ сравненіи съ отчасти познаннымъ и совсѣмъ невѣдомымъ.

Но несмотря на то, что наука еще не рѣшила многихъ вопросовъ и иногда, повидимому, расходится съ откровеніемъ, все же въ вопросѣ о концѣ міра она пришла къ тому же выводу, что и Библия, именно: астрономія, какъ и богословіе, говоритъ, что міръ не можетъ существовать вѣчно ³⁾. «Найденъ законъ, говоритъ Кла-

²⁾ Проф. Мейеръ. Космическія и земныя катастрофы. Прилож. къ журн. *Вѣстникъ Знанія*. 1904 г. стр. 90.

¹⁾ Fürer. Weltende und Endgericht nach Mythologie, Naturwissenschaft und Bibel. Beweis des Glaubens. Der gangen Reiche XXXII B. 1896. S. 101.

²⁾ Ibid.

зіусь, дающій намъ увѣренность, что въ мірѣ нѣтъ всеобщаго круговорота, что его состояніе измѣняется и приближается къ извѣстному предѣлу¹⁾. «Вѣчность современнаго мірового порядка, читаемъ у Клейна,—эти слова не имѣютъ больше значенія въ области точнаго знанія»²⁾. «Умираетъ не только все живое, пишетъ Мейеръ, но и все то, что подлежитъ вѣчнымъ законамъ природы. Нѣтъ ничего, что могло бы избѣжать смерти: самая маленькая инфузорія и могущественная солнечная система одинаково обречены на гибель»³⁾.

Разсматривая всѣ мнѣнія науки о концѣ міра, можно сказать, что естествознаніе указываетъ два рода его смерти: одинъ естественный, а другой случайный⁴⁾. «Какъ человѣческія постройки однѣ падаютъ отъ старости, не будучи уже въ состояніи держаться, другія падаютъ отъ случайныхъ катастрофъ, напр., наводненія, громовыхъ ударовъ и землетрясенія, такъ умираютъ и люди. Одни отъ старческой слабости, другіе, благодаря несчастному случаю, еще въ молодыхъ годахъ бываютъ отозваны изъ этой жизни. И кто можетъ предсказать, какой смертью умретъ извѣстный человѣкъ? То же бываетъ и съ тѣлами въ міровомъ пространствѣ, и съ цѣлыми солнечными системами»⁵⁾.

Естественная смерть космическихъ тѣлъ—это, конечно, та, что они, пройдя всѣ стадіи своего развитія и потомъ состарѣвшись, распадутся, какъ разлагаются не только организмы, но и неорганическіе предметы. Наступленіе такой смерти ученые откладываютъ на долгое время; здѣсь вычисленія дѣлаются милліонами (и даже болѣе) лѣтъ.

¹⁾ Клейнъ. Прошлое, настоящее и будущее вселенной, стр. 24.

²⁾ Ibid. стр. 24.

³⁾ Мейеръ. Космическія и земныя катастрофы, стр. 6, 8.

⁴⁾ Beweis des Glaubens. 1896 г. S. 93.

⁵⁾ Neumann. Der Weltuntergang nach Bibel und Astronomie. Würzburg. 1898. S. 13.

Но міровыя тѣла могутъ погибнуть и вдругъ, совершенно неожиданно, благодаря какому-нибудь несчастному обстоятельству, напр., столкновенію съ другимъ міровымъ тѣломъ. Время такой кончины міра, конечно, высчитать нѣтъ возможности.

Итакъ, что-же говоритъ намъ наука о концѣ обитаемаго нами міра? Какія возможности смерти его она предполагаетъ?

VI.

Въ 1891 г. католическій ученый Лаппаранъ высказалъ то мнѣніе, что земля погибнетъ отъ воды, т. е. отъ потопа. Уровень земли понижается все болѣе и болѣе; вода, слѣдовательно, будетъ заливать материки. Къ тому же вода подмываетъ берега, даже высокія горы; рѣки уносятъ песокъ въ моря и океаны. Къ этой разрушающей дѣятельности воды присоединяется еще дѣятельность вулкановъ; они выбрасываютъ изъ своихъ нѣдръ землю въ ближайшія моря. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ столѣтъ вулканы похоронили подъ водою болѣе 100 куб. километровъ земли. Пройдетъ извѣстный срокъ,—глубина морей и океановъ уменьшится, но за то вода выйдетъ окончательно изъ своихъ границъ и зальетъ весь земной шаръ. Наша планета погибнетъ въ водахъ потопа ¹⁾. Того же мнѣнія держался Адемаръ и друг. ²⁾.

Но есть масса фактовъ, опровергающихъ эту гипотезу. Если вода все болѣе сглаживаетъ неровности земли и заливаетъ материки, за то внутренняя вулканическая сила препятствуетъ этому. Она поднимаетъ на поверхности земного шара высокія горы, которыя, по мнѣнію

¹⁾ Изложеніе теоріи Лаппарана см. у С. С. Глаголева въ статьѣ „конецъ земли“. *Бол. Вѣстн.* Апрѣль, 1894. стр. 93.

²⁾ Евг. Успенскій. Христіанск. умозрѣніе. стр. 276—277.

геологовъ, будутъ расти, а не умяляться. Если вода яростно подмываетъ берега, скалы и утесы, то тѣмъ слабѣе становится эта дѣятельность, чѣмъ ниже становятся материка ¹⁾).

Къ тому же есть совершенно противоположная теорія, именно: обитаемый нами міръ погибнетъ отъ недостатка воды. Геологія учитъ, что воды было прежде больше, чѣмъ теперъ. Былъ нѣкогда періодъ, когда вся земля была покрыта водою, и первая жизнь (флора и фауна) возникла въ ней. Прежде въ сѣверномъ полушаріи было больше морей; многіе города стоятъ на днѣ прежнихъ водовмѣстилищъ. Наши рѣки мельчаютъ, благодаря вырубкѣ лѣсовъ, и самая вода постепенно исчезаетъ, вступая въ химическое соединеніе съ другими тѣлами. Можно, поѣтому, сказать, что суша поглотитъ воду, и міръ погибнетъ отъ недостатка воды. Съ нашей планетой можетъ случиться то же, что и съ нашимъ спутникомъ луной, а именно: на лунѣ находятся высокія горы, но нѣтъ воды ²⁾).

Разсматривая эти двѣ взаимноисключающія другъ-друга теоріи, мы можемъ только съ увѣренностью сказать, что наша земля не погибнетъ отъ потопа. Это невольное свидѣтельство науки въ пользу Библіи, которая говоритъ, что Богъ обѣщаль человечеству не губить больше земли потопомъ. «И сказалъ Богъ Ною и сынамъ его съ нимъ: вотъ я поставлю завѣтъ Мой съ вами и съ потомствомъ вашимъ послѣ васъ... Поставлю завѣтъ Мой съ вами, что не будетъ болѣе истреблена всякая плоть водами потопа, и не будетъ уже потопа на опустошеніе земли... Вотъ знаменіе завѣта, который я поставлю между Мною и между вами, и между всякою душею живою, которая съ вами, въ роды навсегда: Я полагаю радугу Мою въ

¹⁾ Не надо забывать и того, что на днѣ морей и океановъ живутъ полипы, созидающіе цѣлыя коралловые острова.

²⁾ Глаголевъ. Конецъ земли. *Бог. Вѣстн.* 1894 г. Апрѣль. стр. 99 и Ноябрь стр. 246.

облакахъ, чтобы она была знаменіемъ (вѣчнаго) завѣта между Мною и между землею. И будетъ, когда я наведу облако на землю, то явится радуга (Моя) въ облакъ; и я вспомню завѣтъ Мой, который между Мною и между вами, и между всякою душою живою во всякой плоти; и не будетъ болѣе вода потопомъ на истребленіе всякой плоти». (Быт. IX, 8, 9, 11, 12, 13, 14 и 15).

VII.

Какъ есть гипотеза погибели земли отъ воды, такъ есть гипотеза погибели нашей планеты отъ огня, именно отъ сожженія солнцемъ.

Пространство, въ которомъ движутся міровыя тѣла, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, не абсолютно пусто, но наполнено, хотя и тонкой, однакоже вѣсомой матеріей, эфиромъ. Эфиръ производитъ колебанія свѣта, теплоты и силы притяженія. На основаніи вычисленій Струве нашель, что мы невооруженнымъ глазомъ могли бы видѣть звѣзды 12-й величины, а мы видимъ только 7-й и 8-й величины. Здѣсь міровой эфиръ производитъ поглощеніе свѣта. Комета Энке, по наблюденіямъ астрономовъ, въ каждомъ своемъ оборотѣ замѣтно приближается къ солнцу; значитъ, эфиръ производитъ сопротивляющее дѣйствіе на орбиту этого свѣтила. Тотъ то эфиръ, или между-планетная среда, оказываетъ дѣйствіе и на движенія планетъ по своимъ орбитамъ. Онъ можетъ вызвать паденіе планеты на центральное свѣтило, въ частности—паденіе земли на солнце. «Сила притяженія прямо пропорціональна массѣ притягивающаго тѣла и обратно пропорціональна квадрату разстоянія притягиваемаго тѣла. Поэтому, притяженіе тѣла должно быть тѣмъ больше, чѣмъ болѣе его масса»¹⁾.

Масса солнца въ 330,000 разъ болѣе массы земли; его

¹⁾ Хандриковъ. Описательная астрономія, стр. 134.

діаметръ въ 109,5 разъ больше земного, а объемъ въ 1,300,0000 р. превосходитъ землю. Всѣ солнца равняется 122,000,000,000,000,000,000,000,000,000,000,000 пуд., а сила притяженія такъ велика, что она распространяется по всему окружающему пространству до неподвижныхъ звѣздъ; землю же солнце притягиваетъ съ силою 3,600 квинтильоновъ килограммовъ ¹⁾). Что касается массы планетъ, пишетъ проф. Хандриковъ, то онѣ не только что отдѣльно взятыя — ничтожность въ сравненіи съ массой солнца ²⁾, но всѣ вмѣстѣ взятыя онѣ въ 700 разъ менѣе солнца ³⁾.

Очень понятно, что если сопротивляющаяся среда будетъ непрерывно дѣйствовать на движеніе земли, то выведетъ послѣднюю изъ колеи своего пути. Извѣстная пропорціональность разстоянія и притяженія нарушится. Сила центробѣжная, стремящаяся удалить тѣло отъ центра, ослабѣетъ; сила центрального притяженія возьметъ перевѣсъ. Если, благодаря притяженію луны, приходитъ ежедневно въ движеніе 120 куб. миль воды, и движеніе земли замедляется на 22 секунды въ столѣтіе (0,000,000,03 сек. въ день), то какъ же должно отразиться на землѣ притяженіе солнца ⁴⁾? Земля все больше и больше будетъ приближаться къ солнцу, наконецъ упадетъ на него и сгоритъ въ его ужасномъ жарѣ. «Подобная судьба, пишетъ Клейнъ, можетъ постигнуть любую планету, которая движется вокругъ неподвижной звѣзды, если только допустить достаточный промежутокъ времени... Въ концѣ концовъ, всякую планету ждетъ уничтоженіе при ея паденіи на то солнце, около котораго она совершаетъ круговой полетъ. Это заключеніе справедливо для всѣхъ областей видимой вселенной и для всякой солнечной системы, носящейся въ пространствѣ...

¹⁾ Юнгъ. Солнце. Пер. Малиса. Спб. 1899 г. 23, 24, 25.

²⁾ Самая большая изъ планетъ Юпитеръ, солнце своего рода, съ цѣлой системой спутниковъ= $\frac{1}{1000}$ доли массы солнца.

³⁾ Хандриковъ. Описат. астрономія, стр. 130 и Юнгъ. Солнце, стр. 24.

⁴⁾ Клейнъ. „Астрономическіе вечера“. Спб. 1900 г., стр. 148—149.

Пройдетъ достаточно долгій промежутокъ времени, и по той же причинѣ солнце упадетъ на солнце, и звѣздныя кучи сольются съ другими звѣздными кучами въ одну хаотическую массу. Новый рядъ вѣковъ, — и эта масса, въ свою очередь, соединится съ обломками другихъ звѣздныхъ кучъ. Наконецъ вся матерія вселенной соберется въ одно тѣло. Это было бы концомъ міра¹⁾. Этому сопротивленію мировой среды способствуютъ метеоры, которые безчисленными роями несутся на встрѣчу землѣ. Они даютъ извѣстный толчокъ планетѣ и помогаютъ ей выбиться изъ своей орбиты. По Локіеру, масса этихъ метеоровъ, или космической пыли, падаетъ на землю, увеличивая ее объемъ. Но еще болѣе ихъ падаетъ на солнце. Увеличеніе объема увеличиваетъ притяженіе. Увеличившись, солнце притянетъ къ себѣ Меркурій, Венеру, а тамъ и землю. Наконецъ, оно пошлетъ свою силу Марсу, Урану и Нептуну²⁾.

Такую величественную картину (повидимому, даже согласную съ Библіей — именно: гибель міра отъ огня) начертали намъ ученые.

Но надо сказать, что и противъ этой гипотезы есть весьма основательныя возраженія. Гирнъ и Фай много занимались изслѣдованіемъ между-планетной среды и рѣшительно отвергли ее существованіе. Въ теченіе тысячъ, или, какъ обыкновенно привыкли считать астрономы, — въ теченіе милліоновъ лѣтъ, она не оказала никакого воздѣйствія на орбиты планетъ. Въ 1843 г. 27 февр. въ 10½ час. вечера по парижск. времени комета подошла на 50,000 верстъ къ раскаленной солнечной хромосферѣ. Извѣстно, что хромосфера солнца выбрасываетъ огненные

¹⁾ Клейнъ. „Прошлое, настоящее и будущее вселенной“, стр. 20. Клейнъ составилъ даже таблицу, по которой видно, что планеты уже начали понемногу приближаться къ солнцу и, конечно, хотя черезъ милліоны лѣтъ, все же упадутъ на солнце. Миловидовъ. „Конецъ міра“. *Впра и Цѣрковъ*. 1899 г., т. I, стр. 361. *Beveis Glaubens*. 1896 г. Band. XXXII, S. 94.

²⁾ С. С. Глаголевъ. „Конецъ земли“. Апрель 1891 г., стр. 103.

потоки до 300,000 вер. вышины, но комета прошла здѣсь, какъ ни въ чемъ не бывало. Комета Энке въ 1868 году точно также не упала на солнце. Отклоненія же ея на своемъ пути объясняютъ притяженіемъ Весты, Цереры и друг. планетъ. Значитъ, сопротивляющаяся среда очень незначительна. Падающіе же метеоры и болиды сообщаютъ толчки не только по направленію къ солнцу, но и въ противоположную сторону. Затѣмъ должно сказать, что если бы и существовали какія-либо частицы разрѣженной матеріи, то, конечно, большія тѣла давно уже притянули бы ихъ къ себѣ, и, такимъ образомъ, пропадаетъ самая опасность сопротивленія міровой среды ¹⁾.

Въ противоположность гипотезѣ гибели міра отъ огня есть мнѣніе, что міры могутъ погибнуть отъ холода.

Наше солнце съ цѣлой системой своихъ спутниковъ не стоитъ неподвижно, но стремится съ ужасающей быстротой къ другимъ созвѣздіямъ (Лиры и Геркулеса) ²⁾. Разъ планеты попадутъ въ сферу другихъ созвѣздій, другихъ солнечныхъ системъ, то, очевидно, что послѣднія, т.-е. солнца другихъ системъ, какъ болѣе крупныя тѣла, будутъ притягивать къ себѣ планеты изъ нашей солнечной системы. Онѣ отклонятся отъ своего источника свѣта и тепла и могутъ погибнуть отъ холода. Орбита нашей земли можетъ значительно удлинниться; эллипсисъ въ афеліи будетъ страшно удаленъ отъ центрального свѣтила; на землѣ можетъ снова начаться ледниковая эпоха, которая предшествовала современной европейской эпохѣ. Предполагаютъ, что тогда эллипсисъ былъ страшно эксцентриченъ, т.-е. слишкомъ удлиненъ.

Помимо причинъ вѣшнихъ, напр., притяженія другихъ планетъ, есть и въ самомъ солнцѣ причины, могущія дѣйствительно заставить міръ погибнуть отъ холода. Дѣло въ томъ, что вся жизнь земли и другихъ планетъ нашей

¹⁾ Глаголевъ. „Конецъ земли“. Ноябрь 1894 г., стр. 253.

²⁾ Клейнъ. „Астрономическіе вечера“, стр. 421.

солнечной системы (если только тамъ есть какая-либо жизнь) тѣсно связана съ солнцемъ. Благодаря его свѣту и теплотѣ, на землѣ процвѣтаетъ жизнь; безъ нихъ она невозможна. Животворные лучи солнца льются не только на планеты, но и въ пространство въ такомъ изобиліи, что трудно даже это себѣ представить.

Тепловое излученіе у поверхности солнца на квадратный метръ=1,340,000 калорій. Механической эквивалентъ непрерывно дѣйствующаго солнечнаго излученія у поверхности свѣтила = 131,000 лошадиныхъ силъ на кв. метръ или приблизительно 12,000 на кв. футъ. Теплота, получаемая отъ солнца въ минуту квадратн. метромъ, выставленнымъ перпендикулярно къ солнечнымъ лучамъ у верхней границы земной атмосферы, равняется 30 калоріямъ¹⁾.

Ясно, что такая трата энергіи не можетъ продолжаться вѣчно. По мнѣнію Вильяма Томсона солнце охлаждается ежегодно на 1,4° С. Правда, на солнце падаетъ масса метеоровъ, но они не въ состояніи вознаградить всю потерю теплоты. Запасъ живой силы, какъ бы онъ ни былъ громаденъ, можетъ истощиться, и онъ истощится, долженъ истощиться²⁾. Придетъ нѣкогда время,—солнце растратитъ всю свою теплоту и само сдѣлается холоднымъ.

Эта теорія охлажденія солнца находитъ свое подтвержденіе въ томъ, что на солнцѣ появляются пятна, достигающія иногда громадныхъ размѣровъ³⁾. Ученые дѣлали различныя предположенія относительно этихъ пятенъ. Кирхгофъ считалъ ихъ за скопленія облаковъ; Секки предполагалъ, что газообразныя массы падаютъ назадъ и на свѣтлыхъ газахъ образуютъ впадины, въ которыхъ поглощеніе свѣта сильнѣе. Фай судитъ иначе; онъ думаетъ,

1) Юнгъ. „Солнце“, стр. 228.

2) Клейнъ. „Настоящее, прошлое и будущее вселенной“, стр. 85.

3) Солнечное пятно, наблюдавшееся 14 окт. 188 г. имѣло въ діаметрѣ 114,000 вилом., т. е. въ 7 разъ превосходило діаметръ земли. Фламарионъ. „Популярная астрономія“. Пер. Альперина. 1902 г., стр. 122.

что на солнцѣ идутъ различныя теченія газообразныхъ массъ съ различными скоростями. Тамъ, гдѣ онѣ сопрясаются, происходятъ вихревыя движенія, или водоворотъ, какъ это бываетъ и въ рѣкахъ. Холодный водоворотъ, менѣе скорый, по своей непрозрачности устремляется внизъ, производитъ пониженіе температуры и темноту вслѣдствіе своей непрозрачности. Есть и другія мнѣнія ¹⁾. Всѣ они показываютъ, что на солнцѣ идутъ ужасающіе перевороты. «Весьма вѣроятно, пишетъ Фламаріонъ, что процессъ охлажденія уже начался... наступитъ время, когда пятенъ будетъ гораздо больше, чѣмъ теперь, такъ что они будутъ закрывать собою довольно значительную часть солнечнаго диска. Это затемнѣніе будетъ медленно увеличиваться изъ вѣка въ вѣкъ,—параллельно съ все возрастающимъ охлажденіемъ; газообразная раскаленная масса солнца постепенно уплотнится и затвердѣетъ, — свѣтъ солнца будетъ то вспыхивать, то снова пропадать, наступитъ настоящая агонія великолѣпнаго свѣтила, и гигантскій свѣтящійся слабымъ красноватымъ свѣтомъ шаръ, спустя нѣкоторое время, померкнетъ навсегда» ²⁾.

Съ погашеніемъ солнца погаснетъ всякая жизнь въ его системѣ ³⁾.

Когда это будетъ? — Ученые опредѣляютъ различно. Гельмгольцъ насчитываетъ 15,000,000 лѣтъ, Томсонъ 150,000,000 лѣтъ; Юнгъ думаетъ, что вся жизнь солнца отъ начала до его конца не можетъ быть больше 60,000,000 лѣтъ. Если при охлажденіи солнце уменьшится въ объемѣ, и плотность его будетъ равна плотности земли (для этого оно должно уменьшиться въ 4 раза), то и тогда разившейся отъ сдавливанія теплоты хватитъ на 17,000,000

¹⁾ Клейнъ. „Настоящее, прошлое и будущее вселенной“, стр. 52-85.

²⁾ Фламаріонъ. „Популярная астрономія“. Пер. Альперина. Спб. 1902 г., стр. 52—53.

³⁾ Мейеръ. „Мірозданіе“. Пер. подъ редакціей проф. Глазенапа. С. б. 1900 г., стр. 668.

лѣтъ. Ньюкомбъ думаетъ, что солнечной теплоты хватитъ только на 10,000,000 лѣтъ отъ настоящаго времени для поддержанія на землѣ той жизни, какая есть теперь ¹⁾.

Въ 1882 г. Сименсъ въ Лондонѣ предложилъ новую теорію солнечной энергіи, именно: о круговращеніи солнечной теплоты.

Солнце притягиваетъ къ себѣ массу окружающей его разрѣженной матеріи — водородъ, углеродъ и кислородъ. Эти газы, находясь въ состояніи крайняго разрѣженія и холода, попадая въ сферу солнечнаго жара, химически соединяются между собою, развиваютъ теплоту и воспламеняются. Получившіеся отъ горѣнія паръ и углекислота отъ центробѣжной силы снова возвращаются въ міровое пространство. Тамъ они снова разрѣжаются и вновь разлагаются подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей... Но вскорѣ эта теорія была оставлена, какъ несостоятельная ²⁾.

Такимъ образомъ, должно признать, что охлажденіе солнца возможно. Земля не будетъ получать его теплоты, ея атмосфера не можетъ сохраниться; вода перестанетъ испаряться въ воздушное пространство, откуда она могла бы снова литься на землю въ видѣ дождя, росы, тумана, инея и снѣга, т.-е. совершать свой обычный круговоротъ. Безъ солнечныхъ лучей и растенія не будутъ испускать кислорода, необходимаго для нашего дыханія. Жизнь земли должна прекратиться.

Такого возрѣнія о кончинѣ міра держался и одинъ католическій богословъ Ортоланъ ³⁾. Онъ думаетъ, что воскресеніе мертвыхъ и обновленіе земли случится спустя долгое время послѣ смерти послѣднихъ людей на землѣ.

¹⁾ Юнгъ. „Солнце“, стр. 222.

²⁾ Юнгъ. „Солнце“, стр. 224. Тогда, конечно, надо предположить міровую среду, существованіе которой весьма сомнительно.

³⁾ Изложеніе его сочиненія „L'a Astronomie et theologie“ см. у Глаголева въ статьѣ: „Астрономія и Богословіе“. *Бог. Вѣстн.* 1897 г., сентябрь, октябрь и ноябрь.

«Все можетъ быть, что земля въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ будетъ носиться по пространству въ видѣ унылаго оледенѣлаго кладбища» ¹⁾.

Противъ такого взгляда на конецъ міра свидѣтельству-етъ свящ. писаніе. Оно ясно говоритъ, что всѣ событія въ мірѣ физическомъ быстро пойдутъ одно за другимъ. Къ тому же мы имѣемъ ясное свидѣтельство ап. Павла, что люди будутъ жить до самой послѣдней минуты предъ пришествіемъ Христовымъ. «Се тайну вамъ глаголю, пишеть онъ Коринѣянамъ, вси бо не успнемъ, вси же измѣнимся, вскорѣ во мгновеніе ока, въ послѣдней трубѣ: вострубитъ бо, и мертвіи востанутъ нетлѣнни, и мы измѣнимся» (1 Кор. 15, 51—52).

VIII.

Есть еще теорія естественной смерти не одной только земли, но и всего міра. Она основана на томъ, что при переходѣ тѣлъ изъ одного состоянія въ другое каждый разъ теряется извѣстная часть энергіи и переходитъ въ теплоту. Всякая дѣятельность и жизнь міра кончится, когда теплота равномерно распредѣлится во вселенной. Тогда придетъ конецъ всему.

Вотъ что говорилъ на общемъ собраніи 41-го съѣзда нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей во Франкфуртѣ—Клазіусъ ²⁾, одинъ изъ главнѣйшихъ представителей этого мнѣнія. «Работа, которую могутъ производить силы природы и которая содержится въ существующихъ движеніяхъ небесныхъ тѣлъ, мало-по-малу все болѣе и болѣе будетъ превращаться въ теплоту. Теплота, благодаря тому, что она всегда стремится переходить отъ болѣе

¹⁾ Ibid. Сентябрь, стр. 331 и ноябрь, 324.

²⁾ Клазіусъ. О второмъ основномъ законѣ механической теоріи тепла. *Научн. Обзорніе*. 1897 г. іюль. 80—96 стр.

Клейнъ. *Астрономическіе вечера*, стр. 446 и 385.

теплаго тѣла къ болѣе холодному и тѣмъ уравновѣшивать существующія разности температуры, будетъ получать постепенно все болѣе равномерное распредѣленіе, и между теплотой, заключающейся въ эфирѣ, и теплотой, находящейся въ тѣлахъ, станетъ приближаться извѣстное состояніе равновѣсія. Наконецъ тѣла, относительно распредѣленія ихъ молекулъ, станутъ приближаться къ опредѣленному состоянію, такому, что, принимая во вниманіе господствующую температуру, общая дисгрегація (раздвинутость атомовъ, которую производитъ теплота) станетъ возможно большей. Эта большая величина, сумма всѣхъ превращеній тѣла, или комплекса тѣлъ—называется энтропией. Чѣмъ болѣе вселенная приближается къ этому предѣльному состоянію, тѣмъ менѣе остается поводовъ для дальнѣйшихъ измѣненій, и если бы это состояніе было наконецъ достигнуто, то уже не происходили бы никакія дальнѣйшія измѣненія, и міръ пришелъ бы въ мертвое состояніе неизмѣнности... Въ міръ не все круговоротъ, но міръ непрерывно измѣняетъ свое состояніе въ одномъ опредѣленномъ смыслѣ и, такимъ образомъ, стремится къ нѣкоторому предѣльному состоянію».

Значитъ, если температура передается тѣламъ болѣе холоднымъ, то при такой передачѣ разница въ температурѣ сглаживается. Поэтому передавшуюся теплоту нельзя уже обратить въ прежнюю энергію. Настанетъ моментъ,— во всей вселенной теплота распредѣлится равномерно; механизмъ всего міра остановится, и онъ вступитъ въ состояніе совершеннаго покоя. «Эти слѣдствія небесной механической теоріи тепла, говоритъ Клейнъ, разработанной Клазіусомъ, Томсономъ и Гельмгольцемъ, настолько неопровержимы, что всѣ возраженія противъ нихъ нисколько ихъ не поколебали» ¹⁾. «Таковъ фатальный конецъ міра, заключаетъ бельгійскій математикъ Фолье: вышелъ изъ хаоса и снова обратится въ хаосъ—съ тѣмъ

¹⁾ Клейнъ. Астрономич. вечера, стр. 385.

только различіемъ, что тогда не будетъ правильныхъ движеній и вращеній, которыя одушевляли первобытныи хаосъ: движенія и круговращенія сами собою будутъ превращаться въ теплоту. Такъ кончится міръ, не потерявъ однако возможности снова образоваться въ прежнія формы. Первичныя силы могутъ обнаружиться снова, такъ что міръ не только не кончится, а начнется снова» 1).

Однако, противъ этой теоріи есть и возраженія. Ульрици въ своемъ сочиненіи «Богъ и природа» высказываетъ такія мысли. Теплота не есть какое-либо вещество,—это движеніе эѳирныхъ и матеріальныхъ атомовъ. Теплота должна имѣть свою *послѣднюю причину*, свойствомъ которой обуславливаются ея продолжительность, распредѣленіе, сила, увеличеніе и уменьшеніе. Если бы эта причина была такова, что имѣла бы слѣдствіемъ неравенство и разныя измѣненія въ движеніи эѳирныхъ атомовъ, то, пока эта причина, а съ нею и теплота, будутъ существовать, должно также продолжаться неравенство и измѣненіе температуры. Давнымъ-давно извѣстно, что причина измѣненій земной температуры заключается въ солнцѣ и лучеиспусканіи имъ теплоты.. Но откуда происходитъ лучеиспусканіе свѣта и теплоты въ самой солнечной фотосферѣ, въ чемъ заключается *послѣдняя причина извѣстныхъ намъ явленій теплоты*,—этого естествознаніе до сихъ поръ доказать не могло. «Но такъ-какъ все-таки мы должны согласиться, что съ измѣняемою теплоты прекратились бы всѣ чисто-механическія, равно какъ всѣ химическія и электрическія дѣйствія, то существованіе вселенной, какъ подвижнаго, дѣятельнаго, живого бытія различныхъ предметовъ, зависитъ, очевидно, отъ какой-то совершенно неизвѣстной причины» 2). Слѣдовательно, мы не знаемъ настоящей причины, производящей теплоту, и не можемъ ничего сказать о ней: бу-

1) Миловидовъ. Конечъ міра. *Вѣра и Церковь* т. I. стр. 356.

2) Ульрици. Богъ и природа. Казань 1867 г. стр. 140—141.

дѣтъ ли эта причина существовать вѣчно, или же она измѣнится, и мiръ обратится въ хаосъ.

Проф. Мейеръ также доказываетъ, что состояніе такъ называемой энтропіи не можемъ наступить ни въ какомъ будущемъ. «Это, говоритъ онъ, доказывается живымъ настоящимъ, котораго къ нашему счастью не можетъ отвергнуть никакая философія: вѣчность времени лежитъ настолько позади насъ, насколько мы ее допускаемъ и впереди; слѣдовательно, состояніе абсолютнаго покоя должно бы было господствовать уже теперь. Но такъ какъ этого нѣтъ, то мы въ правѣ думать, что во всѣ будущія времена, какія только можно мыслить, движеніе и жизнь, совершенствующая красота и порядокъ будутъ все дальше и дальше развиваться, передаваясь изъ системы въ систему, изъ мірозданія къ мірозданію» ¹⁾.

С. Г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Мейеръ. Мірозданіе, стр. 671.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника инока).

Ты всегда былъ бы таковъ, какимъ бываешь въ минуты грѣха, злобы, вражды, нечистоты, если бы не благодать и сила, и милость Божія къ намъ, хранящая насъ не менѣе, чѣмъ и попускающая паденія къ смиренію нашему и явленію нашей немощности, недостойнства и ничтожества.

* * *

Любопытна и поучительна вражда святыхъ Космы и Даміана безсребренниковъ. Оба поставили себѣ высшимъ правиломъ—*безсребренническую* помощь ближнему. И когда одинъ, умоленный бѣдною облагодѣтельствованною женщиною, взялъ отъ нея «въ даръ» ничтожное нѣкое приношеніе (яйцо), другой произнесъ ему за это отлученіе отъ себя, не велѣвъ хоронить его рядомъ съ собою по смерти. Господь, однако, нашелъ нѣчто доброе въ побужденіяхъ и дѣйствіяхъ обоихъ. Одобрилъ строгость и вѣрность обѣтамъ одного, но поощрилъ за любовь и смиреніе и другого, отмѣнивъ гласомъ свыше запрещеніе перваго. Итакъ, оба блаженныхъ брата и благодѣтеля людей почтили вмѣстѣ во славу Божию и назиданіе грядущимъ поколѣніямъ, совершивъ свой дивный подвигъ безпреткновенно до конца дней своихъ.

* * *

У насъ бываютъ и *заслуги*. Но какъ безжалостно мы всегда зачеркиваемъ и обезцѣниваемъ ихъ, едва лишь онѣ

появятся—то нетерпѣніемъ нашимъ, то оплошностію нашею и обратными заслугамъ дѣйствіями и погрѣшностями. И не остается намъ ничего и съ заслугами нашими. И сбываются надъ нами слова Спасителя нашего: *«отъ немужаго—и еже мнится имѣти взято будетъ отъ него»*.

* * *

Радуется душа, когда видитъ, что какое вибудь грязное, запущенное мѣсто постепенно очищается отъ грязи, сора и приходитъ въ благолѣпный видъ. Такъ да радуется твоя душа въ скорбяхъ и страданіяхъ. Это она очищается отъ своей грязи и мерзостей и вступаетъ въ состояніе особаго попеченія и заботы о тебѣ Божіей.

* * *

Трепещу, Господи, конца жизни моей недостойной, ибо не съ чѣмъ, совершенно не съ чѣмъ мнѣ предстать Тебѣ. Какъ рабъ, расточившій Твое достояніе, какъ домоправитель Твой, расхитившій Твои сокровища, погубившій Твое домохозяйство — съ пустыми руками предстаю Тебѣ, не имѣя чѣмъ воздать и части убытковъ Твоихъ въ несчастной душѣ моей.

* * *

«Аще Моисея и пророковъ не послушаютъ»... А о чемъ они говорятъ? *«Испытайте Писаній—законъ и пророки—и та суть свидѣтельствующая о Мнѣ»*... говорить Господь. Итакъ, уже и пророковъ довольно для того, чтобы увѣриться въ драгоцѣнномъ сокровищѣ вѣры Христовой, — настолько довольно, что, кому мало этого, тому поистинѣ и всего мало, мало и воскресенія изъ мертвыхъ Господа Иисуса: *«аще кто и изъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры»*...

* * *

«Ты еси терпѣніе мое, Господи»... (70 пс., 5 ст.). Ты— весь секретъ, вся сила моего терпѣнія. Въ Тебѣ только все объясненіе того, почему я до сихъ поръ не изнемогъ совсѣмъ въ борьбѣ со своими искушеніями. Въ Твоей помощи, благодати и благоволеніи не оскудѣла до конца жажда угожденія Тебѣ, не надломили меня скорби, страданія и болѣзни мои до непоправимости. О, буди терпѣніемъ моимъ и впредь, до послѣдняго моего издыханія!

* * *

Жизнь величайшаго изъ святителей-праведниковъ, Златоуста, показываетъ, что иногда страданія наши не знаютъ другого исхода и утѣшенія, какъ смерть. До самой смерти, почти насильственной, мученической, страдалъ праведникъ, не видя торжества своей правды и вознагражденія, если не сказать, что такимъ торжествомъ и было самое то, что казалось столь грустнымъ и несправедливымъ—насиліе, сломившее жизнь, но не сломившее терпѣнія и удивительнаго благодушія святителя, въ минуту высшихъ страданій воззавшаго съ удивительно-терпѣливою покорностію: *«слава Богу за все!»*

* * *

Безспорная истина: на всякій грѣхъ, на всякую гадость и низость способны мы—каждый изъ насъ. И если только не всѣ изъ этихъ мерзостей совершаемъ въ дѣйствительности, то или потому, что не на все это представляются удачные поводы, или и потому, что Господь милосердіемъ Своимъ отвращаетъ Самъ отъ насъ эти поводы, такъ какъ при нихъ *«не бы убо спаслася всяка плоть»* отъ грѣха смертнаго. Вотъ основаніе—не осуждать самаго тяжкаго грѣшника, а смотрѣть на его грѣхъ, какъ на свой собственный, и болѣть за него, какъ за себя, молясь объ отпущеніи его грѣховъ, какъ своихъ собственныхъ.

* * *

Въ минуты благополучія намъ кажется, что Богъ съ нами, и мы съ Нимъ, и мы угодны Ему, а на самомъ дѣлѣ зачастую наоборотъ. Въ минуты горя и скорби, когда намъ кажется, что Онъ оставилъ насъ, что мы прогнѣвали Его, въ эти-то минуты Онъ и близко къ намъ, очищая отъ грѣховъ и подгрѣпляя силы наши и терпѣніе.

* * *

«Уповающаго на Господа милость обыдетъ»... (31 пс., 10 ст.). Не унывай же въ затруднительныхъ или скорбныхъ обстоятельствахъ жизни твоей, если только ты самъ не дѣлаешь ее недостойною милостей Божіихъ. «Милости Твоя, Господи, исполнь земля»... Вездѣ мы встрѣтимся съ нею, куда ни обратимъ наши взоры. Впрочемъ, иногда мы и не замѣчаемъ ея, какъ не замѣчаемъ днемъ солнца, несмотря на его яркость и такую благодѣтельность. Такъ и милость Божію. Не захотимъ замѣтить ее, и не замѣтимъ, какъ будто ея и нѣтъ. А стоитъ только захотѣть замѣтить, и она блеснетъ намъ, какъ солнце, во всѣ двери и окна.

* * *

Упованіе—чадо безпомощности. Порождается ею и ею же пріобрѣтаетъ благоволеніе и помощь Божію. Такъ женщина кровоточивая, истратившая всѣ надежды свои на помощь человѣческую, нашла эту помощь у Бога...

* * *

Трудно и представить, а вѣдь есть и такіе люди, которые по цѣлымъ днямъ не вспомнятъ о Богѣ, какъ будто бы имъ нѣтъ никакого дѣла до Него и Ему до нихъ. О, какая это жалкая жизнь!

* * *

Св. ап. Андрей оставилъ отца и домъ, и сѣти, и пошелъ за Христомъ. И мы можемъ оставить грѣхи, страсти

и прочихъ «домашнихъ» своихъ и пойти за Господомъ. Но—*не хотимъ* этого сдѣлать даже и ради Господа.

* * *

Нѣкоторыхъ нашихъ страданій едва бываетъ достаточно, чтобы уравнивить, загладить, искупить наши ошибки, паденія, поползновенія. Другія случаются съ нами, такъ сказать, и въ *запасъ* будущихъ благъ, утѣшеній и искупленія нашихъ будущихъ ошибокъ. Но какъ бы то ни было, тутъ и тамъ можно утѣшать сердце свое сознаниемъ и мыслию о Господѣ, по подобію Своихъ страданій дающаго и намъ вкусить Его чаши и воспитаться въ Его вожделѣнное и достойное чадо терпѣніемъ и мужествомъ.

* * *

«Трильстующая тѣломъ и многольстующая духомъ» Юница Христова вводится во Святая Святыхъ, ибо гдѣ же какъ не здѣсь прилично было водвориться столь священному Сокровищу славы Божіей? Гдѣ какъ не въ храмѣ, гдѣ все, чтò есть драгоцѣннаго и священнаго, собирается въ честь и привлеченіе благоволенія Божія, надлежало ввестись и Матери Божіей, представляющей высшую почесть Божеству отъ челоувѣчества и лучшее, что могло привлечь къ намъ любовь и благоволеніе Отца небеснаго.

А. I.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ ¹⁾.

XV.

«Кузминки» (1-го ноября).

Съ нынѣшняго дня по деревнямъ «засидки» или «посидѣлки». Собираются по вечерамъ парни и дѣвушки въ чьей-нибудь избѣ. Работаютъ, бесѣдуютъ, шутятъ, играютъ.

Кое-гдѣ это идетъ хорошо, чинно, но—кажется—чаще совсѣмъ нехорошо.

А между тѣмъ этому обычаю можно бы придать характеръ и содержаніе вполне доброе, чисто христіанскіе. Мысль собираться вмѣстѣ для дружной совмѣстной работы,—для того, чтобы «отвести душу», отдохнуть и освѣжиться въ добрыхъ бесѣдахъ, передать другъ другу свои мысли, чувства, радости и огорченія, подѣлиться другъ съ другомъ своимъ жизненнымъ опытомъ, т.-е. тѣмъ, что человекъ пережилъ, передумалъ, перестрадалъ, что видѣлъ, слышалъ, чему научился,—любовно, благожелательно поучиться другъ у друга, — какая это милая, прекрасная мысль! Вѣдь, человекъ созданъ для общества, для жизни и работы съ другими и для другихъ, — для помощи и поддержки другъ друга. Вся суть доброй христіанской жизни—въ этомъ любовномъ общеніи другъ съ другомъ. «Се что добро или что красно, но еже жити братіи вкупѣ»,—сказалъ Псалмопѣвецъ. Говоря попросту, по-русски, это и зна-

¹⁾ Продолженіе. См. октябрьскую кн. *Душеспол.* Чт. 1908 г.

читать, что все добро и красота жизни—въ мирѣ, согласіи и любви.

Не грѣшно было бы на нашихъ вечеринкахъ-посидѣлкахъ и посмѣяться, пошутить и повеселиться безобидно. Добрый смѣхъ, поучительныя шутки и чистая радость необходимы для здоровья человѣка и для болѣе успѣшной работы. Съ веселымъ человѣкомъ и горести забываются. Милая улыбка, добрая остроумная шутка и хорошій смѣхъ, какъ лучъ солнца, согрѣваютъ и ласкаютъ душу, размягчаютъ сердце, разгоняютъ морщины лица, поднимаютъ силы. И Господь не могъ осудить чистой радости человѣка. Апостоль Христовъ призываетъ насъ даже къ постоянной бодрой и радостной жизни: «радуитесь всегда о Господѣ и пави реку, радуитесь»,—пишетъ апостоль (Филип. IV, 4). «Всегда радуитесь, о всемъ благодарите»,—сказано имъ же.

Весьма цѣнную помощь для скрашиванія вашихъ собраний могло бы оказать доброе, благородное пѣніе хоромъ. Пѣсня веселитъ душу, смягчаетъ горести, настраиваетъ человѣка возвышенно (разумѣется, если пѣсня прилична и благородна по содержанію). Съ пѣсней и работа спорится дружиѣ. Поэтому-то при нѣкоторыхъ артельныхъ работахъ пѣсня является необходимымъ подспорьемъ въ работѣ. Недаромъ же и Господь научаетъ насъ чрезъ апостола нести тяготу жизни съ бодростью, воспѣвая своему Создателю благодарную славу «во псалмѣхъ и пѣніихъ, и пѣсняхъ духовныхъ» (Ефес. V, 19).

Я иду далѣе. Въ каждомъ селѣ теперь найдутся грамотные парни, бывшіе или настоящіе школьники. Взялъ бы кто изъ нихъ добрую книжку у священника или изъ школы, принесъ ее на посидѣлки, да въ промежуткахъ между пустымъ балагурствомъ и почиталъ бы ее вслухъ. Глядишь, добрая книжка и заронила бы въ головы темныхъ слушателей свѣтлыя, здравыя мысли, вызвала бы добрый разговоръ, поучительный обмѣнъ мыслей. Тогда и школьная грамотность не забывалась бы у насъ такъ скоро, какъ теперь.

Такъ ли ведутся наши посидѣлки? Къ сожалѣнію, далеко не такъ. Не умѣемъ мы разумно развлекаться и веселиться, не умѣемъ и работать разумно — безъ излишней траты силъ. Холодно въ нашей жизни, угрюмо, непривѣтливо и сиротливо... А между тѣмъ разумная, отрадная и трудовая жизнь такъ возможна. Стоитъ только обратиться къ великой книгѣ жизни, къ правиламъ и наставленіямъ Евангелія. Оно — и только одно оно — способно удвоить наши силы, влить бодрость и отраду въ нашу душу. Тогда перестала бы томить насъ скука жизни, легче стала бы жизнь наша, и самые труды и горести жизни не показались бы намъ непосильными и удручающими по неложному слову Господа: «иго Мое благо, и бремя Мое легко есть» (Мѡ. XI, 30).

XVI.

Храмъ Божій—лучшій нашъ наставникъ.

Конечно, всѣ вы знаете то событіе изъ жизни Богоматери, въ честь и память о которомъ установленъ праздникъ Введенія во храмъ Пр. Богородицы. Извѣстно, что Дѣва Марія трехлѣтнею малюткою была приведена въ храмъ Іерусалимскій и тамъ осталась жить до своего совершеннолѣтія. Ея родители, праведные Іоакимъ и Анна, не пощадили малолѣтства своей единственной дочери, — единственнаго утѣшенія и отрады, ниспосланной имъ подъ старость по особой усиленной молитвѣ ихъ къ Богу. Не побоялись праведные родители и себя осиротить подъ старость (хотя, конечно, по человѣчеству это и больно было для ихъ родительскаго сердца). Главная ихъ забота была — воспитать свое дитя въ страхъ Божию. При этомъ они понимали, что храмъ Божій—лучшій наставникъ человѣка, самая высшая на землѣ школа. Поэтому, между прочимъ, Іоакимъ и Анна еще до рожденія у нихъ Маріи порѣшили отдать свое дитя (если оно у нихъ будетъ) на служеніе Богу.

И не обманулись праведные старцы въ своей надеждѣ на спасительность церковнаго воспитанія. Проживая при храмѣ, ихъ дочь Марія усвоила самую важную, самую нужную для человѣка науку, — науку о томъ, какъ провести земную жизнь спасительно, свято и богоугодно. За эту именно непримѣрно-святую жизнь дочь Іоакима и Анны и удостоилась величайшей чести — стать Матерью Господа и, такимъ образомъ, прославиться честиѣ Херувимовъ и славнѣ Серафимовъ.

Оставшись съ молодыхъ лѣтъ сиротою, Дѣва Марія все свое сердце и всю жизнь свою отдала въ волю Божію. Мало-по-малу сердечная теплая молитва стала для души ея такъ же необходима, какъ необходима пища для нашего тѣла. Это постоянное устремленіе мыслей и сердца своего къ Богу усилилось въ ней еще болѣе, когда она выучилась «грамотѣ». Чтеніе священныхъ книгъ составляло для нея какъ бы продолженіе молитвы, доставляя высокую отраду душѣ ея. Мы — обыкновенные земные люди, подобно хлопотливой евангельской Маревѣ, съ головой уходимъ въ хозяйство, въ сколачиваніе копеекъ, въ мелочи и дразги жизни. Разнообразнѣйшія пустыя и мало-значащія заботы цѣликомъ заполняютъ нашу душу, — до того, что намъ и въ храмъ-то Божій сходить некогда, и среди семейныхъ поговорить потеплѣе, посердечнѣе некогда, и книжку добрую почитать некогда. Земныя хлопоты задавили нашу душу, вытравили изъ нея все нѣжное, высокое, небесное. Не такъ жила Дѣва Марія. Для нея, какъ и для той евангельской Маріи, которая при посѣщеніи ихъ дома Спасителемъ «сѣдши при ногу Иисовы слышати слово Его» (Лк. X, 39), хозяйство и земныя дѣла (и то самыя необходимыя) стояли на второмъ мѣстѣ. За этими дѣлами они не забывали того, что для человѣка составляетъ «едино на потребу» (Лк. X, 42), — не забывали о томъ, чтобы черезъ молитву, черезъ чтеніе священныхъ и душеполезныхъ книгъ, чрезъ благочестивыя размышленія и душеспасительные разговоры укрѣп-

лять свое сердце въ любви, въ добрыхъ нѣжныхъ чувствахъ. Главная жизнь такихъ людей, ихъ цѣнность и значеніе—не въ наружной хлопотливости, а внутри, въ душѣ, въ постоянномъ святомъ горѣніи этой души, въ неустанныхъ порывахъ ея къ добру, къ правдѣ, къ высшей красотѣ, къ небу. Вся разница между «Мареами» и «Маріями» въ томъ и состоитъ, что первыя хлопочутъ объ одномъ наружномъ убранствѣ жизни, объ украшеніи тѣла, одежды, жилища, — о томъ, чтобы прилично принять и угостить гостя, прилично справить всѣ принятые у «порядочныхъ» людей обычаи и разныя условныя правила приличія. Для людей, подобныхъ евангельской Маріи, наружное убранство и всѣ выдуманная людьми требованія и правила земной жизни не особенно важны, а при случаѣ и совсѣмъ не имѣютъ цѣны. Для нихъ дорога красота души, украшеніе своей жизни любовью и добродѣтелью. Среди такихъ людей Пр. Дѣва Марія занимаетъ самое высокое мѣсто. Для нея всѣ радости, вся красота жизни заключились въ одномъ Богѣ, въ служеніи Ему вѣрой и правдой. Всю любовь, всѣ помыслы она отдала этому дѣлу.

Въ храмѣ же Дѣва Марія научилась любить и людей. При тамошнемъ храмѣ, вѣроятно, находились особыя кельи, нѣчто вродѣ богадѣлень, мастерскихъ и школъ. Пріютъ здѣсь находили такія же сироты, какъ Дѣва Марія, или «обѣщанные» Богу, какъ та же Дѣва Марія. Вообще же сюда, въ эти тихія пристанища, стекался больше несчастный народъ. Всѣ безпризорные, измученные, уставшіе отъ жизни,—всѣ, кому «не задалось» въ жизни, чья жизнь такъ или иначе была разбита,—искали здѣсь, въ храмовыхъ пристрояхъ, успокоенія, наравнѣ съ людьми, добровольно отрекавшимися отъ міра для служенія Богу. Марія, сама испытавшая сиротство, бѣдность и связанная съ ними незаслуженныя обиды и униженія, чуткимъ сердцемъ угадывала горе окружающихъ ее, сострадала имъ и старалась по мѣрѣ возможности облегчить ихъ положеніе. Ласковое, доброе слово, стараніе услужить несчастному,

пособить челоуѣку, всегдашняя готовность походить за больнымъ, подѣлиться съ голоднымъ своей долей пищи,— вотъ, конечно, чѣмъ служила людямъ Дѣва Марія. То же доброе, нѣжное и отзывчивое сердце, безъ сомнѣнія, подсказало Маріи ту простую истину, что, чѣмъ меньше челоуѣкъ тратитъ на себя, тѣмъ больше онъ можетъ помочь другимъ. Отсюда — несомнѣнная крайняя умѣренность, сдержанность и расчетливость Дѣвы Маріи въ расходахъ на себя, скромность ея въ одеждѣ, умѣренность и простота въ пищѣ, питіи и во всемъ складѣ жизни.

Наконецъ, проживая при храмѣ, Дѣва Марія явила собой примѣръ удивительно трудолюбивой, занятой и высокодѣятельной жизни. Она не только не знала бездѣльности, пустого, празднаго времени или пустыхъ забавъ и развлеченій,—Марія, можно сказать, не знала и законнаго (по нашему) отдыха. Отдыхомъ для нея служила простая перемѣна занятій, переходъ отъ одного дѣла къ другому. Когда она утомлялась на молитвѣ, тогда бралась, напр., за рукодѣлье, за какую-нибудь работу, приличную и сильную для женщины. Кстати сказать, въ Евангеліи есть и свидѣтельство того искусства, какого достигла Дѣва Марія въ женскомъ рукодѣльѣ. Хитонъ, устроенный руками Богоматери для Ея Божественнаго Сына, возбудилъ особое удивленное вниманіе въ римскихъ воинахъ, бывшихъ при распятіи Спасителя (Іоан. XIX, 24). Отъ рукодѣлья Марія переходила къ спасительному чтенію или душеполезнымъ бесѣдамъ съ другими людьми, къ уходу за несчастными, къ услугамъ и помощи людямъ посильнымъ словомъ и дѣломъ.

Такимъ образомъ, можно сказать, что вся жизнь Дѣвы Маріи представляла одинъ сплошной, непрерывный трудъ и добродѣланіе. Даже сонъ Пр. Дѣвы, при постоянной строгой собранности ея силъ, при постоянной святой настроенности, всеконечно былъ свободенъ отъ пустыхъ, легкихъ, праздныхъ и расслабляющихъ мечтаній. Какъ законная награда за честные и святые труды дня, — на-

града, установленная законами Творца за правильно и разумно проведенное дневное время, — сонъ Маріи несомнѣнно былъ благовремененъ, тихъ, спокоенъ, кротокъ и укрѣпляющъ.

Итакъ, вотъ какими спасительными уроками и чисто-ангельскими чертами характера обогатило Дѣву Марію ея одиннадцатилѣтнее пребываніе при храмѣ Іерусалимскомъ. Мы съ вами тоже посѣщаемъ храмъ Божій (хотя, къ сожалѣнію, и не особенно усердно). Постараемся, чтобы и на насъ хоть нѣсколько отобразилось глубоко-благодетворное вліяніе храмовъ Божіихъ. Это вліяніе поистинѣ велико и могуче дѣйственно въ благотворномъ направленіи. Усердное посѣщеніе храма Божія и внимательное предстоаніе въ немъ поставить человѣка ближе къ Богу, — пробудить, оживить и укрѣпить въ немъ спасительную вѣру въ Его Промыслъ и любовь къ Владыкѣ и высшему Хозяину жизни за Его безчисленныя къ намъ благодѣанія. Тамъ, за порогомъ храма, въ нашей будничной жизни мало добрыхъ вліяній, и—напротивъ—очень много всякаго соблазна и грѣха. Тамъ, въ міру — царство грѣха и зла. Тамъ человѣкъ, отъ природы и добрый, очень часто портится, уродуется, черствѣетъ и сохнетъ душою. Здѣсь, въ храмѣ, все такъ устроено, чтобы настроить человѣка возвышенно, облагородить его, вознести его надъ землею, надъ временными малозначащими заботами, поднять и оживить въ немъ истинно-человѣческое достоинство, поставить его лицомъ къ лицу съ иными, высшими задачами жизни, унести его на крыльяхъ вдохновенной молитвы въ царство вѣчнаго добра, правды и безплотной красоты. Тамъ, за порогомъ храма, открытое проявленіе вражды, насилія и всякаго безобразія. Стоя въ храмѣ, даже человѣкъ съ злою и черною душою не смѣетъ обнаружить своей черноты и злобы. Храмъ Божій—это мѣсто благодатной тишины, вздоховъ и спасительнаго раздумья. Поистинѣ это преимущественное мѣсто самоуглубленія, самоиспытанія, самопровѣрки, — мѣсто особеннаго присутствія

Божія. Тогда какъ въ міру, въ обыденной жизни человѣка непрерывно кто-нибудь раздражаетъ, волнуешь, озлобляетъ и вообще разсѣиваетъ, развлекаетъ, мѣшаетъ быть наединѣ съ самимъ собою, — здѣсь, подъ сводами храма, ничто не мѣшаетъ человѣку уйти въ себя и предаться спасительному богомыслию. Гдѣ, какъ не въ храмѣ, легче и удобнѣе всего человѣкъ можетъ хоть на время отвлечься и забыть свои ничтожныя земныя заботы и печали. Да иной разъ и не надо вовсе, чтобы человѣкъ совсѣмъ забылъ о горестяхъ и невзгодахъ своей жизни. Есть горе и скорби спасительныя для человѣка. Безъ горя и скорбей не проживешь на свѣтѣ. Да человѣкъ вовсе и не призывается къ деревянной безчувственности и бездушію. Нужно только наблюдать, — каковы наши скорби и горести, отъ чего онѣ происходятъ. Такъ вотъ и пусть въ храмѣ человѣкъ поглубже взглянется въ нестроенія своей жизни, раздумается о своихъ прошлыхъ поступкахъ, постарается оцѣнить ихъ по Божеской разсѣнкѣ, взвѣситъ ихъ на вѣсахъ Божьяго правосудія. Пусть спроситъ себя грѣшникъ предъ лицомъ своего Творца и Владыки, — какъ онъ жилъ до сихъ поръ, много ли добра сдѣлалъ въ своей жизни, какая цѣна ему, какой конецъ ждетъ его. Пусть какъ можно сильнѣе почувствуетъ грѣшникъ свое недостойнство предъ Богомъ. Не отгонять отъ себя и не подавлять въ душѣ нужно намъ скорбныя воспоминанія о своихъ беззаконіяхъ, а стараться пробуждать ихъ сильнѣе и ярче, — такъ, чтобы картины сдѣланнаго нами зла нахлынули на нашу душу, охватили ее содроганіемъ и трепетомъ, зажгли горючими слезами стыда и раскаянія. Пусть грѣшникъ въ теплой бесѣдѣ съ Богомъ, въ сердечной молитвѣ къ Нему изольетъ предъ Нимъ свои скорби, выплачетъ предъ Нимъ свое горе, раскроетъ свои сердечныя раны, произведетъ строгій смотръ своей жизни и допросъ своей совѣсти, дастъ себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ, отъ глубины встревоженной и смущенной души воздохнетъ передъ Богомъ, — и благодать

невидимаго, но всевидящаго Владыки понемногу, но ощутительно, воснется души грѣшника. Понемногу разсѣется мракъ и боль души его; постепенно миръ и успокоеніе снизойдутъ въ его наболѣвшую душу; свѣтлѣе, легче, теплѣе и отраднѣе станетъ у него на сердцѣ. А воспоминанія о несказанномъ долготерпѣннн и милосердіи Господа, воспоминанія о пролитой за грѣшниковъ пречистой крови Господней, воспоминанія о случаяхъ изъ собственной жизни человѣка, когда Господь спасалъ его — недостойнаго — отъ явной опасности и гибели, — пробудятъ и воскресятъ въ человѣкѣ живую вѣру, надежду и любовь къ своему Создателю и Промыслителю.

Вмѣстѣ съ любовью къ Богу храмъ Господень пробуждаетъ въ насъ и любовь къ людямъ, научаетъ насъ братской любовной жизни. Въ обыкновенныхъ земныхъ отношеніяхъ люди настроили между собою много излишнихъ перегородокъ, различій, преимуществъ для однихъ и стѣснительныхъ ограниченій для другихъ. Въ жизни, въ служебныхъ и дѣловыхъ сношеніяхъ, многіе люди часто чуждаются низшихъ себя, гордятся и величаются предъ другими своимъ богатствомъ, умомъ, силою, относятся къ другимъ свысока, заносчиво и пренебрежительно. Въ храмѣ, предъ лицомъ одного высшаго Хозяина и Владыки жизни, мы всѣ равны. Тамъ мы всѣ дѣти одного Отца. Тамъ нѣтъ титуловъ, чиновъ, отличій. Богатые и бѣдные, господа и слуги, начальники и подчиненные подъ сводами храма объединяются въ одну общую семью. О всѣхъ насъ одинаково заботится милосердый Отецъ нашъ небесный, всѣхъ одинаково зоветъ ко спасенію, къ участию въ свѣтломъ пиршествѣ праведныхъ въ небесной вечери, на всѣхъ равно готовъ излить Свои щедроты и милости. «Какъ солнце Его, согрѣваетъ Онъ злыхъ и добрыхъ, изливаетъ дождь на праведныхъ и на неправедныхъ» (Мѣ. V, 45).

Въ этомъ-то общемъ нашемъ происхожденіи и въ одинаковой любви къ намъ Бога-Отца и заключается напо-

минаніе, побужденіе и настойчивый призывъ насъ къ тѣсной, братской жизни. Въ храмѣ отъ лица нашего Единого Владыки и Судіи напоминаютъ людямъ ту часто забываемую на землѣ истину, что всякій богачъ и властитель не болѣе, какъ человекъ, и всякій бѣднякъ и простецъ не менѣе, какъ тотъ же человекъ. Въ храмѣ Божиѣмъ насъ настойчиво призываютъ жить между собою по-братски, любовно, въ согласіи, помогать и услуживать другъ другу, терпѣливо нести тяготы другъ друга. Именно въ храмѣ мы призываемся молиться другъ за друга, молиться «за всю братію» и «за вся христіаны», молиться «о мирѣ (спокойствіи) всего міра», молиться «о плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, плѣнныхъ», — молиться за умершихъ, «о всѣхъ прежде почившихъ отцѣхъ и братіяхъ».

Въ томъ же храмѣ Божиѣмъ возвѣщается намъ и непреклонная воля Творческая, чтобы ни одинъ человекъ не жилъ праздно и бездѣтельно. Заповѣдь Божія говоритъ ясно каждому человеку: «шесть дней дѣлай», т.-е. каждый справляй свое земное дѣло, трудись и работай. Значитъ, каждая честная, нужная въ жизни и своевременная работа согласна съ волей Божіей, и каждый честный труженикъ можетъ смѣло испрашивать себѣ помощи и благословенія Божія на свои полезные и разумные труды земные.

Дорожите же храмомъ Божиимъ, какъ лучшимъ на землѣ вашимъ наставникомъ и руководителемъ. Пусть неопустительное посѣщеніе богослуженія церковнаго войдетъ въ вашу привычку, станетъ вашей дорогой потребностью. И хотя не всякое посѣщеніе храма Божія одинаково спасительно, хотя намъ — многогрѣшнымъ — далеко не дойти до святости Приснодѣвы, — все же привычка къ усердному посѣщенію храма Божія не можетъ принести намъ ничего, кромѣ пользы. Какъ ни какъ, а усердіе къ храму Божию, любовь къ церковному богослуженію будутъ свидѣтельствовать о томъ, что мы ужъ не совсѣмъ озвѣрѣли и окаменѣли въ беззаконіи и без-

божіи. Кто усердно посѣщаетъ храмъ Божій, тотъ тѣмъ самымъ говорить, что онъ не совсѣмъ еще забылъ Бога, — что хотя за порогомъ храма онъ и часто согрѣшаетъ; но все же хотъ временемъ вспоминаетъ и о другой—лучшей жизни, — можетъ быть, тоскуетъ по ней и рвется къ новой жизни. А кто хотъ слабо, хотъ и изрѣдка вспоминаетъ о Богѣ, кто при грѣшной жизни ищетъ исправленія, тотъ не пропацій человѣкъ: въ немъ еще не погасла искра Божія. Не умеръ Богъ въ душѣ такого человѣка...

Свящ. Иоаннъ Утѣхинъ.

МОСКОВСКІЙ НЕКРОПОЛЬ.

Изданіе Великаго Князя Николая Михайловича.

Посѣщая неоднократно кладбища Москвы и Петербурга, говоритъ въ своемъ предисловіи Августѣйшій издатель, спускаясь въ мрачныя, сырыя подземелья усыпальницъ московскихъ монастырей, гдѣ отъ покрытыхъ пылью ветхихъ надгробій вѣетъ далекой стариной, я часто останавливался на мысли издать со временемъ «Некрополь» Москвы и Петербурга, то-есть собрать по возможности всѣ еще уцѣлѣвшія надгробныя надписи, а также и новыя, и напечатать ихъ наряду съ тѣми свѣдѣніями о погребенныхъ, которыя можно извлечь изъ соотвѣтствующей литературы.

Главными пособниками въ этомъ дѣлѣ, какъ видно изъ предисловія, были В. И. Сайтовъ, уже ранѣе въ 1883 году составившій «Петербургскій Некрополь», и А. А. Голомбѣвскій, личный секретарь Его Высочества.

Московскій Некрополь изданъ въ трехъ томахъ и отличается замѣчательной полнотою, хотя и не безъ нѣкоторыхъ дефектовъ. Такъ въ Московскомъ Некрополѣ показанъ какъ бы погребенный въ Москвѣ стольникъ Троекуровъ кн. Ѳедоръ Ивановичъ; его отпѣвалъ патріархъ 16 декабря 1695 года въ церкви Николая у Боровицкихъ воротъ ¹⁾. Это свѣдѣніе взято изъ 1 части Матеріаловъ для исторіи Москвы (стр. 515) И. Е. Забѣлина. Но если

¹⁾ Московскій Некрополь, ч. III, стр. 223.

князя Троекурова и отпѣвалъ въ Москвѣ патриархъ, то это еще не доказательство, что онъ и погребенъ былъ на московскомъ кладбищѣ; Троекуровъ погребенъ въ усыпальницѣ Ярославскаго Спасскаго монастыря. Надгробная надпись на его могилѣ уцѣлѣла до настоящаго времени: «Мірозданія 7203 лѣта по указу Царскаго Пресвѣтлаго Величества благочестивѣйшихъ царей бысть на службѣхъ подъ градомъ Азовомъ турскимъ, иже на рѣкѣ Дону, ближайшій Великихъ Государей стольникъ князь Ѳеодоръ Ивановичъ и тамо отъ непріятелей раненъ въ 5 день августа мѣсяца, и болѣзнуя въ полкахъ отъ раны тоя, во благочестіи христіанскомъ и совершеніи церковныхъ таинствъ 7204 сентембрія мѣсяца въ 6 день сконча жизнь свою и отыде ко Господу. Тѣло же его привезено во градъ Москву декембрія въ 16 день, и надгробныя пѣнія надъ нимъ сотвори святѣйшій Адрианъ патриархъ соборнѣ. Погребено же оно во градъ Ярославль во пречестнѣй обители Христа Господа Спаса Преображенія на семь мѣствъ декембрія въ 20 день, идеже лежатъ усопшіе сродники его. На погребеніе же его во градъ Ярославль благоводительно ради милости своея къ нему особю присутствова благочестивѣйшій Великій Государь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ. Его же всеблагій Господь во всерадостномъ блаженствѣ водворитися да сподобитъ. Отъ рожденія ему князь Ѳеодору Ивановичу 28 лѣтъ и 3 мѣсяца. Лежащій здѣ и зрящій вся гробъ сей о молитвѣ просить, его же да упокоитъ Господь во царствіи небесномъ со святыми. Аминь»¹⁾. Точно также въ Московскомъ Некрополѣ, согласно Матеріаламъ Забѣлина, показаны и другія лица, отпѣваемые патриархомъ, но были ли они погребены въ Москвѣ, точныхъ указаній нѣтъ. Жаль, что о большинствѣ погребенныхъ на московскомъ кладбищѣ не сдѣлано справокъ въ церковныхъ метрикахъ, а потому и не всегда

¹⁾ Моя статья въ *Русскомъ Архивѣ* „Родъ князей Троекуровыхъ“.

можно быть увѣреннымъ, что и сохранившіяся надгробія точно указываютъ день смерти или рожденія погребеннаго. Подобная повѣрка надписей по церковнымъ книгамъ была бы весьма важна, такъ какъ, по словамъ составителя, «книга эта должна дать цѣнный по своей точности біографическій, хронологическій и генеалогическій матеріалъ, пригодный для историческихъ изслѣдованій». Но какъ бы то ни было, а эта книга дѣйствительно представляетъ большую цѣнность. Историки и генеалоги, пользуясь ею для своихъ изслѣдованій, какъ конспектомъ, конечно не останутся предъ повѣркой и дальнѣйшими изысканіями о нужныхъ имъ лицахъ, упоминаемыхъ въ Московскомъ Некрополѣ. Августѣйшій издатель въ своемъ предисловіи къ Московскому Некрополю между прочимъ упоминаетъ, что «далеко не одно, впрочемъ, всеразрушающее время уничтожило слѣды погребеній; этому не мало способствовало упраздненіе самыхъ монастырей и церквей или ихъ перестройка, не говоря уже о невѣжествѣ, корысти, нашемъ неуваженіи къ старинѣ и неумѣнн и ею дорожить. Все это сдѣлало еще большіе успѣхи въ томъ же направленіи: памятники снимаются съ мѣстъ, продаются торговцамъ; надписи, кресты, скульптурныя изображенія исчезаютъ или обезображиваются; плиты закладываются въ фундаменты, тротуары, подъ водосточныя трубы, разбиваются на бутъ... Цѣлые склепы, съ засыпанными штукатуркой и пылью вѣковъ памятниками, съ сорванными гербами, съ замазанными краской или уничтоженными надписями, служатъ складомъ старыхъ негодныхъ вещей... Между тѣмъ многіе погребенные были видные въ русской исторіи люди и часто крупные благотворители тѣхъ же монастырей, которые способствовали уничтоженію ихъ могилъ.

Изданіе надгробныхъ надписей сохранить ихъ навсегда отъ исчезновенія и дать полезный матеріалъ для исторіи и особенно для генеалогіи, сообщая подробныя даты жизни различныхъ дѣятелей, выясняя ихъ родственныя отноше-

нія, давая свѣдѣнія о служебномъ и общественномъ ихъ положеніи; нѣкоторыя эпитафіи могутъ даже служить характеристикой тѣхъ, кому онѣ посвящены. При моихъ изысканіяхъ о Строгановыхъ, князьяхъ Долгорукихъ и ихъ родичахъ мнѣ приходилось прибѣгать къ поискамъ могилъ на кладбищахъ; могилы Донского монастыря, въ Москвѣ, и Александро-Невской лавры дали мнѣ новыя цѣнныя свѣдѣнія, которыхъ не оказалось въ существующихъ родословныхъ сборникахъ».

Я же съ своей стороны считаю, что одной изъ главныхъ причинъ къ уничтоженію надгробныхъ памятниковъ въ XVIII вѣкѣ на московскихъ кладбищахъ послужилъ указъ Императора Петра I, въ которомъ онъ повелѣвалъ, ради удобства отправленія воинскихъ церемоній при погребеніи знатныхъ лицъ для отдавія имъ послѣдней чести, убрать на кладбищѣ старыя въ беспорядкѣ лежащія памятники, ибо чрезъ эту беспорядочность происходило великое стѣсненіе для воинскихъ церемоніаловъ. Конечно, вслѣдствіе такого указа въ Москвѣ не мало было уничтожено цѣнныхъ для науки надгробныхъ памятниковъ. Не избѣгла этого и провинція: и теперь еще во многихъ монастыряхъ можно видѣть плиты съ полуизглаженными надписями на панеляхъ монастырскихъ дворовъ и ступеняхъ соборныхъ храмовъ. Такъ, напримѣръ, даже плита храмоздателя Ростовскаго Бѣлогостицкаго монастыря, находящаяся на гробѣ послѣдняго въ родѣ кн. Михаила Михайловича Темкина, боярина и дворецкаго († 1661 г.), находится въ самомъ жалкомъ положеніи: она вся изрублена. Въ подвалѣ подъ созданнымъ кн. Темкинымъ Благовѣщенскимъ храмомъ, гдѣ онъ погребенъ, складываются дрова и на его могильной плитѣ ихъ колютъ простосердечные яноки. Его сестра Домника Михайловна, дочь кн. Михаила Григорьевича Темкина, бывшая въ замужествѣ за бояриномъ кн. Ѳедоромъ Ивановичемъ Мстиславскимъ, † 6 іюля 1630 г., погребена въ Симоновомъ монастырѣ ¹⁾, а его

¹⁾ Московскій Некрополь. II, стр. 291.

мать, жена кн. Михаила Григорьевича, Вологодскаго воеводы въ 1614—1615 гг., † 1628 г. — въ Никитскомъ монастырѣ ¹⁾).

Изъ громаднаго числа надгробныхъ надписей, напечатанныхъ въ Московскомъ Некрополѣ, позволяемъ себѣ обратить вниманіе на нѣкоторыя. Такъ въ первомъ томѣ:

Агрипина Ивановна, жена Федора Петрова, священника церкви Преображенія Господня, что въ Пушкаряхъ, † 15 ноября 1753, въ 8 часу пополудни. Жила 62½ г. Замужемъ была 25 л. 11 м.

Амвросію, архіепискому Московскому, пастырю церкви Христовой знаменитому, любителю отечества истинному, во время свирѣпствовавшей въ Москвѣ язвы отъ возмущившейся черни внѣ вратъ Донскаго монастыря на 63 г. отъ рожденія своего 16 сентября 1771 г. за искорененіе суевѣрія безчеловѣчнымъ образомъ убиенному сія гробница сооружена. Такая же надпись на латинскомъ языкѣ (Донской монастырь. Церковь во имя Пресв. Богородицы).

Аванасій Леоновичъ, Грузинскій царевичъ, генералъ-поручикъ, р. 15 ноября 1707, погребень 31 марта 1784 г. Жилъ 77 л.

Здѣсь прахъ царевича, а духъ на небесахъ.

Рожденный отъ царей, все царское оставилъ,

Но добродѣтелю одной себя прославилъ:

За то днесь царствуетъ въ превыспреннихъ мѣстахъ.

(Донской монастырь, Срѣтенская церковь).

Барышниковъ, Иванъ Ивановичъ, отставной артиллеріи майоръ, р. 30 декабря 1749, † 12 ноября 1834. Долгая жизнь его была долгимъ примѣромъ сердечнаго благочестія и строгаго исполненія своихъ обязанностей, а смерть его — примѣромъ смерти вѣрующаго. За немного часовъ до кончины рассказывалъ онъ своимъ дѣтямъ, послѣ ми-

¹⁾ Ib. 196.

нутнаго забвенія сномъ, видѣніе свое—дерево рая чудно-свѣтлое—и былъ отъ своего видѣнія въ восторгѣ. Слова же: «Святымъ духомъ всяка душа живится и чистотою возвышается», сказали уста его, на вѣки смыкаясь. Дай Богъ каждому кончину сходную (Донской монастырь).

Здѣсь погребено тѣло Николая Васильевича Гоголя. Родился 19 марта 1809, скончался 21 февраля 1852. Мужъ-разумный престолю чувствія. Притчей гл. 12, ст. 23.

Правда возвышаетъ языкъ. Притчей гл. 14, ст. 34.

Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся. Іеремія, гл. 20, ст. 8.

Истиннымъ же уста исполнить смѣха, уста же ихъ исповѣданія. Іова гл. 8, ст. 21.

Ей, гряди, Господи Іисусе. Апокалипсиса гл. 22. ст. 20. (Даниловъ монастырь).

Горчакова, княгиня Анна Васильевна, рожд. Суворова, 1744—1813.

Здѣсь прахъ той почиеть, что славы и сребра

Средь міра тлѣннаго въ сей жизни не искала,

Но добродѣтелями на небо возлетала:

Се Горчаковыхъ мать, Суворова сестра.

(Донской монастырь).

Здѣсь погребенъ гражданинъ Феодоръ Павловичъ Ермиловъ, авторъ Голоса, Отповѣди старовѣра и Гражданскихъ думъ старообрядца-безпоповца, помѣщенныхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1863 года, скончавшійся отъ чахотки на 36 году отъ рожденія, 12 апрѣля 1872 года; день тезоименитства его 8 февраля.

Голосъ твой звучалъ, и Отповѣдь

Гремѣла на весь славянской міръ,

И Думъ гражданскихъ слогъ твоимъ

Умомъ въ печать произведена память,

Вѣчною о тебѣ симъ ты памятникомъ

Здѣсь отъ друзей почтенъ.

(Преображенское кладбище).

Иона, Грузинскій митрополитъ, происходилъ отъ древней фамиліи князей Гедевановыхъ, р. въ 1737 г.; въ 30-е лѣто возраста своего постриженъ въ Мцхетскомъ кафедральномъ соборѣ. католикосомъ Грузинскимъ, царевичемъ Антоніемъ Багратионовымъ, въ иноческій образъ, а въ 1777 г. посвященъ онымъ же католикосомъ въ архіерейскій санъ, съ титуломъ Руійскаго митрополита, откуда, ради поклоненія, отправился въ Іерусалимъ и въ Синайскую гору. Путешествовалъ по Греціи, былъ въ Константинополѣ, Смирнѣ, святыхъ Аѳонскихъ горахъ, въ разныхъ архипелажскихъ островахъ и въ Корфѣ ради поклоненія святымъ мощамъ чудотворнымъ св. Спиридона Триміеійскаго, а оттуда отправился въ Триестъ, Венецію и черезъ Вѣну прибылъ въ Яссы, гдѣ жилъ четыре года, потомъ отправился въ Россію и жилъ въ Кіевѣ три года, а наконецъ, по Высочайшей волѣ, перемѣщенъ изъ Кіева въ столичный градъ Москву, гдѣ жилъ 27 лѣтъ, исполняя усердно службу алтарю Божію, нося на себѣ многія монаршія милости всеавгустѣйшихъ російскихъ монарховъ и, достигши глубокой старости, въ 84-е лѣто скончался мирно въ 1821 году, въ 4-й день августа, въ Чудовомъ монастырѣ. — Воздвигнуть сей памятникъ усердіемъ духовнаго сына, произносящаго свой стихъ: «Какъ голубь невинный была душа въ семь благая» (Покровскій монастырь; церковь во имя св. митрополита Іоны).

Во второмъ:

Муравьева, Прасковья Михайловна. «Тѣло Параскевы Михайловны Муравьевой, рожд. княжны Шаховской, сложившей смертный покровъ 29 января 1835 г. въ г. Вяткѣ, сопровождая мужа на возвратномъ пути въ отечество изъ произвольно ею понесеннаго и любовью вдохновеннаго изгнанія. — Жены единой отъ рода мужа своего. — Тов. VI, 12. — Жены отъ вѣка мужу уготованной. — Тов. VI, 18. — Жены обратившей, освящавшей и освящающей, спасающей и спасающей мужа своего. — 1 Кор. VII, 14. 16. — Имя ея — дыханіе любви». Возлѣ княжны Кл. М. Шаховской и князя Мих. Ал. Шаховскаго (Симоновъ монастырь).

Новосильцовъ, Владиміръ Дмитріевичъ, олигель-адъютантъ Императора Александра I, «единственный сынъ, надежда родителей и отечества, 1825 г., сентября 10 числа, безъ враждебнаго намѣренія, защищая честь, смертельно раненъ, а 14-го дня, 25 лѣтъ отъ роду, на одрѣ великодушнаго страданія въ мирѣ съ Богомъ, церковью и врагами скончался въ предмѣстіи С.-Петербурга во 2 часу пополудни; здѣсь земные остатки его преданы землѣ по печеніемъ сѣтующей матери Екатерины Владиміровны Новосильцовой, рожд. графини Орловой, полагающей единственное утѣшеніе только въ молитвѣ о немъ и надеждѣ, на непоколебимой вѣрѣ основанной, обрѣсти его въ жизни безмятежной, а земной для себя покой — здѣсь же». На памятникъ бронзовая плачущая фигура, а позади — на стѣнахъ, vis-a-vis—масляные портреты прекрасной работы Ек. Вл. и Вл. Дм. Новосильцовыхъ въ черныхъ рамахъ (Новоспасскій монастырь; соборъ).

Здѣсь погребенъ во блаженномъ усненіи болгаринъ Феодоръ Михайловичъ, отецъ св. Алексѣя, митрополита всея Россіи, изъ фамиліи Плещевыхъ, въ XIV столѣтіи отъ Р. Хр.

Онъ здѣсь, онъ здѣсь теперь, здѣсь прахъ его священный

Среди спокойствія и тишины въ домѣ Божіемъ лежитъ;

Здѣсь, бросивъ посохъ свой, изсохшій, преломленный, Уснулъ сномъ ангельскимъ и до сихъ поръ все спитъ.

И кто жъ онъ таковой?— Отецъ архіерея, Россіи пастыря, святого Алексѣя.

Великій человекъ, великій человекъ!

Покойся, ночь теперь, а день еще далекъ.

(Богоявленскій монастырь; церковь Казанской Божіей Матери).

Въ третьемъ томѣ:

Родостамова, Евѣимія.

Зри, человекъ, гробъ сей, Богу помолися:
 Здѣсь Евѳимія жена умерша склонися,
 Михаила, подъячаго Посольска Приказа
 Родостамова, та ждетъ отъ Христа указа,
 Да егда придетъ Онъ въ славѣ людъ судити,
 Изволилъ бы ю въ небо на вѣки вселити.
 Семь тысящъ девять-десять въ лѣто сто девято,
 Въ двадесять четвертый день марта жизнь отъята.

(Церковь Симеона Столпника, на Поварской, за Арбатскими воротами).

Александръ Никитичъ Романовъ, бояринъ † въ заточеніи отъ Царя Бориса, Кириллова монастыря въ вотчинѣ на Лудѣ, погребенъ 12 марта 1606, на память преп. Феодана Исповѣдника (Новоспасскій монастырь).

Сицкая, княгиня Евѳимія Никитична, во инокиняхъ Евдокія, дочь боярина Никиты Романовича Юрьева-Захарыина, жена князя Ивана Васильевича Сицкаго; уморилъ ее въ заточеніи, повелѣніемъ царя Бориса, Михалко Внуковъ 8 апрѣля 1602; погребена была Соловецкаго монастыря въ вотчинѣ въ Сумскомъ острогѣ; въ Новоспасскій монастырь перенесена 28 марта 1617 (Новоспасскій монастырь).

Троекурова, княгиня Анна Никитична, дочь боярина Никиты Романовича Юрьева-Захарыина, жена князя Ивана Феодоровича Троекурова; † 2 (или 6) декабря 1585 (Новоспасскій монастырь).

Сильвестръ Старогородскій, епископъ Крутицкій, настоятель Спасо-Андроніева монастыря † 19 октября 1802, на 77 г.

На семь мѣстѣ Сильвестръ епископъ погребенъ.
 Въ безвѣстной участи скончавъ послѣдній день,
 Онъ стать на судъ и дать отчетъ въ дѣлахъ обязанъ:
 По списку совѣсти въ нихъ долженъ быть истязанъ,
 Гдѣ истецъ врагъ души, а искъ тщета ея,
 Судъ не приѣмный лицъ, Всевѣдецъ Судія,
 Гдѣ всѣ дѣла, слова и помыслы сердечны

Пріемлють мзду свою иль казнь, а казнь—огнь вѣч-
ный.

О помощи душъ онъ просить всѣхъ своей
Въ столь страшномъ подвигѣ спастись отъ бѣдства ей.
Онъ просить всѣхъ простить, кому въ чемъ былъ
виною,

И, вспомня общій рокъ, вздохнуть о немъ съ мольбою.
А ты, кой чтешь сіе, прохожіи мой любезный,
Смотри на тлѣнь и прахъ, что гробный кроетъ спудъ.
Прими умершаго совѣтъ тебѣ полезный:
Чтобъ, помня смерть, всегда готову быть на судъ.

Скорая-Запись, Аѳанасій, гость, погребенъ патриархомъ 14 марта 1682 г. въ церкви Климента Папы Римскаго. Жена, вдова Ѳедора, погребена патриархомъ 12 апрѣля 1683 г. въ церкви Іоанна Предтечи, что противъ Знаменскаго монастыря.

Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ, р. 5 мая 1820; † 4 октября 1879. «Подвигомъ добрымъ подвижася, теченіе сконча, вѣру соблюде, прочее убо соблюдается ему вѣнецъ правды». — На памятникѣ — бронзовый барельефъ-портретъ; съ нимъ Вл. С. и Вс. С. Соловьевы (Новодѣвичій монастырь).

Софроній, монахъ Андреевскаго монастыря, а въ бѣльцахъ званіе было: окольничей и штатцкой совѣтникъ князь Юрья Ѳедоровичъ Щербатовъ; а рожденіе его во 138 (1630) г.; и въ бѣльцахъ житія было до 732 г., марта до 11 числа, 102 г. 2 м. 10 д. И того жъ марта 11 дня, возлюбивъ монашескій чинъ, оставя домъ свой и выѣхаль съ посестріею своею изъ дома своего въ одинъ день и пребывъ въ монашествѣ въ сей обители 6 лѣтъ 11 мѣсяцевъ и 15 дней; и всего отъ рожденія житія его 109 л. 1 м. 25 д.; † 26 февраля 1739, на память св. Порфирія, архіепископа Газскаго (Церковь Воскресенія Христова въ Пдѣвницахъ, бывшій Андреевскій монастырь, нынѣ при Андреевской богадѣльнѣ Московскаго купеческаго общества).

Таисія, монахиня, бывшая супруга патриарха Никона (Алексѣевскій дѣвичій монастырь, въ Чертольѣ, гдѣ нынѣ храмъ Спасителя).

Тимоеей Архиповъ сынъ, который, оставя иконописное художество, юродствовалъ міру, а не себѣ; а жилъ при дворѣ матери Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы Благочестивѣйшія Государыни, Царицы и Великія Княгини Параскевы Ѳедоровны 28 лѣтъ † 29 мая 1731; погребенъ 30 мая (Чудовъ монастырь; въ стѣнѣ церкви Михаила Архангела).

Томсонъ, Марія Павловна (Волкова), артистка Императорскихъ Театровъ, р. 5 марта 1868; † 5 апрѣля 1895, 27 л. Безподобной, незабвенной Офеліи послѣднее подношеніе.

Мой милый другъ!

Ты отнята могилой,

Но память о тебѣ всегда жива:

Я вижу тѣнь твою, я слышу голосъ милый,

Я чувствую, что ты, какъ ангелъ легкокрылый,

Мнѣ шепчешь ласково небесныя слова.

(Пятницкое кладбище).

Херасковъ, Михаилъ Матвѣевичъ, д. тайн. сов. и орденъ св. Анны 1-го класса и св. Владиміра 2-й степени большого креста кавалеръ, р. въ Переяславлѣ 25 октября 1733; † 27 сентября 1807, на 74 г.

I.

Здѣсь прахъ Хераскова; скорбящая супруга
Чувствительной слезой приноситъ дань ему;
Съ ней Музы платятъ дань любимцу своему:
Имъ важень даръ пѣвца, мила ей память друга.

II.

Здѣсь дружба слезы льетъ на гробъ,
И добродѣтель съ ней скорбитъ;
Пусть прахъ его покоятъ обѣ,
А имя—слава сохранить.

III.

Восплачьте! Ужь пѣвецъ не дышетъ,
 На урнѣ мира возлежить,
 Но, ахъ! гордитесь! Слава пишеть:
 Онъ былъ и Россѣ и былъ пить.

Мраморный барельефъ-портретъ (Донской монастырь).
 Чириковъ, Петръ Меѳодіевичъ, Московскій 3-й гильдіи
 купецъ; † 23 мая 1831, 47 л. 5 м. 4 д.

П. Н. Є. З.

тамъ будутъ

Л. У. Н. Ю. ¹⁾ (Ваганьково).

Составители московскаго Некрополя, хотя и пользовались всѣми доступными для нихъ матеріалами, но при всемъ обиліи матеріаловъ они, конечно, и много не имѣли. Матеріаль этотъ за нѣсколько вѣковъ очень обширенъ, и его, надо полагать, не мало сохраняется въ рукописяхъ и въ домашнихъ замѣткахъ, неизвѣстныхъ не только составителямъ Некрополя, но часто и самимъ владѣльцамъ этихъ рукописей.

Такъ мнѣ, сообщившему А. А. Голомбѣевскому кажется уже весь имѣемый въ моемъ рукописномъ собраніи матеріаль, на-дняхъ совершенно случайно пришлось найти еще въ одной рукописи два надгробія, относящіяся къ жертвамъ двѣнадцатаго года.

Священникъ Петръ Гавриловъ—на владбищѣ Новоспасскаго монастыря.

«Здѣсь погребенъ Сорокосвятской, что у Новоспасскаго монастыря, церкви рабъ Божій священноіерей Петръ Гавриловъ, котораго тѣло предано землѣ черезъ три мѣсяца

¹⁾ То-есть:

Покой нашъ есть земля,
 Тамъ будутъ люди, червь и я.

и 3 дня по кончинѣ 1812 года. Житія его было 66 лѣтъ.
На другой сторонѣ:

Здѣсь скромно погребенъ
Служитель алтара,
Герой, вкусившій смерть
За вѣру и Царя;
При заревахъ Москвы,
Вселенну изумившихъ
И кары грозныя
На злобу ополчившихъ,
При храмѣ Божиємъ
Онъ палъ, пронзенъ врагомъ,
Живя о Господѣ
Въ безсмертіи святомъ.

На Калитниковскомъ кладбищѣ съ сѣверной стороны:
«Здѣсь страннопріимная земля сокрыла въ цвѣтѣ лѣтъ
двухъ дочерей священника церкви св. Софіи, что въ сред-
нихъ Садовникахъ, Марка Семенова, вдову Екатерину и
дѣвицу Елену, которыя въ водахъ Москвы рѣки спасали
свое цѣломудріе отъ дерзновенныхъ враговъ Россіи въ
1812 г. На другой сторонѣ:

«Мертвые срама не имуть».

Въ общемъ изданіе Великаго Князя Николая Михайло-
вича есть капитальный вкладъ въ историческую литера-
туру. Будемъ съ нетерпѣніемъ ждать не только Петербург-
скаго Некрополя, но и провинціального. Послѣдній осо-
бенно необходимъ для генеалогическихъ разысканій, такъ
какъ большинство князей и бояръ погребены или въ сво-
ихъ вотчинахъ или въ многочисленныхъ обителяхъ, со-
хранившихъ не только старыя надгробія, но и синодики
съ именами усопшихъ.

Ан. Титовъ.

ДЕНЬ ВЪ ВЫДУБИЦКОМЪ МОНАСТЫРЬ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

Весной Кіевъ очарователенъ: очень красивый самъ по себѣ,—въ это время онъ благоухаетъ, какъ жертвенникъ, на который небесная рука положила въ изобиліи благовоныя вещества. Цвѣтутъ сирень, яблони и акаціи; цвѣтутъ многочисленныя конскіе каштаны, напоминающіе своимъ видомъ рождественскія елки, щедро уставленныя свѣчами. Но надъ всѣмъ цвѣтущимъ зеленымъ царствомъ величаво несутъ на орлиную высоту свои изумрудныя главы пирамидальныя тополи, эти стройныя дѣти богатнаго юга.

Въ такую пору, особенно если стоитъ ясная погода, съ кіевского бульвара, съ кіевской улицы не ушелъ бы: все любовался бы красотою міра растеній, панорамой города и Днѣпромъ, и всѣмъ, что развертывается за рѣкою, образуя такъ называемое Заднѣпровье. И когда любишься этимъ, мысль не спитъ, и память не дремлетъ. Все припоминается, все приятно волнуетъ. Внутри себя перечитываешь многотомную исторію родной земли отъ до-Рюриковыхъ, апостольскихъ, временъ;—воскресаютъ бытописатели... Глядишь на Днѣпръ, на его раздолье широкое,—стоитъ передъ твоимъ духовнымъ взоромъ Гоголь. И будто онъ шепчетъ тебѣ: «слушай, если ты не камень и способенъ чувствовать красоту»... Слушаю... И вотъ ушей твоихъ касается уже мелодія: «чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы

полныя воды свои. {Ни зашелхнетъ, ни прогремитъ: глядишь и не знаешь, идетъ или не идетъ его величавая ширина; и чудится, будто весь онъ вылить изъ стекла}... и т. д. Или же Андрей Николаевичъ Муравьевъ приходитъ на память. По нему Днѣпръ — это русское море, полное жизнью предковъ. Почти забытый писатель говоритъ: «вездѣ, гдѣ только встрѣчался я съ Днѣпромъ, что-то невыразимо близкое сердцу влекло меня къ нему; ибо каждая изъ долинъ кievскихъ, спускающаяся въ его хладныя объятія, запечатлѣна, при своемъ устьѣ, какимъ-либо воспоминаемъ; вездѣ встрѣчается онъ, нашъ славный Тибръ, какъ нѣкій давній другъ, или пестувъ первыхъ дней юности: то въ образѣ мирнаго гостя Варяжскаго, тихо двигающаго суда греческимъ путемъ своимъ; то въ видѣ бурнаго воителя, стремящаго славянскія ладьи къ Царьграду; то весь одѣянный голубою ризой, какъ воспріемникъ цѣлаго народа русскаго изъ освященныхъ водъ своихъ»¹⁾... Да! да! Днѣпръ—купель христіанской Россіи.

Едва войдя во Владимірскій соборъ, вы видите «Крещеніе св. Владиміра» и «Крещеніе Руси» васнецовскаго мастерства. Вы всматриваетесь въ эти достойно оцѣненные картины славнаго художника, а въ это время, чудится,—старческой голосъ поясняетъ съ высоты столба, отдѣляющаго центральный корабль великолѣпнаго храма отъ боковыхъ: «На утріе же изыде Володимеръ съ попы Царицыны и съ Корсунскими на Днѣпръ, и снидеса безъ числа людей; влѣзоша въ воду и стояху овы до шіе, а друзіи до персій, млади же отъ берега, друзіе же млади держаше, свершеніи же бродяху; попове же стояще молитвы творяху»... Оглядываетесь — преподобный Несторъ-лѣтописецъ во весь ростъ—и вдумчиво-вдумчиво смотреть на васъ и въ даль и впередъ, гдѣ зарождаются событія, достойныя быть занесенными въ свитоги. «Новые люди», новая Русь: старая погрузилась въ Днѣпръ, отъ старыхъ

¹⁾ „Путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ. Кіевъ“.

до малыхъ, и осталась въ его глубинахъ. Ушла, утонула вмѣстѣ съ Перуномъ,—объясняйте, какъ хотите.

И вотъ меня страстно потянуло къ тому мѣсту, гдѣ ненадолго выплылъ языческій богъ и затѣмъ потонулъ безвозвратно. По извѣстному преданію, послѣ того, какъ кумирь Перуна былъ низверженъ въ Днѣпръ и поплылъ внизъ по теченію, «послѣдніе язычники» бѣжали по берегу и умоляли: «выдыбай, выдыбай, нашъ боже!» И богъ, котораго еще недавно боялись и чѣмъ именемъ клялись, выплылъ. Его, было, возстановили на днѣпровскомъ берегу, но, немного спустя, таинственная сила опять низвергла кумирь въ днѣпровскую пучину, — и стигнулъ «идолище». На томъ мѣстѣ, гдѣ выплылъ Перунъ, и возникъ Выдубицкій монастырь.

Своимъ основаніемъ онъ обязанъ кіевскому митрополиту Михаилу:—такъ говорятъ и такъ пишутъ. Но если лѣтопись упоминаетъ впервые о Выдубицкомъ монастырѣ подъ 1070-мъ годомъ, то тутъ что-то не ладно. Кажется, что первымъ кіевскимъ митрополитомъ былъ Леонтій, а Михаилъ, чьи мощи почиваютъ въ печерской лаврѣ, жилъ въ XII вѣкѣ и въ Кіевъ прибылъ не ранѣе 1131 года. Но я не пишу исторіи этого монастыря, не сохранившаго отпечатка давнихъ вѣковъ, пережившаго много бурь чело-вѣческой вражды, однако и грѣвшагося около добрыхъ душъ. Среди этихъ послѣднихъ выдѣляются имена знаменитаго Петра Могилы и Михаила Миклашевскаго.

Въ «великой церкви» Кіево-Печерской лавры, за лѣвымъ клиросомъ между столбами, находится могила знаменитаго стража православія и поборника просвѣщенія; надпись кратка: «Петръ Могила митрополитъ кіевскій, скончавшійся 31 декабря 1646 года на 50-мъ году жизни». Рядомъ покоится прахъ другого знаменитаго чело-вѣка. «1797 года мѣсяца генваря 8 дня на семь мѣстѣ подъ спудомъ въ каменной палаткѣ для вѣчнаго покоя положено тѣло преставльшагося мудраго и славнаго російскихъ войскъ полководца, рачительнаго и примѣрнаго граждан-

скихъ и духовныхъ законовъ блюстителя и исполнителя фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго, родившагося 1725 года.—«Внемли, Россѣ! предъ тобою гробъ Задунайскаго». Вотъ могилы людей, говорившихъ на одномъ языкѣ, но шедшихъ къ вѣчности разными путями.

Митрополитъ Петръ Могила, какъ это ни странно, оставилъ по себѣ память въ народѣ какъ чуть ли не черно-книжникъ; въ самомъ дѣлѣ, еще и теперь, въ двадцатомъ вѣкѣ, народъ нашъ вѣритъ, что Петръ Могила, подобно Якову Брюсу, обладалъ сверхъ-естественными знаніями и могъ творить чудеса; мы слышали это изъ устъ народа и на Украйнѣ, и въ Великороссіи. Кто владѣеть «настоящею и полною книгою Петра Могилы», тому,—говорятъ,—не страшень дьяволъ и живется ему безъ горя, безъ заботы, безъ нужды. Но что это за «настоящая и полная книга Петра Могилы?» Богъ знаетъ. Можетъ быть, «Евхологіонъ»...

Митрополитъ Петръ отнялъ у униатовъ захваченный ими Выдубицкій монастырь и обновилъ его. Стародубскій полковникъ Миклашевскій въ концѣ семнадцатаго вѣка построилъ въ обители двѣ церкви: Георгіевскую и Преображенскую. Древнѣйшая церковь — въ честь архангела Михаила; вокругъ нея создалась живописная обитель, отъ которой до Лавры двѣ версты. Ихъ проходишь незамѣтно.

Въ седьмомъ часу утра вышелъ я изъ лаврской гостиницы и направился въ Выдубицкій монастырь; впрочемъ, напередъ завернулъ къ Спасу на Берестовѣ, къ этой церкви, которая была свидѣтельницей всей русской исторіи и воздвигнута, какъ говорятъ, на мѣстѣ Владимірова дворца. Должно быть, въ лунныя ночи тамъ бродятъ тѣни богатырей и незримо охраняютъ фрески на церковныхъ стѣнахъ. При мнѣ тамъ заливался соловей, котораго, не знаю откуда, похваливалъ пѣвчій дроздъ. Тѣнистая улица привела меня къ зданіямъ военнаго вѣдомства, передала простору и потянулась назадъ. Сразу повѣяло инымъ возду-

хомъ. Извилистая дорога метнулась къ холмамъ съ молоджавыми деревьями и картинными спусками. Слѣпые сидѣли у дороги и пѣли «думы»; другіе — зрячіе — читали псалтыри, ожидая отъ васъ за свое усердіе мѣдную монету; только кукушки невдалекѣ куковали даромъ, да воробья чирикали, ничего отъ васъ не прося.

Выдубицкій монастырь тонетъ въ зелени, и поэтому его не видать; за то передъ вами—захватывающая картина Днѣпра и его сосѣдей: селъ, лѣсовъ и полей. Будто могучая грудь вздымается, подымаются днѣпровскія волны и несутъ пароходы, парусныя лодки и утлая «душегубки» въ понизовье—поближе къ благодатному морю. Смотришь—смотришь на прекрасную картину, и вотъ занимается въ твоей груди: «Гой, ты, Днѣпръ ли мой широкій, лейся быстрою волной»... Есть что-то богатырское, чисто русское, старью повитое, въ этой пѣсни: тѣмъ и любя она. Но вотъ и слободка, и «Выдубицкая улица», и святыя ворота. Возлѣ нихъ монахъ подъ навѣсомъ у стола, на которомъ чаша со святою водою. Нѣсколько пожилыхъ хохлушекъ подошли; монахъ окропилъ ихъ святою водою, и богомолки потянулись въ лавку по сосѣдству купить крестиковъ, картинокъ и книжекъ религіознаго содержанія. Я вошелъ вслѣдъ за ними. Эти женщины ѣхали изъ Кременчуга на томъ же пароходѣ, на какомъ довелось плыть и мнѣ, и помню, какъ онѣ ворчали на буфетчика за копѣйки, взимавшіяся имъ за кипятокъ. Эти копѣйки нарушали крестьянскій бюджетъ, а хотѣлось, между тѣмъ, заварить чаю вмѣсто того, чтобы запивать сырою водою черствый черный хлѣбъ—единственное блюдо на завтракъ и на обѣдъ. Здѣсь же, у прилавка въ монастырской лавкѣ онѣ какъ бы стыдились торговаться, и развѣ только въ случаяхъ, когда та или другая понравившаяся вещь оказывалась слишкомъ высокой стоимости, робко предлагали свою цѣну. Больше всего спросъ на псалтыри и молитвословы. Вкусъ къ изящному развитъ замѣтно, и по моимъ наблюденіямъ, — народъ по своему, нутромъ, постигаетъ

прелесть васнеповской кисти во Владимірскомъ соборѣ, все равно какъ не укрываются отъ простаго люда и достоинства живописи В. П. Верещагина—въ кievской лаврѣ. Такъ не пора ли замѣнять московскіе лубки настоящимъ художествомъ?

23-го апрѣля Выдубицкій монастырь празднуетъ память св. Георгія, и тогда навѣзжаетъ множество кievлянъ и иногороднихъ «отмыкать росу вмѣстѣ съ Юріемъ». Это день необычайнаго оживленія, вешней радости и вешняго счастья. Но и заботы! Въ мѣстной Георгіевской церкви находятся частицы мощей святой великомученицы Варвары, святого Іоанна Дамаскина и Георгія. И вотъ въ Егорьевъ день крестьянинъ-хозяинъ молить святого Побѣдоносца не обрекать его скотины на съѣденіе вовкамъ (волкамъ). Заботливые крестьяне не забудутъ помолиться св. Юрію, такъ какъ иначе никакая сила не охранитъ скотины отъ волчьихъ зубовъ. По деревнямъ слышится:

— Уже якъ найменуе яку скотыну вовкамъ св. Юрій, то передъ очыма визьмутъ...

У скончавшагося недавно Петра Саввича Ефименка есть любопытныя записи; на примѣръ: ѣхалъ одинъ гончаръ изъ Рипокъ, пріѣхалъ въ долину, остановился, когда бѣжитъ стая волковъ. Онъ видитъ—бѣда и влѣзъ на дубъ. Послѣ того приходитъ нѣкій человекъ (а былъ-то Егорій святой).

— Слѣзай,—говоритъ: коли смерть тебѣ, то и на дубѣ будетъ смерть. Слѣзай, ничего тебѣ не будетъ, ложись!

Тотъ человекъ слѣзъ и легъ. Онъ (св. Егорій) сталъ ихъ направлять: этого — туда, того — сюда, а двѣнадцать волковъ во дворъ знахаря, со словами:

— Коли онъ знахарь, то я знахарь лучше его.

А было у знахаря сорокъ коней. Такъ волки ихъ всѣхъ до-свѣта и уложили. А человекъ тотъ въ долину рано поднялся и поѣхалъ.

Заслуживаетъ вниманія иконостасъ въ церкви Преображенія: это — дерево, вѣтви котораго, распространяясь въ

стороны, окаймляютъ изображенія предковъ Христа. Не часто можно видѣть это въ храмахъ.

Меня привлекало къ себѣ также монастырское кладбище, хранящее останки достопамятныхъ лицъ. Вотъ скромный памятникъ, ранѣ другихъ встрѣчающій васъ. Надпись: «Здѣсь погребено тѣло ординарнаго профессора кievской духовной академіи Якова Козмича Амфитеатрова, родившагося въ 1801 году ¹⁾, сконч. 8 іюля 1848 года».

Итакъ, миновали 60 лѣтъ съ той минуты, когда навѣки сомкнулись глаза профессора. Какъ видимъ, онъ не долго жилъ и не подошелъ даже къ порогу старости,—тѣмъ не менѣе онъ успѣлъ сдѣлать многое и своей дѣятельностью, достаточно обрисованной хотя бы въ надгробной рѣчи его товарища, вплелъ лишніе лавры въ завидный вѣнокъ фамиліи Амфитеатровыхъ. Его, какъ автора «Бесѣдъ объ отношеніи церкви къ христіанамъ», знаютъ и чтутъ за границей, благодаря переводу протопресвитера І. Л. Янышева («Ueber das Verhältniss der Kirche zu den Christen». Wiesbaden. 1855).

Невдалекѣ отъ Амфитеатрова погребены: «архимандритъ Арсеній Радкевичъ, бывшій настоятель Выдубицкаго монастыря съ 1869—82 г., род. въ 1823 г., † 14 сентября 1890 г.» и «архимандритъ Пареевій † 1851 г. 75 лѣтъ отъ рожденія. Вѣчная ему память. Родомъ Курской губерніи изъ фамиліи Крутиковыхъ». Долженъ признаться, объ могилы не вызвали во мнѣ воспоминаній о какихъ-либо письменныхъ памятникахъ, оставшихся послѣ этихъ архимандритовъ. Но вотъ четвертая могила: «Докторъ медицины, заслуженный профессоръ университета св. Владимира д. с. с. Евгений Ивановичъ Аванасьевъ, род. 24 февраля 1837 г., † 21 февр. 1897 г.». Онъ оставилъ слѣдъ въ области спеціальной литературы, не говоря, конечно, о живой дѣятельности. Далѣе погребенъ извѣстный «гене-

¹⁾ У С. А. Венгерова, „Русскія книги“, т. I, стр. 250, сказано, что Яв. Кузьм. А—въ родился 23 октября 1802 года.

фаль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Треповъ. 18 $\frac{4}{v}$ 12. 18 $\frac{23}{xi}$ 89. въ Кіевѣ. Блаженны мертвые, умирающіе въ Господѣ. Они успокоятся отъ трудовъ своихъ, и дѣла ихъ идутъ вслѣдъ за ними. Ев. Іоанна, XIV, 13¹⁾). Судьба Трепова—это судьба найденыша, даровитаго и взысканнаго, являвшагося олицетвореніемъ строгаго порядка и желѣзной дисциплины. Ненавидимый одними, но благословляемый другими, онъ явился въ Кіевъ благотворить—и благотворителемъ умеръ. Пышна слѣдующая эпитафія:

«Во слѣдъ орловъ парилъ онъ съ грозными громами,
Левъ именемъ и львомъ въ кровавыхъ былъ битвахъ,
Душевною доблѣстью сроднялся онъ съ сердцами.
Здѣсь прахъ его, а жизнь осталася въ дѣлахъ».

«Генераль-отъ-артилеріи князь Левъ Михайловичъ Яшвилъ, род. 1727 г. авг. 6 дня, † 19 апрѣля 1836 года». Поблизости погребень убитый въ Бородинскомъ бою подполковникъ артиллеріи и кавалеръ Петръ Петровичъ Веселицкій. — «Генераль отъ кавалеріи Павелъ Васильевичъ Олферьевъ, † 17 ноября 1864 г. на 75 году жизни».

На кладбищѣ Выдубицкаго монастыря успокоился навѣки и «Владиміръ Алексѣевичъ Бець, профессоръ анатоміи университета св. Владиміра, род. 1834 г., † 1894 г. Миръ души твоей и вѣчная память». Но, можетъ быть, никакая изъ названныхъ могилъ не возбуждаетъ столько чувствъ, отрадныхъ и благодарныхъ, какъ памятникъ, выдѣляющийся среди многихъ, и на которомъ золотыми буквами обозначено:

«Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій, авторъ *Дѣтскаго Міра, Роднаго Слова и Педагогической Антропологии*, умеръ 21 декабря 1870 года на 47 году жизни. Блаженни мертвіи, умирающіи о Господѣ отвынѣ: ей, глаголетъ Духъ, да

1) Откровеніе.

почіють отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходять вслѣдъ съ ними. Апокал., гл. 14, ст. 13».

Кругомъ памятника въ оградѣ цвѣты. Ихъ насадила заботливая рука дочери. Благоухая, они какъ бы кадятъ тому, кто провозвѣстилъ высокіе идеалы воспитанія и, уйдя въ сложный *дѣтскій міръ*, посвѣялъ вѣчныя сѣмена добра и красоты съ помощью могучаго *родного слова*. Ушинскій,—еще сравнительно недавно читали мы, «яркій русскій самородокъ, давшій намъ здоровыя основы воспитанія и обученія... Именно ему принадлежитъ честь, такъ сказать, открытія у насъ того, что называется «педагогическою областью». Типично-русскій педагогъ, онъ былъ борцомъ за національную школу, причемъ, бичуя религіозное фарисейство и бездушный формализмъ, въ основу для воспитанія нравственности полагалъ идеи христіанства, а науку уже вслѣдъ за этими идеями. Условіе школьнаго націонализма онъ выводилъ изъ того, что вѣдъ воспитаніе и школа вездѣ народны; какъ же имъ не быть таковыми и въ Россіи? Родной языкъ, родная природа и жизнь — вотъ тѣ рули, которые должны направлять ходъ трудовой жизни учащихся; вотъ рамки, въ которыя Ушинскій укладывалъ воспитаніе молодежи; и только съ такихъ нивъ ожидалъ онъ обильныхъ урожаевъ, необходимыхъ для духовнаго роста и величія Россіи.

Я долго не могъ отойти отъ этой могилы, которая словно притягивала къ себѣ.

Подошелъ монахъ, спрашиваетъ: не родственникъ ли я Ушинскаго?

— Нѣтъ,—отвѣчаю.

— Почитатель?

— Да.

— Много, видно, у него почитателей; отовсюду пріѣзжаютъ поклониться праху, — добавилъ монахъ, удаляясь отъ ограды.

Между свѣтилами (солнцемъ и луною) и геніальнымъ человѣкомъ заключается то сходство, что они одинаково

притягиваютъ къ себѣ: первая—морскія воды, второй же—человѣчество. Вы невольно поддаетесь обаянію генія и какъ будто бы даже грѣтесъ не только около него, но и возлѣ того, что имъ создано или было провозглашено. И это отчасти примиряетъ васъ со смертью Ушинскихъ. Пускай онъ сталъ прахомъ, но онъ все-таки, чувствуется, сопровождаетъ васъ по этому кладбищу, онъ войдетъ и въ церковь съ вами и выйдетъ изъ святыхъ воротъ на Выдубицкую улицу. Вы остановитесь надъ Днѣпромъ,—онъ станетъ раскрывать передъ вами всѣ красоты родной природы. Запоетъ ли при дорогѣ слѣпой нищій «думку»,—онъ докажетъ вамъ всю силу, мощь и богатство родного языка. Полететъ ли вечерній благовѣстъ отъ Выдубицкаго монастыря къ золотымъ маковкамъ кievскихъ церквей, старый учитель Ушинскій напомнитъ вамъ, что идеи христіанства — маякъ, спасающій отъ рифовъ и указывающій путь къ прекраснымъ пристанямъ.

Я читалъ золотыя слова на памятникѣ Ушинскаго, облитомъ солнечнымъ свѣтомъ. Въ немъ же плавала и Выдубицкая обитель.

— А въ Іониномъ монастырѣ вы не были? — появился тотъ же монахъ.—Это близенько отсюда...

— Не былъ,—отвѣчалъ я.

— А вы побывайте тамъ,—продолжалъ монахъ.

Тутъ я вспомнилъ... — въ Лаврѣ мнѣ говорили, что въ «Іониномъ» — Свято-Троицкомъ — монастырѣ обычай ежедневно раздавать богомольцамъ маленькія-маленькія просвибочки. И знаете, мнѣ захотѣлось пойти и взять просвибочку, но чтобы она была непременно «о здравіи» и «о здравіи» вѣчно-памятныхъ покойниковъ: Амфитеатровыхъ, Ушинскихъ, Аеанасьевыхъ и т. п. Можетъ быть, вамъ понятно мое желаніе?

Павелъ Россіевъ.

ИЗЪ УРОКОВЪ ПО ГОМИЛЕТИКѢ¹⁾.

II.

Въ заключительныхъ мысляхъ первой бесѣды мы сдѣлали наиболѣе достовѣрное опредѣленіе гомилетики и указали на предметъ ея кратко, въ видѣ тезиса, здѣсь же выскажемся объ этомъ пространнѣе.

Успѣхъ всякой дѣятельности, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго общества, обусловливается не только ея послѣдовательнымъ развитіемъ, но и степенью сознательности ея источныхъ началъ и тѣхъ характерныхъ формъ, въ которыя она время отъ времени отливается. Такія источныя начала дѣятельности называются ея принципами, а характерныя формы должны быть названы ея нормами. Чѣмъ тѣснѣе дѣятельность связана съ своими принципами, чѣмъ больше она находится въ зависимости отъ присущихъ ей нормъ, тѣмъ она планомѣрнѣе и потому должна быть болѣе успѣшною. Вполнѣ цѣлесообразною можетъ быть дѣятельность совершенно принципіальная и нормативная. Само собою должно быть понятнымъ, что церковная дѣятельность и въ частности гомилетическая должна соответствовать этимъ требованіямъ гораздо въ большей степени, чѣмъ всякая другая дѣятельность. Вотъ почему мы дали опредѣленіе гомилетикѢ, какъ наукѢ о принципахъ и нормахъ церковнаго учительства. И пусть не смущается сердце ваше тѣмъ, что духовно-просвѣтительная дѣятельность въ

¹⁾ Продолженіе. См. октябрьскую кн. *Душепол. Читенія* 1908 г.

церкви не всегда находилась на должной высотѣ, не всегда стояла въ тѣсной связи съ своими принципами и нерѣдко отступала отъ своихъ нормъ. Помните, что мы знакомимся съ идеальнымъ порядкомъ вещей и именно съ таковымъ, каковымъ онъ долженъ быть по мыслямъ и завѣтамъ Божественнаго Учредителя церкви и ея Главы. Дѣйствительность же, правда, не всегда соответствовала этому, и это мы видѣли. Однако, ея недостатки пусть не питаютъ въ насъ равнодушія или, что еще хуже, пусть не убиваютъ въ насъ желанія улучшить ее; мало того: всѣ эти недостатки церковной дѣйствительности пусть вызываютъ въ насъ активное стремленіе къ болѣе полной реализаціи завѣщаннаго идеала, къ прогрессивному улучшенію упомянутой дѣятельности, къ необходимости избѣгать въ ней на будущее время сознанныхъ недостатковъ.

Сдѣланное нами опредѣленіе науки имѣетъ ту выгоду, что въ немъ ясно указывается на предметъ ея. Принципы церковнаго учительства и его нормы, какъ они опредѣлились въ исторіи церкви, — вотъ предметъ гомилетики, отличающій ее и отъ исторіи проповѣдничества, и отъ самого проповѣдыванія слова Божія. Именно: предметъ этого послѣдняго составляетъ слово Божіе, какъ оно запечатлѣно въ Священномъ Писаніи, въ священномъ преданіи, въ церковномъ и святоотеческомъ ученіи. На этомъ основаніи и говорятъ, что гомилетика относится къ проповѣдыванію такъ же, какъ теорія относится къ практикѣ, какъ, напр., теорія музыки относится къ игрѣ на музыкальномъ инструментѣ, т.-е. это двѣ стороны одного цѣлаго: одна—доступная уму, знанію, наукѣ; другая—волѣ, практикѣ, жизни. Можно быть хорошимъ гомилетомъ-теоретикомъ, но неискуснымъ проповѣдникомъ; однако, нельзя безукоризненному проповѣднику совершенно обойтись безъ опредѣленнаго *minimum*'а гомилетическихъ знаній. Но помните, что обыкновеннымъ смертнымъ, каковы мы съ вами, необходимо и полезно знать гораздо больше этого *minimum*'а.

Отлична, говоримъ мы, гомилетика и отъ исторіи проповѣдничества. Правда, если хотите, эту послѣднюю можно назвать и гомилетикою, но въ такомъ широкомъ смыслѣ проходить ее въ семинаріи мы не въ состояніи. Понимаемая такимъ образомъ она будетъ разсматривать пастырское учительство на пространствѣ всей церковной исторіи, въ зависимости отъ историческихъ условій, содѣйствовавшихъ или мѣшавшихъ его непрерывному существованію, въ преемственномъ видоизмѣненіи всѣхъ его явленій и формъ. Результатомъ историческаго изученія духовно - просвѣтительной дѣятельности церкви служатъ указанія на ея основанія или принципы, формы, внѣшній характеръ и внутреннія качества, проповѣдническіе приемы, употребляемые съ цѣлью усиленія впечатлѣній отъ поученія и т. п. Но вѣдь все это явилось на свѣтъ «не маіемъ руки», не вдругъ, а, напротивъ, вырабатывалось и совершенствовалось въ теченіе очень долгаго времени, параллельно всей церковной практикѣ, видоизмѣняясь сообразно съ тѣмъ, какъ слагалась и видоизмѣнялась церковно-историческая жизнь вѣрующихъ. Конечно, для насъ съ вами важны только результаты историческаго изученія гомилетической дѣятельности церкви. Именно — выборка изъ нихъ наиболѣе существеннаго и систематизація выбраннаго составляетъ содержаніе гомилетики въ предѣлахъ семинарской программы. Поэтому семинарская гомилетика вовсе не есть «какая то семинарская гомилетика», какъ о ней высказываются невѣжды и критиканы,—нѣтъ, она составляетъ заключительную главу почтенной академической науки—исторіи проповѣдничества и, слѣдовательно, составляетъ плодъ долгихъ ученыхъ изысканій въ области церковной исторіи, ихъ послѣднюю цѣль и конечный результатъ. Если же мы не видимъ нашей науки стоящею на указанной высотѣ, то отвѣтственность за это, какъ мы говорили въ предшествовавшей бесѣдѣ, лежитъ на длинномъ рядѣ отдаленныхъ отъ насъ и близкихъ къ намъ предковъ, однако, не безгрѣшны въ этомъ и мы съ вами, о чемъ у насъ уже была рѣчь.

Намъ остается сказать еще о положеніи гомилетики среди наукъ семинарскаго курса и объ отношеніи ея къ нимъ. Но для полноты рѣшенія вопроса предварительно раздѣлимъ семинарскія науки на двѣ группы: свѣтскую и богословскую и укажемъ на отношеніе нашей науки къ каждой изъ названныхъ группъ порознь.

1. Свѣтскія семинарскія науки могутъ быть раздѣлены по своему характеру на словесныя, историческія, математическія, философскія и классическія. Въ каждый такой разрядъ входитъ по нѣскольку научныхъ дисциплинъ, и въ общемъ количество свѣтскихъ наукъ, которое надо преодолѣть семинаристу въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ обученія въ семинаріи, около 20. Это, конечно, — очень почтенная цифра, и она уже сама по себѣ краснорѣчиво говоритъ за то, что всякій болѣе или менѣе добросовѣстно одолѣвшій ее долженъ быть съ большимъ запасомъ разностороннихъ свѣдѣній, съ зрѣлою душою и сформировавшеюся мыслию, быть совершенно развитымъ и потому въ состояніи анализировать явленія и факты наличной дѣйствительности. И мы думаемъ, что вся сумма свѣтскихъ семинарскихъ наукъ именно этимъ самымъ и готовитъ васъ къ достойному прохожденію богословскихъ наукъ и въ частности къ прохожденію гомилетики, поэтому имѣетъ пропедевтическое или подготовительное значеніе. Въ генеалогическомъ же родствѣ съ ними—ни со всѣми вмѣстѣ, ни порознь съ каждою—доселѣ гомилетика не состояла. Если же ее по примѣру западныхъ духовныхъ школъ сдѣлаютъ главою исторіи отечественной словесности, то это, какъ говорили мы, неблагопріятно отзовется на характерѣ русской проповѣди. Тогда и въ нашей проповѣди разовьется свѣтскій духъ и направленіе, произойдетъ ея «обмірщеніе» въ ущербъ библейскому и святоотеческому характеру. А съ сокращеніемъ библеизма въ проповѣди и святоотеческаго элемента въ ней она потеряетъ свое богослужбно-литуургическое значеніе — именно, перестанетъ служить однимъ изъ средствъ благодатнаго общенія вѣрующихъ съ Богомъ.

Мысль о богослужебно-литургическомъ значеніи проповѣди заслуживаетъ гораздо большаго нашего вниманія, чѣмъ какъ это можетъ казаться съ перваго раза. Дѣло въ слѣдующемъ. Въ первые три вѣка, когда въ христіанахъ былъ чрезвычайно высокъ подъемъ религіознаго живого чувства, проповѣдь была не только необходимѣйшею составною частью каждаго отдѣльнаго богослуженія, но была по преимуществу плодомъ духовнаго озаренія вѣрующихъ, слѣдствіемъ благодатнаго воздѣйствія на ихъ души. Иногда случалось, что желаніе проповѣдывать одновременно появлялось если не у всѣхъ молящихся, то, по крайней мѣрѣ, у многихъ, такъ что въ то время даръ учительства являлся чрезвычайнымъ и обнаруживался подъ наитіемъ Святаго Духа (1 Кор. 14 гл.), а не составлялъ слѣдствія естественнаго состоянія умственныхъ силъ христіанина. Конечно, при такомъ порядкѣ вещей могли проповѣдывать всѣ, до сердца кого коснулась благодать Святаго Духа, кромѣ женщинъ; могли проповѣдывать въ самой непосредственной формѣ и безъ предварительной подготовки. Такимъ образомъ, тогда проповѣдь была не столько дѣломъ разумнія, сколько добрымъ движеніемъ воли и сердца, благимъ порывомъ практическихъ силъ челоувѣка. Однако, уже и въ то время обнаружилось стремленіе какъ можно лучше упорядочить проповѣдническое дѣло въ молитвенныхъ собраніяхъ христіанъ, придать ему болѣе сознательности и уразумнія. Но только въ вѣкѣ трехъ святителей въ наибольшей степени сознано было богослужебно-литургическое значеніе проповѣди. Въ устахъ и подъ перомъ Василя Великаго, Григорія Богослова и особенно Іоанна Златоуста церковная проповѣдь достигла такой высоты, силы, значенія для личности проповѣдника и нравственнаго вліянія на его слушателей, до какой она никогда и нигдѣ не поднималась послѣ. Это золотой вѣкъ церковнаго учительства. Послѣ же этого, но особенно съ конца эпохи вселенскихъ соборовъ, обнаружился упадокъ церковнаго проповѣдыванія, а параллельно съ тѣмъ въ

сознаніи сперва пастырей, потомъ и пасомыхъ стала затериваться мысль о богослужебно-литургическомъ значеніи проповѣди, о важности ея, спасительности и необходимости, какъ благодатнаго средства къ общенію съ Богомъ. Затѣмъ эта мысль, какъ бы спускаясь далѣе по наклонной плоскости, къ нашему времени довела проповѣдь до состоянія литургическаго орнамента, выступающаго предъ взоромъ молящихся въ минуты, аще изволить настоятель. Если гомилетику лишать самостоятельности, отнимуть у нея значеніе научной дисциплины, то тѣмъ только ускорятъ полное исчезновеніе изъ сознанія пастырей и вѣрующихъ мысли о литургическомъ значеніи и богослужебной необходимости проповѣди, т.-е. ускорятъ тотъ умственный процессъ, слѣдствіемъ котораго явился продолжительный и повсемѣстный упадокъ церковнаго учительства во вселенской церкви. Съ уничтоженіемъ гомилетики, какъ особой отрасли семинарскаго богословія, вскорѣ придется вычеркнуть изъ ряда пастырскихъ обязанностей и церковное учительство, иначе изъять проповѣдничество изъ церковной практики... Вотъ почему знакомство семинаристовъ съ гомилетическою теоріею въ низшихъ трехъ классахъ семинаріи должно считать неумѣстнымъ и несвоевременнымъ. Значить, ее надо изучать именно тамъ, гдѣ мы съ вами ее изучаемъ. Но если такъ, то гомилетика, не состоя въ родствѣ ни съ какою свѣтскою наукою семинарскаго курса въ отдѣльности и не завися отъ всѣхъ нихъ въ совокупности, должна пользоваться, а на дѣлѣ и пользуется, услугами ихъ въ той же степени, въ какой пользуется всякая другая семинарская богословская наука.

2. Должно быть само собою понятнымъ, что гомилетика находится въ тѣсной, такъ сказать интимной, связи со всѣми богословскими дисциплинами семинарскаго курса, а мы добавимъ къ этому, и въ тѣсной зависимости отъ главнѣйшихъ изъ нихъ.

Среди семинарскаго богословія, безспорно, первенство принадлежитъ священной экзегетикѣ, или изъясненію Свя-

щеннаго Писанія, и исторіи Христовой церкви. Конечно, перебирать отношеніе нашей науки къ каждой богословской дисциплинѣ порознь нѣтъ нужды, но будетъ вполнѣ достаточно показать это отношеніе ея къ названнымъ двумъ, какъ важнѣйшимъ.

Изъясненіе Священнаго Писанія находится въ основаніи всѣхъ богословскихъ наукъ; оно даетъ начало ихъ существованію. Слѣдовательно, и гомилетика, какъ богословская отрасль, зависитъ отъ изъясненія Священнаго Писанія, какъ науки. Въ самомъ дѣлѣ: церковное учительство по своему существу состоитъ въ изъясненіи слова Божія съ церковной кафедрой съ цѣлью назиданія вѣрующихъ ко спасенію; поэтому для проповѣдника знать текстъ Священнаго Писанія наизусть и умѣть изъяснить его исторически и буквально составляетъ задачу первой важности. И въ счастливую пору церковнаго учительства проповѣдники, предварительно выступленія на церковную кафедру, въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій изучали слово Божіе по самымъ разнообразнымъ школьнымъ приемамъ и находили въ немъ многообразный смыслъ. Такъ это дѣлалось въ школахъ Кесарійской, Антиохійской, но особенно Александрійской. Именно такимъ образомъ готовились къ проповѣдничеству Оригенъ, Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ и многіе другіе, стяжавшіе себѣ въ церкви славное имя величайшихъ проповѣдниковъ. Всѣ они выступили на церковную кафедру не прежде, какъ запасшись по Священному Писанію громаднѣйшимъ количествомъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, собранныхъ съ особою любовью и усердіемъ. Въ этомъ отношеніи дошедшія до насъ ихъ гомилетическія работы составляютъ вѣчный образецъ, къ которому мы можемъ слабо приближаться. Исключеніе за указанную эпоху въ разсматриваемомъ отношеніи составляетъ только Медиоланскій архипастырь, святой Амвросій. Получивъ, хотя и блестящее, но исключительно свѣтское образованіе и неожиданно для себя будучи въ теченіе недѣльнаго срока

возведенъ въ санъ епископа, св. Амвросій во всю дальнѣйшую жизнь свою сознавалъ свою неприготовленность къ новому званію, главнымъ образомъ выражавшуюся въ слабомъ знаніи слова Божія, въ отсутствіи научнаго богословскаго образованія. Однако, онъ не оставался къ этому равнодушнымъ и не помирился съ такимъ положеніемъ вещей. Испросивъ у римскаго папы въ руководители себѣ ученаго пресвитера Симплиціана, св. Амвросій скоро восполнилъ недостававшее ему для епископскаго служенія. Онъ же имѣлъ обыкновеніе ранѣе произношенія проповѣди отдавать ее на внимательный просмотръ друзьямъ, отъ которыхъ потомъ требовалъ строгихъ критическихъ замѣчаній, касающихся какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ качествъ проповѣди. Такимъ образомъ, этотъ святитель, уча другихъ, учился самъ. Его ревность, усердіе и настойчивость въ изученіи Священнаго Писанія, проявленные уже въ зрѣлыхъ годахъ, его прекрасный обычай подвергать свои поученія строгой предварительной критикѣ, — все это заслуживаетъ не просто вниманія, но самаго тщательнаго подражанія и со стороны учащихся въ духовныхъ школахъ, и проповѣдующаго духовенства.

Въ послѣдующіе вѣка, со включеніемъ нашего, когда выработался типъ христіанской школы, когда школьное образованіе получило христіанскія основы, изученіе Священнаго Писанія упрощено и во многомъ сокращено. Именно этимъ и слѣдуетъ объяснять тотъ фактъ настоящаго времени, что семинаристы ветхозавѣтныя книги Свящ. Писанія успѣваютъ выучивать въ первыхъ четырехъ классахъ семинаріи, а новозавѣтныя—изучаютъ въ V и VI классахъ, т.-е. параллельно съ гомилетикою. И имъ ежегодно приходится провѣрять на самихъ себѣ справедливость той мысли, что гомилетъ овладѣваетъ искусствомъ проповѣдничества въ той мѣрѣ, въ какой совершенствуется въ знаніи слова Божія.

Второю богословскою дисциплиною, въ полной зависимости отъ которой состоитъ гомилетика, есть церковная

исторія. Она не менѣ Священнаго Писанія должна быть извѣстна проповѣднику. Основная идея исторіи Христовой церкви, проходящая красною нитью чрезъ всѣ ея страницы, есть постепенное нарастаніе въ сознаниі вѣрующихъ правильнаго, т.-е. православнаго теоретическаго взгляда на Бога, міръ и человѣка по даннымъ слова Божія, подъ руководительствомъ Святаго Духа и по разумѣнію вселенскаго сознаниа,—есть образованіе православія. По нашему мнѣнію, только съ высоты этой идеи становятся понятными и цѣнными даже мельчайшіе факты церковно-историческихъ страницъ о соборахъ и составленіи символа вѣры, о всемірномъ распространеніи христіанской вѣры и мученическихъ актахъ, объ образованіи церковной іерархіи и христіанскомъ богослуженіи, о просвѣщеніи и каноническомъ благоустройствѣ церкви и т. д., и т. д. А всѣ эти факты составляютъ существо церковной исторіи, и они очень наглядно иллюстрируютъ намъ то, какимъ образомъ православная мысль сообразно своему постепенному образованію, формированію и принятію наружнаго облика, несмотря на неблагопріятствовавшія условія жизни вѣрующихъ, столь же постепенно проникала въ общественную среду, въ души людей, въ сознаніе христіанъ, какъ она становилась въ душу живу церковно-исторической жизни. Эта идея о православіи сыграла въ исторіи человѣчества роль малаго кваса, «егоже взявши жена скры въ сатѣхъ трехъ муки, дондеже вскислоша вся» (Мѡ. 13, 33). Въ зависимости же отъ этой идеи находилась, находится доселѣ и будетъ находиться духовно-просвѣтительная дѣятельность церкви. Ею воодушевляются пастыри, она двигаетъ умами и сердцама вѣрующихъ, она прогрессируетъ церковное дѣло, короче—есть нервъ церковной жизни. Поэтому должно быть очень понятнымъ, что принципы и нормы гомилетической дѣятельности церкви, вырабатываясь въ умахъ вѣрующихъ подъ вліяніемъ многоразличныхъ условій церковной жизни, свой основной характеръ всегда заимствовали именно отъ этой идеи о

православіи. Сказанное приводитъ насъ къ тому заключенію, что православіе, какъ полная теорія или какъ цѣлостная практика, не дано было Божественнымъ Основателемъ христіанства; организацію его Христось повѣрилъ сдѣлать обществу Своихъ послѣдователей или Церкви. Эту послѣднюю Онъ уполномочилъ вѣдать всевозможныя уклоненія ея членовъ (Мѡ. 18, 17 и 18). Пастырь церкви—Христовъ преемникъ и потому есть носитель православной идеи, ея стражъ и идеальный служитель; если кому, то именно первѣе всего ему надлежитъ знать первоначальное образованіе и дальнѣйшее распространеніе среди людей идеи православія, т.-е. знать церковную исторію. Онъ, повторяемъ мы, есть верховный стражъ и вдохновенный глашатай православной идеи въ своемъ приходѣ.

Теперь предполагаемъ на основаніи изложеннаго очевидною для васъ зависимость гомилетики отъ священной экзегетики и церковной исторіи, а чрезъ это и связь ея съ прочими ея богословскими сестрами.

Заканчивая введеніе въ науку, мы еще разъ желаемъ вамъ успѣха на поприщѣ изученія гомилетики. Рядомъ длинныхъ разсужденій мы старались расположить васъ къ усерднымъ гомилетическимъ занятіямъ и разсвѣять въ васъ традиціонныя предубѣжденія противъ нашей науки, а насколько въ этомъ успѣли—покажутъ ваши будущіе трудъ и стараніе.

Н. Дмитріевскій.

П И С Ь М А

ПРЕОСВЯЩЕННАГО ТЕОФАНА ЗАТВОРНИКА

къ Н. И. К.

Милость Божія буди съ вами!

Поздравляю съ прїѣздомъ на Вышу. Даруй Господи встрѣтить вамъ здѣсь одно утѣшительное и назидательное.

И причастится Св. Христовыхъ таинъ сподоби васъ Господи въ спасеніе, укрѣпленіе и воодушевленіе.

Книжки отослала, а себѣ вѣрно не осталось. Вотъ вамъ вмѣсто отосланныхъ по двѣ тѣхъ книжекъ.

Желаю вамъ здѣсь и духомъ укрѣпиться, и тѣломъ освѣжиться.—Жара стоитъ и не даетъ разгуляться...

Арзамасъ оставилъ въ васъ доброе впечатлѣніе. Напоминаніе о томъ даетъ вамъ радостно провести не одну минуту.

Илья Муромецъ... прїѣхалъ собираться съ силами для военной службы. Богъ въ помощь! Но напередъ дай ему Господи подготовиться къ экзамену.

Матерь Божія поможетъ, если съ вѣрою обратится къ ней...

Благослови васъ Господи!

Прилагаю книжки:

«Наши отношенія къ храму»... а далъ ли я вамъ книжки—«Напоминаніе инокинямъ»?

Спасайтесь!

Е. Теофанъ.

8 сент. 93 г.

Милость Божія буди съ вами!

И я васъ поздравляю съ Богородичнымъ праздникомъ. Пѣсни церковныя какъ возвеличиваютъ Матерь Божію!!! И все ради того, что отъ Ней родился Спаситель нашъ, единородный Сынъ Божій. Вслѣдствіе чего она воистину есть дверь, вводящая Христа Господа во вселенную... Слава Тебѣ, Господи, дивное намъ спасеніе устроившій!

Илья васъ радуеть. Да, радостно думать, что онъ серьезно взялся за дѣло... и жизнь держать въ порядкѣ. Установится добре... и добре для него будетъ.

Чинъ изобразительныхъ есть обѣдница... Обѣдня сокращенная... съ выпускомъ изъ обычной обѣдни того, что относится собственно къ совершенію таинства Тѣла и Крови.—Просмотрите и увидите ¹⁾).

Благодарствую за салфеточку. Прекрасно сработана...

Благослови васъ Господи и надѣли благодушіемъ.

Вашъ доброхотъ

Е. Феофанъ.

30 окт.

Милость Божія буди съ вами!

О. Іоаннъ Кронштадтскій у насъ былъ часа два-три... Народу собралось много... прослышали какъ-то все шатчане. Но вамъ жалѣтъ нечего, потому что о. Іоаннъ не имѣлъ времени даже благословить пріѣзжавшихъ за тѣмъ издали. — Онъ, побывъ у о. архимандрита, посмотрѣлъ новую церковь и похвалилъ ее, затѣмъ заходилъ къ о. Тихону и помолился о немъ надъ нимъ, — заходилъ также къ больному просфорнику и тоже помолился... Я не могъ его принять, — но онъ писалъ, и я отвѣтилъ. — Въ переходахъ его изъ келліи въ келлію народъ толпился

¹⁾ Часы и сію обѣдницу правили пустынники... и вамъ можно... и выйдетъ, будто къ обѣднѣ сходили.

около него, и кое-кто получилъ его благословеніе... урывками... Изъ послѣдней келліи—отъ просфорника, — изъ просфорни, что подо мною—прямо въ карету,—и отбылъ. Онъ былъ съ Воронцовымъ... не министромъ двора, а его родственникомъ...

Скорбите, что въ дѣткахъ своихъ не имѣете счастья... Но утѣшайтесь Черничкою... и Илья пока ничего себѣ,—можетъ быть, Павелъ выдурится. Бѣлички жаль. — Даруй ей Господи терпѣніе... утѣшеніе же отъ надежды...

Арзамасъ какъ вамъ понравился!—Вотъ и весело получать воспоминаія... Да благословить Господь подавать вамъ по временамъ утѣшенія!

Вашъ доброхотъ

Е. Теофанъ.

Попеченіе о бѣдныхъ въ древнемъ христіанствѣ.

О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою, — сказалъ Христосъ Спаситель въ Своей послѣдней, прощальной бесѣдѣ съ учениками (Іоан. 13, 55). Дѣйствительно, любовь къ ближнимъ, во всѣхъ ея безчисленныхъ проявленіяхъ, всегда служила и служить отличительнымъ признакомъ христіанства. Конечно, человѣку отъ природы свойственно любить другое подобное ему существо; но нигдѣ это свойство не проявлялось въ такой силѣ, какъ въ религіи христіанской. Если въ язычествѣ мы и встрѣчаемъ иногда отдѣльные случаи человѣколюбія и милосердія, то ихъ такъ мало, что они особенно рѣзко выдѣляются на общемъ мрачномъ фонѣ жестокаго язычества. При этомъ, — что особенно характерно, — такіе случаи стоятъ въ язычествѣ какъ-то изолированно, не вытекая съ необходимостію изъ нравственныхъ его требованій. Въ нихъ скорѣе сказывалось не то, что язычество повелѣваетъ любить всѣхъ другихъ людей, а то, что человѣческая природа не можетъ не имѣть все такой любви, т.-е. лишній разъ подтверждается безсмертное выраженіе Тертуліана: «душа человѣческая по природѣ своей — христіанка». Чаше же всего любовь къ ближнимъ вызывалась въ язычествѣ эгоистическими соображеніями.

Какъ на примѣръ выдающагося обнаруженія язычниками добрыхъ чувствъ по отношенію къ другимъ людямъ указываютъ часто на то, что, какъ пишетъ святой Климентъ Римскій, «многіе цари и вожди (языческіе) во время

моровой язвы по внушеніямъ прорицалища предавали себя на смерть, чтобы своею кровію спасти гражданъ»¹⁾. Или ссылаются на то, что, когда при Неронѣ подвергся внезапному разрушенію огромный амфитеатръ въ Фиденахъ и похоронилъ подъ своими развалинами до пятидесяти тысячъ человекъ, знатные римляне успѣли отправить на мѣсто несчастія врачей съ медикаментами и многихъ раненыхъ приютили въ своихъ домахъ. Поль Лафаргъ, задавшійся цѣлю унижить, во что бы то ни стало, благотворительность въ древнемъ христіанствѣ и доказать, что язычество стояло въ этомъ отношеніи гораздо выше «святыхъ», т.-е. послѣдователей Христовыхъ²⁾, приводитъ свидѣтельство Страбона, современника апостоловъ, который въ 14-ой книгѣ своего землеописанія говоритъ: «Жители острова Родоса обнаруживаютъ большую заботливость о благѣ народа, хотя ихъ государство не представляетъ собою демократіи: они надѣются этимъ средствомъ удерживать въ должныхъ рамкахъ столь многочисленный классъ бѣдняковъ. Помимо раздачи хлѣба, устраиваемой государствомъ регулярно нѣсколько разъ въ годъ, и частные люди также осыпаютъ бѣдныхъ благотвѣніями. Зачастую щедрость богачей принимаетъ даже форму литургіи, т.-е. государственной повинности. Полное пропитаніе, полное снабженіе средствами существованія возлагается на того или иного богача, какъ налогъ, такъ что бѣдному постоянно обезпечено его содержаніе»³⁾. Отмѣчаетъ Поль Лафаргъ также и то, что, по Титу Ливію, у римлянъ бѣдные граждане жили на счетъ казны, «причемъ нельзя было обязать ихъ исполнять artes sordidae, т.-е. грязныя, низкія работы и ремесла, какъ называли въ древности сво-

¹⁾ *Св. Емменга Римскаго* 1-е посл. къ Коринѳянамъ, гл. 55; въ русск. перев. свящ. П. Преображенскаго. Москв. 1869, стр. 154.

²⁾ *Поль Лафаргъ. Благотворительность.* Перев. съ нѣмецк. подъ редакц. М. В. Гельбота. Изданіе Е. М. Алексѣевой. 1905.

³⁾ *Поль Лафаргъ*, стр. 17.

бодные граждане всѣ работы, предоставленныя рабамъ и чужестранцамъ» ⁴⁾. Выставляется на видъ также и строго организованное язычниками попечительство о бѣдныхъ въ Аѳинахъ, гдѣ всѣ, неимѣвшіе возможности содержать себя по тѣлесной слабости или болѣзненному состоянію—слѣпыя, калѣки и т. п., получали на ежедневное содержаніе по два обола (= 13 коп.), какъ установилъ Периклъ. Аѳинскій демагогъ Клеонъ повысилъ это вспомошествованіе до 3 оболовъ (= 19 коп.) и тѣмъ далъ возможность бѣдняку вполнѣ удовлетворить важнѣйшія жизненныя свои потребности. Но особенно П. Лафаргомъ восхваляется такъ называемая *аннона*, т. е. установленное римскимъ сенатомъ еще въ древнѣйшія времена попечительство о ежегодномъ подвозѣ хлѣба для продажи бѣднымъ ниже рыночной цѣны. «Всѣ провинціи имперіи обязаны были посылать въ Римъ опредѣленное количество хлѣба, продажную цѣну котораго устанавливалъ сенатъ; но народные трибуны и демагоги, чтобы заслужить благосклонность народа, неоднократно требовали пониженія цѣны. Семпроній Гракхъ въ качествѣ народнаго трибуна предложилъ въ 123 году до Р. X. *lex frumentaria* (хлѣбный законъ), цѣлью котораго было пониженіе цѣны на хлѣбъ; а черезъ 20 лѣтъ народный трибунъ Апулей Сатурнинъ снова понизилъ ее. Сулла отмѣнилъ было хлѣбный законъ Гракха, но послѣ его смерти сенатъ принужденъ былъ возстановить его, чтобы предупредить народныя возстанія, а въ 581 г. до Р. X. *lex Clodia*, хлѣбный законъ предложенный народнымъ трибуномъ Клодіемъ, совершенно отмѣнилъ всякую плату за хлѣбъ, который *аннона* раздавала народу; это стоило республикѣ пятой части ея государственныхъ доходовъ» ⁵⁾.

Но, восхваляя попеченіе о бѣдныхъ въ язычествѣ, Поль Лафаргъ незамѣтно проговаривается, что благотворитель-

⁴⁾ *Поль Лафаргъ*, стр. 17—18.

⁵⁾ *Поль Лафаргъ*, стр. 20—21.

ность языческая не имѣла самыхъ цѣнныхъ свойствъ— любви и всеобщности. Забота о бѣдныхъ не вытекала у язычниковъ изъ того, что бѣдный — такой же человѣкъ, какъ и обладающій достаткомъ, но, по чистосердечному признанію Страбона, объяснялась тѣмъ, что «надѣялись этимъ средствомъ удерживать въ должныхъ рамкахъ столь многочисленный классъ бѣдняковъ», т.-е.,—говоря проще,— боялись грабежей и открытаго возстанія бѣдныхъ. Свою помощь языческое государство оказывало не всѣмъ безразлично, но только однимъ свободнымъ гражданамъ, нисколько не заботясь о рабахъ и чужестранцахъ. Такъ было и въ Аѳинахъ, и въ Римѣ. Перикль велѣлъ произвести перепись аѳинскаго населенія и продать въ рабство тѣхъ, кто, не обладая въ дѣйствительности гражданскими правами, былъ внесенъ въ списки гражданъ, пользующихся помощію отъ государства. Равнымъ образомъ и въ Римѣ, по приказанію Цезаря, были пересмотрѣны списки такихъ гражданъ и вычеркнуты всѣ, кто не могъ доказать своихъ правъ на римское гражданство. Такимъ образомъ, язычество стоитъ неизмѣримо ниже христіанства, въ которомъ заповѣдана любовь безъ исключенія ко всѣмъ, независимо отъ происхожденія, состоянія, пола, возраста и т. д. Христосъ повелѣваетъ любить даже враговъ нашихъ, благотворить имъ. Но, не зная любви ко всѣмъ безразлично, язычество нерѣдко обнаруживало возмутительное жестокосердіе даже и по отношенію къ тѣмъ, кого прежде всего слѣдуетъ любить всякому человѣку. Такъ, въ язычествѣ нерѣдки были случаи, когда мать убивала своихъ хилыхъ дѣтей, дѣти выгоняли изъ дома одрахлабѣвшихъ родителей, отдавая ихъ въ жертву смерти. Христіанскіе апологеты говорятъ объ этомъ, какъ о явленіи обыкновенномъ въ язычествѣ, никого въ немъ особенно не возмущавшемъ. Въ извѣстномъ діалогѣ Минуція Феликса Октавій говоритъ Цецилію: «Вы (т.-е. язычники), я знаю, бросаете новорожденныхъ дѣтей на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, или же предаете несчастной смерти по-

средствомъ удушенія» ⁶⁾. Въ такихъ же позорныхъ преступленіяхъ обличаетъ язычниковъ и Тертуліанъ въ «Апологетикѣ» ⁷⁾. Св. Діонисій Александрійскій сообщаетъ, что, во время свирѣпствовавшей въ Александріи моровой язвы, язычники, въ противоположность христіанамъ, «прогоняли начавшихъ хворать, убѣгали отъ самыхъ любезныхъ, выбрасывали на улицу полумертвыхъ, оставляли безъ погребенія мертвыхъ и такимъ образомъ старались избавиться отъ передаваемой и сообщающейся смерти» ⁸⁾.

Должно замѣтить, что милосердіе не ставилось высоко даже у лучшихъ языческихъ философовъ. Платонъ въ своемъ идеальномъ государствѣ вовсе не указываетъ мѣста благотворительности. Если рабочій заболѣлъ, и нѣтъ надежды на его выздоровленіе, то—проповѣдуетъ Платонъ,—нѣтъ нужды заботиться о немъ: жизнь такого человѣка не имѣетъ другой цѣли, кромѣ той, чтобы онъ исполнялъ свое ремесло; если же этого онъ не можетъ, то жизнь его не имѣетъ никакой цѣны ⁹⁾. По Аристотелю, можно быть щедрымъ, но не по любви, а по дружбѣ; а такъ какъ дружба, по его мнѣнію, возможна только между людьми равнаго класса, то проповѣдуемая имъ щедрость не касается бѣдныхъ ¹⁰⁾. Нельзя признать, чтобы и у стоиковъ ученіе о любви къ ближнимъ стояло на должной высотѣ. Правда, одинъ изъ представителей стоической философіи, Сенека, написалъ семь книгъ «о благодѣяніяхъ» («de be-

⁶⁾ *Минуцій Феликсъ*, Октавій, гл. XXX. См. сочиненія древн. христ. апологетовъ, въ перев. свящ. *Преображенскаго*. Москв. 1867, стр. 355.

⁷⁾ Гл. IX. См. *Мазуринъ*, Тертуліанъ и его творенія. Москв. 1892, стр. 25 и сл.

⁸⁾ *Евсевій* Церк. исторія, кн. 7, гл. 22; въ русск. перев., Спб. 1858, стр. 394.

⁹⁾ *Platonis*, Opera. Ed. G. Stallbaum. De Republica, lib. III, cap. XIV—XVI (Vol. III. Gottae. 1829, p. 222—235).

¹⁰⁾ *Аристотель*. Этика. Къ Никомаху. Кн. IV, гл. 1—3; кн. VIII, гл. II. Перев. на русск. яз. Э. Радлова. Спб. 1887, стр. 63—68, 160—161.

peficiis»), гдѣ настаиваетъ на милостынѣ даже злымъ и неблагодарнымъ ¹¹⁾, но милосердія или состраданія къ бѣдствующимъ онъ все-таки не признаетъ, потому что, по его мнѣнію, такое чувство унижало бы мудреца. Слѣдующія слова Сенеки особенно ясно выражаютъ его мысль и показываютъ, какъ далекъ онъ былъ отъ христіанскаго понятія о любви къ бѣднымъ. «Какъ суевѣріе (*superstitio*) есть болѣзненное извращеніе религіи, такъ и состраданіе есть болѣзненное вырожденіе доброты. Это признакъ слабости того духа, который поддается испытанію чужого состоянія. Старыя женщины — сострадательны, но мудрецъ—никогда. Онъ помогаетъ плачущему, но не плачетъ съ нимъ, подаетъ бѣдному, умирающему, но все дѣлаетъ съ спокойнымъ, неподвижнымъ духомъ, не изъ состраданія, но по сознанію, что онъ даетъ чловѣку, какъ чловѣку изъ общаго достоянія людей, говоря про себя: при рода всѣхъ людей одинакова» ¹²⁾.

Итакъ, Лактанцій былъ совершенно правъ, когда говорилъ объ язычникахъ, что философія нисколько не научаетъ ихъ совершеннѣйшей любви ко всѣмъ людямъ ¹³⁾. Только въ христіанствѣ любовь къ ближнимъ во всѣхъ ея проявленіяхъ есть священный долгъ, лежащій безусловно на всѣхъ (Іоан. 15, 12); и поэтому у христіанъ проявленіе чловѣколюбія не есть что-либо рѣдкостное. «Эти дѣла (т.-е. дѣла любви къ ближнимъ),—говоритъ Лактанцій,—есть собственно наши (такъ какъ ихъ не было въ язычествѣ), потому что мы получили законъ и слова Самого

¹¹⁾ *Senecae, Opera. Edit. Fickert. T. II. 1843, p. 1—271.*

¹²⁾ *Senecae, De clementia, II, 5—6. Edit. Fickert, T. II. Lips. 1843. p. 321—325.* Слова Сенеки приведены нами въ сокращеніи. Подробнѣе его ученіе см. у Ульорна, „Христіанская благотворительность“, перев. Лопухина, стр. 34 и сл.

¹³⁾ Эту мысль Лактанцій раскрываетъ во многихъ мѣстахъ своего сочиненія „*Divinae institutiones*“ (*Migne, Patr. Lat. VI, col. 680*; по русск. переводу Карнѣева, Сиб. 1848, ч. 2, стр. 41).

Бога, повелѣвающаго это»¹⁴). И даже сами язычники считали *христіанскимъ занятіемъ* «заботиться о бѣдныхъ, всѣчески подкрѣплять больныхъ, доставляя болѣзненнымъ ихъ тѣламъ лѣкарства»¹⁵).

Любовь къ ближнимъ въ христіанствѣ не угасала никогда; но, конечно, чѣмъ выше стояла нравственность послѣдователей Христовыхъ, тѣмъ совершеннѣе и полнѣе обнаруживалась эта любовь. Поэтому первые вѣка христіанства особенно отличались ею. Въ предлагаемомъ здѣсь небольшомъ историческомъ очеркѣ мы желаемъ показать читателю, съ какою любовію и полною готовностію отзывались древніе христіане къ помощи всѣмъ нуждающимся. Мы увидимъ, что намъ въ наши дни, когда такъ много всякаго рода бѣдствующихъ, слѣдовало бы почаще вспоминать древнія времена.

Обращаясь къ апостольскому періоду, мы, конечно, замѣчаемъ, что въ это время болѣе, чѣмъ когда-либо послѣ, въ христіанствѣ сознавалось и проявлялось въ дѣйствительной жизни, что всѣ члены церкви Христовой суть члены одинаго тѣла, что, «если страдаетъ одинъ членъ, съ нимъ страдаютъ всѣ члены» (1 Кор. 12, 26). Въ первые, поистинѣ золотые дни христіанства, послѣдовавшіе непосредственно за сошествіемъ Святаго Духа на Апостоловъ, общность и единеніе среди вѣрующихъ сказались со всею возможною здѣсь на землѣ, но лишь на недолгое время, силою. Писатель книги Дѣяній Апостольскихъ говоритъ объ этомъ въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ: «Всѣ вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее; и продавали имѣніе и всякую собственность, и раздѣляли всѣмъ, смотря по нуждѣ каждаго... У множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія

¹⁴) *Lactantii*, *Divin. institut.* VI. 12 (*Migne, Patrol. Lat.* VI. col. 680; по русск. переводу Карнѣева, ч. II, стр. 41).

¹⁵) Такъ говорилъ одинъ язычникъ — Нектарій въ письмѣ къ блж. Августину (*Migne, Patr. Lat.* t. XXXIII, col. 387).

своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее... Не было между ними никого нуждающагося, ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ Апостоловъ, и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду» (Дѣян. 2, 44—45; 4, 32, 34—35). Такой быть первыхъ христіанъ иногда сопоставляютъ съ коммунизмомъ; но это былъ коммунизмъ, чуждый всякаго искусственнаго характера, совершенно свободно излившійся изъ одного общаго духа и полноты христіанской любви. У первыхъ христіанъ общеніе образовалось безъ всякихъ предварительныхъ плановъ и организацій, — такъ сказать, невольно, какъ необходимое проявленіе высочайшей, вдохновившей всѣхъ любви. Первые христіане, всѣ безъ различія, и ближніе, и дальніе, составляли какъ бы одну семью. Всѣ сходились вмѣстѣ на общую молитву и трапезу. Здѣсь исчезали всякія различія общественныхъ положеній. Относясь другъ къ другу по-братски, первые христіане не оставляли въ нуждѣ несчастныхъ своихъ братьевъ, помогая имъ такъ, какъ бы теперь не всякій дѣйствительный братъ помогъ своему брату по крови. Апостолы не требовали отъ христіанъ, какъ требуютъ коммунисты, полной отдачи имущества. Они считали за всякимъ право пользоваться собственностію. «Чѣмъ ты владѣлъ, не твое ли было, и приобрѣтенное продаю не въ твоей ли власти находилось?» — говоритъ Ананіи апостоль Петръ, когда тотъ утаилъ часть денегъ, полученныхъ отъ продажи имущества (Дѣян. 5, 4). Дѣйствительно, христіане не всѣ безъ исключенія отдавали все свое имущество. Иные продолжали пользоваться частію его. Такъ, напр., извѣстно, что у матери евангелиста Марка былъ свой домъ (Дѣян. 12, 12), и этого никто не осуждалъ. Слѣдовательно, отдача имѣній у первыхъ христіанъ была дѣломъ вполнѣ свободнымъ. Вообще должно замѣтить, что какъ апостолы, такъ и древніе отцы церкви придавали значеніе только такому благодѣянію, которое совершается безъ всякаго принужденія,

совершенно добровольно. «Каждый удѣляй,—пишетъ апостоль Павелъ (2 Кре. 9, 7), — по расположенію сердца, не съ огорченіемъ, ибо доброхотно дающаго любить Богъ». Лактанцій укорялъ Платона за требованіе безусловнаго коммунизма. Это,—говоритъ онъ,—«система отвратительная относительно женщинъ; болѣе терпимая, но все же несправедливая, относительно имущества, потому что она покровительствуетъ лѣнтяю и расточителю на счетъ чловѣка воздержнаго и трудолюбиваго» (Epit. inst. divin. с. 38). «Богатые у насъ,—говоритъ Іустинъ философъ,—даютъ, когда хотятъ и сколько хотятъ». «Каждый изъ насъ,—пишетъ Тертуллианъ,—представляетъ свое скромное приношеніе разъ въ мѣсяцъ, и когда захочетъ, если только захочетъ и можетъ, ибо у насъ никого не принуждаютъ; каждый дѣлаетъ это по доброй волѣ». Св. Иринеи Ліонскій указываетъ особенное превосходство христіанской благотворительности именно въ ея добровольности. «Были,—говоритъ онъ,—жертвы и приношенія у народа іудейскаго; есть онѣ также и въ церкви, но съ тою разницею, что тамъ приносившіе были рабы, а здѣсь свободные. Іудеи были обязаны регулярно платить десятину, христіане, освобожденные Іисусомъ, посвящаютъ все свое имущество Господу, давая свободно и отъ добраго сердца еще болѣе, чѣмъ іудеи»¹⁶⁾.

Добровольное общеніе имуществомъ было обнаруженіемъ высокаго, восторженнаго духа среди первыхъ христіанъ. Какъ такое, оно естественно не могло продолжаться значительное время, проявившись только въ первое время и въ одной только іерусалимской общинѣ. Вскорѣ смѣнилось оно самую широкою благотворительностію. Апостоль Павелъ давалъ коринѣскимъ христіанамъ такой совѣтъ: «Касательно сбора для святыхъ поступайте такъ, какъ я установилъ въ церквахъ галатійскихъ: въ первый день недѣли

¹⁶⁾ *Лебедевъ Амф.*, Христіанская помощь нуждающимся въ древнія времена христіанства. Харьковъ. 1905, стр. 5.

каждый изъ васъ пусть отлагаетъ у себя и сберегаетъ, сколько позволить ему состояніе, чтобы не дѣлать оборовъ, когда я приду; когда же приду, то, которыхъ вы выберете, отправлю съ письмами для доставленія вашего подаенія въ Іерусалимъ» (1 Крѣ. 16, 1—3). Такимъ образомъ, во времена апостольскія, какъ видимъ, одна община помогала другой — нуждающейся. Пожертвованія были весьма щедрыми, такъ что оставался даже излишекъ отъ нихъ, какъ говоритъ тотъ же апостоль Павелъ (2 Крѣ. гл. 8 и 9). Общимъ попеченіемъ пользовались всѣ слабые—беспомощные: больные, старцы, вдовы, сироты. Такъ было и позднѣе апостоловъ, о чемъ свидѣлствуютъ не одни только христіанскіе писатели, но и язычники. «Мы, жившіе прежде для благъ земныхъ,—говоритъ св. Іустинъ философъ,—теперь охотно дѣлаемъ бѣдныхъ участниками въ томъ, чѣмъ владемъ»¹⁷⁾. Въ «Постановленіяхъ Апостольскихъ»—этомъ древнемъ памятникѣ, который въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ восходитъ къ концу II или началу III вѣка завѣщается христіанамъ «давать нуждающимся все необходимое для нихъ», и для этого полагать въ церковный «корванъ», кто сколько можетъ хотя бы одну, или двѣ, или пять лептъ¹⁸⁾. Тертуліанъ же прямо говоритъ: «Каждый (изъ христіанъ его времени) вносить свою лепту въ началѣ мѣсяца, или когда онъ хочетъ,—жертвуетъ, сколько хочетъ и можетъ, ибо никто не принуждается, но приноситъ добровольно; это какъ бы благотивный вкладъ; онъ не тратится на пиры или попойки, а идетъ цѣликомъ на питаніе и погребеніе бѣдняковъ, дѣтей-сиротъ, лишенныхъ всякихъ средствъ къ жизни, престарѣлыхъ слугъ и людей, претерпѣвшихъ кораблекрушеніе»¹⁹⁾. Упоминается о такомъ сборѣ («κορβανα»=корванъ.

¹⁷⁾ *Лебедевъ Амф.*, тамъ же, стр. 5—6.

¹⁸⁾ *Const. apostol. l. II, c. 38*; см. *Migne, Patr. Graec. t. I, col. 688*; по русск. перев. „Постановленія Апостольскія“, Казань. 1864, стр. 66.

¹⁹⁾ Апологетика, гл. XXXIX. См. въ русск. перев. у *Мазурина*, Тертуліанъ и его творенія, стр. 75. Москв. 1892.

Мрк. 7, 11) также св. Кипріаномъ Кареагенскимъ ²⁰⁾ и въ «Клементинахъ» ²¹⁾.

При этомъ должно замѣтить, что у древнихъ христіанъ (II и III вѣка), по примѣру апостольскаго времени (1 Кор. 16, 1—3), былъ обычай помогать нуждающимся не только въ собственной общинѣ, но и въ другихъ церквахъ, такъ что пожертвованія получались иногда изъ отдаленныхъ мѣстностей. Историкъ Евсевій сообщаетъ о Коринескомъ епископѣ Діонисіи (около 170 г.): «Есть посланіе Діонисіа къ римлянамъ, написанное имъ тогдашнему епископу Сотирю. Изъ него не неприлично будетъ привести то мѣсто, гдѣ, восхваляя обычай римлянъ, сохранившійся даже до бывшаго въ наше время гоненія, Діонисій пишетъ такъ: «Издравле ведется у васъ обычай оказывать всѣмъ братьямъ различныя благодѣянія и посылать вспомошествованія многимъ церквамъ, въ какихъ бы городахъ онѣ ни находились; чрезъ это вы одушевляете бѣдныхъ нуждающихся и поддерживаете братій, трудящихся въ рудникахъ. Посылая свои пособія, вы, какъ римляне, соблюдаете отеческій обычай своихъ предковъ римлянъ. И блаженный епископъ вашъ Сотиръ не только удержалъ этотъ обычай, но еще усилилъ его — частію тѣмъ, что посылаетъ дары святымъ въ бѣльшемъ обилии, а частію тѣмъ, что приходящихъ къ нему братій, какъ нѣжный отецъ дѣтей, утѣшаетъ добрымъ словомъ» ²²⁾. Подобнымъ же образомъ по-

²⁰⁾ *Cypriani*, Epist. LXIV. III, гдѣ говорится, что отпадшіе епископы „stipes et oblationes, et lucra desiderabant“ (см. *Migne*, Patr. lat. IV. 391). Въ трактатѣ того же св. Кипріана „De opere et eleemosynis“, с. XV, читаемъ: „Locuples et dives es, et Dominicum celebrare te credis, quae corban omnino non respicis, quae in Dominicum sine sacrificio venis, quae partem de sacrificio quod pauper obtulit sumis“ (См. *Migne*, ibid. 612—613; см. тамъ же и примѣчанія къ этому мѣсту).

²¹⁾ *Clementin.* Homil. III, с. 71: „если нужно будетъ денегъ (на помощь нуждающимся) жертвуйте всѣ“. См. *Migne*, Patr. graec. II. 157.

²²⁾ *Histor. eccl.*, lib. IV, с. 23 (См. *Migne*, Patr. graec. XX, 384 sqq., въ русск. перев. Спб. 1858, стр. 213).

ступала Римская церковь и въ болѣе позднее время. Такъ во время Декіева гоненія (250—252 гг.) христіанская община въ Римѣ не только содержала до 1500 человекъ, принадлежащихъ ей вдовъ, бѣдныхъ и больныхъ, но и посылала значительныя суммы денегъ въ Каппадокію на помощь бѣдствующимъ ²³). Само собою понятно, что дѣлалось Римскою церковію, то дѣлалось и другими, напр., Кареагенскою во времена св. Кипріана ²⁴).

Помощь свою древніе христіане оказывали всѣмъ безъ различія. Объ этомъ прямо говоритъ св. Іустинъ философъ. «Достаточные у насъ,—пишетъ онъ въ своей первой апологіи (гл. 67),—помогаютъ всѣмъ бѣднымъ, и мы всегда живемъ за одно другъ съ другомъ... Въ такъ называемый день солнца достаточные и желающіе, каждый по своему произволенію, даютъ, что хотятъ, и собранное хранится у предстоятеля, а онъ имѣетъ попеченіе о сиротахъ и вдовахъ, о всѣхъ нуждающихся по болѣзни и по другой причинѣ, о находящихся въ узахъ, о странникахъ издалека, вообще печется о всѣхъ находящихся въ нуждѣ» ²⁵).

Язычники нерѣдко смѣялись надъ такими проявленіями любви у христіанъ, называли христіанъ юродивыми, которыхъ легко обмануть и на счетъ которыхъ легко можно поживиться (Сатира Лукіана о Перегринѣ). По свидѣтельству Тертулліана, у язычниковъ возникло даже мнѣніе, что христіанъ побуждаютъ къ такому поведенію особыя цѣли, и именно политическія. Но у христіанъ такія отношенія любви были не только къ другъ другу, а даже и къ язычникамъ. Опять у того же Тертулліана мы встрѣчаемъ выраженіе, прекрасно характеризующее всю широту христіанской любви въ его время. Въ своей «Апо-

²³) *Kotz*, Die Armenpflege bei den ersten Christen. Amberg. 1840. S. 8.

²⁴) См. 2-е письмо св. Кипріана къ Евкратію о комедіантѣ; по русск. перев., т. I, стр. 22. Кіевъ 1879.

²⁵) Сочиненія св. Іустина Философа и мученика, въ русск. перев. свящ. П. Преображенскаго. Москв. 1864, стр. 107—108.

логетикъ» онъ говорить (с. XLII), что если бы даже самъ Юпитеръ пришелъ попросить милостыни, то христіане, охотно помогая всѣмъ нуждающимся, не задумались бы подать и ему ²⁶). Что можетъ быть совершеннѣе и полнѣе такой любви! И это не цвѣтистыя только слова христіанскаго апологета. Исторія подтверждаетъ ихъ дѣйствительными фактами. Напр., св. Діонисій Александрійскій пишетъ, что, когда въ его время (въ правленіе Галліена, около 260 — 261 года) въ Александріи свирѣпствовала страшная моровая язва, то «весьма многіе изъ христіанъ, отъ избытка любви и братолюбія, не щадили самихъ себя, но поддерживали другъ друга, безбоязненно посѣщали больныхъ, неутомимо ходили за ними и, служа имъ ради Христа, вмѣстѣ съ ними радостно умирали; потому что, исполняясь страданіями другихъ, привлекали къ себѣ болѣзнь своихъ ближнихъ и добровольно принимали ихъ мученія. Да! многіе, заботясь о больныхъ и подкрѣпляя другихъ, пересадили ихъ смерть въ себя и скончались сами. Такимъ-то именно образомъ оставили жизнь лучшеіе изъ нашихъ братій,—нѣкоторые пресвитеры и діаконы, и многіе, весьма похваляемые изъ народа. Совершенно на-противъ поступали язычники» ²⁷).

Помощь нуждающимся у древнихъ христіанъ оказывалась, кѣмъ какъ считалось удобнымъ, такъ что нѣтъ возможности перечислить всѣ способы такой помощи. Мы укажемъ только самые главные.

Въ пользу нуждающихся многое поступало у древнихъ

²⁶) *Migne*, Patr. lat. I. 494.

²⁷) См. *Eusebii*, *Histor. eccl.* VII. 22 (*Migne*, Patr. graec. XX, 685 sqq.; по русск. перев., стр. 293—295). То же самое говоритъ св. Кипріанъ Карфагенскій въ своихъ трактатахъ: „Къ Деметріалу“ (гл. X и XI) и „О смертности“ (см. Творен. св. Кипріана Карфагенскаго въ перев. на русск. языкъ, ч. 2, Кіевъ 1879, стр. 219—257); а равнымъ образомъ жизнеописатель св. Кипріана, его современникъ, діаконъ Понтій (см. *Migne*, Patr. lat. III, *Pontii Diaconi*, *De vita et passione S. Cypriani*, с. IX—X, col. 1489—1490).

христіанъ изъ *обляцій*. Этимъ именемъ (*oblatio*) въ первые вѣка христіанства назывались приношенія для совершенія Евхаристіи и соединявшихся съ нею общественныхъ трапезъ (*агапы*). Приношенія эти состояли не только изъ веществъ, необходимыхъ для совершенія Евхаристіи—хлѣба и вина, но вообще изъ естественныхъ произведеній разнаго рода—молока, меда, масла и т. п. Усердіе древнихъ христіанъ не имѣло предѣловъ. Поэтому остатки отъ обляцій, по крайней мѣрѣ въ первые три вѣка, были значительные.

Они всегда употреблялись въ пользу бѣдныхъ, такъ какъ, по прекрасному выраженію св. Поликарпа Смирнскаго, ²⁸⁾ бѣдные составляютъ жертвенникъ церкви, на который члены ея возлагаютъ свои приношенія ²⁹⁾.

Кромѣ обляцій, въ пользу нуждающихся христіанъ дѣлались многія и другія пожертвованія. Известно, напр., что въ первые вѣка многіе, обращаясь въ христіанство, свое имѣніе жертвовали церкви въ пользу бѣдныхъ. Жизнеописатель св. Кипріана Карѳагенскаго, діаконъ Понтій, сообщаетъ, что, когда Кипріанъ принялъ христіанство, то, продавъ всѣ свои имѣнія и сады, отдалъ вырученныя деньги на бѣдныхъ ³⁰⁾. Тотъ же св. Кипріанъ и позднѣе много жертвовалъ изъ своего имущества на по-

²⁸⁾ Посланіе къ Филиппійцамъ, гл. IV. См. Писанія мужей Апостольскихъ въ русск. переводѣ. Мскв. 1862, стр. 144.

²⁹⁾ Начиная съ четвертаго вѣка, когда стали запрещать совершеніе агапъ, обляціи уменьшились. По свидѣтельству св. Іоанна Златоуста, въ его время христіанами дѣлались обильныя приношенія только по большимъ праздникамъ, въ дни памяти мучениковъ и въ память умершихъ (Бесѣд. на 1 Коринѣ. XXVII; *Migne, Patr. graec. LXI, 223 sqq*; по русск. перев. т. X, стр. 266 и сл.). Около же 500 года обляціи совершенно перестали употреблять въ пользу бѣдныхъ. Подробнѣе объ этомъ см. *Binterim, Die vorzügl. Denkwürdigkeiten der Christ. Kirche. IV. 3. S. 366 ff. Ульорнъ, Христіанская благотворительность. Стр. 135 и сл., 235 и сл.*

³⁰⁾ *Pontii diaconi, Vita Cypriani, c. 2; см. Migne, Patr. lat. III, 1483—1484.*

собіе бѣднымъ ³¹⁾. Отъ историка Евсевія мы узнаемъ, что въ первые вѣка подобныя пожертвованія дѣлали многіе и другіе ³²⁾. Тертуліанъ считаетъ такое явленіе обычнымъ въ христіанствѣ. Въ трактатѣ «Ad uxorem», указывая обязанности христіанки, среди нихъ главное мѣсто онъ отводитъ благотворенію бѣднымъ ³³⁾. И дѣйствительно, мы знаемъ, что въ первые вѣка христіанства многія богатыя христіанскія женщины раздавали всѣ сокровища свои въ пользу бѣдныхъ. Такова, напр., пострадавшая при Діоклетіанѣ св. великомученица Анастасія Узорѣшительница ³⁴⁾.

Не прекращались пожертвованія въ пользу бѣдныхъ и послѣ умиротворенія церкви. Примѣры широкаго благотворенія христіане видѣли въ это время прежде всего въ своихъ пастыряхъ. Св. Амвросій Медиоланскій въ своемъ знаменитомъ отвѣтѣ Симмаху говоритъ, что многіе, дѣлаясь священниками, отказывались отъ своей собственности ³⁵⁾. Такъ поступилъ и онъ самъ. Когда онъ сдѣлался епископомъ, то все, чѣмъ владѣлъ, отдалъ въ пользу церкви, оставивъ только немного для своей сестры Мар-

³¹⁾ *Pontii*, Vit. Cypri. см. 15; см. *ibid.* 1494—1495. Срвн. *Cypriani*, epist. VII; см. *Migne*, Patr. lat. IV. 240.

³²⁾ *Eusebii*, Hist. eccles. III, 37; см. *Migne*, Patr. graec. XX, 292; по русск. перев. стр. 161.

³³⁾ Lib. II, с. 4. См. *Migne*, Patr. lat. I, 1294—1295.

³⁴⁾ *Symeonis Metaphrastae* Martyrium S. Anastasiae, с. II, IV, (*Migne* Patr. graec., CXVI, 576. 577); *Nicetae Paphlagonis*, Oratio XVII, in laudem Anastasiae *Migne*, Patr. graec. CV, 341). Св. великомученицу Анастасію Узорѣшительницу, память которой въ Православной церкви празднуется 22 декабря, а въ католической 25 того же мѣсяца, должно отличать отъ преподобномученицы Анастасіи, пострадавшей при Валеріанѣ. Последняя (память ея въ Православной церкви 29 октября) обыкновенно называется старшею (senior), а первая младшею (junior). См. *Nilles*, Kalendarium utriusque Ecclesiae Orientalis et Occidentalis. T. I. Oeniponte, 1896, p. 310, 359—360.

³⁵⁾ *S. Ambrosii Mediol.*, epist. XVIII. См. *Migne*, Patr. lat. t. XVI, col. 975 sq.

целлины ³⁶⁾. Когда умеръ его братъ Сатиръ, то и его имущество онъ роздалъ бѣднымъ ³⁷⁾. О св. Іоаннѣ Златоустѣ Палладій Еленопольскій сообщаетъ, что, когда онъ былъ епископомъ въ Константинополѣ, то весь свой доходъ употреблялъ на бѣдныхъ, держа ихъ болѣе 7000 на свой счетъ ³⁸⁾. Блаженный Августинъ всѣ драгоценныя подарки, которые получалъ отъ многихъ христіанъ, продавалъ, чтобы употребить деньги на бѣдныхъ и особенно больныхъ ³⁹⁾. Св. Василій Великій не имѣлъ своей частной собственности, все раздавая нищимъ. По свидѣтельству св. Григорія Богослова, «богатствомъ св. Василія было ничего у себя не имѣть и жить съ единымъ крестомъ, который почиталъ онъ для себя дороже многихъ стяжаній; у него одинъ былъ хитонъ, одна была верхняя ветхая риза, а сонъ — на голой землѣ, бѣдніе, неупотребленіе омовеній составляли его украшеніе; самую вкусною вечерю и свѣдію служили хлѣбъ и соль — новаго рода приправа, и трезвенное неоскудѣвающее питіе, какое и нетрудившимся приносятъ источники» ⁴⁰⁾. Созоменъ пишетъ о св. Епифаніи Кипрскомъ, что онъ давалъ бѣднымъ чрезвычайно щедрыя даванія изъ церковной сокровищницы, такъ что экономъ часто дѣлалъ ему возраженія ⁴¹⁾. О св. Павлинѣ, епископѣ Ноланскомъ извѣстно, что онъ былъ несмѣтно богатъ, такъ что блаж. Августинъ считалъ его «богатѣйшимъ изъ богатыхъ», а св. Амвросій Медиола-

³⁶⁾ Vita S. Ambrosii Mediol. a *Paulino*, ejus notario conscripta, c. 38 (см. *Migne*, Patr. lat. XIV, 40); Vita S. Ambrosii ex ejus potissimum scriptis collecta, c. 14 (см. *ibid.* col. 72).

³⁷⁾ Vita S. Ambros. ex ejus script. collecta, c. 36; см. *ibid.* 79.

³⁸⁾ *Palladii*, Vita Chrisostomi, c. 5. См. *Migne*, Patr. graec. XLVII, 20.

³⁹⁾ *Augustini*, Sermo CCCLVI, n. 13. См. *Migne*, Patr. lat. XXXIX, 1579—1580.

⁴⁰⁾ Св. *Григорія Богосл.*, Слово 43. Творенія въ русск. перев., ч. 4. Москв. 1844, стр. 116—118.

⁴¹⁾ *Sozomeni*, Histor. eccles. VII, 27. См. *Migne*, Patr. graec. LXVII, 1501.

скій называлъ его владѣнія «царственными»; но когда онъ сдѣлался инокомъ, то все роздалъ бѣднымъ, самъ доволъствуясь крайне малымъ ⁴²⁾. Св. Григорій Двоесловъ никогда не жалѣлъ средствъ для помощи бѣднымъ и даже считалъ себя виновнымъ, когда слышалъ, что кто-либо умираетъ отъ голода въ Римѣ ⁴³⁾. Вообще, щедрость въ отношеніи къ помощи бѣднымъ считалась въ древности какъ бы необходимымъ свойствомъ епископа. Историкъ Сократъ сообщаетъ, что послѣ смерти константинопольскаго епископа Аттика (406—426 г.) константинопольскій народъ требовалъ назначить епископомъ Сисинія, — потому именно, что онъ много подавалъ бѣднымъ ⁴⁴⁾.

Оказывая щедрую помощь нуждающимся, отцы церкви не ограничивались какими-либо избранными лицами, но помогали, какъ и въ первые три вѣка христіанства, всѣмъ, кто требовалъ помощи, хотя бы это былъ язычникъ. Даже такой ненавистникъ христіанъ, какимъ былъ Юліанъ Отступникъ, не скрываетъ, что «нечестивые галилеяне (т.-е. христіане) кромѣ своихъ питаютъ и нашихъ» ⁴⁵⁾. Упомянутый выше константинопольскій епископъ Атикъ (V в.), посылая пресвитеру Никейской церкви триста золотыхъ монетъ для раздачи пострадавшимъ отъ голода, писалъ ему: «когда будешь давать, не обращай вниманіе на вѣроисповѣданіе, но имѣй въ виду только одно — напитать алчущихъ, не разсуждая, по нашему ли они мыслятъ» ⁴⁶⁾. Св. Левъ, папа римскій, училъ: «Хотя прежде всего мы должны помогать нашимъ братьямъ по вѣрѣ, но и невѣрующіе не должны лишаться нашей помощи. Ближній,

⁴²⁾ Vita S. Paulini Nolani episcopi ex ipsius sciptis ac veteribus monumentis concinnata, с. VIII. См. *Migne*, Patr. lat. LXI, 30 sq.

⁴³⁾ Свидѣтельство объ этомъ можно находить у діакона Іоанна въ его „Vita S. Gregorii Magni“, I, II, с. 29; I, III, с. 29. См. *Migne*, Patr. lat. LXXV, 97—98, 146.

⁴⁴⁾ *Socratis*, Hist. eccles. VII, 26. См. *Migne*, Patr. graec. LXVII, 800.

⁴⁵⁾ Созоменъ, Церк. истор., стр. 350. См. *Лебедевъ Амф.*, стр. 25.

⁴⁶⁾ *Socratis*, Hist. eccl. VII, 25; *Migne*, Patr. graec. LXVII, 793 sq.

котораго намъ заповѣдано любить, это — всѣ люди⁴⁷⁾. Древній историкъ Сократъ сообщаетъ, что Акакій, епископъ Амасійскій, расплавилъ золотые и серебряные церковные сосуды, чтобы имѣть возможность уплатить римлянамъ за плѣнныхъ персовъ, среди которыхъ было очень много язычниковъ⁴⁸⁾.

Прот. Н. Добронравовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

⁴⁷⁾ Serm. de jejun. dec. mens.; см. *Лебедевъ Амф.*, стр. 13.

⁴⁸⁾ *Socratis*, Hist. eccles. VII, 21. *Migne*, Patr. graec. t. LXVII, 781 sq.

Телепатическія явленія и будущая жизнь ¹⁾).

Часто говорили и говорят о предчувствіяхъ и видѣніяхъ, которыя возвѣщали о событіяхъ будущихъ или происходящихъ въ тотъ же самый моментъ на громадномъ отъ даннаго пункта разстояніи. Но въ общемъ подобныя рассказы разсматривались, какъ басни, а ихъ объектъ, какъ ничего нестояція галлюцинаціи. Однако, нѣсколько лѣтъ тому назадъ вниманіе ученыхъ было обращено на свидѣтельства болѣе точныя и опредѣленныя; многочисленныя факты, аналогичныя тѣмъ, которые до тѣхъ поръ пренебрежительно отбрасывались, были констатированы научнымъ путемъ. Журналъ «Annales des sciences psychiques» ²⁾ во Франціи въ продолженіе десяти лѣтъ собираетъ факты явленій этого рода. Италія прилагаетъ еще болѣшія старанія; ежемѣсячный научный

¹⁾ Статья Лодіеля. Переводъ съ французскаго.

Печатаю настоящую статью о телепатическихъ явленіяхъ, мы считаемъ нужнымъ предупредить своихъ читателей, что они не должны относиться къ указываемымъ въ ней фактамъ, особенно изъ области католическаго міра, съ полнымъ довѣріемъ. Цѣль печатанія этой статьи заключается въ томъ, чтобы затронуть самый предметъ телепатическихъ явленій, мало изученныхъ особенно у насъ, и затѣмъ подвергнуть эти факты, которые весьма много волнуютъ современное наше общество, самому строгому критическому разбору. Настоящая статья, такимъ образомъ, печатается только въ видѣ *матеріала* для послѣдующихъ критическихъ сужденій объ этомъ предметѣ и его научной разработки.

Ред.

²⁾ „Лѣтопись психическ. наукъ“.

журналь «La Rivista dei studii psichici» ¹⁾ уже болѣ десяти лѣтъ публикуеть многочисленныя документы касательно указанныхъ явленій. Журналь «La Civiltá cattolica» ²⁾ въ послѣдніе годы посвятиль много статей изученію данныхъ фактовъ.

Въ особенности же въ Англіи съ большимъ стараніемъ набросидись на изслѣдованіе такихъ фактовъ и ихъ научное объясненіе. Съ этою пѣлью образовалось даже общество, имѣющее среди своихъ членовъ наиболѣе извѣстныхъ въ наукѣ людей и въ специальныхъ бюллетеняхъ дающее отчеты о результатахъ своихъ изслѣдованій ³⁾.

Въ 1888 г. обширное собраніе этихъ феноменовъ было опубликовано въ Лондонѣ Джурнеемъ, Мирсомъ и Подморомъ (*Phantasms of the living* въ двухъ томахъ въ 573 и 733 стр.). Часть этого труда была переведена на французскій языкъ подъ измѣненнымъ заглавіемъ: «*Les hallucinations télépathiques*» — «Телепатическія галлюцинаціи». Риге, редакторъ «*Revue Scientifique*» (Rose) далъ оцѣнку этому труду на основаніи своихъ позитивистическихъ взглядовъ. Онъ упоминаеть прежде всего о томъ впечатлѣніи, которое ему пришлось испытать, пробѣгая строки этихъ разсказовъ. «Я приступилъ къ этому чтенію, говорить онъ, не безъ насмѣшливаго недовѣрія. Но мало-помалу пришелъ къ тому убѣжденію, что большая часть этихъ разсказовъ были искренни, что были приняты многочисленныя предосторожности, необходимыя для придачи точнымъ свидѣтельствамъ фактической достовѣрности, что, наконецъ, на основаніи этого нельзя ихъ не принять... Съ терпѣніемъ и настойчивостью, продолжаетъ онъ, были собраны наиболѣе полныя и убѣдительныя случаи, представляющіеся достовѣрными фактами».

¹⁾ «Обозрѣніе псих. занятій».

²⁾ «Католическая культура» — научный церковный органъ.

³⁾ *Proceedings of the society for psychical research* — «Протоколы общества психическихъ изслѣдованій».

«По моему мнѣнію, говорить Рише, невозможно говорить о суевѣріи изслѣдователей или о возможности случайнаго совпаденія. Такимъ образомъ, является заключеніе: есть отношеніе между галлюцинаціей А. и смертью В.» (между явленіемъ друга, живущаго вдали и смертью этого же друга, происходящую въ самый моментъ явленія, — феноменъ, многочисленные примѣры котораго даетъ сборникъ англійскихъ ученыхъ).

«Продолжительный и терпѣливый трудъ Джюрнея, Мирса и Подмора, — продолжаетъ Рише, состоялъ въ собираніи свидѣтельствъ, повѣрѣвъ упоминаемыхъ фактовъ, установкѣ датъ, времени и мѣстъ путемъ собранія официальныхъ документовъ. Обнаруживается, какой обширной корреспонденціи потребовала эта точность. Однако, не стоитъ сожалѣть о столькихъ усиліяхъ, такъ какъ ими достигнуты прекрасные результаты — установлены точные и неоспоримые факты...» И, какъ признаетъ Рише, они могутъ бросить нѣкоторый свѣтъ на природу человѣческаго разума и на тайну по-ту-сторонняго міра.

Множество ученыхъ всевозможныхъ религіозныхъ и философскихъ воззрѣній раздѣляютъ приведенное мнѣніе Рише. Безъ сомнѣнія, существуетъ стремленіе къ разрѣшенію вопроса о природѣ и смыслѣ этихъ загадочныхъ явленій. Поэтому мы сначала приведемъ нѣсколько примѣровъ, почерпнутыхъ изъ различныхъ источниковъ, далѣе скажемъ кое-что о существующихъ способахъ ихъ объясненія и, наконецъ, о выводахъ, къ которымъ приводятъ насъ эти факты.

I.

Во избѣжаніе возникновенія всякихъ богословскихъ споровъ, Джюрней, Мирсъ и Подморъ предпочли собирать факты явленій лицъ живыхъ (*Phantasms of the living*). Въ ббльшей части ихъ рассказовъ мы находимъ извѣщенія о смерти родныхъ или друзей.

Г-жа Стори изъ Единбурга видитъ во снѣ желѣзную дорогу, паръ, вырывающійся изъ локомотива, и своего брата съ закрытыми глазами, распростертаго на землѣ. Вотъ паровозъ уже у его головы... «Онъ его раздавить!» вскрикиваетъ она съ отчаяніемъ. «Увы; да!»—отвѣчаетъ кто-то, вслѣдъ за чѣмъ она видитъ своего брата потерявшимъ сознаніе, съ беспорядочно вращающимися въ орбитахъ глазами. Далѣе явленіе исчезаетъ. Въ возможно короткое время наводятся справки, и оказывается, что братъ этой госпожи былъ дѣйствительно раздавленъ желѣзнодорожнымъ поѣздомъ. Даже локомотивъ былъ новой конструкціи, точно такой, какимъ его видѣла во снѣ г-жа Стори ¹⁾.

Подобное же видѣніе смерти сына извѣстно изъ разсказа другой дамы. «Онъ утонулъ въ прошлую ночь, когда всходилъ на бортъ парохода; взбираясь по трапу, онъ поскользнулся; я это видѣла, я слышала его крикъ: «мама!»». Разсказчикъ факта и другіе свидѣтели увѣрены, что видѣніе г-жи В. и донесеніе агента, принесшаго извѣстіе о случившемся, наконецъ, самый случай смерти — были въ полномъ согласіи ²⁾.

Въ 6-мъ выпускѣ, издаваемомъ англійскимъ обществомъ (for psuchical research) приводится загадочное видѣніе Елизаветы Браунтонъ, которая жила въ то время въ Англій.

Однажды въ іюль мѣсяцъ 1842 г. она пробудилась ночью отъ внезапнаго движенія. Нѣсколько спустя, она позвала своего мужа и сказала ему: «Что-то ужасное произошло во Франціи! Я только что это видѣла и не во снѣ, но въ бодрственномъ состояніи». Она замѣтила разбитую коляску, толпу народа, стекающуюся къ мѣсту инцидента, челоуѣка, положеннаго на носилки; по открытому лицу она тотчасъ же узнала герцога Орлеанскаго.

¹⁾ Les hallucinations télépathiques, p. 110.

²⁾ Тамъ же p. 115.

Потомъ она видѣла множество лицъ, послѣдовательно подходящихъ къ кровати, среди нихъ много лицъ изъ королевской фамиліи, королеву, короля — всѣ въ молчаніи съ глазами, наполненными слезами, толпились у изголовья умирающаго герцога. Она видѣла также врача, который держалъ въ одной рукѣ часы, а въ другой—руку умирающаго, изслѣдуя его пульсъ. Наконецъ, явленіе исчезаетъ.

Съ наступленіемъ дня она записала видѣнное въ свой дневникъ, и уже на основаніи его миссъ Педжъ сдѣлала сообщеніе редакторамъ «Proceedings».—Это было еще до установки телеграфныхъ сношеній, поэтому, только спустя два дня, Times извѣстилъ о смерти герцога Орлеанскаго.

Впослѣдствіи, во время своего путешествія въ Парижъ, г-жа Браутонъ посѣтила мѣсто видѣннаго ею происшествія, узнала его и, такимъ образомъ, приобрѣла новое подтвержденіе своихъ впечатлѣній ¹⁾.

А вотъ другой фактъ, сообщаемый англійскими учеными въ ихъ обширномъ сборникѣ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1857 г. Уиткрофтъ, капитанъ 6-го англійскаго драгунскаго полка, отбылъ въ Индію къ своему полку. Его жена осталась въ Англіи, въ Кембриджѣ.

Въ ночь съ 14 на 15 ноября, незадолго до наступленія утра, она видитъ во снѣ своего мужа въ состояніи тоски и страданія. Крайне взволнованная—она тотчасъ пробудилась. Свѣтила ярко луна; открывъ глаза, г-жа Уиткрофтъ видитъ своего мужа стоящимъ сбоку ея постели—въ мундирѣ съ сложенными на груди руками, блѣднымъ, со стиснутымъ ртомъ. Она видитъ его со всѣми особенностями его костюма такъ ясно, какъ никогда въ жизни. Она замѣчаетъ также, что его костюмъ не былъ запачканъ кровью; однако, его тѣло казалось склоняющимся съ видомъ страданія. Явленіе продолжалось около минуты, потомъ исчезло.

¹⁾ Proceedings, p. 159. July, 1884.

Первою мыслью г-жи Уиткрофтъ было узнать, достаточно ли она пробудилась. На слѣдующій день утромъ она рассказала все своей матери и выразила ей свое убѣжденіе, что ея мужъ убитъ или тяжело раненъ. Въ декабрѣ пришла телеграмма, извѣщающая о смерти капитана, убитаго при Люкнау 15-го ноября. Были затребованы въ военномъ министерствѣ свѣдѣнія о томъ, убитъ ли капитанъ 15-го или 14-го ноября въ моментъ явленія. Была подтверждена дата 15, но въ мартѣ одинъ компаньонъ капитана, возвратившійся въ Лондонъ, доказалъ, что онъ былъ убитъ 14-го, а не 15-го—и что крестъ, водруженный на его могилѣ, также носилъ дату 14-го. Такимъ образомъ, видѣніе доставило болѣе точное свѣдѣніе, чѣмъ officialный документъ.

И не только женщины или дѣти подвергаются указаннымъ феноменамъ; люди наиболѣе положительные, испытанные офицеры, также получали подобныя сообщенія.

20-го декабря 1883 г. Фредерикъ Винфильдъ писалъ изъ Belle-Isle-en-Mer слѣдующее:

«Меня справедливо обвиняли въ скептицизмъ по отношенію ко всему тому, чего я не могъ объяснить. Тѣмъ не менѣе я васъ увѣряю, что то, что я хочу вамъ сейчасъ рассказать, есть точный отчетъ о томъ, что произошло въ дѣйствительности.

Въ ночь на 25 марта 1880 г., по обыкновенію послѣ продолжительнаго чтенія я легъ спать. Мнѣ снилось, что я лежу на диванѣ и читаю; и вдругъ, поднявъ глаза, я ясно увидѣлъ своего брата Ричарда, сидѣвшаго предо мною на стулѣ. Мнѣ также снилось, что я ему что-то сказалъ, но что въ отвѣтъ онъ только склонилъ голову потомъ поднялся и покинулъ комнату. Когда я проснулся то, стоя на полу у своей кровати, я пытался произнести имя моего брата. Впечатлѣніе отъ сновидѣнія было настолько сильно и живо, что я бросился изъ спальни искать брата въ гостиной. Осмотрѣвъ стулъ, гдѣ онъ сидѣлъ, я возвратился на постель и началъ стараться снова за-

снуть, что мнѣ не удавалось въ продолженіе долгаго времени.

На слѣдующій день впечатлѣніе отъ сна было живѣе, чѣмъ когда-либо, и я могу сказать, что оно осталось столь же сильнымъ и яснымъ до настоящаго момента. Предчувствуя угрожающее несчастье, я занесъ это явленіе въ дневникъ, присоединивъ къ записи: «да отвратить это Господь!» Три дня спустя, я узналъ, что мой братъ умеръ въ четвергъ, 25 марта 1880 г., въ 8½ ч. вечера. Смерть произошла вслѣдствіе сильныхъ ранъ, причиненныхъ паденіемъ съ лошади. Даю вамъ честное слово, что все произошло такъ, какъ я вамъ разсказалъ».

Въ дневникѣ г-на Винчфильда дѣйствительно значилось: «Явленіе въ ночь четверга, 25 марта 1880 г.—да отвратить это Господь!»¹⁾

Въ первомъ томѣ изданія англійскаго общества (for psychical research) сообщается еще слѣдующій фактъ:

Въ 1855 г., во время крымской войны, капитанъ Кольтъ, братъ котораго Оливье находился на осадѣ Севастополя, видѣлъ слѣдующее: «8-го сентября, ночью, говоритъ онъ, я былъ внезапно пробужденъ. Тотчасъ же я увидѣлъ противъ окна моей комнаты, какъ разъ у своей постели, моего брата, стоящимъ на колѣняхъ. Сначала я принялъ это за иллюзію, причиненную отраженіями луннаго свѣта, но затѣмъ снова увидѣлъ своего брата. Онъ имѣлъ нѣжный, печальный и умоляющій взоръ. Я поднялся, чтобы посмотрѣть въ окно—не было никакого луннаго свѣта, было совершенно темно, только дождь съ силою ударялъ въ оконныя рамы. Возвратившись, я снова вижу моего бѣднаго Оливье все съ тѣмъ же печальнымъ и умоляющимъ взоромъ. Тутъ я въ первый разъ замѣтилъ на его правомъ вискѣ глубокую рану, откуда текла кровь; его лицо было блѣдно, какъ воскъ—это было зрѣлище, котораго я не забуду никогда». Черезъ 15 дней

¹⁾ Hallucinations télépathiques p. 107.

прибывшія изъ Крыма извѣстія подтвердили предчувствіе капитана: Оливье Кольтъ былъ убитъ во время атаки пулею въ правый високъ; черезъ 36 часовъ его нашли въ колѣнопреклоненномъ положеніи среди груды мертвыхъ тѣлъ ¹⁾. «Annales des sciences psychiques» 1891 г. повѣствуютъ о подобномъ же фактѣ во время мексиканской войны. Авторъ разсказа, Густавъ Днебуа, часто видѣлся съ матерью одного молодого офицера, Экурру, уѣхавшаго на войну. «Однажды, разсказываетъ онъ, я засталъ эту даму всю въ слезахъ: ахъ, воскликнула она, я имѣю ужасное предчувствіе! Я должна потерять своего сына! Войдя утромъ въ свою комнату, гдѣ находится его портретъ, я увидѣла его глаза проколотыми, кровь текла по его лицу... Они убили моего сына!» Немного времени спустя, дѣйствительно стало извѣстно о смерти капитана Экурру, убитаго при осадѣ Пуэблы. Черезъ нѣсколько недѣль возвратившійся во Францію сержантъ разсказалъ, что вышеупомянутый офицеръ былъ убитъ наповаль во время штурма. Пуля прошла черезъ правый глазъ.

Даріе, редакторъ «Annales des sciences psychiques», два раза встрѣчался съ г-жей Экурру, которая всякій разъ повторяла ему объ этомъ странномъ видѣніи. Братъ капитана присоединяетъ, что оно имѣло мѣсто 29 марта 1863 г. какъ разъ въ тотъ день, когда упомянутый офицеръ былъ при осадѣ Пуэблы ²⁾.

Слѣдующій разсказъ сообщаетъ о фактѣ, происшедшемъ на еще большемъ разстояніи. Это телепатическое сообщеніе изъ Англіи въ Индостанъ.

Подполковникъ Джонсъ сообщилъ о немъ и устно, и письменно.

«Въ 1845 году я находился со своимъ полкомъ въ Мультмейнѣ (Бирма). 24 марта, около полудня, я обѣдалъ у

¹⁾ Proceedings p. 124 v. 1.

²⁾ 6-й выпускъ общества (for psychical research) сообщаетъ много другихъ не менѣ замѣчательныхъ фактовъ p. 177, 179 и далѣе.

моего друга. Послѣ обѣда, въ то время, какъ мы вели разговоръ о нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣлахъ, я вдругъ ясно увидѣлъ предъ собой нѣчто вродѣ раскрытой могилы и въ ней мою сестру, лежащую мертвой. При видѣ этого зрѣлища я пересталъ говорить. Мои сосѣди съ изумленіемъ посмотрѣли на меня и спросили, что я испытывалъ. Я рассказалъ имъ о видѣніи, какъ о простой иллюзіи. Происшедшее не привлекло болѣе вниманія. Послѣ обѣда я возвратился къ себѣ съ генераль-майоромъ Бригсомъ. Онъ возвратился къ этому инциденту и спросилъ меня, не получалъ ли я какихъ-либо новыхъ извѣстій о болѣзни моей сестры.

«Нѣтъ, сказалъ я, я не имѣю писемъ изъ дому вотъ уже 3 мѣсяца». Генераль попросилъ меня записать о случившемся, такъ какъ онъ, по его словамъ, зналъ много подобныхъ же фактовъ, имѣвшихъ большой смыслъ. Я сдѣлалъ это и показалъ ему замѣтку, которую я занесъ въ свою карманную книжку вмѣстѣ съ датой.

17-го слѣдующаго мѣсяца я получилъ изъ дому письмо, которое сообщало о смерти сестры 24-го марта 1845 г. — въ самый день видѣнія». Подполковникъ Джонсъ увѣряетъ, что никогда раньше не испытывалъ подобныхъ галлюцинацій¹⁾. Въ томъ же самомъ выпускѣ (стр. 180) сообщается объ еще болѣе замѣчательномъ феноменѣ: — это коллективное воспріятіе факта на разстояніи болѣе ста миль. Разказъ записанъ миссъ Екатериной Уэльдъ, которая вмѣстѣ со своимъ отцомъ была свидѣтельницей явленія.

«Филиппъ Уэльдъ, говоритъ она въ письмѣ къ редактору, былъ младшій сынъ Джемса Уэльдъ и племянникъ кардинала Уэльдъ. Въ 1842 г. онъ былъ отправленъ отцомъ въ колледжъ Св. Эдмунда на берегу Вэйры. 16 апрѣля 1845 г., въ день отпуска, нѣсколько учениковъ должны были сдѣлать экскурсію на лодкѣ по Вэйрѣ. Фи-

¹⁾ Proceedings, p. 173.

липецъ только что кончилъ учебный годъ; утромъ этого дня причастился и послѣ полудня, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ своихъ товарищей и учителя, отправился на лодку для совершенія этой экскурсіи. При одномъ изъ поворотовъ, чтобы болѣе поспособствовать маневру, Филиппъ попросилъ весло. Но въ то время, какъ лодка поворачивалась, онъ упалъ въ воду на самомъ глубокомъ мѣстѣ рѣки. Несмотря на всѣ усилія, его не удалось спасти. Тѣло его было, однако, привезено въ колледжъ. Д-ръ Коксъ, директоръ этого учрежденія, былъ глубоко опечаленъ: онъ очень любилъ маленькаго Филиппа; кромѣ того, онъ чувствовалъ, насколько ужасно будетъ для семьи извѣстіе объ его смерти. Какимъ образомъ дать ей объ этомъ знать? Послѣ долгаго размышленія директоръ, наконецъ, рѣшилъ самъ отправиться къ г-ну Уэльдъ въ Соутгемптонъ. Онъ прибылъ туда на слѣдующій день. При приближеніи его, Уэльдъ вышелъ къ нему на встрѣчу. Выйдя изъ коляски, д-ръ Коксъ хотѣлъ было начать говорить о цѣли своего пріѣзда, но Уэльдъ предупредилъ его объ этомъ. «Безполезно, воскликнулъ онъ, что-нибудь скрывать отъ меня, такъ какъ я уже знаю, что Филиппъ умеръ!»—Какимъ образомъ?—Вотъ какъ, началъ Уэльдъ: вчера вечеромъ, прогуливаясь вмѣстѣ съ своей дочерью, я внезапно увидѣлъ моего сына. Онъ шелъ въ сопровожденіи двухъ лицъ, изъ которыхъ одно было одѣто въ черную рясу. Моя дочь первая замѣтила Филиппа и воскликнула: «папа, видѣлъ ли ты когда-нибудь кого, столь похожаго на Филиппа?» Похожаго на Филиппа? отвѣтилъ я, но вѣдь это онъ! Мы направились къ этимъ тремъ лицамъ. Филиппъ съ счастливою улыбкою смотрѣлъ на молодого человѣка, одѣтаго въ черную рясу. Но вдругъ, все видѣніе исчезло, и я болѣе никого не видѣлъ, кромѣ крестьянина, присутствіе котораго было замѣчено мною еще раньше. — Чтобы не напугать своей жены, я ничего не сказалъ ей о видѣнномъ. На слѣдующій же день я съ безпокойствомъ ожидалъ курьера. Къ моей великой радо-

сти не получилось никакого письма; мои опасенія разсѣялись, и я болѣе не думалъ объ этомъ странномъ видѣнїи, какъ вдругъ показались вы. Всѣ мои мрачныя мысли снова пробудились, и я увѣренъ теперь, что вы прїѣхали возвѣстить о смерти моего дорогого мальчика!» Можно представить изумленіе Кокса при этихъ словахъ. Онъ спросилъ у Уэльдъ, видалъ ли тотъ когда-нибудь раньше молодого человѣка въ черной рясѣ, на котораго Филиппъ смотрѣлъ съ счастливой улыбкой. «Никогда я его не видѣлъ, отвѣтилъ отецъ, но его черты настолько сильно запечатлѣлись въ моей памяти, что я его, конечно, узнаю, если когда-нибудь придется съ нимъ встрѣтиться».

«Д-ръ Коксъ разсказалъ потомъ моему отцу всѣ подробности смерти сына; она произошла въ тотъ самый часъ, когда мы видѣли Филиппа. Насъ, однако, утѣшилъ тотъ радостный взглядъ, который отецъ замѣтилъ на лицѣ Филиппа. Онъ намъ показался знакомъ его спасенія и его вѣчнаго блаженства».

«Г-нъ Уэльдъ отправился на похороны сына. Выходя изъ церкви, онъ сталъ искать, не представляетъ ли кто-нибудь изъ присутствующихъ духовныхъ лицъ сходства съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ, котораго онъ видѣлъ вмѣстѣ съ Филиппомъ. Но ни въ комъ онъ не нашелъ подобнаго сходства. Черезъ четыре мѣсяца Уэльдъ поѣхалъ къ своему брату въ Сиграмъ Галль (Ланкаширъ). Однажды вмѣстѣ съ своею дочерью онъ отправился въ сосѣднюю деревушку, Киппингъ. Отстоявъ богослуженіе въ мѣстномъ храмѣ, онъ попросилъ видѣться съ священникомъ. Такъ какъ пришлось подождать нѣкоторое время въ гостинной, то Уэльдъ принялся разсматривать украшавшія стѣну картины. Вдругъ, остановившись предъ однимъ изображеніемъ, не имѣвшимъ даже подписи, онъ воскликнулъ: «вотъ тотъ, котораго я видѣлъ вмѣстѣ съ Филиппомъ! Я не знаю, кто это, но я увѣренъ, что это именно компаньонъ моего сына!» Вскорѣ за этимъ вошелъ священникъ и объяснилъ, что это было наиболѣе вѣрное изображеніе Станислава

Кости. Уэльдъ былъ очень тронуть этимъ извѣстіемъ, такъ какъ онъ зналъ, что Станиславъ умеръ въ іезуитскомъ ордѣ еще очень юнымъ, что его сынъ питалъ къ нему особенное благоговѣніе. Вспомнилъ онъ также, что отецъ Станислава былъ благотворителемъ іезуитовъ, поэтому полагалъ, что члены этого ордена покровительствовали его семьѣ.

«Священникъ тотчасъ же предложилъ это изображеніе моему отцу, который принялъ его съ величайшимъ благоговѣніемъ и хранилъ до самой смерти».

Присоединимъ къ этому разсказу миссъ Екатерины Уэльдъ то, что и ее спросили, не имѣла ли она когда-либо подобныхъ галлюцинацій. Она отвѣтила, что этотъ случай былъ единственнымъ въ ея жизни.

Отмѣтимъ еще слѣдующую частность: здѣсь имѣемъ дѣло не съ иллюзіей во снѣ, возвѣщающей о событіи, происходящемъ на далекомъ разстояніи. Здѣсь видѣніе происходитъ среди бѣла дня, на общественномъ мѣстѣ, притомъ воспринимается двумя лицами, изъ которыхъ главный свидѣтель—почтенный отецъ семейства, который дѣйствуетъ и говоритъ на основаніи этого телепатическаго сообщенія.

Въ другомъ разсказѣ, опубликованномъ въ Нью-Йоркѣ въ 1898 г., сообщается о телепатическомъ извѣщеніи сразу въ двухъ различныхъ мѣстахъ.

Однажды утромъ нѣкто М. былъ внезапно разбуженъ, вскочилъ съ кровати и былъ охваченъ сильнымъ изумленіемъ: онъ увидѣлъ своего брата, который жилъ на далекомъ разстояніи. Братъ привѣтствовалъ его и сказалъ: «Я сейчасъ умру, поэтому распорядись моимъ состояніемъ такъ»... далѣе онъ объяснилъ, какъ должно быть раздѣлено его имущество. Видѣніе исчезло, но впечатлѣніе глубоко запало въ душу М... Нѣсколько часовъ спустя, прибывшая телеграмма сообщила о смерти его брата въ самый моментъ видѣнія. М. тотчасъ же отбылъ для приведенія въ порядокъ его дѣлъ. По дорогѣ онъ встрѣтился съ другимъ

своимъ братомъ, который сообщилъ ему слѣдующее: «въ это утро я былъ пораженъ страннымъ явленіемъ; мнѣ казалось, что я въ твоей комнатѣ, и находящійся вмѣстѣ съ нами братъ говорить: «я сейчасъ умру, поэтому распорядись моимъ состояніемъ такъ»... — и эти инструкціи были таковы же, какъ и другому брату. Семья покойнаго рассказывала, что за нѣсколько минутъ до смерти братъ М. впалъ въ бредъ, въ продолженіи котораго казался разговаривающимъ съ какими-то лицами о раздѣленіи своего состоянія.—Такимъ образомъ, двойное телепатическое сообщеніе устранило всякіе споры ¹⁾).

II.

Къ этимъ фактамъ мы могли бы присоединить массу другихъ, признанныхъ за достовѣрные людьми, заслуживающими полного довѣрія, учеными съ ихъ неоспоримой осторожностью. Такимъ образомъ, невозможно презрительно обходить эти странныя явленія, какъ незаслуживающія вниманія. «Когда мы обозрѣваемъ 600 случаевъ, сообщенныхъ въ нашей книгѣ (*Phantasms of the living*), говорятъ Джурней и Подморъ, когда мы рассматриваемъ эти факты, большая часть которыхъ была доставлена непосредственно отъ лицъ, намъ извѣстныхъ, мы не сомнѣваемся, что реальность этихъ телепатическихъ сообщеній на разстояніи будетъ рано или поздно принята непредубѣжденными умами» ²⁾).

Невозможно объяснить эти странные феномены внѣшнимъ вліяніемъ, подобнымъ, напримѣръ, удару электрическаго тока или ряду пересылаемыхъ колебаній. Здѣсь—последовательность образовъ и идей, иногда рѣчей, прика-

¹⁾ Рассказъ опубликованъ въ Нью-Йоркѣ сэромъ Остиномъ и воспроизведенъ въ „Civiltà“ отъ 2 дек. 1899 г.

²⁾ Proceedings.

завій, однимъ словомъ, рядъ живыхъ и выразительныхъ явленій. Это не простыя предчувствія, но опредѣленныя и ясныя указанія, соотвѣтствующія реальнымъ фактамъ, совершающимся въ одинъ и тотъ же моментъ на далекомъ разстояніи отъ получающаго о нихъ извѣстіе лица. Но какимъ же образомъ происходятъ эти отдаленныя сношенія? Черезъ какое посредство образы, мысли и желанія пересылаются заинтересованнымъ въ этомъ лицамъ иногда даже въ другое полушаріе? Щекотливый вопросъ для позитивиста, который не желаетъ ничего признавать по ту сторону матеріальнаго міра.

Въ глазахъ рационалистовъ всякое сверхъестественное объясненіе устранивается а priori. Телепатическіе феномены они пытаются объяснить единственно на основаніи дѣйствія силъ природы. Но и на этой почвѣ они далеко не согласны между собою.

Одни прибѣгаютъ къ ясновидѣнію ¹⁾—явленію гипнотическому или къ гиперестезіи при нѣкоторыхъ формахъ нервной болѣзни. Другіе вѣрятъ во вмѣшательство духовъ, какъ въ спиритизмъ. Нѣкоторые, предпочитая болѣе научныя объясненія, допускаютъ флюидъ, колебанія котораго далеко разносятъ мозговыя депеши, подобно телефону и телеграфу. Скажемъ нѣсколько словъ по поводу этихъ гипотезъ.

Извѣстно, что при нѣкоторыхъ болѣзняхъ чувствительность усиливается до такой степени, что субъектъ становится способнымъ видѣть предметы, невоспріемлемые въ обыкновенномъ состояніи. Отсюда многіе врачи заключаютъ, что при нервной гиперестезіи можно объяснить видѣнія объектовъ отдаленныхъ. Такъ, въ Италіи, въ 1894 г.

¹⁾ Природная и развиваемая способность нѣкоторыхъ субъектовъ къ созерцанію предметовъ, находящихся внѣ ихъ физическаго кругозора, напр., лицъ, сценъ, происходящихъ въ другомъ городѣ и тому под. Явленіе это произвольное; посредствующей средой въ такихъ случаяхъ является какой-нибудь свѣтопреломляющій предметъ: зеркало или кристаллъ, или просто сосудъ съ водой.

д-ръ Джіакки объявилъ, что телепатія представляетъ результатъ ясновидѣнія, обязаннаго своимъ существованіемъ нѣкоторымъ патологическимъ условіямъ ¹⁾.

Но это объясненіе никоимъ образомъ не вяжется съ разсматриваемыми нами фактами. Почти во всѣхъ опубликованныхъ разсказахъ лица, получающія извѣстія объ отдаленныхъ событіяхъ, далеко не невроты, страдающіе истеріей, но, напротивъ, люди совершенно здоровые, никогда не подвергавшіеся никакимъ галлюцинаціямъ.

Самъ д-ръ Джіакки указываетъ на фактъ, опровергающій его собственную теорію. «Въ 1853 г., говоритъ онъ въ письмѣ, опубликованномъ въ Реджіо въ 1893 г., я былъ студентомъ въ Пизѣ въ 18-лѣтнемъ возрастѣ. Все тогда мнѣ улыбалось, поэтому никакая мрачная мысль не возмущала моей мечты о будущемъ. 19-го апрѣля, ночью—во снѣ ли, на яву ли—но я увидѣлъ своего отца, распростертаго на постели, съ посинѣвшимъ лицомъ. Онъ говорилъ мнѣ ослабѣвающимъ голосомъ: «сынъ мой, дай мнѣ послѣдній поцѣлуй!» и онъ приложилъ свои холодѣющія уста къ моему рту. Одно только воспоминаніе объ этомъ до сихъ поръ еще приводитъ меня въ трепеть.— Немного раньше я получилъ отъ своего отца прекрасныя извѣстія, поэтому сначала я не хотѣлъ придавать значенія этому видѣнію, но тяжелое предчувствіе съ такою силою овладѣло моей душой, что на слѣдующій день, утромъ, не слушая ни доводовъ, ни просьбъ, я отбылъ во Флоренцію (въ 77 верст. отъ Пизы) съ печальнымъ видомъ приговореннаго къ казни. Едва переступилъ я порогъ своего дома, какъ на встрѣчу мнѣ выбѣжала мать, вся въ слезахъ, сообщая мнѣ, что въ предшествующую ночь, въ часъ моего видѣнія, мой отецъ внезапно скончался отъ болѣзни сердца» ²⁾.

¹⁾ Dr. Oscar Giacchi. Télépathie. Заимствовано изъ *Civiltà*, 3 Mars 1900, p. 516.

²⁾ Приводится въ *Civiltà cattolica* 4 sept. 1899. p. 678.

Изъ этого разсказа д-ра Джіакки видно, что не было никакого патологическаго состоянія, предрасполагавшаго его къ этому странному видѣнію. Точно также и въ большинствѣ разсматриваемыхъ нами фактовъ: лица, получающія извѣстія о далеко совершающихся событіяхъ, вполне нормальны, безъ всякаго слѣда нервной болѣзни.

По аналогичнымъ же соображеніямъ невозможно прибѣгать для объясненія приводимыхъ фактовъ къ гипнотизму или внушенію. Чтобы достигнуть ожидаемыхъ результатовъ, необходимъ субъектъ, предрасположенный къ тому, чтобы гипнотизеръ могъ проявить на немъ свою власть; въ особенности же необходимо дѣйствіе сильной воли предъ пациентомъ, которая заставляетъ его выполнять ея приказанія.

Въ телепатическихъ явленіяхъ мы не находимъ ни одного изъ этихъ условій. Предъ информируемымъ субъектомъ нѣтъ никого, кто внушалъ бы ему свои желанія. Если вы скажете, что въ данномъ случаѣ гипнотизеромъ является въ точкѣ отправленія родитель или другъ, который *желаетъ* сообщить издалика свои мысли, то посмотрите, сколько еще вы должны допустить гипотезъ: дѣйствующее лицо, о которомъ вы говорите, почти всегда кто-нибудь больной, слабый, иногда дитя. Какимъ образомъ каждый изъ нихъ можетъ проявить подобную власть надъ отсутствующимъ, никогда не гипнотизированнымъ имъ лицомъ? Какимъ образомъ, чрезъ посредство своей воли онъ можетъ сообщить свои мысли и приказанія на громадномъ отъ него разстояніи? Правда, я знаю, нѣкоторые гипнотизеры хвастались способностью заставить себя повиноваться при такихъ условіяхъ, но другіе представители этой, еще новой, науки не признаютъ за собою такого могущества. Д-ръ Брайдъ, одинъ изъ первыхъ изслѣдователей въ области гипнотизма, послѣ 20-лѣтнихъ опытовъ призналъ невозможнымъ усиліями воли достигнуть вліянія на разстояніи.

Спиритизмъ въ наши дни предлагается, какъ средство

общенія съ душами умершихъ для разрѣшенія проблемы нашего назначенія. Иногда медиумы возвѣщаютъ и о событіяхъ, происходящихъ въ данный моментъ на громаднѣмъ разстояніи. «Civiltà cattolica» (отъ 3-го февр. 1900) сообщаетъ о подобномъ фактѣ, который мы, въ свою очередь, считаемъ заслуживающимъ полнаго довѣрія. Разсказъ приводится со словъ извѣстнаго въ Италіи спирита, графа Боди де-Вемъ:

— Туринъ, 8 февр. 1899 г.—«Вечеромъ 2-го января 1898 года мы находились вокругъ стола для производства нашихъ обыкновенныхъ опытовъ. Едва мы положили руки на этотъ столъ, какъ раздалось 3 увѣдомляющихъ удара. Мы спросили какой духъ присутствовалъ, и тотъ отвѣтилъ намъ: «архіепископъ Неаполитанскій, Винцентъ Сарнелли». Изумленные этимъ отвѣтомъ мы спросили тогда: «развѣ онъ умеръ?—Да.—Когда?—Сегодня.—Сколько лѣтъ онъ жилъ? И столъ отбилъ 63 удара для обозначенія 63 лѣтъ. Должно замѣтить, что чрезъ журналы мы знали о болѣзни архіепископа, но не имѣли никакихъ извѣстій объ его возрастѣ и смерти»¹⁾.

Графъ Боди де-Вемъ сообщаетъ еще о двухъ подобныхъ же случаяхъ, происшедшихъ въ 1898 и 1899 гг. Въмѣстѣ съ «Civiltà» мы не имѣемъ никакихъ основаній подвергать ихъ сомнѣнію. Такъ же, какъ и другія, сообщенія этого рода имѣютъ за собою авторитетъ свидѣтелей самой безупречной искренности. Возможно ли приписать эти явленія душамъ, отдѣлившимся отъ тѣла и перешедшимъ уже въ иную жизнь? Спириты претендуютъ на рѣшеніе этого вопроса въ положительномъ смыслѣ. По крайней мѣрѣ, въ пользу этого свидѣтельствуютъ своими отвѣтами духи, вызываемые медиумами. Но если мы обратимся къ всеобщему опыту, то увидимъ, что мертвые не говорятъ и вообще не имѣютъ никакой возможности *естественнаго* сношенія съ живыми. Церковь учитъ, что душа умершаго

¹⁾ Civiltà, févr. 1900. p. 281—282.

существуетъ не для услугъ празднаго любопытства, поэтому она всегда запрещала суевѣрный обычай вызыванія мертвыхъ.

Впрочемъ, для насъ, чтобы увѣриться въ томъ, что агентомъ спиритическихъ сообщеній является *злой духъ*, достаточно ознакомиться съ мнѣніемъ самихъ спиритовъ Алланъ Кардекъ, одинъ изъ главныхъ спиритическихъ писателей, признается, что трудно видѣть здѣсь духовъ съ ихъ собственной природой. Другой глава спиритовъ. Елифаъзъ Леви ¹⁾, придерживается того же самаго мнѣнія. Обыкновенно вызываемые духи отрицаютъ догматы христіанства, въ особенности адъ и вѣчность мученій; иногда они даже допускаютъ непристойныя слова, лживыя рассказы, способные нарушить семейный миръ. Сумашествіе и самоубійство часто являются неизбѣжными слѣдствіями спиритической практики. Въ 1887 г., въ Лионѣ, только въ одномъ изъ домовъ для душевно-больныхъ насчитывалось до 40 лицъ, получившихъ умственное разстройство вслѣдствіе этихъ «вызываній». 20 лѣтъ тому назадъ, въ Америкѣ, на 6 случаевъ помѣшательства и самоубійствъ, одинъ былъ слѣдствіемъ указанной причины ²⁾.

Отсюда, вмѣстѣ съ д-ромъ Дюнандомъ, можно вывести такое заключеніе: «позади того, что Месмеръ и его ученики называютъ магнетизмомъ, скрываются демоны». То же самое признаніе послѣ долгой спиритической практики дѣлаетъ баронъ Потэ: «я не вѣрилъ въ дьявола, говоритъ онъ, но теперь мой скептицизмъ побѣжденъ».

Александръ Аксаковъ, бывшій редакторъ выходившаго въ Лейпцигѣ журнала «*Etudes psychiques*», въ продолженіи 40 лѣтъ занимавшійся изслѣдованіемъ спиритическихъ феноменовъ, собралъ тысячи свидѣтельствъ и констатировалъ физическіе эффекты, производимые безъ участія медиума, и проявленія интеллектуальнаго порядка, «обязы-

¹⁾ La Clef des grands Mystères. Paris 1864, p. 264.

²⁾ P. Lescoeur, Annales de Philosophie chrétienne, février 1896.

вающія насъ признать разумную силу внѣ медиума». Онъ находилъ, что указанные феномены вполне реальны, но въ то же время онъ добавляетъ: «мнѣ думается, что всякій благоразумный изслѣдователь долженъ быть пораженъ двумя неоспоримыми фактами: очевиднымъ автоматизмомъ сообщеній духовъ и столь же очевидной, непристойной лживостью содержанія этихъ сообщеній. Великія имена, которыми они столь часто прикрываются, служатъ доказательствомъ того, что эти извѣщенія на самомъ дѣлѣ далеко не таковы, какими кажутся». Аксаковъ въ своихъ откровеніяхъ искалъ свѣта для рѣшенія проблемы будущаго. «Но онъ не только не находился, а, напротивъ, банальностью сообщеній, лживымъ и мистифицирующимъ характеромъ большинства этихъ извѣщеній указанная проблема еще болѣе запутывалась»¹⁾.

Такимъ образомъ, не въ спиритизмѣ мы должны искать *естественнаго* объясненія телепатическихъ явленій. Явленія же спиритизма обязаны хотя и высшему агенту, но за то злему, діаволу.

Явленія, о которыхъ мы ведемъ рѣчь, совершенно другого порядка. Они не требуютъ участія медиума, а непосредственно сообщаются лицамъ, которыя совсѣмъ о нихъ не помышляли.

Но опять таки, какимъ образомъ пересылаются сообщенія? Къ указаннымъ гипотезамъ можно было бы присоединить и нѣсколько другихъ, болѣе или менѣе фантастичныхъ, напримѣръ, гипотезу астральнаго тѣла, или периспирита, отдѣляющагося отъ агента, источника вѣсти, и отправляющагося искать необходимое лицо. Но, во-первыхъ, кто доказалъ ихъ существованіе, а во-вторыхъ, какимъ образомъ дѣйствующее, какъ точка отправленія, лицо, агентъ, можетъ существовать безъ жизненной силы, являющейся какъ бы тонкою связью между душою и тѣломъ? Какимъ образомъ этотъ посредникъ можетъ стран-

¹⁾ P. Lescœur. Annales de Philosophie chrétienne, mai 1899.

ствовать самъ собою безъ тѣла и безъ души, которыя онъ долженъ соединять. — Итакъ, оставимъ периспиритаутопистамъ-спиритамъ и поищемъ другихъ болѣе научныхъ объясненій.

Болѣе вѣка тому назадъ для объясненія животнаго магнетизма и его дѣйствій Месмеръ прибѣгалъ къ предположенію разлитого во вселенной флюида, служащаго посредникомъ какъ между одушевленными существами, такъ и между небесными тѣлами. «Различныя движенія, производимыя мыслью въ мозгу и въ субстанціи нервной системы, будучи сообщены флюиду, съ которымъ эта субстанція находится въ непрерывной связи, могутъ распространяться на безконечное разстояніе и передаваться вну-треннему чувству другого индивидуума» ¹⁾.

Такимъ образомъ, говорилъ Месмеръ, магнетизируемые субъекты находятся въ непрерывной между собою связи.

Многіе ученые, занятые въ настоящее время изученіемъ телепатическихъ феноменовъ, прибѣгаютъ къ объясненіямъ при помощи подобнаго же флюида.

Д-ръ Льебольтъ ²⁾, профессоръ университетскаго отдѣленія въ Нанси, писалъ въ 1891 году:

«Я не боюсь высказать предположеніе, что если, при нѣкоторыхъ органическихъ состояніяхъ, чувство и мозгъ человѣка способны воспринимать болѣе живыя впечатлѣнія и вырабатывать интеллектуальныя процессы болѣе сложные, чѣмъ обыкновенно, то эти же самые органы, въ тѣхъ же самыхъ состояніяхъ, въ особенности у нѣкоторыхъ чрезвычайно чувствительныхъ субъектовъ, могутъ функціонировать съ такою утонченной чувствительностью, какая еще и не подозрѣвалась. Такъ, напримѣръ, если нѣкоторыми непредубѣжденными умами допускается, что вибраціи, колебанія, происходящія отъ соприкосновенія между усыпителемъ и усыпляемымъ, не только овладѣ-

¹⁾ Mémoire de Mesmer sur ses découvertes, 1778, Paris 1828, p. 17-

²⁾ Dr. Liébeault, Thérapeutique suggestive, 1891, p. 279.

звѣаютъ этимъ послѣднимъ, но и становятся понятными его сознанію, то нельзя не признать того, что, какъ и въ значительномъ числѣ принимаемыхъ всѣми физическими феноменовъ, волнообразныя колебанія могутъ пересылаться сначала по воздуху, а потомъ ощущаться и перетолковываться на громадномъ разстояніи нѣкоторыми нервными субъектами».

Аббатъ Гейро высказалъ и поддерживалъ подобное же объясненіе предъ «Обществомъ психическихъ наукъ» (въ январск. засѣд. 1896 г.). Существуетъ извѣстная матеріальная среда, посредствомъ которой, при нашихъ ежедневныхъ сношеніяхъ съ людьми, видимый образъ предмета переходитъ въ мозговую. «Почему же, говоритъ онъ, не допустить существованія еще болѣе тонкой среды, способной пересылать наружу въ видѣ образовъ чрезвычайной интенсивности психофизиологическіе процессы мозга?.. Я говорю лишь о *возможности*, а не о *реальности* существованія подобной среды» ¹⁾.

По поводу подобныхъ объясненій телепатическихъ явленій д-ръ Сюрбле высказывалъ такія справедливыя замѣчанія: «Наука, говоритъ онъ, не строится на возможностяхъ, но на фактахъ, между тѣмъ какъ эти послѣдніе не указываютъ на существованіе болѣе или менѣе тонкой матеріальной среды, способной пересылать образы изъ одного мозга въ другой. На основаніи послѣднихъ трудовъ по неврологіи подобныя пересылки образовавшихся въ мозгу образовъ не могутъ быть названы и физическимъ *движеніемъ*. Наконецъ, — самое фундаментальное и неопровержимое возраженіе—*волевое направленіе* къ данному мозгу, допустимое при умственномъ внушеніи, совершенно не существуетъ въ телепатіи: телепатическое впечатлѣніе внезапно, неожиданно, совершается безъ всякаго предчувствія и нисколько не объясняетъ, какимъ образомъ «психическій потокъ», который предполагается ис-

¹⁾ La Quinzaine, 1896, p. 20—28.

ходящимъ изъ мозга одного лица, чтобы достигнуть мозга того или иного другого субъекта, какимъ образомъ, повторыю, онъ достигаетъ одного объекта, тогда какъ родные или друзья умирающаго или страдающаго лица бываютъ многочисленны»¹⁾.

Д-ръ Сюрбле входитъ также и въ оцѣнку магнетическихъ истеченій, посредствомъ которыхъ будто-бы производится экстеріоризація чувствительности, или какого-то *ода*, способнаго овладѣть чувствительностью субъекта и перенести ее на разстояніе. Требуется недюжинная вѣра, говоритъ онъ, чтобы предполагать, что чувствительность одного лица можетъ отдѣлиться отъ его тѣла и существовать вдали въ видѣ послѣдовательнаго ряда волнъ. Кромѣ того необходимо, чтобы субъектъ, чувствительность котораго, такимъ образомъ, входитъ въ непрерывную цѣпь съ этими волнообразными колебаніями, «былъ погруженъ въ глубокой гипнозъ; между тѣмъ какъ въ большинствѣ случаевъ, телепатія не предполагаетъ ни глубокой, ни посредственной, ни даже легкой формы гипнотическаго сна; феномены происходятъ въ бодрственомъ и сознательномъ состояніи»²⁾.

Впрочемъ, и въ настоящее время не оставлена еще тенденція объяснять передачу вибрацій и, слѣдовательно, мозговыхъ образовъ при помощи указанной уже среды.

Пытались даже въ беспроводномъ телеграфѣ найти намеки на то, что соединяетъ умы людей, разъединенныхъ между собою громадными разстояніями.

Англійскій ученый Вильямъ Круксъ, извѣстный своими трудами и открытіями, выступилъ съ этой теоріей въ одной изъ своихъ лекцій, опубликованной въ концѣ 1898 г. Вотъ нѣкоторыя изъ его мыслей³⁾:

«Телепатія, говорилъ онъ своимъ слушателямъ, или

¹⁾ Revue du monde invisible, 15 juin 1898, p. 21.

²⁾ Ibid I. p. 22.

³⁾ Цитир. по Civiltà, 2 juin 1900, p. 542.

передача мыслей и представлений на разстояніи и при томъ безъ посредства тѣлесныхъ органовъ, концепція новая, но тѣмъ не менѣе приобрѣтшая уже къ себѣ нѣкоторое довѣріе. Чтобы дать объясненіе этимъ явленіямъ, вспомнимъ, какимъ образомъ передается бѣольшая часть чувственныхъ феноменовъ. Посредствомъ воздушныхъ колебаній распространяются звуки съ ихъ различными отѣнками. Другія колебанія происходятъ въ эфирѣ; количество колебаній, обнаруживающихся въ формѣ электричества, равно 33 милліардамъ въ секунду. Свѣтотыя колебанія по своему количеству варьируются отъ 450 до 750 триліоновъ въ секунду. Количество колебаній въ рентгеновскихъ лучахъ еще болѣе того. И такъ какъ эти лучи проникаютъ въ различную среду, то нельзя ли предположить еще и другіе, способные проходить черезъ массу препятствій и нести на далекое разстояніе, такъ сказать, мозговыя депеши? Вотъ единственно научная гипотеза, которую можно приложить къ телепатическимъ феноменамъ, не прибѣгая къ сверхъестественнымъ агентамъ — говорить г-нъ Круксъ.

Дать естественное объясненіе этимъ явленіямъ невозможно, не прибѣгая къ массѣ бесплодныхъ гипотезъ. Вы предполагаете, что существуетъ агентъ, способный испускать лучи, проходящіе чрезъ громадныя разстоянія, иногда даже въ другое полушаріе. Но можетъ ли обладать такою способностью, которая не подъ силу даже цвѣтущему здоровью, мозгъ больного или умирающаго?

Вы сравниваете волнообразныя колебанія магнетическаго флюида съ колебаніями, опредѣляющими собою электрическую искру. Вы предполагаете за первыми способность пронизывать горы и долины, однимъ словомъ, тысячи препятствій, — но неужели между встрѣчными тѣлами не найдется ни одного, способнаго остановить вибрирующую волну? Если, какъ это много разъ случалось, вѣсть идетъ изъ другого полушарія, то этотъ потокъ колебаній долженъ пройти бѣольшую часть земнаго шара, —

неужели же мозгъ умирающаго способенъ на подобныя чудеса!

Но это еще не все: какимъ образомъ вѣсть придетъ по назначенію? Первоначальный агентъ ея не управляетъ: почти всегда онъ совершенно не знаетъ опредѣленно, гдѣ находится лицо, долженствующее получить извѣстіе, — и однако извѣстіе это прямо доходитъ до заинтересованнаго субъекта, въ какомъ бы мѣстѣ онъ ни находился.

На это вы отвѣтите, безъ сомнѣнія, что телепатическіе лучи распространяются во всевозможныхъ направленіяхъ и, такимъ образомъ, всегда могутъ достигнуть заинтересованнаго лица. Пусть такъ, но въ своемъ волнообразномъ поступательномъ движеніи эти лучи встрѣчаютъ тысячи постороннихъ лицъ; и, однако, лишь одно изъ нихъ замѣчаетъ ихъ и понимаетъ, между тѣмъ какъ другія не чувствуютъ ни малѣйшаго намека. Вы скажете, что удивляемый субъектъ представляетъ удобную для этого почву, что его мозгъ вибрируетъ въ унисонъ съ мозгомъ, служащимъ точкою отправленія. Но, въ такомъ случаѣ, почему среди милліона человѣческихъ мозговъ, находящихся на пути этого вибраціоннаго потока, не встрѣчается ни одного съ такими симпатическими колебаніями? Наконецъ, существуетъ масса вѣстей, которыя никакимъ образомъ не могутъ быть пересланы подобнымъ образомъ.

Телеграфъ можетъ на далекое разстояніе посылать возбуждаемыя имъ колебанія. Но ни одинъ телеграфическій аппаратъ не можетъ воспроизводить картинъ или живыхъ сценъ, между тѣмъ какъ телепатическія сообщенія показываютъ намъ живыхъ лицъ, которыя говорятъ и дѣйствуютъ, какъ на яву. Такъ д-ръ Джіакки видитъ своего умирающаго отца, онъ слышитъ его и получаетъ изъ его леденѣющихъ устъ послѣдній поцѣлуй. Г-нъ М. почти въ самый моментъ смерти является своимъ двумъ отдаленнымъ другъ отъ друга братьямъ и объявляетъ имъ свою послѣднюю волю. Что еще болѣе необъяснимо, если имѣть въ виду гипотезу Крукса, такъ это явное различіе, кото-

рое существуетъ между настоящею сценою въ точкѣ отправления и самымъ видѣніемъ. Въ исторіи Филиппа Уэльда, напримѣръ, мы, съ одной стороны, видимъ мальчика, погибающаго въ волнахъ рѣки,—съ другой, въ видѣніи,—этого же мальчика, появляющагося своему отцу и сестрѣ при совершенно иной обстановкѣ: на улицѣ, въ сопровожденіи двухъ лицъ, на одного изъ которыхъ онъ смотрѣлъ съ улыбкой счастья на лицѣ.

Въ массѣ другихъ телепатическихъ фактовъ мы встречаемъ тѣ же болѣе или менѣе бросающіяся въ глаза различія.

22-го декабря 1883 г. Фитчъ, генераль английской арміи въ Индіи, писалъ директору лондонской «психической комиссіи»: «Я жилъ въ самой тѣсной дружбѣ съ однимъ изъ моихъ старыхъ школьныхъ товарищей, ставшимъ потомъ моимъ другомъ въ Университетѣ. Много лѣтъ утекло съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись другъ съ другомъ. Вставши однажды утромъ, я принялся одѣваться — какъ вдругъ мой старый товарищъ вошелъ въ мою комнату. Я принялъ его чрезвычайно радушно и предложилъ ему на верандѣ чашку чая, общавъ присоединиться къ нему въ самомъ непродолжительномъ времени. Скоро одѣвшись, я вышелъ на веранду, но, къ моему изумленію, я никого тамъ не засталъ. Я подозвалъ часового, стоявшаго у моего дома, но онъ никого не замѣтилъ. Слуги также увѣряли меня, что не видѣли никого входящимъ въ домъ. Между тѣмъ, однако, я былъ убѣжденъ, что видѣлъ своего друга, въ чемъ даже могу дать клятву.—15 дней спустя я получилъ извѣстіе, что онъ умеръ въ тотъ самый моментъ, когда я его видѣлъ. Насъ отдѣляло 600 миль»¹⁾).

Безъ сомнѣнія, такое посѣщеніе не представляетъ изъ себя простаго воспроизведенія умирающаго въ тотъ моментъ лица.

¹⁾ Изъ *Hallucinations télépathiques.*

Еще болѣе рѣзкое различіе между видѣніемъ и дѣйствительностью мы находимъ въ фактѣ, сообщаемомъ «Civiltá Cattolica».

Францискъ Сали-Севи, одинъ изъ редакторовъ этого журнала, умеръ въ Генуѣ въ 1898 году. Черезъ нѣсколько дней послѣ его смерти въ этомъ городѣ было получено изъ Версаля письмо отъ одной дамы французженки, почитательницы Сали-Севи, съ безпокойствомъ просившей извѣстій о немъ. Она своими собственными глазами видѣла его идущимъ по улицѣ того города, гдѣ она жила. Сначала она сочла это за ошибку, но онъ такъ близко прошелъ отъ нея, что она уже съ увѣренностью могла сказать: «это онъ!» Между тѣмъ, не посмотрѣвъ на нее и ничего не сказавъ, Сали продолжалъ идти и затѣмъ исчезъ. Дама отмѣтила часъ этого видѣнія, и онъ оказался часомъ смерти Сали.

Вотъ и еще лишній примѣръ того, что телепатическое видѣніе не представляетъ собою своего рода фотографіи первоначальнаго дѣйствительнаго факта. Теперь, — какимъ же образомъ колебанія флюида могутъ такъ исказить, передѣлать образъ и внѣшнее выраженіе факта?

Итакъ, массу телепатическихъ феноменовъ невозможно объяснить простыми волнообразными колебаніями. Они не въ состояніи заставить появиться, какъ живыя реальности, лицъ, живущихъ въ отдаленныхъ странахъ.

Никакое чисто физическое посредство недостаточно при такихъ сношеніяхъ. Чтобы диктовать мысли и приказанія, необходимъ другой высшій агентъ, агентъ духовный, способный дѣйствовать на чувства информируемаго субъекта.

Н. М.

(Окончаніе слѣдуетъ).

УРОКИ ХРИСТИАНСКАГО ДѢЛАНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПАТЕРИКА ПЕЧЕРСКАГО.

Начало премудрости—страхъ Господень.

(Къ 19-му Ноября—дню памяти преподобнаго отца нашего Варлаама, игумена, бывшаго въ пещерѣ еще прежде созданія монастыря Печерскаго).

Во дни преподобныхъ отецъ Антонія, Θεодосія и Никона Печерскихъ частымъ посѣтителемъ этихъ богоносныхъ мужей былъ юный Варлаамъ, сынъ Іоанна, перваго боярина князя Изяслава... Итакъ возлюбилъ сынъ боярскій преподобныхъ, что рѣшилъ оставить славу и богатство и вся красная міра сего, и жить съ подвижниками Печерскими: устрашили его слова Господни, между прочими, слышанныя имъ отъ старцевъ Печерскихъ, что *удобѣе есть велбуду сквозъ илмыны уши проити, неже богату въ царствіе Божіе внити* (Мѡ. 19, 24),—и свершился рѣшительный поворотъ, оставлено все суетное и тлѣнное, и богатый бояринъ Варлаамъ вскорѣ становится инокомъ, ничтоже имущимъ, но вся содержащимъ, ибо кто помышляетъ о единомъ на потребу и сіе полагаетъ главною цѣлью своего земнаго дѣланія, тотъ воистину *вся* содержитъ, тотъ обладаетъ богатствомъ негибнущимъ, пищей и питіемъ неисчерпаемыми... Съ благословенія преподобнаго Антонія, отъ руки блаженнаго Никона, постригается юный ревнитель иноческаго житія въ мантию и *облекается во вся орудіе Божіе, яко воз-*

мощи ему стати противу кознемъ діавольскимъ (Ефес. 6, 11), а таковыхъ особенно много приходится претерпѣвать инокамъ... Сильную ихъ бурю пришлось вынести и преподобному Варлааму... Но ни прещенія отца, ни слезы и рыданія матери, ни мольбы молодой жены—ничто не могло возвратить Варлаама къ оставленному мірскому житію... За молитвами преподобныхъ Печерскихъ, Господь, видя терпѣніе и смиреніе блаженнаго, обратилъ жестокое сердце отца на милость къ сыну своему, и Варлаамъ избавился отъ сѣтей ловащихъ и окончательно водворился въ пещерѣ, гдѣ въ благоцвѣтущей юности старческія добродѣтели и подвиги проявилъ... Удаляясь же въ пещерный затворъ, преп. Антоній поставилъ вмѣсто себя игуменомъ Варлаама. Но вскорѣ св. Варлаамъ, по волѣ великаго князя Изяслава, переведень былъ въ великокняжескій монастырь св. великомученика Димитрія. Будучи настоятелемъ этой обители, путешествовалъ въ Іерусалимъ, на поклоненіе св. мѣстамъ, а другой разъ, по монастырскимъ дѣламъ, ѣздилъ въ Константинополь. Возвращаясь откуда, заболѣлъ и почилъ о Господѣ въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. Предъ отшествіемъ въ инъ міръ завѣщалъ тѣло его перенести въ монастырь Печерскій, гдѣ и донинѣ честныя его мощи нетлѣнными въ пещерѣ пребываютъ. Его же молитвами да сподобимся и мы наслѣдниками быть отечества нашего небеснаго. Для сего вспомнимъ совершившійся поворотъ въ жизни блаженнаго мужа, когда онъ удалился и водворился въ пустыни, чаяхъ Бога, спасающаго отъ малодушія и бури... Узкій и прискорбный путь иноческаго житія св. мужъ предпочелъ широкому и пространному пути, ведущему многихъ въ пагубу... Къ сему рѣшительному шагу побудилъ его *страхъ Господень*, страхъ вѣчнаго за грѣхи осужденія, и се воистину — *начало премудрости*, т. е. начало дѣятельной заботы о спасеніи. *Услышахъ слухъ Твой, Господи, и убояхся*—такъ было и съ преподобнымъ при слышаніи словесъ Христовыхъ о трудности богатому внити въ цар-

ствіе Божіе. Такъ бываетъ и со всѣми нами, когда отъ суетнаго и невнимательнаго житія обращаемся на путь спасенія. Вспомни каждый въ жизни своей обстоятельства сего обращенія—всегда исходною точкою бываетъ страхъ Господень, приводящій къ мысли о *вѣчномъ воздаяніи*, и се есть начало разумнаго о Господѣ житія, *начало премудрости*, ибо тотъ только премудръ, кто созидаетъ свое спасеніе на твердомъ основаніи слова Божія и ученія св. Церкви, а не на пескѣ суемудренныхъ мечтаній *земныхъ* человѣковъ, *земная* мудрствующихъ. *Горняя мудрствуйте, вышнихъ ищите* (Колос. 3, 2, 1), заповѣдуетъ Апостоль, и такъ дѣйствительно и постѹпаетъ христіанинъ, званіе это не только по имени носящій, но отъ всей души и отъ всего помышленія стремящійся къ почести вышняго званія о Христѣ Іисусѣ. И помышленіе о достиженіи этого высокаго званія небснаго человѣка зароняется въ душу подобно искрѣ, которая, постепенно разгораясь, охватываетъ все существо человѣческое и содѣлываетъ часто изъ суетнаго грѣшника—свѣтильника вѣры и благочестія. Преподобный Варлаамъ взялъ на себя не легкое бремя иноческаго житія, но это удѣлъ необязательный, удѣлъ добровольнаго самоотреченія, удѣлъ высокихъ подвиговъ, которые *не встѣмъ* подѣ силу. Но *для всѣхъ* обязательно шествованіе путемъ 'Христовыхъ заповѣдей, для всѣхъ обязательно памятованіе о добромъ отвѣтѣ на страшнѣмъ судищи Христовѣ, для всѣхъ обязательно трезвенное житіе въ страхѣ Божіемъ... «Страхъ Божій не попускаетъ прельщаться красотою міра сего» ¹⁾, говоритъ Святитель Тихонъ Задонскій. «Взираетъ Царь небесный и похваляетъ тѣхъ единыхъ, которые путемъ заповѣдей Его и терпѣнія текутъ, несутъ благое иго Его; и вѣнцы имъ не увядающіе, но неувядающіе, и почести не временныя, но вѣчныя готовить, а съ пространнаго пути всѣхъ созываетъ и призываетъ на путь тѣсный.

¹⁾ Творенія св. Тихона, изд. 1889 г. т. 2-й, стр. 233.

Послушаемъ, христіане, небснаго Царя, пока зоветъ, Котораго неотмѣнно слушать должны. О, пора, пора, *время сотворити Господеву!* Вотъ и путь сокращается; вотъ близъ конецъ; ближе къ концу учинилися сегодня, нежели вчера; и не знаемъ, когда скончаемъ его. Вотъ *Грядый придетъ и не закоснитъ, и воздастъ всякому по дѣломъ его*¹⁾.

Сіе соержа въ памяти, помолимся преподобному и богоносному отцу нашему Варлааму, да молитвеннымъ его предстательствомъ и намъ ниспосланъ будетъ спасительный *страхъ Господень*, имъ же ограждаемы, потщимся стяжать *премудрость*, сокрытую отъ премудрыхъ и разумныхъ и открытую младенцамъ, и сія премудрость приведетъ насъ туда, куда всѣхъ Господь многомилостивый призываетъ: *приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мѣ. 11, 28)!

А. З.

¹⁾ Тамъ-же, т. 5-й, стр. 297.

Нѣкоторые типы православнаго духовенства въ современной русской литературѣ.

Современная русская беллетристика, какъ и прежде, удѣляетъ довольно много мѣста православному духовенству. Но только радоваться этому отнюдь не приходится. Положительныхъ типовъ нѣтъ почти совсѣмъ: текущая литература, желая покончить съ вѣрой, выводитъ духовенство почти только для осмѣянія и оплеванія. Поэтому и говорить о выводимыхъ въ современной русской беллетристикѣ типахъ православнаго духовенства приходится лишь очень немного. Да и при этомъ говорить приходится не столько о положительныхъ типахъ, сколько о болѣе интересныхъ или о такихъ, которые положительно требуютъ разбора.

Въ іюльской и августовской книжкахъ *Историческаго Вѣстника* за 1908 годъ напечатанъ рассказъ С. Лазарева «На службѣ Богу». Рассказъ, по увѣренію автора, передаетъ дѣйствительный случай (нужно сказать — довольно таки маловѣроятный) и относится имъ къ самому концу шестидесятихъ годовъ. Сущность рассказа заключается въ слѣдующемъ. Сельскій дьяконъ Иванъ Ростиславинъ, студентъ семинаріи, уже болѣе двадцати лѣтъ состоящій на приходѣ, рѣшается, наконецъ, благодаря настояніямъ своей супруги, столкнуть своего священника отца Θεодора, человека вообще достойнаго, съ мѣста и самъ занять его. И, благодаря столоначальнику консисторіи, ему удается это сдѣлать. Безъ справокъ, безъ суда и слѣдствія, отца

Ѳеодора увольняютъ за штатъ, и Ростиславинъ занимаетъ его мѣсто. Отецъ Ѳеодоръ переноситъ неожиданно и незаслуженно свалившееся на его голову несчастье съ покорностью и терпѣніемъ, и Богъ вознаграждаетъ его за это. Случайно о его дѣлѣ узнаетъ одна видная губернская дама и вступается за него; дѣло его пересматривается, и въ результатѣ Ростиславинъ, къ величайшей своей досадѣ, переводится на другой приходъ, а мѣсто его предоставляется зятю о. Ѳеодора.

Въ разсказѣ, помимо самого отца Ѳеодора, выведено и еще нѣсколько духовныхъ лицъ.

Самъ отецъ Ѳеодоръ за свою ласковость и радушіе или «простоту», какъ говорятъ въ деревнѣ, «пользовался искреннею любовью прихода. Онъ всегда былъ готовъ идти на встрѣчу горю своихъ духовныхъ чадъ и матеріальною помощью и добрымъ совѣтомъ. Далекю за предѣлы своего прихода славился отецъ Ѳеодоръ своимъ умѣньемъ врачевать тѣлесныя немощи и людей, и животныхъ. Онъ съ малолѣтства выросъ среди природы и страстно любилъ ее. Обучаясь въ семинаріи, онъ проявилъ особую любовь къ ботаникѣ и охотно изучалъ о цѣлебныхъ свойствахъ травокъ Божіихъ. Извѣдавъ многократно эти свойства на себѣ лично и на домашнихъ съ несомнѣнною пользою, онъ сталъ помогать и темному сельскому люду. Домашняя аптека о. Ѳеодора была постоянно полна всякими самодѣльными медикаментами. Тутъ были и настойки, и экстракты, и мази, и порошки, и отвары, и всевозможные пластыри. Ранней весной батюшка ходилъ по лѣсамъ, полямъ, берегамъ ручейковъ, по горамъ и оврагамъ... и собиралъ древесную почку, цвѣточныя лепестки, листья и корни для своей аптеки. У него былъ устроенъ своеобразный дорожный ящичекъ, низъ котораго раскрывался на петляхъ и представлялъ рядъ гнѣздъ для бутылокъ. Подъ этими бутылками былъ выдвижной ящикъ для болѣе мелкихъ спешій. Въ откидной крышкѣ помѣщались корпія и бинты. Отправляясь съ требюю, батюшка бралъ этотъ ларецъ съ собою.

и, исполнивъ духовную потребу, принимался за исполненіе долга человеколюбія. Такимъ образомъ, отецъ Θεодоръ былъ врачомъ душъ и тѣлесъ. Очень и очень многихъ спасъ этотъ доморощенный врачъ отъ преждевременной смерти. Помогалъ отецъ Θεодоръ и въ болѣзняхъ скота. Сельскій людъ, угнетенный тяготою жизни въ эпоху крѣпостничества, въ которую еще пришлось служить отцу Θεодору, мало видѣлъ заботъ о себѣ и мало былъ избавованъ въ этомъ отношеніи. Среди общаго невѣжества врача замѣняло знахарство. Своего рода «знахаремъ» былъ и отецъ Θεодоръ. Любовное, истинно пастырское отношеніе къ себѣ священника-знахаря крестьяне очень цѣнили и платили добромъ за добро... Большинство его сельскихъ работъ исполнялось по очереди крестьянами ради расположенія къ своему духовному отцу... — Въ очень симпатичномъ видѣ выведены и жена отца Θεодора, и дочь его, а также и зять и преемникъ его по приходу, священникъ.

Въ симпатичномъ же видѣ изображенъ въ разсказѣ и другой священникъ, на этотъ разъ уже городской, отецъ Константинъ Зыкинъ.

Отецъ Константинъ былъ «очень симпатичный и по наружности, и по душѣ батюшка. Средняго роста, коренастый, полнолицый, съ загаромъ на обрамленномъ окладистой круглой бородкой лицѣ, онъ на всѣхъ съ перваго же раза производилъ прекрасное впечатлѣніе. По душѣ онъ былъ добрымъ, открытымъ, сердечнымъ и тактичнымъ человекомъ, и эти свои свойства, унаслѣдованныя отъ родителей, проявлялъ въ своемъ пастырскомъ служеніи. Постоянная задушевность, готовность выслушать каждаго и дать добрый совѣтъ, широкая общительность снискали ему общую любовь. Въ приходѣ онъ пользовался сильнымъ вліяніемъ и авторитетомъ. Былъ извѣстенъ съ хорошей стороны отецъ Константинъ и горожанамъ. Этою извѣстностью онъ пользовался, ходатайствуя за всѣхъ нуждающихся, которые обращались къ нему. За кого-нибудь да

хлопоталъ онъ постоянно. То устраивалъ сиротъ, то при-
искивалъ мѣсто, то былъ занятъ судьбою болящаго, вы-
зывалъ къ нему врача (даже самъ лѣчилъ и давалъ ле-
карства), то писалъ прошенія, духовныя завѣщанія и пр. >...
И хотя въ церкви проповѣдей говорилъ мало, зато «въ
церкви былъ истиннымъ проповѣдникомъ, убѣжденнымъ и
краснорѣчивымъ... Сердечность и задушевность тона иску-
пали всѣ недостатки его живой проповѣди, и потому его
слово всегда было и живо, и дѣйственно... и дѣйствовало
онъ здѣсь оригинально и жизненно цѣлесообразно. Много
семейныхъ раздоровъ и неурядицъ было улажено имъ,
много отерто женскихъ слезъ. Матушка была по всему
подъ пару отцу Константину. Выйдя, какъ и мужъ, изъ
деревенской духовной среды и будучи знакома съ нуждою
по опыту дѣтства, она была отзывчива и внимательна ко
всѣмъ» и была въ высшей степени гостепріимна и ра-
душна.

Когда является къ нему Ростиславинъ — за совѣтомъ,
какъ столкнуть съ мѣста отца Θεодора, онъ сильно сму-
щается и старается отговорить Ростиславина отъ его не-
честной затѣи. Къ духовенству, особенно къ престарѣ-
лому, онъ былъ неравнодушенъ: какъ отца родного, чтить
каждаго старца, по завѣту Писанія: почти лицо старче.
И его коробитъ отъ желанія Ростиславина попасть на
живое мѣсто.

Въ привлекательномъ видѣ изображенъ, наконецъ, и
престарѣлый консисторскій протоіерей Большиковъ. Это
былъ сановитый батюшка. «Его степенную, внуши-
тельную фигуру можно было узнать издалека. Ходилъ
онъ въ камилавкѣ, съ высокимъ жезломъ, мелкой стар-
ческой походкой. Его морщинистое, обрамленное сѣдыми
баками и бороною лицо, было ласково и благодушно...
Онъ (несмотря на старость) состоялъ законоучителемъ въ
трехъ низшихъ школахъ, въ прогимназіи и реальномъ,
служилъ въ безчисленныхъ комитетахъ и обществахъ, со-
стоялъ членомъ ревизіонныхъ и повѣрочныхъ комиссій,

завѣдывалъ постройками и проч. и проч. Знамя свое Большиковъ держалъ высоко. Иерействомъ дорожилъ и боялся чѣмъ-либо уронить его... Храмъ его, какъ центральный, посѣщало много богомольцевъ... И онъ «любилъ свой храмъ и дѣлалъ все возможное для поддержаніи его въ должномъ благолѣпіи. Храмъ сіялъ позолотою и изобиловалъ дорогою утварью. Служба совершалась ежедневно и истово. По праздничнымъ и воскреснымъ днямъ пѣли собственные пѣвчіе. Сановитый, голосистый дьяконъ былъ подъ пару настоятелю. Большиковъ говорилъ поученія каждый день, несмотря на количество богомольцевъ. Особенно исправно велось поминовеніе сорокоустныхъ и годовыхъ, и это привлекало молящихся»... Большиковъ принимаетъ Ростиславина, явившагося къ нему за содѣйствіемъ, очень ласково, но узнавъ суть его просьбы, не только отказываетъ ему, но еще и даетъ ему хороший нагоняй.

Тѣмъ не менѣе въ рассказѣ немало выходовъ, сентенцій и пословицъ по адресу духовенства. Черезчуръ уже большое значеніе придается консисторіи и не къ чести для нея. Правда, это было въ прежнее время.

Довольно оригинальные, хотя трудно сказать, насколько правдивые, типы выведены въ рассказѣ извѣстной писательницы Дмитріевой «Непримиримые» (*Русское Богатство* сентябрь 1908 г.). Въ современной политической неразберихѣ духовенство иногда довольно рѣшительно и не всегда удачно примыкаетъ къ какой-либо изъ партій, и современная беллетристика не прочь иногда затронуть такіе типы. Но тогда какъ одни изъ беллетристовъ стараются выставить духовныхъ лицъ самыми непремѣнно зядлыми и уродливыми черносотенцами, даже погромщиками, другіе, наоборотъ, любятъ изображать ихъ революціонерами. Именно въ такомъ духѣ и написанъ рассказъ г-жи Дмитріевой.

Главныя дѣйствующія лица разсказа—сельскіе священ-

никъ и псаломщикъ,—оба уже старые люди: псаломщику Серафимычу, по его словамъ, «семь красныхъ съ пятаконъ», т.-е. семьдесятъ пять лѣтъ, священнику о. Ивану немного меньше. Но Серафимычъ, несмотря на свои лѣта, еще настоящій богатырь, тогда какъ о. Иванъ «старенькій, худой, весь прозрачный, какъ догорающая восковая свѣча. Вотъ-вотъ вздрогнетъ въ послѣдній разъ—и потухнетъ. Жидкіе волосы, подернутые желтизною глубокой старости, заплетены въ тонкую косичку. Кончикъ ея съ двумя тесемочками наивно загнулся кверху, и оттого что-то дѣтское, что-то безпомощное скользитъ во всемъ обликѣ стараго батюшки». Оба они—завзятые и страстные политики, все время проводящіе за газетами, которыхъ отецъ Иванъ выписываетъ нѣсколько, и оба—непримиримые политическіе противники, хотя при всемъ томъ жить другъ безъ друга не могутъ. Отецъ Иванъ—«кадетъ», но человѣкъ мирный и кроткій; Серафимычъ же, несмотря на свое положеніе и лѣта—ярый и буйный революціонеръ и даже агитаторъ. Дѣйствіе происходитъ въ самое послѣднее время, во дни третьей Государственной Думы.

Ненастнымъ осеннимъ вечеромъ сидитъ отецъ Иванъ за самоваромъ въ тепло натопленной и ярко освѣщенной лампой-молніей маленькой залцѣ своего домика и читаетъ газету. «Наморщивъ желтый лобъ... онъ сосредоточенно смотритъ сквозь очки на широкій газетный листъ и беззвучно шевелитъ безкровными губами. Но вотъ является Серафимычъ и, получивъ позволеніе отца Ивана, буквально бросается на газеты. Судорожно развертываетъ онъ газетный листъ, отыскиваетъ столбцы съ заголовкомъ «Государственная Дума» и впивается глазами въ газету. Но недолго можетъ онъ владѣть собою. Сначала онъ еще кое-какъ сдерживается, хотя внутри его все кипитъ, стулъ подъ нимъ скрипитъ, и изъ устъ его вырываются отрывистые гнѣвные возгласы, но потомъ въ немъ точно пружина развернулась. Гремятъ опрокинутый стулъ, скомканная газета летитъ въ уголъ, а Серафимычъ вскаки-

ваетъ во весь свой могучій ростъ и свергающими глазами впивается въ отца Ивана.

— Не могу больше!—неистово вопить онъ, мечась по крохотной зальцѣ.—И-не могу! Вся внутренняя моя содрожается гнѣвомъ велимъ... Что они дѣлають? Что дѣлають, а?

Начинается споръ. Буйно и яростно, не стѣсняясь въ словахъ и выраженіяхъ, насѣдаетъ на отца Ивана Серафимычъ. Отецъ Иванъ сначала спокойно трунить надъ «сѣдыми» и «сѣрыми» («эсдеками» и «эсэрами», т.-е. социаль-демократами и социаль-революціонерами), но потомъ и онъ начинаетъ волноваться.

— Уйди, уйди... террористъ окаянный... звѣрь неистовый... боровъ геннисаретскій—шепчетъ онъ горестно, задыхаясь и бессильно махая руками... Уйди, не хочу я съ тобою говорить.

— И не надо! Я самъ не хочу!—гремитъ Серафимычъ... Вотъ подѣлимъ землю—и шабашъ... Такъ и будетъ... По Писанію!

— Не богохульствуй, Серафимычъ! Нигдѣ въ Писаніи этого не сказано...

— Какъ не сказано? А — блаженни кротцыи, яко тіи наслѣдять землю?

— Кротцыи?! — Отецъ Иванъ не то заплакалъ, не то засмѣялся и обратилъ свой потухающій взоръ къ образу.— Господи, прости его, не вѣдаетъ бо, что творить. Кротцыи?.. Это они-то «кротцыи?» Которые съ кольями, съ дубинами одили чужія усадьбы жечь?.. Какой ты Серафимычъ!.. Тьфу!.. Недостойнъ ты, по неистовству своему, ангельское имя носить... Не Серафимычъ, а Вельзевулычъ ты... Уйди!.. Уйди, тебѣ говорю, отъ грѣха уйди!..

Серафимычъ отряхиваетъ прахъ, т.-е. пылъ отъ своей шляпы, и бомбой вылетаетъ изъ батюшкинаго дома, повторяя, что его тамъ больше не будетъ, но на другой день является опять. Повторяется та же исторія. Отъ крика просыпается въ кухнѣ балкшвинъ работникъ Григорій

который круглые сутки спать на печи и всегда видеть все одинъ и тотъ же сонъ—что онъ ѣсть кашу, сладкую, масляную, рассыпчатую — ѣсть-ѣсть и никакъ доѣсть не можетъ,—просыпается и бормочетъ сквозь сонъ:

— Опять папаша съ Серафимычемъ за грудки взялись... — Каждый Божій день, каждый Божій день... Изъ чего? Не разбери Господи!

Затѣмъ сладко зѣваетъ, поворачивается на другой бокъ и опять засыпаетъ.

Но если Серафимычъ не приходитъ, отецъ Иванъ оставляетъ газету и посылаетъ за нимъ Григорія. Оказывается—Серафимычъ запыль. Пьетъ онъ, положимъ, недолго и исключительно отъ избытка волненія. Прежде съ нимъ этого никогда не случалось.

Но бывали дни, когда между о. Иваномъ и Серафимычемъ заключалось перемиріе. Это были дни богослуженій. <Въ темной церкви зажигались лампы и свѣчи. Тягуче пѣлъ старый разбитый колоколь, и кроткіе, умиротворяющіе звуки тихоструйною рѣкою текли по селу, стучались въ окна избъ, будили спящихъ, плыли въ сумрачную даль, по грязнымъ, проселочнымъ дорогамъ, по глубокимъ бугоркамъ, по тоскующимъ полямъ и сѣдымъ курганамъ... Мужики примасливали спутанные волосы и надѣвали новые полушубки, бабы вынимали изъ укладокъ кумачевые и кубовые платки, и пестрая толпа наполняла маленькую церковь шорохомъ и вздохами. Желтые огоньки лампадъ дрожали въ волнахъ кадильнаго дыма; глаза святыхъ строго смотрѣли со стѣнъ, и красиво звучали на клиросахъ голоса тѣхъ самыхъ школьниковъ, которые еще вчера топили въ лужѣ котенка. Умытый и причесанный Серафимычъ благоговѣйною тѣнью скользилъ на цыпочкахъ изъ алтаря на клиросъ; отецъ Иванъ въ лиловой ризѣ съ большими золотыми цвѣтами становился какъ будто выше ростомъ, какъ будто воздушнѣе и прозрачнѣе и, когда онъ возносилъ потиръ и дискосъ, казалось, что вотъ вотъ и самъ онъ отдѣлится отъ земли и без-

слѣдно растаетъ въ голубыхъ облакахъ кадилаго дыма... Слабый старческій голосъ, звучавшій изъ таинственной глубины алтаря, наполнялъ свѣтомъ темныя души, огрубѣвшія въ жестокой борьбѣ за жизнь; слова молитвъ, торжественно-красивыя напѣвы церковнаго хора умягчали больныя, озлобленныя сердца, и тяжело вздыхали замученныя въ работѣ бабы, съ глухимъ стукомъ падали на колѣна мужики, и забывались на мгновение ссоры, распри, вражда, какъ будто Самъ Богъ сходилъ съ неба на землю и, въ сіяніи вѣчной славы Своей, примирялся съ ея грѣшными дѣтьми.

Обѣдня кончена, тухнуть лампы и свѣчи, церковь погружается въ тишину. Но Серафимычъ съ серьезнымъ и строгимъ лицомъ еще долго ходитъ по опустѣвшему храму, осторожно тушитъ пальцами одинокую свѣчку, зажженную передъ образомъ какою-нибудь богомольною старушкой, собираетъ въ комокъ восковые огарки и сдуваетъ соринки съ аналая. Потомъ идетъ въ алтарь и помогаетъ отцу Ивану снять облаченіе. Отецъ Иванъ шатается отъ усталости; служба уже утомляетъ его. Глаза его тусклы, лицо желто, какъ восковая свѣча; онъ покорно отдается въ руки Серафимыча, и тяжелая риза съ жесткимъ шуршаніемъ совлекается съ худенькаго дряхлаго тѣла.—Спасибо, Серафимычъ!—чуть шелеститъ онъ блѣдными губами. И вдругъ буйный эсэръ склоняетъ предъ нимъ свою кудлатую голову и цѣлуетъ его безкровную, холодную, морщинистую руку...

— Господь съ тобой, Господь съ тобой, Серафимычъ...
Пойдемъ чай пить.

Въ зальцѣ на столѣ уже шумитъ самоваръ, дымятся на тарелкѣ любимыя «папашины» ржаныя лепешки въ сметанѣ. Пьютъ чай, закусываютъ, мирно бесѣдуютъ. Новыя газеты кучкой лежатъ на этажеркѣ, но ихъ никто не трогаетъ... Вспоминаютъ прежнюю свою совмѣстную службу, покойную жену отца Ивана... И грустный, и задумчивый возвращается Серафимычъ послѣ такихъ бесѣдъ къ себѣ домой. А на другой день опять прежняя исторія.

Между тѣмъ на селѣ начинаются безпорядки — пожары и экспроприаціи. Являются стражники, которые изображаются, разумѣется, въ самомъ безобразномъ видѣ. А отецъ Иванъ начинаетъ прихварывать и, наконецъ, сваливается окончательно. Серафимычъ ухаживаетъ за нимъ, не вѣрять его болѣзни и продолжаетъ донимать его спорами, такъ что отецъ Иванъ умоляетъ его уйти. Когда отецъ Иванъ, наконецъ, умираетъ, Серафимычъ только мѣшаетъ всѣмъ и упрекаетъ уже мертваго отца Ивана, что онъ «оставилъ Серафимыча въ самомъ пеклѣ»—и ушелъ одинъ. Обманулъ... по кадетски поступилъ. Ишь, лежитъ себѣ, сложилъ руки и отдыхаетъ... Самая «реальная политика». Поведеніе Серафимыча становится явно ненормальнымъ; онъ даже отрицаетъ нужду въ погребеніи, къ величайшему негодованію окружающихъ покойника. Наконецъ, Серафимычъ исчезаетъ. Является онъ, послѣ запой, уже послѣ погребенія и отправляется прямо на могилу отца Ивана; тамъ начинаетъ онъ опять разговаривать съ погребеннымъ отцомъ Иваномъ, какъ съ живымъ и, повидимому, замерзаетъ на могилѣ.

Разсказъ написанъ хорошо и мѣстами даже художественно, но тѣмъ не менѣе страдаетъ нѣкоторыми недостатками, свойственными и другимъ разсказамъ этого автора. Слишкомъ ужъ преувеличенно изображена нищета деревни и слишкомъ уже идеализируется революціонное движеніе. Трудно представить себѣ смиреннаго и престарѣлаго сельскаго священника, притомъ человѣка кроткаго, ужасающагося всякаго насилія,—въ роли кадета и, пожалуй, еще болѣе трудно представить такого развитога политика и яростнаго революціонера въ лицѣ еще болѣе престарѣлаго сельскаго дьячка и притомъ человѣка, разумѣется, весьма не высокаго образованія. Подъ конецъ разсказа, въ противоположность самому себѣ авторъ представляетъ Серафимыча даже невѣрующимъ и почти сумасшедшимъ.

До какого усердія доходятъ и на какіе, съ позволенія сказать, фокусы пускаются въ достойномъ несравненно лучшей участи упорствѣ современные наши упразднители вѣры, — видно, напр., изъ разсказа извѣстнаго декадента Алексѣя Ремизова «Судь Божій» (*Русская Мысль* сентябрь 1908 г.). Сущность разсказа состоитъ въ слѣдующемъ.

Въ одномъ изъ московскихъ монастырей есть монахъ, отецъ Илларионъ. Съ духовными лицами, а съ монахами тѣмъ болѣе, освободительная литература обыкновенно не перемонится, но въ цѣляхъ автора — представить своего героя въ самомъ лучшемъ свѣтѣ; поэтому онъ даетъ отцу Иллариону такую характеристику:

«Отецъ Илларионъ — монахъ угодный, уменъ и вѣрою вѣрнопъ — старецъ. Какъ казначей и духовникъ — на виду и самъ всякаго видитъ. Бдительный — не пропуститъ ни одной службы; много лѣтъ безсмѣнно и въ безмолвіи у мощей стоялъ. Говорятъ, прозорливый; оттого, должно быть, въ монастырь народъ идетъ побывать на духу у старца. Строгій и взыскательный, подачки на даетъ, а глаза хорошіе — всю душу выложишь. Высокій, прямой, борода сѣдая, длиной въ мѣру — не песья. Быстрый: не побѣжить, а всюду поспѣеть. И узнаешь, не глядя: мантія, какъ у прочихъ, а шуршитъ, словно гофреная; въ этомъ шуршаньи богомольцы и братія особую благодать видѣли. Въ монастырѣ давно, а почему — неизвѣстно. Одни говорили, что отъ несчастной любви, другіе — что съ юности возлюбилъ пустыню, а третьи ничего не говорили, во все вѣруя. А было во что: много разнаго складывали. Показывали, на примѣръ, въ монастырской оградѣ кедры, будто бы вывезенные старцемъ въ Москву съ Вычегды изъ пустыни, а кедры были такіе огромные — вѣкъ, а то и болѣе. Показывали вериги, съ отроческихъ лѣтъ носимые будто бы старцемъ, и эти вериги — тяжести непомѣрной — надѣвали обыкновенно на бѣсноватыхъ: шибко помогаетъ. И все въ такомъ родѣ. Впрочемъ, что же? по заслугамъ и честь, такъ изъ головы не выдумаешь. Вся-

кій разъ, когда въ монастырѣ поднимался трудный вопросъ или требовалось уладить какое-нибудь запутанное дѣло, на совѣтъ къ настоятелю призывался отецъ Илларионъ. И не безъ проку: старецъ, обсудивъ вопросъ, удалялся въ церковь и, промолвившись ночь, выносилъ на утро рѣшеніе, и было оно мудро и всегда на великую пользу. Живи, не бойся! — Уставъ въ монастырѣ строгій и порядокъ образцовый.

Но вотъ отца Иллариона посылаютъ въ Кіевъ, съ порученіемъ, которое, на самомъ дѣлѣ, могъ бы выполнить человѣкъ и менѣе нужный для монастыря. Въ вагонѣ отецъ Илларионъ знакомится съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который открываетъ ему свою душу и проситъ совѣта. Этотъ молодой человѣкъ — единственный сынъ богатаго кіевского купца. Еще съ дѣтства родители выбрали ему невѣсту; но, уѣхавъ учиться въ Москву, онъ мало-по-малу забываетъ свою невѣсту; переписка между ними прекращается, а въ послѣднее время онъ сходитя въ Москвѣ, по любви, съ одною дѣвушкою и уже имѣетъ отъ нея ребенка. Но вотъ родители вдругъ потребовали его въ Кіевъ и уже назначили день свадьбы съ его прежней невѣстой. Сначала онъ не хотѣлъ ѣхать, но потомъ почему-то все-таки поѣхалъ, даже не сказавъ о причинѣ отъѣзда своей возлюбленной, потому что это могло ее убить. И вотъ онъ теперь въ страшномъ смятеніи; мысли его перепутались, и онъ проситъ у отца Иллариона совѣта, обѣщая поступить именно такъ, какъ онъ ему скажетъ.

Повинуясь первому движенію своей мысли и даже не понимая, изъ-за чего человѣкъ такъ себя мучаетъ, отецъ Илларионъ говоритъ ему:

— Какіе пустяки! — прямое дѣло ѣхать вамъ въ Москву. Разъ вы полюбили, то и надо вамъ быть съ тѣми, кого вы любите. — И даже самому о. Иллариону становится легко и спокойно отъ этихъ словъ.

Молодой человѣкъ даже подпрыгиваетъ отъ радости отъ этихъ словъ и хочетъ на слѣдующей же станціи пересѣсть.

на повѣздъ, идущій въ Москву.—Но въ тотъ мигъ, когда онъ уже хочетъ выйти изъ вагона, отецъ Илларионъ вдругъ останавливаетъ его и говоритъ, что онъ, Илларионъ, разсуждаетъ по своему разумѣнiю, но онъ человѣкъ и, какъ человѣкъ, можетъ ошибаться, и предлагаетъ ему сдѣлать такъ, какъ они дѣлаютъ въ монастырѣ.—«Обыкновенно—говоритъ онъ—въ трудныхъ вопросахъ, когда представляются нѣсколько рѣшенiй, мы пишемъ ихъ на записки и кладемъ у иконы. Потомъ, помолившись, вынимаемъ одну записку и, какъ въ оной говорится, такъ и поступаемъ. За всю мою жизнь не было случая, чтобы указанное такимъ образомъ рѣшенiе приводило къ чему-нибудь дурному, ибо рѣшенiе это божеское и ошибаться не можетъ». Молодой человѣкъ, въ полной увѣренности, «что божеское рѣшенiе, которое сейчасъ скажется, не можетъ не совпадать ни съ здравымъ смысломъ, ни съ мнѣнiемъ старца», соглашается. Доставъ чудотворную икону, которую везетъ съ собою въ чемоданѣ, отецъ Илларионъ кладетъ передъ нею двѣ записки, и оба они молятся всю ночь (они—одни въ купѣ) такъ горячо, что не слышатъ ни звонковъ, ни остановокъ. Утромъ—вынимаютъ записку. «Воля Божья» повелѣваетъ молодому человѣку продолжать путь въ Кiевъ. Убитый горемъ, онъ для чего-то беретъ съ отца Иллариона слово быть на его свадьбѣ и указываетъ ему съ точностью день и часъ вѣнчанiя и церковь, гдѣ оно должно происходить. Приѣхавъ въ Кiевъ, отецъ Илларионъ видитъ, какъ его спутника встрѣчаютъ родители и невѣста. Последняя ему страшно не нравится.

Въ Кiевѣ отцу Иллариону очень рады и усердно упрасиваютъ его побыть здѣсь подольше, такъ какъ въ его совѣтахъ очень нуждаются даже здѣшнiя духовныя власти. О. Илларионъ усердно молится у кiевскихъ святыхъ, восторгается кiевскими напѣвами и звономъ лаврскихъ колоколовъ, но сердце его все время ноетъ, и его несчастный спутникъ ни на минуту не выходитъ у него изъ головы. Изъ Москвы однако просятъ его вернуться поско-

рѣе—для рѣшенія одного неотложнаго дѣла. О. Илларионъ собирается уѣзжать и уже запасается желѣзнодорожнымъ билетомъ, но до отъѣзда ему нужно еще быть на вѣнчаніи. Но пріѣхавъ въ церковь, онъ, вмѣсто брачующихся, къ неопisanному своему изумленію и досадѣ, посрединѣ церкви видитъ гробъ. Онъ думаетъ было, что попалъ не въ ту церковь, но оказывается, что церковь — эта самая, равно какъ тѣ же самые — и день, и часъ. Онъ идетъ было вонъ изъ церкви, но толпа несетъ его назадъ; онъ снова на срединѣ церкви, смотритъ и—стонетъ отъ ужаса: среди церкви уже не гробъ, а пышная свадьба: вѣнчаютъ его спутника и ту барышню, которая встрѣчала его на вокзалѣ. И отецъ Илларионъ начинаетъ вести себя здѣсь такъ, что обращаетъ на себя общее вниманіе. Онъ то гордо поднимаетъ голову, словно вызывая кого-то и крѣпко что-то оспаривая, то испуганно озирается и вертитъ головой, желая что-то сбросить съ себя, то молится и лежитъ распростертый ницъ, то опять дерзко сжимаетъ кулаки, то униженно сгибается весь, словно проситъ отдать ему что-то, что насильно взяли у него и не хотятъ отдать, то застываетъ на мѣстѣ и стоитъ какъ изваяніе, съ остановившимся взглядомъ человѣка, пораженнаго чѣмъ-то, и потомъ рукою показываетъ, словно объясняя кому-то, что былъ онъ вотъ какой, а теперь—нищій и проситъ подать Христа ради.

«Онъ видѣлъ одно: бракъ, на которомъ онъ присутствуетъ, заключенъ былъ противно всякому здравому смыслу, но по указанію Божьему, и, по указанію Божьему, какъ только что открылось ему, станетъ онъ гробомъ. И видя это одно, не могъ понять и все спрашивалъ: какой же смыслъ этого гроба, человѣческихъ страданій, зачѣмъ человѣкъ обрекался на страданія, кому и для чего понадобились эти страданія? Вотъ онъ, старый, прожившій много лѣтъ въ монастырѣ, спасалъ себя и спасалъ другихъ, но онъ не помнить, забылъ, какъ спасалъ и какъ спасался, а забылъ потому, что прежде повималъ, а те-

перь не можетъ понять, какой смыслъ страданій его и тѣхъ людей, которые приходили къ нему, зачѣмъ они и кому нужны, и для чего страданія всѣхъ этихъ жалкихъ, плодящихся, какъ моль, человѣческихъ жизней. Передъ нимъ проходили жизни, Боже мой, какія калѣчныя!— и онъ не видѣлъ имъ оправданія и просилъ, не умѣя отвѣтить, подать этотъ отвѣтъ, какъ милостыню».

Между тѣмъ публика, и безъ того заинтригованная появленіемъ монаха, усердно судачить на счетъ отца Иллариона. Одни считаютъ его блаженнымъ, другіе попрошайкой, третьи пьяницей, четвертые думаютъ о немъ еще хуже. А онъ, поздравивъ молодыхъ, выходитъ изъ церкви и, вмѣсто того чтобы ѣхать въ лавру и на вокзалъ, всю ночь бродитъ по незнакомымъ улицамъ, не оглядываясь и на минуту не останавливаясь и «какъ-то чудно размахивая руками, будто не монахъ, а спѣшащій за чѣмъ-то наряженный въ монашеское платье мірянинъ». На разсвѣтъ, выйдя уже за городъ, на дорогу, онъ нагоняетъ какого-то «не то бродягу, не то странника» и бредетъ съ нимъ куда глаза глядятъ. Т.-е. попросту говоря онъ рехнулся.

Разсказъ такъ нелѣпъ и такъ очевидно сочиненъ, выдуманъ и въ цѣломъ, и въ подробностяхъ, что мы не стали бы его и разбирать, если бы онъ не былъ помѣщенъ въ распространенномъ журналѣ на самомъ видномъ мѣстѣ, а главнымъ образомъ, какъ мы замѣтили уже выше, если бы онъ не представлялъ собою любопытнаго, хотя и до послѣдней степени неудачнаго образчика того усердія, съ какимъ старается покончить съ вѣрою современная наша литература. Мораль «сей басни»—та, что внимательство религіи калѣчитъ и портитъ жизнь. Ограничься отецъ Илларионъ своимъ первоначальнымъ, отъ разума и сердца вышедшимъ, совѣтомъ молодому человѣку—вернуться ему въ Москву къ тѣмъ, съ кѣмъ онъ связанъ неразрывными узами сердца, и все было бы хорошо; а вздумалъ онъ молиться и класть жребій предъ иконою, и погребло нѣ-

сколько человѣческихъ жизней. И самъ отецъ Илларіонъ въ церкви, послѣ видѣнія, ясно сознаетъ и безсмысліе всей своей дѣятельности, и свою полную и совершенную беспомощность. Но дѣло въ томъ, что если то, что видѣлъ отецъ Илларіонъ (т. е. гробъ), было дѣйствительно чудеснымъ видѣніемъ, чудомъ или, въ крайнемъ случаѣ, галлюцинаціей, хотя и совершенно непонятной по отношенію къ отцу Илларіону,—словомъ, было понято отцомъ Илларіономъ какъ *чудо* — то съ чего же было ему такъ смущаться, смущаться до потери разсудка или вѣры или даже и того, и другого вмѣстѣ, — ему, такому истому монаху, ему видѣвшему въ своей долгой жизни столько человѣческаго горя и слезъ, что то, что открывалось теперь предъ его духовными очами, отнюдь не должно было чѣмъ-то особеннымъ, выдающимся изъ ряда вонъ? Вѣдь чудесное видѣніе, какъ *чудо*, могло, разумѣется, только укрѣпить вѣру отца Илларіона, а вѣрить онъ въ Бога безконечно Премудраго, Правосуднаго и Милосердаго; значить—такъ долженъ былъ на самомъ дѣлѣ подумать и рѣшить отецъ Илларіонъ—такъ угодно Богу, такъ должно быть по неисповѣдимымъ путямъ Промысла Божія,—которыхъ мы въ этой жизни не всегда можемъ понять, но которые не могутъ быть не правы. Съ чего же, повторяемъ, было смущаться, да еще до потери разсудка, такому монаху, какъ отецъ Илларіонъ?

Любопытно, что отвѣтилъ бы самъ авторъ, если бы его спросили, за что считаетъ онъ бывшее отцу Илларіону видѣніе въ церкви гроба: за чудесное видѣніе или за галлюцинацію? Если за дѣйствительно чудесное видѣніе (да и по изложенію разсказа можно понять видѣніе скорѣе въ такомъ именно смыслѣ)—тогда для чего же написанъ и разсказъ, направленный противъ вѣры? Если же за простую галлюцинацію (а такова, очевидно, цѣль автора—онъ и въ вынутаіи такого жребія видитъ, конечно, простую случайность), — тогда выходитъ явная бессмыслица: слишкомъ ужъ несвойственны галлюцинаціи такому

человѣку, какъ отецъ Илларионъ, и слишкомъ ужъ чудовищно дѣйствіе галлюцинаціи.

Вотъ въ какія дебри заводитъ желаніе во что бы то ни стало и, какъ говорится, разсудку вопреки, придумать что-нибудь противъ Христовой вѣры.

Въ разсказѣ А. Золотарева «Въ старой лаврѣ» мимоходомъ выведенъ корридорный лаврскій монахъ, отецъ Θεодосій, пріятливый, ласковый, хотя и прямой человекъ, съ сѣдьющими волосами, пріятливымъ лицомъ и скорбными глазами и, вдобавокъ, прозорливецъ, который, «если бы захотѣлъ, большую славу и себѣ, и обители доставилъ... Безутѣшный онъ прозорливецъ... Неисчислимыю бездну народа знаетъ и каждому прибаутку или ласковое слово сказать умѣетъ. Его поговорки по всей Россіи вмѣстѣ съ богомольцами гуляютъ»...

Свящ. Н. Колосовъ.

Очерки по христіанской апологетикѣ ¹⁾.

I.

Апологетическіе элементы въ новомъ завѣтѣ.

Апологетическіе элементы въ новомъ завѣтѣ преимущественно относятся къ двумъ предметамъ: къ личности Мессіи и къ природѣ мессіанскаго царства. Относительно перваго предмета: Иисусъ Христосъ пришелъ безъ пышности, безъ политическаго могущества или социальныхъ преимуществъ, — Онъ былъ «кротокъ и смиренъ» съ внѣшней стороны и «сердцемъ»; Онъ родился въ бѣдности, воспитался въ скромной обстановкѣ, въ зрѣломъ возрастѣ явился среди людей, — не имѣя рѣшительно ничего, что могло бы обезпечить для Него вліяніе на лицъ, которыя считали себя высшими людьми въ обществѣ, и пріобрѣсти ихъ расположеніе. Это не былъ Христосъ, какого желали эти люди; это не былъ Христосъ, какого они ожидали. Христосъ, какого евреи желали, былъ личностью, которая, по своемъ пришествіи, должна была отличаться всѣми признаками величія. Но если таковъ былъ Христосъ ожидаемый, то Христосъ дѣйствительный, Иисусъ изъ Назарета, подвергся, конечно, презрѣнію и былъ отвергнутъ Своими соотечественниками. А когда Онъ настаивалъ на Своихъ мессі-

¹⁾ Съ англійскаго.

янскихъ достоинствахъ, подтверждая ихъ весьма сильными доказательствами въ Своихъ словахъ и дѣлахъ, то встрѣтилъ даже ненависть со стороны іудеевъ, пока, наконецъ, вражда къ Нему не выразилась въ Его распятіи. Затѣмъ произошло то, что несправедливость, допущенная однимъ поколѣніемъ, сдѣлалась оправданіемъ для невѣрія слѣдующаго поколѣнія. Такъ какъ отцы распяли Иисуса Христа, то іудеи, бывшіе современниками апостоловъ и свидѣтелями основанія христіанской церкви, считали для себя труднымъ или невозможнымъ признать Его Христомъ. Распятый Христосъ сдѣлался для іудеевъ *σκάνδαλον* (соблазномъ). Какимъ образомъ распятый человекъ могъ быть исполненіемъ мессіанскихъ пророчествъ, осуществленіемъ ветхо-завѣтныхъ идеаловъ? Это былъ трудный вопросъ даже для вѣрующихъ іудеевъ. Для многихъ христіанъ изъ евреевъ идея о распятомъ Христѣ была камнемъ преткновенія.

Этому факту, повидимому, и обязано своимъ происхожденіемъ *посланіе къ Евреямъ*. Это замѣчательное произведение есть искусная апологія креста въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, и преимущественно—креста, который несъ Иисусъ Христосъ, и во-вторыхъ, и во второстепенномъ смыслѣ—апологія креста, который получили христіане въ связи съ своимъ исповѣданіемъ вѣры въ Распятаго. Посланіе къ Евреямъ можетъ считаться однимъ изъ самыхъ важныхъ апологетическихъ произведеній новаго завѣта. Оно представляетъ изъ себя именно одну изъ систематическихъ попытокъ такого рода. Очень цѣнныя апологетическія идеи встрѣчаются въ другихъ посланіяхъ апостола Павла, напр. идея о «полнотѣ времени»; но здѣсь — только случайныя и неразвитыя мысли. Въ посланіи къ Евреямъ, съ другой стороны, мы встрѣчаемся съ выдержанной попыткой отвѣтить во всеобъемлющемъ духѣ на затрудненія, какія доставляла христіанская вѣра, въ томъ видѣ, въ какомъ они представлялись уму евреевъ, чрезъ выставленіе смерти Христа, со всѣмъ предшеству-

ющимъ и сопровождающимъ ее уничиженіемъ, какъ событія, которое постигло Его въ цѣляхъ высшаго Его призванія въ качествѣ начальника нашего спасенія; какъ акта самопожертвованія, вслѣдствіе котораго Онъ осуществилъ идеаль священства, только тѣнь котораго была представлена левитскимъ священствомъ, и, такимъ образомъ, положилъ начало вѣчной религіи, окончательной формы, вслѣдствіе ея совершенства, отношенія человѣка къ Богу.

Менѣ ясныя, но не менѣ важныя, апологетическіе элементы встрѣчаемъ въ рѣчахъ Иисуса Христа. Эти элементы, однако, относятся не къ Его личности *въ состояніи ея уничиженія*, но больше къ природѣ Его миссіи. Онъ не трудился много надъ устраненіемъ камней преткновенія, которые встрѣчались для вѣры по поводу Его уничиженія. Онъ больше признавалъ, чѣмъ защищалъ скромность своего состоянія и жизни. Онъ не объяснялъ, почему Сынъ человѣческой не имѣлъ мѣста, гдѣ могъ бы приклонить Свою голову, но просто указывалъ на это, какъ на фактъ, для освѣдомленія Своихъ учениковъ. Онъ, повидимому, заботился больше о томъ, чтобы увеличить, а не уменьшить соблазнъ, возникавшій вслѣдствіе скромности Его происхожденія, и пользовался этимъ, чтобы освободить себя отъ поддержки и привязанности лицъ, къ искренности и постоянству которыхъ, какъ учениковъ, Онъ не имѣлъ довѣрія. То же самое уклоненіе отъ апологетической рѣчи замѣтно и въ Его способѣ сообщенія о Своей смерти. Когда Онъ началъ говорить ученикамъ объ этомъ страшномъ событіи, то просто только возвѣstilъ о немъ, не входя въ его объясненіе или защиту.

Соблюдая, такимъ образомъ, молчаніе о томъ, что относилось къ Нему Самому, Иисусъ Христосъ много говорилъ въ защиту Своей миссіи и царства, о наступленіи котораго возвѣstilъ. Царство небесное, которое Онъ проповѣдывалъ, много отличалось отъ того царства, какого ожидали люди. Преимущественно въ двухъ отношеніяхъ

мессіанское царство отличалось отъ того, какого ожидали люди: по своей *духовности* и по своей *универсальности*. Иудеи ожидали политическаго Мессіи; а дѣло, которое, согласно ихъ ожиданіямъ, Мессія совершить, заключалось не въ созданіи новой, а въ возстановленіи старой твари, — въ возвращеніи Израилю его національной независимости и славы, въ появленіи второго Давида, управляющаго съ мудростію и праведностію объединеннымъ, свободнымъ, сильнымъ и процвѣтающимъ народомъ. Но Іисусъ Христосъ, насколько всякій можетъ судить по евангельскимъ разсказамъ, никогда и не думалъ о *возстановленіи* прежняго царства. Онъ имѣлъ въ виду новое твореніе, а не возстановленіе прежняго; царство небесное, а не царство міра сего; царство, имѣющее значеніе прежде всего для душъ людей, а не для ихъ тѣлъ. Проповѣдуя Свое царство, Онъ обращался къ людямъ, которыхъ міръ считаетъ жалкими, и предлагалъ имъ блага, которыхъ міръ не цѣнитъ. Самый ограниченный по уму слушатель Христа не могъ не понять, что, въ чемъ бы ни заключалось дѣйствительное значеніе Его рѣчей, онѣ относились къ царству, которое совершенно не соотвѣтствовало народному ожиданію. И если всѣ могли удивляться достоинству и торжественному величію рѣчи о блаженствахъ, то не мало, вѣроятно, находилось и такихъ, которые удалялись отъ Христа съ мыслью, что ихъ надежды были обмануты, и ихъ мысль запутывалась изреченіями, которыя въ дѣйствительности объявляли счастливыми—несчастливыхъ.

Если духовность царства, возвѣщеннаго Іисусомъ Христомъ, не соотвѣтствовала іудейскому ожиданію, то другая сторона этого царства, его всеобщность, была еще болѣе соблазнительна для іудейскихъ предразсудковъ. Духъ исключительности былъ выдающейся чертой іудейскаго характера. Этотъ духъ коренился частію въ гордости, частію въ ошибочномъ пониманіи своего назначенія. Народъ Израильскій былъ избранъ Богомъ, чтобы быть посредникомъ благословенія Божія для всего міра. Таково

было намѣреніе Божіе при избраніи Израиля; но въ цѣляхъ достиженія окончательнаго единства въ одномъ божественномъ государствѣ здѣсь подразумѣвалась временная обособленность. Эта обособленность имѣла одинъ печальный результатъ: избранный народъ ошибочно сталъ принимать средства за цѣль и смотрѣть на внѣшній міръ съ отвращеніемъ и презрѣніемъ. Израиль впалъ въ гибельную ошибку, вообразивъ, что его избраніе давало ему монополію на божественное благоволеніе и налагало на евреевъ обязанность ненавидѣть все, что было за дверями ограды. Эту мнимую обязанность евреи выполняли съ великою преданностію. Ортодоксальная религія времени Христа смотрѣла съ отвращеніемъ на всѣхъ псовъ, находившихся за воротами святого города; язычники, полуязычники-самаряне, мытари, которые, хотя и іудеи по рожденію, были представителями чужестранной власти, и даже самый народъ, не знавшій или небрежно относившійся къ заповѣдямъ книжниковъ,—все это были «грѣшники» или «погибшія овцы дома Израилева».

Для народа, такъ мыслившаго, универсальная религія, общая для іудеевъ и язычниковъ, не могла быть удобопріемлема, однако такова именно и была религія Иисуса Христа. Въ доказательство достаточно привести такіа изреченія Его: «вы — соль земли»; «вы—свѣтъ міра», и указать на положеніе, занятое Иисусомъ Христомъ по отношенію къ отбросамъ іудейскаго общества, «мытарямъ и грѣшникамъ», которые для ортодоксальнаго іудея были язычниками, какъ это видно изъ употреблявшагося въ видѣ пословицы изреченія: «да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь»¹⁾. Иисусъ Христосъ любилъ отверженныхъ и свободно вступалъ съ ними въ общеніе; а участіе, которое Онъ принималъ въ нихъ, было началомъ общественнаго и религіознаго переворота. Это былъ

¹⁾ Матѳ. 18, 17.

универсализмъ въ его зародышѣ. Лицо, которое могло быть другомъ мытарей и грѣшниковъ и пользоваться ихъ гостепрѣимствомъ въ ихъ домахъ, принципиально не могло имѣть никакихъ препятствій къ общенію и съ язычниками.

Съ инстинктивнымъ чувствомъ того, что здѣсь подразумевалось, строго религіозные соотечественники Иисуса Христа серьезно и многократно усматривали ошибку въ этой сторонѣ Его общественной дѣятельности и такимъ образомъ заставляли Его выступать на Свою защиту по поводу приписываемой Ему вины, заключавшейся въ томъ, что Онъ любилъ нелюбимыхъ и нравственно предосудительныхъ. Слова, которыя Онъ говорилъ въ цѣляхъ Своей самозащиты, дошли до насъ, и это неудивительно, такъ какъ они полны милосердія и симпатіи къ заблуждающемуся человѣчеству, и заключаютъ въ себѣ самую сущность евангелія Божія человѣчеству. Эти слова составляютъ апологію Христа Его миссіи, какъ Спасителя, и царства Божія, какъ царства благодати, открытаго для всѣхъ. Это была первая апологія христіанства въ его простѣйшей формѣ, какъ доброй вѣсти о Богѣ грѣшному міру. Слова эти знакомы всѣмъ, читающимъ евангелія. Но здѣсь не будетъ излишнимъ обозначить принципы, которые служатъ для нихъ подкладкой, предложенные въ такой формѣ, чтобы отвѣтить на возраженія, которыя, будучи сдѣланы первоначально фарисеями, встрѣтили себѣ многочисленныхъ сочувствующихъ во всѣ вѣка и даже среди такихъ людей, которые, по своему складу, были весьма не похожи на этихъ приверженцевъ іудейской религіи.

1. Христіанство стремится излѣчить нравственное зло и потому обращается къ людямъ, которые особенно много въ этомъ нуждаются. «Не здоровые», сказалъ Иисусъ Христосъ, «имѣютъ нужду во врачѣ, но больные»¹⁾. Поэтому Онъ сообщилъ, что Онъ пришелъ, какъ Врачъ, и что,

¹⁾ Мате. 9, 12.

подобно всякому другому врачу, Онъ считалъ Своею обязанностію обратить Свое вниманіе на людей, которые особенно много нуждались въ Его помощи. Если бы христіанство было только философіей, то оно могло бы обратиться исключительно только къ образованному классу и оставить безъ вниманія грубую массу человѣчества. Если бы оно было системой религіозныхъ таинствъ (мистерій), подобно священнымъ обрядамъ, которыми сопровождались ежегодныя празднества въ честь Цереры въ Елевзинѣ, то оно могло бы въ этомъ случаѣ ограничить свою дѣятельность только средою нѣсколькихъ привилегированныхъ лицъ, а на остальныхъ не обращало бы вниманія, какъ на недостойныхъ посвященія въ таинства. Но объявляя, что оно есть дѣйствительное врачество для нравственныхъ болѣзней человѣчества, оно, соблюдая послѣдовательность, не можетъ быть брезгливымъ или аристократическимъ, но должно обращаться къ милліонамъ и быть готовымъ положить свою цѣлительную руку даже на такихъ людей, которые болѣютъ самыми тяжкими и страшными болѣзнями.

2. Христіанство вѣрить въ излѣчимость человѣческихъ существъ, какъ бы много они ни погрязли въ болото грѣха и несчастій. Не обмаываясь насчетъ тяжкихъ свойствъ болѣзней, которыми бывають поражены люди, оно однако не отчаивается въ ихъ излѣченіи. Философія, холодно созерцая человѣчество съ высоты своего величія, можетъ думать, что огромное множество людей неспособно къ нравственному улучшенію, и такимъ образомъ считать всѣ филантропическія усилія, направленные къ этой цѣли, напраснымъ трудомъ. Но христіанство, питая непобѣдимую вѣру въ нравственное назначеніе человѣчества, отказывается усвоить себѣ такую индифферентную политику, основанную на безнадежности, и принимаетъ на себя геркулесовъ подвигъ исцѣленія отъ духовныхъ болѣзней человѣчества, уклоняясь отъ отчаянія даже въ самыхъ безнадежныхъ случаяхъ. Такъ, будучи далеко отъ отчаянія,

христіанство даже вѣрить въ возможность того, что послѣдніе сдѣлаются первыми, что величайшій грѣшникъ можетъ превратиться въ величайшаго святого. На эту истину сдѣлалъ намекъ Іисусъ Христосъ, когда сказалъ: «Кому мало прощается, тотъ мало любитъ»¹⁾, внушая и соответствующее этому ученіе, что, кому много прощается, тотъ любитъ много; другими словами, что изъ среды людей, подверженныхъ страсти, склонныхъ къ заблужденію, могутъ выйти, если направить, какъ слѣдуетъ, ихъ энергію, наиболѣе преданные и дѣятельные граждане и служители въ божественномъ царствѣ. Это представляется смѣлымъ и сильнымъ изреченіемъ, но оно таково, что его вполне оправдала церковная исторія.

3. Христіанство считаетъ самыхъ низшихъ людей въ человѣчествѣ достойными спасенія. Оно радуется объ одномъ грѣшникѣ спасающемся, не о какомъ-либо избранномъ, но о всякомъ, какомъ бы то ни было. Іисусъ Христосъ сказалъ: «Сказываю вамъ, что такъ на небесахъ болѣе радости будетъ объ одномъ грѣшникѣ кающемся, нежели о девяти праведникахъ, неимѣющихъ нужды въ покаяніи»²⁾. Такой радости «на небесахъ», или среди угодившихъ Христу людей, фарисеи не могли сочувствовать. Имъ казалось, что такой народъ, какъ мытари, не былъ достоинъ спасенія, едва ли даже достоинъ и суда; и съ этимъ взглядомъ многіе, чуждые благочестія и не отличающіеся гуманностію, только слишкомъ охотно, во всѣ вѣка, соглашались. Но духъ христіанства походитъ на добрую женщину въ притчѣ, которая цѣнитъ маленькую монету и не можетъ успокоиться, пока она не найдетъ, и затѣмъ ожидаетъ, что всѣ сосѣдки ея будутъ съ нею радоваться, если монета отыскивается³⁾. Іисусъ Христосъ высоко цѣнилъ всякую человѣческую душу, видя въ

¹⁾ Лук. 7, 47.

²⁾ Лук. 15, 7.

³⁾ Лук. 15, 8. 9.

ней потерянную монету съ отпечаткомъ на ней, какъ бы онъ ни былъ тусклъ, образа Божія, потерянную овцу, которую можно возвратить къ стаду, потеряннаго сына, который можетъ во всякое время возвратиться въ домъ своего отца.

4. Христіанство принимаетъ, что отношеніе Бога къ людямъ таково же, каково отношеніе къ нимъ Христа. Иисусъ Христосъ думалъ и говорилъ, что бываетъ радость на небесахъ объ одномъ грѣшникѣ кающемся, какъ и Самъ Онъ радовался. Это въ дѣйствительности было Его самой главной защитой противъ лицъ, которыя искали въ немъ вины. Онъ утверждалъ, что, относясь съ живымъ интересомъ къ людямъ заблуждающимся, онъ дѣлалъ то, что дѣлается на небесахъ. Это былъ сильный отвѣтъ Его обвинителямъ; потому что если идея о Богѣ, которая предполагается здѣсь, и сильно отличалась отъ фарисейской идеи о Немъ, однако, по размышленіи, фарисеи не могли бы все-таки выступать противъ ученія, что Богъ благъ и склоненъ къ прощенію, и что ничего не было ошибочнаго въ томъ, если человѣкъ уподоблялся Ему. Однако указанная здѣсь «радость на небесахъ» въ концѣ концовъ была такимъ предметомъ, въ который людямъ всего труднѣе было повѣрить: образъ представленія Христомъ Бога, какъ Отца, который печется о дѣтяхъ своихъ, казался имъ, какъ бы онъ ни былъ прекрасенъ или поэтиченъ, антропатическимъ (человѣко-образнымъ) и съ философской точки зрѣнія невѣроятнымъ. Абсолютное, говорятъ они намъ, не имѣетъ никакихъ мыслей, никакихъ цѣлей, никакихъ радостей, никакихъ скорбей. Кающійся грѣшникъ можетъ представлять изъ себя интересное зрѣлище для людей, одушевленныхъ филантропическими цѣлями, здѣсь, на землѣ, но съ небесъ этого грѣшника не видно. Различіе между грѣшникомъ кающимся и грѣшникомъ нераскаяннымъ, какъ бы ни представлялось великимъ намъ, издали бываетъ незамѣтно. Если бы это было вѣрно, то защита христіанства была бы напрасна, потому что въ

такоемъ случаѣ христіанство было бы только пріятнымъ сновидѣніемъ. Нужно было бы допустить, что Христосъ не открылъ Бога, любовь Христа къ человѣку есть только милая слабость, Его служеніе дѣлу милосердія только безплодная попытка; потому что зачѣмъ стремиться приводить людей къ покаянію, если самое покаяніе не имѣетъ значенія предъ Богомъ, а грѣхъ не имѣетъ въ себѣ ничего реального? Мы встрѣтимся послѣ еще съ этой страшной теоріей. Теперь же доверимся только слову Христа и будемъ думать, что Онъ высказалъ истину, хотя бы она и была признана невѣрующими фантастическою, когда сказалъ: «на небесахъ болѣе радости будетъ объ одномъ грѣшникѣ кающемся», и пойдѣмъ впередъ въ своемъ апологетическомъ курсѣ съ такими же идеями о Богѣ и человѣкѣ, какъ и тѣ, которыя положены въ основаніе Его собственной самозащиты, какъ друга грѣшниковъ.

С. М. Ѳ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Юморъ митрополита Филарета Московскаго.

(Къ 19 ноября,—дню копчины м. Филарета).

Это было давно, когда во главѣ Москвы стоялъ генералъ-губернаторъ Обросимовъ, причеъ однимъ изъ главныхъ лицъ столичной полиціи былъ Араповъ.

Супруга Арапова, очень пажобная женщина, всегда была окружена лампадицами, свѣщницами, просфорницами и сборщицами или кружечницами. Одна изъ такихъ побирушекъ пристроила сама себя въ церкви Θεодора Студитскаго и начала, такъ сказать, зазнаваться, т.-е. соваться, куда ее не спрашиваютъ.

Во время всенощной, во время кажденія, протоіерей храма Преображенскій замѣтилъ эту побирушку, распорядившуюся по очищенію мѣста въ храмѣ какой-то купчихѣ, и тутъ же въ храмѣ далъ ей выговоръ, сказавъ: «пришла молиться,—молись и знай свое мѣсто».

Побирушка вломила въ амбицію, такъ какъ она была вхожа къ Араповой.

На другой день она въ слезахъ излила свою жалобу своей важной покровительницѣ и, не зная, что сказать на священника, брякнула:

— Меня то распеку, а самъ... не на тѣ гласы поеть.

Арапова приняла участіе въ побирушкѣ и сказала мужу:

— Что у тебя только поль у св. Θεодора Студитскаго дѣлаеть.

— А что!

— Да вѣдь онъ во время службы не на тѣ гласы поеть.

Араповъ, ничтоже сумняшеса, взялъ да хватилъ рапортомъ къ митрополиту Филарету, сообщая высокопреосвященному, что протоіерей Преображенскій «не на тѣ гласы поеть».

Изумился великій архипастырь полицейскому рапорту и, положивъ помѣтку: «послано не по адресу», отправилъ рапортъ Арапова къ генераль-губернатору.

Генераль поднялъ тревогу, вызвалъ Арапова и прямо закричалъ на него.

— Какъ вы смѣли сунуться...

— Ваше превосходительство, если же онъ не на тѣ гласы поеть.

— Сейчасъ поѣзжайте къ высокопреосвященному и вымолите себѣ прощенія за ваше нелѣпѣйшее вмѣпательство.

Араповъ, пріѣхавъ домой, распекъ жену, чего не бывало прежде.

— Да что ты? воззрилась та.

— А что? Не на тѣ гласы запѣлъ... Подожди, дай отъ митрополита вернуться.

Облачась въ полный мундиръ, перепуганный Араповъ ѣдетъ къ митрополиту. Пріѣхавъ просить доложить о себѣ.

Выходитъ служка, говорить.

— Доложилъ, владыка просить обождать.

Араповъ сѣлъ, сидить.

Изъ пріемной зовутъ къ митрополиту то одного, то другого, а его не вызываютъ.

Онъ снова обращается къ служкѣ:

— Нѣтъ ли возможности напомнить объ немъ владыкѣ.

— Это невозможно... Владыка всегда соблюдаетъ очередь и тотчасъ на листкѣ записываетъ о доложенныхъ.

Проходитъ еще часъ,—Арапова не приглашаютъ. Онъ въ нетерпѣннѣи мѣрится шагами залъ пріемной, стараясь, однако, ходить чуть не на ципочкахъ.

Опустѣла пріемная: онъ, да служка.

— Вѣроятно, владыка забылъ.

— Никогда не забываютъ.

Проходитъ часъ; не вызываютъ. Араповъ прямо не знаетъ, что предпринять, на что рѣшиться. Прошло отъ владыки нѣсколько консисторскихъ чиновниковъ, раскланялись.

Прошло еще полчаса, и вдругъ отворяется дверь, и на порогъ пріемной является митрополитъ Филаретъ.

Араповъ быстро подходитъ подъ благословеніе, архипастырь благословляетъ и задаетъ вопросъ:

— Что прикажете, чѣмъ могу быть вамъ полезенъ?

— Ваше высокопреосвященство, я осмѣлился послать вамъ донесеніе относительно протоіерея храма св. Θεодора Студита...

— Да, да, помню... Желаете дополнить его чѣмъ-нибудь?

— Никакъ нѣтъ-съ... Пріѣхалъ просить вашего высоко- милостиваго прощенія за смѣлость утружденія васъ моимъ донесеніемъ...

— За что же вы прощенія просите... Я очень благодаренъ... Прошу присѣсть...

Митрополитъ сѣлъ, сѣлъ на кончикъ стула и Араповъ.

— Припоминаю ваше донесеніе... Не на тѣ гласы поютъ... Такъ-такъ... Вы, значить, въ храмѣ этомъ бываете?

— Бываю, ваше высокопреосвященство.

— Это хорошо. И бываете, и вслушиваетесь... Такъ не на тѣ гласы поютъ?.. А вы не ошибаетесь?.. Ой, что я! Донесеніе отъ лица официальнаго, ясно—ошибки не можетъ и не должно быть... Такъ не на тѣ гласы поютъ... Нехорошо... Но, видите, чтобы мнѣ быть увѣрену въ винѣ священника, я ужъ васъ немножко проэкзаменую... Благородите мнѣ спѣть четвертый гласъ.

Собесѣдникъ владыки онѣмѣлъ. Сидитъ и вопросительно смотреть на митрополита.

— Не можете... запомнили.. Ну, тогда пропойте третій гласъ...

Нѣмое молчаніе.

— И третьяго не можете?.. Ну, тогда пятый.

Араповъ готовъ упасть на колѣни, но владыка неумолимъ.

— Можетъ, сами какой-нибудь припомните?

Пауза.

— И не припоминаете?.. Ну, Господь съ вами, повѣжайте домой, повторите гласы и черезъ день, усердно молю, препожалуйте и спойте... А генераль-губернатору мой поклонъ свезите... Чай, увидите его высокопревосходительство...

Чѣмъ кончилась эта исторія—неизвѣстно, но, вѣроятно, Араповъ больше не вмѣшивался въ дѣла церкви, и на тѣ ли гласы пѣли или на другіе ему было, конечно, все равно. Владыка научилъ Арапова, что значить вмѣшиваться въ то, что подлежало вѣденію владыки.

Сообщилъ С. И. С.

(Общ. Л.).

А. В. Сеньо — Законъ Ментализма. Популярно-научный очеркъ закона, управляющаго всякимъ мысленнымъ и физическимъ дѣйствиємъ; сущность жизни и смерти. Переводъ съ англійскаго. Изданіе кружка Менталистовъ Н. Б. Бутовта. Москва 1906 г. Ментализмъ. Ежемѣсячный иллюстрированный оккультный журналъ 1907 годъ 12 номеровъ; 1908 годъ 4 номера.

«Ментализмъ есть гармоническое дѣйствіе трехъ самыхъ могущественныхъ способностей мыслящаго организма. Первая—мысль, вторая—эѳирная энергія и третья—воля», — вотъ законъ ментализма, выставленный г. Сеньо. Мысль опредѣляется, какъ «разсудокъ, собранный мозгомъ и употребляемый имъ для возбужденія эѳирныхъ колебаній въ гармоническомъ съ нимъ сочетаніи»; процессъ мысли порождаетъ эѳирную энергію, заставляющую двигаться мысли изъ мозга по назначенію; воля регулируетъ это движеніе. Такимъ образомъ, всѣ люди подвергаются взаимному вліянію своихъ мыслей. По закону «подобное привлекаетъ подобное»; два человѣческихъ организма, «гармонически настроенныхъ», могутъ легко воспринимать мысли другъ друга; съ другой стороны, человѣкъ, знакомый съ закономъ ментализма, произвольно можетъ гармонически настроить себя по отношенію къ другому организму. «Мысль, будучи созидательной и властвующей во вселенной силой, можетъ произвести болѣзнь такъ же, какъ и здоровье»; такимъ образомъ, менталистъ можетъ сознательно вліять на свое здоровье и на здоровье другихъ.

Установивъ указанныя выше положенія, Сеньо на основаніи дѣйствія закона ментализма объясняетъ гипнотизмъ, личный магнетизмъ, спиритизмъ, телепатію, интуицію, ясно-видѣніе, предлагаетъ способы измѣнять и создавать характеръ и назначеніе человѣка, выбирать настоящее призваніе, пріобрѣтать друзей и привязанности, лѣчить болѣзни, уничтожать дурныя привычки, воспитывать дѣтей.

Надо замѣтить, что теоретическія положенія Сеньо довольно сбивчивы: такъ, опредѣляя мысль, Сеньо, повидимому, признаетъ ее динамическимъ явленіемъ (стр. 5) и въ то же время считаетъ мысль чѣмъ-то матеріальнымъ (см. выше); съ одной стороны, Сеньо говоритъ, что «мысль производитъ колебанія воздушныхъ молекулъ, окружаю-

щихъ мыслящій аппаратъ... и производитъ вибраціи или волны, мысли въ атмосферѣ» (стр. 5), съ другой стороны, мы встрѣчаемъ заявленіе, что «для передвиженія мысли служить эфирная тонкая сила, заключающаяся въ клѣткахъ мозга, истекающая изъ него волнами, подобными электрическимъ» (стр. 10). Президентъ кружка менталистовъ, издавшій разбираемую книгу, повидимому, тоже признаетъ присутствіе неясностей, говоря въ предисловіи, что «авторъ по извѣстнымъ ему причинамъ многое предоставилъ личному выводу читателя, отчего, быть можетъ, содержаніе этого произведенія покажется мѣстами краткимъ и неяснымъ» (стр. IV). Въ сущности говоря, законъ ментализма не есть что то новое. Самъ Сеньо на стр. 3 говоритъ, «что люди давно признавали существованіе этой силы и давали ей различныя имена», и настоящая книга интересна постольку, поскольку она разъясняетъ практическое примѣненіе закона ментализма; страницы, посвященныя практикѣ ментализма и его методовъ, и могутъ привлечь вниманіе читателя. Книга издана очень изящно, но цѣна ея 5 рублей, кажется, чрезчуръ высока.

Издатель книжки Сеньо, г. Бутовтъ, является редакторомъ-издателемъ журнала *Ментализмъ*; задача редакціи, поскольку можно судить по ст. «Отъ редакціи» (*Ментализмъ* № 1),—«предоставить читателю... возможность ознакомиться съ оккультизмомъ во всѣхъ его проявленіяхъ вообще и мысленной силой ментальной вибраціи въ частности».

Исходя изъ такого положенія, редакція намѣтила рядъ статей какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, по вопросамъ о ментализмѣ, гипнотизмѣ, личномъ магнетизмѣ, дѣлѣбномъ магнетизмѣ, френологіи, физиономикѣ, графологіи, хирософіи и др.

Ментализму въ доставленныхъ намъ книжкахъ журнала посвящены статьи: Ментализмъ, Курсъ личнаго магнетизма, самообладанія и образованія характера—Виктора Торнболя съ введеніемъ редактора; «Могущество мысли въ повседневной дѣловой жизни» Вильяма-Валькера Аткинсона; «Культура памяти» его же; «Вибрація» Эрнеста Боско и др.

Первая статья составлена, повидимому, на основаніи разобранной выше книжки Сеньо, такъ какъ иногда совпадаетъ съ нею буквально, представляя переводъ статьи. Торнболь, признавая наличность психическихъ тоновъ ме-

жду людьми, указываетъ на методы для утилизированія этой психической силы съ цѣлью привлечь къ себѣ вниманію, достигнуть успѣха въ жизни; ст. Аткинсона касается вопроса о личномъ магнетизмѣ, «т. е. нѣжномъ тонѣ мысленныхъ волнъ, или колебаній мысли, исходящемъ изъ человѣческаго мозга»; показывая способы управлять личнымъ магнетизмомъ, Аткинсонъ учитъ примѣнять эти способы къ общенію съ людьми.

Какъ видно, обѣ статьи говорятъ почти объ одномъ и томъ же и часто повторяютъ одно и то же; кромѣ того, статья Аткинсона могла бы быть значительно сокращена по объему. Изъ статей по другимъ вопросамъ, помѣщеннымъ въ журналѣ, останавливаютъ на себѣ вниманіе ст. Боско о дыханіи, въ которой авторъ, признавая, согласно съ восточными воззрѣніями на дыханіе, важную роль его въ дѣлѣ обмѣна веществъ, даетъ рядъ методовъ правильного дыханія; въ отдѣлѣ магіи останавливаютъ на себѣ вниманіе статьи доктора Энкоса-Папюса—о человѣческомъ существѣ, что такое оккультизмъ? Вюржей—три примѣненія микрокосма—душа, семь началъ человѣческихъ и Богъ. Въ указанныхъ статьяхъ вопросъ о мірѣ, Божествѣ и отношеніи къ нимъ человѣка толкуется съ обычной оккультной точки зрѣнія по закону троичности и методу аналогіи. Это ученіе уже извѣстно русскимъ читателямъ по книгѣ Папюса — «Первоначальныя свѣдѣнія по оккультизму» Спб. 1904 г. Переходя къ характеристикѣ журнала въ цѣломъ, надо замѣтить, что его слабой стороной является отсутствіе цѣльности въ подборѣ статей; статьи, правда, разбиваются на рубрики: напр., сила мысли, сила внутри насъ, магія, характеръ человѣка, но эти рубрики, появляясь и исчезая, только сбиваютъ читателя, принимающихъ ихъ за заглавія статей. Другая слабая сторона изданія—отсутствіе направленія, определенной фізіономіи журнала; въ журналѣ напечатанъ рядъ статей по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, но за кѣмъ итти, каковы взгляды на разбираемые вопросы самой редакціи—на это отвѣта нѣтъ; болѣе того—редакція въ вводной статьѣ въ 1 номерѣ журнала «ставитъ себѣ правиломъ не входить въ критическій разборъ какихъ бы то ни было статей, а тѣмъ болѣе не вступать ни съ кѣмъ въ полемику» (№ 1, стр. 2).

Таковы отрицательныя стороны изданія, настолько можно судить объ изданіи вообще за 1½ года его существо-

ванія. Положительная сторона заключается въ стремленіи привлечь читателя къ изученію психической жизни. Такъ называемое естественно-научное воззрѣніе игнорируетъ эту область, признавая только Kraft und Stoff (матерію и силу). Статьи, подобныя помѣщеннымъ въ разбираемомъ журналѣ, заставляютъ читателя вырваться изъ круга матеріальныхъ представленій, а возможность самому производить эксперименты внѣ специально приспособленной лабораторіи, безъ дорогихъ инструментовъ, способствуетъ усвоенію получаемыхъ знаній и возможно большей ихъ популяризаціи. Пусть основоположенія останутся туманными, все же накапливаются и разрабатываются факты практической психологіи. Если въ наше время атеизмъ еще находить своихъ сторонниковъ, опираясь на взгляды официальной науки, то журналы, подобныя *Ментализму*, поведутъ съ нимъ беспощадную борьбу, разрушая его на основаніи фактовъ повседневной жизни, той жизни, которая наиболѣе близка сердцу, наиболѣе понятна современному образованному читателю.

П. Никольскій.

ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ ¹⁾.

XVII.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Каждую свою проповѣдь и бесѣду съ вами въ храмѣ я начинаю непременно со словъ: «во имя Отца и Сына и Св. Духа». Думали вы,—что это значить? Слушайте,—я объясню вамъ это.

Когда вы услышите въ началѣ моей бесѣды слова: «во имя Отца и Сына и Св. Духа»,—то знайте, что я собираюсь говорить съ вами не отъ себя, не отъ своего имени, а во имя Отца и Сына и Св. Духа,—въ честь и славу пресвятого имени Божія. Молитвою «во имя Отца и Сына и Св. Духа» я какъ бы освящаю свою бесѣду, призываю на нее благословеніе и помощь Божию и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы прошу, чтобы Господь помогъ мнѣ въ моей бесѣдѣ, такъ чтобы бесѣда эта послужила добродѣлю,—послужила въ пользу слушателей, въ славу и честь Самого Господа. Черезъ молитву «во имя Отца и Сына и Св. Духа» я объявляю и общаюсь передъ всѣми, что я намѣренъ и буду стараться высказывать не какія-нибудь вздорныя, пустыя и вредныя мысли, а только то, что достойно благословенія и славы Божіей, что достойно пресвятаго имени Отца и Сына и Св. Духа. Вмѣстѣ съ этою молитвою и вмѣстѣ съ этимъ общаніемъ я и васъ при-

¹⁾ Продолженіе. См. ноябрьскую кв. *Душепол. Чит.* 1908 г.
часть III.

зываютъ слушать мои слова съ великимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ, — слушать меня не какъ простаго человѣка, но какъ посланника, помазанника Божія, раскрывающаго предъ вами святую и спасительную волю Божию.

Вы видите теперь, что хотя и коротка молитва, которою я начинаю свою бесѣду, но мысль и значеніе ея велики и спасительны. Теперь вы знаете, что если кто начинаетъ свою бесѣду со словъ «во имя Отца и Сына и Св. Духа», то тѣмъ самымъ налагаетъ на себя и на слушателей высокія и важныя обязательства: коротенькая молитва «во имя Отца и Сына и Св. Духа», поставленная въ началѣ бесѣды, обязываетъ говорящаго слѣдить за своею бесѣдой, обдумывать каждую свою мысль и каждое слово, чтобы не сказать чего-нибудь лишняго, недостойнаго Божіей славы и Божьяго благословенія; а слушателей та же молитва, поставленная въ началѣ бесѣды, приглашаетъ слушать проповѣдника, какъ лицо, уполномоченное говорить отъ Самого Бога.

Молитва, о которой я говорю, употребляется не въ одномъ только проповѣдническомъ дѣлѣ; она дана всѣмъ людямъ для помощи въ жизни и разныхъ житейскихъ дѣлахъ. Мы и дѣйствительно часто произносимъ эту молитву въ разныхъ случаяхъ своей жизни. Бѣда только въ томъ, что очень часто мы произносимъ св. молитву безтолково, невнимательно, безъ разумѣнія и безъ сердечнаго тепла. Бѣда въ томъ, что очень часто мы шепчемъ слова «во имя Отца и Сына и Св. Духа», а душою-то своею не заглядываемъ и не вникаемъ въ эти слова, — не думаемъ о томъ, какая въ нихъ мысль и значеніе.

А между тѣмъ, какъ хорошо было бы, если бы всѣ мы приучились какъ можно чаще повторять св. молитву «во имя Отца и Сына и Св. Духа», но только повторять ее съ толкомъ, отъ души, вдумчиво, съ пониманіемъ и разумѣніемъ! Какъ хорошо было бы, если бы мы, вникнувъ и вдумавшись въ мысль и значеніе объясняемой молитвы, приблизили ее къ своей жизни, вселили ее въ свою душу и

съ нею начинали и продолжали каждое свое дѣло, каждый шагъ, каждую рѣчь свою! Привычка каждое свое дѣло начинать съ мыслью о Богѣ и съ Божьяго благословенія могла бы оказать великую помощь людямъ въ ихъ доброй христіанской жизни. Эта спасительная привычка приучила бы насъ къ осторожности и осмотрительности въ жизни, къ размышленію и взвѣшиванію своихъ рѣчей и поступковъ. А осторожность и осмотрительность очень и очень необходимы для доброй и разумной жизни человѣка. Только недостаткомъ этой осторожности и осмотрительности и объясняются многія наши ошибки, глупости и беззаконія.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько зла, сколько обидъ и вредныхъ нелѣпостей совершается въ нашей жизни почти *нечаянно* (иногда противъ желанія самого виновника),—совершается по разсѣянности, забывчивости и легкомыслію, — просто потому, что человѣкъ не привыкъ отдавать себѣ строгій отчетъ въ своихъ словахъ и дѣяніяхъ. Мы живемъ распушено, живемъ такъ, какъ придется. Рѣдко мы размышляемъ о своихъ поступкахъ; рѣдко спрашиваемъ себя: <зачѣмъ это? какой въ этомъ толкъ? что выйдетъ изъ этого въ послѣдствіи? какъ взглянуть на это добрые люди, и какъ взглянетъ на это правосудный Богъ?> Строгости къ себѣ и вдумчиваго размышленія о своей жизни въ насъ мало. Мы очень часто забываемъ, что человѣкъ долженъ жить для Бога, — что силы и способности человѣка дарованы ему для прославленія святаго имени Божія,—что за каждый свой поступокъ, за каждое слово, за каждую мысль свою намъ придется отвѣчать на праведномъ и высшемъ судѣ Божиѣмъ...

Вотъ тутъ-то, въ этой разсѣянной и легкомысленной жизни, и пригодилась бы намъ святая молитва <во имя Отца и Сына и Св. Духа>,—пригодилась бы, какъ средство противъ разсѣянности и легкомыслія. Великое дѣло—каждую свою работу, каждую рѣчь свою начинать съ молитвою къ Богу, съ мыслью о Богѣ и съ Божиимъ благословеніемъ. <Во имя Отца и Сына и Св. Духа>, — гово-

рять человѣкъ, начиная какое-нибудь дѣло или разговоръ,—и въ головѣ его невольно, самъ собою возникаетъ вопросъ: «а что, хорошо ли мое дѣло?—можно ли его назвать честнымъ, добрымъ дѣломъ?—достойно ли оно благословенія Божія? можно ли его начинать съ молитвою «во имя Отца и Сына и Св. Духа?» Такъ понемногу и постепенно будетъ воспитываться и, наконецъ, вырастетъ и окрѣпнетъ въ человѣкѣ спасительная привычка слѣдить за своею жизнью, размышлять надъ каждымъ своимъ поступкомъ, оцѣнивать свои мысли и поступки по высшей, Божеской разцѣнкѣ и взвѣшивать ихъ на правильныхъ вѣсахъ совѣсти. Святая молитва «во имя Отца и Сына и Св. Духа» будетъ постоянно приводить на память человѣку мысль о Богѣ, о высокихъ требованіяхъ Его святого закона, о Его неизбѣжномъ и праведномъ судѣ; а это для человѣка совѣстливаго и желающаго жить по-Божьи очень и очень важно. Человѣкъ, для котораго слова «честь», «совѣсть», «Богъ» не пустые и забавные звуки, а самыя жизненные, великія и святыя понятія, налагающія на него высокія обязанности, — такой человѣкъ не можетъ совершать беззаконныхъ и заторныхъ поступковъ съ молитвою «во имя Отца и Сына и Св. Духа». Этого не позволить имя Божіе, упоминаемое имъ въ молитвѣ. Молитва не дастъ заснуть его совѣсти; она поставитъ человѣка лицомъ къ лицу съ Самимъ Богомъ, поселитъ его вблизи Бога, въ сосѣдствѣ съ Нимъ. Черезъ частое произнесеніе словъ «во имя Отца и Сына и Св. Духа» человѣкъ можетъ сдѣлаться истиннымъ *Богоносцемъ*: онъ будетъ постоянно *носить* имя Божіе, а—слѣдовательно—и память о Богѣ, и образъ Божій въ словахъ своихъ, въ мысляхъ, въ душѣ, а чрезъ это и въ дѣлахъ своихъ, во всей своей жизнедѣятельности. Постоянное и повсемѣстное повтореніе молитвы «во имя Отца и Сына и Св. Духа» научить человѣка жить и работать какъ бы на глазахъ Божіихъ,—жить и работать, такъ сказать, вмѣстѣ съ Богомъ, съ Его благодатною и всеильною помощію. Вотъ это-то постоян-

ное памятованіе о Богѣ и можетъ встать стѣною между человѣкомъ и дурными дѣлами, — стѣною, которая заслонитъ человѣка отъ грѣховныхъ дѣяній, во время остановить его дурныя желанія и не дастъ имъ перейти въ дурное и пагубное дѣло.

Правда, далеко не всегда и далеко не всякій соблазнъ и влеченіе ко грѣху пересилишь одной молитвой. Но все-таки даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ не удерживается на добромъ пути и согрѣшаетъ, постоянное памятованіе о Богѣ и упоминаніе имени Божія не могутъ остаться безъ пользы для человѣка. Хорошо и то уже, что чрезъ привычку къ молитвѣ человѣкъ не забываетъ о Богѣ, — что упоминаніе имени Божія не даетъ успокоиться и заснуть его совѣсти. Въ дѣлѣ духовнаго устроенія и спасенія это очень важное приобрѣтеніе. Человѣкъ, который помнитъ о Богѣ, хотя и согрѣшаетъ, но согрѣшаетъ не злонамѣренно, не такъ легко и беззаботно, какъ это бываетъ у безсовѣстнаго и безбожнаго беззаконника. Совѣстливый человѣкъ, впавшій — по слабости человѣческой природы — въ прегрѣшеніе, самъ же и видитъ свой грѣхъ, самъ же и мучается за него. Память объ этихъ душевныхъ мукахъ, которыя слѣдуютъ за грѣхопадениемъ, можетъ на будущее время удержать человѣка отъ повторенія его прежнихъ ошибокъ...

Но польза и спасительное дѣйствіе привычки — каждое дѣло начинать съ молитвою и благословеніемъ Божиимъ — не въ томъ только, что эта привычка производитъ нѣкоторую задержку, нѣкоторую остановку при совершеніи беззаконія. Пусть молитва и мысль о Богѣ не всегда и не во всѣхъ случаяхъ спасутъ человѣка отъ грѣха. За то посмотрите, — какое укрѣпляющее ободреніе, какой подъемъ духа, какую благодатную поддержку и помощь можетъ получить человѣкъ отъ молитвы въ своемъ стремленіи къ добродѣтельной и разумной жизни! Посмотрите, — какъ мысль о Богѣ и молитва можетъ иной разъ поднять, ободрить и окрылить упавшій духъ человѣка; подобно

животворному солнцу, святая молитва можетъ спасительно освѣтить и согрѣть омраченную и исколодавшую душу человѣка, вдохнуть въ него мужество и новыя силы къ твердому перенесенію жизненной тяготы и трудовъ, которыми покупается наше вѣчное спасеніе. А какъ часто нуждаемся мы въ теплой поддержкѣ и укрѣпленіи своихъ силъ! Жизнь наша тяжела и подчасъ даже мучительна. Сколько трудовъ, тягостей, скорбей и бѣдствій выпадаетъ здѣсь на долю каждаго человѣка! И какъ часто мы изнемогаемъ и падаемъ подъ бременемъ жизненной тяготы. Каждому изъ насъ знакомы тяжелыя минуты жизни, моменты гибельнаго унынія, тяжелаго омраченія и унынія души, моменты усталости, расслабленія и упадка всѣхъ силъ своихъ. Гдѣ въ это время искать намъ помощи и поддержки? Ищите ее прежде всего въ молитвѣ. Молитва васъ не обманетъ. Не обманетъ васъ Богъ, Который давно сказалъ каждому человѣку: *«призови Меня въ день скорби, и Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня»* (Псл. 49, 15). Онъ же сказалъ: *«Я, Господь, услышу бѣдныхъ»* (Псл. 41, 17). Господь нашъ Самъ испыталъ всѣ самыя великія тягости и муки земной жизни, и Самъ передъ Своими крестными страданіями *«сз сильнымъ воплемъ и со слезами принесъ молитвы и моленія могущему спасти Его отъ смерти»* (Евр. 5, 7). Самъ Онъ сказалъ всѣмъ намъ: *«придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ»* (Мѣ. 11, 28).

Животворное дѣйствіе на душу человѣка можетъ оказывать всякая молитва, независимо отъ того, много въ ней словъ или мало. Важно не то, — длинна или коротка молитва; при молитвѣ важно горѣніе духа и теплота сердечная. Даже одного упоминанія имени Божія, одной мысли о Богѣ и Его святомъ законѣ иной разъ достаточно, чтобы освѣжить и ободрить человѣка. Поэтому и такая краткая молитва, какъ «во имя Отца и Сына и Св. Духа», не можетъ остаться безъ благодатнаго и спасительнаго дѣйствія на душу человѣка. До нѣкоторой степени это дѣй-

ствіе понятно и знакомо многимъ и можетъ быть представлено на примѣрѣ. Вотъ человекъ усталъ, измучился отъ трудовъ своихъ; измученный неудачами и тягостью своей жизни онъ готовъ бросить работу; только по крайней необходимости кое-какъ, вяло и неохотно тянетъ онъ свою трудовую лямку... дѣло почти валится изъ рукъ его... Но вотъ со вздохомъ усталости изъ устъ утомленнаго работника вырывается привычная краткая молитва; онъ упоминаетъ имя Божіе, и вдругъ свѣтлая и бодрящая мысль озаряетъ его сознаніе; онъ вспоминаетъ, что каждый человекъ посылается въ міръ для неустанной и терпѣливой работы,—что это законъ и заповѣдь Самого Бога, — что «Богъ труды любитъ» и несомнѣнно пошлетъ ему помощь и благословеніе его честной и полезной работѣ... И вотъ усталости и унынія какъ не бывало; вострепнувшійся труженикъ съ новыми силами принимается за дѣло и бодро его доканчиваетъ...

Все, что я говорилъ о благодатной силѣ и спасительномъ дѣйствіи молитвы «во имя Отца и Сына и Св. Духа»,—все это можно сказать и про всякую другую молитву. Всякая молитва по существу своему—ничто иное, какъ бесѣда души человѣческой съ Богомъ. Всякая сердечная молитва ставитъ человекъ лицомъ къ лицу съ инымъ высшимъ міромъ, съ міромъ иныхъ высшихъ интересовъ, иныхъ порядковъ, другого строя; всякая молитва возноситъ умъ и сердце человекъ къ другой высшей жизни, къ жизни горней, вѣчной, гдѣ «нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе», гдѣ нѣтъ неправды и беззаконій, но вѣчный свѣтъ, правда и блаженство. Всякая умная, сердечная и умиленная молитва роднитъ насъ съ небомъ, какъ бы поднимаетъ насъ отъ земли и переноситъ нашу душу въ царство Божіе, въ лучезарное царство высшей любви, вѣчной истины, царство добра, красоты и блаженства. Всякая молитва поэтому даритъ человекъ возвышенное, счастливое настроеніе, облагораживаетъ, просвѣтляетъ и окрыляетъ человекъ. Я остановился на молитвѣ «во имя

Отца и Сына и Св. Духа» только потому, что эта молитва особенно проста и ясна по своей мысли; она коротка и потому близка и знакома каждому. Другихъ молитвъ мы можемъ не знать, но молитву «во имя Отца и Сына и Св. Духа» можетъ знать каждый малолѣтка. Притомъ же этою молитвою можно молиться Богу во всякое время, во всякомъ мѣстѣ, при всякомъ случаѣ и положеніи, при всякихъ занятіяхъ и работъ.

Научитесь же любить и уважать св. молитву «во имя Отца и Сына и Св. Духа». Для васъ, изъ которыхъ многіе по необразованности и малолѣтству не знаютъ почти никакихъ молитвъ, эта краткая молитва должна быть особенно дорога и необходима. За познаніемъ другихъ молитвъ молитесь хоть этою краткою молитвою, но молитесь усердно, искренно и сердечно. Пусть св. молитва «во имя Отца и Сына и Св. Духа» не сходитъ съ языка вашего; произносите ее и въ началѣ, и при совершеніи, и въ концѣ каждаго дѣла, но произносите толково, съ разумніемъ. Помните, что ею вы освящаете свою работу, свою жизнь и призываете на свои труды милость и благословеніе всесвятаго Бога. Пусть св. имя Божіе научить васъ разбирать добрыя и честныя дѣла отъ дурныхъ и грѣховныхъ поступковъ; пусть оно послужитъ вамъ оружіемъ противъ козней діавольскихъ и ободреніемъ въ честной и полезной дѣятельности. Пусть слова «во имя Отца и Сына и св. Духа» научатъ васъ совершать только такія дѣла, которыя достойны св. имени Божія и Его благословенія; пусть вся жизнь ваша направляется въ честь и славу пресвятаго имени Божія, и все въ этой жизни—мысли, слова и поступки—возникаетъ и совершается «во имя Отца и Сына и Св. Духа».

Свящ. Іоаннъ Утѣхинъ.

У КОЛОДЦА ПРЕПОДОБНАГО САВВЫ.

(Памятникъ пятисотлѣтія со дня преставленія преподобнаго Саввы Сторожевскаго ¹⁾).

(къ 3 декабря).

Преподобные отцы наши, основатели иноческихъ обителей, устраивая ихъ, созидая въ нихъ храмы Божіи, келліи и все вообще необходимое для ихъ внѣшняго благоустройства, между прочимъ часто своими собственными трудолюбивыми руками выкапывали или въ самыхъ обителяхъ, или вблизи нихъ, колодцы для пользованія водою. Рѣдкій монастырь не имѣетъ своего «святого колодца», связан-

¹⁾ Рѣчь, съ благословенія преосвященнаго Василія, епископа Можайскаго, произнесенная у колодца преп. Саввы 17-го іюля 1908 г. въ лѣтній праздникъ преп. Саввы, на молебномъ пѣніи, по прочтеніи св. Евангелія. 17-го іюля ежегодно совершаются въ Саввинскомъ скиту, представляющемъ изъ себя отдѣленіе Саввина Сторожевскаго монастыря, литургія и послѣ нея молебное пѣніе у пещеры преп. Саввы, заканчивающееся уже въ самомъ монастырѣ, въ Рождественскомъ соборѣ его, у мощей преподобнаго. Молебное пѣніе и въ нынѣшнемъ году, какъ и въ прежніе годы, начато было у пещеры преп. Саввы; здѣсь былъ прочитанъ акаѣистъ преподобному. Но по прочтеніи акаѣиста всѣ священнослужащіе вслѣдъ за крестнымъ ходомъ прослѣдовали къ колодцу преп. Саввы, гдѣ (впервые въ этотъ день) была сдѣлана остановка для пропѣтія хвалебныхъ припѣвовъ преподобному и прочтенія св. Евангелія (ранѣе св. Евангеліе читалось у пещеры). По прочтеніи св. Евангелія и произнесеніи настоящей рѣчи крестный ходъ двинулся въ монастырь, гдѣ у мощей преподобнаго обычнымъ образомъ и было окончено молебное пѣніе.

наго съ именемъ того или другого преподобнаго. Вотъ и сейчасъ мы находимся у колодца здѣшняго «небеснаго игумена», преподобнаго Саввы.

Если бы мы стали въ древнихъ житіяхъ преподобнаго искать прямого указанія на то, что онъ ископалъ колодецъ,—мы не нашли бы его ¹⁾. Если бы мы обратились къ историку здѣшняго монастыря, то встрѣтили бы у него запись предавія, по которому преподобный Савва ископалъ другой колодецъ, находящійся въ другомъ мѣстѣ (къ югу отъ монастыря, ближе къ Москвѣ рѣкѣ) ²⁾. Что же? Быть можетъ, найдутся скептики, которые на такихъ «историческихъ» основаніяхъ станутъ сомнѣваться, что мы стоимъ сейчасъ у колодца *св. Саввы*? Или, можетъ быть, найдутся скептики и другого рода, которые скажутъ, что это—естественный, только въ извѣстное время обдѣланный ключъ воды,—что здѣсь мы видимъ только одинъ изъ при-мѣровъ того, какъ, по псаломскому изреченію, *посредь горъ пройдутъ воды* (Пс. 103, 10)?

¹⁾ Нѣтъ такого указанія ни въ проложномъ житіи преподобнаго, ни въ житіи, составленномъ игуменомъ Маркелломъ. Прот. С. К. Смирновъ, говоря о колодцѣ, ископанномъ преп. Саввою, цитируетъ и о томъ, что „онъ самъ (преподобный) почерпалъ изъ него воду“. Четьи-Минеи подъ 3 декабря, гдѣ помѣщенъ вариантъ проложнаго сказанія (Историческое описаніе Саввино-Сторожевскаго монастыря. М. 1846 г., с. 9—10 и VIII). Но въ этомъ сказаніи совсѣмъ не говорится ни о какомъ колодцѣ преп. Саввы, а только замѣчается, что преподобный самъ почерпалъ воду и носилъ ее на своихъ плечахъ (Четьи-Минеи. Декабрь мѣсяць. Листъ 15 об. Ср. въ прологѣ за декабрь. М. 1843 г. Листъ 5 об.: „воду почерпая, на раму своею пошаше“). Конечно, преподобный могъ почерпать и носить воду и изъ рѣкѣ Москвы и Разварни, находящихся подъ монастыремъ, такъ что само по себѣ проложное сказаніе процитировано историкомъ произвольно, съ прибавкою лишнихъ словъ. Но говоря такъ и въ то же время выражая ниже въ своей рѣчи полную увѣренность въ существованіи колодцевъ преп. Саввы, мы, конечно, ни мало не возражаемъ противъ возможности того, что преп. Савва почерпалъ и носилъ воду и изъ колодцевъ, имъ ископанныхъ.

²⁾ Прот. С. К. Смирновъ въ пятир. мѣстѣ.

Однако, мы ни мало не усомнимся, что это — колодець преп. Саввы. Жизнеописатели преподобнаго записали далеко не всѣ факты изъ его жизни. Историкъ монастыря по неполнотѣ своего изслѣдованія записалъ мѣстное преданіе только объ одномъ колодцѣ, хотя такое же преданіе, имѣющее несомнѣнное значеніе, говоритъ и объ этомъ колодцѣ, у котораго мы стоимъ, тоже, какъ о Саввиномъ. Однако, и помимо этого преданія въ насъ есть живая увѣренность, что это—колодець преп. Саввы. Почему въ насъ тверда такая увѣренность? Да потому, что *здѣсь все—его, Саввино*, все обвѣяно его благодатнымъ духомъ, — всякая пядь земли, имъ исхоженной, всякое старое дерево, которое онъ самъ видѣлъ, всякій давнишній камень вродѣ тѣхъ камней, у которыхъ онъ молился, и надъ которыми сооружена та пещера, гдѣ сейчасъ приносилось ему хвалебное пѣніе. Мы вѣруемъ, что угодникъ Божій съ высоты небесныхъ обителей, въ которыхъ нынѣ водворяется, своими духовными очами всегда призираетъ на все, что есть въ *его* обители и окрестъ ея, гдѣ онъ жилъ, трудился и подвизался, гдѣ и нынѣ почиваетъ его нетлѣнное тѣло, и по давной ему отъ Господа благодати всему готовъ сообщить цѣлительную силу, лишь бы только мы вѣровали въ Господа, творящаго чудеса, и въ угодниковъ Его, какъ орудія Его чудотворной, всемогущей силы. Пусть и этотъ колодець не безъ естественнаго происхожденія: вѣдь, конечно, и угодники Божіи, выкапывая колодцы, благоустроая ихъ, пользовались естественными, отъ Бога данными ключами, — источниками воды. Пусть послѣ преподобныхъ рукъ Саввиныхъ вполнѣдствіи не разъ обдѣлывали его и другія руки обыкновенныхъ людей ¹⁾. Но все же онъ по указанной выше живой увѣренности останется для насъ святымъ

¹⁾ Исторія колодца за время съ 1842 г. изложена въ статьѣ „Разсказы о Саввинѣ Сторожевскомъ монастырѣ о. Савватія“, вполнѣдствіи іеросхимонаха Сергія (*Душеполезное Чтеніе* 1879 г., ч. 2, стр. 440—443).

колодцомъ *Саввинымъ*, сообщающимъ благодатную, цѣлительную силу притекающимъ къ нему съ вѣрою.

Имѣются и положительныя свидѣтельства о томъ, что преп. Савва чрезъ воду этого колодца подавалъ исцѣленія вѣрующимъ. Такъ въ 1842 г. преп. Савва явился во снѣ одному больному крестьянину здѣшней Саввинской слободы и сказалъ ему: «сходи на колодецъ мой, который въ роцѣ въ оврагѣ, возьми изъ него воды, напейся—и будешь здоровъ». Крестьянинъ исполнилъ приказаніе, выздоровѣлъ и въ благодарность принесъ свою жертву на исправленіе колодца. Въ холерные (1847 и 1848-й) годы вѣрующіе брали изъ этого колодца воду, и многіе изъ нихъ по вѣрѣ своей получали исцѣвленіе отъ губительной болѣзни ¹⁾. Благодатные случаи помощи и исцѣленія отъ воды этого св. колодца продолжались и послѣ, бывають и въ наши дни, хотя, къ сожалѣнію, не записываются, оставаясь только въ благодарной памяти тѣхъ, которые удостоились получить милость отъ Господа чрезъ св. Его угодника.

Въ настоящемъ своемъ видѣ этотъ колодецъ св. Саввы является памятникомъ совершившагося въ прошломъ году, 1907, пятисотлѣтія со дня преставленія преподобнаго. Бывшій настоятель обители, преосвященный Серафимъ, возымѣлъ мысль о томъ, чтобы въ память именно 500-лѣтія со дня преставленія преподобнаго, колодецъ его имени приведенъ былъ въ болѣе благообразный видъ, чѣмъ какой имѣлъ онъ прежде ²⁾. Прекрасная мысль нашла для себя прекрасное исполненіе и умѣлаго исполнителя въ

¹⁾ См. въ разсказахъ о Савватія, с. 441. Приведенныя нами сообщенія внесены и въ новѣйшее изданіе историческаго описанія монастыря („Саввино-Сторожевскій монастырь близъ Звенигорода“. М. 1888 г., стр. 27—28).

²⁾ Уже по произнесеніи настоящей рѣчи мы имѣли случай слышать, что мысль о желательномъ приведеніи колодца преп. Саввы въ лучшій видъ къ празднованію 500-лѣтія со дня его преставленія выражалъ въ письмѣ къ преосвященному епископу Серафиму (нынѣ Каменецъ-Подольскому) одинъ изъ посѣтителей Саввино-Сторожевскаго монастыря, покойный протоіерей Верхо-Спасскаго собора Н. В. Благоразумовъ.

лицѣ о. игумена Даміана. Самый колодецъ очищенъ, предохраненъ отъ застоя воды, снабженъ удобнымъ орудіемъ для ея полученія. Надъ колодцемъ выстроена изящная часовня. Мѣсто вокругъ выровнено, — образовалась просторная площадка, — устроенъ и болѣе прежняго удобный мощный спускъ съ перилами. Святое мѣсто стало особенно благолѣпнымъ, однимъ изъ прекраснѣйшихъ Саввинскихъ мѣстъ. Посмотрите въ самомъ дѣлѣ еще разъ, — какъ здѣсь хорошо! Посмотрите, какое прекрасное окаймленіе даетъ здѣсь сама природа, эти высящіяся надъ нами деревья, — эта масса зелени. На обратномъ подъемѣ, въ срединѣ пути, взгляните на два исполинскихъ дуба, весьма вѣроятно бывшихъ еще при жизни преподобнаго; они стоятъ одинъ противъ другого, какъ два стража этого св. мѣста, или какъ бы образуютъ живые ворота къ нему. Этотъ спускъ среди густой листвы напоминаетъ нѣсколько спускъ къ Днѣпру у Кіевскихъ пещеръ, а эта новая часовня заставляетъ вспомнить часовню въ Саровѣ надъ Серафимовскимъ источникомъ. Да, хорошо здѣсь! Умиленіе охватываетъ сердце и еще разъ хочется вознести къ небесному игумену прилежную молитву: призри, преподобне отче нашъ Савво, на насъ, съ вѣрою и любовію притекающихъ къ тебѣ, и да будетъ вода изъ этого твоего св. колодца всѣмъ, вкушающимъ ее и кропящимся ею, во здравіе душъ и тѣлесъ!

Священникъ Сергій Страховъ.

Преподобный Серафимъ воспринялъ эту мысль и озаботился объ ея осуществленіи. Необычное дополнительное захожденіе къ колодцу при торжествѣ 17 іюля совершенно было также по мысли преподобнаго Серафима (такъ какъ 3 декабря 1907 г. вслѣдствіе зимняго времени и снѣжныхъ заносовъ неудобно было совершать молебствіе у обновленнаго колодца, хотя и предназначеннаго быть „памятникомъ пятисотлѣтія“ со дня преставленія преподобнаго). Отмѣтимъ еще, что въ настоящемъ году вскорѣ послѣ 17 іюля, — именно 1-го августа, на обновленный колодецъ былъ совершенъ крестный ходъ для освященія воды (до обновленія колодца оно совершалось 1-го августа въ другихъ мѣстахъ).

Попеченіе о бѣдныхъ въ древнемъ христіанствѣ ¹⁾.

Святые отцы церкви не только сами оказывали помощь бѣднымъ,—они неустанно призывали къ этому и всѣхъ другихъ. Это особенно должно сказать о времени, начиная съ четвертаго вѣка, когда бѣдность низшихъ классовъ, на ряду съ поражающею роскошью аристократіи дошла—преимущественно въ большихъ городахъ—до ужасающихъ размѣровъ. Такъ часто и такъ сильно церковная проповѣдь о благотвореніи не раздавалась никогда, какъ въ это время ⁴⁹⁾. Великіе церковные ораторы употребляли всѣ силы своего таланта, чтобы склонить богачей къ щедрой милостынѣ. Мы не находимъ возможнымъ привести здѣсь какія-либо относящіяся сюда мѣста изъ святоотеческихъ рѣчей, затрудняясь, какимъ изъ нихъ должно отдать преимущество ⁵⁰⁾. Считаемо достаточнымъ лишь напомнить имена святыхъ отцовъ, особенно любившихъ взывать о помощи къ бѣднымъ. Таковы на Востокѣ: св. Василій Великій ⁵¹⁾, св. Григорій Бого-

¹⁾ Продолженіе. См. ноябрьскую кн. *Душепол. Читен.* 1908 г.

⁴⁹⁾ Ранѣе этого времени о милостынѣ учили—на востокѣ, напр., Оригенъ (*In Leviticum, homil. II. 4.* См. *Migne, Patr. graec. XII, 418 sqq*); а на западѣ, напр., св. Кипріанъ (см. его трактатъ „*De opere et eleemosynis*“; *Migne, Patr. lat. IV. 601—622*).

⁵⁰⁾ Много такихъ мѣстъ приведено у *Умьорна*, „Христіанская благотворительность въ древней церкви“. Стр. 256—285.

⁵¹⁾ По свидѣтельству св. Григорія Богослова (слово 43-е, надгробное св. Василю) св. Василій, когда въ Каппадокіи былъ сильный голодъ, своими проповѣдями открылъ житницы богачей и подобно ветхозавѣтному Іосифу снабжалъ бѣдныхъ пищею и съѣстными припасами (см.

словъ ⁵²), св. Іоаннь Златоустъ ⁵³); на Западѣ: св. Амвросій Медиоланскій ⁵⁴), блаженный Августинъ ⁵⁵), св. Левъ Великій ⁵⁶), св. Григорій Двоесловъ ⁵⁷), Саль-

Творенія св. Григорія Богослова въ русск. перев., т. 4. Москва 1814, стр. 90—93. 131). То же самое читаемъ о св. Василии Великомъ и у его брата, св. Григорія Нисскаго („слово въ день памяти Василя Великаго“): „Нѣкогда сильный голодъ отяготѣлъ какъ надъ самымъ городомъ, въ которомъ суждено ему (Василію) жить, такъ и надъ всей подчиненной городу областію. Онъ, продавъ свое имущество и употребивъ деньги на пищу въ то время, когда рѣдко было, чтобы и очень зажиточные могли готовить себѣ трапезу, въ теченіе всего времени года продолжалъ питать отовсюду стекавшихся и дѣтей всего городского населенія, такъ что и на дѣтей іудеевъ одинаково простиралось дѣйствіе его человѣколюбія“ (Твор. св. Григорія Нисскаго въ русск. перев., т. VIII, стр. 315. Москва. 1871).

⁵²) Вспомнимъ хотя его знаменитое „слово о любви къ бѣднымъ“, сказанное въ Кесарійской больницѣ, устроенной св. Василиемъ Великимъ. См. Творен. св. Григорія Богослова въ русск. перев., т. II. Москва. 1843, стр. 1—46.

⁵³) Помощь бѣднымъ была однимъ изъ любимѣйшихъ предметовъ для проповѣдей знаменитаго церковнаго оратора. Отмѣтимъ слѣдующія его бесѣды: „О милостынѣ“ (см. полное собраніе твореній св. Іоанна Златоуста въ русск. перев., т. III. Спб. 1897, стр. 263—276); на Мтѣ. бес. 85 и 88 (см. Бесѣды св. Іоанна Златоуста на Евангеліе отъ Матвея въ русск. перев., т. III. Москва. 1864, изд. 5, стр. 553 и сл.; 593 и сл.); 21 бес. на 1 Кор. (въ русск. пер., ч. I, изд. 3. Спб. 1863, стр. 379 и сл.), и мн. др.

⁵⁴) *S. Ambrosii, De Elia et jejunio, XX, 73* (см. *Migne, Patr. lat. XIV, 724—725*); *Sermo XL—de jejuniis et eleemosynis (Migne, ibid. XVII, 682—684)*; *De officiis ministrorum XXX* (ibid. XVI, 65—69); *De Nabuthe, XII* (ibid. XIV, 747); *Expositio evangel. secund. Luc. (cap. XVI, v. 9), lib. VII, 245* (ibid. XV, 1764).

⁵⁵) *Augustini, Sermo LXI, Matth. VII, 7—11* (см. *Migne, Patr. lat. XXXVIII, 409—414*); *Sermo CCCLV, de vita et moribus clericorum* (ibid. XXXIX, 1568—1574); *Sermo LXXXIII, in Matth. XVIII, 21—22* (ibid. XXXVIII, 514—519); *Sermo CXXIII, in Joann. cap. V.* (ibid. 686); *Sermo IX, de decem chordis* (ibid. 75—91); *Enchiridion, CX* (ibid. XL, 283).

⁵⁶) *Leonis Magni, Sermones VI, VII, VIII, XI—XIII* и мн. др. См. *Migne, Patr. lat. LIV, 157, sqq.*

⁵⁷) *Gregorii Magni, Moralium l. XII, c. LI, 57* (см. *Migne, Patr.*

віанъ ⁵⁸), Кесарій Арелатскій ⁵⁹) и счєвь многіє дру-гіє.

Проповѣди святыхъ отцовъ, конечно, не были безплодными. Изъ исторіи намъ извѣстенъ цѣлый рядъ богатыхъ христіанъ и христіанокъ, которые, внимая убѣжденіямъ пастырей, не жалѣли своихъ богатствъ на помощь бѣднымъ. Такова—на Востокѣ діакоинисса Олимпіада, богатая, умная женщина, самага аристократическаго происхожденія, на которой хотѣлъ жениться императоръ Θεодосій. Все свое богатство она тратила на бѣдныхъ, при чемъ ея дѣлами милосердія руководилъ св. Іоаннь Златоустъ. Такова—на Западѣ Павла, родъ которой шелъ со стороны матери отъ Сципіоновъ и Гракховъ, а со стороны отца отъ Агамемнона, и мужъ которой находился въ родствѣ съ домомъ Юліевъ. Овдовѣвъ, она щедро раздавала всѣ свои громадныя богатства бѣднымъ, разыскивая ихъ сама и считая для себя потерю, если кого-либо изъ больныхъ и голодныхъ накормилъ и упокоилъ кто-либо иной, а не она сама. Святой Павлѣ во всемъ подражали и ея три дочери: Евстохія, Блезинна и Павлина, а также и зять Паммахій ⁶⁰). Лишившись своей жены, Павлины, сенаторъ Паммахій, потомокъ Камилла, продалъ свои сокровища, чтобы вырученныя деньги отдать на бѣдныхъ. «По успеніи Павлины,—пишетъ о Паммахіи бл. Іеронимъ,—Церковь родила Паммахія монаха, богатаго милостынями, высокаго

lat. LXXV, 1013); I. XXI, с. XIX, 31 (ibid. LXXVI, 208); Homil. in evangel. I, I, hom. XX (Luc. III, 1—11); 11—12 (ibid. LXXVI, 1165); I. II, hom. XL, 3—4 (ibid. 1305—1306).

⁵⁸) *Salviani, Adversum avaritiam, libri quatuor* (см. *Migne, Patr. lat.* LIII, 173—238).

⁵⁹) *Caesarii Arelat.* Homil. XV (см. *Migne, Patr. Lat.* LXVII, 1072 sq.).

⁶⁰) См. обо всѣхъ нихъ у бл. *Іеронима* въ письмахъ: къ Павлѣ о копчии дочери ея Блезинны (Тверенія бл. Іеронима въ русск. перев., т. I, стр. 198—211),—къ Паммахію (тамъ же, т. II, 217—230);—къ Евстохіи (тамъ же, 449—490).

смирениемъ. Теперь въ числѣ монаховъ много мудрыхъ, сильныхъ, благородныхъ. Всѣхъ ихъ мудрѣ, сильнѣ, благороднѣ мой Паммахій,—великій изъ великихъ, первый изъ первыхъ, архистратигъ изъ монаховъ. Блестящіе драгоценные камни, которыми прежде украшались шея и лицо (и которые принадлежали Паммахію) теперь насыщаютъ желудки вичихъ. Шедковое платье и золото, растянутое въ нити, перемѣнены теперь на мягкія шерстявыя одежды, которыя защищаютъ отъ холода, а не обнажаютъ тщеславія. Слѣпой, который протягиваетъ руку и часто зоветъ тамъ, гдѣ нѣтъ никого, теперь наслѣдникъ Павлины и сонаслѣдникъ Паммахія. Безногаго, влачащагося всѣмъ тѣломъ, поддерживаютъ нѣжныя руки дѣвицы. Двери, которыя прежде впускали толпу поздравителей, теперь осаждаются бѣдными. Одинъ смертельно мучится съ распухшимъ животомъ, другой безъязычный и нѣмой, не имѣя даже возможности просить, еще болѣе просить — потому что не можетъ просить. Этотъ, разслабленный съ малолѣтства, не просить милостыню; тотъ, разлагающійся отъ желтухи, переживаетъ свой трупъ... Онъ (т. е. Паммахій) ходитъ въ сопровожденіи этой толпы, въ нихъ согрѣваетъ Христа, ихъ нечистотою убѣляется. Такъ поспѣшаетъ на небо благодетель бѣдныхъ, милосердный къ неимущимъ ⁶¹⁾.

Не можемъ также не вспомнить здѣсь о Фабіолѣ и двухъ Меланіяхъ: старшей—бабкѣ, и младшей—ея внучкѣ. Богатая и знатная Фабіола, происходившая, какъ показываетъ уже ея имя, изъ рода Фабіева, оставивъ своего развратнаго мужа, можно сказать, жила только для бѣдныхъ и больныхъ ⁶²⁾. То же самое извѣстно и о Меланіяхъ. Всѣ доходы съ богатыхъ своихъ имѣній онѣ тратили на бѣдныхъ ⁶³⁾.

⁶¹⁾ Письмо къ Паммахію. Творен. бл. Иеронима въ русск. перев., т. II, стр. 220—221. Кіевъ 1864.

⁶²⁾ *Бл. Иеронимъ*, Письмо къ Океану. См. твор., т. II, стр. 284—296.

⁶³⁾ *Палладій Еленопольскій*, Лавсаикъ, въ русск. перев., гл. 104 и 105; стр. 341—349. Срвн. *Migne*, Patr. gr. t. XXXIV; cap. 117, col. 1220—1226; col. 119, col. 1227—1233.

Но не одни только особенно богатые и знатные охотно шли съ своими богатствами на помощь нуждающимся. Помогалъ всякій, кто желалъ.

О сестрѣ святыхъ братьевъ—Василія Великаго, Григорія Нисскаго и св. Петра, св. Макрѣвѣ, извѣстно, что всѣ свои средства она употребляла на помощь бѣднымъ, особенно же во время голода, постигшаго Каппадокію, когда ея примѣру послѣдовали и ея знаменитые братья ⁶⁴). Св. Григорій Богословъ говоритъ о своей матери Ноннѣ: «Если бы позволили ей черпать изъ Атлантическаго или другого обширнѣйшаго моря, и того бы ей не достало: такъ велико и непомѣрно было въ ней желаніе подавать милостыню!.. Все имущество, какое у нихъ (т.-е. у ней и у ея супруга), и какое присовокупилось впоследствии, считала она скуднымъ для своего желанія; но если бы можно было,—въ пользу нищихъ, какъ неоднократно слыхалъ отъ нея, отдала бы себя и дѣтей» ⁶⁵). Подобное же говоритъ тотъ же св. Григорій Богословъ и о сестрѣ своей Горгоніи: «Чья рука была щедрѣе для нуждающихся? И я смѣло обращаю въ похвалу ей слова Іова: *дверь ея всякому входящему отверста бѣ, и внѣ не водворяешся странникъ* (Іовъ, 31, 32); она была *око слѣпымъ, нога же хромымъ* (Іов. 29, 15), и мать сиротамъ. О милосердіи ея къ вдовамъ нужно ли говорить, развѣ сказать то, что плодомъ сего было—не именоваться вдовою? Домъ ея былъ общимъ пристанищемъ для бѣдныхъ родственниковъ, а имуще-

⁶⁴) Св. Григорія Нисскаго „О жизни преподобной Макрины, сестры Василія Великаго, къ Олимпію монаху“ (см. твор. св. Григорія Нисскаго, въ русск. перев., т. 8. Мскв. 1871. стр. 342 и сл.); *ею же* „Слово въ день памяти Василія Великаго, родного брата“ (см. тамъ же, стр. 314 и сл.); св. Григорія Благослова: „Слово 43-е надгробное св. Василию“ (см. твор. св. Григ. Богосл., въ русск. перев., т. 4. Мскв. 1844, стр. 90 и сл.).

⁶⁵) „Слово, говоренное въ похвалу отцу и въ утѣшеніе матери Ноннѣ“. См. твор. св. Григор. Богосл., въ русск. перев., т. II, Мскв. 1843, стр. 119—120.

ствомъ ея пользовались всѣ нуждающіеся не менѣе, какъ бы своею собственностію» ⁶⁶).

На отзывчивость всѣхъ вообще христіанъ къ помощи бѣднымъ можно находить указанія и въ эпитафіяхъ, относящихся ко времени не ранѣе IV вѣка. «Въ многочисленныхъ эпитафіяхъ этого времени, — говоритъ Ульгорнъ, — обыкновенно восхваляется любовь къ бѣднымъ, благотворительность, изобильныя милостыни. Нѣкій Юніанъ называется «любителемъ бѣдныхъ» и его жена Виргинія, похороненная близъ него, «любительницею бѣдныхъ и ревностной въ добрыхъ дѣлахъ» (De Rossi, Inscr. Cristian., 62). Другая замужняя женщина также называется «любительницей бѣдныхъ» (Corp. Inscript. V. 6286). Въ эпитафіи одного христіанина мы читаемъ, что «вдовы и сироты имѣли въ немъ отца», а въ другой эпитафіи—христіанки, что «благородная по рожденію и богатая имуществами она была матерію бѣдныхъ», (Le Blant. Inscr. 386). «Милостивый къ бѣднымъ» — такая похвала встрѣчается очень часто (тамъ же, 407. 450); а объ одномъ купцѣ сказано: «Онъ былъ пристанищемъ для несчастныхъ и пристанищемъ для бѣдныхъ». Въ то же время онъ восхваляется за то, что часто посѣщалъ святыя мѣста и прилежно предавался молитвѣ и милостынѣ (Le Blant. Inscr. 17). Что касается знатныхъ особъ, то ихъ благотворительность описывается до подробностей: «Бѣдные отходили отъ него счастливыми, нагіе оставляли его одѣтыми, плѣнникъ радовался, что выкупленъ» — читается въ надгробной надписи надъ епископомъ Намаціемъ Вьенскимъ, умершимъ въ 522 году (тамъ же, стр. 425); и на другой гробницѣ: «Посвящая все страннику, онъ, богатый благочестивою бѣдностію, отошелъ къ звѣздамъ» (тамъ же 426)... и мн. др. Такимъ образомъ, даже и надгробные камни

⁶⁶) Слово надгробное Горгоніи, сестрѣ св. Григорія Назіанзина (см. твор. св. Григор. Богосл., въ русск. перев., т. I. Мскв. 1843, стр. 277—278).

громко говорить о широкой благотворительности древнихъ христіанъ ⁶⁷⁾.

Любовь къ бѣднымъ у древнихъ христіанъ была столь велика, что на помощь нуждающимся откликались даже и тѣ, которые не могли похвалиться имущественнымъ достаткомъ, ибо считалось необходимымъ помогать не только отъ богатства, но и отъ скудости. (Лк. 21, 1—4). Извѣстно, что бѣдные христіане иногда налагали на себя добровольный постъ, чтобы образовавшіяся чрезъ извѣстные лишенія себя въ пищѣ и питіи сбереженія пожертвовать бѣднымъ. О такомъ постѣ говорится уже въ «Пастырѣ» Ермы, гдѣ этотъ постъ называется «приятнымъ приношеніемъ Богу» ⁶⁸⁾.

«Относительно поста,—читаемъ мы въ этомъ древнемъ памятникѣ,—поступай такъ: въ тотъ день, въ который постишься, ничего не вкушай, кромѣ хлѣба и воды, и исчисливши издержки, которыя ты сдѣлалъ бы въ этотъ день на пищу, по примѣру прежнихъ дней, остающееся отъ этого дня отложи и отдай вдовѣ, сиротѣ, бѣднымъ».

Оригенъ пишетъ: «Есть еще иной благочестивый постъ, восхваляемый въ писаніяхъ нѣкоторыхъ апостоловъ, ибо въ одной книгѣ сказано ⁶⁹⁾: «блаженъ, кто постится также и для того, чтобы напитать бѣднаго»; такой постъ особенно угоденъ Богу и поистинѣ вполне достоинъ, ибо здѣсь есть подражаніе Тому, Кто душу свою положилъ за братьевъ Своихъ» ⁷⁰⁾. Тертуліанъ говоритъ о христіанахъ его времени: «Епископы назначаютъ у насъ дни постовъ для вѣрныхъ—это служить средствомъ увеличивать сокровищницу бѣдныхъ». Въ «постановленіяхъ Апостольскихъ»

⁶⁷⁾ Уморкъ. Христіанская благотворительность. Стр. 283—285.

⁶⁸⁾ *Hermae*, Pastor. Lib. III. Simil. V., cap. III. См. *Migne*, Patr. graec. II, col. 960.

⁶⁹⁾ Оригенъ очевидно имѣетъ въ виду какой либо изъ оставшихся для нашего времени неизвѣстнымъ апокрифовъ. См. *Migne*, Patr. graec. XII, 528.

предписывается: «Кто не имѣеть чѣмъ послужить, тотъ пусть попостится, и что останется отъ того дня, то пусть назначить святымъ» ⁷¹⁾, т. е. нуждающимся христіанамъ ⁷²⁾.

Законъ Моисеевъ предписывалъ евреямъ отчислять особую десятину въ пользу чужеземцевъ, вдовъ и сиротъ ⁷³⁾. Очень можетъ быть, что нѣкоторые изъ христіанъ слѣдовали этому ветхозавѣтному предписанію, т. е. жертвовали на бѣдныхъ десятую часть всѣхъ своихъ доходовъ. Такое предположеніе получаетъ тѣмъ большую для себя силу, что отцы и учителя церкви нерѣдко призывали дѣлать такого рода пожертвованія. Такъ *Оригенъ* говоритъ: «Законъ повелѣваетъ священникамъ приносить въ жертву начатки всѣхъ плодовъ и всего скота... Я признаю необходимымъ соблюдать этотъ законъ буквально (*secundum litteram*), равно какъ и иные, ибо въ Ветхомъ Завѣтѣ есть повелѣнія, которыя должны соблюдать и ученики Новаго Завета» ⁷⁴⁾. *Постановленія Апостольскія* предписываютъ христіанамъ: «Епископа вы должны любить, какъ отца, бояться — какъ царя, чтить — какъ господина, принося ему на

⁷⁰⁾ *Origenis*, In Leviticum homil. X. 2. См. *Migne*, *ibid*.

⁷¹⁾ *Постановленія Апостольскія* въ русск. перев., кн. 5, гл. 1; стр. 131. *Migne*, *Patr. gr.* I. 829.

⁷²⁾ Изъ исторіи извѣстно, что иногда и у язычниковъ налагался постъ съ такой же цѣлю. Такъ Аристотель сообщаетъ, что однажды лакедемоняне, желая оказать помощь самнитянамъ, нуждавшимся въ деньгахъ, рѣшили наложить на себя, на своихъ рабовъ и на скотъ постъ въ продолженіе одного дня и полученное отсюда сбереженіе отдать самнитянамъ. (Oeconom. Lib. II. См. *Aristoteles*, graece in recensione I. Becceri. Edidit Academia Borussica. Volum. alterum. Berolini 1831. pag. 1347). Но такіе случаи въ язычествѣ были чрезвычайно рѣдкими.

⁷³⁾ Втор. 14, 28, 29; 26, 12—13. Разъясненіе, какъ должны были евреи расчислить десятины и на что именно ихъ употреблять, см. у *Властова*—Священная Лѣтопись, т. 3-й (часть 2-ая). Спб. 1878, стр. 83—84.

⁷⁴⁾ *Origenis*, in Numer. Homil XI. 1. См. *Migne*, *Patr. Graec.* t. XII col. 640—641.

благословеніе васъ, плоды ваши и дѣла рукъ вашихъ, давая ему, какъ священнику Божію, начатки ваши, десятины ваши, части ваши и дары ваши, начатокъ хлѣба, вина, едея, яблокъ, вѣлны и всего, чѣмъ снабжаетъ васъ Господь Богъ ⁷⁵). И въ другомъ мѣстѣ: «Всякій начатокъ должно приносить епископу и пресвитерамъ, и діаконамъ на пропитаніе ихъ, а всякую десятину приносить на пропитаніе прочихъ клириковъ и дѣвственницъ, и вдовицъ, и угнетаемыхъ бѣдностію; ибо начатки принадлежатъ священникамъ и служащимъ имъ діаконамъ» ⁷⁶). Подобное же повелѣвается и правилами, приписываемыми св. *Ипполиту* ⁷⁷). Желалъ видѣть такого рода пожертвованія и св. *Киприанъ Карфагенскій*, что можно заключать изъ слѣдующихъ его словъ, въ которыхъ онъ жалуется, что въ современныхъ ему христіанахъ уже незамѣтно того, что было у первенствующихъ: «Тогда,—говоритъ онъ,—продавали дома и помѣстья и, полагая себѣ сокровище на небѣ, отдавали Апостоламъ вырученныя деньги раздать нуждающимся; а теперь мы не отдаемъ даже и десятой части отъ своихъ владѣній, и тогда какъ Богъ повелѣваетъ продавать, мы, напротивъ, покупаемъ и увеличиваемъ. Такъ увяла въ насъ жизненность вѣры и ослабѣла сила вѣрующихъ» ⁷⁸). Изъ отцовъ болѣе поздняго времени особенно сильно убѣждали христіанъ жертвовать десятину на бѣдныхъ на востокѣ св. Іоаннъ Златоустъ ⁷⁹) и на Западѣ блаженный Іеронимъ ⁸⁰).

⁷⁵) Кн. II, гл. 34; срв. — гл. 35 (въ русск. пер. Казань 1864, стр. 64—65). *Migne Patr. Graec. t. I. col. 681—685.*

⁷⁶) Кн. VII, гл. 30 (въ русскомъ переводѣ стр. 289). *Migne. ibid.* col. 1125.

⁷⁷) *San. Hippol. 36. См. Migne, Patr. graec. t. X. col. 960.*

⁷⁸) *Cypriani, De unitate Ecclesiae, c: XXVI. См. Migne, Patr. Lat. t. IV. col. 518.*

⁷⁹) Напр. въ 64-ой бесѣдѣ на Евангеліе отъ Маттея св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „я хочу говорить о милостынѣ, чтобы нуждающихся милостыни побудить къ подаванію оной, а дающихъ предохранить отъ

Конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что къ сильнымъ убѣжденіямъ достойныхъ пастырей не оставались совершенно глухими всѣ ихъ пасомые. Случаи жертвованія десятины на бѣдныхъ бывали. Но это дѣлалось не въ силу опредѣленныхъ законовъ, а всегда добровольно, черезъ что такая жертва получала еще большую цѣну. Законы о десятинахъ стали издавать только въ болѣе позднее время, и именно на Западѣ—на соборахъ франкскихъ въ Турѣ (въ 567 г.) и Магонѣ (585 г.)⁸¹⁾. Однако, по всей вѣроятности, эти соборныя опредѣленія оставались безъ исполненія, такъ что и на Западѣ, если кто и жертвовалъ десятину, то едва ли въ силу указанныхъ предписаній, а скорѣе по своей доброй волѣ⁸²⁾.

высокомѣрія и заставить подавать еще болѣе. Итакъ, что фарисеи давали? Они давали десятину отъ всего имущества и еще другую десятину, и послѣ сей третью, такъ, что почти третью часть своего имѣнія отдавали. Ибо три десятины составляютъ почти третью часть всего имѣнія; сверхъ того они приносили пачатки первородныхъ животныхъ и много другихъ жертвъ, каковы, на примѣръ, жертвы о грѣхѣ, о очищеніи; жертвы, совершаемыя при праздникахъ, во время юбилея, при оставленіи домовъ, при отпущеніи рабовъ и при займахъ безъ роста. Ежели дающіе третью часть имѣній своихъ, или лучше половину (ибо сіи приношенія, взятыя вмѣстѣ съ оными, составляютъ половину); ежели, говорю, половину дающій ничего великаго не содѣлываетъ; такъ чего будетъ достоинъ тотъ, кто не подаетъ и десятины?“ (Бесѣды на Еванг. Матѳея, въ русск. перев. т. III. Изд. 5. Мскв. 1864, стр. 102—103. Срвн. *Migne*, Patr. graec. t. LVIII. Col. 603—610). Несомнѣнно увѣщанія великаго Святителя не оставались безплодными. Это можно заключить, напр. изъ того, что, по его же словамъ (см. 66 бес. на Еванг. Матѳея, § 3; см. въ русск. пер. стр. 139—140. Срвн. *Migne*, Patr. graec. t. LVIII. col. 625—631), Церковь содержала при немъ до трехъ тысячъ разнаго рода нуждающихся, кромѣ содержимыхъ также ею „заключенныхъ въ темницѣ, находящихся въ гостиницѣ, какъ болящихъ, такъ и здоровыхъ, чужестранцевъ, калѣкъ, сидящихъ при храмѣ для пищи и одежды, и другихъ просто приходящихъ каждодневно“.

⁸⁰⁾ *Hieronymi*, Comment. in Ezechiel. cap. XLV. vers. 13 — 14. См. *Migne*, Patr. Lat. t. XXV. col. 450 sqq.

⁸¹⁾ *Ульторнъ*, Христіанская благотворительность. Стр. 242.

⁸²⁾ Къ добровольному жертвованію десятины со всѣхъ своихъ до-

Наконецъ, бѣдные у древнихъ христіанъ пользовались вообще отъ всѣхъ богатствъ, которыми владѣла Церковь. Какъ велики были эти богатства, можно судить, напр., изъ того, что въ четвертомъ столѣтіи, при папѣ Дамасѣ (366—384 г.), префектъ Рима, Претекстатъ, считалъ себя бѣдняке Римской Церкви, хотя, кромѣ своего жалованья, онъ получалъ болѣе полутора милліона рублей дохода отъ своихъ имѣній⁸³). При св. Григоріи Великомъ Римская Церковь сдѣлалась еще болѣе богатою, владѣя помѣстьями не только въ Италіи и Сициліи, но также въ Галліи и даже на Востокѣ⁸⁴). Изъ восточныхъ Церквей славилась богатствомъ особенно Церковь Александрійская. Св. Іоаннъ Милостивый, сдѣлавшись въ началѣ седьмого вѣка патріархомъ ея, нашелъ въ церковномъ казнохранилищѣ 8000 червонцевъ⁸⁵). Церковь обогащалась главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что въ пользу ея со временъ Константина Великаго можно было дѣлать духовныя завѣщанія, по которымъ она становилась наследницей богатыхъ имуществъ. Кромѣ того, Церкви обыкновенно отдавались всѣ сокровища, принадлежавшія прежде языческимъ храмамъ⁸⁶). Наконецъ, церковь получала щедрыя пожертвованія и большіе денежные вклады отъ богатыхъ христіанъ⁸⁷).

Но церковь всѣ богатства, какими она владѣла, всегда считала принадлежащими бѣднымъ.

ходовъ призываетъ и пастъ отечественный пастырь Протоіерей А. Ивановъ-Платоновъ. См. „За третье десятилѣтіе священства“. Сергіевъ-Посадъ, 1894. Статя „О христіанскомъ благотвореніи“. Стр. 127—161

⁸³) *Ульгорнъ*, Христіанская благотворительность. Стр. 243.

⁸⁴) Тамъ же.

⁸⁵) Тамъ же. Стр. 244.

⁸⁶) Тамъ же. Стр. 238.

⁸⁷) Иногда это дѣлалось не столько по усердію, сколь по тщеславію, такъ что св. Іоаннъ Златоустъ обращался къ своимъ слушателямъ съ такими словами обличенія (50-ая бес. на Еванг. отъ Маттея): „Не запрещаю дѣлать богатые вклады, но требую, чтобы вы вмѣстѣ съ вкладами и даже прежде оныхъ творили милостыню. Хотя Богъ при-

Такъ было опредѣлено даже каноническими правилами. Напримѣръ, 41-мъ апостольскимъ правиломъ и 25-мъ правиломъ помѣстнаго Антиохійскаго собора епископу дается власть употреблять церковное имущество «на пользу всѣхъ нуждающихся», «да не терпятъ недостатка ни въ какомъ отношеніи». Извѣстенъ разсказъ о св. мученикѣ *Лаврентіи*, архидіаконѣ римскомъ, пострадавшемъ въ 258 г., при императорѣ Валеріанѣ. Когда язычники потребовали отъ него выдачи всѣхъ церковныхъ сокровищъ, онъ, собравши бѣдныхъ и нищихъ, указалъ на нихъ, говоря: «вотъ богатства церкви»⁸⁸). Такое воззрѣніе на свои богатства, какъ на принадлежащія бѣднымъ, Церковь не измѣнила и послѣ умиротворенія. «Церковь владѣеть золотомъ, — говоритъ св. *Амвросій Медиоланскій*, — не для того, что хранить его, но чтобы въ случаяхъ нужды оказывать имъ помощь. Зачѣмъ хранить бесполезное?.. Не лучше ли священнику употреблять золото на пропитаніе бѣдныхъ, когда для этого нѣтъ другого средства?»⁸⁹) *Бл. Августинъ* писалъ своему намѣстнику Бонифацію: «Золото принадлежитъ не намъ, но бѣднымъ, мы только завѣдуемъ имъ, но не высказы-

емлетъ и вклады, но гораздо лучше милостыню. Тамъ одинъ приносящій получаетъ пользу, а здѣсь и пріемлющій. Тамъ даръ бываетъ иногда поводомъ къ тщеславію, а здѣсь все дѣлается по одному милосердію и человѣколюбію“... Бесѣды на Евангелиста Маттея, въ русск. пер. Часть II, изд. 5-е. Мскв. 1864, стр. 364 и см. *Migne, Patr. graec. t. LVIII, col. 501 sqq.*

⁸⁸) Разсказъ объ этомъ приводится св. *Амвросіемъ Медиоланскимъ* („О должностяхъ“ Кн. 2, гл. 28, въ русск. пер. Кіево-Печерская Лавра. 1823, листъ 117, на обор. *Migne, Patr. Lat. t. XVI. col. 141*), св. *Львомъ Великимъ* (*Sermo LXXXV, in natali S. Laurentii, Migne, Patr. Lat. t. LIV. col. 434—437*). *Бл. Августиномъ* (*Sermo CCCIII, in natali Laurentii Migne, Patr. Lat. t. XXXVIII, col. 1393 — 1395*), *Пруденціемъ* (*Peristephanon, hymn. II, Passio Laurentii; Migne, Patr. Lat. LX, col. 294 sqq.*). Срвн. также *Acta Sanct. Bolland. August t. II. p. 492.*

⁸⁹) *S. Ambrosii, De officiis ministrorum, Lib. II. cap. 28. Migne, t. XVI. col. 140.* Въ русск. пер. Кіево-Печерская Лавра 1823. Листъ 117 и на об.

ваемъ притязаній ни на какую собственность ⁹⁰⁾. И это не было одними только словами, что можно судить уже изъ того, что въ Антиохіи, при св. Іоаннѣ Златоустѣ, церковь оказывала помощь болѣе чѣмъ 3000 бѣдныхъ ⁹¹⁾. Объ Александрійскомъ патріархѣ св. Іоаннѣ Милостивомъ Симеонѣ Метафрастѣ рассказываетъ, что св. Іоаннѣ Милостивый, сдѣлавшись патріархомъ, призвалъ завѣдующихъ церковнымъ имуществомъ и сказалъ имъ: «Подите, опишите всѣхъ моихъ владыкъ въ городѣ». Тѣ недоумѣвали, кого онъ разумѣетъ. Патріархъ сказалъ: «Это бѣдные: они помогутъ мнѣ не отпасть отъ царства Христова». Переписанныхъ оказалось 7500 человекъ ⁹²⁾. Въ Римѣ при св. Григоріи Двоесловѣ списокъ бѣдныхъ, получавшихъ содержаніе отъ Церкви, имѣлъ размѣръ большого тома. На нихъ шла четвертая часть всѣхъ церковныхъ доходовъ ⁹³⁾

Извѣстны также случаи, когда епископы не задумывались продавать даже священные сосуды, чтобы оказать помощь нуждающимся. Такъ бл. Іеронимъ восхваляетъ за это Экссуперія, епископа Тулузскаго ⁹⁴⁾. Также и св. Амвросій Медиоланскій употребилъ церковныя сокровища на выкупъ плѣнныхъ. Аріане упрекали его за это, называя таковой поступокъ святотатствомъ, но св. Амвросій отвѣчалъ имъ: «Неужели кто столь немилосердъ и жестокъ, что ему неприятно искупить человека отъ смерти, женщину—освободить отъ варваровъ, что тяжелѣе смерти, — отроковъ, отроковицъ и младенцевъ удалить отъ мерзости идольской.

⁹⁰⁾ *Augustini*, Epist. CLXXXV. *Migne*, Patr. Lat. XXXIII, col. 792 sqq.

⁹¹⁾ *Св. Іоанна Златоуста* 66-я бесѣда на Еванг. отъ Маттея. См. въ русск. перев. т. III стр. 139 — 140. *Migne* Patr. graec. t. LVIII. col. 625—631.

⁹²⁾ *Symeon. Metaphr.* Ianuarii 15. См. *Migne*, Patr. graec. t. CXIV. col. 901. Составленное Метафрастомъ житіе св. Іоанна Милостиваго помѣщено также и въ *Acta Sanct.* Bolland. Ianuarii, t. III, p. 131 sqq.

⁹³⁾ *Ioann. diacon.*, Vita S. Gregorii. Magni Lib. II. См. *Migne*, Patr. Lat. LXXV. col. 97.

Гораздо полезнѣе сохранить души для Господа, чѣмъ сохранить золото, ибо Онъ, пославъ Апостоловъ безъ золота, собралъ Церковь также безъ золота.

Поэтому Церковь владѣеть золотомъ не для накопленія, а для раздачи его и для помощи посредствомъ него въ бѣдствіи. Развѣ Господь не спроситъ насъ: зачѣмъ вы допустили столь многимъ умереть съ голода?.. Если ты будешь говорить: «я боялся, чтобы храмъ Божій не имѣлъ нужды въ необходимомъ украшеніи»,—то не отвѣтитъ ли Онъ: «Таинства не покупаются за золото и поэтому не нуждаются въ золотѣ, и не за золото принимаются ⁹⁵⁾». Св. Амвросію послѣдовалъ Акакій, епископъ Амасійскій. Пожелавъ выкупить семь тысячъ плѣнныхъ персовъ, которые, будучи захвачены римскими войнами, находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи, Акакій собралъ свой клиръ и сказалъ ему: «Богъ нашъ не нуждается ни въ чашахъ, ни въ блюдахъ, ибо онъ ни ѣсть, ни пьетъ, поэтому употребимъ золотые и серебряные сосуды, которыми владѣеть церковь, на то, чтобы выкупить этихъ несчастныхъ плѣнныхъ». Предложеніе милосерднаго епископа было принято, и всѣ плѣнные получили освобожденіе ⁹⁶⁾.

Вообще, нужно сказать, что древняя христіанская Церковь никогда не задумывалась пожертвовать всѣ свои сокровища, если чрезъ это представлялась возможность осушить слезы и утолить скорбь. Для Церкви истинными яхонтами и изумрудами служили всѣ нуждающіеся, которымъ она помогала. У писателя четвертаго вѣка, Палладія Еленопольскаго, въ его Лавсаикѣ встрѣчаемъ прекрасный разсказъ объ александрійскомъ пресвитерѣ Маркаріи. Получивъ отъ одной богатой дѣвицы 500 червон-

⁹⁴⁾ *Hieronymi*, Epist. ad. Rusticum. См. *Migne*, Patr. Lat. t. XXII. col. 1085.

⁹⁵⁾ *S. Ambrosii*, De officiis ministrorum, Lib. II. cap. 28. См. *Migne*, Patr. Lat. t. XVI. col. 140 sqq. (Въ русск. перев. Киево-Печерск. Лавра 1823 г. Листъ, 117).

⁹⁶⁾ *Socr. Hist. eccl. VII. 21. Migne*, 67, 781.

цевъ,—передаетъ Палладій,—Макарій на эти деньги построилъ богадѣльный домъ, въ которомъ далъ пріютъ многимъ больнымъ и убогимъ, а двѣ сказалъ, что онъ купилъ драгоцѣнныхъ яхонтовъ и изумрудовъ, которые желалъ бы ей показать въ своей богадѣльнѣ. Когда двѣвица пришла къ этому дому, Макарій «вводитъ ее въ ворота и говоритъ: что угодно тебѣ сперва видѣть: яхонты или изумруды?»—«Что хочешь», отвѣчаетъ она. Макарій повелъ ее наверхъ и, указывая на женщинъ увѣчныхъ, слѣпыхъ, сказалъ ей: «это вотъ яхонты!» Потомъ свелъ ее внизъ и, указывая на такихъ же мужчинъ, сказалъ: «А это изумруды! и я полагаю, что драгоцѣннѣе этихъ нигдѣ не найти! Если они не нравятся тебѣ, возьми свои деньги назадъ»⁹⁷⁾. Если такое значеніе придавалось христіанами помощи нуждающимся, то, конечно, пожертвованіе на украшеніе храма святыя отцы не считали угоднымъ Богу въ томъ случаѣ, когда жертвователю не позаботился прежде всего о помощи бѣднымъ. Здѣсь мы не можемъ не привести прекрасныхъ словъ св. Іоанна Златоуста: «Не почтемъ достаточнымъ для спасенія,—убѣждаетъ своихъ слушателей великій отецъ церкви, этотъ истинный другъ всѣхъ бѣдныхъ и столь отзывчивый ко всякому горю,—если, ограбивъ вдовъ и сиротъ, принесемъ золотой и украшенный драгоцѣнными камнями сосудъ для св. трапезы. Если ты хочешь почтить жертву, то принеси душу свою, за которую принесена жертва; душу свою сдѣлай золотою. Если же она хуже свинца и глины, а ты приносишь золотой сосудъ, какая изъ того польза? Итакъ, будемъ заботиться не о томъ одномъ, чтобы принести въ даръ золотые сосуды, но о томъ, чтобы принести отъ праведныхъ трудовъ. Такія приношенія, добытыя тобою безъ любостыжанія, дороже всякихъ золотыхъ. Церковь—не на то, чтобы въ ней плавить золото, ковать

⁹⁷⁾ *Pallad.* Lausaic., c. 6. *Migne*, P. G. XXXIV, 1018 sqq. По русск. перев. стр. 26.

серебро; она есть торжественное собраніе ангеловъ. Поэтому мы требуемъ въ даръ ваши души,—вѣдь, ради душъ принимаетъ Богъ и прочіе дары. Не серебряная была тогда трапеза, и не изъ золотого сосуда Христось давалъ пить кровь Свою ученикамъ. Однакоже тамъ все было драгоцѣнно, все возбуждало благоговѣніе, потому что все исполнено было Духа. Хочешь почитать тѣло Христово? Не презирай, когда видишь Христа нагимъ. И что пользы, если здѣсь почитишь Его шелковыми покровами, а внѣ храма оставишь терпѣть и холодъ, и наготу? Изрекшіи—*сіе есть тѣло Мое* (Матѳ. XXVI, 26) и утвердившіи словомъ дѣло сказалъ также: вы видѣли Меня алчущаго и не напитали; и далѣе: *понеже не сотвористе единому сихъ меньшихъ, ни Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV, 42—45). Для этого таинственного тѣла нужны не покровы, а чистая душа; уды же Христовы, то-есть, нищіе, имѣютъ великую нужду въ нашемъ попеченіи. Научимся же быть любомудрыми и почитать Христа, какъ Самъ Онъ того хочетъ. Почитаемому пріятнѣе всего та честь, которой онъ самъ желаетъ, а не та, которую мы признаемъ лучшею. И Петръ думалъ почитать Господа, не допуская Его умыть ноги; однакоже это было не почтеніе, а нѣчто тому противное. Такъ и ты почитай Его тою честью, какую самъ Онъ заповѣдалъ, то-есть, истощай богатство свое на бѣдныхъ. Богу нужны не золотые сосуды, а золотыя души».

«Говоря это, не запрещаю дѣлать богатые вклады: требую только, чтобы вы, вмѣстѣ съ вкладами и даже прежде нихъ, творили милостыню. Хотя Богъ пріемлетъ и вклады, но гораздо лучше милостыню. Тамъ одинъ только приносящій получаетъ пользу, а здѣсь и пріемлющій. Тамъ даръ бываетъ иногда поводомъ къ тщеславію, а здѣсь все дѣлается по одному милосердію и человѣколюбію. Что пользы, если трапеза Христова полна золотыхъ сосудовъ, а самъ Христось томится голодомъ? Сперва напитай Его алчущаго и тогда уже употреби остальное на украшеніе».

трапезы Его. Ты дѣлаешь золотую чашу и не даешь чаши студеной воды. Что въ томъ пользы? Дѣлаешь для трапезы златотканные покровы, а Христу не даешь и нужнаго для прикрытія. Какой плодъ отъ того? Скажи мнѣ: если ты увидишь человѣка, неимѣющаго у себя необходимой пищи, и вмѣсто того, чтобы утолить его голодъ, обложишь только столъ серебромъ, поблагодарить ли онъ тебя за это, или, скорѣе, огорчится? Еще: ты видишь человѣка, покрытаго рубищемъ и окостенѣвшаго отъ холода, и вмѣсто того, чтобы дать ему одежду, ставишь золотые столбы, говоря, что дѣлаешь это въ честь его: не скажетъ ли онъ, что ты надъ нимъ насмѣхаешься, и не почтетъ ли это крайнею обидою? То же представь и о Христѣ, когда Онъ, какъ безпріютный странникъ, ходить и просить крова, а ты вмѣсто того, чтобы принять Его, украшаешь полъ, стѣны, верхи столбовъ, привязываешь къ лампадамъ серебряныя цѣпи, а на Христа, связаннаго въ темницѣ, и взглянуть не хочешь. Говоря это, не запрещаю и въ томъ быть щедрымъ, но совѣтую также не оставлять другого, или даже и предпочитать послѣднее. За неисполненіе перваго никто никогда не былъ осужденъ, а за неисполненіе послѣдняго угрожаетъ геенна и огонь неугасимый, и мученіе вмѣстѣ съ демонами. Итакъ, украшая домъ Божій, не презирай скорбящаго брата; этотъ храмъ превосходитъ перваго. Тѣ утвари могутъ похитить и невѣрные цари, и тираны, и разбойники; а что сдѣлаешь для брата алчущаго и страннаго и нагого, того и самъ діаволь не можетъ похитить: оно сбережется въ неприступномъ хранилищѣ⁹⁸⁾.

Имѣя такое возвышенное возарвіе на помощь бѣднымъ, древніе христіане, лишь только получили возможность (т. е. со времени извѣстнаго Миланскаго эдикта), стали

⁹⁸⁾ Св. Іоанна Златоуста, толкованіе на св. Маттея Евангелиста, бесѣда I; по русск. перев., т. 7. Спб. 1901, стр. 521—523; *Migne*, P. G. LVII, 508 sqq.

отверять различныя благотворительныя учрежденія, на примѣръ строили богадѣльни, страннопріимницы (ксенодохи), больницы (носокоміи) и т. п. При Юліанѣ Отступникѣ такихъ учрежденій у христіанъ было уже такъ много, что въ ряду мѣръ для возрожденія язычества Юліанъ приказалъ Арсакію, верховному жрецу въ Галатіи, учредить по одной ксенодохиі въ каждомъ городѣ, поставляя при этомъ въ примѣръ язычникамъ ненавистныхъ ему «галилеянъ», т. е. христіанъ⁹⁹⁾.

Мы не будемъ говорить подробно о древнихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ у древнихъ христіанъ. Укажемъ лишь только на нѣкоторыя изъ нихъ. Около 372 г. св. Василій Великій построилъ знаменитѣйшую больницу вблизи города Кесаріи. По имени своего основателя эта больница стала называться Василиадою¹⁰⁰⁾. Кромѣ многихъ комнатъ для разнаго рода больныхъ, тутъ находились помѣщенія для священниковъ, врачей, слугъ, которые должны были ходить за больными¹⁰¹⁾, а также и для низшей прислуги. Самъ св. Василій говоритъ объ этомъ домѣ такъ: «Мы предлагаемъ убѣжище для странныхъ, которые, можетъ быть, сюда придуть, и, кромѣ нихъ, также и для тѣхъ, которымъ нужно лѣчиться отъ своихъ болѣзней; равнымъ образомъ мы даемъ должныя помѣщенія подающимъ облегченіе больнымъ, — больничникамъ, врачамъ, носильщикамъ, работникамъ и прочей прислугѣ; кромѣ того есть зданія для разныхъ работъ¹⁰²⁾. Въ свою больницу св. Василій принималъ вообще всѣхъ немощ-

⁹⁹⁾ См. письмо Юліана къ Арсакію, приведенное *Созоменомъ*, *Historia ecclesiastica*, Lib. V, cap. 16 Edit. Valesii, Amsterd. 1700, p. 503.

¹⁰⁰⁾ *Sosomen.* *Histor. eccles. lib. VI c. 34*, edit. Valesii, p. 562—563. Amsterd. 1700.

¹⁰¹⁾ Полагають, что это были израволаны. См. *Ульморнъ*, христіанская благотворительность въ древней церкви. Стр. 298. Срвп. также *Haeser*, *Geschichte christl. Kranken-Pflege*. S. 16.

¹⁰²⁾ *S. Basilii*, epist. XCIV. См. *Opera omnia*, edit. Benedict., Parisiis 1730, t. III, p. 188. Въ русск. перев. т. 6. Стр. 222. Москва 1859.

ныхъ и несчастныхъ, но главныхъ образомъ назначилъ ее для прокаженныхъ. Св. Василій Великій нашель возможнымъ и въ другихъ мѣстахъ своей епархіи открыть подобныя же больницы, хотя, конечно, въ меньшемъ размѣрѣ. «И не только городъ,—говоритъ св. Григорій Богословъ, — пользовался симъ благодѣяніемъ (больницею), но и область и другія мѣста не были лишены онаго. Напротивъ того, всѣмъ предстоятелямъ народа предложилъ онъ общій подвигъ — человеколюбіе и великодушіе къ несчастнымъ»¹⁰³).

Кесарійская епархіа не была единственною, въ которой находились больничные дома. По примѣру св. Василія Великаго, и другіе епископы открывали ихъ, особенно въ большихъ городахъ, такъ что ко времени четвертаго вселенскаго собора больницы и страннопріимныя не были рѣдкостью¹⁰⁴), что можно заключать, напр., изъ десятаго правила названнаго собора¹⁰⁵). Но особенно много госпиталей находилось въ Александріи, какъ видно изъ *Лавсаика Палладія Еленопольскаго* и актовъ того же Халкидонскаго собора. Позднѣе, именно въ VII вѣкѣ, св. Іоаннъ Милостивый, патріархъ Александрійскій (отъ 610 г.), еще болѣе увеличилъ число страннопріимныхъ и больницъ. На устройство ихъ онъ не щадилъ денегъ, без-

¹⁰³) Надгробное слово св. Василю. Творен. въ русск. перев., т. 4, стр. 121. Москва 1844. Срвн. *S. Basilii epist.* 142, 143 (Opus. omnia, cit. edit., t. III, p. 235; но русск. перев., т. 6. стр. 308—309. Москва 1859).

¹⁰⁴) По мнѣнію Ульгорна („Христіанская благотворительность въ древней церкви“, стр. 287—288), въ IV-мъ вѣкѣ къ устройенію больницъ и другихъ благотворительныхъ заведеній побуждали какъ вообще замѣчавшаяся въ это время сильная склонность къ разнаго рода благотворительнымъ учрежденіямъ, такъ въ особенности крайняя бѣдственность низшаго класса въ Римской имперіи, чрезвычайно усилившаяся въ этотъ періодъ.

¹⁰⁵) „Аще кто отъ одной церкви въ другую преведеть, таковый да не имѣеть нивакаго участія въ принадлежащемъ прежней церкви, какъ-то: въ зависящихъ отъ нея мученическихъ храмахъ, или въ богадѣльняхъ (πτωχεῖων), или въ страннопріимныхъ домахъ (ξενοδοκεῖων).“

платно содержитъ всѣхъ призрѣваемыхъ въ этихъ богоугодныхъ учрежденіяхъ. Между прочимъ, св. Іоаннъ Милостивый основалъ въ Александріи семь домовъ для бѣдныхъ больныхъ родильницъ, гдѣ онѣ могли находить кровать, необходимую пищу и заботливый уходъ ¹⁰⁶).

Въ Антиохіи, какъ видно изъ твореній св. Іоанна Златоуста ¹⁰⁷), уже въ IV-мъ вѣкѣ существовали обширныя всенародныя, которыя были вмѣстѣ съ тѣмъ и домами для больныхъ. Здѣсь такія учрежденія содержались на церковный счетъ. Въ Ефесѣ епископъ Врассіанъ (V в.), еще будучи пресвитеромъ, устроилъ больницу съ 80 кроватями ¹⁰⁸). Въ Эдессѣ былъ устроенъ большой больничный домъ св. Ефремомъ Сиринымъ около 375 г., когда въ Эдессѣ свирѣпствовалъ страшный голодъ ¹⁰⁹). Въ Константинополѣ христіане начали основывать разныя благотворительныя учрежденія еще при св. Константиѣ Великомъ ¹¹⁰); но особенно много появилось ихъ здѣсь въ то время, когда архіепископомъ константинопольскимъ сдѣлался св. Іоаннъ Златоустъ ¹¹¹).

¹⁰⁶) Извѣстный *Бароній* въ своихъ анналахъ пишетъ объ этомъ такъ: „Cum itaque praeter alia sua beneficia extruxisset xenodochia et nosocomia, et ptochotrophia, eis frumentum attribuit quotidianum; tantaeque haec erant ei curae, ut etiam pauperibus feminis, quibus ad parandum non erant habitacula, neque aliquid eorum quae suntapta ad earum curationem, septem domos attribuerit ex diversis locis civitatis, effeceritque, ut in eis essent lecti et stragula, et suppedatio alimentorum, qua reficeretur indigentia parentum“. *Baronius*, *Annales ecclesiastici*, ann 610, § VIII; una cum critica *Pagii*, t. XI, *Lucae* 1742, p. 100.

¹⁰⁷) 66 бес. на Евангеліе отъ Матѳея, § 3. См. Полное собраніе сочин. св. Златоуста, въ русск. перев., т. 7, стр. 678. Слб. 1901. *Migne*, *Patrol. Graec.* t. LVIII, col. 630.

¹⁰⁸) См. *Улморъ*, „Христіанская благотворительность въ древней Церкви“, стр. 291.

¹⁰⁹) *Sozomeni*, *Histor. ecclesiastic.*, lib. III, cap. 16, *Editio Valesii*, *Amsterd.* 1700, p. 429.

¹¹⁰) *Baronii*, *Annal. cum critica Pagii*; ann. 330. Tom. IV. *Lucae*. 1739. p. 231.

¹¹¹) *Palladii*, *Vita Chrysostomi*, cap. V. См. *Migne*, *Patrol. Graec.* t. XLVII, col. 20.

Западные христіане, сострадая больнымъ и бѣднымъ своимъ собратіямъ, устроили для нихъ больницы такъ же часто, какъ и восточные. Обыкновенно больницы назывались на Западѣ *госпиталими* (hospitium, hospitale) и подобно восточнымъ ксенодохіямъ служили также страннопріимными, богадѣльнями и т. п. ¹¹²⁾. Появляться онѣ начали тоже, какъ на Востокѣ, съ четвертаго вѣка. *Св. Павлинъ Ноланскій* въ одномъ изъ стихотвореній описываетъ въ такихъ словахъ госпиталь своего города:

«Dispositi trino per longa sedilia coetu.
Obstupere senes, inopum miserabile vulgus,
Et socio canae residentes agmine matres» ¹¹³⁾.

Т. е.: «Расположенные на длинныхъ сѣдалищахъ, разставленныхъ въ три ряда, шумятъ старики и жалкая толпа бѣдняковъ, а по сосѣдству рядъ пребывающихъ здѣсь сѣдовласыхъ матерей». Изъ этихъ словъ видно, что въ ноланскомъ госпиталѣ помѣщались немощные, бѣдные и вдовы. Можетъ быть, для каждаго изъ этихъ трехъ разрядовъ призрѣваемыхъ были особыя комнаты, которыя легко можно было расширить или уменьшить по желанію,—одну на счетъ другой, потому что въ древности нерѣдко комнаты отдѣлялись одна отъ другой занавѣсами или «живыми перегородками». Такія комнаты въ госпи-

¹¹²⁾ *Ульорнъ*, Христіанская благотворительность въ древнемъ христіанствѣ, стр. 292—293.—Кромѣ названія „госпиталь“ (отъ латинск. hospes, гость), больницъ на Западѣ давалось также названіе „лазаретъ“. Но, какъ мы укажемъ ниже, лазаретомъ называлась больница для больныхъ болѣзнію св. Лазаря, т. е. проказою. Въ средніе вѣка больницы, особенно устроенныя при монастыряхъ, назывались infirmaria (*Uhlhorn*, Die christ. Liebeshätigkeit im Mittelalter. Stuttgart. 1884. S. 74 f.), а также matricula, хотя матрикула не была собственно больницею, но представляла изъ себя то, что теперь называется богадѣльнею (*ibid.*, S. 24 ff.).

¹¹³⁾ *Paulini Nolan.*, Poema XX, vers. 114—115. См. Migne. Patrol. Lat. t. LXI. col. 555.

таляхъ назывались *domungulae* или *domunculae*, т. е. домики ¹¹⁴).

Въ послѣдней четверти четвертаго вѣка выстроены были госпитали около Рима римскимъ патриціемъ *Паммахіемъ* и одновременно въ самомъ городѣ — *Фабіолою*, извѣстною благотворительницею. *Фабіола*, — пишетъ бл. *Иеронимъ*, — «все, какое было у ней имѣніе (а оно было огромное и соотвѣтствовало ея происхожденію), раздробила по частямъ и продала, и обративши въ деньги, употребила его на нужды бѣдныхъ; и первая изъ всѣхъ учредила *восхоμεіον*, чтобы собирать сюда бѣдныхъ съ улицъ и согрѣвать истощенные недугомъ и голодомъ члены нищихъ» ¹¹⁵).

Въ то самое время, когда *Паммахій* и *Фабіола* строили благотворительные дома, блж. *Иеронимъ* и *Евстохія* основали страннопріимную и больницу въ *Виелеемѣ* для паломниковъ, которые начали толпами стекаться во Святую Землю даже изъ *Галліи*, *Британіи*, *Арменіи*, *Понта*, *Ееіопіи* и *Индіи*. Всѣ они были принимаемы даромъ, и благочестивая *Евстохія* съ удовольствіемъ думала, что если бы *Іосифъ* и *Марія* опять посѣтили *Виелеемъ*, то имъ бы не пришлось теперь искать себѣ убѣжища въ скотной пещерѣ.

Кромѣ блж. *Иеронима* — объ основаніи разныхъ благотворительныхъ учрежденій заботились, напр., бл. *Августинъ*, св. *Павлинъ Ноланскій* и многіе другіе. Въ средніе вѣка госпитали были разсѣяны на Западѣ повсюду.

Строили христіане и воспитательные дома для подкидышей. Такъ на Востокѣ такой домъ устроила *Анфуса*,

¹¹⁴) На Востокѣ ихъ называли *υκίδια*. *Проконій* сообщаетъ объ императорѣ *Юстиніанѣ*, что онъ въ построенной имъ страннопріимной увеличилъ число такихъ комнатъ: *πλήθους οικιδίων*. См. *Opera Procopii Caesariensis* (Interprete *Maltredo*). Tomi 11 pars. 1. Parisiis. 1653. p. 11. De aedificiis Justiniani. Lib. 1. cap. 11.

¹¹⁵) Письмо къ *Океану* о смерти *Фабіолы*; см. твор. блж. *Иеронима*, въ русск. пер. т. 11. Кіевъ 1864, стр. 289—290.

дочь императора Константина Копронима—въ 8 вѣкѣ, а на Западѣ въ томъ же вѣкѣ миланскій епископъ Даеей. Объясняя необходимость открыть воспитательный домъ, епископъ Даеей говорить: «Жизнь чувственная часто возвращаетъ людей съ пути, послѣдствіемъ чего бываетъ умерщвленіе дѣтей. Эти ужасы не имѣли бы мѣста, если бы существовалъ пріютъ, гдѣ несчастныя матери могли бы скрыть свой позоръ; а теперь бросаютъ дѣтей въ клоаки, въ навозныя кучи, и столько совершается убійствъ, сколько рожденныхъ въ незаконномъ сожитіи дѣтей. Вслѣдствіе этого я, Даеей, для спасенія моей души и моихъ согражданъ, постановляю, чтобы купленный мною домъ, сосѣдній съ церковію, служилъ пріютомъ для дѣтей, покинутыхъ родителями — чтобы дѣти, подкидываемыя къ церкви, тотчасъ же были принимаемы начальникомъ пріюта и отдавались бы, въ этомъ же пріютѣ, на попеченіе кормилицъ и потомъ, когда подрастутъ, были научаемы разнымъ мастерствамъ, необходимымъ для нихъ, по выходѣ изъ пріюта»¹¹⁶).

Также и въ устроенномъ Анфусою воспитательномъ домѣ мальчики подъ надзоромъ опытныхъ старцевъ пріучались къ какому-нибудь ремесленному труду, а дѣвочки отдавались въ монастыри, гдѣ монахини заботились о наученіи ихъ рукодѣльямъ и потомъ о пристроеніи къ мѣсту.

Древнее иночество, конечно, не считало себя свободнымъ отъ обязанности помогать нуждающемуся. Для древняго инока показались бы совершенно странными хитроумныя разсужденія о какомъ-то «святomъ эгоизмѣ»; можно съ увѣренностію сказать, что такія рѣчи древній инокъ называлъ бы діавольскимъ навожденіемъ. Положившіе начало иночеству—св. Антоній на востокѣ и св. Венедиктъ

¹¹⁶) *De Gonrff*, Recherches sur les enfants trouvés, p. 138 — 139. Paris. 1839. См. А. С. Лебедевъ, Христіанская помощь нуждающимся въ древнія времена христіанства. Харьковъ 1905, стр. 22.

Нурсійскій на западѣ въ оставленныхъ ими правилахъ для иноковъ съ особенною силою внушаютъ, чтобы иноки не забывали второй великой заповѣди Божіей—«возлюби ближняго твоего, какъ самого себя»¹¹⁷). И дѣйствительно, эти наставленія не оставались безъ исполненія. Все, что добывалось трудами древнихъ иноковъ, употреблялось не только на нихъ однихъ. Сами иноки довольствовались чрезвычайно малымъ. Большая часть заработаннаго употреблялась ими на дѣла благотворенія. Почти при каждомъ монастырѣ находилась страннопріимная, больница, богадѣльня, а иногда устраивались и училища. Но помощь оказывалась не только въ самой обители. Палладій Еленопольскій въ своемъ Лавсаикѣ рассказываетъ: «Видѣли мы въ предѣлахъ арсинойскихъ пресвитера, по имени Серапіона, настоятеля многихъ монастырей и игумена многаго братства, числомъ до десяти тысячъ. Онъ чрезъ братію собиралъ множество хозяйственныхъ припасовъ; ибо во время жатвы всѣ они сносили къ нему свои плоды, которые получали, вмѣсто платы за уборку полей, каждый ежегодно по двѣнадцати артабъ хлѣба, что равняется сорока нашимъ мѣрамъ (*μῶδιος*)¹¹⁸). И все это употреблялъ авва на вспомошествованіе бѣднымъ, такъ что никто не терпѣлъ нужды въ окрестности. Хлѣбъ отсылаемъ былъ бѣднымъ даже въ Александрію. Впрочемъ, и вышеупомянутые отцы, жившіе по всему Египту, не пренебрегаютъ такую же распорядительностію: отъ трудовъ братіи они посылаютъ бѣднымъ въ Александрію корабли, наполненные хлѣбомъ и одеждою, потому что у нихъ рѣдко кто терпитъ нужду¹¹⁹). Въ тѣхъ случаяхъ,

¹¹⁷) См. наставленія св. Антонія Великаго въ Добротолубіи (въ русск. перев. т. I. Москва. 1883); срвн. *Regulae Benedicti. Migne LXVI. Patr. Lat.*

¹¹⁸) Модій—около получетверика. Изъ модія можно было испечь до 12 большихъ хлѣбовъ.

¹¹⁹) *Lausaic, c. 76; Migne, Patr. Graec. XXXIV, 1179; по русск. перев. стр. 265—266.*

когда инокъ не имѣлъ чѣмъ помочь нуждающемуся, онъ не задумывался отдать ему послѣднюю свою одежду и не стыдился оставаться нагимъ ¹²⁰⁾. Таковъ былъ «святой эгоизмъ» у древнихъ иноковъ!

Св. апостолъ Павелъ говорить: *аще кто не хоцетъ дѣлати, ниже да яствъ* (2 Сол. 3, 10). Поэтому древняя христіанская Церковь слѣдила притти на помощь прежде всего къ тѣмъ именно, кто дѣйствительно нуждался въ сторонней помощи. Этимъ и объясняется, почему папстыри Церкви старались быть внимательными при распределеніи подаваній. Уже въ «*Постановленіяхъ Апостольскихъ*» мы читаемъ (Lib. 1. с. 4): «Да будетъ епископъ проницающъ, кто болѣе достоинъ вспомошествованія, ибо, если будетъ какая-нибудь вдовица, могущая снискать себѣ потребное для жизни, а другая будетъ не вдовица, между тѣмъ будетъ въ нуждѣ или по болѣзни, или по пропитанію дѣтей, или по слабости рукъ,—то лучше пусть простираетъ руку къ этой; а кто терпитъ недостатокъ въ житейскомъ отъ расточительности, или отъ пьянства, или отъ праздности, тотъ недостойнъ не только пособія, но и Церкви ¹²¹⁾. Въ другихъ мѣстахъ того же древняго христіанскаго памятника читаемъ: «Итакъ, трудитесь (юноши) непрестанно, ибо порокъ празднаго неизлѣчимъ. Если же кто не трудится, тотъ у васъ да не ѣсть (2 Сол. 3, 10); ибо праздныхъ ненавидитъ и Господь Богъ нашъ, а изъ почитающихъ Бога никто не долженъ быть празднымъ» ¹²²⁾. «Кто имѣетъ (достатокъ) и принимаетъ (подаваніе) въ лицемѣрїи или по праздности, вмѣсто того, чтобы, трудясь, и другимъ помогать, тотъ понесетъ отъ Бога наказаніе, потому что похитилъ кусокъ бѣдныхъ» ¹²³⁾. Св. Василій

¹²⁰⁾ Срвн. разсказъ въ Лавсаикѣ о старцѣ Виссаріонѣ; с. 116, *Migne* *ibid.* 1219 sq; по русск. переводу стр. 333 и сл.).

¹²¹⁾ Постановл. Апостольск. въ русск. пер., стр. 19. *Migne* *Patr.* Граес. t. I. col. 569.

¹²²⁾ Lib. II, с. 63; *Migne*, *ibid.*, 753 sq; по русск. пер. стр. 101.

¹²³⁾ Lib. IV. с. 3; *Migne*, *ibid.*, 808; по русск. пер. стр. 122.

Великій говорить: «Нужна опытность, чтобы различить истинно нуждающагося и просящаго по любостыжательности. И кто даетъ угнетенному бѣдностію, тотъ даетъ Господу и отъ него получить награду; а кто ссужаетъ всякаго мимоходящаго, тотъ бросаетъ псу, который докучаетъ своею безотвязностію, но не возбуждаетъ жалости своей нищетою»¹²⁴). Въ Западной Церкви подобное наставленіе давалъ св. *Амвросій Медиоланскій*. «Щедрость,— пишетъ онъ, —¹²⁵) должна быть умѣренной, но не быть бесполезной. Главнымъ образомъ, должно наблюдать умѣренность священниковъ, чтобы они раздавали милостыню не изъ-за похвалы, но для удовлетворенія дѣйствительно нуждающихся. Милостыню просить иногда здоровые и сильные бродяги, неимѣющіе нужды. Они хотятъ лишиться помощи бѣдныхъ, потому что стремятся получить то, что пошло бы на тѣхъ... Въ такихъ случаяхъ нужно вывѣдывать истину... Не только одними устами мы должны внимать голосу просящихъ, но также и очами разсматривать нужду».

Но, конечно, не всегда бываетъ легко дознать притворную нужду и отличить ее отъ истинной. Поэтому отцы Церкви, научая быть разборчивыми въ оказаніи помощи, однако предостерегаютъ отъ чрезмѣрной осторожности въ раздаваніи милостыни, указывая, что притворство въ данномъ случаѣ нерѣдко зависитъ отъ нашей неотзывчивости къ помощи бѣднымъ, такъ что мы сами бываемъ виноваты въ немъ. Вотъ, напр., слова св. *Іоанна Златоуста*, сказанныя имъ по этому поводу: «Ты скажешь: онъ (просящій помощи) притворяется дрожащимъ и немощнымъ.

¹²⁴) См. *Св. Василія Великаго*, Письмо 145-ое къ Амфилохію отъ имени Ираклила (Твор. св. *Василія Великаго* въ русск. перев. Часть 6-я. Москва. 1859, стр. 319—320. Срвн. *Migne, Patr. Graec. t. XXXII. col. 604*).

¹²⁵) *De officiis ministrorum, Lib. II. Cap. 16. См. Migne, Patr. Lat. t. XVI col. 123—124. Въ русск. пер. 1823 г. Кіево-Печерск. Лавра. Листъ 100 и на об.*

И ты не боишься такими словами навлечь на себя молнію свыше?... Если онъ и притворяется, то притворяется по бѣдности и по необходимости, по причинѣ твоего жестокосердія и безчеловѣчія, требующаго такого притворства и иначе не преклоняющагося на милость. Ибо кто такъ несчастливъ и жалокъ, чтобы безъ всякой нужды, для куска хлѣба, принимать столь безобразный видъ, терзать себя и терпѣть такую муку? Итакъ, притворство его возвѣщаетъ всѣмъ о твоёмъ безчеловѣчїи. Если онъ просить, умоляетъ, жалобно вопить, плачетъ, рыдаетъ, скитается цѣлый день и не находитъ необходимой пищи, то, можетъ быть, и вымыслить такую хитрость, которая не столько ему, сколько тебѣ, служить безчестіемъ и обвиненіемъ. Онъ достоинъ состраданія, что дошелъ до такой крайности; а мы достойны тысячи казней, что принуждаемъ бѣдныхъ прибѣгать къ этому. Если бы мы легко склонялись на милость, то онъ никогда не рѣшился бы подвергнуться этому. Что я говорю о наготѣ и дрожаніи отъ холода? Скажу нѣчто, еще болѣе ужасное: нѣкоторые принуждены были ослѣплять малолѣтнихъ дѣтей, дабы тронуть наше безчувствіе¹²⁶⁾.

Этимъ мы заканчиваемъ свой очеркъ благотворительности у древнихъ христіанъ. Мы не будемъ дѣлать никакихъ выводовъ. Повторимъ лишь сказанное нами въ началѣ: намъ многому бы слѣдовало въ настоящее время поучиться у древнихъ христіанъ.

Прот. Н. Добронравовъ.

¹²⁶⁾ 21 бесѣда на 1 Кро.; въ русск. перев. ч. I. Изд. 3. Спб. 1863. Стр. 381 и сл. *Migne, Patr. Graec. t. LXI. col. 175 sqq.*

СВ. СПИРИДОНЪ, ЕПИСКОПЪ ТРИМИФУНТСКІЙ.

(къ 12 декабря).

Нынѣ св. церковь наша воспоминаетъ жизнь и дѣянія *уже во св. отца нашего Спиридона*, еп. Тримифунтскаго чудотворца. Она празднуетъ память его вскорѣ послѣ св. Николая чудотворца, а въ одной церковной молитвѣ, именно на освященіе воды, имя святителя Спиридона возноситъ рядомъ съ свят. Николаемъ,—это значитъ, что церковь наша издревле чтить его высоко, ставя наряду съ св. Николаемъ; да это такъ и должно быть: тотъ и другой святители были удостоены отъ Бога обильнаго дара чудотвореній и именуется поэтому чудотворцами; тотъ и другой были милостивцы, много явили во время своей жизни состраданія къ ближнимъ, бѣднымъ, неимущимъ, страждущимъ, — скоропослушливы и по смерти ко всѣмъ, молитвенно просящимъ ихъ помощи въ разныхъ бѣдствіяхъ.

Разскажу вамъ кратко жизнь и дѣянія сего святителя-чудотворца. Жилъ св. Спиридонъ въ концѣ III и 1-й полов. IV вв. Родился онъ на островѣ Кипръ отъ родителей простого званія; образованія, кромѣ простой грамотности, никакого не получилъ, былъ, по сказанію его житія, «простъ» и съ дѣтства пасъ овецъ. Достигши совершеннолѣтняго возраста, святой Спиридонъ вступилъ въ супружество и имѣлъ дѣтей. Жизнь и въ супружествѣ проводилъ онъ святую и богоугодную, подражая Давиду въ кротости, Іакову—въ сердечной простотѣ, Аврааму — въ страннлюбіи. Жилъ онъ въ супружествѣ немного и скоро

овдовѣлъ; тогда съ бѣльшею свободою, съ бѣльшимъ усердіемъ сталъ служить Господу, упражняясь постоянно въ молитвѣ и употребляя имѣніе свое на упокоеніе странниковъ и питаніе нищихъ. — Эта высокая добродѣтельная жизнь Спиридона пріобрѣла такое уваженіе къ нему соотечественниковъ, что, по общему желанію ихъ, онъ былъ избранъ и поставленъ епископомъ гор. Тримифунта. Это было въ царствованіе Константина Великаго и сына его Констанція. Но и въ святительскомъ санѣ св. Спиридонъ жилъ съ прежнею простотою, трудился въ полѣ съ простыми работниками, продолжалъ заниматься овцеводствомъ, въ то же время дѣятельно служа духовнымъ и матеріальнымъ нуждамъ своей паствы. За его смиреніе и простоту Господь возлюбилъ избранника Своего и чрезъ него сотворилъ множество чудесъ. Въ чудесахъ проявились прежде всего любовь, милосердіе и сострадательность святителя къ несчастнымъ...

Такъ, въ одно время, когда были бездождіе и засуха, и странъ угрожало страшное бѣдствіе — голодъ, святитель Спиридонъ обратился къ Богу съ пламенной молитвой, и Богъ на изсохшую землю ниспослалъ обильный дождь, и земля стала приносить плоды въ изобиліи. Несчастный народъ и скоть его спасены были отъ мора и голода.

Въ другой разъ опять случился голодъ: вслѣдствіе недорода, хлѣбъ вздорожалъ; многіе торговцы хлѣбомъ вздумали несчастіе общественное обратить въ случай къ наживѣ. А одинъ хлѣбопромышленникъ скупилъ весь хлѣбъ и не хотѣлъ продавать за ту цѣну, какая стояла тогда; онъ дожидался еще большаго вздорожанія хлѣба. Одинъ бѣднякъ долго умолялъ хлѣботорговца дать ему хлѣба въ долгъ, безъ денегъ, но умолить не могъ. Въ горѣ и слезахъ онъ пришелъ къ святителю Спиридону и жаловался на жестокосердаго богача. Святитель успокоилъ бѣдняка, сказавъ ему: <не плачь; завтра же домъ твой наполнится житомъ, и богачъ, который отказалъ тебѣ сегодня въ хлѣбѣ, завтра самъ будетъ упрашивать тебя взять у него

хлѣбъ безъ платы... И дѣйствительно, по молитвѣ святителя, въ ту же ночь пролился такой сильный дождь, что почти всѣ житницы хлѣбнаго торговца были водою снесены, хлѣбныя зерна разнесены по всему городу, такъ что всякій могъ собирать себѣ, сколько хотѣлъ, а растерявшійся богачъ, бросаясь во всѣ стороны, самъ упрашивалъ всѣхъ и въ томъ числѣ вчерашняго бѣдняка взять хлѣба, сколько хотятъ, чтобы только помочь ему спасти зерно въ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ житницахъ... А когда этотъ же богачъ и въ другой разъ безъ денегъ не далъ хлѣба одному нуждающемуся, тогда святитель далъ этому бѣдняку кусокъ золота, который бѣдный и снесъ въ залогъ богачу за хлѣбъ. Когда бѣднякъ въ послѣдствіи выкупилъ это золото и принесъ къ святителю, святитель коснулся его жезломъ своимъ и велѣлъ золоту обратиться въ змія, изъ котораго онъ чудесно образовалъ его. Такъ по слову сего великаго чудотворца, ради крайней нужды въ благотвореніи и помощи, и змій обратился въ золото, и золото—въ змія.

Однажды святителя попросили защитить одного невиннаго, по клеветѣ присужденнаго къ смертной казни. Нужно было спѣшить помощью. Между тѣмъ пришлось переходить рѣку, которая переполнилась и бушевала по случаю разлива. Святитель, движимый состраданіемъ къ несчастному, сказалъ рѣкѣ, чтобы она остановила свое теченіе; и рѣка чудесно остановилась. Святитель перешелъ рѣку свободно, и невинный былъ, по его ходатайству, спасенъ.

Святитель былънисходителенъ и къ согрѣшающимъ. Разъ въ его овчарню забрались воры, но невидимая сила связала ихъ руки такъ, что они не могли оттуда вытти до утра. Святитель сжалился надъ ними и по молитвѣ разрѣшилъ ихъ, сдѣлавши наставленіе, чтобы собственнымъ трудомъ добывали себѣ хлѣбъ. Мало этого: жалѣя ихъ, далъ имъ одного барана и отпустилъ съ миромъ.

Святитель любилъ давать взаймы деньги нуждающимся; никому не отказывая, но давалъ такъ, что каждый бралъ

своими руками, сколько ему нужно, и потомъ самъ туда же и возвращалъ. Сколько давалось займы, зналъ только самъ бравшій... Горе было тому, кто вздумалъ бы утаить у щедрого, довѣрчиваго заимодавца. Вотъ былъ какой случай. Одинъ купецъ изъ гор. Тримифунта привыкъ часто брать деньги у святителя на свои торговыя дѣла, на закупку товаровъ; когда товаръ распродался, и деньги возвращались съ хорошимъ прибыткомъ, купецъ честно возвращалъ занятое святителю, который, по обычаю, приказывалъ своими руками положить деньги въ ковчегъ, изъ котораго бралъ ихъ, не спрашивая и не провѣряя, все ли взятое возвращалось. И такъ долго бывало, что купецъ, по благословенію святителя, самъ бралъ займы изъ ковчега золото и самъ опять возвращалъ его, и благословлялась его торговля, дѣла шли хорошо. Но разъ онъ, плѣнный златолюбіемъ, не вложилъ принесеннаго золота въ ковчегъ, утаивъ себѣ, предъ святымъ же солгалъ, сказавъ, что вложилъ, — и въ скоромъ времени за это пришелъ въ нищету: торговля его совершенно разстроилась, все имѣніе какъ огонь какой поѣлъ, все прахомъ пошло. Теперь въ крайности, въ нищетѣ опять пошелъ купецъ къ святителю попросить денегъ займы. Святитель послалъ его, по своему обыкновенію, къ тому же ковчегу, изъ котораго онъ много разъ бралъ прежде, сказавъ: «поди и возьми». Тотъ съ радостью поспѣшилъ къ ковчегу и вскрылъ его, но — увы! — золота не было: ковчегъ былъ пустъ. Святитель, узнавъ о семъ отъ бѣднаго купца, съ горечью сказалъ ему: «поистинѣ, братъ, кромѣ твоей руки, доселѣ ничья не была въ ковчегѣ: если бы ты положилъ тогда золото, то и получилъ бы его»... Съ великимъ стыдомъ теперь признался несчастный въ своемъ грѣхѣ, палъ къ ногамъ святителя, прося прощенія. Святой, хотя и скоро простилъ грѣшника, но вразумилъ нечестнаго должника, чтобы впередъ чужого не бралъ себѣ, говоря: «неправедно пріобрѣтенный прибыльокъ не есть прибыльокъ, а ведетъ лишь къ раззоренію».

Не достало бы мнѣ и времени пересказать вамъ всѣ дивныя дѣла сего святителя-чудотворца. Чего онъ ни творилъ дивной силою благодати Божіей, въ немъ обитавшей? — Несмотря на свою простоту и отсутствіе всякой учености, простымъ, но полнымъ убѣжденіемъ изложеніемъ вѣры православной, онъ обратилъ къ ней и утвердилъ въ ней одного знаменитаго ученаго философа, невѣровавшаго въ Бога, такъ что этотъ философъ сознавался друзьямъ своимъ, что «чувствовалъ непреодолимую силу истины, исходившую изъ устъ св. епископа». Святитель Спиридонъ, какъ истинный ревнитель вѣры, но препростой въ книжномъ ученіи, былъ въ числѣ св. отцовъ на первомъ вселенскомъ соборѣ и здѣсь чудомъ убѣдительно предъ всѣмъ соборомъ доказалъ истину ученія о св. Троицѣ. Сильный вѣрою и благодатію Божіей онъ однимъ прикосновеніемъ руки болѣзни исцѣлялъ, мертвыхъ воскрешалъ; теченіе рѣки останавливалъ, змія въ золото претворялъ; богатыхъ за жадность и неправедный прибытокъ въ бѣдныхъ обращалъ; идолы отъ его присутствія падали; ангелы служили ему за богослуженіями; гордые и тщеславные терпѣли наказаніе чрезъ него. Да, такъ великъ предъ Богомъ святитель Спиридонъ!

Спросите: зачѣмъ же св. Церковь ежедневно воспоминаетъ жизнь и дѣла кого-либо изъ Святыхъ Божіихъ? Зачѣмъ и мы рассказываемъ вамъ о нихъ?—Для того, чтобы представить вамъ живые образцы добродѣтелей, наглядные примѣры для подражанія имъ, вѣрные, испытанные пути ко спасенію.—Скажутъ: гдѣ ужъ намъ грѣшнымъ подражать жизни и дѣламъ Святыхъ? — Да развѣ они не такіе же люди были, какъ и мы!.. Правда, есть въ дѣяніяхъ святыхъ добродѣтели особенныя и дѣла великія, для которыхъ нужны особенныя дарованія и силы благодатныя, нужны особенные случаи проявленія ихъ; таковы, напр., твердая до убѣжденія вѣра, глубокое проникновеніе въ тайны ея, дивный даръ чудотвореній въ святителѣ Спиридонѣ; есть особенно трудныя служенія въ церкви Божіей,

къ которымъ не всякій способенъ и призванъ, каково, напр., епископское служеніе, въ которое поставленъ былъ Богомъ св. Спиридонъ... Но что же препятствуетъ намъ подражать вѣрѣ ихъ въ Бога, въ благодать Божию, доступную всѣмъ, ищущимъ ея,—что мѣшаетъ подражать горячей молитвѣ Святыхъ къ Богу, ихъ кротости, любви, милосердію? Кажется, нѣтъ человѣка, который не могъ бы быть милостивымъ, сострадательнымъ къ ближнимъ своимъ, если только самъ не ожесточилъ сердца своего, не допустилъ въ немъ господствовать страсти сребролюбія и скупости; нѣтъ времени, когда бы не было случаевъ къ проявленію любви, милосердія, сочувствія и состраданія къ бѣдствующимъ ближнимъ нашимъ. — Подражайте же любви, милости и сострадательности св. Спиридона,—примѣры ихъ вы видите во всей жизни святителя. — Какъ въ тѣлѣ нашемъ члены его взаимно другъ другу служатъ, другъ другу помогаютъ, и если страдаетъ одинъ изъ нихъ, боль его почувствуетъ все тѣло, такъ точно должно быть и въ обществѣ вѣрующихъ, въ Церкви Христовой, въ государствѣ христіанскомъ: члены его должны быть соединены между собою такою любовію, что, если страдаетъ одинъ изъ нихъ, должны сострадать и сочувствовать ему воѣ прочіе.

А сколько на нашихъ глазахъ людскихъ бѣдствій и страданій! Вотъ на глазахъ вашихъ не одно семейство страдаетъ отъ голода и холода; вы видите дѣтей, разутыхъ и раздѣтыхъ, мать, стонущую и плачущую отъ безпомощнаго положенія, отца—безъ мѣста и дѣла. Придите, кто чѣмъ и какъ можетъ, на помощь этому семейству, изобрѣтите средство помочь ему, утереть слезы; если не можете вещественно помочь, навѣстите бѣдствующую семью, скажите слово ласки и утѣшенія... Вотъ на вашихъ глазахъ сильный тѣснить слабаго, богачъ бѣднаго,—во всѣхъ такихъ случаяхъ вступитесь за обижаемыхъ и притѣсняемыхъ,—если можете, обличите притѣснителей; вамъ чрезъ это можетъ быть будеть и много непріятнаго, но за то

вы такъ облегчите положеніе не одного, а многихъ притѣсняемыхъ и обижаемыхъ... Вотъ въ твоёмъ присутствіи осуждаютъ человѣка невиннаго и добраго; вотъ на него возносятся такія клеветы, которыя весьма могутъ повредить ему въ общественномъ мнѣніи. Если ты пользуешься общимъ уваженіемъ, твой голосъ, твое мнѣніе будетъ принято, уважено,—то защити невинностраждущаго, обличи клеветника и скажи слово правды за обиженнаго...

А вотъ и еще часто встрѣчающійся въ жизни случай—оказать милость, состраданіе бѣдняку. Часто бываетъ великая нужда у людей бѣдныхъ вотъ въ чемъ: не знаютъ они, гдѣ бы и у кого бы имъ на время денегъ занять; а если и есть у кого, то заимодавецъ требуетъ невозможныхъ процентовъ, росту, за одолженіе. Великъ и проклять этотъ грѣхъ лихоимства и ростовщичества: и въ Свящ. Писаніи онъ строго воспрещенъ, и даже у язычниковъ считался безчестнымъ. А въ наше время — увы! — многіе и изъ христіанъ его за грѣхъ не считаютъ — лихоимствомъ занимаются! Вотъ почему милость и то, чтобы бѣднымъ людямъ безъ росту займы давать, какъ и Господь заповѣдуетъ въ св. Евангеліи: просящему у тебя дай и отъ хотящаго занять у тебя не отвращайся, какъ это дѣлывалъ св. Спиридонъ: давалъ всѣмъ, кто просилъ у него займы. Только помни и ты, занимающій у добрыхъ людей бѣднякъ: ты долженъ честно и съ благодарностью вернуть, уплатить занятое; при бѣдности не лиши себя и честности, этого спасительнаго для тебя предъ людьми и Богомъ дара: при честности ты не будешь оставленъ и Богомъ, и добрыми людьми. Вспомните, какъ жестоко былъ разоренъ, приведенъ въ нищету долго бывшій честнымъ купецъ, а потомъ, по златолюбію, разъ только не возвратившій добродушному св. Спиридону занятое у него золото, и какъ пристыженъ и вразумленъ былъ святителемъ за утайку. Давно наша народная мудрость со всѣхъ сторонъ разсмотрѣла этотъ вопросъ и такъ учитъ объ уплатѣ долговъ и честности: «Долгъ платежемъ красенъ; умѣлъ

взять, умѣй и отдать; не думай, какъ бы взять, а думай, какъ бы отдать; заплати долгъ скорѣе, такъ будетъ веселѣе. Чужимъ добромъ не разживешься; береги чужое пуце своего!»

Да возможно ли и перечислить всѣ бѣды и нужды человѣческія? О, какъ много ихъ—безъ числа много! Убоимся же себялюбія, безсердечія, скупости, жадности, немилосердія, безчувственности, безчестности; будемъ милостивы, сострадательны, чисты сердцемъ, честно отзывчивы къ бѣднякамъ, нашимъ ближнимъ, будемъ помогать имъ, кто чѣмъ можетъ. Самъ ты не можешь ходить изъ дома въ домъ, разыскивать истинную бѣдноту, — есть теперь разные братства, общества, попечительства, комитеты по сбору жертвъ на нужды людскія: они освободятъ тебя отъ этого труда, а ты не отказывай имъ только въ посильной своей лептѣ. Образецъ любви, милости и сострадательности предъ нами нынѣ воспоминаемый св. Спиридонъ.— Будемъ помнить, что къ Богу любви нельзя явиться безъ дѣлъ любви. Милосердый Господь и отъ насъ на страшномъ судѣ своемъ спроситъ дѣлъ милосердія прежде всего.

Свящ. Георгій Раевскій.

Очерки по христіанской апологетикѣ¹⁾.

II.

Нападеніе Цельса и отвѣтъ Оригена.

Литература: Оригенъ, *Contra Celsum*; Pressensé, *The Martyrs and Apologists*, 1871; Theodor Keim, *Celsus' Wahres Wort*, 1873; Patrick, *The Apology of Origen*, 1892.

Апология занимала выдающееся мѣсто въ древней церкви. Въ первые три вѣка нашей эры христіанство должно было защищаться предъ гражданскою властью, указывая, что оно не опасно для государства и можетъ безъ всякой опасности пользоваться вѣротерпимостью; противъ народнаго предрасудка, указывая, что оно не есть безнравственная или негуманная религія; противъ нападеній языческой философіи, указывая, что оно не есть религія нерациональная. Среди его особенно страшныхъ враговъ изъ философскаго класса былъ Цельсъ, который, какъ думаютъ, былъ современникомъ и другомъ Лукіана, удачно названнаго Вольтеромъ втораго столѣтія. Въ послѣдней половинѣ этого столѣтія Цельсъ написалъ сочиненіе противъ христіанства, озаглавленное Ἀληθῆς λόγος, на которое Оригенъ, согласно просьбѣ, написалъ отвѣтъ около средины слѣдующаго столѣтія²⁾. По своимъ философскимъ воззрѣ-

¹⁾ Продолженіе. См. полярскую кн. *Душепол. Чтеніе* 1908 г.

²⁾ Кеймъ, въ субтитлѣ вышеназванной книги, говоритъ, что „Истинное слово“ есть древнѣйшее полемическое сочиненіе противъ христіанства съ точки зрѣнія древней теоріи о вселенной (Antiker Weltanschauung). Онъ относитъ сочиненіе Цельса къ 178 по Р. X.

ніямъ Цельсъ былъ, повидимому, эклектикъ. Оригенъ утверждаетъ, что въ другихъ своихъ сочиненіяхъ онъ обнаружилъ въ себѣ эпикурейца, но въ своей полемикѣ противъ христіанства скрылъ свою связь съ школою Эпикура, опасаясь, какъ бы признаніе себя эпикурейцемъ не ослабило силы его доказательствъ противъ людей, вѣровавшихъ въ провидѣніе, и поставилъ Бога выше всего. Выдержки изъ *Истиннаго слова*, сохранившіяся въ отвѣтъ Оригена, показываютъ, что Цельсъ былъ знакомъ съ сочиненіями Платона и состоялъ въ числѣ его поклонниковъ; у Цельса попадаются нѣкоторыя выраженія, указывающія и на связь нѣкоторыхъ его мнѣній съ стоиками ¹⁾.

Если нападенія другихъ древнихъ невѣрующихъ могутъ быть безъ ущерба преданы забвенію, то для изучающаго христіанскую апологетику важно хотя бы нѣсколько ознакомиться съ нападеніемъ Цельса и съ отвѣтомъ ему Оригена. Спорившіе были люди искусные; нападеніе языческаго философа было страшно, а защита церковнаго учителя отличалась мудростію; многому можно поучиться у обоихъ.

Возраженія Цельса противъ христіанства можно озаглавить такъ: (1) его философскія предубѣжденія; (2) его главное доказательство.

1. Главное предубѣжденіе Цельса заключалось въ его рѣшительномъ отвращеніи, какъ человѣка литературнаго, къ грубой простотѣ стиля, характеризующей священннхъ писателей вообще, и ученіе Христа и Его апостоловъ въ частности. Это отвращеніе часто выражается въ «Истинномъ словѣ». Такъ, напр., въ мѣстѣ, гдѣ авторъ хочетъ указать на сродство между добрыми нравственными эле-

¹⁾ Патрикъ (The Apology of Origen) думаетъ, что Цельсъ — авторъ *Истиннаго слова* не былъ Цельсомъ—другомъ Лукіана; что онъ не былъ эпикурейцемъ, какъ послѣдній, но платоникомъ; и что дѣйность его сочиненія въ томъ именно и заключалась, что онъ былъ послѣдователемъ Платона; см. стр. 9—15.

ментами въ христіанской системѣ и мнѣніями греческихъ философовъ, онъ утверждаетъ, что о томъ, что есть добраго и истиннаго въ христіанствѣ, было говорено раньше и—лучше, Платономъ или какимъ-нибудь другимъ греческимъ писателемъ. Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ Цельсь пользуется случаемъ указать на христіанское ученіе о пассивномъ перенесеніи оскорбленій, онъ видитъ въ изложеніи Христомъ этого предмета въ словахъ: «не противься злу; но кто ударить тебя въ правую щеку, обрати къ нему и лѣвую», грубость сравнительно съ элегантною, съ которою та же истина выражена Платономъ, заставляющимъ Сократа говорить Критону: «мы не должны ни въ какомъ случаѣ наносить оскорбленій; мы не должны даже, вопреки мнѣнію толпы, и мстить за зло». Отвѣтъ Оригена на этотъ ничтожный литературный предразсудокъ отличается достоинствомъ, великодушіемъ и мудростію. Оригенъ не заботится о томъ, чтобы защитить христіанство отъ обвиненія въ грубости и не пытается сколько-нибудь унижить греческаго краснорѣчія. Онъ просто указываетъ, что тутъ есть нѣчто полезное. Простота евангелія соотвѣтствуетъ его профессиональному характеру, какъ вѣсти о Божіемъ милосердіи милліонамъ людей. Изящный и красивый стиль Платона годится только для немногихъ, между тѣмъ какъ книги, написанныя не такъ изящно, приносятъ пользу многимъ. «Этимъ», замѣчаетъ Оригенъ въ истинно философскомъ духѣ, «не порицается Платонъ, потому многіе люди съ пользою читаютъ и его»¹⁾.

Цельсь имѣлъ, далѣе, предразсудокъ противъ христіанства потому, что оно отдавало большое преимущество *вѣрѣ*. Онъ воображаетъ христіанскихъ учителей нежелающими ни указывать основаній своей вѣры, ни спрашивать о нихъ, и заставляетъ ихъ говорить: «не изслѣдуйте, а вѣрьте, и эта вѣра спасетъ васъ; мудрость есть

¹⁾ Ὁ γὰρ πολὺς τῶν ἀνθρώπων κόσμος χρησίμως καὶ τοῦτον ἤνεγκεν, lib. VI, с. 2.

зло, глупость — добро». Оригенъ отвѣчаетъ, что Цельсъ представляетъ мнѣнія христіанъ въ каррикатурномъ видѣ; что христіане не относятся съ пренебреженіемъ къ изслѣдованію и не презираютъ истинной мудрости; и что, придавая важность вѣрѣ въ религіи, они отдаютъ только должное значеніе принципу, который входитъ во всѣ человѣческія дѣла, даже и тогда, когда люди просто занимаются выборомъ для себя учителя философіи. Было бы хорошо, если бы всѣ могли изучать философію; нѣкоторые христіане и изучаютъ ее, но многіе не имѣютъ для этого ни способностей, ни досуга. Конечно—хорошо, если такіе люди и безъ философіи, а только чрезъ вѣру будутъ обращаться отъ грѣха къ праведной жизни. Многіе такъ и дѣлали по вѣрѣ въ евангеліе; и это доказываетъ, что оно—божественно, потому что «ничего полезнаго для людей не появляется безъ Промысла Божія»¹⁾.

Гораздо сильнѣе, чѣмъ что-либо изъ прежде сказаннаго, былъ предрасудокъ, создавшійся въ умѣ Цельса вслѣдствіе сильнаго участія христіанъ, слѣдовавшихъ примѣру Христа, въ грѣшныхъ и жалкихъ людяхъ. Онъ представляетъ проповѣдника евангелія говорящимъ такъ: «пусть ни одинъ образованный, мудрый или благоразумный не приближается къ намъ; но если кто — невѣжда, глупецъ или неученый, младенецъ въ познаніи, тотъ можетъ приходить къ намъ», и утверждаетъ, что проповѣдникъ стремится пріобрѣсти обращенныхъ только изъ среды глупыхъ и безтолковыхъ людей, рабовъ, женщинъ и дѣтей. Откуда, спрашиваетъ Цельсъ, это предпочтеніе къ грѣшникамъ?— и противопоставляетъ эту странную дѣятельность христіанъ болѣе рациональному поведенію язычниковъ, которые приглашаютъ къ посвященію въ свои мистеріи людей чистой и примѣрной жизни. Тутъ старая фарисейская жалоба: «Онъ принимаетъ грѣшниковъ», высказанная съ совершеннымъ убѣжденіемъ лицомъ, которое думало, что слѣ-

1) Οὐδὲν γὰρ χρηστὸν ἐν ἀνθρώποις ἀθεεὶ γίνεται, lib. 1, с. 9.

довадо гнѣваться на христіанъ за ихъ симпатію къ невѣжественнымъ и заблуждающимся. Такъ ново было и необычно человѣколюбіе Іисуса Христа и Его учениковъ. Недовѣріе Цельса къ возможности обращенія только увеличивало его затрудненія. Онъ думалъ, что люди, бывшіе грѣшниками по природѣ или въ силу привычки, не могли перемѣниться ни вслѣдствіе сочувствія къ нимъ, ни вслѣдствіе жестокихъ мѣръ: «потому что со всѣмъ измѣнить природу — это очень затруднительно»¹⁾. Отвѣтъ Оригена былъ очень простъ. Во имя христіанства онъ защищалъ виновныхъ въ любви къ грѣшникамъ и глупцамъ, но отрицалъ, что церковь заботилась только о нихъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ это дѣло его противникъ.

2. Эти предразсудки—сравнительно поверхностны; главный же аргументъ Цельса, цѣль котораго была поразить христіанскую вѣру въ самое сердце, относился къ представленію христіанъ о Богѣ, въ лицѣ Христа вступившемъ въ міръ, какъ спасительная сила. Цельсъ нападалъ на воплощеніе въ трехъ пунктахъ, утверждая, *во первыхъ*, что этимъ унижается Богъ, такъ какъ здѣсь приписывается Ему измѣненіе; *во вторыхъ*, что здѣсь несправедливо возвышается человѣкъ, такъ какъ дѣлается предметомъ особеннаго божественнаго попеченія; *въ третьихъ*, что здѣсь имѣется въ виду недостижимая цѣль, искушеніе человѣка, испѣленіе его отъ нравственнаго зла.

«Богъ», говорилъ Цельсъ, усиливая первое изъ этихъ положеній, «благъ, почитаемъ, блаженъ, честивѣйшій и лучшій; но если Онъ сходитъ къ людямъ, то подлежитъ измѣненію — отъ добраго къ злomu, отъ почтеннаго къ низкому, отъ счастья къ несчастію, отъ лучшаго къ самому худшему. Нельзя такой перемѣны приписывать Богу»²⁾. Оригенъ отвѣчалъ, что въ сошествіи Бога въ

1) Φύσιν γὰρ ἀμείψαι τελῶς παγχάλεπον, lib. III, с. 65.

2) Lib. IV, 14.

человѣческомъ образѣ не подразумѣвается перемѣны, о которой фантазировалъ Цельсъ; тутъ нѣтъ перемѣны лучшаго на худшее, потому что Богъ не зналъ грѣха; ни счастья на несчастіе, потому что Онъ смирилъ Себя, оставаясь тѣмъ не менѣе блаженнымъ. Что худого въ любви и человѣколюбіи? Кто скажетъ, что врачъ, встрѣчаясь съ страшными болѣзнями и прикасаясь къ больнымъ, чтобы лѣчить ихъ, переходитъ отъ блага ко злу, отъ чести къ безчестию, отъ счастья къ несчастію?

Болѣе непонятенъ, чѣмъ богословскій, былъ для Цельса антропологическій постулатъ воплощенія. Центральная истина христіанства, казалось ему, слишкомъ много придавала значенія человѣку. Что такое человѣкъ, чтобы Богъ сталъ думать о немъ? Оригенъ цитируетъ одно мѣсто изъ «Истиннаго слова», гдѣ іудеи и христіане, воображающіе себя предметами божественнаго попеченія, приравниваются къ летучимъ мышамъ, или муравьямъ, выходящимъ изъ своего муравейника, или къ лягушкамъ, которыя держатъ совѣтъ въ болотѣ, или къ червямъ, собирающимся въ навозной кучѣ, разсуждающимъ между собою, кто изъ нихъ болѣе грѣшенъ, и выражающимъ претензіи на особенное благоволеніе Божіе ¹⁾). Незначительность человѣка есть любимая тема Цельса, и онъ останавливается на ней съ циническимъ удовольствіемъ. Онъ съ негодованіемъ отвергаетъ мысль, что человѣкъ созданъ по образу Божію; онъ осмѣиваетъ мнѣніе, будто человѣкъ есть цѣль Бога въ Его дѣлахъ творенія и providенія—болѣе, чѣмъ всякая другая тварь; онъ отрицаетъ господство человѣка надъ твореніемъ; онъ подробно доказываетъ, что человѣкъ не слишкомъ важное твореніе, если бы даже онъ и превосходилъ звѣрей по своимъ умственнымъ, нравственнымъ и религіознымъ качествамъ ²⁾). Сужденія Цельса относительно послѣдняго упомянутого

¹⁾ Lib. IV, 15.

²⁾ Lib. IV, 3.

предмета могутъ казаться только странными преувеличеніями лица, слишкомъ склоннаго осмѣивать претензіи человѣка на высшее положеніе среди твореній и на особенное вниманіе къ нему Божества. Но вообще Цельсъ совершенно серьезенъ въ своихъ антропологическихъ умозрѣніяхъ. Его взгляды на человѣка въ мірѣ и отношеніе къ Богу совершенно согласны съ занятымъ имъ положеніемъ врага христіанства и входили, какъ существенная часть, въ его пантеистическую теорію вселенной.

Цельсъ далѣе утверждалъ, что цѣль воплощенія,—исцѣленіе отъ нравственнаго зла,—недостижима. Его доктрина о злѣ была такова. Зло не есть дѣло Божіе; оно присуще матеріи, которая вѣчна и не сотворена Богомъ, потому что Богъ не творитъ ничего смертнаго или матеріальнаго, а только духовное ¹⁾. Если происхожденіе зла можно прослѣдить въ природной необходимости, то количество зла неизмѣнно ²⁾. Такимъ образомъ возможность искупленія исключается, равно какъ исключается она и чрезъ другую доктрину Цельса, по которой всѣ перемѣны, происходящія во вселенной, подчинены закону періодичности. То, что было, будетъ и опять. Настоящій порядокъ вещей будетъ воспроизведенъ въ нѣкоторомъ будущемъ эонѣ, о какомъ бы положеніи ихъ ни подумать. Этотъ законъ періодичности, приложенный стойками даже къ богамъ, Цельсъ защищалъ преимущественно на основаніи данныхъ человѣческой исторіи. «Подобенъ», говорилъ онъ, «отъ начала до конца періодъ смертныхъ; и при опредѣленныхъ переворотахъ одно и то же всегда по необходимости было, есть и будетъ» ³⁾. Какъ замѣчаетъ Оригенъ, это ученіе, если оно истинно, опровергаетъ христіанство, потому что праздно было бы говорить объ искупленіи, дѣйствующемъ на свободныхъ агентовъ чрезъ нравственное вліяніе, тамъ,

¹⁾ Lib. IV, 52.

²⁾ Lib. IV, 62.

³⁾ Lib. IV, 67.

гдѣ признается только царство необходимости; и если все, что существуетъ, современемъ повторится, то и человѣкъ въ его неискупленномъ состояніи появится опять, и Христосъ слѣдовательно умеръ напрасно. Довольно мрачная картина; но христіанская теорія имѣетъ и свою свѣтлую сторону. Для нашего утѣшенія намъ сказано, что зло, насколько мы знаемъ его, можетъ превращаться въ добро. «Ты не знаешь, что хорошо для тебя, или для другого, или для общества»¹⁾. Въ нѣкоторомъ смыслѣ это, конечно, вѣрно; но будучи примѣнено въ томъ смыслѣ, въ какомъ примѣняетъ его Цельсъ, ко грѣху или нравственному злу, это подразумѣваетъ, что грѣхъ не есть реальность; что нѣтъ такой вещи, какъ абсолютное нравственное зло; что, говоря словами одного современнаго писателя, «зло есть только добро въ дѣятельности». Таково усыпительное лѣкарство, изготовлявшееся пантеистами во всѣ вѣка, для усыпленія совѣсти, умерщвленія человѣческой чувствительности, и съ цѣлю дать людямъ возможность взирать съ философскимъ равнодушіемъ на нравственное состояніе міра, какъ одновременно и неисправимое, и не требующее исправленія.

Что Цельсъ понималъ Бога пантеистически, это видно изъ выдержекъ изъ его сочиненія, приведенныхъ Оригеномъ. Богъ, училъ Цельсъ, не можетъ быть постигнутъ разумомъ, и не можетъ быть названъ. Какъ солнце среди видимыхъ предметовъ не есть ни глазъ, ни зрѣніе, но причина зрѣнія для глаза, а для свѣта—его возможность, для вещей видимыхъ — то, почему онѣ видны, то есть и Богъ среди предметовъ, понимаемыхъ умомъ. Онъ — ни умъ, ни мысль, ни знаніе, но причина вѣдѣнія для ума, а для мысли причина того, что она возможна, для знанія—причина существованія его и всѣхъ предметовъ знанія, причина самой истины и бытія самого бытія; Самъ же Онъ выше всего, познавается нѣкоторою неизреченною

¹⁾ Lib. IV, 70.

силой ¹⁾). Нельзя утверждать, что такое мнѣніе абсолютно несоединимо съ теостическими представленіями о Богѣ, и потому Оригенъ не былъ склоненъ особенно много отыскивать здѣсь ошибки, какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и повсюду обнаруживая характеристическое великодушіе, свойственное человѣку, честно готовому согласиться съ тѣмъ, что есть хорошаго въ словахъ Цельса или греческихъ философовъ, мнѣнія которыхъ онъ принимаетъ. Однако идея, естественно внушаемая, о сходствѣ Бога съ солнцемъ, заключается въ томъ, что это есть Существо, котораго нельзя назвать, непознаваемое, въ нѣкоторомъ смыслѣ причина всего существующаго, однако не похожее на все, что существуетъ, какъ солнце не похоже на глазъ, хотя и даетъ глазу возможность видѣть, и даже не похожее на человѣчeskій умъ, не владѣющее свойствами духа, мысли, знанія, — Существо, природа котораго не можетъ быть выведена ни изъ одного изъ Его твореній, матеріальныхъ или мысленныхъ, которому ничего нельзя приписать, даже самаго бытія.

Въ полномъ согласіи съ такимъ пантеистическимъ пониманіемъ Бога, Цельсъ былъ серьезнымъ апологетомъ политеизма; потому что во всемъ мірѣ и во всѣ вѣка *подъ пантеизмомъ въ теоріи подразумѣвается политеизмъ на практикѣ*. Высшее божество этого философа совершенно выше всякой зависти, не имѣетъ никакого желанія пользоваться монополіей богослуженія, могло великодушно терпѣть рядъ меньшихъ божествъ, изъ коихъ каждое получало свою долю почитанія; потому что всѣ эти божества не были ли частями или модусами Его? Цельсъ думалъ, что всѣ религіи терпимы (за исключеніемъ христіанства), потому что всѣ отдѣльныя божества были по его мнѣнію проявленіями великаго Неизвѣстнаго. Политеизмъ онъ оправдывалъ при помощи простаго теоретическаго разсужденія: все, что существуетъ, есть часть Бога, откры-

¹⁾ Lib. VII, с. 45.

ваетъ Бога, служить Богу, поэтому разумно можетъ быть почитаемо. Къ христіанству онъ не относился съ такой широкой терпимостью, потому что оно почитало ревниваго Бога, который не хотѣлъ быть однимъ изъ многихъ. Эта ревность, приписываемая Богу монотеистическими религіями, рѣшительно обозначаетъ, что Богъ есть Существо, которому свойственны нравственныя различенія. Богъ Цельса, пантеистическій Богъ, не ревнивъ, потому что не святъ, но просто есть Существо абсолютное. Категорія этического поглощается здѣсь болѣе обширною категоріей бытія ¹⁾).

С. М. Ѳ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ О взглядахъ Цельса на политеизмъ см. VIII книгу сочиненія Оригена.

БЪЛЛЕВЪ И ОПТИНА.

(Замѣтки путешественника).

I.

Пустыннымъ непрестанное божественное желаніе бываетъ, міра сущимъ суетнаго кромь... Намъ же грѣшнымъ, въ суетѣ міра сего влающимъ, утѣшительнымъ прибѣжищемъ и возбуждателемъ «желанія божественнаго» являются св. обители иноческія, которыя хотя не всегда расположены вдали отъ селеній мірскихъ, но по строю своему должны быть всегда истинно пустыннымъ жительствомъ... Должны быть... Но еще св. Антоній Великій нѣкогда сказалъ: «придетъ время, когда монахи оставятъ пустыни и потекутъ вмѣсто ихъ въ богатые города, гдѣ, вмѣсто пустынныхъ пещеръ и тѣсныхъ келлій, воздвигнутъ гордыя зданія, могущія спорить съ палатами царей... Отъ мірянъ монахи ничѣмъ другимъ отличаться не будутъ, какъ одѣяніемъ и наглавникомъ... Но будутъ въ то время и такіе, которые окажутся гораздо лучше и совершеннѣе насъ; ибо блаженнѣе тотъ, кто могъ преступить, и не преступилъ,— и зло сотворить, и не сотворилъ (Сир. 31, 11), нежели тотъ, кто влекомя былъ къ добру массою стремящихся къ тому ревнителей»¹⁾. А святитель Теофанъ Вышинскій, поучая городскихъ монашествующихъ, говорилъ: «преlestи міра близки къ вамъ; но изъ того, что онѣ близки, не слѣдуетъ, что ими уже и увлекаться должно. Когда воз-

¹⁾ Добротолюбіе, изд. 2-е, 1883 г., т. 1-й, стр. 129—130.

стаетъ искушеніе, — развѣ уже необходимо поддаваться ему? Когда васъ встрѣчаетъ врагъ, развѣ уже необходимо и въ руки должны вы предаться, потому только, что встрѣтились съ нимъ? Такъ и у васъ: пусть міръ размножаетъ предъ вами свои прелести,—вы берите изъ сего себѣ поводъ не къ увлеченіямъ, а къ отвращенію, не къ преданію себя въ плѣнъ, а къ борьбѣ и побѣдѣ¹⁾... Можно, вѣдь, въ пустынѣ жить и не быть пустынною, а принадлежать сердцемъ міру, и наоборотъ, можно быть истинно «пустыннымъ жителемъ и въ тѣлеси ангеломъ», пребывая въ круговоротѣ мірскомъ. Не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто... Но то, конечно, несомнѣнно, что уединеніе, удаленіе отъ мірскихъ жилищъ, вообще, «пустынное пребываніе» въ значительной мѣрѣ способствуетъ преуспѣванію въ духовной жизни, порождаетъ собранность мыслей и утверждаетъ въ «умномъ» молитвенномъ дѣланіи... Подвизающимся въ городскихъ обителяхъ значительно труднѣе достигнуть сего, но не смущаются симъ добрые иноки, только стѣною отдѣляющіеся отъ міра, и всегда помнятъ слова Господа: *царствіе небесное нудится, и нуждники (употребляющіе усиліе) восхищаютъ е* (Матѣ. 11, 12)... Всѣ эти мысли пришли мнѣ на умъ при недавнемъ посѣщеніи моемъ г. Бѣлева и его обителей: мужской Спасо-Преображенской и женской Крестовоздвиженской... Чрезвычайно живописно расположеніе города на лѣвомъ, высокомъ берегу Оки, съ котораго открывается прекрасный видъ на обширную луговую долину праваго берега рѣки и прикрытую сосновымъ лѣсомъ Жабынскую мужскую пустынь, славную подвигами основателя своего, преподобнаго Макарія, Бѣлевскаго чудотворца († 22 января 1623 г.)... Монастыри же Бѣлевскіе, расположенные рядомъ на городской окраинѣ, къ рѣкѣ, нѣсколько по ко-согору, занимаютъ самое высокое мѣсто.

¹⁾ Пр. Теофанъ. Слово къ Владимірской паствѣ, изд. 1869 г., стр. 366—367.

Нѣкогда славный духовною жизнью своихъ насельниковъ Бѣлевскій Спасо-Преображенскій мужской монастырь, по однимъ сказаніямъ, основанъ въ первой половинѣ XV столѣтія удѣльными Бѣлевскими князьями Солнцевыми-Засѣкиными; по другимъ источникамъ, основаніе обители удѣльнымъ княземъ Бѣлевскимъ Іоанномъ Васильевичемъ относится къ 1525 году. Спасо-Преображенскій монастырь служилъ родою усыпальницею Бѣлевскихъ князей Солнцевыхъ-Засѣкиныхъ; на гробахъ ихъ выстроена была во второй половинѣ XVII столѣтія княземъ Юріемъ Солнцевымъ деревянная церковь во имя св. великомученика Дмитрія, а въ 1706 году, по челобитной сына князя Юрія, князя Семѣна, деревянная церковь замѣнена каменною во имя св. Іоанна Предтечи. Вообще, каменнымъ строеніемъ монастырь украсился во время управленія обителью приснопамятнаго, славившагося духовною жизнью архимандрита Іова, изъ рода дворянъ Марковыхъ (1680 — 1709). Въ 1723 году, уже по кончинѣ архимандрита Іова, при преемникѣ его архимандритѣ Тихонѣ, къ монастырю были приписаны Жабынская и Оптина пустыни, и это одно уже служить показателемъ всесторонняго процвѣтанія Бѣлевской мужской обители, являвшейся, такъ сказать, главою и руководительницею подчиненныхъ ей монастырей... Но если въ XVIII вѣкѣ Спасо-Преображенскій монастырь славился духовною жизнью своихъ иноковъ, то теперь, къ сожалѣнію, впечатлѣніе отъ посѣщенія монастыря получается далеко не въ его пользу... Прибывъ въ обитель къ совершаемому по субботамъ послѣ литургіи акаѣисту предъ иконою Богоматери «Всѣхъ скорбящихъ Радости», я былъ пораженъ, увидѣвъ на клиросѣ пѣвцовъ, одинъ внѣшній видъ которыхъ свидѣтельствовалъ, что не духовное у нихъ на умѣ; конечно, и пѣніе ихъ соответствовало ихъ внѣшности. Надо удивляться, что имъ разрѣшено носить послушническіе подрясники... Вспомнилось мнѣ при этомъ распоряженіе покойнаго архіепископа Литовскаго Макарія (впослѣдствіи митрополита Московскаго) о нераз-

рѣшеніи облекать въ монашескіе подрясники лицъ, принимаемыхъ въ обители лишь ради своего голоса или вообще ради какой-нибудь потребности монастырской, но неимѣющихъ духа монашескаго... Нельзя не согласиться съ этимъ распоряженіемъ мудраго архипастыря.. При видѣ въ подрясникѣ лицъ не монашескаго духа, подвергается нареканію вообще монашество. Если же эти самыя лица будутъ въ свѣтскомъ платьѣ, то неблаговидная ихъ внѣшность никоимъ образомъ не можетъ быть поставлена въ вину монашеству... Вѣрно, впрочемъ, что и свѣтскихъ надо съ *разборомъ* допускать на клиросъ, и думаю, что настоятелямъ надо проявлять большую въ этомъ отношеніи разборчивость и заботливость... При дальнѣйшемъ осмотрѣ обители я нашелъ, что и келліи братскія, и трапеза, и проч.—оставляютъ желать многого въ отношеніи чистоты и порядка, а при взглядѣ на болѣе чѣмъ скромныя настоятельскія келліи, невольно пришло на мысль: каково-то въ нихъ жило старцамъ-архипастырямъ, пребывавшимъ на покой, преосвященнымъ — Макарію, бывшему Калужскому, и Лаврентію, бывшему Тульскому?.. Вообще, обитель производитъ впечатлѣніе весьма запущенной и въ духовномъ, и въ хозяйственномъ отношеніяхъ ¹⁾. Принимая же во вниманіе малочисленность въ ней братства, казалось бы болѣе полезнымъ иноковъ изъ нея вывести въ другіе монастыри, а храмы, зданія и все имущество передать весьма стѣсненной пространствомъ рядомъ находящейся Крестовоздвиженской женской обители, которая, съ увѣренностью можно сказать, во благо использовала бы наслѣдіе недомовитаго сосѣда ²⁾...

Крестовоздвиженскій женскій монастырь основанъ около 1625 г. старицею Марѳею Палицыною, которая была пер-

¹⁾ Говорю не въ осужденіе, а лишь ревную о благоустройствѣ монашеской жизни, которую искренно люблю и почитаю.

²⁾ А можетъ быть, и сама Спасо-Преображенская обитель воспрянетъ? Душевно буду этому радъ!

вою его игуменьею... Въ особенности благодѣтельно было для обители управленіе игуменіи Патрикїи (съ 1679 по 1714 годъ), старицы мудрой, высоко-благочестивой и попечительной... Благодѣтельное вліяніе на обитель оказывалъ и современникъ игуменіи Патрикїи, присвопамятный настоятель Спасо-Преображенскаго монастыря архимандритъ Іовъ. Въ 1764 году состоялось учрежденіе о духовныхъ штатахъ, и многіе монастыри были упразднены, въ томъ числѣ Бѣлевскій Крестовоздвиженскій, но въ 1768 году Бѣлевская обитель была возстановлена съ перечисленіемъ въ нее штата упраздненнаго Лихвинскаго женскаго монастыря. Особенно памятно и незабвенно для Крестовоздвиженской обители настоятельство игуменіи Епафродиты (1828—1845), кроткій нравъ и благочестивая жизнь которой привлекли въ монастырь многихъ, и число сестеръ, не превышавшее 30 человекъ, при ней скоро возросло до 100. Главнымъ же образомъ игуменство м. Епафродиты примѣчательно утверженіемъ въ Бѣлевскомъ женскомъ монастырѣ *старчества*, т.-е. отроченія помысловъ опытнымъ и усовершенствовавшимся въ дѣятельной иноческой жизни *старцамъ* и *старлицамъ*. Первою старицею въ обители была мать Анфія (въ монашествѣ Магдалина), перешедшая изъ Сѣвскаго Троицкаго дѣвичьяго монастыря, гдѣ она духовно возросла и преуспѣла въ истинно-монашеской жизни подъ опытнымъ руководствомъ о. Леонида и Магарїя, впоследствии знаменитыхъ Оптиныхъ старцевъ. По водвореніи сихъ старцевъ въ скиту Оптиной пустыни, преданная имъ духовно м. Анфія также перемѣстилась въ ближайшій къ Оптиной Бѣлевскій женскій монастырь... И съ того времени утвердилось въ обители Крестовоздвиженской руководство старческое, которому обитель сія всецѣло обязана своимъ духовнымъ процвѣтаніемъ... Кратко было мое пребываніе въ Бѣлевской женской обители, но все, что я видѣлъ въ ней,—и храмы монастырскіе, и трапеза, и неусыпаемое чтеніе псалтири — все оставило во мнѣ наилучшее впечатлѣніе, а главное — отъ насельницъ ея вѣетъ духомъ старческимъ...

Къ сожалѣнію, время не позволяло мнѣ побольше ознакомиться съ Бѣлевомъ, и потому на семь кончаю краткія мои замѣтки о Бѣлевскихъ монастыряхъ и приглашаю читателя послѣдовать за мной въ Оптину пустынь...

II.

Оптина! Какъ много въ этомъ словѣ для сердца русскаго слилось,—скажу словами поэта. Для сердца *русскаго*, т.-е. *православнаго*, ибо нельзя назвать вполне русскимъ того, кто порвалъ связь съ св. вѣрою православною... Народу православному, живущему въ «оградѣ церковной», близко и дорого имя Оптиной пустыни, какъ носительницы истинно-духовнаго просвѣщенія душъ христіанскихъ, какъ хранительницы и строгой блюстительницы завѣтовъ древне-монашескихъ, какъ мѣста подвиговъ духоносныхъ старцевъ, представителей высокаго по своему значенію старчества... Козельская Введенская Оптиная пустынь, находящаяся въ 3-хъ верстахъ отъ г. Козельска, Калужской губерніи, съ трехъ сторонъ, по правому берегу р. Жиздры, отдѣлена отъ селеній мірскихъ сплошнымъ лѣсомъ, произрастающимъ на песчаной почвѣ, неудобной для пашни; съ четвертой же стороны опоясывается р. Жиздрою, отдѣляющею обитель отъ г. Козельска и д. Стениной, которые расположены на лѣвомъ берегу этой рѣки. Черезъ рѣку существуетъ одна только переправа на паромѣ, содержимомъ пустыню противъ самаго монастыря... Особенное какое-то чувство испытываешь, переправившись на берегъ монастырскій, переваливъ, такъ сказать, за рубежъ мірской: тамъ, на лѣвомъ берегу Жиздры—шумный міръ со всѣми его обманчивыми прелестями, суетными надеждами и грѣховными дѣлами; здѣсь, на правомъ берегу—строгая тишина пустыни, благодатный покой въ Богѣ, тихое пристанище отъ бурь мірскихъ. Съ переходомъ на берегъ монастырскій какъ бы отрѣшаешься отъ всего мірскаго, испытываешь такое чувство, какъ будто

міръ отъ тебя далеко, далеко... Такое же чувство мнѣ неоднократно пришлось переживать при входѣ во св. ворота Лавры Печерской, сего земного жребія Богоматери... Вотъ что значить *благодатное* мѣсто, освященное молитвами Богородицы и подвигами преподобныхъ и богоносныхъ отецъ! И относительно Оптиной можно то же самое сказать, ибо и здѣсь, подъ покровомъ Богоматери, монашество процвѣло, яко крѣнь, и даю, и даетъ *благодатные* плоды... Не вдаваясь въ подробную исторію обители, скажу лишь, что время основанія ея неизвѣстно, но уже въ XV вѣкѣ она существовала. По преданію, основана предводителемъ шайки разбойниковъ, нѣкимъ *Оптою*, обратившимся ко Христу и основавшимъ, по преданію, также и при г. Болховѣ, Орловской губерніи, *Оптинъ* Троицкій мужской монастырь... Есть и другое толкованіе слова «Опта». Какъ и Оптина пустынь, такъ и Болховскій монастырь, прежде были *общими* для старцевъ и старицъ, т.-е. тѣ и другія помѣщались въ одномъ мѣстѣ, *оптомъ*, а не отдѣльно, не въ *розницу*... Подобное явленіе не было единичнымъ: до конца XV вѣка во многихъ монастыряхъ было двѣ половины, мужская и женская, подъ общимъ управленіемъ одного духовнаго отца, но опредѣленіемъ Московскаго собора 1499 г. такіе общіе монастыри воспрещены... Но какое бы ни было толкованіе слова «Опта», одно достовѣрно можно сказать, что не князьями и боярами строена Оптина, не златомъ и серебромъ созидалась она, а слезами, пощеніемъ, молитвою, бдѣніемъ и трудами подвижниковъ. Въ 1724 году пустынь была упразднена, и иноки переведены въ Спасо-Преображенскій Бѣлевскій монастырь, но уже въ 1726 году, по ходатайству Шепелевыхъ и Ардатова, она возстановлена. И раньше скудная средствами обитель, по возстановленіи, оказалась прямо-таки въ бѣдственномъ положеніи, такъ какъ за эти два года строенія монастырскія пришли въ ветхость и раззореніе, а прочее церковное и монастырское имущество возвращено далеко не все. Хотя съ годами состояніе пу-

стыни нѣсколько улучшилось, но въ общемъ, до конца XVIII столѣтія, оно было скудное и стѣсненное, а главное—недостаточно благоустроенное въ духовномъ отношеніи. Лучшіе дни увидѣла пустынь съ 1796 года, когда посѣтилъ ее митрополитъ Московскій Платонъ, къ епархіи котораго въ то время была отнесена Оптина. Архипастырь нашель мѣстоположеніе обители очень удобнымъ для пустынножителства и рѣшилъ учредить здѣсь общежитіе на подобіе Пѣшношскаго монастыря. Возстановителемъ и устройтелемъ обители избранъ былъ Пѣшношскій инокъ Авраамій, принявшій пустынь въ состояніи, близкомъ къ упраздненію, и заставшій въ ней лишь трехъ старцевъ-монаховъ. Обитель была въ крайнемъ запущеніи, но молитвами и неустанными трудами о. Авраамія, по милости Божіей, при содѣйствіи архипастырскомъ, все приводилось въ порядокъ, улучшалось и умножалось, такъ что въ 1817 году, ко времени кончины о. Авраамія, Оптина представляла уже изъ себя благоустроенный монастырь. Но главнымъ поворотомъ къ всестороннему благоустроению обители и поднятію ея на высокую духовную степень слѣдуетъ считать 1819 годъ—время вступленія въ управленіе Калужскою епархіею преосвященнаго Филарета, въ послѣдствіи митрополита Кіевскаго. Сей монахолюбивый архипастырь возымѣлъ благую мысль учредить при Оптиной пустыни скитъ, пригласивъ для сей цѣли опытныхъ въ духовной жизни учениковъ знаменитаго Молдавскаго старца Паисія Величковскаго и другихъ отшельниковъ, проживавшихъ въ Рославльскихъ лѣсахъ, Смоленской губерніи, на землѣ помѣщика Броневскаго. И вотъ, 6 іюня 1821 года дружина Рославльскихъ подвижниковъ, съ о. Моисеемъ во главѣ, прибыла въ Оптину пустынь и съ благословенія преосвященнаго Филарета водворилась въ лѣсу, на границѣ монастырскихъ владѣній, въ 170 саженьяхъ отъ обители. Сперва была построена небольшая келья, въ которой поселились всѣ пять пребывшихъ старцевъ общежительно, а ужъ 16 августа въ скиту была.

заложена домовая церковь для архіерейскаго пріѣзда... Съ первыхъ же дней положено въ скитъ женскому полу входъ совершенно возбранить, а также вообще оградить безмолвіе пустынножителей, что съ большимъ удобствомъ и было выполняемо впослѣдствіи, при созданіи ограды вокругъ скита. А вскорѣ введенъ былъ въ Оптиной со скитомъ Коневскій уставъ, еще болѣе упорядочившій теченіе монастырской жизни; но, главнымъ образомъ, славна стала Оптина со времени введенія въ ней *старчества*, основаніемъ къ учрежденію котораго былъ упомянутый уставъ, гдѣ, между прочимъ, сказано, что «должность духовника состоитъ въ совершеніи таинства покаянія, а должность наставника (или старца) въ томъ, чтобы желающаго иночества руководить къ богоугодной жизни частыми и полезными наставленіями». При этомъ старцемъ иногда можетъ быть и непосвященный монахъ, опытный въ духовной жизни. О. Моисей, человекъ, исполненный высокой духовной мудрости, будучи назначенъ настоятелемъ Оптиной пустыни, справедливо признавалъ трудность совмѣщенія въ одномъ лицѣ обязанностей настоятеля и старца, почему и поручилъ духовное руководство братіи пустыни и скита, и приходящихъ богомольцевъ, о. Леониду, положившему, такимъ образомъ, начало старчеству въ Оптиной.

О. Леонидъ, родившійся въ 1768 году, начало полагалъ въ Оптиной пустыни, въ которую поступилъ въ 1797 г., а черезъ два года перешелъ въ Бѣлобережскую пустынь, гдѣ и постриженъ въ 1801 году. Затѣмъ временно проживалъ въ Челнскомъ монастырѣ, близъ Трубчевска, гдѣ пользовался руководствомъ схимонаха Θεодора, бывшаго ученикомъ великаго старца Паисія Величковскаго. Съ назначеніемъ вскорѣ о. Леонида настоятелемъ Бѣлобережскаго монастыря, перешелъ туда и наставникъ его о. Θεодоръ. Недолго прожилъ въ обители о. Θεодоръ: возжелавъ покоя, удалился въ уединенную келлію, въ двухъ верстахъ отъ монастыря, вмѣстѣ съ другимъ великимъ

подвижникомъ Клеопою. Сложивъ съ себя званіе настоятеля, вскорѣ присоединился къ нимъ и о. Леонидъ. Недолго, однако, прожили старцы тутъ... Слава о высокой жизни и духовной мудрости ихъ привлекла къ нимъ множество богомольцевъ, и это было причиною того, что они признали за лучшее удалиться на сѣверъ... Поостранствовавъ по многимъ сѣвернымъ обителямъ, всего болѣе прожилъ о. Леонидъ въ Александро Свирскомъ монастырѣ, откуда въ 1829 году, черезъ семь лѣтъ послѣ кончины своего старца о. Феодора, перешель сначала въ Площанскую, а черезъ полгода въ Оптиную пустынь, гдѣ и прожилъ до кончины своей, послѣдовавшей 11 октября 1841 года... Простецъ по рожденію и образованію, о. Леонидъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, о которыхъ святитель Тихонъ Задонскій сказалъ, что они «учатся въ молитвѣ со смиреніемъ и усердіемъ и просвѣщаются отъ Духа Святаго и суть мудрѣйшіе паче философовъ вѣка сего; просто, грубо говорятъ, но красно и благопріятно живутъ». И вотъ этотъ-то примѣръ подвижнической жизни, соединенной съ мудрымъ, истинно-духовнымъ наставленіемъ, привлекаетъ къ себѣ сердца людей, заставляя ихъ предъ лицомъ старца обнажать всѣ свои раны душевныя... Инокамъ это повседневное *откровеніе помысловъ* старцу приноситъ громадную пользу и измѣняетъ къ лучшему весь духовный строй монастырской жизни. Даже настоятели, наряду съ братією, смиренно подчиняются духовному руководству старца и имѣютъ къ нему откровеніе помысловъ. Но и мірянѣ не оставляютъ старцы своимъ духовнымъ окормленіемъ, и многіе благочестивые люди безъ совѣта старческаго ничего важнаго въ своей жизни не предпринимаютъ... Такъ было и въ Оптиной съ водвореніемъ о. Леонида: весь строй монастырской жизни вступилъ въ усиленную духовную дѣятельность, и Оптина стала средоточіемъ, куда начали стекаться и многочисленныя монашествующіе другихъ монастырей, и множество боголюбивыхъ мірянъ; келья о. Леонида съ утра до вечера

была открыта для всѣхъ, ищущихъ благословенія и наставленія... Въ 1834 году прибылъ въ Оптину подъ руководство о. Леонида — іеромонахъ Макарій, изъ дворянъ Орловской губерніи, въ міру Михаилъ Николаевичъ Ивановъ, съ 1810 года подвизавшійся въ Площанской пустыни, въ 1817 году рукоположенный во іеромонаха, а съ 1827 года проходившій должность духовника Сѣвскаго женскаго монастыря,—мужъ высокой духовной жизни, бывшій наставникомъ и руководителемъ многихъ на пути спасенія, но по смиренію своему вмѣнявшій духовныя свои дарованія ни во что и считавшій особымъ для себя счастьемъ быть вблизи великаго старца... Назначенный вскорѣ скитоначальникомъ и главнымъ монастырскимъ духовникомъ о. Макарій не измѣнилъ своего сыновняго отношенія къ о. Леониду, который въ свою очередь очень былъ радъ имѣть въ лицѣ бывшаго Площанскаго инока опытнаго въ духовной жизни сотрудника. И дѣйствительно, о. Макарій былъ незамѣнимымъ сотрудникомъ, съ благословенія старца раздѣляя съ нимъ великіе труды духовнаго окормленія братій и посѣтителей. Особенно это сотрудничество было дѣятельно въ послѣдніе пять лѣтъ жизни о. Леонида, такъ что всѣ привыкли смотрѣть на о. Макарію, какъ на преемника великаго старца, да и самъ старецъ называлъ о. Макарію своимъ преемникомъ... Поэтому, съ кончиною о. Леонида, цѣпь старчества, если можно такъ выразиться, не порвалась, и о. Макарій только продолжалъ дѣланіе старческое, начатое еще при жизни перваго Оптинскаго старца. Отличительною чертою старчества о. Макарія было его терпѣливое умѣнье съ любовью относиться и сочувствовать всѣмъ во всякомъ положеніи, радостномъ и горестномъ. Число обращавшихся къ старцу о. Макарію съ каждымъ годомъ умножалось. Нѣкоторое объ этомъ понятіе можетъ дать его переписка: письма его, напечатанныя послѣ его кончины, изданы въ шести томахъ. Но помимо трудовъ старческихъ, особенною заслугою о. Макарія слѣдуетъ считать предпринятое

имъ изданіе перевода свято-отеческихъ книгъ, сдѣланнаго блаженнымъ старцемъ Паисіемъ Величковскимъ, а также и новыхъ переводовъ, сдѣланныхъ при ближайшемъ участіи и руководствѣ о. Макарія. Большое содѣйствіе о. Макарію оказано было въ этомъ отношеніи Иваномъ Васильевичемъ и Наталією Петровною Кирѣевскими, а при посредствѣ ихъ и приснопамятнымъ митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ, который, вмѣстѣ съ благословеніемъ, оказывалъ и участливое покровительство благому этому дѣлу... Кирѣевскіе построили въ имѣніи своемъ Долбинѣ, отстоящемъ отъ пустыни въ 40 верстахъ, въ глубинѣ березовой рощи, домикъ, въ которомъ, съ благословенія епархіальнаго начальства, по временамъ уединялся о. Макарій, со своими сотрудниками, для неразвлекаемой работы по приготовленію къ печати рукописей издаваемыхъ сочиненій. А помощниками старца были: о. Амвросій (Гренковъ), о. Ювеналій (Половцевъ), о. Леонидъ (Кавелинъ), о. Павелъ, о. Климентъ (Зедергольмъ)... Старецъ іеросхимонахъ о. Макарій отошелъ ко Господу 6 сентября 1860 г., 72-хъ лѣтъ и погребенъ въ Оптиной пустыни, у алтаря соборнаго Введенскаго храма, рядомъ съ о. Леонидомъ...

Какъ въ свое время о. Макарій былъ сотрудникомъ о. Леониду, такъ съ 1846 г. дѣятельнымъ помощникомъ о. Макарія сталъ о. Амвросій—это будущее свѣтило старчества... Уроженецъ села Большихъ Липовицъ, Тамбовской губерніи, о. Амвросій, въ міру Александръ Михайловичъ Гренковъ, по окончаніи курса Тамбовской семинаріи въ 1836 г. со званіемъ студента, проходилъ около трехъ лѣтъ должность учителя Липецкаго духовнаго училища, послѣ чего, слѣдуя сердечному влеченію и руководствуясь указаніемъ Троекуровскаго затворника Иллариона, поступилъ въ Оптину пустынь, въ которой и прожилъ болѣе 50 лѣтъ... По рукоположеніи во іеромонаха, претерпѣвъ сильную выюгу и холодъ на обратномъ пути изъ Калуги въ Оптину, о. Амвросій окончательно разстроилъ свое здоровье, почему въ 1848 году указомъ

консисторіи перечисленъ въ число заштатныхъ іеромонаховъ. Но на бумагѣ будучи заштатнымъ, въ дѣйствительности о. Амвросій съ каждымъ годомъ все болѣе восходилъ отъ силы въ силу, но въ силу духовную, которая, въ немощи совершаясь, одухотворяетъ человѣка и возводитъ его на ту высоту, когда духовное преобладаетъ надъ тѣлеснымъ, когда въ человѣкѣ ясно видно проявленіе даровъ Духа Святаго, когда человѣкъ становится духовнымъ... До кончины о. Макарія о. Амвросій былъ помощникомъ старца, а съ этого времени въ продолженіе тридцати лѣтъ, до самой кончины, 10 октября 1891 г., весь нелегкій трудъ старчества... Дѣйствительно, нелегкій, великій трудъ! «Отъ ранняго утра до поздняго вечера толпы народа ежедневно шли къ о. Амвросію (кромѣ своей братіи для откровенія помысловъ и священнослужащихъ— для исповѣди), шли—монашествующіе пріѣзжіе и мірскіе люди, дворяне, купцы и простой народъ обоего пола. Кто искалъ разрѣшенія своихъ религіозныхъ сомнѣній, кто исцѣленія отъ грѣховъ и тѣлесныхъ болѣзней, кто утѣшенія въ скорби, кто совѣта въ житейскихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, кто просто пособія; и съ тѣмъ вмѣстѣ всѣ просили молитвъ и благословенія св. старца на христіанскую жизнь. Съ отеческою любовію и ласкою встрѣчалъ всѣхъ и провожалъ старецъ. Въ серьезныхъ случаяхъ принималъ уединенно посѣтителей въ своей кельѣ, а высокопоставленныхъ лицъ въ отдѣльномъ залѣцѣ. Всѣ входившіе къ старцу выходили отъ него довольными, утѣшенными. Почти ежедневно о. Амвросій выходилъ изъ своей кельи по вечерамъ въ теплыя сѣни и залѣце на такъ называемое «общее благословеніе». Всѣ, и сидѣвшіе на стульяхъ, лавкахъ, на полу, и стоявшіе — становились обыкновенно на колѣна при вѣсти: «старецъ идетъ». По выходѣ изъ кельи старецъ молился на икону Божіей Матери и проходилъ въ тѣсной толпѣ, благословляя направо и налево; вмѣстѣ съ тѣмъ, отвѣчалъ на просьбы краткими, но вдохновенно мудрыми отвѣтами, въ которыхъ,

кромѣ текстовъ св. Писанія, удачно пользовался вразумительными пословицами и притчами. Изъ сѣней старецъ переходилъ другими сѣнями въ такъ называемую «хибарку» (изъ которой выходъ за ограду скита), гдѣ ожидали его благословенія женщины; тамъ—въ «хибаркѣ» о. Амвросій точно также благословлялъ и отвѣчалъ на вопросы¹⁾. Велико было значеніе о. Амвросія и въ обители, и далеко за предѣлами ея! И теперь, какъ къ живому, притекають къ надгробію его (могила о. Амвросія рядомъ съ могилой его великаго учителя, о. Макарія) многочисленные богомольцы, уповающіе, что старецъ молитвеннымъ своимъ заступленіемъ не оставитъ тѣхъ, кто отъ сердца воздыхаетъ ко Господу о упокоеніи со святыми раба Божія іеросхимонаха Амвросія... И молитва вѣры не посрамлена бываетъ!

Послѣ о. Амвросія два года съ небольшимъ былъ старцемъ о. Анатолій, мужъ высокой духовной жизни, настолько преданный умной молитвѣ, что оставлялъ всякія заботы о вещественномъ и временномъ. Послѣ него братскимъ духовникомъ и скитоначальникомъ былъ ближайшій ученикъ о. Амвросія—о. Іосифъ, недавно только по болѣзни сложившій съ себя эти должности... Духъ старческій живетъ въ обители, но до сего времени должность старческая, волею Божіею, еще не замѣщена. Молитвами блаженныхъ прежде отшедшихъ духоносныхъ старцевъ, надо уповать, воздвигнуть будетъ старецъ, вознесетъ Господь избраннаго отъ людей Своихъ, не заглохнетъ святое сѣмя старчества!.. Многія обители славны святыми своими, св. чудотворными иконами, св. мощами,—сими воистину цѣльбоносными источниками, всѣмъ съ вѣрою притекающимъ къ нимъ подающими неоскудныя исцѣленія. Оптина же пустынь славна только своими старцами,

¹⁾ Историческое описаніе Козельской Оптиной пустыни, изд. 1902 г., стр. 120—121. Описаніемъ этимъ я во многомъ пользовался при составленіи настоящихъ замѣтокъ.

утвердившими въ ней истинно-духовную жизнь, доселѣ привлекающую въ стѣны обители всѣхъ ищущихъ отдохновенія отъ суеты мірской и утѣшенія въ Богѣ.. Есть и нынѣ въ пустыни богомудрые иноки, наставленіями своими и подвижническою жизнью назидающіе грѣшный родъ человѣческой... Строгий богослужебный порядокъ, внятное чтеніе, простое, безъискусственное пѣніе, продолжительное, безъ всякихъ отступленій, совершеніе службъ Божіихъ, молитвенное настроеніе иноковъ,—все это благодатно дѣйствуетъ на душу, отрезвляетъ ее, водворяетъ ее, такъ сказать, въ естественныя рамки, въ свойственную ей духовную обстановку... И потому отрадно становится въ Оптиной пустыни душѣ христіанской, милости Божіей и помощи требующей, и долго, долго живешь памятью о благодатныхъ чувствахъ, возгрѣтыхъ молитвою въ храмахъ обители и у гробовъ старческихъ... Я не задаюсь цѣлью составить подробное описаніе пустыни, а лишь дѣлюсь своими впечатлѣніями. Всякому, желающему поближе ознакомиться съ этимъ замѣчательнымъ селеніемъ иноческимъ, свято блюдущимъ завѣты отцовъ, скажу—приди и виждь! Закончу словами извѣстнаго духовнаго писателя А. Н. Муравьева: «Есть мѣста, которыя сами по себѣ не ознаменованы ни особенною красотою природы, ни воспоминаніями историческими или другимъ чѣмъ-либо, могущимъ поразить воображеніе съ перваго взгляда, но которыя оставляютъ въ сердцѣ глубокое впечатлѣніе, потому что оно проникаетъ постепенно и уже болѣе не можетъ изгладиться. Такова Оптина пустынь»¹⁾! Истинно это такъ, скажу я! И при этомъ припоминается мнѣ еще сравненіе тѣмъ же А. Н. Муравьевымъ Оптиной съ пустынями древняго отшельническаго міра, о которомъ еще донынѣ поетъ въ своихъ гимнахъ благодарная церковь: «Радуйся, Египеть вѣрный, радуйся, Ливія преподобная, радуйся, Ои-

¹⁾ А. Н. Муравьевъ. Путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ. ч. 2-я, изд. 6-е, стр. 346.

ваида избранная, радуйтесь, всякое мѣсто. градъ и страна, воспитавшіе гражданъ небеснаго царствія, возрастившіе ихъ въ воздержаніи и болѣзняхъ и показавшіе ихъ Богу совершенными мужами желаній!.. Мысленно обтекая ихъ гражданства, какъ бы другой рай сладости, воскликнемъ: сіи суть дерева, которыя насадилъ Господь Богъ вашъ; они цвѣли и принесли Христу плоды нетлѣнной жизни, питая души наши²⁾...

А. З.

²⁾ Тамъ же, стр. 386.

Евангельское повѣствованіе объ исцѣленіи Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ іерихонскаго слѣпца (Лук. 18, 35—43).

(На недѣлю 31-ю).

Объ исцѣленіи Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ іерихонскаго слѣпца въ Евангеліи повѣствуется такъ:

Иисусъ Христосъ, предъ Своими страданіями идя въ Іерусалимъ, подходилъ къ городу Іерихону. У дороги, по которой шелъ Господь, окруженный множествомъ народа, сидѣлъ слѣпецъ, прося милостыню. Услышавши шумъ проходившаго народа, слѣпецъ спросилъ: что это такое? Ему отвѣчали: Иисусъ Назорей идетъ. Слышавшій о Немъ, какъ о великомъ Чудотворцѣ, слѣпецъ закричалъ: *Иисусъ, сынъ Давидовъ, помилуй меня.* Въ этомъ просительномъ приглашеніи слѣпецъ открыто засвидѣтельствовалъ свою вѣру въ ожидаемаго тогда народомъ израильскимъ обѣтованнаго Богомъ Мессію, который, по предсказаніямъ пророковъ, долженъ происходить изъ рода Давидова. Но такъ какъ большинство Израильтянъ въ то время въ лицѣ Мессіи ожидало царя завоевателя, который возстановитъ царство Израильское и освободитъ народъ отъ подчиненія иноземцамъ - римлянамъ, то открытое указаніе слѣпца на Иисуса, какъ на такого Мессію, были причиною того, что народъ, боявшійся римлянъ, запрещалъ слѣпцу такъ называть Иисуса. Не послушался слѣпецъ требованія малодушнаго народа. Замѣтивъ, что Иисусъ Христосъ проходитъ мимо него, по силѣ своего внутренняго твердаго

убѣжденія въ Божественномъ посланничествѣ Іисуса, какъ Мессіи, который всеиленъ испѣлнить всѣхъ сокрушенныхъ сердцемъ и отереть всякую слезу отъ лица земли, слѣпецъ еще громче закричалъ: *Іисусъ, сынъ Давидовъ, помилуй меня.* Іисусъ Христосъ остановился, велѣлъ привести его къ Себѣ и спросилъ: чего ты хочешь отъ Меня? Онъ сказалъ: Господи, хочу, чтобы мнѣ прозрѣть. Господь сказалъ: *вѣра твоя спасла тебя.* И слѣпецъ тотчасъ прозрѣлъ и послѣдовалъ за Іисусомъ Христомъ, слава Бога. И весь народъ, видя это, воздалъ хвалу Богу.

Много знаменій и чудесъ совершилъ Спаситель съ тою цѣлью, чтобы укрѣпить вѣру въ Него, какъ въ Божественнаго посланника, явившагося въ міръ спасти людей и возвѣстить имъ тайны своего небеснаго ученія, превратно или совсѣмъ ими непонимаемая. На эту цѣль указалъ самъ Спаситель посланнымъ отъ Іоанна Крестителя, — дѣйствительно ли Онъ истинный Мессія: *подите, скажите Іоанну, что видѣли и слышали: слѣпые прозираютъ, хромые ходятъ, прокаженные очищаются, глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ, — и блаженъ, кто не соблазнится о Мнѣ* (Лук. 7, 22). Невѣрующимъ іудеямъ Спаситель говорилъ: *если Мнѣ не вѣрите, вѣрите дѣламъ Моимъ, чтобы узнатъ и повѣритъ, что Отецъ во Мнѣ и Азъ въ Немъ* (І. 10, 37). И чудо испѣленія іерихонскаго слѣпца было совершено Іисусомъ Христомъ съ тою цѣлью, чтобы при предстоявшихъ Ему страданіяхъ ученики не соблазнились о Немъ и, видя Его умирающимъ, вѣрили, что Онъ, яко Богъ, воскреснетъ со славою.

Переносясь мыслью ко временамъ явленія въ міръ Спасителя, мы должны признать поистинѣ блаженными современниковъ земной жизни Спасителя, очевидцевъ Его чудотвореній и изъ животворнаго источника ученія Его непосредственно почерпавшихъ спасительныя для себя истины Боговѣднія. Самъ Спаситель назвалъ ихъ блаженными, сказавъ ученикамъ Своимъ: *блаженнѣе очи, видящія то, что вы видите; ибо сказываю вамъ, что многіе цари*

и пророки желали видѣть, что вы видите, и не видѣли и слышатъ, что вы слышите, и не слышали (Лук. 10, 23, 24). Но и христіане не лишены этого блаженства, хотя бы жили нѣсколько вѣковъ и тысячелѣтій послѣ Христа. Христось, вознесшійся отъ насъ на небо, всегда пребываетъ съ нами по Своему Божественному обѣтованію. Онъ сказалъ своимъ ученикамъ и послѣдователямъ: *се Азъ съ вами есмь во вся дни, до скончанія вѣка* (Мѣ. 28, 20). И не для одного только современнаго Себѣ рода человѣческаго Христось преподавалъ свое ученіе и совершалъ чудеса, но вѣковѣчныя истины Своего Божественнаго ученія и дѣла чрезъ своихъ Богоглаголивыхъ апостоловъ во святомъ Евангеліи сообщилъ людямъ всѣхъ временъ и народовъ и не однимъ умудреннымъ книжнымъ ученіемъ въ прямомъ положительномъ изложеніи, но для яснаго пониманія безкнижныхъ простецовъ и въ притчахъ, подобіяхъ и сравненіяхъ, а также во всѣхъ своихъ чудотвореніяхъ. Потому и въ евангельскихъ изложеніяхъ чудесъ Христовыхъ вѣрующій христіанинъ можетъ и долженъ проразумѣвать и внутренній таинственный смыслъ, имѣющій руководственное значеніе для нашей вѣры и нравственности. Такъ и въ изложенномъ нынѣ чтенномъ евангельскомъ повѣствованіи объ исцѣленіи іерихонскаго слѣпца для насъ содержится много истинъ, руководственныхъ къ нашему спасенію.

По толкованію св. отецъ (св. Григорій Двоесловъ) іерихонскій слѣпецъ таинственно представляетъ собою родъ человѣческій, который, въ лицѣ прародителя изгнанный изъ рая и лишенный райскихъ свѣтлостей, впредь до явленія Спасителя остававшійся во тьмѣ невѣрія, наконецъ, подъ озареніемъ свѣта ученія Христова, восчувствовалъ скорбь своего слѣпотствованія и въ лицѣ увѣровавшихъ во Христа обратился къ Нему съ мольбою объ избавленіи отъ своей духовной слѣпоты. Многимъ тогда, сѣдящимъ во тьмѣ и сѣни смертной, возсія свѣтъ велий; во, несмотря на то, что Спасителемъ для всѣхъ былъ

открыть приснотекущій источникъ духовнаго просвѣщенія, какъ въ Его время оставалось много такихъ духовныхъ слѣпцовъ, которые оставались невѣрующими,—имѣя очи, не видѣли и не уразумѣвали Божественныхъ Его глаголовъ (Мѡ. 13, 15), такъ и во все послѣдующее время, и особенно въ настоящее, въ средѣ именующихъ себя христіанами остается много такихъ слѣпыхъ душевными очами, которые, заблудившись на пути жизни своей, не видятъ и не сознаютъ, что идутъ сами, или другіе такіе же слѣпцы ведутъ ихъ къ погибельной безднѣ грѣховной. Не надлежитъ ли такимъ несчастнымъ, по примѣру іерихонскаго слѣпца, сознать свою слѣпоту и просить у Бога, да знаменуется на нихъ свѣтъ лица Его, да управитъ Онъ стопы ихъ къ дѣланію заповѣдей Его?

Къ сожалѣнію, большая часть заблудшихъ на распутіяхъ міра сего, ослѣпленныхъ житейскими помышленіями и пристрастіями, хотя и сознаетъ свое бѣдственное положеніе, но не имѣетъ настолько твердой рѣшимости воззвать къ Богу о помощи и вразумленіи и воспротивиться требованіямъ своихъ грѣховныхъ помысловъ и страстей, заграждающихъ уста къ нашимъ молитвеннымъ воплямъ. Таковымъ надлежитъ также брать примѣръ съ іерихонскаго слѣпца. Когда онъ воззвалъ къ мимо проходившему Спасителю о помилованіи, *предыдущи прещаху ему* (заставляли его молчать); — здѣсь разумѣются, по изъясненію св. отцовъ (св. Григорій Двоесловъ) образы грѣховныхъ дѣлъ, предносящіяся уму молящагося, которые и смущаютъ его. Но слѣпецъ не послушался запрещающихъ и еще громче не преставалъ кричать: Іисусъ, сынъ Давидовъ, помилуй меня! Такъ должны поступать и слѣпые духовными очами, когда шумъ суетныхъ грѣховныхъ помышленій разсѣваетъ умъ въ молитвѣ своими искушеніями и останавливаетъ сердечные вопли о спасеніи. При подобномъ состояніи тѣмъ пламеннѣе и настойчивѣе мы должны быть въ молитвѣ, чѣмъ сильнѣе образы грѣховные, предносящіяся уму нашему.

во время молитвы, начинаютъ одолѣвать насъ. Слово Божіе заповѣдуетъ христіанамъ пребывать въ молитвѣ, *терпяще, бодрствующе въ ней съ благодареніемъ* (Кол. 4, 2), чтобы наша молитва своею напряженностію и неотступностію достигла слуха Господня, какъ на это указалъ Спаситель въ своей притчѣ о неправедномъ судіи, отъ котораго обиженная вдовица вымолила защиту именно своимъ неотступчивымъ прошеніемъ (Лук. 18, 1—7). Относительно благотворныхъ слѣдствій настойчивой молитвы въ обстоятельствахъ испъленія іерихонскаго слѣпца можно указать на то, что, когда слѣпецъ закричалъ, Спаситель, какъ бы не слыша его, *мимо ходитъ*; когда же слѣпецъ не переставалъ кричать, Спаситель останавливается, приближаетъ несчастнаго къ себѣ и подаетъ ему Свою чудодѣйственную помощь... Точно такъ и *Богъ защититъ избранныхъ своихъ, вопиющихъ къ Нему день и ночь* (Лук. 18, 7), какъ сказалъ Спаситель въ показанной притчѣ объ обиженной вдовицѣ.

Наконецъ, особенно поучительно для насъ въ Евангельскомъ повѣствованіи объ іерихонскомъ слѣпцѣ то обстоятельство, что Христосъ не тотчасъ испѣлил его, но прежде спросилъ: чего онъ хочетъ отъ Него? Естественно возникаетъ вопросъ: неужели Господь всевѣдущій не зналъ, чего хочетъ слѣпецъ. Нѣтъ, не только Христосъ зналъ желаніе его испѣлиться и твердую его въ семь надежду, но предвидѣлъ и намѣреніе его сдѣлаться Христовымъ послѣдователемъ въ благодарность за испъленіе. И дѣйствительно, какъ только прозрѣлъ, слѣпецъ исполнилъ свое намѣреніе сдѣлаться ученикомъ Христовымъ,—и тотчасъ пошелъ за Нимъ, славя Бога (ст. 43).

Такъ вѣра въ Иисуса, какъ истиннаго Мессію, соединенная съ подвигомъ послѣдованія Ему, спасла слѣпца. И намъ должно имѣть такую же вѣру, чтобы заслужить благоволеніе Божіе. Подвигъ послѣдованія Христу для современниковъ Его состоялъ въ томъ, что, дѣлаясь Его учениками, они сопровождали Его, оставляя

домъ, семейство и свои занятія, раздѣляли съ Христомъ, неизмѣвнымъ, гдѣ главы преклонить, всѣ житейскія невзгоды, подвергались, какъ и Онъ, преслѣдованію и поруганію отъ озлобленныхъ на Него іудеевъ. Для насъ теперь послѣдовать Христу—значить подражать Ему въ жизни своей, повиноваться Его Божественнымъ заповѣдямъ, жить по-христіански. Если на нашемъ жизненномъ пути придется намъ встрѣтить неудачи, несчастія и всякія озлобленія отъ враговъ, мы, по примѣру Подвигоположника нашего Іисуса Христа, должны терпѣливо и безропотно нести свой жизненный крестъ, какъ Онъ заповѣдалъ Своимъ послѣдователямъ: *аще кто хочетъ по Мнѣ итти, да отвержется себѣ и возметъ крестъ свой, и по мнѣ ирдетъ* (Мѣ. 16, 24).

Итакъ, изъ евангельскаго повѣствованія объ испѣвленіи іерихонскаго слѣпца открываются слѣдующія руководственныя для спасенія нашего истины. Мы должны сознавать немощь своего ума, часто слѣпотствующаго отъ страстей, и не полагаться на него, но, отложивъ гордость, просить у Бога помощи и просвѣщенія; укрѣпляясь надеждою на Бога, должны неотступно пребывать въ молитвѣ, хотя бы мы и не видѣли тотчасъ исполненія своихъ прошеній, — особенно же, для привлеченія къ себѣ Божія благоволенія, должны преуспѣвать въ добродѣтели, жить по-христіански.

Протоіерей Сергій Модестовъ.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника инока).

«Возлюби Господа... всею крѣпостію твоею». Если ты крѣпокъ волею, возлюби всею крѣпостію твоей воли и твердостію подвига. Если ты крѣпокъ умомъ, возлюби всею крѣпостію ума и талантливости. Если ты крѣпокъ сердцемъ, возлюби всею крѣпостію сердца и любви. Если ты крѣпокъ какою другою духовною силою, то всею ею—или лучше—*крѣпостію всѣхъ силъ твоихъ* возлюби и прославь Господа, достойнѣйшій предметъ любви и жажды твоей.

* * *

«Единъ азъ въ неразуміи и лѣности нынѣ лежу, наставниче мой и хранителю, не остави мене погибающа». Для скорѣйшаго воспряновенія къ труду спасенія, вообрази что ты одинъ только остаешься лежать въ лѣности, а всѣ шествуютъ впередъ. Ты одинъ гибнешь, а всѣ остальные спасаются. Всѣ обрѣли себѣ милосердіе Божіе, преклонили его на помощь себѣ. Ты одинъ, одинъ медлишь и нерадишь.

* * *

Вспоминай чаще Господа, идущаго на страсть вольную нашего ради спасенія. Вообрази Его несущаго крестъ Свой и распинаемаго на немъ за твою неблагодарность,

измѣну и отпаденіе. Вообрази и твое ожесточеніе и ослѣпленіе, большее Пилатова, Іудина, Иродова и прочихъ первыхъ Его распинателей.

* * *

«*Мати Моя и братія Моя—сіи суть слышащійи слово Божіе и творящійи его*»... Что это? Не обида ли для Божіей Матери? Не отрекается ли отъ Нея Сынъ Ея?—Нѣтъ и нѣтъ. Господь хочеть этимъ сказать, что какъ Онъ Самъ, такъ и Его Матерь пришла на землю для другихъ и должна жить для спасенія этихъ другихъ, подобно Ему. Дѣло, для котораго пришелъ Господь, такъ велико, такъ всеобъемлюще, что личныя человѣческія чувства должны исчезнуть въ немъ и слиться съ чувствами Господа, для содѣйствія Которому въ Его великомъ и славномъ дѣлѣ должна быть посвящена вся жизнь наша.

* * *

Господь выше личныхъ чувствъ Своихъ къ Пречистой Матери Своей поставилъ служеніе намъ, меньшимъ братіямъ Своимъ. Это и на насъ налагаетъ, конечно, свою нелегкую обязанность и долгъ, выраженные въ требованіи: «*кто не оставитъ отца или матеръ ради Мене, нѣсть Мене достоинъ*»...

* * *

Минута настоящая часто цѣликомъ овладѣваетъ нами и настроеніемъ нашимъ. Ничего другого мы въ это время не представляемъ и не мыслимъ. Если намъ хорошо, мы не можемъ и не стараемся представить худого. Если намъ худо, намъ уже кажется, что и все худо, вездѣ худо и всегда будетъ худо. Борющійся съ этимъ самообманомъ и умѣющій различать его отъ дѣйствительности облегчить себѣ много скорбей и сбережетъ себѣ болѣе чистыхъ радостей.

* * *

«*Взыщется всяка кровь праведная*»...—и не только кровь, но и каждая слезинка, каждая обида, несправедливость и огорченіе, причиняемое нами иногда хотя бы и по невѣдѣнію другимъ.

* * *

«Господи! И величайшіе праведники терпѣли болѣзни, страданія, скорби, неудачи, считая ихъ искупленіемъ за свои грѣхи. А я—грѣшникъ—чѣмъ искуплю свои немощи и безчисленные грѣхи мои предъ Твоимъ праведнымъ судомъ, заявляющимъ себя такъ строго — рядомъ съ милосердіемъ Твоимъ и человѣколюбіемъ?»

* * *

Воля Божія очень часто проявляетъ себя и въ волѣ человѣческой. Повидимому, все сложилось естественно, а на самомъ дѣлѣ, когда раздумаешь и вникнешь глубже въ совершающееся, и тутъ восчувствуешь Господа, являющаго Свое участіе и промышленіе и сообщающаго событіямъ и обстоятельствамъ нашей жизни свой смыслъ и значеніе.

* * *

«*Довлѣтъ дневи злоба его*»... Какъ во многомъ приходится намъ перебиваться со дня на день! Повидимому, все виситъ на волоскѣ—и вотъ-вотъ разлетится. Нѣтъ, смотришь—и еще день посылаетъ Господь, еще даетъ возможность тянуть порядокъ жизни до лучшаго будущаго.

* * *

«*Узъ избавляя мя змыхъ, Господи, повитися пеленами, якоже младенецъ, приходиши, человѣколюбче*»... (кан. п. 3). Все въ жизни Спасителя до мельчайшихъ подробностей исполнено величайшаго значенія, смысла и силы. Даже пелены Его младенческія—знаменовали наши узы грѣхов-

ныя, отъ коихъ Онъ пришелъ насъ разрѣшить и спасти насъ Своимъ безпредѣльнымъ смиреніемъ и самоуниженіемъ.

* * *

Господь и младенцемъ былъ Богъ. Его младенчество было не только немощію, но и силою, Его дѣломъ, на которое Онъ обрекъ Самъ Себя, вдавъ Себя людямъ, ихъ заботамъ, уходу, попеченіямъ и воспитанію.

* * *

Пречистая Владычице! Въ Тебѣ побѣдился естества чинъ. Рожденіе Тобою младенца-Господа несказанно и неизъяснимо. И человѣческія представленія его должны умолкнуть и не дерзать объяснить Его тайну и непостижимость.

* * *

Не только Господь, но и Святые Его принимаютъ дѣятельное участіе въ нашихъ судьбахъ и могутъ преклонять Господа на то или другое устроеніе путей нашихъ, въ цѣляхъ имъ угодныхъ и волю Его не противныхъ; ибо Онъ, зная напередъ все, видитъ и желанія Святыхъ, и волю Свою располагаетъ угодно имъ, прославляя прославльшихъ Его и воздавая за ихъ труды и подвиги во славу Его имени Своими дарами и всеуслышаніемъ.

* * *

Бываютъ болѣзни, которыя—разъ испытанныя и перенесенныя—оставляютъ способность повторяться легко и часто. Такъ бываетъ и съ нами въ болѣзняхъ грѣха. Стоитъ только одинъ разъ согрѣшить—и уже легко бываетъ повторять грѣхъ, впадать снова въ то же несчастіе, усугубляя легкость дальнѣйшихъ повтореній до полной неисправимости и неисцѣльности.

* * *

«*Правленія держай пречистыхъ силъ въ яслехъ скотихъ возлежитъ*»... (кан. 25 дек.). Подлинно, какое величественное дѣло! Какая бездна премудрости, человѣколюбія и силы Божіей! Господь воинствъ и Силъ небесныхъ возлежитъ беспомощнымъ младенцемъ. Вотъ моментъ, когда не только самый слабый изъ этихъ Силъ, но и самый слабый изъ людей при дерзости могъ бы, казалось, уничтожить всю эту, такъ сказать, божественную затѣю. Это и покушался сдѣлать Иродъ безумный. Но и онъ—не слабѣйшій, а даже можно сказать сильнѣйшій и дерзостѣйшій изъ людей—ничего не могъ подвлатъ, погубивъ ради одного тысячи невинныхъ малютокъ, потому что этотъ, Коего онъ искалъ, такъ умѣлъ хранить Самъ Себя и то дорогое Его сердцу дѣло, на которое Онъ послалъ Самъ Себя и на которое вызвала Его неодолимая жажда спасти возлюбленнаго Своего, несчастнаго Своего, заблуждшаго Своего сына-человѣка.

* * *

Каждый годъ есть маленькое *цѣлое*, которому надо подвести итогъ, почиститься, осмотрѣться и сообразить, не расточается ли достояніе твое, данное тебѣ отъ Бога, даромъ, непроизводительно, или не лежитъ ли безъ всякаго дѣйствія и употребленія, что тоже худо и можетъ навлечь осужденіе и наказаніе Божіе.

A. I.

Ученіе св. Писанія о кончинѣ міра и предположенія новѣйшихъ ученыхъ о запустѣніи или же разрушеніи земли и окружающихъ ее небесныхъ тѣлъ ¹⁾.

ІХ.

Теперь можно перейти къ обзорѣнїю тѣхъ теорій, которыя говорятъ, что космическія тѣла, въ томъ числѣ и наша земля, могутъ погибнуть случайно. Такихъ видовъ случайной смерти нашей планеты можно указать три. Во 1-хъ, земля можетъ погибнуть отъ своего собственнаго внутренняго жара; во 2-хъ—отъ столкновенія съ кометою и въ 3-хъ,—отъ столкновенія съ какимъ-либо другимъ небеснымъ тѣломъ.

Земля, говорятъ ученые, можетъ погибнуть отъ внутренняго жара, такъ-какъ въ ея внутренности клокочетъ лава, и бушуетъ огонь (вулканическія силы). «Можно почти навѣрное предполагать, пишетъ Фламарионъ, что поверхность шара, на которой мы строимъ свои города и жилища, имѣетъ не болѣе десяти лье толщины, и что за этимъ тонкимъ слоемъ всѣ минералы находятся въ расплавленномъ состояніи. Съ другой стороны, доказано, посредствомъ регистраторовъ при обсерваторіяхъ, что эта поверхность постоянно колеблется, и что не проходитъ тридцати часовъ безъ того, чтобы не сказалось болѣе или менѣе сильнаго землетрясенія. Мы, слѣдовательно, живемъ на тоненькомъ плоту, который съ минуты на минуту мо-

¹⁾ Продолженіе. См. ноябрьскую кн. *Душеполезное Читаніе* 1908 г.

жать пойти ко дну. Минутнаго колебанія достаточно для уничтоженія цѣлыхъ городовъ, чему уже не разъ бывали примѣры. Если заткнуть вулканы, эти предохранительные клапаны земного котла, то развѣ шаръ не можетъ лопнуть и подбросить въ пространство обломки своей исковерканной поверхности?»¹⁾

Что же можетъ вызвать эту катастрофу?

— Причинъ очень много. По мнѣнію Кордье, на внутреннюю клокочущую массу усиливается давленіе совнѣ. Земля сжимается, благодаря охлажденію своей коры и отъ ускоренія ея движенія около полюсовъ. Внутреннія силы и безъ того уже увеличиваются, что видно изъ поднятія горныхъ хребтовъ и проявленія землетрясеній съ большей силой, чѣмъ прежде, давленіе же совнѣ только приближаетъ эту катастрофу для земного шара.

Затѣмъ, если въ глубокою трещину земной коры, напр., въ вулканическое отверстіе, хлынуть воды океана, то вода, попавъ въ эту земную печь, моментально обратится въ паръ. Газамъ и лавѣ тѣсно станетъ внутри коры; начнутся страшныя колебанія почвы, вода выйдетъ изъ береговъ, и произойдетъ потопъ.

Подобные случаи бывали. Въ 1883 г. вулканъ Кракотоа (на Зондскихъ островахъ) погрузился въ воду. Вода образовала волну въ 100 фут. вышины у береговъ Зондскаго пролива. Она затопила всѣ города въ окрестностяхъ вулкана, причемъ погубило 50,000 человекъ. «Вполнѣ установлено, говоритъ Мейеръ, что вода, вызванная изверженіемъ Кракотоа, распространилась по всѣмъ морямъ съ средней скоростью въ 550 метр. въ секунду, что составляетъ почти половину скорости распространенія звука въ воздухѣ»²⁾.

Осенью 1901 г. произошло землетрясеніе у озера Гарда.

15 лѣтъ тому назадъ было громадное наводненіе въ

¹⁾ Фламарионъ. Исторія неба. Спб. 1875 г. стр. 520

²⁾ Мейеръ. Земныя и космическія катастрофы, стр. 73.

Китаѣ. Рѣка Гуанго (превосходящая Рейнъ въ 4 или 5 разъ) разлилась; русло ея стало таково, какъ если-бы Рейнъ соединился съ Вислой. Погибло 1½ милліона жителей; 22,000 кв. вилон. очутились подъ водою ¹⁾.

«Вообразимъ ²⁾, что вдругъ вулканъ Мауна-Лоа на Гавайи внезапно опустился въ Тихій океанъ; не трудно себѣ представить, что при этомъ могла бы образоваться волна, которая въ нѣсколько часовъ смыла бы съ лица земли все человѣчество со всѣми его такъ называемыми вѣчными памятниками, причемъ никакія самыя быстроходныя суда не спасли бы насъ отъ нея. Быть можетъ, только тѣ счастливыя, которые живутъ на красивыхъ высокихъ горахъ, спаслись бы отъ этого бурнаго потока и всеобщей гибели».

Но есть и такія возрѣвнiя естествоиспытателей, которыя далеко не подтверждаютъ всего этого. Исслѣдованiя послѣ изверженiй, по оставленнымъ ими слѣдамъ, показываютъ, что эти вулканическія силы находятся не слишкомъ глубоко въ землѣ, какъ это себѣ представляютъ нѣкоторые ученые, и каково внутреннее ядро земли—это еще неизвѣстно.

Если и существуетъ вулканическая дѣятельность, выражающаяся въ землетрясенiяхъ и поднятияхъ почвы, то все же геологія не говоритъ, чтобы она особенно усилилась. Около морей, гдѣ находятся главные клапаны подземной печи, и гдѣ, слѣдоват., самыя опасныя мѣста для земли, такъ какъ въ эти отверстiя попадаетъ вода,—правда, бывають довольно сильныя землетрясенiя и изверженiя вулкановъ, но только здѣсь они и страшны. Они могутъ разрушить острова, сосѣдніе берега, но врядъ ли имъ удалось бы разрушить громадныя континенты. (Глаголевъ. Конецъ земли).

Какъ было уже выше сказано, есть предположенiя, что

¹⁾ Ibid. стр. 70—74.

²⁾ Ibid. 55.

земля (какъ и другія планеты) можетъ погибнуть отъ кометы. Издревле сверкающія кометы съ длинными свѣтящимися хвостами привлекали къ себѣ вниманіе народовъ. Блуждая по темно-синему небу, являясь неизвѣстно откуда и снова исчезая въ небесномъ пространствѣ, онѣ вызывали суевѣрный страхъ у земныхъ обитателей. Ихъ считали вѣстниками всевозможныхъ золъ, кровавыхъ страшныхъ событій и даже—признаками конца міра. Были люди, которые думали, что кометы возникаютъ изъ преисподней; другіе видѣли въ нихъ мечъ, привѣщенный къ небу и предвѣщающій кару ¹⁾).

Но послѣ тщательныхъ научныхъ изслѣдованій люди узнали, что появленіе кометъ не такъ-то случайно, какъ думали прежде. Онѣ подлежатъ тѣмъ же законамъ движенія, что и прочія небесныя свѣтила. Ньютонъ и Галлей рѣшили проблему относительно появленія кометъ. Кометы движутся около солнца по орбитамъ въ видѣ весьма растянутыхъ эллипсисовъ (параболы). Путь ихъ подверженъ многимъ колебаніямъ и измѣненіямъ. Блуждая по небеснымъ пустынямъ, онѣ попадаютъ въ сферу различныхъ солнечныхъ системъ. Комета притягивается центральнымъ свѣтиломъ и летитъ навстрѣчу ему съ невѣроятной быстротой. Но эту скорость задерживаютъ планеты. Если подъ вліяніемъ всѣхъ планетъ усилится скорость полета кометы, то она еще стремительнѣе понесется по параболѣ, обойдетъ солнце и, унесясь въ пространство, не вернется никогда. Если же будетъ сильнѣе замедленіе, то комета будетъ уже не въ состояніи выбраться изъ этого царства солнечной системы. Она будетъ двигаться по растянутому эллипсису и начнетъ обращаться вокругъ солнца періодически. Большія планеты какъ бы держатъ въ плѣну попавшія въ ихъ сферу кометы. У Юпитера ихъ 9; у Урана—2, у Нептуна—1. ²⁾).

1) Neumann. Der Weltuntergang nach Bibel und Astronomie. S. 14.

2) Изложено по Фламаріону. Популярная астрономія. Стр. 212—216.

«Число кометъ въ солнечной системѣ необычайно велико ¹⁾. Только ничтожная часть ихъ доступна нашему взору, хотя бы мы пользовались сильнѣйшими телескопами. До сихъ поръ не наблюдали ни одной кометы, перигелій (перигелій—точка орбиты, наиболѣе удаленная отъ солнца) которой лежалъ бы за орбиту Юпитера». Мейеръ же ²⁾, хотя признаетъ число этихъ кометъ въ солнечной системѣ небольшимъ, но все же насчитываетъ между солнцемъ и Нептуномъ 5,900 кометъ, къ которымъ ежегодно присоединяются 240 новыхъ и столько же удаляется изъ этой области ³⁾.

Разъ кометы движутся по эллиптическимъ орбитамъ, то онѣ должны періодически являться нашимъ взорамъ. Такъ дѣйствительно и бываетъ. Періодъ кометы Біелы— $6\frac{1}{2}$ лѣтъ; она являлась въ 1839 г., 1845, ее ожидали въ 1859 г., 1866 и 1872 г. Періодъ Галлея опредѣляется приблизительно въ 75 л. Она появлялась въ 1759 г., 1835 и снова вернется къ намъ въ 1910 г. ⁴⁾.

Періодическое появленіе кометъ тоже вызывало много страховъ и толковъ. Боялись, что комета можетъ встрѣтиться съ землею и сжечь ее. Такъ даже въ XIX вѣкѣ, въ 1832 г., французская публика волновалась и ждала конца міра, такъ какъ въ этомъ году орбиту земли пересекала комета. Въ 1857 г. и 1872 г. повторилось то-же. «На возможности столкновенія земли съ кометою Флама-

¹⁾ Клейнц. Настоящее, прошлое и будущ. вселенной. Стр. 90.

²⁾ Земныя и космическія катастрофы. Стр. 91.

³⁾ Всѣхъ кометъ на небѣ такъ много, что Кеплеръ считалъ ихъ, какъ рыбъ въ океанѣ. Фламарионъ считаетъ ихъ не милліонами, а милліардами. Цифры, быть можетъ, слишкомъ высоки, но все же кометъ очень много.

⁴⁾ Фламарионъ вычисляетъ періоды и тѣхъ кометъ, которыя уже вышли изъ нашей солнечной системы. Для кометы 1843 г. періодъ равенъ 376 г.; вновь явится въ 2301 г. Періодъ кометы 1811 г.—3,000 лѣтъ; періодъ кометы 1858—1950 л. Популарн. Астрон. Стр. 215—225.

ріонъ построилъ свой романъ «Конецъ міра», что по его мнѣнію должно произойти въ 2500 г.»¹⁾

Но болѣе близкое знакомство съ кометами, повидимому, разсвѣчаетъ эту боязнь. «Давно прошло то время, пишетъ проф. Глазенапъ, когда кометы наводили ужасъ и страхъ на людей. Въ настоящее время мы хорошо знаемъ, что встрѣча съ кометою, или, какъ обыкновенно говорятъ,—столкновение съ нею никакихъ гибельныхъ послѣдствій для людей не можетъ имѣть, а потому мы не боимся ни кометъ, ни ихъ чудныхъ хвостовъ, опоясывающихъ иногда половину видимаго неба; напротивъ того, онѣ доставляютъ намъ чувство научнаго удовольствія и увеличиваютъ нашъ кругозоръ, указываютъ намъ на порядокъ міроздавія и на жизнь небесныхъ свѣтилъ»²⁾.

Голова или ядро кометы состоитъ или изъ газообразнаго вещества, или же изъ множества легкихъ, твердыхъ, маленькихъ тѣлъ (космическая пыль), которыя окружены весьма разрѣженной атмосферой. Если бы онѣ были изъ жидкаго вещества, то при низкой температурѣ небесныхъ сферъ онѣ сгустились бы въ твердыя тѣла, а между тѣмъ этого нѣтъ. 7-го ноября 1828 г. Струве черезъ всю толщину кометы наблюдалъ звѣзду 11-й величины. Олѣ, слѣдовательно, состоятъ изъ космической пыли; при газообразномъ ихъ состояніи часть свѣта поглотилась бы.

При громадныхъ размѣрахъ (ядро кометы 1828 г. = $\frac{1}{2}$ милліона килом., хвостъ кометы 1860 г. = 35,000,000 килом. длины, а хвостъ кометы 1843 г. = 320,000,000 килом.)—плотность кометъ ничтожна. Если бы плотность ихъ была равна ихъ величинѣ, то, несомнѣнно, комета внесла бы разстройство во всю солнечную систему. Всѣ планеты и солнца начали бы вращаться около нихъ. Между тѣмъ при появленіи большихъ кометъ не замѣчается никакихъ

¹⁾ Neuman. Weltuntergang. S. 17.

²⁾ Проф. Глазенапъ. „Пропавшая комета Бізла“. *Научное обозрѣніе*. май 1897 г. и іюнь стр. 54.

«возмущеній» въ движеніи планетъ. Бываютъ даже обратныя явленія. Въ 1770 г. комета Лекселя прошла чрезъ систему Юпитера и попала подъ вліяніе притягательной силы этой громадной планеты. Комета до такой степени подчинилась этому вліянію, что совершенно измѣнила свой путь, а сама не оказала никакого дѣйствія даже на спутниковъ Юпитера.

Особенно интересна судьба кометы Біэлы. Въ 1832 г. 29-го окт. эта комета перешла земную орбиту. Земля черезъ мѣсяць достигла этого пункта, и ничего особеннаго не произошло ни на небѣ, ни на землѣ, кромѣ того, что наблюдался звѣздный дождь. Ту же комету видѣли въ 1839 г., и въ 1846 г. она на глазахъ у всѣхъ распалась на двѣ части. Въ 1852 г. эти двѣ кометы опять пришли къ землѣ, но разстояніе между ними уже было почти 2,000,000 в. Ее ожидали въ 1859, 1866 г., но она не являлась. Въ 1872 г. 27-го ноября опять должна была появиться эта комета, но вмѣсто нея былъ роскошный звѣздный дождь съ 7-ми час. вечера до 1 часу ночи. Свѣтящіеся шары скользили по небу, какъ будто бы кто-то зажегъ на небѣ грандіозный фейерверкъ. Всего падавшихъ звѣздъ въ эту ночь насчитали 160,000. Въ 1886 г. комета Біэлы должна была пересѣчь орбиту земли, и въ эту ночь опять наблюдался чудный каскадъ падающихъ звѣздъ по всей Европѣ.

На глазахъ ученаго міра произошло, такимъ образомъ, раздробленіе большой кометы. Притягательная сила солнца увеличила разстояніе между отдѣльными частицами кометы и ослабила ихъ взаимопртяженіе. Она дробитъ комету на части и разлагаетъ ее въ метеорный потокъ падающихъ звѣздъ ¹⁾.

¹⁾ Кометы дробятся въ рои падающихъ звѣздъ, т. е. кусочки матеріи, которые, съ громадной скоростью попадая въ атмосферу, воспламеняются. Такой потокъ былъ въ 1799 г. 1832—33, 1865—66 годахъ. На основаніи этого періодъ этихъ падающихъ звѣздъ опредѣлили въ

Въ 1861 г. земля должна была пройти черезъ хвостъ одной изъ большихъ кометъ, однако особеннаго ничего не было замѣчено.

Такимъ образомъ, кометы, повидимому, не могутъ причинить вреда землѣ или другимъ планетамъ. Масса ядра ихъ весьма незначительна, а длинный хвостъ «состоитъ изъ газовъ до того разрѣженныхъ, что на пространствѣ многихъ тысячъ километровъ онъ остается столь же прозрачнымъ, какъ и стаканъ воды» ¹⁾.

Но это однако не исключаетъ того, что земля можетъ столкнуться и съ опасной для себя кометой. Ядро нѣкоторыхъ кометъ есть или твердое тѣло, или собраніе такихъ тѣлъ ²⁾.

Ядро кометы 1811 г. имѣло 180,000 килом., а длина ея хвоста=176,000,000 килом. Принявъ во вниманіе скорость, съ какою летитъ наша земля (29,450 метр. въ секунду) и съ какою стремилась комета (2500 килом. въ секунду), можно себѣ представить, съ какой страшной силой ударились бы эти два міровыя тѣла.

Затѣмъ, спектральный анализъ доказалъ, что въ газахъ кометъ находится углеводородъ ³⁾, который, соприкоснувшись съ нашей атмосферой, воспламенится съ водородомъ

33 г. Онъ долженъ былъ быть въ 1899 г., но онъ подвинулся ближе къ солнцу на 3,000,000 килом.

Комета 1882 г. наблюдавшаяся на мысѣ Доброй Надежды и въ Аѳинахъ, на глазахъ астрономовъ превратилась въ туманности.

¹⁾ Мейеръ. Земныя и космическія катастрофы, стр. 54.

²⁾ Миланскій астрономъ Скиапарелли думалъ, что ядро кометъ состоитъ изъ твердаго вещества, которое, вслѣдствіе метеорологическихъ процессовъ, совершающихся въ его газообразной оболочкѣ, подвергается вывѣтриванію и постепенно распадается на куски. Клейвъ. Прошлое, настоящее и будущее вселенной, 101—102.

³⁾ Отыскали еще кіанъ (синеродъ), который соединился съ находящимся въ обилии на кометѣ водородомъ въ синеродистый водородъ (синильную кислоту). Heilmann. Weltuntergang. S. 18.

Причину свѣта Цольнеръ видитъ въ громадной толщинѣ парообразныхъ массъ, обладающихъ электрическимъ напряженіемъ.

и кислородомъ. Произойдетъ страшный взрывъ, или такъ называемый міровой пожаръ. При этомъ посыпался бырой метеоровъ, или обломковъ кометы, градъ раскаленныхъ камней на наши головы. Воды морей и вся глубина океана, а также огненно-жидкая, раскаленная лава, клокочущая внутри земли, мгновенно обратились бы въ паръ. Кора земная съ трескомъ лопнула бы на тысячи кусковъ, и все это смѣшалось бы въ огромномъ пламени космическаго пожара.

«Нельзя отрицать, закончимъ словами одного астронома, что кометы, которыя когда-то внушали такой ужасъ, а потомъ чуть ли не совсѣмъ перестали волновать чувства людей, представляютъ всѣ данныя для такой міровой катастрофы» ¹⁾.

Кромѣ кометъ земля можетъ встрѣтиться на своемъ пути съ какимъ-либо еще небеснымъ тѣломъ.

Возможность столкновенія Мейеръ объясняетъ весьма подробно. Онъ беретъ простѣйшую и первичную форму космической матеріи—туманность. Въ ней вѣроятны всѣ движенія: прямыя и обратныя. Между частицами того и другого движенія можетъ легко произойти столкновеніе, вслѣдствіе котораго энергія движенія столкнувшихся тѣлъ пропадетъ, и они оба вмѣстѣ упадутъ къ центру. Что бываетъ съ мельчайшими кусочками матеріи (атомами), то же самое можетъ быть и съ болѣе крупными частями, потому что въ природѣ всюду царятъ одни и тѣ же законы. Такимъ образомъ, «съ теченіемъ времени отдѣльный элементъ массы съ прямымъ движеніемъ сталкивается съ элементомъ, обладающимъ обратнымъ движеніемъ, и оба вмѣстѣ попадутъ къ центру... Разъ мельчайшія частицы подъ вліяніемъ постоянныхъ столкновеній другъ съ другомъ или съ посторонними эфирными атомами группируются по тѣмъ самымъ законамъ, какіе управляютъ движеніями и группировкой громаднѣйшихъ скопленій ма-

¹⁾ Мейеръ. Космическія катастрофы, стр. 99.

теріи, то мы должны также признать и столкновение двухъ міровыхъ тѣлъ не только возможнымъ, но и необходимымъ¹⁾.

Мейеръ даже признаетъ возможнымъ, что со временемъ луна, этотъ спутникъ нашей планеты, упадетъ на землю. На луну уже падала масса такихъ твердыхъ тѣлъ, которыя пробивали ея кору и образовывали на ней кратеры и трещины, видимые нами ясно въ телескопъ. При паденіи луны на землю разовьется страшная теплота и сплавить оба тѣла. На землю, вѣроятно, уже когда-нибудь упалъ такой спутникъ (второй). Произошла перемѣна въ положеніи оси и страшный переворотъ въ жизни нашей планеты. «Тѣмъ и объясняется измѣненіе климатовъ на земномъ шарѣ въ геологическія эпохи, особенно существованіе пальмъ въ такихъ областяхъ, гдѣ теперь цѣлые мѣсяцы царитъ полярная ночь²⁾».

Что и теперь возможно столкновение съ такимъ космическимъ тѣломъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Можетъ буквально случиться то, что камень обрушится на нашу голову. Такіе камни падаютъ непрерывно изъ мірового пространства. Они бываютъ различны по вѣсу и величинѣ, но большіе камни падаютъ очень рѣдко. Это происходитъ по мнѣнію Мейера потому, что непрерывное развитіе органической жизни на каждой планетѣ можетъ начаться только послѣ того, какъ пространство всей системы, къ которой это тѣло принадлежитъ, будетъ очищено отъ большихъ космическихъ массъ до самыхъ своихъ отдаленныхъ предѣловъ. «Такъ какъ было бы вполне бессмысленно допускать, что не существуетъ промежуточныхъ ступеней между метеоритами и мельчайшими небесными тѣлами, то становится абсолютно необходимымъ, а не только возможнымъ, что въ теченіе опредѣленнаго періода времени на землю упадетъ подобный камень, ко-

¹⁾ Мейеръ. Мірозданіе, стр. 653—657.

²⁾ Ibid. стр. 659.

торый будет представлять серьезную опасность для человеческого рода»¹⁾).

Тѣло можетъ быть незначительно въ сравненіи съ землей, но страшная быстрота паденія придастъ ему огромную силу. Атмосфера навалится и вызоветъ страшный атмосферный горячій ураганъ съ каменнымъ дождемъ, который долженъ все уничтожить. Упавшее тѣло произвело бы замедленіе въ скорости вращенія земной оси. Могло бы произойти всеобщее землетрясеніе; вода вышла бы изъ береговъ и затопила сушу. Болидъ, наконецъ, могъ бы и прямо упасть въ океанъ и тогда бы онъ вызвалъ страшную волну, способную затопить всѣ матеріики. Земля дастъ трещины, изъ нѣдръ ея потечетъ раскаленная лава, огонь и вода сольются въ страшной борьбѣ.

Итакъ, земля можетъ погибнуть отъ паденія на нее громаднаго небеснаго тѣла, напр., огромнаго метеорита. «Земля проходитъ сквозь облако падающихъ звѣздъ подобно бомбѣ, пролетающей сквозь стаю комаровъ». На нее сыплется цѣлый градъ метеоритовъ.

Метеориты—это тѣла, совершающія движенія въ небесномъ пространствѣ. Они дѣлаются видимыми только тогда, когда попадаютъ въ нашу атмосферу²⁾. Скіапарелли полагалъ, что метеорные потоки образуются изъ распав-

1) Мейеръ. Космическія катастрофы, стр. 67.

2) Метеориты попадаютъ въ воздухъ со скоростью 40,000 или 60,000 метр. въ секунду; температура накалившагося при этомъ воздуха равна 4,000—6000 ц. Вещества въ метеоритахъ (аэролитахъ) тѣ же, что и на землѣ. Такъ, напр., изслѣдовали аэролитъ, упавшій при деревнѣ Орейль во Франціи. Химикъ Клоецъ нашель въ немъ 7,41% гумиповаго вещества, которое, по Клоцу, содержитъ въ 100 частяхъ 69,45 углерода, 5,98 водорода и 30,57—кислорода. Пизани, много занимавшійся изслѣдованіемъ химическаго состава небесныхъ камней, нашель въ аэролитѣ 13,89% воды и органическое вещество. Камень, упавшій къ ю-зап. отъ Дебрячина 15-го апрѣля 1857 г., заключалъ въ себѣ кремнекислоту, закись желѣза, магнезію, глиноземъ, магнитный колчеданъ, желѣзо, никель и нѣкотор. количество мѣди. (Клейнъ. Прошлое, настоящ. и будущее вселенной. Стр. 132, 137—138).

шихся кометь ¹⁾, но Мейеръ признаетъ «метеориты и огненные шары», проникающіе въ нашу атмосферу,—за самостоятельный классъ небесныхъ тѣлъ, не имѣющій ничего общаго съ кометами ²⁾.

Наша атмосфера предохраняетъ васъ отъ этихъ камней, падающихъ на наши головы. Она производитъ треніе, вслѣдствіе котораго развившаяся теплота разрываетъ метеориты или совершенно сжигаетъ ихъ. Но если этотъ камень будетъ обладать большими размѣрами, такъ что не успѣетъ расплавиться весь, или если маленькій кусочекъ летитъ съзади другого, тогда они могутъ достигнуть земли. Такихъ камней, съ довольно внушающей величиной, на землѣ находили не мадо.

6-го іюня 1866 года возлѣ венгерскаго мѣстечка Княинга упалъ метеоритъ вѣсомъ 250—290 килограммовъ. 12 го марта 1898 г. въ Финляндіи, возлѣ Борго, упалъ камень, который послѣ просушки вѣсилъ 325 килограмм. (былъ на послѣдней парижской всемірной выставкѣ). Въ 1896 г. 10-го февр. надъ Мадридомъ и большей частью Испаніи пронесся громаднй огненный шаръ. Найти его не удалось. Произошелъ страшный трескъ, стекла звенѣли и разбивались въ домахъ, земля колебалась, даже разрушались стѣны, а между тѣмъ, по вычисленію ученыхъ, онъ находился очень далеко отъ земли, почти на 30 километр.

12-го февр. 1900 г. въ Порто-Аллегре, въ южн. Бразиліи, въ 7 час. утра пронесся огненный шаръ, сопровождавшійся сильнымъ громомъ, причемъ было и землетрясеніе. Вскорѣ нашли метеоритъ (этотъ или другой какой-нибудь—установить нельзя). Желѣзная масса его имѣла не менѣе 25 метр. въ вышину и 17 метр. въ основаніи.

Въ 1894 г. ученый изслѣдователь лейтенантъ Пири от-

¹⁾ Ibid. Стр. 131.

²⁾ Мейеръ. Космическія катастрофы. Стр. 78.

крыль на сѣверѣ Гренландіи «жельзную гору» (какъ называли ее эскимосы). Это были три камня, изъ которыхъ самый большой вѣсилъ 40 тоннъ, или 40,000 килограм., а два остальные—3,000 и 5,000 килогр. ¹⁾. Эти камни были доставлены особой экспедиціей въ Филадельфію ²⁾.

«Разсмотрѣвъ наблюдавшіеся или другимъ путемъ доказанные случаи паденія космическихъ камней, говоритъ Мейеръ, мы можемъ опредѣленно установить, что наступленіе такой катастрофы является лишь вопросомъ времени. Въ громадный промежутокъ времени можетъ случиться катастрофа, угрожающая землѣ или даже всей солнечной системѣ... Среди милліоновъ солнць столкновенія космическихъ массъ, влекуція за собой гибель міровыхъ тѣлъ, должны происходить сравнительно часто». ³⁾

Наблюденія надъ небесными сферами показываютъ, что такіе случаи столкновенія міровыхъ тѣлъ дѣйствительно бывають. Время отъ времени среди небесныхъ сферъ вдругъ загораются новыя звѣзды. Онѣ бывають иногда очень ярки, но, прогорѣвъ извѣстное время, снова пропадаютъ. Такъ въ августъ 1571 г. знаменитый датскій астрономъ Тихо Браге наблюдалъ появленіе новой звѣзды въ созвѣздіи Кассіопеи. Ея блескъ превосходилъ сіяніе Сиріуса, Веги и Юпитера; она могла сравняться только съ Венерой въ періодъ ея самага большаго приближенія къ землѣ. Но въ декабрѣ 1572 г. блескъ ея сталъ уменьшаться; она послѣдовательно дѣлалась звѣздой 1-й, 2-й и т. д. величинъ и чрезъ 17 мѣсяцевъ послѣ своего появленія исчезла.

Подобное же явленіе наблюдали Кеплеръ и Галилей въ октябрѣ 1604 г. въ созвѣздіи Змѣноса. Эта звѣзда существовала только 15 мѣсяцевъ.

¹⁾ Жельзныя массы въ областяхъ сѣв. полюса могутъ быть только метеорн. происхожденія.

²⁾ Мейеръ. Космическія катастрофы. Стр. 102—105.

³⁾ Ibid. Стр. 102—106.

Въ 1891 г. въ Кембриджѣ и Потсдамѣ наблюдали новую звѣзду въ созвѣздіи Возничаго. Спектроскопъ далъ двойной спектръ, какъ бы наложенный одинъ на другой и указывалъ въ звѣздѣ присутствіе необычайно-раскаленныхъ газовъ ¹⁾. По расположенію линій спектръ этотъ принадлежалъ водороду. Так. образомъ, проблема о новыхъ звѣздахъ рѣшилась. Здѣсь, очевидно, произошло столкновение двухъ тѣлъ. Знаменитый астрономъ Фогель пришелъ къ заключенію, что свѣтящееся или темное міровое тѣло вторглось въ какую-нибудь солнечную систему со скоростью 90 миль въ секунду и столкнулось съ нѣкоторыми членами системы. Мгновенно развилась страшная теплота, произошла взрывъ, и въ небесахъ загорѣлся великолѣпный бенгальскій огонь. Къ маю 1892 г. новая звѣзда почти исчезла. Лѣтомъ свѣтъ ея снова усилился ²⁾. Наконецъ, она дала спектръ газообразной туманности. Такой же спектръ, вполне тождественный съ планетарной туманностью, получился отъ новой звѣзды 1877 г.

Так. образомъ, на нашихъ глазахъ происходятъ страшныя катастрофы, гибнутъ цѣлыя міры въ яркомъ пламени огня и обращаются въ туманность. Но эта-то міровая туманность въ то же время есть первоначальная форма ма-

¹⁾ Спектроскопъ нов. звѣзды 1901 г. (въ созвѣздіи Персея) указывалъ, что здѣсь два тѣла: одно съ громадной скоростью (670—750 килом. въ секунду), другое (въ 18½ килом. въ секунду) съ меньшей, какъ опредѣлилъ это Фогель въ Потсдамѣ. Первое тѣло состоитъ изъ водорода, кремня и магнія и направляется къ намъ, второе—изъ кальція и удаляется отъ насъ. Слѣдоват., одна звѣзда походила на наше ярко-сіяющее солнце.. Въ первыхъ числахъ марта оба тѣла обратились въ одно туманное пятно. Мейеръ. Космическія катастрофы. Стр. 110.

²⁾ Усиленіе блеска объясняютъ тѣмъ, что вокругъ одного свѣтящагося ядра движется еще болѣе свѣтлая масса. Здѣсь или два тѣла въ безпорядкѣ движутся около другъ-друга, или же одно тѣло, обрушившись на другое, превратило поверхность послѣдняго въ огненно-жидкую массу, и волна такой жидкости, свѣтящейся бѣлымъ свѣтомъ, окружаетъ теперь главное тѣло. Ibid. стр. 112.

теріи, изъ которой возникаютъ космическія тѣла. Слѣдоват., въ явленіи новыхъ звѣздъ мы наблюдаемъ конецъ одного и, можно сказать, зарожденіе другого міра. Новыя звѣзды, по выраженію Вильяма Гершеля, — это примѣръ «обновленія въ лабораторіи вселенной» ¹⁾.

Изъ всего этого ясно, что нѣкогда и наша земля можетъ столкнуться съ кометой, огромнымъ болидомъ, съ газообразной туманностью, или вообще съ какимъ-нибудь мировымъ тѣломъ. Равно какъ и наше сверкающее солнце и каждая изъ планетъ его системы могутъ подвергнуться той же участи.

Впрочемъ, надо сказать, что катастрофы не могутъ быть среди уже извѣстныхъ намъ издавна небесныхъ тѣлъ. Эти тѣла движутся искони по строго-опредѣленнымъ орбитамъ, оставить которыя они не могутъ внезапно. Въ каждой планетной системѣ всѣ движенія строго и точно взвѣшены и соразмѣрены. Одна сила уравнивается другой. «Едва ли существуетъ на землѣ что-либо болѣе достовѣрное, говоритъ Мейеръ, чѣмъ эти астрономическія предопредѣленія положенія постоянныхъ небесныхъ тѣлъ» ²⁾. «Планеты иногда приближаются другъ къ другу, насколько это позволяютъ имъ ихъ орбиты. (Такъ напр., Юпитеръ и Сатурнъ—черезъ 20 л.; земля и Марсъ—черезъ 2 г. 49 д., а Венера къ землѣ—черезъ 583 дня). Но самыя строгія изслѣдованія показали, что по прошествіи извѣстнаго періода (для Юпитера и Сатурна—черезъ 283 г.) происходитъ самое полное уравненіе между всѣми противоположными вліяніями, которыя неправильно называются возмущеніями» ³⁾. Поэтому говорятъ: «среднія разстоянія планетъ отъ солнца, а, слѣдоват., также и другъ отъ друга, составляютъ постоянную величину» (Ibid).

¹⁾ Клейвъ. Настоящее, прошлое и будущее вселенной. Стр. 16.

²⁾ Мейеръ. Космическія катастрофы. Стр. 118.

³⁾ Ibid. 119.

Такъ образомъ, катастрофы могутъ быть вызваны только внезапно появляющимся небеснымъ тѣломъ.

Мейеръ развиваетъ мысль, что могутъ спутники упасть на свои планеты, но «спутники не падаютъ, а кружатся около своихъ планетъ; случаевъ паденія не допускаетъ законъ всемірнаго тяготѣнія. На землю можетъ упасть только свѣтило, движущееся по эксцентрической орбитѣ, пересѣкающей орбиту земли, какъ напр., комета» ¹⁾.

Въ качествѣ критики относительно столкновенія тѣлъ говорятъ, что въ теченіе долгаго періода времени такое событіе весьма вѣроятно случиться можетъ ²⁾. Но вѣроятность и возможность еще не есть достовѣрность. На это надо сказать, что, разъ есть возможность этого, нѣтъ основаній совершенно исключать или отрицать подобныя явленія. Слѣдоват., такая возможность — это только вопросъ времени, и одно только время можетъ разрѣшить эту проблему болѣе или менѣе удовлетворительно. Явленіе же новыхъ звѣздъ даетъ, кажется, утвердительное рѣшеніе этого вопроса, а не отрицательное. «Нѣтъ такого закона небесной механики, пишетъ Фламаріонъ, который мѣшалъ бы двумъ какимъ-нибудь свѣтиламъ столкнуться другъ съ другомъ на своемъ пути и разбиться на тысячи кусковъ» ³⁾.

Далѣе поднимается вопросъ, можно ли въ новыхъ звѣздахъ видѣть столкновеніе двухъ космическихъ тѣлъ. Астрономъ Лука отрицаетъ такое объясненіе. Онъ соглашается съ тѣмъ, что Nova приблизилась къ какому-нибудь астральному тѣлу, которое силою притяженія вызвало на Nova сильныя взрывы или изверженія. Здѣсь не столкновеніе,

1) Примѣчаніе Глазенапа къ сочиненію Мейера „Мірозданіе“. Стр. 660.

2) Мейеръ для грандіозныхъ столкновеній большихъ тѣлъ считаетъ періодъ въ 300 лѣтъ, а для явленій этого рода менѣе сильныхъ—10 лѣтъ.

3) Популярная астрономія. Стр. 231

не гибель міра, а скорѣе возбужденіе энергіи, оживленіе ея ¹⁾).

Но надо сказать, что, вѣдь, въ данномъ случаѣ все-же происходитъ громаднѣйшій переворотъ, и если напр., къ землѣ приблизится (даже только приблизится, а не столкнется) большое космическое тѣло, и, благодаря силѣ притяженія, на ней произойдетъ такое обильное появленіе теплоты, то, вѣдь, это будетъ равносильно ея гибели.

Разсмотрѣвъ многія гипотезы естественной и внезапной смерти земли, можно видѣть, что всѣ онѣ говорятъ одно и то же, именно: «міръ не вѣченъ, онъ во времени начался, въ свое время погибнетъ». Противъ каждой изъ нихъ есть свои возраженія, но каждая стоитъ на извѣстномъ основаніи, имѣетъ подъ собой то или другое доказательство гибели міра. Настанетъ мигъ, и сбудется «слово написанное», заключенное въ Боговдохновенныхъ книгахъ Пророковъ и Апостоловъ.

Но какъ же можно представить одну цѣлостную картину разрушенія вселенной въ строгой гармоніи между Словомъ Божиимъ и данными естествознанія?

X.

Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ гипотезъ науки о концѣ міра остаются болѣе выдерживающими критику только двѣ: охлажденіе солнца ²⁾ и возможность столкновенія съ мировымъ тѣломъ. Послѣднее можетъ случиться равнѣ, чѣмъ совершенно угаснетъ великолѣпное свѣтило нашего неба. Но такъ какъ столкновенія съ кометами сильно подозрѣваются, а относительно метеоритовъ это очень проблематично ³⁾, ибо самъ творецъ метеорной теоріи — Мейеръ

¹⁾ Глаголевъ. Конецъ земли. Бог. В. 1894 г. ноябр. 527.

²⁾ Теорія Сименса, какъ было выше замѣчено, о круговоротѣ солнечной теплоты—оставлена.

³⁾ Кометы и метеориты разумѣются тѣ, которые вращаются только въ нашей солнечной системѣ.

думаетъ, что наша солнечная система уже давно очищена отъ такихъ камней, а иначе бы на планетахъ (напр. землѣ) не могла непрерывно развиваться органическая жизнь,—то остается одно: наша планета можетъ столкнуться съ космическимъ тѣломъ изъ другой солнечной системы (будетъ ли это солнце, планета, или же огромный аэролитъ).

«Неподвижныя звѣзды, подчиняясь въ общемъ дѣйствию силы тяжести, объединяющейся въ центрѣ системы, обладаютъ кромѣ того собственными движеніями, не обязанными своимъ происхожденіемъ силѣ тяжести. Эти особыя, свойственныя имъ движенія, гонятъ ихъ изъ системы въ систему» ¹⁾.

Точно такъ же, какъ и другія звѣзды, «наше солнце, говоритъ Клейнъ, не стоитъ неподвижно: увлекая за собою планеты, оно мчится въ направленіи къ созвѣздію Геркулеса и проходитъ въ каждую секунду 19 километровъ. Какая же сила гонитъ эти вереницы звѣздъ, которыя въ своемъ движеніи по міровому пространству никогда не знаютъ покоя? Куда направлено ихъ движеніе? Какова его цѣль? На эти вопросы мы не имѣемъ пока удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Окончится ли это движеніе всеобщей катастрофой, или, наоборотъ, оно является средствомъ для сохраненія нѣкоторыхъ солнечныхъ системъ,—мы ничего не знаемъ. Строеніе и организація звѣзднаго неба остаются недоступными» ²⁾. Кто же можетъ поручиться, что на этомъ пути мы не можемъ столкнуться съ другими космическими тѣлами?

Быть можетъ, къ тому времени рядъ солнечныхъ пятенъ, періодъ которыхъ равняется 11 годамъ, увеличится. Солнце начнетъ задерживаться ими, какъ траурнымъ тюлемъ. Но, по мнѣнію ученыхъ, жизнь на землѣ еще можетъ долго продолжаться даже послѣ того, какъ все солнце покроется

¹⁾ Мейеръ. Космическія катастрофы. Стр. 29.

²⁾ Клейнъ. Астрономическіе вечера. Стр. 421.

корою. Внутренняя огненно-жидкая масса еще будетъ имѣть достаточно теплоты для поддержанія нѣкоторой органической жизни на нашей планетѣ. Замѣчательно то, что въ наукѣ установлена связь солнечныхъ пятенъ съ температурой и бурями. Во время максимума пятенъ замѣчается пониженіе температуры и появленіе массы перистыхъ облаковъ, предвѣстниковъ пасмурной и дождливой погоды, бурь и циклоновъ. Максимумъ солнечныхъ пятенъ вызываетъ болѣе сильное дѣйствіе земного магнетизма, а на небѣ множество сѣверныхъ сіяній ¹⁾.

Чѣмъ болѣе будетъ солнце окутываться пятнами, тѣмъ сильнѣе будутъ бури и другія бѣдствія на землѣ. И какъ эти ужасныя бѣдствія напоминаютъ слова Господа, что «будутъ знаменія въ солнцѣ и лунѣ, и звѣздахъ, а на землѣ уныніе народовъ и недоумѣніе; и море восшумитъ и возмутится, и люди будутъ издыхать отъ страха и ожиданія бѣдствій, грядущихъ на вселенную» (Лук. 21, 25-26). «Смотрите не ужасайтесь, ибо надлежитъ всему этому быть, но это еще не конецъ: (Мѡ. 24, 5; Мрк. 13, 7. Лук. 21, 9) ибо возстанетъ народъ на народъ и царство на царство, и будутъ глады, моры и землетрясенія по мѣстамъ; все же это начало болѣзней». (Мѡ. 24, 7—8. Мрк. 13, 8; Лук. 21, 11). Естествознаніе, какъ видно теперь, можетъ признать, согласно съ Евангеліемъ, что предъ концомъ міра возможно ожидать большихъ бѣдствій въ физической природѣ. Замѣчательно то, что Фай помраченіе солнца называетъ «началомъ конца» ²⁾.

Въ то же время, вслѣдствіе усиленія пятенъ на солнцѣ, оно померкнетъ (*σχοτισθήσεται* — т. е. потемнѣетъ), луна, свѣтящаяся не своимъ собственнымъ свѣтомъ, но замѣстиваемымъ отъ солнца,—теперь уже не будетъ въ состояніи отражать его свѣтъ. Въ наукѣ также извѣстно, что старѣющія свѣтила излучаютъ красный свѣтъ, что

¹⁾ Клейпъ. Астровомическіе вечера. Стр. 209—210:

²⁾ Миловидовъ. Конецъ міра. Вѣр. и Церк. Стр. 354, т. I.

будеть и съ солнцемъ ¹⁾, когда пятна на немъ (шлаки) займутъ постоянное положеніе. Если такъ, то луна будетъ отражать слабый красноватый свѣтъ. И исполнится слово пророческое, что «солнце превратится во тьму и луна въ кровь» (Іоил. 2, 31).

Что люди будутъ тѣшить себя надеждою даже въ то время и будутъ вести прежающую безопасную жизнь, говоря по Апостолу, «что на землѣ теперь миръ и утвержденіе», то объ этомъ почти то-же самое находимъ у одного извѣстнаго ученаго. «Когда, пишетъ онъ, приближается великій моментъ, — солнце перестаетъ свѣтить, молніи свербають, и изъ чернаго неба на землю сыплются раскаленные камни; когда земля начинаетъ дрожать, горы рушатся, заполняя собою долины, а горячія волны заливають горные хребты, даже и тогда у человѣка сознательнаго остается еще надежда. Ему извѣстно, что такія катастрофы не разъ постигали землю, и все же онѣ не могли уничтожить на ней все живое. Всякій разъ на развалинахъ расцвѣтала жизнь, еще болѣе блестящая и радостная, чѣмъ раньше; и быть можетъ, именно мы съ дорогими намъ близкими людьми будемъ тѣми избранныками, которые избѣгнутъ всеобщей гибели, чтобы положить начало новой жизни, которая возродится изъ старыхъ разрушенныхъ обломковъ» ²⁾.

Именно такое психическое состояніе изображаетъ и свящ. Писаніе. Это—стѣсненность и сдавленность духа предъ страхомъ великихъ бѣдъ, грядущихъ на вселенную, и полнѣйшая привязанность въ жизни, соединенная съ безопасной надеждою жить и наслаждаться (Мѡ. 24. 12, 13, 21, 22, 37, 38, 39, 42; Лук. 21, 26; 1 Сол. 5, 3).

Но для вѣрующихъ признаки пришествія Господа будутъ болѣе или менѣе понятны. «Егда увидите сія вся бы-

¹⁾ Мейерл. Мірозданіе. Стр. 668.

²⁾ Мейеръ. Космич. катастрофы. Стр. 100.

вающая, вѣдите, яко близъ есть при дверехъ». (Мѡ. 24, 32—33; Лук. 21, 29—31; Мрк. 13, 28).

Для уясненія дальнѣйшаго надо снова обратиться къ астрономіи. «Всѣ тѣла вселенной, говоритъ Митчель, современемъ сошлись бы къ общему центру тяжести. Правда громадныя разстоянія, на которыя звѣзды отстоятъ другъ отъ друга, замедлили бы такую катастрофу, но все-таки она была бы окончательной цѣлью, если бы онѣ не удерживались въ одной стройной системѣ строго направленными движеніями... На основаніи этого мы заключаемъ, что матеріальная вселенная есть одна великая система; что соединеніе планетъ съ ихъ спутниками составляетъ первый или самый низшій порядокъ міровъ; что вслѣдъ за тѣмъ планеты связуются съ солнцемъ, солнца соединяются съ другими солнцами, составляя еще высшій порядокъ въ лѣствицѣ бытія, и что въ концѣ-концовъ всѣ эти различныя міровыя движенія—вокругъ своего общаго центра тяжести»¹⁾.

Итакъ, когда наше солнце, съ цѣлой системой своихъ планетъ и ихъ спутниковъ, вдругъ вихремъ ворвется въ предѣлы иной солнечной системы (хотя бы, напр., въ созвѣздіи Геркулеса), то эта строгая гармонія общаго равновѣсія вселенной нарушится. Такъ какъ неизвѣстно, гдѣ этотъ центръ тяжести вселенной, то легко, вѣдь, предположить, что и онъ можетъ поколебаться. Тогда-то «звѣзды спадутъ съ небесе, и силы небесныя подвигнутся»,—силы, конечно, гармонія вселенной: сила тяготѣнія, притяженія, центробѣжная и друг. Конечно, и умныя ангельскія Силы ужаснутся, видя страшное разрушеніе міроздавія.

Тогда-то однѣ звѣзды, заимствующія свой свѣтъ отъ солнца, погаснутъ по причинѣ перемѣщенія источниковъ своего свѣта,—другія, сдвинутыя со своихъ орбитъ, пронесутся въ небесномъ пространствѣ. Это, можно сказать,

¹⁾ Митчель. Небесныя свѣтила, или планетные и звѣздные міры. Пер. съ англійскаго Андрей Минъ. Москва. 1868 г. Стр. 414.

будеть то, что, по апостолу,— «съ шумомъ небеса мимо идутъ». Затѣмъ мы знаемъ, что въ нашей солнечной системѣ масса метеоритовъ. Всѣ они, сбившись со своихъ путей, градомъ полетятъ въ пространство. Множество ихъ попадетъ въ атмосферу земли, гдѣ они мгновенно накалятся, и эти-то уже яркія звѣзды падутъ на землю, какъ сказано въ Апокалипсисѣ (6 гл. 13 ст.). Замѣчено же объ этихъ звѣздахъ потому, что это явленіе будетъ необычайное и безпримѣрное. Дождь этихъ падающихъ звѣздъ (несомнѣнно также, что многіе метеорные камни въ цѣломъ видѣ достигнутъ земной почвы) будетъ такъ грандіозенъ, что и представить себѣ что-либо подобное невозможно.

Тогда явится на небесахъ и знаменіе «Сына Человѣческаго»—св. крестъ. Думаютъ, что паки—пришествіе Христова будетъ въ полночь. Тьму будутъ озарять ослѣпительные дожди метеоровъ, падающихъ звѣздъ, и вдругъ среди мрака на небесахъ торжественно засіяетъ крестъ на воздухѣ. По аналогіи съ крестомъ, явившимся равноапостольному Константину въ полумракѣ вечернихъ сумерокъ, это явленіе произойдетъ отъ естественнаго колебанія свѣтовыхъ лучей (напр., луны), свойственнаго метеорологическимъ явленіямъ ¹⁾.

Между тѣмъ космическія тѣла, солнца и планеты, въ томъ числѣ и наша планета земля, сорвавшись съ орбитъ и несясь съ быстротой молніи въ пространствѣ, легко могутъ столкнуться или близко подойти другъ къ другу. (Столкновеніе можетъ быть и съ громадными метеоритами). Разовьется страшная теплота, и запылаетъ огромный пожаръ въ небесахъ. Его можно назвать чуднымъ бенгальскимъ огнемъ, роскошнымъ фейерверкомъ, потому что это явленіе, когда запылаютъ міровыя тѣла, будетъ поистинѣ дивно и величественно въ самомъ своемъ ужасѣ.

¹⁾ Виноградовъ. Ученіе о конечныхъ судьбахъ міра и человѣка. Стр. 165.

Тогда-то земля, со всѣми произведеніями природы, со всѣми созданіями рукъ человѣка—сгоритъ, по ученію Апостола. Стихія міра, его основные элементы расплавятся. Наука говоритъ, что міръ можетъ превратиться въ космическую туманность, изъ которой первоначально онъ возникъ.

Такъ образомъ, Божественная сила Творца, создавшая міръ изъ ничего, впоследствии очиститъ его огнемъ, преобразуетъ его элементы въ болѣе совершенный и высшій видъ. Замѣчательно, что при сошествіи Св. Духа, когда нужно было обновить и оживотворить міръ, Св. Духъ сошелъ также въ видѣ огненныхъ языковъ (Дѣян. 2 гл.) и бурнаго дыханія ¹⁾.

Это ученіе объ очищающемъ огнѣ не стоитъ въ противорѣчій съ современными теоріями физики и химіи. «Огнемъ физика и химія считаютъ не вещество, а физико-химическій процессъ. Съ химической стороны этотъ процессъ состоитъ въ окисленіи сгораемаго вещества (соединеніе съ кислородомъ), съ физической стороны онъ состоитъ въ выдѣленіи теплоты изъ сгораемыхъ тѣлъ. Но иногда огонь является чисто физическимъ явленіемъ; такъ иногда въ безвоздушномъ пространствѣ при помощи электрическаго тока производитъ накаливаніе платины или угля, — они начинаютъ свѣтиться вслѣдствіе того, что ихъ частицы приходятъ въ быстрое колебательное движеніе. Но вообще всегда огонь является дѣятелемъ, приводящимъ элементы въ новыя физическія или химическія сочетанія. Нѣтъ никакихъ основаній отрицать то, что нѣкогда явится огонь, который приведетъ элементы въ идеально прекрасныя сочетанія. Современные техническія науки, вѣдь, въ тѣхъ же цѣляхъ пользуются огнемъ» ²⁾.

Интересно то, что, какъ св. Писаніе учитъ о томъ, что

¹⁾ Въ Ветх. Зав. огонь считался тоже очистительной стихіей. (Числ. XXXII, 23).

²⁾ Проф. Глаголевъ. Конецъ земли. 1894 г. Ноябрь. Стр. 270—271.

будущій міръ будетъ совершеннѣе настоящаго, такъ и наука пришла къ выводу о постоянномъ прогрессѣ въ жизни природы, о переходѣ ея изъ формъ низшихъ въ болѣе высшія и совершеннѣйшія. Такой прогрессъ есть всюду въ царствѣ природы. Низшее разлагается и умираетъ, на его мѣсто является высшее, болѣе цѣлесообразное, цѣнное и прекрасное. «Осенній вѣтеръ срываетъ цвѣты, листву и плоды, созрѣвшіе въ лѣтнія жары, и бросаетъ ихъ на землю, изъ которой они произошли; однако, они умножаютъ плодородіе почвы, и на слѣдующій годъ возмужавшее дерево можетъ добыть изъ почвы больше соковъ, нужныхъ ему теперь... Жизнь и сознаніе отдѣльнаго міра можно сравнить съ жизнью и сознаніемъ отдѣльной клѣточки въ большомъ организмѣ, общее сознаніе котораго развивается, благодаря смѣнѣ рожденія и гибели отдѣльных частей. Подобно тому какъ высоко организованныя существа для своей жизни пользуются продуктами, образующимися изъ разложенія ихъ предшественниковъ, точно также изъ распадѣнія гибнущихъ міровъ возникаютъ міровыя системы тѣмъ выше организованныя, чѣмъ выше была организація первыхъ. Это подтверждается хотя бы тѣмъ, что при непрерывно-прогрессирующемъ сгущеніи міровой матеріи образуются все болѣе сложныя химическія соединенія... Мы въ правѣ думать, что во всѣ будущія времена, какія только можно мыслить, движеніе и жизнь, совершенствующая красота и порядокъ будутъ восходить все дальше и дальше, передаваясь отъ системы къ системѣ, отъ мірозданія къ мірозданію» ¹⁾.

XI.

Разсмотрѣвъ ученіе св. Писанія и многія мнѣнія естествоиспытателей о концѣ міра, мы видимъ, что то и другіе пришли къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Только

¹⁾ Мейеръ. Мірозданіе. Стр. 670--671.

Библія говорить обыкновеннымъ языкомъ и не употребляетъ научныхъ терминовъ. Она дана для всего человечества, для книжныхъ и простецовъ, премудрыхъ и младенцевъ. «О естественныхъ вещахъ (Библія) говорить только между прочимъ и такъ, какъ онѣ являются. Всѣ возраженія, говоритъ Кеплеръ, указываютъ только на недостаточность научныхъ знаній, какъ частныхъ лицъ, такъ и всей науки извѣстнаго времени, вслѣдствіе чего только не въ состояніи были рѣшить представляющихся возраженій, но самыя возраженія никакимъ образомъ не могли поколебать очевидной и несомнѣнной истины»¹⁾.

Итакъ, когда Библія своимъ простымъ языкомъ возвѣщаетъ намъ то же, къ чему приходятъ люди науки чрезъ десятки и сотни лѣтъ упорнаго труда, то не ясно-ли, что эти слова дѣйствительно—откровеніе съ неба? Пророки и Апостолы были большею частью люди простые, не знавшіе ни астрономіи, ни другихъ естественныхъ наукъ. Ихъ пророчества о концѣ міра были высказаны въ то время, когда сама астрономія не давала даже никакой точки опоры, чтобы считать возможной такую катастрофу²⁾. И вопіетъ во всемъ величїи та истина, что слова Пророковъ и Апостоловъ—это вдохновеніе свыше; св. Писаніе Боговдохновенно.

Измѣняются времена; одни поколѣнія проходятъ за другими, съ ними вмѣстѣ исчезаютъ старыя понятія, отходятъ въ область преданія многія научныя воззрѣнія, и лишь ученіе слова Божія пребываетъ неизмѣннымъ. Библія вѣчна, какъ и сама Истина. Это книга книгъ, данная роду человѣческому на всѣ времена до скончанія міра³⁾. И чѣмъ ближе человечество будетъ подходить къ познанію истины, тѣмъ все болѣе и болѣе будетъ согласія между естествознаніемъ и Библіей, вѣрой и наукой. «Ничего не-

¹⁾ Геттингеръ. Апологія христіанства стр. 128—130.

²⁾ Neumann. Weltuntergang. S. 25.

³⁾ Schweinitz. Das Ende der Welt. S. 7.

можетъ быть одностороннѣе, пошлѣе и безумнѣе той мысли, говоритъ Фальбъ, будто между наукой и религіей существуетъ противоположность¹⁾. «Каждый вѣкъ, по словамъ естествоиспытателя Годишо, дѣлалъ свой шагъ на пути прогресса, и всякій новый шагъ человѣческаго ума на этомъ пути есть новое доказательство вѣчной истины»²⁾.

Съ другой стороны, по словамъ блажен. Августина, «кто очевидному научному доказательству противопоставляетъ авторитетъ св. Писанія, тотъ противопоставляетъ ему, собственно говоря, не св. Писаніе, а свое ложное толкованіе Писанія»³⁾. Поэтому, учась познавать природу, мы учаемся вѣровать Откровенію. «Богъ, пишетъ Тертуліанъ, открылъ предъ тобою книгу природы, дабы привести тебя къ пророчеству, дабы ученикъ природы могъ удобнѣе повѣрить пророчеству, дабы, убѣдясь глазами, немедленно принялъ онъ то, что услышитъ ушами, и дабы не сомнѣвался»... (De res. carnis, XII).

Разсматривая въ данномъ случаѣ естественно-научныя теоріи о концѣ міра, мы видимъ, что онѣ, какъ чудное эхо, повторяютъ то, что тысячи лѣтъ тому назадъ изрекъ Богъ черезъ Своихъ избранниковъ.

«Міръ погибнетъ», говорятъ вѣра и естествознаніе, и ихъ слова сливаются въ чудную музыку, въ торжественную гармонію небесныхъ и земныхъ голосовъ. «Предъ скончаніемъ вселенной произойдутъ великіе перевороты, знаменія въ небесныхъ и земныхъ сферахъ. Угаснетъ солнце, померкнетъ луна, исчезнутъ звѣзды, и силы мірового равновѣсія поколеблются».

«Земля погибнетъ въ пламени космическаго пожара, она превратится въ туманную безвидную массу; ея элементы распадутся. Исчезнетъ и самое распредѣленіе времени».

1) Геттингеръ. Апологія. Стр. 144.

2) Евг. Успенскій. Христіанск. умозрѣніе, стр. 282.

3) Евг. Успенскій. Христіанск. умозрѣн, стр. 281.

обусловленное круговращеніемъ планетъ около солнца», а Тайнозритель созерцалъ уже въ дивномъ видѣніи, какъ ангелъ сходилъ съ небесъ и клялся Живущимъ во вѣки вѣковъ, что времени уже не будетъ (Апок. 10, 6).

Когда же это будетъ?—«О днѣ томъ или часѣ никто не знаетъ, ни Ангелы небесные, ни Сынъ, но только Отецъ Мой одинъ» (Мрк. 13, 32; Мѳ. 24, 36), сказалъ Христосъ. «Итакъ бодрствуйте, потому что не знаете, въ который часъ Господь вашъ придетъ» (Мѳ. 24, 42; Мрк. 13, 33; Лук. 21, 36). Не знаетъ и наука момента наступленія конца міра. Міръ можетъ погибнуть не только естественною смертію, но, какъ мы видѣли, онъ можетъ погибнуть отъ случайности вдругъ, въ мгновеніе ока.

Въ заключеніе остается сказать одно: никогда такъ не открывается таинственная и величественная картина вселенной, какъ въ ясную глубокую ночь. Въ безпредѣльныхъ пространствахъ небесъ сверкаютъ мириады лучезарныхъ звѣздъ; изрѣдка же видны туманные пятна. Это все міры — солнца, цѣлыя системы, а туманности — вновь образующіяся космическія тѣла. «Что можетъ быть краснорѣчивѣе молчанія звѣздной ночи?» — говоритъ Фламарионъ. Да, тогда невольно вспоминаются слова псалмопѣвца: «Небеса проповѣдуютъ славу Божию, и о дѣлахъ рукъ Его вѣщаетъ твердь». (Пс. 18, 2). И мы должны въ благоговѣйномъ трепетѣ преклониться предъ волей Всемогущаго. Настанетъ мгновеніе, предѣлъ жизни вселенной окончится, и разрушится весь этотъ видимый міръ. Но онъ не погибнетъ. Это будетъ его обновленіе, прославленіе твари и преображеніе самаго тѣла нашего изъ смертности въ нетлѣніе.

Тогда исчезнетъ зло, неправда и грѣхъ, а настанетъ царство Божественной Славы. Поэтому-то мы и ожидаемъ новаго неба и новой земли, на которыхъ будетъ обитать одна только чистая, свѣтлая правда (2 Петр. 3, 13).

ПИСЬМА О. АМВРОСІЯ.

О средствахъ, временно веселящихъ сердце.

Совѣтую жить тебѣ въ К...ѣ и дожидаться пріѣзда А. П., а если не скоро пріѣдетъ, можешь послать ему письмо и просить о присылкѣ денегъ, потребныхъ для тебя на содержаніе и на другіе расходы. Что дѣлать? заѣхаль,— надо дожидаться. Говорятъ, что все бываетъ къ лучшему, если только человѣкъ не будетъ унывать и въ уныніи братья за средства, на время веселящія сердце, а послѣ отягчающія болѣзнью главу и смыслъ помрачающія, и все тѣло расслабляющія, и добрую славу человѣка потребляющія. Сія вся и большая сихъ приключаются вкушающему сего неудобнаго питія. Какъ ни случай, какъ ни унывай, а старайся удалаться отъ неудобства сего. Ищи паче утѣшенія душевнаго въ чтеніи книгъ духовныхъ и въ благовременной и сильной молитвѣ. Сказано въ псалмахъ: помянухъ Бога и возвеселихся. Если одно только воспоманутіе вездѣприсутствія Сердцевѣдца Господа подастъ отраду скорбному духу, то кольми паче исповѣданіе ему своихъ согрѣшеній и немощей, и смиренное моленіе о помилованіи возвеселитъ унылую душу и утѣлитъ ея страсти, и отгонитъ лютыя помышленія.

О, если бы пребывали мы всегда въ такомъ благочестивомъ упражненіи и настроеніи духа. Апостоль Павелъ говоритъ: тѣлесное обученіе вмагѣ есть полезно, благочестіе же на все есть полезно.

Духовная гомеопатія.

Духовно-гомеопатическія средства противъ разстройства 79-го нумера ¹⁾).

Въ легкихъ разстройствахъ самолюбія хорошо помогаетъ *Aconitum* самоукоренія; въ большихъ же разстройствахъ огорченія необходимо употреблять *Nux Vomica* смиренія; въ застарѣлыхъ же разстройствахъ отъ неудачъ по части честолюбія и невниманія человѣческаго, особенно когда долго было пренебрегаемо врачеваніе, — потребенъ *Zinc* понужденія къ терпѣнію, при содѣйствіи двухъ уже вышеозначенныхъ средствъ. Эти три средства, благовременно употребляемые, оказываются весьма дѣйствительными и въ великихъ разстройствахъ—и очень успокаиваютъ, если разумно будутъ употребляемы.

О благоразумныхъ расходахъ и о молчаніи.

Если бы могъ человѣкъ питаться и одѣваться воздухомъ, тогда бы онъ справедливо пренебрегалъ деньгами, которыя ему, какъ кажется, иногда будто надоѣдаютъ. А какъ во время холода и голода нельзя пренебрегать потребною одеждою и пищею, такъ нельзя пренебрегать тѣми средствами, чрезъ когорыя пища и одежда приобрѣтаются. У святыхъ отцевъ говорится, что край бѣсовскіи суть, т. е. что крайности происходятъ отъ подущенія душевныхъ враговъ. Безразсудно быть пристрастну къ деньгамъ—и не разсудно пренебрегать ими; то и другое худо и ведетъ не только къ смущенію, но даже и ко вреду душевному чрезъ разныя путаницы отъ неправильнаго пренебреженія. Деньги сами по себѣ, или вѣрнѣе, по цѣли, назначенной отъ Бога, вещь весьма полезная. Онѣ замѣняютъ недостатокъ простоты и любви между людьми.

¹⁾ Зри 79-е слово св. Исаака Сирина.

Безъ денегъ кто бы расчелъ людей? Были бы вѣчные споры и ссоры, и даже драки до убійства; а малыми монетками и даже ничтожными бумажками люди отъ всего этого избавляются, сами не понимая того. Вредъ не отъ денегъ, а отъ безразсудной жадности или скупости, или отъ злоупотребленія; пожалуй скажемъ и отъ неправильнаго пренебреженія. Гласить пословица: чего недосмотришь, то послѣ своимъ карманомъ доплатишь. А если еще въ карманѣ да мало обрѣтается, то и трудно будетъ доплачивать.

Молчаніе хорошо, да благовременное и благоразумное, за которымъ не слѣдуетъ раскаяніе, а иногда даже и тайное или явное ворчаніе. По слову опытныхъ, первая брань лучше послѣдней, потому что избавляетъ отъ послѣдующей путаницы.

Неправильно пренебрегать тѣми средствами, какія даны отъ Бога для разрѣшенія ссоръ человѣческихъ и поповненія недостатковъ простоты и любви.

Съ должками, какъ съ грѣшками, нужно разсчитываться, пока обстоятельства подають руки.—Касательно будущаго, будемъ надѣяться, что силенъ Господь послать потребное и нужное.

Гляженное—лучше казаннаго.

Возлюбленный о Господѣ отецъ А.

Получилъ отъ васъ три письма: первое еще въ концѣ лѣта, второе въ октябрѣ, третье отъ 8-го декабря получилъ 28-го числа. На первыя письма вамъ доселѣ не отвѣчалъ, потому что въ продолженіе всего этого времени паче обычнаго и до крайности былъ отягощенъ и недугами, и посѣтителями, и не имѣлъ ни времени, ни силъ заняться отвѣтами на множество накопившихся у меня нужныхъ писемъ въ томъ числѣ и на ваши. Между тѣмъ положеніе ваше для васъ самихъ ясно обозначилось. Изъ послѣдняго вашего письма видно, что сами вы теперь

сознаете, что вы не на своемъ мѣстѣ; я и прежде видѣлъ, что теперешнее ваше жительство непрочное — потому что вы избрали такой родъ жизни, который не указанъ нигдѣ святыми отцами, особенно неудобенъ въ Россіи. Спрашиваете, что же вамъ теперь дѣлать? Не поѣхать ли мнѣ къ Ф.? и у Ф. тоже будетъ съ вами, что на настоящемъ мѣстѣ. Много разъ думалъ я о вашемъ положеніи и болѣе всего останавливался на той мысли, что вамъ нѣтъ приличіе мѣста жить по вашему душевному настроенію, какъ въ Тихоновой пустыни, которая отъ насъ отстоитъ на 60 верстъ. Положеніе обители такое же, какъ въ Оптиноѣ, только братства немного. Верстахъ въ 5 отъ этой пустыни есть лѣсная дачка съ постройкой, гдѣ монастырская пчелиная пасѣка. Въ этомъ мѣстѣ болѣе 10 лѣтъ безмолвствовалъ одинъ Воронежскій священникъ о. Василій, который жилъ сначала въ нашей обители, но ради полученія видимаго монашества перешелъ въ Тихонову пустынь. Человѣкъ былъ нрава кроткаго и тихаго; всѣ братья и начальникъ за это его любили. Онъ сперва получилъ мантию, а потомъ уже схиму, на той лѣсной дачкѣ куда онъ удалился по слабости здоровья. Года 3 или болѣе, какъ скончался о. Василій, оставивъ въ братствѣ о себѣ благую память. Живя на дачкѣ, онъ ни во что не вступался, а только ласково всѣхъ принималъ и привѣтливо обращался, когда братія приходили на дачу освѣжиться воздухомъ, нисколько не заботясь чѣмъ ихъ угощать: это дѣло принадлежало другимъ, и никто этого отъ него не требовалъ. Теперь на этой дачкѣ построена уже вчераѣ каменная церковь одними благотворителями, вслѣдствіе видѣнія нѣкоторыми въ ночное время на этомъ мѣстѣ храма, съ осіяніемъ этого мѣста. Не угодно ли будетъ вамъ пожаловать сперва къ намъ въ обитель; потомъ можете съ письмами отправить въ Тихонову пустынь къ настоятелю и тамъ сами посмотрите и обитель и означенное мѣсто. Есть малороссійская пословица: гляженное—лучше казаннаго. Вы жалуетесь на брань мыслен-

ную. Хотя совершенно невозможно избѣжать этой брани ни въ какомъ мѣстѣ, но ея острота и сила притупляются при правильномъ образѣ жизни и въ удобномъ къ тому мѣстѣ. Но ваше теперешнее положеніе фальшивое, и тѣмъ болѣе оно подаетъ повода къ брани мысленной, что вы кромѣ другихъ причинъ боримы еще многими недоумѣніями. Впрочемъ, хотя вы матеріальный убытокъ понесете, если оставите это мѣсто, но въ духовномъ отношеніи житіе ваше тамъ сдѣлало нѣкоторую пользу, именно ту, что вы сами опыгомъ узнали неудобство такой жизни.

О воспитаніи дѣтей.

Достопочтеннѣйшая о Господѣ Н. И.

На письмо ваше отъ 16-го марта не могъ отвѣчать вамъ въ скорости по немощи и по недосугу; да и теперь не въ силахъ писать вамъ много—и отвѣчаю вамъ вкратцѣ.

Въ скорбяхъ вашихъ ищете отъ меня утѣшенія. Утѣшайте себя словами Царе-пророка Давида, что Богъ—Отецъ сирыхъ и судія вдовицъ. Упадать духомъ не должно. Если полезно вамъ съ семействомъ, то силенъ Господь подать вамъ не только довольство, но и всякое изобиліе. Есть не мало примѣровъ, что сироты по возрастѣ жили благополучнѣе и были счастливѣе своихъ родителей. Только вамъ должно заботиться съ своей стороны о самомъ главномъ и необходимомъ: чтобы воспитать дѣтей своихъ въ страхѣ Божиемъ и вѣрованіяхъ Православной церкви. Остальное будетъ все хорошо.—Пишете, что почти не можете и молиться Богу отъ того, что упадаете очень духомъ, имѣя многочисленное семейство при хозяйственномъ разстройствѣ. Это происходитъ отъ того, что оскудѣваетъ въ васъ вѣра и упованіе на милосердіе Божіе и на всесильную помощь Божію. Опять повторяю, что, если будетъ полезно вашему семейству, силенъ Господь подать вамъ не только довольство, но и изобиліе. Но не должно забывать, что мы странники на землѣ, и

что, по Писанію, многими скорбями подобаетъ намъ вйти въ Царствіе Небесное, и потому для пользы душевной не должны отказываться и отъ понесенія не только различныхъ скорбей, но и самой скудости и лишенія потребныхъ вещей по приличіямъ человѣческимъ. Для простаго пропитанія нашего не много потребно, но роскошь и свѣтскія приличія всѣхъ обременили и обременяютъ за грѣхи наши и за неразумное подражаніе.

Да укрѣпитъ васъ Господь въ вѣрѣ и упованіи и да подастъ вамъ все потребное—и прежде всего благодушіе и терпѣніе.

Сообщено изъ Оптиной пустыни.

ДРЕВНЯЯ ЧАСОВНЯ.

(Пр е д а н і е).

Помню—вечеръ былъ ясный, но крѣпко-морозный. Солнце закатывалось въ видѣ краснаго, пламеннаго шара. Луна взошла и облила все серебристымъ свѣтомъ; звѣзды заблистали, и проселочная дорога засверкала огоньками. Я ѣхалъ на «вольныхъ» въ уѣздный городъ, до котораго оставалось верстъ 20; ямщикъ, молодой парень, ежился, кряхтѣлъ и все раскуривалъ трубку-носогрѣйку; я любовался старыми лѣсами, которые дремали по сторонамъ дороги, покрытые пушистымъ инеемъ. Бойкая пѣгашка, на пристяжкѣ, иногда задѣвала мордою сучья, и иней падалъ на нее, переливаясь такими огоньками, какими переливаются развѣ только камни-самоцвѣты драгоцѣннаго ожерелья.

Было пустынно и тихо.

— А что, Ермилъ, волки здѣсь водятся? — спросилъ я ямщика.

— А на-што имъ здѣсь водиться, коли, стало-быть, лѣсники живутъ съ ружьями!—усмѣхаясь отвѣчалъ ямщикъ.— Волкъ ружья не любитъ, онъ больше къ поросятамъ склонность имѣеть.

— Не къ однимъ поросятамъ...

— Знамо, отъ мяса вообще не отказывается. Я такъ рассуждаю, что хуже волка и конокрада никого нѣтъ въ мѣрѣ. Тпру-у!

— Что случилось?

— А вонъ дядя Филать шагаетъ просѣкою.

Дѣйствительно, просѣкою шелъ къ намъ крестьянинъ въ овчинномъ полушубкѣ и барашковомъ треухѣ; за спиною у дяди Филата висѣла сумка, у пояса жестяной чайникъ. Прохожій съ головы до ногъ былъ покрытъ инеемъ. Все посѣдѣло у дяди Филата: треухъ, брови, рѣсницы, густая окладистая борода, полушубокъ, валенки и даже жестяной чайникъ. Онъ шелъ бодро, опираясь на дубинку.

— Это куда же Филать бредеть, на ночь глядя?

— Куда и мы, знать... Только въ монастырь, чай,—отозвался ямщикъ.—Къ самой заутрени поспѣеть.

— Изъ бобылей что-ли?

— Филать-то?—подхватилъ ямщикъ.—Зачѣмъ, дядя Филать хозяйственный мужикъ, а только что любитель онъ странствовать, и вотъ каждый разъ уходитъ изъ дому объ эту пору. Къ пахотѣ вернется домой. Здорово, Филать Тимоѣичъ!

Филать Тимоѣичъ вышелъ на проселокъ и, остановившись противъ насъ, проговорилъ:—Здравствуйте, добрые люди!

— Куда направляетесь, Филать Тимоѣевичъ? — спросилъ я.

— Нешто вы меня знаете?—живо сказалъ онъ.

— Не зналъ, да вотъ Ермиль оповѣстилъ...

— Ермиль? онъ досужій... Къ преподобному я иду, въ монастырь подъ городомъ,—промолвилъ дядя Филать.

— Намъ съ вами по пути. Садитесь, подвеземъ!

— Ой ли! а не стѣсню я васъ?

— Сани широкія... казанскія... — вставилъ Ермиль.— Купцовъ возимъ какихъ откормленныхъ, и то не обижаются, а ты—что! сучекъ, одно слово...

— Ну, спаси Богъ добрыхъ людей...

И съ этими словами Филать Тимоѣевичъ влѣзъ въ сани и сѣлъ рядомъ со мною.

— Поѣхали... ну, соколики!—весело крикнулъ ямщикъ Ермиль, и, дружно рванувшись, лошади понесли сани впередъ.

— Эвось, какой молодець-морозъ нагрянулъ,—проговорилъ Филать Тимоѳеевичъ и содрогнулся.

— Да, щиплетъ хорошо,—отвѣчалъ я.

— У кого здоровая грудь, тому сполгоря,—продолжалъ Филать Тимоѳеевичъ,—ну, а кто ежели страждетъ, тѣмъ сейчасъ тяжко.

— Ничего,—попрежнему весело молвилъ Ермиль.—Кто и страждетъ, обойдутся въ Новомъ году: такъ, вишь, хочеть святитель Василиій Великій.

— Это правильно ты сказалъ, Ермиль, — согласился Филать Тимоѳеевичъ и, повернувшись лицомъ ко мнѣ, добавилъ: — по нашей, деревенской, примѣтъ, если на Васильевъ вечеръ звѣздочки затеплились и луна въ небесахъ, значить: люди здоровы будутъ.

Вотъ лѣса оборвались. Справа показалась деревня, почти занесенная снѣгомъ, изъ котораго выбивались колодезные журавли и словно тянулись къ небу. Только и чернѣли трубы на крышахъ, мѣстами пускавшія дымомъ,—хозяйки, видно, стряпали къ Новому году, ожидая гостей,—да тускло свѣтились огоньки въ окнахъ. Слѣва, вдали, гдѣ мѣстность возвышалась, стояла на холмѣ часовня. Она одиноко сторожила окрестность, погнувшись, какъ столѣтняя старушка. Въ лунномъ свѣтѣ часовня купалась, а крестъ ея такъ и горѣлъ, и горѣлъ. Лунный свѣтъ падалъ и на окна часовни: стекла, расписанныя дѣдушкою-морозомъ, отливали, какъ звѣзды, радужными оттѣнками.

Ермиль и Филать Тимоѳеевичъ перекрестились.

— Старинная часовня эта, много вѣковъ стоитъ на семь мѣстѣ. Преданіе объ ней живетъ въ народѣ,—проговорилъ дядя Филать.

— Какое преданіе?—спросилъ я.

— Если желаете, я расскажу.

И Филать Тимоѳеевичъ сталъ рассказывать:

— Гдѣ теперь находится Субботинская почтовая станція, и деревня рассыпалась, тамъ въ былыя времена стояли сплошь лѣса. При Грозномъ царѣ, а, можетъ быть, и еще

ранѣ стояли тамъ единственно палаты богатаго человѣка, сказывають, Бориса Никитѣевича Истома - Курлятьева. Всего у него было вдосталь: въ упокояхъ поставцы ломились отъ золотыхъ и серебряныхъ блюдъ, чаръ и кубковъ; въ погребѣхъ медъ, пиво, квасъ и заморское вино томилось въ бочкахъ; но Истомѣ-Курлятьеву все было мало. Никогда онъ не былъ доволенъ, все зарился на наживу. Выйдетъ, бывало, на глядѣльню, значить на крыльцо, и смотреть, не ѣдетъ ли мимо кто-нибудь, не шагаетъ ли прохожій, чтобы взять съ нихъ, что можно. А кто не хотѣлъ давать Истомѣ ни за что, ни про что, на тѣхъ онъ спускалъ съ цѣпи медвѣдей. И самъ онъ жилъ, какъ медвѣдь, въ одиночку; семьей не обзавелся, въ гости не ѣзживалъ, и къ нему никто не заглядывалъ. Жилъ при немъ только сторожъ, душа-человѣкъ. Много-много лѣтъ онъ служилъ Истомѣ-Курлятьеву вѣрой и правдою и состарѣлся. Состарѣлся сторожъ, и Курлятьевъ гонить его со двора. Вамолился бѣдный старикъ.

«Помилуй,— говорить,— Борисъ Никитѣевичъ, куда же мнѣ, бобылю, дѣваться на старости лѣтъ? Одинъ я одинѣ, шенекъ на бѣломъ свѣтѣ. Позволь, говорить,— Борисъ Никитѣевичъ, сложить кости въ твоемъ подклѣтѣ!»

«Не позволю, и не проси, Ивашка!» кричить Истома-Курлятьевъ.

Старикъ упалъ на колѣни, плачетъ и говорить:

— «Пожалѣй бѣдняка, богатый ты человѣкъ! Всю жизнь я тебѣ служилъ по совѣсти!»

— «Служилъ, да состарѣлся, — смѣется богатый человѣкъ Истома-Курлятьевъ.— Ты со двора вонъ, а я найму молодого сторожа».

— «Да, вѣдь, и онъ состарится».

— «И его тоже прогоню».

Нечего дѣлать, надо уходить старику. Жилъ онъ у Истома долго, а ничего не нажилъ, кромѣ рваваго ко- жуха; произвели расчетъ,—получать нечего! Повздыхалъ старикъ-сторожъ и пошелъ, куда глаза глядятъ. Идетъ,

повуришь голову, а самъ отъ горя шатается. Попадается ему калика переходной. — «Здорово!» — «Здравствуешь и ты». — «О чемъ у тебя печаль?» спрашиваетъ каликушка. Старый рассказалъ. Калика повелъ его въ ближайшій кабакъ, гдѣ собралось всякой голытьбы и вольныхъ людей, какъ таракановъ за печкою. Старого Ивашку накормили-напоили и заставили рассказать всей честной компаніи, какъ его обидѣлъ Истома Курлятьевъ. Не успѣлъ обиженный окончить рассказа, какъ выступаетъ впередъ молодой пригожий гусларь. «Вотъ что, Ивашка, — говоритъ гусларь:—пойдемъ со мною по добрымъ людямъ. Я буду на гусляхъ играть, а ты будешь сказывать былинку про Истому-Курлятьева. Какъ ни на есть, прокормимся, да пожалуй донесемъ правду до государева двора. По рукамъ, что ли?» — «Ладно!» отвѣчаетъ старикъ.

Ударили по рукамъ гусларь съ Ивашкою и въ первое же воскресенье отправились въ посадъ на базаръ. Гусларь говоритъ сторожу: «помни, старина, какъ придемъ на базаръ, ты свою былинку заведешь, а я на гусляхъ заиграю».

Вотъ пришли они на площадь, глядь: посрединѣ ея самъ Борисъ Никитичъ Истома Курлятьевъ продаетъ четырехъ верблюдовъ. Гусларь со старымъ сторожемъ никогда не видали верблюдовъ, остановились и дивятся на нихъ.

«Пошли прочь!» закричалъ на нихъ Истома-Курлятьевъ.

А тѣ ни съ мѣста, дивятся, да и только.

Истомѣ Курлятьеву было очень непріятно ихъ любопытство. Сжалъ кулаки и гнѣвно заревѣлъ:

— Слышишь, Ивашка, уходи по-доброу, по-здорову, а то худо тебѣ будетъ! Откуда ты взялся? А это кто съ тобою?

Не тутъ-то было!— гусларь съ Ивашкою ни съ мѣста. И страхъ ихъ не беретъ; молчать, точно бы воды въ ротъ набрали, а глазъ съ верблюдовъ все не спускаютъ. Видитъ Истома-Курлятьевъ, что ничѣмъ не запугаешь гусларя съ Ивашкою. Значить, они набрались храбрости. И Борисъ Никитичъ заговорилъ на иной ладъ:

— Вотъ что, — говорить, — добрые молодцы: ступайте своимъ путемъ-дорогою. А если ты хочешь, гусларь, на гусляхъ играть, то играй: а послушаю.

Сторожъ съ гусларомъ опять ни слова въ отвѣтъ.

Истому-Курлятьева подернуло.

— Да, ну же, сыграй, гусларь, — я тебѣ два алтына дамъ!—просить Истома ласково—въжливо.

Гусларь все-таки молчить, смотреть на обиженнаго сторожа и усмѣхается.

И страхъ, и злость стали разбирать Истому-Курлятьева-пуще прежняго.

— Али ты не слышишь, гусларь?—воскликнулъ онъ.

Тутъ гусларь тряхнулъ кудрями и смѣясь отвѣчалъ:

— Не для твоихъ ушей, Борисъ свѣтъ-Никитьевичъ, припасены струны на моихъ гусляхъ. Гляди, заведу былинау, такъ тебѣ, господинъ, не поздоровится!

Истома-Курлятьевъ отшатнулся. «Ой, батюшки!» — подумалъ онъ, трясаясь отъ страха: «теперь мнѣ ясно, что все они примѣтили!» и говорить Борисъ Никитьевичъ:

— Гусларушка, на-ко пять алтына, пригодятся въ кабакъ погулять.

— Нѣтъ, господинъ свѣтъ-Никитьевичъ, я — гусларь — зря денегъ не беру, а ты отдай-ка лучше старику за его вѣрную службу двадцать рублей.

— Ивашкѣ двадцать рублей!?! вскричалъ Истома Курлятьевъ.—Рехнулся ты, молодець!

— Мало я еще назначилъ, надо бы больше,—спокойно молвить гусларь.

А Ивашка, сторожъ-старикъ, услыхавши, что пріятель-гусларь запросилъ съ Истома-Курлятьева цѣлыхъ двадцать рублей, шепчетъ: ого-го! да мнѣ и не сосчитать столько! а ежели бъ и сосчитали вдвоемъ, куда класть ихъ? весь кожухъ, вишь, дырявый...

Давай Истома Курлятьевъ охать! Ну торговаться съ гусларомъ! Долго они спорили; Борисъ Никитьевичъ оттягалъ пять рублей, 15 рублей выдалъ на руки Ивашкѣ;

они съ гусяромъ поклонились и были таковы. Веселые идутъ наши пріятели изъ посада въ знакомое кружало, или кабакъ. Дѣло къ вечеру. Глядь: Борисъ Никитъевичъ Истома-Курлятьевъ нагоняетъ ихъ; вотъ онъ поровнялся съ ними; верблюдовъ продалъ—лицо у него довольное.

— Эй, вы! — кричить:—скажите пожалуйста, какъ это вы замѣтили, что у верблюдовъ больныя ноги? Ужъ я ли это не хорошо скрылъ?

— А развѣ у верблюдовъ были больныя ноги?—заодно съ удивленіемъ сказали гусярь и старый сторожъ. — А мы и не знали!

Истома Курлятьевъ опѣшилъ.

— А если вы не знали, — почему вы такъ пристально смотрѣли на моихъ верблюдовъ?

— Будешь смотрѣть на такихъ чудовищъ! Мы отроду не видали верблюдовъ.

И, сказавши такія слова, гусярь и старикъ со смѣхомъ пошли далѣе. А Истома-Курлятьевъ схватился за голову обѣими руками и стонетъ... стонетъ и причитаетъ: <ахъ, я простофиля! дался я—простофиля—въ обманъ. За что я отнялъ у себя пятнадцать рублей?>

— Чтобъ васъ попуталъ хромой бѣсъ ночью! — крикнулъ Борисъ Никитъевичъ вслѣдъ гусяру съ Ивашкою и заскрежеталъ зубами.

А Хромой Бѣсъ тутъ и есть.

— Здорово. Ты вспомнулъ меня, Истома: ну, вотъ я передъ тобой, какъ листъ передъ травой. Хотя и умаялся, а все таки отъ службы не отказываюсь.

— Что же ты дѣлалъ, отъ чего умаялся? — спросилъ Истома Курлятьевъ.

— Праведника искушаю, да сколько ни стараюсь, все толку не выходитъ, — сказалъ Хромой Бѣсъ. — Недалеко отъ твоихъ палатъ, Никитичъ, въ лѣсной глуши поселился старецъ. Срубилъ себѣ келійку, пьетъ маленько, ѣстъ маленько, зато день и ночь Богу молится. Я его и тѣмъ, и сѣмъ соблазняю, да вѣтъ, твердъ въ вѣрѣ старецъ. И такъ-то мнѣ горько, пріятель, ты не повѣришь!

— Какой я тебѣ пріятель, Хромому Бѣсу!—отмахнулся Истома-Курлятьевъ.

— Полно, Никитичъ, — засмѣялся Хромой Бѣсъ. — Ты давнишній пріятель нашей черной семьѣ. Я оттого и не искушаю тебя, что ты—нашъ пріятель. Всѣ, кто отшатнулись отъ Божьей правды, наши друзья.

Борисъ Никитьевичъ поблѣднѣлъ. Онъ посмотрѣлъ во всѣ стороны растеряннымъ взглядомъ. Жутко ему стало вдвоемъ съ Хромымъ Бѣсомъ среди снѣговой пустыни. Онъ замахнулся кнутомъ на него и крикнулъ:

— Исчезни, поганецъ!

Но Хромой Бѣсъ только засмѣялся и сталъ плясать передъ нимъ.

— Слышишь ли, проклятая тварь? исчезни навсегда, а то я спроважу тебя крестомъ!—прокричѣлъ Истома-Курлятьевъ, а самъ трясется, какъ осиновый листъ.

— А ну, ну, покажи свой крестъ,—знай смѣется Хромой Бѣсъ.

— У меня крестъ на гайтанѣ, на груди, — сказалъ Истома-Курлятьевъ и сталъ доставать крестильный крестъ, но того не оказалось на шеѣ. Борисъ Никитьевичъ ахнулъ и опять растеряннымъ взглядомъ смотрѣлъ по сторонамъ, думая, не обронилъ ли креста здѣсь. Бѣсъ визжалъ отъ радости и скакалъ...

— Гдѣ же мой крестъ? гдѣ онъ?—съ недоумѣніемъ повторялъ Истома-Курлятьевъ и шарилъ рукою за пазухою.

— Не ищи, Никитичъ, не къ чему трудиться: твой крестъ отпалъ отъ груди давнымъ-давно, когда ты въ первый разъ солгалъ и обмѣрилъ бѣдняка.

Взвылъ Истома-Курлятьевъ: «что мнѣ теперь дѣлать?» А Хромой Бѣсъ успокаиваетъ его:

— Ничего,—говорить,—тебѣ не надо дѣлать. Всего у тебя много. Живи, какъ доселѣ жилъ: лги, обманывай, собирай побольше сокровищъ, смѣйся надъ чужими слезами, не вѣрь людскому горю, вотъ и все! Сегодня ты угодилъ всей нашей черной семьѣ, какъ нельзя лучше:

ловко ты продалъ больныхъ верблюдовъ за здоровыхъ! ха! ха! ха! Такъ же отличишься и завтра, милый другъ!

Борисъ Никитъевичъ чувствовалъ, какъ у него закипаетъ внутри. Никогда еще ничьи слова не жгли его души такимъ огнемъ, какъ эта похвала Хромого Бѣса. Онъ торопливо вынулъ деньги, вырученныя за верблюдовъ, и съ негодованіемъ пустилъ ими въ Хромого Бѣса, который изумленно воскликнулъ:

— Пріятель! Никитичъ! что съ тобою?

Истома-Курлятьевъ не слушалъ его и, поднявши глаза къ небу, молвилъ:

— Жутко, охъ, страшно мнѣ! Боюсь Твоего суда, Господи... прозрѣлъ я теперь и ужасаюсь житію моему... Господи, Господи!

При словѣ «Господи» Хромой Бѣсъ упалъ на землю, сталъ корчиться и царапать когтями затвердѣвшій снѣгъ, причемъ за раскаяніе грозилъ Истомѣ-Курлятьеву местию самого сатаны. Но Борисъ Никитъевичъ словно какъ не слышалъ бѣсовскихъ угрозъ. Повторяя «Господи, Господи!» онъ дернулъ поводья и съ опущенной головой медленно поѣхалъ.

Хромой Бѣсъ корчился, извивался змѣею, что-то визжалъ вслѣдъ уѣзжавшему «пріятелю», но слово «Господь» мѣшало ему приблизиться къ Истомѣ-Курлятьеву.

Борисъ Никитъевичъ оставилъ поводья и, задумавшись о себѣ и о своей жизни, вспомнилъ о праведномъ старцѣ, поселившемся въ глухомъ лѣсу. Вотъ и недалеко его келья, а онъ и вѣдать не вѣдалъ объ отшельникѣ. И Борису Никитъевичу захотѣлось побывать въ кельи у старца. Но какъ ее найти? вѣдь, праведникъ скрывается отъ мірскихъ и всего мірскаго. Хромой Бѣсъ нашелъ къ нему путь, но то бѣсъ... И нельзя, вѣдь, просить бѣса указать тропинку къ старцевой кельи!.. Долго ли, коротко ли такъ раздумывалъ Борисъ Никитъевичъ, неизвѣстно, но когда онъ очнулся отъ своихъ глубокихъ думъ и поднялъ голову, то увидѣлъ, что ѣдетъ лѣсной тропею, и вѣтви-

разступаются передъ его конемъ. И хотя давно за вечеръло, но въ лѣсу свѣтло, и свѣтъ льется и льется изъ чащи, куда бодро шагаетъ статный конь. Борисъ Никитъевичъ остановилъ коня и задалъ себѣ вопросъ: «куда я, горемыка, заѣхалъ?» Какъ вдругъ затрещали сухія вѣтви на правой сторонѣ, и предъ Истоמוю-Курлятьевымъ появился самъ пустынный, къ которому ласкался большой старый медвѣдь. Старецъ гладилъ его по шеѣ. Курлятьевскій конь бросился было въ сторону отъ своего врага, зафыркалъ, захрапѣлъ, но блѣдный старецъ, съ сѣдою бородою до пояса, приказалъ медвѣдю удалиться въ берлогу, и конь успокоился. Борисъ Никитъевичъ слѣзъ съ коня и отвѣсилъ старцу земной поклонъ. Пустынный отвѣтилъ ему земнымъ же поклономъ.

— Благослови меня, святой отче!—съ трепетомъ проговорилъ Борисъ Никитъевичъ.

— Богъ благословить, — отозвался пустынный. — А я какой же святой? Святые возлѣ Божьяго престола... преевыше звѣздъ, среди вѣчнаго блаженства... А я на землѣ, значить—и грѣшенъ. За то и искушаемъ бѣсомъ...

— Говорилъ онъ мнѣ, отче...

— Какъ, ты съ бѣсомъ знаешься?! — воскликнулъ старецъ и въ удивленіи всплеснулъ руками.

— Ахъ, велико мое горе, и страшны мои душевныя терзанія!—отчаянно произнесъ Истома Курлятьевъ.—Много годовъ жилъ я на свѣтѣ, копилъ сокровища и не задумывался надъ своимъ житіемъ; всячески думалъ я, что, ежели прибавляется моихъ сокровищъ, значить: такъ Богу угодно; анъ, оказалось,—я угождалъ не Богу, а бѣсамъ. Давеча Хромой Бѣсъ такъ мнѣ прямо и сказалъ, что я пріятель ихъ. И жутко мнѣ вдругъ стадо. Точно я проснулся отъ тяжелаго сна. И теперь противны мнѣ всѣ мои сокровища. Страшить меня, окаяннаго грѣшника, кара суда Божьяго! Научи меня, святой отецъ, какъ загладить все прошлое?

И послѣ этихъ словъ Истома-Курлятьевъ, въ слезахъ, повалился въ ноги пустыннику. Старецъ поднялъ его и ласково сказалъ:

— Ъзжай съ Богомъ домой. Приѣдешь въ свои палаты и постарайся припомнить, что изъ всего добра тобою нажито съ Божьей помощью, а что съ помощью дьявола. Возврати чужое, да съ придаткомъ, а изъ своего не пожалѣй большей части для бѣдныхъ и увѣчныхъ. Отвернись отъ бѣсовъ, а прилѣпись къ священному Писанію и слѣдуй ему. Станешь богатъ истинной правдою — остальное все само собою приложится. Съ Богомъ!

Когда Истома-Курлятьевъ началъ у себя въ палатахъ припоминать, какъ то или другое наживалъ, то и увидѣлъ онъ, что мало приобрѣлъ съ Божьей-то помощью. И сталъ онъ возвращать съ придаткомъ грѣшно-нажитое людямъ, которыхъ обманывалъ и обездоливалъ. Осталось свое небольшое: Борисъ Никитѣвичъ и то роздалъ по рукамъ— бѣднымъ и увѣчнымъ. Въ концѣ-концовъ, созвалъ отовсюду голытьбу и устроилъ для нея пиръ горой, выкативъ изъ погребья бочки съ пивомъ, медомъ, квасомъ и заморскими винами. Въ то время, когда голытьба веселилась, пила, ѣла, слушая того пригожаго гусяра, который выручилъ съ Бориса Никитѣвича 15 рублей въ пользу обиженнаго имъ стараго сторожа, самъ Борисъ Никитѣвичъ Истома-Курлятьевъ пробирался къ лѣсному отшельнику. Войдя въ келію, отъ которой свѣтъ разливался по лѣсу, бывшій скупой-богачъ покловился старцу въ ноги и промолвилъ:

— Святый отче, я сдѣлалъ, что ты указалъ: роздалъ все свое имущество и теперь желаю начать новую жизнь по слову Божию! Благослови, отче!

— Богъ благословить! — радостно отвѣтствовалъ старецъ и, нѣжно обнявъ и облобызавъ Бориса Никитѣвича, надѣлъ на него крестъ.

Истома-Курлятьевъ изумленный смотритъ на старца.

— Святый отче! вѣдь, это мой крестильный крестъ?! Какъ онъ отыскался?

— Не крестъ теряется, братъ мой, а душа человѣческая!—сказалъ старецъ. Крестъ знаменуетъ наше спасеніе, а спасеніе не на насъ, а въ насъ самихъ. Понялъ?

Борисъ Никитѣвичъ Истома-Курлятьевъ послѣ этого ушелъ въ монастырь, куда еще раньше его схоронился Ивашка, сторожъ его старый. Они встрѣтились между собою радостно и вмѣстѣ зажили, какъ братья. Они чуть ли не въ одинъ день и умерли. Праведный старецъ пережилъ ихъ, а память о нихъ вотъ пережила цѣлые вѣка. Гдѣ стояла келійка, тамъ часовня стоитъ. Лѣса вырублены, поэтому она отовсюду видна. Энь, какъ окна ея сверкають, и крестъ горить! — закончилъ свой разсказъ Филать Тимоеевичъ.

Павелъ Россіевъ.

Телепатическія явленія и будущая жизнь¹⁾.

III.

Что такое этотъ агентъ? Мы не претендуемъ на его опредѣленіе во всѣхъ указанныхъ нами случаяхъ. Что же касается до тѣхъ фактовъ, когда извѣстія достигаютъ лицъ самыхъ отдаленныхъ, которыя притомъ совершенно ихъ не ожидаютъ, то мы полагаемъ вмѣстѣ съ «Civiltà Cattolica», что эти явленія не обязаны своимъ происхожденіемъ естественнымъ силамъ человѣка.

«Безъ особаго изволенія Божія, говоритъ указанный журналъ, человѣческій духъ не можетъ стать агентомъ телепатіи, такъ какъ душа человѣка существеннымъ образомъ соединена съ органами его тѣла и потому не можетъ отъ него отдѣляться, чтобы гдѣ-то вдали оказывать свое непосредственное физическое дѣйствіе. На основаніи согласнаго ученія богослововъ и христіанскихъ философовъ, — ученія, подтвержденнаго всеобщимъ опытомъ, мы утверждаемъ, что душа человѣка ни въ продолженіе настоящей жизни, ни послѣ смерти, не имѣетъ естественной возможности дѣйствовать на разстояніи, какъ это требовалось бы при телепатическихъ сообщеніяхъ»²⁾.

Епископъ Сатоли, префектъ римской конгрегаціи «Наукъ» (Etudes), писалъ недавно редактору журнала «Monde invisible» по поводу этихъ отдаленныхъ сношеній слѣдую-

¹⁾ Продолженіе. См. ноябрьскую кн. *Душеполезное Чтеніе* 1908 г.

²⁾ 1899, 21 нов. р. 548.

щее: «Вы, конечно, читали статьи «Civiltà Cattolica». Что касается меня, то я убѣжденъ въ томъ, что невозможно найти объясненія телепатическихъ явленій въ гипотезѣ, основанной на физическихъ и физиологическихъ законахъ природы. Философы и мнимые ученые, которые силятся дать этому естественное объясненіе, допускаютъ, поэтому, самую грубую ошибку. Заблуждаются они также и въ пониманіи нѣкоторыхъ главныхъ принциповъ и въ ихъ примѣненіи къ указаннымъ фактамъ».

Итакъ, не въ нашихъ естественныхъ силахъ, а въ иномъ нужно искать объясненіе телепатическихъ феноменовъ. Происходятъ ли они прямо отъ Бога или лишь отъ агентовъ высшихъ сравнительно съ нами? Мы уже сказали, говоря о спиритизмѣ, что если дѣло идетъ объ извѣщеніяхъ черезъ посредство медиумовъ, то ясно, что такія извѣщенія обязаны духамъ темнымъ, и церковь строго запрещаетъ подобныя суевѣрныя занятія. Но въ случаяхъ телепатіи, о которыхъ идетъ рѣчь, ничто не обнаруживаетъ дѣйствія злого духа; напротивъ, часто даже замѣтно вліяніе высшей, провиденціальной причины.

Въ одномъ случаѣ дѣло идетъ объ обезпеченіи семейнаго мира: умирающій является своимъ братьямъ и сообщаетъ имъ свою послѣднюю волю; такимъ образомъ, устраняются причины споровъ о наслѣдствѣ.

Въ другомъ случаѣ выражается «послѣднее прости» родителя или друга, которые приходятъ засвидѣтельствовать свою любовь и пробудить благія мысли; или оказывается любимымъ лицамъ услуга среди опасности. Объ одномъ фактѣ этого послѣдняго рода мы читаемъ въ «Annales des Sciences psychiques»¹⁾.

Одинъ молодой полякъ находился съ своей семьей въ Павловскѣ, недалеко отъ Петербурга. Вдругъ онъ получаетъ приказъ возвратиться на судно. Прощаясь съ своими, онъ особенно просилъ свою любимую сестру, чтобы

¹⁾ Juillet 1895.

она помнила о немъ, увѣряя, что эта память можетъ ему принести счастье.

Мѣсяць спустя, въ 8 часовъ вечера, указанная молодая дѣвушка впала въ безсознательное состояніе. Когда она очнулась, то передавала, что почувствовала себя перенесенною въ бурное море, гдѣ увидѣла своего брата, съ отчаянными усиліями боровагося съ волнами; его голова была окровавлена ударомъ объ острую гранитную скалу. На слѣдующій день была получена отъ молодого моряка телеграмма слѣдующаго содержанія: «я живъ, благодарю сестру,—вскорѣ она меня увидитъ». Сначала было никто не понималъ смысла этого извѣстія, но на слѣдующій день узнали изъ газетъ, что судно, на которомъ находился молодой человѣкъ, погибло у береговъ Аландскихъ острововъ. По возвращеніи молодой человѣкъ рассказывалъ, что во время кораблекрушенія, въ тотъ моментъ, когда онъ совсѣмъ терялъ силы въ борьбѣ съ волнами, онъ увидѣлъ какой-то бѣлый призракъ, похожій на его сестру, который и спасъ его. Этотъ призракъ велъ его въ неизвѣстномъ направленіи до тѣхъ поръ, пока онъ, наконецъ, не почувствовалъ сильной головной боли и не потерялъ сознанія. Его голова была ранена, но онъ былъ подобранъ рыбаками, которые оказали ему первую помощь. Такъ спасся единственный человѣкъ изъ всего экипажа. Не произошло ли это по горячей молитвѣ молодой дѣвушки, которая такимъ путемъ добилась столь высокаго покровительства?

Другіе факты имѣютъ еще большій смыслъ и даютъ возможность видѣть судьбу человѣка послѣ его смерти.

Мы уже привели рассказъ о Филиппѣ Уэльдѣ, который появляется своему отцу и сестрѣ, преисполненный радости; мы говорили также, какое убѣжденіе при этомъ зрѣлищѣ зародилось въ ихъ душахъ по поводу его вѣчной участи.

Слѣдующій фактъ, сообщаемый Джорнеемъ, имѣетъ на нашъ взглядъ тотъ же самый смыслъ.

Въ 1870 г. нѣкая м-те Госмеръ жила съ одной своей подругой въ Римѣ на улицѣ Бабуино. Однажды ей пришлось уволить свою служанку, заболѣвшую неизлѣчимой болѣзнью. Но такъ какъ она ее любила, то, дѣлая свои ежедневныя прогулки, часто заходила ее навѣщать. Въ одно изъ этихъ посѣщеній Роза,—такъ звали служанку,—показалась настолько поправившеюся, что даже попросила себѣ бутылку вина. М-те Госмеръ обѣщала удовлетворить ея просьбу. Слѣдующую за этимъ ночь Госмеръ спала крѣпкимъ сномъ. Но вотъ, незадолго до наступленія утра, она внезапно просыпается, полагая, что кто-то вошелъ въ ея комнату, тщательно запертую наканунѣ на ключъ.—«Кто тамъ?» вскрикиваетъ она съ ужасомъ. Никакого отвѣта, только тихо пробилъ 5 часовъ. Въ это мгновеніе, съ нѣжной улыбкой на лицѣ, появляется Роза и говоритъ по-итальянски: «теперь я довольна, я счастлива!» — Вслѣдъ за этимъ она исчезаетъ. Испугъ м-те Госмеръ уже прошелъ, въ этомъ же видѣніи не было ничего ужаснаго,—только теперь у ней родилось глубокое убѣжденіе въ томъ, что Роза перешла въ другую жизнь. Сообщивъ о случившемся своей подругѣ, Госмеръ въ слѣдующій день успѣшила послать спросить о положеніи Розы. Но вскорѣ посланный возвратился съ извѣстіемъ, что дѣвушка умерла въ 5 часовъ утра, т.-е. въ самый моментъ видѣнія ¹⁾).

Краткій разсказъ не сообщаетъ, была ли м-те Госмеръ вѣрующей, но Роза, по всей вѣроятности, была таковою. Эта прекрасная дѣвушка заставила привязаться къ себѣ свою госпожу, и мы полагаемъ вмѣстѣ съ «Civiltà Cattolica», что эта чистая душа, достигшая лучшей жизни, пришла отблагодарить свою благодѣтельницу и пригласить ее слѣдовать по пути, ведущему къ вѣчному счастью.

Еще яснѣе подобное заключеніе вытекаетъ изъ факта,

¹⁾ Marillier. Hallutations télépathiques, p. 471.

имѣвшаго мѣсто въ Бельгіи и приводимаго въ августовской книгѣ «Civiltà»¹⁾.

Мать одного ребенка, лежавшаго больнымъ въ Ганѣ, внезапно умерла въ Брюсселѣ. Въ моментъ своего послѣдняго вздоха она явилась своему сыну съ лицомъ, исполненнымъ счастья, приглашая его итти къ ней на небо. Сообщившій объ этомъ фактѣ слуга, видя больного разговаривающимъ съ какимъ-то невидимымъ лицомъ, подумалъ, что тотъ впалъ въ бредъ, а потому мало обратилъ вниманія на то, что тотъ говорилъ. Немного спустя, телеграмма извѣстила о неожиданной смерти этой дамы, и, какъ оказалось, смерть послѣдовала въ тотъ самый моментъ, когда она явилась своему сыну. Послѣдній не замедлил умереть въ свою очередь, какъ бы въ отвѣтъ на приглашеніе своей матери. По нашему мнѣнію, скажемъ словами «Civiltà», этотъ телепатическій случай не нуждается въ комментаріяхъ.

Можно привести много другихъ аналогичныхъ фактовъ, память о которыхъ сохранилась даже въ исторіи.

Въ своихъ *Воспоминаніяхъ о жизни Иоанны Шанталь Франциска де-Шожи* сообщаетъ о трагической смерти барона де-Шанталь, мужа этой католической святой. Между прочимъ, она говоритъ слѣдующее: «въ то время, какъ этотъ бравый синьоръ разставался съ жизнью, его отецъ, лежавшій больнымъ въ 12-ти лѣтъ оттуда, замѣтилъ вдругъ въ своей комнатѣ толпу ангелоподобныхъ юношей, ведущихъ барона Шанталь въ какую-то отдаленную страну. Послѣдній, приблизившись къ нему, слегка ударилъ его по плечу, какъ бы говоря — прощай. Вслѣдъ за этимъ старикъ проснулся въ слезахъ и сказалъ: «мой сынъ умеръ!» Тотчасъ былъ отправленъ человекъ, но на дорогѣ онъ встрѣтилъ другого, который шелъ сообщить эту печальную новость. Моментъ смерти въ точности совпалъ со временемъ видѣнія²⁾.

¹⁾ 1899, р. 416.

²⁾ I, р. 33.

Эти послѣдніе факты имѣють достаточно ясный смыслъ: они, безъ сомнѣнія, обязаны божественному милосердію, которое желаетъ утѣшить и ободрить души увѣренностью въ блаженствѣ будущей жизни. Эти факты напоминають также человѣку о томъ тѣсномъ союзѣ христіанъ, который не прерывается даже и съ ихъ переходомъ въ лучшую жизнь. Такъ подтверждается догматъ объ общеніи между церковью земною и небесной.

Нѣкоторыя посмертныя явленія бросаютъ свой скорбный свѣтъ на участь тѣхъ, которые смѣются надъ божественными постановленіями и предписаніями нравственнаго порядка.

Епископъ Сегюръ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, доставившихъ автору всеобщую извѣстность, приводитъ нѣсколько такихъ примѣровъ.

Одинъ изъ фактовъ, говоритъ онъ, произошелъ почти въ моей семьѣ. Это было въ Россіи немного ранѣе войны 1812 года. Мой дѣдушка, графъ Ростопчинъ, московскій военный губернаторъ, былъ связанъ сильными узами дружбы съ графомъ Орловымъ, настолько же безбожнымъ, насколько и бравымъ. Однажды во время ужина съ обильными возліяніями графъ Орловъ и одинъ изъ его друзей, генераль В..., такой же вольтерьянецъ, какъ и Орловъ, началъ шутить надъ религіей и въ особенности насчетъ ада. «А что, если случайно что-нибудь и окажется по ту сторону! сказалъ Орловъ. Прекрасно—возразилъ ему на это генераль В., тотъ изъ насъ обоихъ, кто пойдетъ туда первымъ, пусть возвратится и увѣдомитъ другого. — Превосходная идея!» отвѣтилъ Орловъ, и оба тутъ же дали другъ другу честное слово не забывать объ обѣщаніи.

Черезъ нѣсколько недѣль русская армія отправилась въ кампанію, и генераль В... получилъ въ ней высшее назначеніе.

Уже прошло двѣ или три недѣли, какъ онъ покинулъ Москву. Однажды очень рано утромъ, въ то время, какъ мой дѣдушка (Ростопчинъ) занимался еще своимъ туале-

томъ, дверь его комнаты вдругъ съ силою отворилась, и въ комнату вошелъ графъ Орловъ въ халатъ, туфляхъ, съ растрепанными волосами, съ угрюмымъ взоромъ, блѣдный, какъ смерть. «Какъ! Орловъ!—вскрикиваетъ Ростовчинъ — въ такое время и въ такомъ костюмѣ! Что вамъ нужно, что случилось? — Дорогой мой, отвѣтилъ Орловъ, мнѣ кажется, что я схожу съ ума; я только что видѣлъ генерала В... — Развѣ генераль В... возвратился? — Ахъ, нѣтъ! отвѣтилъ Орловъ, бросаясь на диванъ и хватаясь обѣими руками за голову, нѣтъ, онъ не возвратился и въ этомъ-то весь ужасъ».

Ничего не понявъ, дѣдушка попросилъ разъясненія. «Нѣсколько времени тому назадъ, началъ Орловъ, В... и я поклялись, что если кто изъ насъ умретъ первымъ, то долженъ будетъ притти и сказать что-нибудь о поту-стороннемъ мірѣ. Почти полчаса тому назадъ я преспокойно лежалъ въ своей постели, совершенно не думая о другѣ, какъ вдругъ зажавъсь моей постели сильно раздвинулся, и въ двухъ шагахъ отъ себя я увидѣлъ генерала В... Блѣдный, приложивъ руку къ груди, онъ сказалъ мнѣ: «существуетъ адъ,—я тамъ!» и исчезъ. Тотчасъ же я пошелъ искать васъ. Моя голова ходитъ; какая странная вещь!»— Дѣдушка успокоилъ его, какъ могъ, потомъ приказалъ приготовить экипажъ и отвезъ его домой. Десять или 12 дней спустя послѣ этого инцидента, армейскій курьеръ привезъ между другими новостями извѣстіе о смерти генерала В... Въ то самое утро, когда его видѣлъ и слышалъ Орловъ, даже въ тотъ самый часъ, когда онъ явился въ Москвѣ, несчастный генераль, выйдя, чтобы узнать расположеніе непріятельскихъ позицій, былъ сраженъ пулею въ грудь навывлетъ и тотчасъ же умеръ¹⁾.

Другія телепатическія сообщенія дозволяютъ намъ видѣть болѣе утѣшительныя перспективы. Напомнимъ объ явленіи барона Шанталь его старому отцу: оно доста-

¹⁾ Mgr de Ségur, opuscule sur l'Enfer, 37-e ed. p. 35.

точно ясно указало на его удаленіе въ лучшее отечество. Но вотъ другой, болѣе недавній, фактъ, разсказъ о которомъ доставленъ тѣмъ самымъ лицомъ, съ которымъ это случилось ¹⁾).

21-го іюня 1870 года въ Тьенцзинѣ, въ Китаѣ, произошло массовое избіеніе французовъ. Между жертвами были также и монахини, сестры милосердія. Приходившія въ это время извѣстія изъ Китая были удовлетворительны, и поэтому во Франціи никто не могъ предвидѣть такого трагическаго происшествія. Однако, въ то время, какъ это случилось, двоюродная сестра одной изъ жертвъ видѣла двойной сонъ: первый—тяжелый, когда она почувствовала себя въ страшномъ кошмарѣ; второй, напротивъ, сопровождался пріятнымъ чувствомъ радости и счастья.

«Мнѣ казалось, писала эта дама, что я подняла глаза къ небу и увидѣла тамъ очень граціозную фигуру, окруженную лиліями и бѣлыми розами; она улыбулась мнѣ, какъ бы желая со мной заговорить и, такъ какъ я слѣдовала за нею своимъ удивленнымъ взоромъ, то она дѣйствительно сказала: «какъ! ты не узнаешь меня? Я твоя сестра Павлина!» И на мгновеніе видѣніе мнѣ показалось одѣтымъ въ костюмъ сестеръ Saint-Vincent de Paul, будучи по прежнему окруженнымъ лиліями и бѣлыми розами; я тогда очень хорошо узнала ея кроткое лицо, преобразованное небесной красотой. Она еще разъ мнѣ сказала: «ты можешь просить у меня, чего хочешь: я теперь на небѣ» — и мало-по-малу видѣніе исчезло. Я очень ясно видѣла голову и плечи. Остальное было затянато воздушнымъ облачкомъ. Видѣніе погрузило меня на нѣкоторое время въ состояніе радости и невыразимаго счастья. Пришлось даже сдѣлать нѣкоторое усиліе, чтобы снова вернуться къ обыденной дѣйствительности. Я видѣла одно:

¹⁾ Мать семейства, занятая тогда воспитаніемъ своихъ четырехъ дѣтей,—она совершенно не была подвержена галлюцинаціямъ воображенія.

Павлина на небѣ. Потомъ, поразмысливъ, я поняла, что для того, чтобы быть на небѣ, она должна была сначала умереть. Тогда стало для меня ясно, что то, что вытерпѣла я въ продолженіи перваго сна, было отзвукомъ ея мученичества. И я болѣе ни на мгновение не сомнѣвалась въ ея смерти и пребываніи на небѣ. Я рассказала обо всемъ своей матери, которая раздѣлила мою вѣру на этотъ счетъ».

Только въ сентябрѣ мѣсяцѣ прибыло во Францію официальное извѣстіе объ Тьентцинскомъ избіеніи и смерти этой монахини.

Другой аналогичный рассказъ доставленъ намъ въ недавнее время изъ Сѣверной Америки. Нѣкто Августинъ Диміе, миссіонеръ въ Скалистыхъ горахъ, въ іюнѣ 1900 года писалъ редактору журнала «Lettres de Jersey»:

«Не-Персейцы—индійское племя Скалистыхъ горъ. Обращеніе ихъ въ христіанство совершается съ трудомъ, но за то новокрещенные по своей твердости и ревности представляютъ утѣшеніе для миссіонера.

«Жозефина, одна молодая индианка этого племени, была послана своими родителями къ монахинямъ, на обязанностяхъ которыхъ лежало обученіе дѣвочекъ этого племени. Она оставалась тамъ нѣсколько лѣтъ и дала доказательство выдающейся набожности. Въ возрастѣ 17 или 18 лѣтъ она возвратилась къ своимъ родителямъ во время каникулъ. Ея отецъ нашелъ для нея подходящую партію, Жозефина отказалась и, такимъ образомъ, достигла возможности посѣщать свою школу еще годъ. Но въ іюнѣ мѣсяцѣ она заболѣла въ первый разъ въ своей жизни. Лихорадка погубила ее въ нѣсколько дней, и она умерла съ большимъ спокойствіемъ совѣсти.

Отецъ, мать и всѣ ея родственники жили среди своего племени на разстояніи, по крайней мѣрѣ, 100 километровъ. Въ день, или, можетъ быть, даже въ моментъ смерти, ея старая тетка, также изъ обращенныхъ, сообщила всѣмъ родственникамъ, что Жозефины болѣе нѣтъ въ этомъ мірѣ,

что она видѣла ее уходящею на небо — и тутъ же подробно рассказала о видѣніи. Въ скоромъ времени пришло дѣйствительно извѣстіе объ ея смерти.

Спустя мѣсяць, присоединяетъ Диміе, сестры, выметая свою капеллу, нашли письмо Жозефины, въ которомъ та просила у Богоматери милости умереть въ школѣ и сохранить свое дѣвство, которое она посвятила Богу. Письмо было написано въ маѣ. Въ іюнѣ просьба была исполнена.

IV.

Эти факты и множество другихъ подобныхъ, которые мы могли бы привести, позволяютъ намъ бросить нѣкоторый взглядъ на будущее человѣческой души. Нѣкоторые факты бросаютъ еще болѣе яркій свѣтъ на этотъ важнѣйшій вопросъ человѣческаго существованія. Мы ихъ находимъ въ жизни особенно извѣстныхъ своимъ благочестіемъ людей послѣднихъ столѣтій. Это—также телепатическія извѣщенія, и мы скажемъ при этомъ, какими свѣдѣтельствами подтверждается ихъ цѣнность.

Первое жизнеописаніе Франциска Ассизскаго было написано менѣе, чѣмъ черезъ два года послѣ его смерти, Томой Селанскимъ, жившимъ вмѣстѣ съ Францискомъ и наблюдавшимъ за нимъ въ продолженіе многихъ лѣтъ.

Тома присутствовалъ при смерти Франциска, послѣдовавшей 3-го октября 1226 года. «Въ моментъ, когда онъ испускалъ послѣдній вздохъ, говоритъ Тома, одинъ изъ его лучшихъ собесѣдниковъ, братъ Августинъ, провинціалъ въ Лабурѣ, также находился при послѣднемъ издыханіи и потерялъ возможность даже говорить. Вдругъ онъ, какъ бы очнувшись отъ глубокаго сна, вскричалъ: «о, мой отецъ! о, мой отецъ! Подожди меня, я пойду съ тобою!» Братья, собравшіеся у его постели, спросили, съ кѣмъ онъ говоритъ. «Развѣ вы не видите, отвѣтилъ онъ, вашъ отецъ Францискъ уходитъ на небо». Въ это мгно-

веніе его душа отдѣлилась отъ тѣла и послѣдовала за своимъ отцомъ» ¹⁾).

Францискъ явился также въ этотъ моментъ Ассизскому епископу, бывшему его постояннымъ покровителемъ. Узнавъ о его болѣзни, епископъ поспѣшилъ вернуться изъ Монть - Гаргана, чтобы еще разъ увидѣться съ нимъ. Онъ былъ уже въ Беневентѣ, когда Францискъ предсталъ предъ нимъ и сказалъ: «отецъ мой, я покидаю этотъ міръ, я иду къ Іисусу Христу!» Епископъ рассказалъ объ этомъ видѣніи сопровождавшимъ его лицамъ, а по своемъ прибытіи узналъ, что оно имѣло мѣсто въ самый часъ смерти Франциска ²⁾).

Когда ученый имѣетъ дѣло съ древними письменами на незнакомомъ ему языкѣ, то сначала онъ пытается узнать лишь нѣкоторыя буквы, а узнавъ ихъ, онъ постепенно раскрываетъ остальные и, наконецъ, все содержаніе документа.

Такъ, мнѣ кажется, должны поступать и мы въ отношеніи телепатическихъ явленій. Среди нихъ много такихъ, къ которымъ, повидимому, неприложимъ нравственный смыслъ, быть можетъ, потому, что рассказчики опускаютъ какія-либо подробности, могущія открыть предъ нами эту внутреннюю сторону... Но много и такихъ явленій, которыя имѣютъ большую прозрачность: даютъ намъ возможность видѣть общую цѣль всѣхъ этихъ странныхъ извѣщеній и получать драгоценныя для насъ свѣдѣнія. Въ заключеніе мы и остановимся на этомъ нѣкоторое время.

Для того, кто размышляетъ надъ смысломъ жизни, высшій вопросъ, безъ сомнѣнія, есть вопросъ о жизни души и ея безсмертномъ назначеніи.

Благодареніе Богу, отвѣтъ достаточно ясенъ, и здѣсь свѣтъ разума объединяется съ ученіемъ вѣры.

¹⁾ Celano, l. 11, p. 270.

²⁾ Ibid.

Разумъ говорить намъ, что человѣческій духъ, рожденный для познанія истины, добра, самого Бога, не можетъ быть тлѣннымъ, какъ тѣло. Залогъ этого мы имѣемъ въ нашемъ несокрушимомъ стремленіи къ счастью, котораго земныя блага дать намъ не въ состояніи. Богъ же не можетъ надѣлать насъ тѣмъ, чего бы мы никогда не могли достигнуть.

Кромѣ того, будущая жизнь есть необходимая санкція порядка моральнаго. Намъ предлагается безусловный законъ, законъ долга, который часто требуетъ отъ насъ жертвъ и жертвъ тяжелыхъ. Онъ предписываетъ намъ непрестанную борьбу съ нашими наиболѣе сильными страстями, борьбу до гроба.

Этому закону необходима могущественная санкція, пропорціональная тѣмъ жертвамъ, какія онъ отъ насъ требуетъ. Иначе человѣку было бы выгоднѣе нарушать свой тяжелый долгъ... Эту санкцію можетъ ли дать намъ настоящая жизнь? Безъ сомнѣнія, нѣтъ: часто наиболѣе чистая жизнь не избѣгаетъ страданій и несчастій; часто пороки и преступленія остаются безнаказанными до конца... Не отъ людей ждать справедливой оцѣнки и награды: добродѣтели, наиболѣе выдающіяся, остаются скрытыми, и міръ ничего не имѣетъ для ихъ вознагражденія.

Хотя Провидѣніе и не ставитъ человѣка предъ альтернативой долга или смерти, но оно тѣмъ не менѣе повелѣваетъ ему предпочитать порядокъ моральный земнымъ выгодамъ, какъ бы велики онѣ ни были. Оно повелѣваетъ намъ скорѣе жертвовать жизнью, чѣмъ согласиться на зло или несправедливость. И неужели такой законъ не имѣетъ санкціи по ту сторону настоящей жизни? Тогда всѣ должны были бы сказать себѣ, что даже добродѣтель наиболѣе героическая бесплодна, что въ виду смерти высшая и единственная выгода — презрѣніе къ долгу: въдѣ, въ ней, въ смерти, получаютъ равную мзду—и добродѣтель, и порокъ. Для тѣхъ же, кто смѣется надъ нравственнымъ закономъ, это не было бы уже безнаказанностью, а прямой

выгодой и наградой. И послѣ этого, скажутъ намъ, можно еще говорить о мірѣ достойномъ божественной мудрости божественнаго законодателя... Вотъ почему всѣ народы вѣрили въ существованіе жизни будущей, какъ награды за добродѣтель и наказанія за зло. При видѣ ликующей несправедливости они поняли, что настоящая жизнь еще не конецъ всему, что необходима другая, гдѣ нравственный порядокъ былъ бы вознагражденъ или отмщенъ.

Итакъ, въ природѣ человѣческой души и наиболѣе существенныхъ требованій нравственнаго порядка мы находимъ непоколебимыя основанія и доказательства нашей вѣры въ будущую жизнь.

Христіанское Откровеніе подтверждаетъ и дополняетъ данныя нашего разума. Церковь же, основываясь на божественномъ свидѣтельствѣ, объявляетъ намъ, что нашъ духъ бессмертенъ; — и вотъ уже въ продолженіе слишкомъ 19-ти вѣбовъ всѣ христіане повторяютъ: «чаю... жизни будущаго вѣка!»

Поэтому-то подтвержденныя научнымъ путемъ чувственные явленія, *самымъ тѣснымъ образомъ связанныя съ проблемой нашего будущаго существованія* — не бесполезно подчеркнуть среди поколѣнія, погруженнаго въ позитивизмъ и невнимательнаго къ соображеніямъ высшаго порядка.

Авторы записки, опубликованной въ 1884 г. англійскимъ обществомъ (for psychical research), несмотря на ихъ крайнюю осторожность и сдержанность по отношенію къ нравственной точкѣ зрѣнія — видятъ, однако, въ телепатическихъ явленіяхъ «яснѣйшее доказательство того, что мы не отдѣльныя другъ отъ друга капли, затерявшіяся въ громадномъ уносимомъ бурями облакѣ, но центры и принципы силы, — что мы имѣемъ вліяніе другъ на друга и общаемся между собою, какъ члены одного тѣла».

Съ нашей точки зрѣнія, эти явленія имѣютъ еще другой смыслъ.

Хотятъ изгнать изъ храма науки все то, что выше

силъ физическихъ, тщательно изучаемыхъ въ лабораторіяхъ, — но вотъ явленія, констатируемыя самымъ совершеннымъ путемъ, обнаруживаютъ разумную и высшую энергію, не поддающуюся опредѣленію закона матеріи.

Въ глазахъ позитивистовъ посмертная жизнь души есть ничто иное, какъ мечта и ни на чемъ не основанная гипотеза;—но вотъ люди, извѣстные своими позитивистическими воззрѣніями, допускаютъ факты, которые ясно предполагаютъ за собою существованіе этой посмертной жизни. Тотъ, кто размышляетъ, найдетъ для себя здѣсь цѣнныя намеки. Неожиданные лучи блеснули изъ нѣдръ экспериментальной науки и устанавливаемыхъ ею фактовъ, и эти лучи бросаютъ свой свѣтъ на человѣческій духъ и его безсмертное назначеніе.

Н. М.

ВИФЛЕЕМСКАЯ ЗВѢЗДА.

День Рождества Христова издревле причислялся церковью къ великимъ и дванадесятымъ праздникамъ, согласно съ божественнымъ свидѣтельствомъ евангелія, изображающаго празднуемое событіе величайшимъ, всерадоствѣйшимъ и чудеснымъ. *Се благовѣствую вамъ, — глаголаде ангель вифлеемскимъ пастырямъ, — радость велию, яже будетъ всѣмъ людемъ. Яко родися вамъ днесь Спасъ, иже есть Христосъ Господь, во градѣ Давидовѣ. И се вамъ знаменіе: обрящете Младенца повита, лежаща во яслехъ. Тогда же внезапно бысть со ангеломъ множество вой небесныхъ, хвалящихъ Бога и глаголющихъ: Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, во чловѣчьихъ благоволеніе. Все слышавшіи дивишася о глаголаныхъ отъ пастырей о родшемся Спасителѣ, и сами пастыри возвратишася, славяще и хваляще Бога о всѣхъ, яже слышаша и видѣша (Луки II, 10—20).* Такъ Рождество Христово, какъ событіе высочайшее и чрезвычайное, сопрвождалось дивною вѣстью пастырямъ и волхвамъ о всемірной радости для всѣхъ людей, *яко родися Спасъ, — ангельскимъ славословіемъ родившемуся Спасу, поклоненіемъ Ему пастырей и волховъ, благоговѣйнымъ удивленіемъ многихъ, слышавшихъ слова пастырей о родившемся Отрочати.*

Отцы церкви въ своихъ богомудрыхъ писаніяхъ изображаютъ праздникъ Рождества Христова величайшимъ, всемірнымъ и радоствѣйшимъ, который служитъ началомъ и основаніемъ для прочихъ праздниковъ. Святый Іоаннъ Златоустъ о двѣ Рождества Христова говоритъ: «Празд-

никъ честнѣйшій и важнѣйшій всѣхъ праздниковъ. Кто назоветъ его матерью всѣхъ праздниковъ, тотъ не погрѣшитъ. Что же это за праздникъ? Это рождество Христово по плоти; въ этомъ праздникѣ имѣютъ начало и основаніе свое и Богоявленіе, и священная Пасха, Вознесеніе Господне, и Пятидесятница. Если бы Христосъ не родился по плоти, то и не крестился бы, а это праздникъ Богоявленія, и не пострадалъ бы, а это Пасха, и не послалъ бы Св. Духа, а это Пятидесятница. Итакъ, отъ праздника Рождества Христова начались наши праздники, какъ отъ источника—различные потоки». Въ другомъ словѣ св. Іоаннъ Златоустъ изображаетъ величіе праздника слѣдующими словами: «Къ чему праотцы столь сильно стремились, что пророки предвозвѣщали и праведные желали видѣть, то сегодня совершилось. Богъ явился на землѣ во плоти и вселился между людьми. Возрадуемся и возвеселимся, возлюбленные! Іоаннъ выигралъ во чревѣ матери своей, когда Марія пришла къ Елисаветѣ—его матери; не болѣе ли мы должны восклицать отъ внутренней радости, видя сегодня не только Марію, но и нашего Господа, нашего Спасителя! Не большимъ ли благоговѣніемъ и удивленіемъ должны исполниться мы, видя Его рожденіе и величайшее таинство вочеловѣченія Его, не постижимое для ума! Въ какое изумленіе пришли бы мы, если бы солнце сошло съ неба, вращалось на землѣ и лучи свои распространяло ко всѣмъ людямъ! Дѣйствительно, всѣ обитатели земли были бы поражены такимъ чудомъ: не болѣе ли мы должны исполниться глубочайшимъ удивленіемъ при совершившемся нынѣ гораздо важнѣйшемъ чудѣ, когда Солнце Правды распространяетъ свои лучи изъ нашей плоти и озаряетъ наши души!»

При одномъ размышленіи о рождествѣ Спасителя сколько благодатныхъ утѣшеній изливается въ сердце христіанина! Самъ Превѣчный Богъ ради насъ грѣшныхъ сталъ Отроча младо, родился въ вертепѣ, возлежалъ въ ясляхъ убогихъ, повить былъ рубищемъ, какъ и всякій бѣдный младенецъ...

«О, безмѣрнаго снисхожденія Твоего, Божественный Человѣколюбецъ! Бѣдныя пелены Твои для насъ драгоценнѣе всѣхъ царскихъ украшеній Давида и Соломона; ясли, въ которыхъ возлежалъ Ты, стократъ священнѣе древняго храма Иерусалимскаго... Да соберутся у сихъ яслей всѣ сыны падшаго Адама, да составятъ единый хвалебный хоръ и да возгласятъ славу Своего Искупителя!» (Преосв. *Иннокентій*).—«Радуйся! Богъ и Господь нашъ пришелъ ради насъ въ мѣръ спасти насъ. Велія благочестія тайна! Богъ во плоти явился! Царь небесный на землѣ явился и, непреступный херувимамъ съ человѣкомъ пожилъ. О, благодать! О, человѣколюбіе Господа! О, блаженство для тѣхъ, ради которыхъ Богъ и Господь пришелъ и явился! Блаженны очи, видѣвшія Бога во плоти, и уши, слышавшія божественныя слова Его. Блаженны и мы, хотя и не видимъ Его и не слышимъ пресладкаго гласа Его, но вѣруемъ въ пришествіе Его. Блаженны мы, потому что ради насъ Богъ нашъ къ намъ пришелъ,—уподобившись человѣкамъ и ради человѣковъ»... (Св. *Тихонъ Задонскій*).

Но для всѣхъ ли насъ на землѣ зажглась рождественская звѣзда? И всѣ ли мы славимъ, встрѣчаемъ Христа въ настоящіе дни и радуемся радостію великою? Нѣтъ: не для всѣхъ и не всѣ...

Черствыя и огрубѣлыя сердца многихъ людей закрыты для животворныхъ и теплыхъ лучей родившейся Любви въ Виолеевскихъ ясляхъ.

Гдѣ тотъ *миръ* на землѣ, о которомъ ангелы Божіи и воинство небесное возвѣстили при рожденіи Спасителя?

Неужели забылъ насъ Спаситель міра? Нѣтъ! Не Христосъ насъ забылъ, а мы забыли Христа и потеряли Его; мы сбились съ правильнаго пути, вступили на путь ложный и не хотимъ искать Божественнаго Спасителя и въ настоящій великій день Его рождества. Многимъ изъ насъ неизвѣстна и непонятна безмѣрная любовь Христа къ человѣчеству, Его ясли и крестъ, на которомъ распять Онъ за насъ грѣшныхъ, ради нашего спасенія. Намъ да-

леко до этихъ чудныхъ волхвовъ, которые съ рѣшимостью исполняютъ свое благочестивое намѣреніе — поклониться Божественному Младенцу, несмотря ни на какія препятствія. А препятствій для нихъ было не мало: волхвы предпринимаютъ далекое путешествіе для поклоненія Спасителю, при появленіи на небѣ необыкновенной звѣзды; они оставляютъ свою родную сторону и идутъ въ землю чужую, не смущаясь самымъ путемъ, не безопаснымъ для кого бы то ни было въ тамошнихъ краяхъ и въ тогдашнее время. Гора страстнымъ желаніемъ найти Христа, пылая горячею вѣрою въ Него, они, преодолевъ всѣ препятствія и опасности, достигли Иерусалима, а затѣмъ и Вилеема, гдѣ нашли Божественнаго Спасителя, поклонились Ему съ радостію великою и принесли свои дары.

Мы же, жалкіе, на свѣтящуюся изъ мрака вилеемскую звѣзду иногда боимся глядѣть... И какъ бы эта звѣзда ни свѣтила ярко, какъ бы ни вела за собой людей къ Вилеему по вѣрному пути, насъ она не приведетъ туда, если мы *сами* не поидемъ за ней. Передъ нами всегда будетъ непроглядная пропасть, если мы не воспламенимся любовію къ Превѣчному Младенцу, лежащему въ Вилеемскихъ ясляхъ.

Первоверховный апостолъ Христовъ не напрасно возвѣстилъ, что «боящійся Бога и дѣлающій правду во всякомъ языкѣ пріятенъ Богу»; примѣръ волхвовъ показываетъ, что такіе люди дѣйствительно могутъ быть во всякомъ народѣ.

Вездѣ, гдѣ только благодать Божія обрѣтаетъ такихъ богобоязненныхъ людей, способныхъ быть членами царствія Божія, она неисповѣдимыми путями приводитъ ихъ ко Христу. А іудеи почивали на законѣ, знали всѣ пророчества о Христѣ и волхвамъ же указали, *гдѣ рождается Христосъ*,—и никому изъ іудеевъ не пришло на мысль, хотя бы изъ простаго любопытства, дойти съ волхвами до Вилеема и увидѣть Младенца, Котораго тѣ искали... Какое нерадѣніе! Какое духовное ослѣпленіе!.. За

то и лишились іудеи великаго счастія, которое досталось на долю язычниковъ-волхвовъ.

Сознавъ любовь Божію къ намъ — грѣшнымъ и недостойнымъ, ободримся, христіане, и, прозрѣвъ духовно, увидимъ на землѣ исполненіе ангельской пѣсни: *«Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, во человѣцкихъ благоволеніе»*. И восторжествуемъ тогда вмѣстѣ съ небесными силами, ибо Христосъ посреди насъ.

И. Котовъ.

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Къ проповѣди христіанства въ Монголіи.

Намъ пишетъ изъ Урги православный священникъ: «Говоря о проповѣди здѣсь христіанства, надо прежде всего имѣть въ виду, что Урга составляетъ іерархическій и религіозный центръ монгольскаго ламаизма, и проповѣдывать здѣсь иную религію равносильно инославной или инорелигіозной проповѣди въ древнихъ—Кіевѣ и Москвѣ. Только еще надо принять во вниманіе, что древне русскіе православные люди были все-же народъ культурно-просвѣщенный и христіанскій, а Монголы и Урга—это, вѣдь, тьма языческая, объята страстью идолобѣсія. Это есть первое и главное препятствіе для проповѣди христіанства. За семь лѣтъ жизни въ Ургѣ у меня очень много знакомыхъ монголовъ, простыхъ и штатныхъ, даже чиновныхъ ламъ. Бываютъ они у меня, и я у нихъ. Въ религіозныхъ разговорахъ, которые они сами начинаютъ, они обыкновенно говорятъ: «и у русскихъ, и у монголовъ Богъ одинъ, только вѣры различны, а въ богослуженіи тоже много сходнаго».

Я открыто совершаю всѣ требы для русскихъ: погребенія съ проводами, крещенія младенцевъ (монголы смотрятъ въ окна домовъ, гдѣ бываетъ такая треба), водосвященія, окропленіе святой водою, хожденіе со св. крестомъ (въ Пасху, Рождество, Крещеніе и Троицынъ день), закладку домовъ (освященіе начала постройки), освященіе домовъ. Всюду являюсь (хожу, ѣзжу) въ полной священнической одеждѣ: въ рясѣ, камилавкѣ и съ наперстнымъ крестомъ. Даже ѣзжу за городъ, на базаръ покупать провизію для себя, кормъ скоту, дрова—въ рясѣ и съ наперстнымъ крестомъ. Все это и вышній видъ мой (волосы у меня длинные) и требныя Богослуженія знакомятъ

монголовъ и китайцевъ съ православіемъ и священнослужителями. Разсматриваютъ мои волосы, рясу, крестъ и разспрашиваютъ: «что это и почему?» При случаѣ и знакомымъ раздаю Евангелистовъ на монгольскомъ и тибетскомъ языкахъ. Къ сожалѣнію грамотные монголы—грамотны только по-тибетски (какъ наши раскольники читаютъ и пишутъ церковно-славянскимъ уставомъ и полууставомъ)¹⁾, но знаютъ только тибетскій алфавитъ, а тибетскаго языка не понимаютъ, пишутъ монгольскія слова, монгольскую рѣчь тибетскими буквами, а монгольскаго алфавита они ни печатнаго, ни скорописнаго не знаютъ (за очень малымъ исключеніемъ) и не только простолюдины, но и ламы, даже штатные, даже чиновники. Поэтому для большинства изъ нихъ Евангеліе на тибетскомъ языкѣ или на монгольскомъ одинаково недоступно, такъ какъ они (повторяю) не знаютъ тибетской рѣчи и монгольскаго алфавита.

Но тѣ изъ нихъ, которые или знаютъ монгольское письмо или тибетскій языкъ, читаютъ Евангеліе, держатъ его на столикѣ около своихъ бурхановъ и номовъ (молитвословы и молитвенныя книги) и, видимо, интересуются, и довольны, даютъ и другимъ читать. Я провѣрялъ—спрашивалъ содержаніе прочитаннаго ими листа или главы—и передавали содержаніе вѣрно. Это — третій способъ ознакомленія монголовъ съ христіанствомъ.

Четвертый способъ, это къ чему я призываю и всякаго русскаго, живущаго въ Ургѣ и по Монголіи—жизнь и поведеніе христіанское, чтобы монголы, видя оныя, прославляли Отца нашего Небеснаго и познали пустоту своей языческой жизни и своихъ идоловъ, и діаволословія (всѣ молитвы ихъ по содержанію имѣютъ цѣль или отогнать бѣсовъ, или, сознавая свое безсиліе, угождать имъ, служить имъ, не трогать бѣсовъ или устрашать злую силу сатанинскую).

Пятый способъ мой личный. Я люблю природу Монголіи—лѣса, горы... При поѣздкахъ, при проѣздѣ всхожу

¹⁾ Или евреи: въ своихъ школахъ (хедаримъ) евреи изучаютъ древне-еврейскій алфавитъ; читаютъ древне-еврейскій текстъ, но словъ и смысла не понимаютъ. „Тотъ, который на небѣ, знаетъ, что я читаю“, отвѣтилъ намъ еврей на вопросы ему о смыслѣ прочитаннаго. Такъ и монголы говорятъ: „Бурханъ-Будда знаетъ, что я читаю или пою. Далай-Лама, Богод—всевѣдущи и все знаютъ“.

на горы и ихъ вершины, становлюсь на ихъ курганы (обо), осѣняя ихъ крестнымъ знаменіемъ, пою что либо: «Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ, Ты еси Богъ, творяй чудеса» или «Богъ нашъ на небеси и на земли вся, елика восхоте, сотвори», или «Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его, яко исчезаетъ дымъ, да исчезнуть», или «Воскресни, Боже, суди земли, яко Ты наслѣдиши во всѣхъ языцѣхъ».

Молюсь, особенно на литургіи, объ обращеніи въ христіанскую вѣру православную всѣхъ монголовъ и всѣхъ тибетцевъ, среди которыхъ я призванъ жить и совершать священное и пренебесное служеніе и таинства. Молюсь также св. апостолу Андрею Первозванному, поставившему св. крестъ на Кіевскихъ горахъ съ молитвою: «да возсіяетъ и на сихъ горахъ ¹⁾ крестъ Христовъ и святыя храмы»... Также св. Григорію, просвѣтителю Арменіи, св. мученику Аверкію, епископу Іеропольскому, священно-мученику Милію, епископу Персидскому, молившимся объ обращеніи окружавшихъ ихъ язычниковъ.

Вотъ и все, что я дѣлаю.

Опытъ обращенія монголовъ въ православную вѣру дѣлалъ въ концѣ 60-хъ годовъ членъ Пекинской Духовной миссіи іеромонахъ Геронтій, проживая и служа въ Ургѣ, а по уходѣ его отсюда овцы новоизбраннаго стада его разсѣялись по горамъ и дебрямъ Монголіи и тамъ затерялись,—можетъ быть,—и для Христа.

Желанію Пекинской Православной миссіи открыть миссіонерскіе станы въ восточной и южной части Монголіи я очень радуюсь и думаю, что если теперь мы не откроемъ активной миссіи по Монголіи, то не откроемъ никогда. Наше религіозное дѣло для Монголіи погибнетъ, какъ погибло наше политическое и религіозное вліяніе на Тибетъ. Хорошо было бы открыть миссіонерскіе станы не только на востокъ и югъ Монголіи, но и на юго-западъ—въ Ола-шанъ, гдѣ уже есть русскія торговыя фирмы, и въ Кобдо, и въ Улясутаѣ, т. е. на западъ Монголіи; всѣ эти пункты, какъ болѣе отдаленные отъ центра Монголіи, будутъ болѣе благодарны въ смыслѣ принятіи проповѣди, чѣмъ дѣятельность въ Ургѣ, центрѣ монгольскаго ламства. Но и Урга начала бы тогда дѣйствовать

¹⁾ т. е. и на горахъ монгольскихъ и тибетскихъ.

продуктивнѣе (надо показать примѣръ), а то теперь какъ что, такъ и слышишь отъ своихъ же русскихъ: «какъ бы ламъ не разсердить, вѣдь, они—сила въ Монголіи и могутъ возбуждать монголовъ противъ русскихъ,—дружественныя отношенія испортятся».

Нужно сказать, что ламы, при всей своей лицемѣрной любезности, очень фанатичны и подъ всякими предлогами стараются не допускать, особенно русскаго священника, въ свои храмы, во время моленій, осматривать идоловъ и пр. 8-го іюня пріѣхалъ сюда іеромонахъ Д—ъ, студентъ Владивостокскаго института, изучать монгольскій и тибетскій языки съ цѣлями религіознаго знакомства съ ламствомъ. Онъ искалъ помѣщенія въ монастырѣ Ганданѣ, но ламы подъ разными предлогами не допустили его тамъ жить, и о. Д—ъ, при помощи частныхъ русскихъ людей, нашелъ помѣщеніе въ монастырѣ внѣ Урги (въ пяти верстахъ), гдѣ и поселился, чтобы посѣщать ихъ храмы. Но въ учителя ему приставили такихъ ламъ, кои сами еле знаютъ что по монгольскому и тибетскому языкамъ. То же было и для меня: я за семь лѣтъ жизни въ Ургѣ не могъ найти учителя монгольскаго или тибетскаго языковъ. Монгольскій языкъ изучаю по двумъ Бобровниковымъ, Шмидту и Голстунскому, а тибетскій—по Шмидту и Цибикову. Изъ Петербурга никакъ не могъ получить Ведделя, — руководство новаго разговорнаго языка тибетцевъ.

Потомъ, мало-по-малу, и среди монголъ, видимо, явилось нѣкоторое уваженіе ко мнѣ, какъ къ русскому священнику: меня стали называть «да-лама или хамбо (лама), или йехе цаганъ да-лама», а не прежде употреблявшимся, именемъ, — «харь-лама» или просто «хара». что соответствуетъ нашему «послушникъ» или даже просто «богомолецъ»¹⁾. Такое названіе за нами оставалось, конечно, по желанію самихъ русскихъ, боявшихся называть своего пастыря іереемъ въ Монголіи среди язычниковъ. Оттого монголы и относились къ этимъ харь-ламамъ, харишкамъ пренебрежительно, даже презрительно. Я, нося священническую рясу и золотой крестъ и настоявъ при проѣздахъ моихъ именовать меня не хара-лама, а да-лама

¹⁾ Паломникъ; путешественникъ по свят. мѣстамъ; странствующій учитель.

или хамбо-лама или йехе-цаганъ-лама ¹⁾, за семь лѣтъ пребыванія здѣсь внушилъ монголамъ о себѣ другое понятіе, нежели они имѣли о прежнихъ священникахъ, а соотвѣтственно съ этимъ и другой взглядъ, другое отношеніе, нежели они имѣли къ прежнимъ священникамъ, именуемымъ хара-лама или хара».

Нельзя не отдать долга справедливости къ трудамъ русскаго батюшки, нельзя не признать, что имъ сдѣлано многое, чрезъ подвигъ благочестія, для просвѣщенія монголовъ. Нельзя не согласиться, что сказанное имъ о проповѣди христіанства вѣрно. Монголія, какъ собраніе теократическихъ княжествъ, представляетъ богатую почву для развитія ламаизма, адепты котораго питаются на счетъ темнаго народа и, надо сказать правду, хорошо питаются. Такіе крупныя центры, какъ Урга, представляютъ изъ себя собственно одинъ или собраніе нѣсколькихъ монастырей, и русское вліяніе (національное и религіозное) дѣлало всегда большую ошибку, начиная свое дѣло съ такихъ центровъ, гдѣ царятъ ламы, зорко слѣдящія, чтобы народъ, питающій ихъ, не отшатнулся отъ нихъ, не подпалъ бы вліянію другихъ нравственныхъ или матеріальныхъ силъ и, такимъ образомъ, не оставилъ бы ихъ голодать или добывать пропитаніе трудомъ. Но, вѣдь, кромѣ большихъ, такъ сказать, ламскихъ центровъ есть еще Монголія, есть многомилліонный народъ, зарабатывающій себѣ средства своими руками, своими стадами,—народъ хотя темный, но отзывчивый ко всему доброму, склонный вѣрить, подчиняющій всю жизнь своимъ требованіямъ религіи, не жалѣющій средствъ на жертвы и поддержаніе жизни многочисленнаго класса своихъ ламъ. Вотъ туда-то, въ эту глушь должно обратиться съ словомъ проповѣди,—и не только съ словомъ, но и съ жизнью; надо идти туда не въ одиночку, но братскимъ союзомъ иноковъ, надо устраивать скиты и монастыри и содержать строгій уставъ, что особенно нравится набожнымъ монголамъ. Успѣхъ не подлежитъ сомнѣнію, лишь бы жизнь наша среди нихъ дѣйствительно сіяла подвигомъ благочестія.

¹⁾ Да-лама, большой лама, протоіерей, благочинный; хамбо-лама, настоятель, архимандритъ йехе цаганъ да-лама, или йехе-цаганъ лама: великій бѣлый протоіерей или священникъ.

Если о миссіи среди китайцевъ можно сказать, что успѣхъ проповѣди прямо пропорціоналенъ затрачиваемому капиталу, то для Монголіи это правило, можетъ быть, окажется необязательнымъ. Затраты капитала на первое время, конечно, неизбѣжны, напр. на покупку земли подъ монастырь и пастбища, за то самая жизнь и добываніе себѣ насущнаго пропитанія среди степей будутъ гораздо проще, чѣмъ въ Китаѣ. Торгующіе почти по всей Монголіи русскіе купцы хорошо знаютъ обычаи страны и права владѣтельныхъ князей, чтобы помочь совѣтомъ новымъ поселенцамъ при покупкѣ земли и обзаведеніи хозяйствомъ. А, можетъ быть, среди кочевниковъ и самая жизнь миссіонеровъ приняла бы соотвѣтствующую форму—кочевую. Нужно молить Бога, чтобы послалъ людей и средства для устроенія опытовъ, которые непременно укажутъ правильный путь дѣлу проповѣди.

Сообщилъ Прот. Милій Чесфрановъ.

Добры́й почи́нь.

Нужно ли говорить о томъ, какъ далеко въ послѣдніе годы наша интеллигенція ушла отъ Церкви и Христа? Объ этомъ уже много было писано, и всякій, конечно, это хорошо знаетъ. Довольно будетъ здѣсь повторить слова одного нѣмецкаго богослова о современномъ обществѣ, все еще называющимъ себя христіанскимъ. «Наше время—говорить этотъ богословъ—желаетъ: 1) счастья безъ добродѣтели; 2) добродѣтели безъ Богопочтенія; 3) Богопочтенія безъ Богопросвѣщенія; 4) политики безъ нравственности; 5) нравственности безъ вѣры; 6) вѣры безъ откровенія; 7) откровенія безъ Церкви и 8) Церкви—безъ Св. Духа»... Да, къ сожалѣнію, нужно признать за фактъ, что наша интеллигенція какъ блудный приточный сынъ оставила домъ Отца своего и ушла жить *на страну далече!*

Но мы напрасно бы стали считать эту интеллигенцію уже совершенно потерянною для Христа и Церкви. Духъ Божій дышетъ, гдѣ хочетъ, и можетъ оживить мертвыя кости. Это оживленіе, повидимому, уже и начинается.

Чувствуется въявіе этого могущественнаго Духа и въ средѣ Богоотчужденной интеллигенціи. Нѣтъ-нѣтъ да и послышатся изъ этого враждебнаго Христу и Церкви стана такія рѣчи, какія пробуждаютъ надежду въ нашихъ сердцахъ—надежду на то, что и въ интеллигенціи пробудится скоро влеченіе къ христіанству. Въ этомъ отношеніи рефератъ, прочитанный профессоромъ Московскаго университета С. Н. Булгаковымъ 31 октября 1908 г. въ аудиторіи Политехническаго музея, является, можно сказать, отраднѣйшемъ знаменіемъ того поворота къ религіи вообще и къ христіанству въ частности, какаго давно уже ожидаетъ Церковь.

С. Н. Булгаковъ долгое время увлекался теоріей Маркса со всѣми ея антихристіанскими взглядами, но въ послѣднее время онъ совершенно отъ нея отрѣшился и сталъ искать утѣшенія въ религіи, въ христіанствѣ. Его рефератъ «о первохристіанствѣ» (что въ немъ было и чего въ немъ не было) ясно показываетъ, что онъ со всѣмъ пыломъ души снова притекъ къ дверямъ Церкви. Въ самомъ дѣлѣ, только искренне чувствующій величіе христіанства человѣкъ могъ съ такимъ одушевленіемъ доказывать полную независимость христіанства отъ всякихъ культурныхъ вліяній язычества, какъ это сдѣлалъ въ своемъ рефератѣ С. Н. Булгаковъ! Видно было, что онъ всѣмъ сердцемъ вошелъ въ жизнь первобытнаго христіанства и позналъ его божественное происхожденіе. Онъ съ увлеченіемъ говорилъ о первыхъ христіанахъ, которые побѣдили міръ силою своей личной вѣры, глубиною своего религіознаго чувства. Они жили, по убѣжденію референта, въ постоянномъ реальномъ общеніи съ Богомъ, чувствовали въ себѣ Бога и были проникнуты всегда радостью о Богѣ. Сущность же христіанства именно и состоитъ въ этой энергіи и искренности вѣры, въ полнотѣ и глубинѣ религіозныхъ личныхъ переживаній. Если мы захотимъ стать такими же, каковы были первые христіане, то должны такъ же, какъ они, сами лично «пережить» всѣ тѣ настроенія вѣры и любви ко Христу, какія отличали тѣхъ. А войти въ настроенія первенствующихъ христіанъ можно. Для этого нужно внимать въ творенія св. подвижниковъ христіанскихъ (аскетовъ), у которыхъ чрезвычайно много общаго съ первенствующими христіанами въ сферѣ внутренней религіозной жизни...

Рефератъ читался въ теченіе цѣлыхъ двухъ часовъ, но

публика слушала его съ неослабввающимъ интересомъ. Этотъ интересъ выразился и въ возраженіяхъ, какія сдѣланы были референту по окончаніи чтенія. Почти всѣ оппоненты заявили о томъ, что основная мысль реферата и ея подробности для нихъ въ высокой степени симпатичны, что они могутъ указать только на частные недочеты и увлеченія, какія допустилъ референтъ. Такъ г. *Рачинскій* указывалъ на то, что едва ли основательно проф. Булгаковъ объясняетъ силу вѣры первыхъ христіанъ ихъ эсхатологическими ожиданіями, т. е. ожиданіями мірового конца, который, по тогдашнему представленію, долженъ былъ наступить въ скоромъ времени. Если въ этомъ была главная сила христіанства, — говорилъ г. Рачинскій — то какъ объяснить то обстоятельство, что христіанство утвердилось во 2-мъ вѣкѣ, когда вѣра въ близость конца міра уже ослабѣла? При этомъ оппонентъ находилъ нужнымъ, чтобы въ рефератѣ было показано, чѣмъ же именно, какою новой идеею стало жить христіанство по утратѣ вѣры въ близкій конецъ міра... Князь *Е. Н. Трубецкой* съ своей стороны замѣтилъ референту, что эсхатологическія ожиданія не составляли принадлежности одной только перво-христіанской эпохи, а проходятъ, оживляясь въ извѣстныхъ эпохи, по всей исторіи христіанства. Да и результаты оживленія этого ожиданія бываютъ различны. Если въ первенствующей Церкви эсхатологія, какъ показалъ референтъ, вела за собою равнодушіе къ социальному вопросу, то въ позднѣйшее время, напр., въ эпоху реформаціи, христіане, ожидавшіе близкаго конца міра, съ оружіемъ въ рукахъ выступали на разрушеніе царства беззаконія... Одинъ изъ оппонентовъ, г. *Орловъ*, резонно также указалъ референту, что тотъ далеко не основательно отрицаетъ возможность существованія въ истинномъ христіанинѣ печальныхъ настроеній. Какъ всѣ слышали, референтъ въ своемъ докладѣ прямо отрицалъ даже христіанственность такихъ настроеній, приводя нѣкоторыя цитаты изъ Н. Завѣта и свято-отеческихъ твореній, гдѣ говорится, что въ христіанинѣ должны имѣть мѣсто только *радость* о Богѣ, что молитва печальнаго (кажется, это выраженіе Тертуліана) даже не доходитъ до Бога... Г. Орловъ, въ противоположность г. Булгакову, указалъ на то, что и христіанство признаетъ вполне естественнымъ явленіемъ печаль о грѣхахъ, и что молитвы кающихся всегда принимаются на небѣ...

Въ своихъ отвѣтахъ референтъ большею частію признавалъ справедливость ставившихся ему возраженій, но въ свое оправданіе указывалъ на то, что тема его реферата для своего надлежащаго раскрытія потребовала бы нѣсколькихъ томовъ, что онъ самъ ясно сознаетъ, что въ его докладѣ немало недоговоренности и неопредѣленности. Не такъ, однако, оказался онъ согласенъ съ извѣстнымъ декадентскимъ писателемъ и критикомъ г. Андреемъ Бѣлымъ (Бугаевъ). Въ своемъ «возраженіи» А. Бѣлый сначала хвалилъ референта за то, что онъ такъ высоко ставитъ «личное переживаніе» въ религіи. Этимъ референтъ, по мнѣнію А. Бѣлаго, широко растворяетъ дверь «творчеству человѣческому», которое всего выше въ жизни человѣка и общества. Но оппонентъ не достаточно ясно усвоилъ себѣ взглядъ проф. Булгакова на значеніе догматовъ въ дѣлѣ этихъ «личныхъ переживаній». Имѣютъ ли догматы «нормативное значеніе», обязательное для каждаго мыслящаго человѣка? Вѣдь, если смотрѣть на догматы не такъ строго, какъ обыкновенно дѣлается, то можно дать полный просторъ личнымъ переживаніямъ въ религіи, полную возможность каждому итти своимъ путемъ къ достиженію высшихъ идеаловъ, какимъ бы страннымъ этотъ путь ни казался. Оппонентъ съ особеннымъ увлеченіемъ говорилъ о томъ, что даже и тѣ философы, которые какъ Ницше идутъ *противъ* «догматическаго христіанства» и, повидимому, враждебны Церкви, могли бы въ такомъ случаѣ, при такомъ свободномъ возрѣніи на догматы, по прежнему считаться христіанами.

Предложеніе, какое скрывалось въ словахъ А. Бѣлаго, было нѣкотораго рода «искушеніемъ» для референта. Оппонентъ какъ будто давалъ понять проф. Булгакову, что, ставя себя въ число защитниковъ догматическаго христіанства, онъ этимъ самымъ, можно сказать, сжигаетъ зъ собою корабли, что отъ него въ такомъ случаѣ отшатнутся всѣ «интеллигенты», которые ни за что не согласятся признать догматы чѣмъ-то «нормативнымъ» для ихъ мышленія и жизни... Но референтъ, очевидно, уже серьезно обдумалъ послѣдствія своего выступленія въ качествѣ защитника подлиннаго христіанства и потому съ рѣшительностью заявилъ о своемъ несогласіи съ возрѣніями А. Бѣлаго. Догматы—говорилъ онъ—необходимы для насъ какъ охраняющія насъ на нашемъ пути вѣхи; безъ нихъ мы легко могли бы зайти въ болото и потонуть. Впрочемъ,—

прибавилъ референтъ—я держусь взгляда В. С. Соловьева на то, что и догматы въ извѣстномъ смыслѣ должны развиваться...

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе тѣхъ рѣчей, какія слышались въ Политехническомъ музеѣ, гдѣ обыкновенно, на лекціяхъ Народнаго Университета, слышатся рѣчи совершенно другого характера. Все это было удивительно: и составъ публики, гдѣ было около двухъ десятковъ духовныхъ лицъ и затѣмъ много молодежи и рабочихъ, и то вниманіе, съ какимъ слушатели относились ко всѣмъ рѣчамъ съ эстрады, и тотъ новый тонъ, какой слышался въ рѣчахъ свѣтскихъ людей, университетскихъ профессоровъ, и притомъ не старыхъ... Одинъ почтенный человѣкъ сказалъ намъ въ антрактѣ между лекціей и преніями: <ну, бывало ли что-нибудь подобное прежде, въ 70-е годы? Пошла ли бы тогда интеллигентная публика на чтеніе о христіанствѣ? Только одинъ Вл. Соловьевъ еще собиралъ полную аудиторію, когда читалъ объ антихриствѣ... А теперь, посмотрите—какой оборотъ, съ Божіей помощью!..>

Въ заключеніе мы съ своей стороны хотимъ высказать два-три замѣчанія по адресу референта. Намъ кажется, что онъ не совсѣмъ правъ былъ, утверждая, что первоначальное христіанство *только* и жило мыслью о близкомъ концѣ міра. Ап. Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ (гл. 11) ясно говоритъ, что христіанству еще предстоитъ <исторія>: дѣло въ томъ, что, по пророчествамъ, *весь* Израиль долженъ войти въ Церковь Христову, а это невозможно до тѣхъ поръ, пока сюда не войдетъ полное число язычниковъ. Между тѣмъ и то и другое требовало продолжительнаго времени, чего не могъ не понимать Апостолъ, видѣвшій, что іудеи не только не обращаются ко Христу, но становятся въ отношеніи къ Церкви въ положеніе прямо враждебное... И самыя заботы Апостола объ устроеніи Церкви были бы излишними, если бы онъ былъ увѣренъ, жилъ вѣрою въ то, что не нынче - завтра наступитъ конецъ міра. Это первое. Другое возраженіе. Кажется, проф. Булгаковъ слишкомъ преувеличилъ религіозность первыхъ христіанъ, побуждая всѣхъ насъ переживать именно тогдашнія христіанскія настроенія. На самомъ дѣлѣ, въ первенствующей Церкви, на ряду съ высокими проявленіями религіознаго одушевленія, нерѣдко замѣчался и упадокъ религіознаго духа: достаточно для убѣжденія въ этомъ прочесть хотя бы первое посланіе къ Коринѳянамъ...

Но самое важное, на что мы хотѣли бы обратить вниманіе референта, это — довольно значительная опасность, какую представляетъ избранный имъ путь религиозныхъ «переживаній». Нужно быть очень осторожнымъ, идя по этому пути, потому что тутъ дается большой просторъ развитію субъективизма. Доказательствъ этому, конечно, можно привести немало, но мы считаемъ полезнымъ указать на судьбу извѣстнаго германскаго богослова Dr. Иоганна Мюллера. Этотъ выдающійся по уму и литературнымъ способностямъ богословъ также, лѣтъ десять тому назадъ, вступилъ на путь «личныхъ переживаній» въ религіи и этимъ путемъ незамѣтно пришелъ почти къ полному разрыву съ своей евангелической Церковью. Въ послѣднемъ номерѣ своего журнала «Blätter zur Pflege persönlichen Lebens» (1908. н. 3) Мюллеръ говоритъ на запросъ одного своего читателя, что онъ собственно не врагъ Церкви, но что противъ его положеній идутъ внѣшнія учрежденія Церкви (церковное управленіе, синоды, конференціи, пресса, теологія). Церковь имѣетъ огромное воспитательное значеніе для человѣчества, доставляетъ удовлетвореніе его нравственнымъ потребностямъ и нравственную опору въ жизни. Но онъ понимаетъ здѣсь только такую Церковь, которая не идетъ ни на какіе «компромиссы», въ корнѣ подтачивающіе религиозную жизнь. Пусть каждый «переживаетъ» самъ Евангеліе и становится новымъ человѣкомъ, не слушая церковныхъ проповѣдниковъ, которые отдаляютъ наступленіе царства Божія тѣмъ, что успокаиваютъ людей, стремящихся къ этому царству со всею силою искавія... Мюллеръ съ особенною настойчивостью твердитъ, что Христосъ не основывалъ новой религіи, что всякая религія противодѣйствуетъ наступленію царства Божія, что Христосъ не ученіе принесъ съ Собою, а новый образъ жизни, что никакого обученія религіи не нужно — нужно только непосредственное переживаніе, и что нынѣшнее «личное» христіанство есть не иное что, какъ праведность книжниковъ и фарисеевъ въ христіанской формѣ. Въ концѣ концовъ Мюллеръ приходитъ къ утвержденію, что спасеніе возможно и *вне* христіанскихъ учреждений, имѣющихъ цѣлю спасеніе людей. Перифразируя извѣстное мѣсто изъ посланія къ Галатамъ о значеніи закона Моисеева въ дѣлѣ воспитанія ветхозавѣтнаго человѣчества, Мюллеръ говоритъ: «прежде чѣмъ пробудилось подлинное ощущеніе живого Бога, мы были охра-

няемы подѣ стражею Церкви для этого ощущенія, которое должно стать для насъ непосредственнымъ переживаніемъ. Такъ Церковь была дѣтководителемъ ко Христу, чтобы мы приобрѣли жизнь чрезъ подлинное ошущеніе Его существа. Но какъ скоро это ошущеніе стало нашимъ переживаніемъ, мы свободны отъ Церкви»...

Вотъ къ какимъ крайнимъ воззрѣніямъ на Церковь пришелъ человекъ, взявшій на себя миссію выяснитъ истинную сущность христіанства, человекъ всецѣло погружившійся въ личное переживаніе Евангелія! Мы не хотимъ сказать, что боимся за проф. Булгакова, рѣшившагося итти тою же дорогою, но во всякомъ случаѣ обязаны указать на примѣръ Dr. Мюллера другимъ, кто захотѣлъ бы послѣдовать примѣру проф. Булгакова, не имѣя его запаса жизненнаго опыта, обширной его эрудиціи и такого живого христіанскаго настроенія, какое имѣетъ онъ. *Quod licet Iovi, non licet bovi!* Недавно извѣстный нашъ писатель Л. Андреевъ сказалъ одному интервьюеру, что въ ближайшемъ будущемъ русская литература, несомнѣнно, представитъ собою обширную арену для борьбы идей, что, по его убѣжденію, литература наша будетъ обращать вниманіе *исключительно* на вопросы религіозно-философскаго сознанія (*Огонекъ* 1908 г. № 44). Хотѣлось бы, чтобы въ этой открывающейся борьбѣ за религіозно-философскія идеи наша интеллигенція, еще не порвавшая окончательно связи съ Церковію, болѣе держалась твердаго церковнаго сознанія, не плѣняясь тѣми субъективными мистическими перспективами, какія раскрываются передъ нею нѣкоторыми новѣйшими мыслителями, и осторожнѣ шла по пути личныхъ религіозныхъ «переживаній».

Н. Розановъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

При настоящей, Декабрьской, книжкѣ всѣмъ подписчикамъ разсылается бесплатное приложеніе:

РУССКІЕ СВЯТЫЕ.

В О З В А Н І Е

ОТЪ ОБЩЕСТВА ПРИЗРѢНІЯ СЛѢПЫХЪ.

Совѣтъ Общества призрѣнія слѣпыхъ покорнѣйше проситъ гг. благотворителей не оставить своимъ добрымъ вниманіемъ убожище слѣпыхъ мужчинъ, находящееся въ Москвѣ, у Серпуховской заставы, 2-ой Подольскій провъздъ, д. № 1.

Имѣя въ собственномъ зданіи мѣстъ на 58 человекъ, Обществу приходится, по причинѣ недостаточности средствъ, призрѣвать только 20 слѣпцовъ и отказывать многимъ несчастнымъ, нуждающимся въ пріютѣ.

Всякое пожертвованіе будетъ принято съ благодарностью.

Степендія при убожищѣ пріобрѣтается единовременнымъ взносомъ въ 2500 руб.

Пожертвованія принимаются въ канцеляріи совѣта отъ 11 час. утра до 2-хъ час. дня: Москва, Большая Полянка, д. № 7, кв. № 2 (Телефонъ № 76-01), у казначея Общества — К. А. Монаякова (Моск. Купеч. Банкъ) и при убожищѣ.

СОДЕРЖАНІЕ III ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1908 г.

СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ.

Стран.

1. ХРИСТИАНСКАЯ ЗАПОВѢДЬ О ЛЮБВИ—„НОВАЯ“ ЗАПОВѢДЬ. (Противъ Геккеля, Саладина и др.). Проф. А. Бронзова..... 8—16
2. АМЕРИКАНСКІЙ УЧЕНЫЙ—О ЛИТУРГІЯХЪ ГРЕЧЕСКОЙ И ЛАТИНСКОЙ ЦЕРКВИ. С. М. Э..... 17—32
3. ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ. XIII. Проповѣдь съ креста. (О значеніи скорбей въ жизни). Свящ. Іоанна Утѣхина..... 33—35
4. ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ. Будь въ маломъ вѣрнѣ. Свящ. Н. Орлова..... 36—42
5. ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ. (Изъ дневника инока). А. І... 43—48
173—178 327—331 541—545
6. ПИСЬМА ПРЕОСВЯЩЕННАГО ТЕОФАНА ЗАТВОРНИКА КЪ Н. И. К..... 49—53
179—184 376—378
7. УЧЕНІЕ АПОСТОЛОВАВЪ ПАВЛА И ІАКОВА ОБЪ ОПРАВДАНИИ. С. Звѣринскаго..... 54—69
8. ВЪ ПЕРЕЯСЛАВЛѢ (ПЕРЕСЛАВЛѢ) ЗАЛѢССКОМЪ. Странника..... 70—86
9. КАКЪ ДОЛЖНО МОЛИТЬСЯ. Свящ. Георгія Раевского..... 87—96
10. ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНОЙ МУРОНОСИЦЫ МАРІИ МАГДАЛИНЫ. Евстаѳіа Воронца..... 97—116
11. ФИЛОСОФІЯ ГОЛОДА (Леонидъ Андреевъ. „Царь Голодъ“). Свящ. Н. А. Колосова..... 117—135
12. ПАМЯТИ А. П. ЛЕБЕДЕВА. Н. Кудрявцева..... 136—138
13. ИЗЪ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II. (Дѣтскія впечатлѣнія). Свящ. М. Ойвейскаго..... 139—145
14. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Фридрихъ Деличъ и христіанство. Н. Розанова. — Свящ. І. Виноградовъ. Основы христіанской религіи и православное вѣроученіе..... 146—201
15. УЧЕНІЕ СВ. ПИСАНІЯ О КОНЦИНѢ МІРА И ПРЕДПОЛОЖЕНІЕ НОВѢЙШИХЪ УЧЕНЫХЪ О ЗАПУСТѢНІИ ИЛИ ЖЕ РАЗРУШЕНІИ ЗЕМЛИ И ОКРУЖАЮЩИХЪ ЕЕ НЕБЕСНЫХЪ ТѢЛЪ. С. Г—ова..... 153—172
810—826 546—572
16. ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ. XIV. Своєю позорною жизнію мы—христіане — позоримъ свою христіанскую вѣру. Свящ. Іоанна Утѣхина..... 185—190
17. ВЪ НИКОЛАЕВСКОМЪ ПЕРЕРВИНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ (Путевыя впечатлѣнія). Павла Россіева..... 191—202
18. РЕЛИГИОЗНЫЙ ПОДЪЕМЪ. С. М. Э..... 203—220
19. ТОЛПА. Павла Россіева..... 221—232
20. ПИСЬМА О. АМВРОСІЯ къ помѣщику И. Сообщено изъ Оптиной пустыни..... 233—242
21. ИЗЪ УРОКОВЪ ПО ГОМИЛЕТИКѢ. Н. Дмитревскаго..... 243—261
366—375
22. ВѢРА ВЪ БОГА. Свящ. Георгія Раевского..... 262—274

23. ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА А. П. ЛЕБЕДЕВА. 1) Рѣчь профессора А. А. Спасскаго, сказанная при гробѣ А. П. Лебедева послѣ чтенія Евангелія. 2) Рѣчь профессора А. И. Покровскаго, сказанная на могилѣ А. П. Лебедева. (Съ приложеніемъ портрета)..... 275—280
24. НОВАЯ РЕЛИГІЯ МАКСИМА ГОРЬКАГО. Свящ. Н. Колосова..... 281—303
25. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Изъ исторіи семинарскаго быта. Н. Розанова..... 304—308
26. ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ. XV. „Кузминки“ (1-го ноября). XVI. Храмъ Божій — лучший нашъ наставникъ. Свящ. Іоанна Утѣхина..... 332—342
27. МОСКОВСКІЙ НЕКРОПОЛЬ. Изданіе Великаго Князя Николая Михайловича. Ан. Титова..... 343—355
28. ДЕНЬ ВЪ ВЫДУБИЦКОМЪ МОНАСТЫРѢ. (Изъ путевыхъ записокъ). Павла Россіева..... 356—365
29. ПОПЕЧЕНІЕ О БѢДНЫХЪ ВЪ ДРЕВНЕМЪ ХРИСТИАНСТВѢ. Прот. Н. Добронравова.... 379—396
474—500
30. ТЕЛЕПАТИЧЕСКІЯ ЯВЛЕНІЯ И БУДУЩАЯ ЖИЗНЬ. Н. М. 397—422
591—604
31. УРОКИ ХРИСТИАНСКАГО ДѢЛАНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПАТЕРИКА ПЕЧЕРСКАГО. (Къ 19-му Ноября—дню памяти преподобнаго отца нашего Варлаама Печерскаго). А. З.... 423—426
32. НѢКОТОРЫЕ ТИПЫ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. Свящ. Н. Колосова..... 427—443
33. ОЧЕРКИ ПО ХРИСТИАНСКОЙ АПОЛОГЕТИКѢ. С. М. О. 444—453
509—518
34. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Юморъ митрополита Филарета Московскаго. Сообщилъ С. И. С.—А. В. Сеньо—Законъ Ментализма. Ментализмъ, ежемѣсячный журналъ. П. Никольскаго..... 454—460
35. ПРОСТЫЯ БЕСѢДЫ. XVII. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Свящ. Іоанна Утѣхина..... 461—468
36. У КОЛОДЦА ПРЕПОДОБНАГО САВВЫ. (Памятникъ пятисотлѣтія со дня преставленія преподобнаго Саввы Сторожевскаго, къ 3 Дек.). Священника Сергія Страхова... 469—473
37. Св. СПИРИДОНЪ, ЕПИСКОПЪ ТРИМИФУНТСКІЙ. (Къ 12 Дек.). Свящ. Георгія Раевскаго..... 502—508
38. БЪЛЕВЪ И ОПТИНА. (Замѣтки путешественника). А. З... 519—534
39. ЕВАНГЕЛЬСКОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ ОБЪ ИСПЪЛЕНІИ ГОСПОДОМЪ НАШИМЪ ІИСУСОМЪ ХРИСТОМЪ ІЕРИХОНСКАГО СЛѢЩА. Протоіерея Сергія Модестова..... 535—540
40. ПИСЬМА О. АМВРОСІЯ. Сообщено изъ Оптиной пустыни..... 573—578
41. ДРЕВНЯЯ ЧАСОВНЯ. Павла Россіева..... 579—590
42. ВЮЛЕЕВСКАЯ ЗВѢЗДА. И. Котова..... 605—609
43. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Къ проповѣди христіанства въ Монголіи. Сообщилъ Прот. Милій Чефрановъ.—Добрый почивъ. Н. Розанова..... 610—621
- ОТЪ РЕДАКЦИИ. ВОЗЗВАНІЯ. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученія изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всемъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнью коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учреждений при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорнیه преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще необнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всеми приложеніями 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ А. Пюнтковскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

НА 1909 ГОДЪ

(ПЯТИДЕСЯТЫЙ)

„Труды Кіевской Духовной Академіи“.

Цѣна за годовое изданіе 7 р., за границу 8 р. Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 листовъ.

Въ немъ печатаются статьи по всемъ отраслямъ наукъ, пре-

подаваемыхъ въ Духовной Академіи, по предметамъ общезначимательныя и по изложенію доступныя большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима, блаж. Августина и Тертулліана, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ: „Библіотека твореній свв. отцевъ и учителей церкви западныхъ“.

Указомъ Св. Синода отъ 3/29 февр. 1884 г. подписка какъ на „Труды“, такъ и на „Библіотеку твореній свв. отцевъ и учителей церкви западныхъ“ рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей. Для ознакомленія съ прошлымъ журнала можетъ служить „Систематическій указатель статей, помѣщенныхъ въ Труд. Кіев. Дух. Акад.“ за 45 лѣтъ его существованія (1860—1904); какъ этотъ указатель, такъ и каталогъ книгъ, имѣющихся въ складѣ редакціи для продажи, высылаются по первому требованію.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1909 годъ

(пятый годъ изданія)

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей

„СЕМЬЯ и ШКОЛА“.

Журналъ предназначается преимущественно для дѣтей средняго возраста (10 — 12 лѣтъ), которымъ еще мало доступны существующіе у насъ журналы болѣе старшаго возраста. При этомъ „Семья и Школа“ ставитъ своей задачей одинаково примѣняться какъ къ интересамъ дѣтей, учащихся въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и къ пониманію учениковъ начальной народной школы. „Семья и Школа“ состоитъ изъ 12 ежемѣсячныхъ книжекъ журнала и 6 отдѣльныхъ книжекъ „Библіотеки Семьи и Школы“. Въ 1909 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ, какъ и предыдущіе годы, стараясь лишь разнообразить и расширить ее. Попрежнему „Семья и Школа“ не обѣщаетъ своимъ подписчикамъ никакихъ премій, ни такъ наз. бесплатныхъ приложеній, полагая, что задачей дѣтскаго журнала является не игрушка, какъ бы занимательна ни была она сама по себѣ для дѣтей, а тщательное составленіе самыхъ книжекъ журнала, и доставленіе дѣтямъ хорошаго чтенія, могущаго вліять на нихъ умственное, нравственное, а также и эстетическое развитіе. Имѣя въ виду распространеніе журнала въ школахъ, каждая книжка „Семьи и Школы“ попрежнему будетъ составляться такимъ образомъ, чтобы ее легко было, при желаніи, раздѣлить на части, и большія произведенія, печатавшіяся въ нѣсколькихъ номерахъ, можно было бы въ концѣ года перепести въ одну книгу. Подписная цѣна за 12 книжекъ „Семьи и Школы“ и за 6 книжекъ „Библіотеки Семьи и Школы“: съ доставкой и пересылкой 3 руб. въ годъ. Безъ доставки въ Москвѣ. 2 руб. 50 коп. За границу 5 рублей. Подписка на полгода 1 р. 50 к.

(принимается исключительно в редакцию). Подписка без доставок принимается в Москвѣ: въ редакціи, въ конторѣ Н. Печковской и въ книжныхъ магазинахъ „Трудъ“ и Н. Карбасникова. Пробный номеръ журнала высылается изъ редакціи за три семикопеечныя марки; подробный проспектъ бесплатно. Иногородные подписчики могутъ обращаться прямо въ редакцію журнала „Семья и Школа“: Москва, Гончарная ул., домъ № 17.

Редакторъ-издатель **Вл. Львовъ.**

XXXIII ГОДЪ ИЗДАНИЯ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО •

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-ГО НОЯБРЯ 1908 Г. — ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

МЛАДШАГО ВОЗРАСТА
Г. ГОДОВОЕ ПОДПИСЧИКЪМЪ ЖУРНАЛА „З. С.“ ДЛЯ ДѢТЕЙ (ОТЪ 5 ДО 9 ЛѢТЪ) ПОЛУЧАТЬ

52 №№ И 42 ПРЕМИИ.

ВЪ ЧИСЛѢ ПОСЛАНИЙ: БОЛЬШАЯ СТѢННАЯ КАРТИНА „ДРУЗЬЯ-СИРОТИНЪ“ 12 КОМЪЛЬ ИГРЪ И ЗАНЯТІЙ НА РАСП. Д. ЧЕРКОВ. „ДАРСКИЙ ГНѢВЪ“ 12 вып. „МАЛЕНЬКИЙ РУССКИЙ ИСТОРИКЪ“ 6 вып. „БИБЛИОТЕКА МАЛЕНЬКАГО ЧИТАТЕЛЯ“ 12 вып. „ЖУРНАЛА МУР-ЗНАНИ“ и мн. др.

СТАРШАГО ВОЗРАСТА
Г. ГОДОВОЕ ПОДПИСЧИКЪМЪ ЖУРНАЛА „З. С.“ ДЛЯ ДѢТЕЙ (ОТЪ 9 ДО 14 ЛѢТЪ) ПОЛУЧАТЬ

52 №№ И 38 ПРЕМИЙ.

ВЪ ЧИСЛѢ ПОСЛАНИЙ: АНДРЕЕВЪНЪ, КАРТИНУ — „СТРАНИЦА ИСТОРИИ“ историческ. повѣст. А. А. Черков. „ДАРСКИЙ ГНѢВЪ“ съ илл.; худ. илл. „ЖУКОВСКИЙ ВЪ ИЛЛЮСТРАЦИОНЪ“ 12 илл. австр. илл. ПОВѢСТЕЙ „РАЗСКАЗОВЪ“ И ПЬЕСЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА. „МАЛЕНЬКАРЪ“ съ иллюстр. книж. и мн. др.

Кромѣ того, при каждомъ издавкѣ братаъ высылается „ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“ и „ДѢТСКАЯ МОДА“.
ПОДПИСКА ЦѢНА КАЖДОМУ ИЗДАВКЪ „ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА“, со всеми обязательными преміями и приложеніями, съ доставкой в. перевозкой, — за годъ **ПЯТЬСОТЪ РУБЛЕЙ.**
Допускается расрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февралю и 3) къ 1 мая — по **2 руб.**
Съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаться: въ контору „ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА“, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Волъфъ — **МОСКВА:** 1) Кузнецкій мостъ, 19, или 2) Моховая ул., 52.

ЗА ГОДЪ — 6 РУБЛЕЙ, РАСРОЧКА — ПО 2 РУБЛЯ.

XXXIII ГОДЪ ИЗДАНИЯ

Е Ж Е М Ъ С Я Ч Н О Е И З Д А Н И Е

„БОЖІЯ НИВА“

Троицкій собесѣдникъ для православной школы и семьи
въ 1909 году (восьмой годъ изданія)

съ Божіей помощью будетъ продолжаться по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прежде.

„БОЖІЯ НИВА“ имѣетъ цѣлю оказывать нравственную поддержку всѣмъ, кто трудится въ великомъ дѣлѣ воспитанія дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія и указывать тѣ пути и средства, коими возблывается добрая по природѣ своей нива дѣтскаго сердца. Теплое сочувствіе къ нашему скромному изданію даетъ намъ увѣренность, что руководители подростостающаго поколѣнія находятъ въ немъ то, что такъ благопотребно для нихъ особенно въ наше время, время всякихъ тлетворныхъ вѣяній не только въ области воспитанія, но и вообще въ религиозной жизни современнаго общества.

Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ изданіе одобрено для выписки въ бібліотеки народныхъ школъ. Всероссийскимъ миссіонерскимъ съездомъ „Божія Нива“ включена въ число изданій, желательныхъ для миссіонеровъ. Епархіальные Училищные Совѣты могутъ вносить „Божію Ниву“ въ списокъ изданій, требуемыхъ ими изъ Училищнаго при Св. Синодѣ Совѣта за счетъ суммъ, ассигнуемыхъ на школьныя бібліотеки.

Въ составъ программы сего изданія входятъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Церковь и школа. II. Семья и школа. III. Школа и народная жизнь. IV. Школа, какъ воспитательница эстетическаго чувства. V. Поесьвы и восходы: мѣтопись церковныхъ школъ. VI. Переписка нашихъ читателей. VII. Нашъ дневникъ. Приложение: «Зернышки Божіей Нивы». Троицкое чтеніе для дѣтей. (12 №№ въ годъ).

Сроки выхода—12 разъ въ годъ.

Годовая подписка съ приложеніями ОДИНЪ РУБЛЬ съ пер.

Подписка на текущій годъ продолжается. Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе №№ съ приложеніями. Подписка принимается только въ Редакціи. Желающіе подписываться чрезъ книжные магазины должны предупреждать о доставкѣ полной подписной стоимости журнала (1 руб.). Комиссіонная скидка не допускается.

Подписка на полгода и на отдѣльные мѣсяцы не принимается.

Первые семь томов **БОЖІЕЙ НИВЫ** можно получать безъ приложений по 50 к.; въ папкѣ по 75 к. и въ коленкоровомъ переплетѣ по 1 р. 25 к. каждый томъ безъ пересылки. При выпискѣ одного или нѣсколькихъ томовъ „Божіей Нивы“, **Зернышки** могутъ высылаться по 3 коп. за экземпляръ. Пересылка же производится по почтовой таксѣ, смотря по вѣсу и разстоянію.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Московск. губ., Редакція „Божіей Нивы“.

О Т К Р Ы Т А П О Д П И С К А

на ежемѣсячный духовный журналъ

„Наставленія и Утѣшенія св. вѣры христіанской“

на 1909 годъ.

П Р О Г Р А М М А

духовнаго журнала „Наставленія и Утѣшенія св. вѣры христіанской“.

1) Выписки изъ твореній св. отцовъ церкви и изъ произведеній благочестивыхъ писателей позднѣйшаго времени, вызываемыя современными потребностями, по изданіямъ въ разныхъ духовныхъ журналахъ, бывшихъ уже въ разсмотрѣніи духовной цензуры.

2) Выписки изъ богослужебныхъ молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній въ славянскомъ текстѣ съ прибавленіемъ русскаго перевода, если таковой окажется въ духовныхъ изданіяхъ, одобренныхъ цензурою (какъ, напр., въ трудахъ профессора СПб. Академіи Ловягина, въ журналѣ „Душеполезное Чтеніе“ и т. п.) и въ трудахъ русскихъ поэтовъ.

3) Бесѣды, поученія, слова и рѣчи извѣстныхъ проповѣдниковъ.

4) Назидательныя сказанія изъ житій свят. мужей и жепъ.

5) Сказанія о проявленіи благодатной силы Божіей въ разнаго рода исцѣленіяхъ, извлекаемыя изъ оглашаемыхъ въ печати извѣстій.

6) Описание праздниковъ и обрядовъ, совершаемыхъ во славу Господа и Святыхъ Его.

7) Описанія и повѣствованія изъ церковно-исторической жизни Аѳона и Православнаго Востока.

Изданіе будетъ выходить **одинъ разъ въ мѣсяцъ**, въ объемѣ 3 печатныхъ листовъ.

Цѣна на годъ **ОДИНЪ рубль** съ доставкою городскимъ подписчикамъ и съ пересылкою иногороднимъ.

Подписку на изданіе просятъ адресовать: **въ гор. Одессу, на Подворье Андреевскаго Снита, Рыбная ул., д. № 58.**

Съ требованіями по дѣламъ редакціи просятъ обращаться по адресу: **Одесса, Одесскій Кадетскій Корпусъ.**

Редакторъ, **Протоіерей Сергій Петровскій.**

Открыта подписка на 1909 год на журнал церковно-общественной жизни, науки и литературы

„ХРИСТИАНИНЪ“.

3-й годъ изданія.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Жизнь во Христѣ. Статьи по вопросамъ живой религиозной жизни, религиознаго опыта и самопознанія. II. Церковно-общественный. Статьи и изслѣдованія по всемъ вопросамъ, волнующимъ современное духовное и свѣтское общество. III. Научный. Изслѣдованія и статьи по богословскимъ наукамъ, философіи, психологіи, общественнымъ и естественнымъ наукамъ. IV. Критическій отдѣлъ. Оцѣнка съ христіанской точки зрѣнія художественныхъ произведеній современной свѣтской литературы. V. Церковно-бытовая жизнь. Разсказы изъ церковно-бытовой и религиозно-нравственной жизни. VI. Реформа приходской жизни. Статьи и изслѣдованія по вопросамъ устройства нашей приходской жизни среди новыхъ условій ея существованія въ государствѣ. VII. Блестни. Назидательныя размышленія, мудрыя изреченія древнихъ подвижниковъ, христіанскихъ писателей, философовъ. VIII. Лѣтопись церковно-общественной жизни въ Россіи, на православномъ Востоку, въ Славянскихъ земляхъ и на Западѣ. IX. Старообрядчество и сектанство. Обзоръ ихъ жизни и дѣятельности въ настоящее время, среди новыхъ условій жизни. X. Почтовый ящикъ. Идеиный обменъ мыслями, думами и чувствами съ своими читателями. XI. Хроника академической жизни. Обзоръ всѣхъ выдающихся событій духовной школы. XII. Среди газетъ и журналовъ. Обзоръ современной печати по всемъ вопросамъ, сопряженнымъ съ религіей. XIII. Новости богословской литературы. Критическіе очерки и отзывы о выдающихся книгахъ и статьяхъ духовнаго содержания какъ русской, такъ и иностранной литературы. XIV. Переводы и изданія. XV. Указатель вновь вышедшихъ книгъ и брошюръ духовнаго содержанія. XVI. Объявленія.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книгами, не менѣе 12 печатныхъ листовъ каждый, на хорошей бумагѣ, по временамъ съ иллюстраціями, при дѣятельномъ участіи извѣстныхъ литературныхъ и научныхъ силъ, выдающихся церковно-общественныхъ дѣятелей.

Вниманію сотрудниковъ: Статьи, посылаемыя авторами въ Редакцію, должны быть переписаны четко на одной сторонѣ листа. Рукописи возвращаются, если приложены марки на возвратъ. Незатребованныя рукописи хранятся въ теченіе полугода и затѣмъ уничтожаются. Гонораръ за статьи—по выработаннымъ Редакціей правиламъ, по напечатаніи статьи.

ПРИЛОЖЕНІЯ БЪ ЖУРНАЛУ: I. Церковь и социаль-демократія. (Переводъ съ нѣмецкаго). Георга Либстера. II. Внутренняя миссія. (Переводъ съ нѣмецкаго). Теодора Шефера. III. Проповѣди. Т. I. Епископа Евдокима.

6 книжекъ по различнымъ вопросамъ современной церковно-общественной жизни.

12 книжекъ подъ названіемъ: „Маленькій христіанинъ“. Журналъ для дѣтей. При отдѣльной подпискѣ 1 руб. въ годъ.

24 листка религиозно-нравственнаго содержанія.

Будутъ разсылааться за мѣсяць впередъ до произнесенія въ храмѣ.

Условія подписки: На годъ 5 рублей, на полгода 3 рубля съ доставкой и пересылкой въ Россію; безъ приложеній 4 рубля; за границу: на годъ

8 руб., на полгода — 4 руб. Отдельныя книжки журнала по 75 коп. съ перес.; наложеннымъ платежомъ на 10 коп. дороже. При выпискѣ не менѣе десяти экземпляровъ—11-й высылается безплатно.

Книгопродавцы удерживаютъ изъ подписной цѣны 5%.

Разсрочка допускается для духовенства и учащаго персонала, прочимъ— по соглашенію.

Адресъ редакціи: Сергіевъ-Посадъ, Московск. губ. Редакція журнала „Христіанинъ“.

Редакторъ-Издатель, Ректоръ Моск. Дух. Академіи, Епископъ Евдокимъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1909 годъ

на ежемѣсячный литературный журналъ

„ТРЕЗВЫЕ ВСХОДЫ“.

Второй годъ изданія.

Въ году бездорожья, всеобщей угнетенности и скучнаго однообразія сѣренькой жизни—зажигать вѣру въ потусторонніе идеалы, бороться за ясную, трезвую душу человека, звать къ побѣдѣ надъ сердцами людскими трезвости свѣтлой, лучезарной, которую понимаемъ, какъ трезвость мысли, трезвость чувства, трезвость настроенія и дѣла, ратовать за неканіе смысла и правды этой жизни—вотъ какія задачи ставятъ себѣ **Трезвые Выходы**.

Не скучными, сухими трактатами, а изящнымъ, выуклымъ разсказомъ, простой, но и въ простотѣ своей сильной статьей — вотъ чѣмъ **Трезвые Выходы** заслужить вашу любовь.

Трезвые Выходы — желанный другъ въ каждой семьѣ.

Трезвые Выходы откликаются на **всѣ** событія современной жизни.

Трезвые Выходы попрежнему удѣляютъ много мѣста острому и наиболѣвшему вопросу алкоголизма, указываютъ на болѣе жизненныя мѣры и средства, которыя могли бы быть приняты православнымъ духовенствомъ въ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ, слѣдятъ за всѣмъ, что говорится, пишется и дѣлается въ защиту трезвости у насъ въ Россіи и за границей.

Трезвые Выходы открываютъ свои страницы для обмѣна мнѣніями читателей рѣшительно по **всѣмъ** волнующимъ вопросамъ.

Трезвые Выходы, не обѣщая никакихъ приложеній, дадутъ въ годъ болѣе 1000 страницъ **интереснаго и содержательнаго чтенія**.

Въ **Трезвыхъ Выходахъ** участвуютъ выдающіяся литературныя силы.

Журналъ Трезвые Выходы за 1908 годъ весь распроданъ.

Подписная цѣна ОДИНЪ рубль съ пересылкой.

Выписывать: С.-Петербургъ, Петербургская сторона, Большая Зеленина, д. 41. Контора Редакціи журнала „Трезвые Выходы“.

Редакторы-издатели:

Протоіерей **В. П. Галкинъ.**

Священникъ **М. В. Галкинъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1909 годъ
на журналъ

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

издаваемый при С.-Петербургской Духовной Академіи.

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“—ежемѣсячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи. Помѣщаетъ а) статьи богословскія, философскія, историческія; б) обзоръ журналовъ и отзывы о книгахъ, в) годичный отчетъ о состояніи Академіи и журналы собраній ея Совѣта, г) въ 1909 г. будутъ печататься Лекціи † проф. В. В. Болотова по древней церковной исторіи.

Въ качествѣ приложенія редакція въ 1909 г. дастъ

Полное Собраніе Твореній: а) Св. Іоанна Златоуста и
б) преп. **Феодора Студита** въ русскомъ переводѣ.

Условія подписки:

а) Отдѣльно „Христианское Чтеніе“ пять руб., съ приложеніемъ одного тома „Златоуста или Ф. Студита“ 6 р. 50 к., въ переплетѣ 7 руб.

б) Вмѣстѣ съ ежемѣсячнымъ церковно-общественнымъ журналомъ „Церковный Вѣстникъ“ 8 рублей.

в) Вмѣстѣ съ „Церковнымъ Вѣстникомъ“ и 1-мъ томомъ **Феодора Студита** 9 руб.

За границей: за оба журнала 10 руб., съ приложеніемъ тома „Златоуста или Ф. Студита“—11 р. 50 к., въ переплетѣ 12 р.; за каждый журналъ отдѣльно 7 руб., съ приложеніемъ—9 руб.; въ переплетѣ 9 р. 50 к.

Иногородніе подписчики надписываютъ свои требованія такъ: Въ редакцію Христианскаго Чтенія и Церковнаго Вѣстника въ С.-Петербургѣ.

Редакторъ профессоръ *П. Смирновъ*.

III-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1909-й годъ

—) НА (—

„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“.

Ежемѣсячный иллюстрированный литературно-научный журналъ для всѣхъ подъ редакціей **А. В. Круглова**, при ближ. участіи въ дѣлахъ

редакціи **А. Н. Догановичъ**, при сотрудничествѣ извѣстныхъ писателей и ученыхъ. (Допущенъ въ ротн. бібліотеки военныхъ училищъ).

Программа журнала обычная для ежемѣсячныхъ изданій:

1. — Литературно-научный отдѣлъ (стихи, романы, повѣсти и пр. статьи по вопросамъ науки, искусства, литературы, этнографич. историческіе и др. очерки и пр.). 2.—Книжное обозрѣніе (статьи по литер. Критика. Обзоръ книгъ и журналовъ). 3.—Бесѣды (по текущ. вопросамъ жизни, этики, литерат. и политики). 4. — Очерки провинціальной жизни. — (Ежемѣс. обозрѣнія). — 5. — Изъ разныхъ краевъ. (Ежемѣс. письма изъ Петербурга. — Письма изъ разныхъ мѣстъ и изъ-за границы. — Корреспонд. „Дн. Писат.“). 6. — Научныя замѣтки. (Научн. новости и біогр. научн. дѣятелей). 7. — Обо всемъ и отовсюду. (По вопр. дня.— Изъ міра таинственнаго. — Въ обл. худож. творчества.— Въ обл. критич. мысли.— Въ царствѣ красокъ и звуковъ.—Театръ.— Сельск. хозяйство.—Въ кругу здоров. развлеченій. — Юморъ.—На поляхъ газетъ и журналовъ). 8. — Искры (Сатира и юморъ. Беллетр. стихи, фельетоны и карикатуры). 9.—Со стороны. Полемика.—10.—Ноты. 11.—Смѣсь. 12.—Почта „Дн. Писателя“. 13.—Объявленіе. Всѣ годовые подписчики (хотя бы и подп. въ разсрочку) получаютъ: 12 №№ (11-ть книгъ, такъ какъ іюль-августъ вылетѣть въ одной книгѣ, увеличеннаго объема) иллюстрированнаго журнала. 18 очерковъ, которые составятъ книгу „Подъ небомъ Палестины“, о. Михаила Пенъковскаго. (Очерки, со многими иллюстраціями,—будутъ приброшюровываться листами къ каждой книгѣ, имѣя особую, нумерацію. Съ первымъ листомъ будетъ даъ заглавный титулъ). Несмотря на существованіе многихъ книгъ о Палестинѣ, паломническіе очерки, предлаг. вниманію читателей, являются совсѣмъ не лишними и не повторными, а вносятъ свое въ описаніе св. мѣстъ Православнаго Востока, къ котор. стремится душа рус. народа. 4 книги-преміи, каждая въ отд. иллюстрирован. обложкѣ. Изъ этихъ книгъ: 1 книга подъ названіемъ „Другъ несчастнаго человечества“ проф. И. Т. Тарасова (жизнь и дѣятельность врача-идеалиста). 1 книга подъ названіемъ „Въ дали вѣковъ“ (Странички исторіи). Разн. авторовъ. 1 книга подъ названіемъ „Русская слава“. Очерки и этюды о герояхъ разн. авторовъ. 1 книга подъ названіемъ „На службѣ народу“. (Очерки) А. Н. Догановичъ, А. В. Круглова и др. 8 отдѣльныхъ картинъ, на мѣловой бумагѣ (на разные сюжеты). Кромѣ того всѣ подписавшіеся на 1909-й годъ до 20 дек. 1908 г. могутъ получить: бесплатно брошюру „Въ чемъ счастье?“ и за 1 р. 60 к. полный комплектъ „Дневн. Писателя“ за 1907 г. съ прем. „Дневникъ Писателя“ въ 1909 г. будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками отъ 6 до 9 печ. листовъ.

Подписная цѣна. Безъ доставки на годъ со всѣми преміями 3 руб. 60 к., на 6 мѣс. (безъ преміи) 2 р., на 3 мѣс. (безъ преміи) не принимается. Съ дст. и пер. по имперіи на годъ 4 р., на 6 мѣс. (безъ преміи) 2 р. 40 к., на 3 мѣс. (безъ преміи) 1 р. 50 к. (Подписавшіеся на годъ въ разсрочку получаютъ преміи какъ годовые). Допускается разсрочка при подпискѣ на годъ: 2 р. при подпискѣ, 2 р. къ 1-му марта. Подписывающіеся въ разсрочку предуѣдомляются, что недоплатившимъ второго взноса къ 1-му марта высылка мартовской книжки будетъ задержана до полученія взноса. За границу только на годъ: 6 р. 50 к. Для полковыхъ и ротныхъ бібліотекъ и вообще для

казенныхъ и общественныхъ учреждений и лицъ, подписывающихся черезъ гг. казначеевъ — разсрочка по соглашенію съ конторой. При этомъ на каждые 10 платныхъ экземпляровъ 1 экз. бесплатный. Магазинамъ и конторамъ, принимающимъ подписку, уступка 25 к. съ годового экземпляра, при внесеніи подписной суммы за годъ полностью. Всѣ выписывающіе „Дневникъ Писателя“ на 1909 г. и вмѣстѣ съ этимъ же „Дневникъ Писателя“ за 1907 г., — высылаютъ всего 6 р. 50 коп. Такою же уступкою пользуются подписывающіеся въ разсрочку: т.-е. дѣлая первый взносъ прибавляютъ къ нему за полн. комплектъ журнала 1907 г. только 2 р. 50 к., всего 4 р. 50 к. Послѣ 15 дек. можно выписывать оставшіеся экз. „Дн. Писат.“ за 1908 г. за 3 р. вмѣсто 3 р. 60 к. Отдѣльно книга „Въ разные годы“, рассказы А. В. Круглова, высылается подписчикамъ за 45 к. вмѣсто 75 к. Цѣна за объявленія: На облож. внутри (3-я стр.), за стран. 30 р., полстран. 15 р., четверть стр. 8 р. На листахъ передъ текстомъ: стран. 25 р., полстран. 13 р., четверть 7 р. Послѣ текста: стран. 15 р., полстран. 8 р., четверть 5 р. Издателямъ книгъ 40% уступки. Подписку, объявленія и вообще всю корреспонденцію для журнала адресовать: Москва, Тверская, д. гр. Олсуфьевой, контора журнала „Дневникъ Писателя“, издателю-редактору А. В. Круглову.

Редакторъ-Издатель **А. В. Кругловъ.**

ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЬ

„Д Ъ Я Т Е Л Ъ“

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СЛѢДУЮЩАЯ:

- 1) Правительственныя распоряженія.
- 2) Статьи литературнаго, экономическаго, гигиеническаго, педагогическаго и медицинскаго содержанія.
- 3) Повѣсти, рассказы, стихотворенія и другія статьи бытового, нравственнаго и историческаго содержанія.
- 4) Письма изъ провинціи.
- 5) Свѣдѣнія, полезныя въ жизни.
- 6) Изъ жизни и печати.
- 7) Свѣдѣнія о дѣятельности благотворительныхъ учреждений.
- 8) Борьба съ пьянствомъ въ Россіи и другихъ странахъ.
- 9) Свѣдѣнія о дѣятельности Обществъ трезвости въ Россіи и за границею.
- 10) Протоколы Казанскаго Общества Трезвости.
- 11) Критика и библиографія.
- 12) Объявленія.

Подписная цѣна за годъ 2 рубля. Полугодовая подписка не принимается, а съ приложеніемъ №№ газеты Русь Православная и Самодержавная за годъ 5 руб.

Журналъ за 1904 годъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министер. Народ. Просвѣщ. въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

Выписывающіе за 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1906 и 1907 годы платятъ 22 рубля и получаютъ всѣ изданія общества бесплатно.

Адресъ редакціи: Казань.

Редакторъ-издатель **А. Т. Соловьевъ.**

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ НАЧИНАЕТСЯ СЪ 15-го НОЯБРЯ СЕГО 1908 г.

Одобренный и рекомендованный Св. Синодомъ, Министр. Народн. Просв. и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній.

ПОДИСНАЯ	ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1909 г.	Ноты, даваемые за годъ журналомъ, стоятъ въ отдѣльной продажѣ около 75 руб.
ЦѢНА	на ежемѣсячный музыкальный журналъ	

4 р. „МУЗЫКА И ПѢНІЕ“

ВЪ ГОДЪ.

(XV ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВЪ ГОДЪ:

1. Около 200 страницъ текста. II. Больше 600 страницъ нотъ содержитъ болѣе 400 пьесъ. Эта часть (музыкальная) состоитъ изъ 4-хъ отдѣловъ: 1) Церковное, школьное и хоровое пѣніе. 2) Романсы на 1 и 2 голоса съ аккомп. фортепіано. 3) Фортепіан. соч. и нов. танцы. 4) Пьесы для скрипки, віолончели и др. инструм. домашнего оркестра.

Въ журналъ примутъ участіе гг. Гольцисонъ М. А., Гродзкій Б. В., Казаченко Г. А., Компанейскій Н. И., Курдюмовъ Ю. В., прот. Лисицынъ М. А., Молчановъ С. Н., Рыбаковъ С. Г. и мног. друг.

Изъ иностранной музыки въ журналъ помѣщается только все выдающееся. Кроме того въ 1909 году подписчики получаютъ:

БЕЗПЛАТНО Полную оперу для фортепіано Делиба Л. „ДЖАКМЭ“ съ подведеніемъ русскаго и итальянскаго текстовъ или популярнѣйшую оперетту для фортепіано Штрауса О.

„ВЪ ВИХРѢ ВАЛЬСА“ съ подведеніемъ русскаго и нѣмецкаго текстовъ, или одну изъ слѣдующихъ оперъ для фортепіано: Жизнь за Царя, Русланъ и Людмила, Фаустъ, Кармень, Аида, Гугеноты, Травиата, Тангейзеръ и Риголетто. Оперетокъ—Птички пѣвчія, Прекрасная Елена, Красное Солнышко, Корневильскіе Колокола Веселая и Вдова, Или полную оперу для пѣнія съ фортепіано Масканы П. „ДЕРЕВЕНСКАЯ (СЕЛЬСКАЯ) ЧЕСТЬ“ или одну изъ слѣдующихъ оперъ: Паяцы и Панъ Сотникъ или первую часть.

ШКОЛЫ ВЕРЮ для скрипки, стоящ. въ отдѣльной продажѣ 2 р. 50 к. Опера или оперетта по желанію можетъ быть замѣнена одною изъ слѣдующихъ духовныхъ премій: 1) „Всенощное бдѣніе“ Ведела А. 2) Сборникъ духовно-музыкальныхъ сочиненій старыхъ и новыхъ авторовъ. (Выпускъ I). 3) Сборникъ духовно-музыкальныхъ сочиненій старыхъ и новыхъ авторовъ. (Выпускъ II) и одинъ изъ выпусковъ Исторической Хрестоматіи, въ которую входятъ знаменитыя соч. Ведела, Дегтярева, Сарти и др. Нежелаемый отдѣлъ можно замѣнить по выб. однимъ изъ 100 альбомовъ музык. пьесъ и романсовъ или однимъ выпускомъ Исторической стоматіи.

въ годъ съ дост. и перес. по всей Россіи — 5 руб., за границу—6 р. Допуск. разср. по одному руб. Пробный номеръ 4 р. высыл. за 60 к. марк. Подробн. объясн. и списокъ альбомовъ 4 р. высылается БЕЗПЛАТНО.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала „Музыка и Пѣніе“ Сп.б., уголъ Вознесенскаго пр. и улицы Гоголя, № 10 (входъ съ Вознесенскаго).

Редакторъ М. А. Гольцисонъ.

Издательница В. С. Иванова.